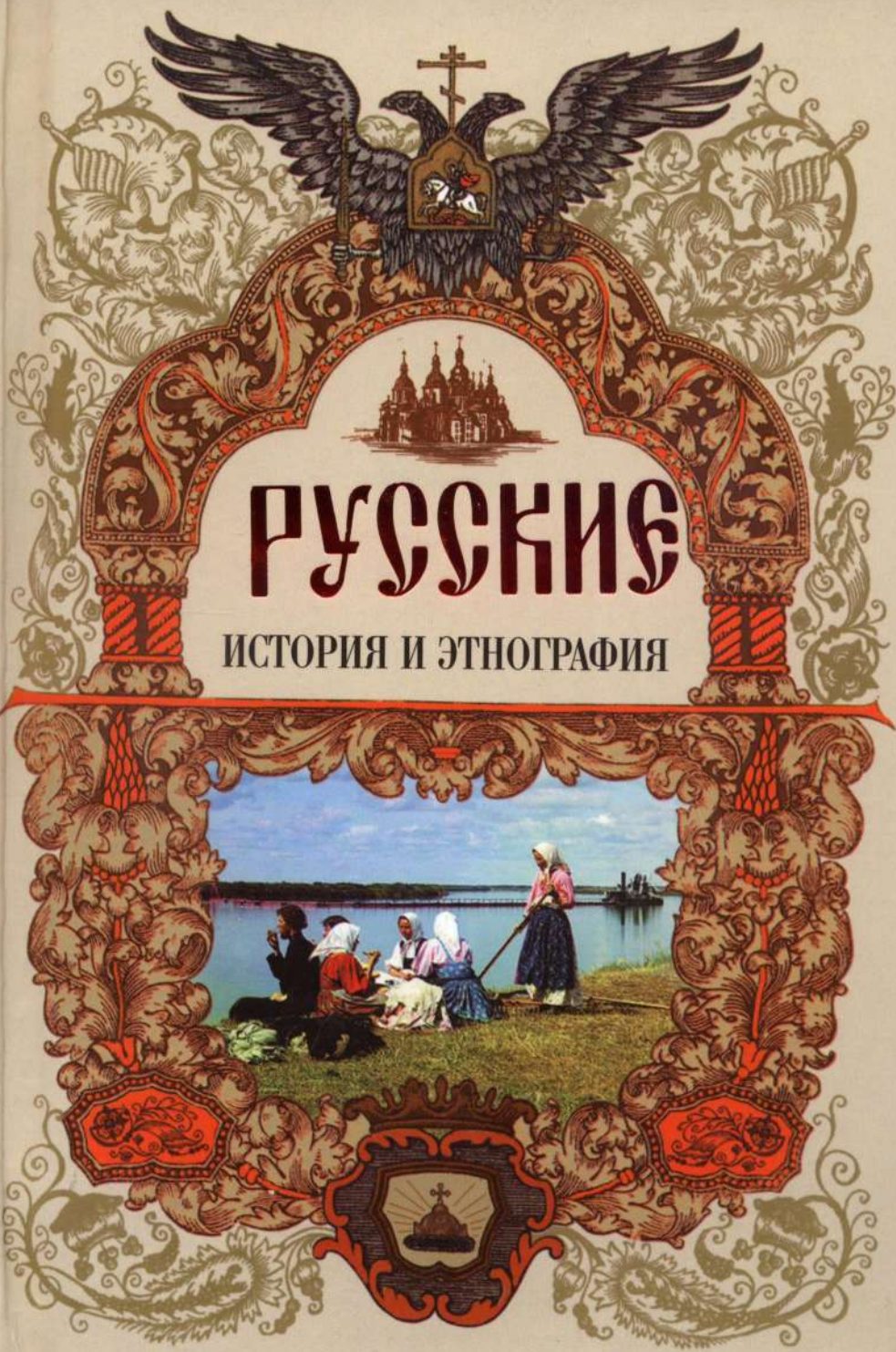

РУССКИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

РУССКИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

РУССКИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

МОСКВА

УДК 94(=161.1):39
ББК 63.5(2)
Р89

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Агентство «КРПА «Олимп».

Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и Р89 В.А. Тишкова. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 751,[1]с.

ISBN 978-5-17-052666-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-7390-2226-4 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

Как возник и что есть русский народ? В чем отличие русских от других народов? Какие особенности характера и быта помогли русским освоить огромные территории Евразийского материка и внести крупный вклад в развитие человеческой цивилизации? На эти и многие другие вопросы отвечает предлагаемая книга, в основу которой положена монография «Русские», подготовленная Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. Базирующаяся на уникальных материалах экспедиционных обследований и архивных изысканий, книга адресована не только специалистам, но и всем, кто интересуется культурой и историей русских. Прочтя ее, читатель получит обширнейшую информацию о расселении, быте, обычаях, религиозных верованиях и духовной культуре народа — с X века до наших дней.

УДК 94(=161.1):39
ББК 63.5(2)

© Коллектив авторов, 1997
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, редакционно-издательское оформление), 1992 (год основания), 1997
© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2008

ВВЕДЕНИЕ

Древнерусский летописец начинал свою «Повесть временных лет» словами: «...откуда есть пошла Русская земля, кто в Киве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». В поисках ответов на эти вопросы историческая мысль за последние 250 лет накопила, проанализировала и систематизировала огромный материал по истории Российского государства. Этнографы уже полтора века собирают разнообразные данные о жизни русского народа, все то, что отражает его материальную и духовную культуру. И тем не менее вопросы, поставленные автором «Повести временных лет», остаются, поскольку в них связаны два далеко не идентичных понятия — *народ* («откуда есть пошла Русская земля») и *государство* («кто в Киве нача первее княжити»). Действительно, каждый образованный читатель знает основные вехи истории государства и некоторые имена государственных деятелей, но значительно меньше людей имеют представления о многовековой жизни народа, его разных слоев, а еще меньше — о взаимосвязи между понятиями *народ* и *государство*.

Русский народ, крупнейший в современном славянском мире, прошел долгий и драматичный исторический путь. Русские начали складываться в этническое целое на обломках разрушенной войсками Батыя Древней Руси. Политические события в стране, озаренные пламенем пожарищ в годы внутренних усобиц, иноземных нашествий, череды войн, в большинстве случаев зависели от воли и намерений русских князей и самодержцев, ордынских ханов и правителей сопредельных государств. Но материальную основу жизни общества составлял труд русского народа, его инициатива и предприимчивость предопределили хозяйственные успехи

страны, ее прогресс в сфере культуры. Плоды этой деятельности часто оставались «за кадром» историко-политических событий, хотя именно они были ключевыми в процессе возникновения Российского (Русского) централизованного многоэтнического государства, в котором русский компонент играл ведущую роль. Русский земледелец, веками осваивавший обширную Восточно-Европейскую равнину, упрочивал на ней свою земледельческую культуру, вся совокупность которой составляла ту цивилизацию, которая обуславливала устойчивость государства и взаимодействовала с культурами народов, входивших в состав России.

Рассматривая истоки и историю Российского государства, прежде всего следует иметь в виду характерную для восточнославянских племен, а позднее и русского этноса особенность их судеб — освоение Восточно-Европейской равнины в ходе непрерывавшихся с XII в. миграционных передвижений. Расширение территории обитания имело не только политические последствия — большую протяженность и распахнутость границ складывавшегося феодального государства. В результате освоения разных природно-климатических зон Восточно-Европейской равнины происходили сложнейшие процессы развития самого народа.

По мере заселения Европейского Севера, Приуралья, Среднего Поволжья, южнорусских лесостепных и степных пространств, отдельных районов Северного Кавказа возникали серьезные этнические и историко-культурные явления. Русский земледелец, как правило, довольно быстро становясь численно доминирующим этническим элементом, на территории своего расселения приносил традиционную земледельческую культуру. В результате поселения русских рядом с новыми соседями складывалась своеобразная этническая «сетка» — расселение одного народа «налагалось» на расселение другого. Причем миграционные передвижения в силу хозяйственных, а иногда и политических причин никогда не оставались неизменными. Повседневные хозяйственные и бытовые связи неизбежно в большей или меньшей степени приводили к этническому взаимодействию. Важно также помнить, что издревле восточнославянская колонизация вовлекала в свое

течение местные племенные группы (по преимуществу балтов и финноязычные этносы). Эта особенность так или иначе сохранялась и позднее. В результате в разных регионах русские поселенцы приобретали ранее им не свойственные антропологические черты, и у них возникали местные языковые и культурные особенности. Новые природные условия диктовали переселенцам необходимость учитывать их в своей хозяйственной деятельности. Так появилось в отдельных районах и регионах своеобразие в способах ведения хозяйства и в элементах материальной культуры, обеспечивавшей процесс производства. Наконец, взаимосвязь между соседствующими народами накладывала свой отпечаток на их духовную культуру, прежде всего на народные верования и знания, фольклор, обычаи и обряды. В ходе расселения русского народа образовывались его отдельные историко-культурные группы, в каждой из которых при сохранении общих черт материальной и духовной культуры прослеживались свои особенности этнического и культурного свойства.

При всем многообразии культурного наследия русского народа и постоянном взаимодействии с культурами других народов России сложилось своего рода ядро русской культуры и идентичности русских. Важнейшими составляющими этого ядра являются народные традиции хозяйствования и организации социальной жизни, духовно-нравственные ценности, воплощенные прежде всего в византийско-православной христианской традиции и в русском языке, а также осознание общей истории со всеми ее драмами и достижениями. Через эти скрепы передается из поколения в поколение русское самосознание, и одним из механизмов утверждения русской идентичности является изучение и освоение истории, культуры и традиций народа. Веками это делалось через семейное и общественное воспитание, личный трудовой опыт, устную традицию и летописно-литературные тексты. В новейшее время, когда многое в традиционной культуре исчезло, историко-этнографические труды становятся особо значимыми, ибо они содержат в себе уникальное и часто – просто забытое знание.

Подготовившие данный труд ученые поставили перед собой задачу раскрыть процесс многовекового развития русского народа и его традиционной культуры с ее общими и региональными чертами. За этим стоят многолетние этнографические экспедиции во многие регионы страны, тщательные архивные изыскания и индивидуальные исследования, которые выполняются в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук.

Книга подготовлена сотрудниками Отдела этнологии русского народа ИЭА РАН. Авторы глав: *первой* — В.А. Александров, И.В. Власова, Т.В. Таболина; *второй* — И.В. Власова, В.А. Тишков; *третьей* — И.В. Власова, В.А. Александров; *четвертой* — Л.Н. Чижикова, О.Р. Будина; *пятой* — М.Н. Шмелева; *шестой* — В.А. Липинская; *седьмой* — И.В. Власова, М.Н. Шмелев, Т.С. Макашина, Т.А. Листова, И.А. Кремлева; *восьмой* — Н.С. Полищук, Л.А. Тульцева; *девятой* — М.М. Громыко, С.И. Дмитриева; *десятой* — С.Б. Рождественская.

В книге использован иллюстративный материал, преимущественно из архива ИЭА РАН и личных архивов авторов. Рисунки выполнены Г.В. Шолоховой и С.А. Иниковой, большинство фотографий — С.Н. Ивановым, часть их — С.А. Иниковой. К печати иллюстративный материал подготовили и провели техническую работу по книге И.В. Власова, Н.С. Полищук, А.В. Фролова. Библиография работ, упоминаемых в тексте, подготовлена И.В. Власовой и Н.С. Полищук.

Карты в цветной вклейке — из атласа «Русские: историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда». (Середина XIX — начало XX века). М., 1967.

И.В. Власова, В.А. Тишков

Глава первая РУССКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В истории любого народа первостепенное значение имеет его расселение, т.е. историко-этническая территория, на которой он существовал и существует. Местоположение, географическая среда, ее ресурсы, природные и климатические особенности в огромной степени определяют размещение населения и его основные хозяйственные занятия. Развитие и состояние отраслей народного хозяйства на отдельных этапах истории народа зависят от интенсивности хозяйственного освоения территории и использования ее ресурсов. В зависимости от географической среды развивается материальная культура народа, а от характера его общественного устройства — культура духовная.

Образование и развитие русского народа находятся в тесной связи с вековым расширением его историко-этнической территории, на очертания которой огромное влияние оказывали также геополитические катаклизмы, например, частичный распад исторического российского государства в начале и в конце XX века.

Начало русской истории (X—XIV вв.)

История русского народа началась с эпохи Древнерусского государства — Киевской Руси, — занимавшего большую часть Восточно-Европейской равнины. Возникшее в IX в. в результате

объединения восточнославянских племен, оно представляло собой раннефеодальное государственное образование с киевским князем во главе. Территория Древнерусского государства простиралась от Белого моря на севере до Черного моря на юге (Тмутараканское княжество), от Карпатских гор на западе до Волги на востоке. В процессе упрочения власти киевских властителей по мере укрепления их военной мощи и международного авторитета в состав государства включались угрофинские, балтские и тюркские племена. По некоторым подсчетам, в эпоху расцвета Древней Руси в ее составе было 22 разноязычных народа (История крестьянства... С. 18; История России... С. 84—85), находившихся на разных ступенях общественного развития и в зависимости от природной среды занимавшихся разными видами хозяйства — земледелием, охотой, промыслами, скотоводством. При ведущей отрасли хозяйства — земледелии в Древнерусском государстве происходил процесс внутреннего сельскохозяйственного освоения земель, что имело своим следствием сложные этнические процессы.

По мере расселения восточнославянских земледельцев, с одной стороны, происходило «размывание» их племен. С другой стороны, шли ассимиляционные процессы, поглощавшие отдельные племена, прежде всего балтов и финно-угров. В результате этих процессов складывалась древнерусская народность со своими особенностями культуры. Судить об этих особенностях можно только с учетом разнообразия природно-климатических условий Восточно-Европейской равнины и обстоятельств, свойственных феодализирующемуся обществу Древнерусского государства.

Восточно-Европейская равнина, на которой тысячелетиями проживали разные племена и народы, по своей территории равнялась половине всей Европы. Эта равнина с небольшими возвышенностями (Среднерусская, Приволжская и др.) и обширными низменностями (Окско-Донская, Мещерская и др.) находилась в зоне среднеконтинентального климата с неустой-

чивостью погодных явлений. Территорию равнины прорезывали в широтном направлении разные почвенно-растительные зоны: тундровая, таежная, смешанных лесов, лесостепь, степь и полупустыня — с соответственно меняющимися почвами (тундровые, болотные, дерново-подзолистые, подзолистые, серые и черные лесные, пойменные, черноземные, песчаные) и растительностью. Это разнообразие природно-климатических зон определяло особенности ведения даже одних и тех же отраслей хозяйства (земледелия, животноводства и др.) и их продуктивность, а также возможности в развитии промысловых занятий (примитивной металлургии на основе болотных, озерных и дерновых руд) и лесных промыслов (охоты, выгонки смолы, дегтя, домашних ремесел на основе лесных материалов и т.п.). Именно это разнообразие природных условий имело огромное значение в адаптации поселенцев на новых местах. В процессе вековых переселений «местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер» (*Ключевский*. Ч. 1, 1987. С. 50).

Особое значение в расселении по равнине и освоении новых территорий имела ее гидрография. Ни одна область Европы не имеет таких мощных и разветвленных речных систем, какими обладает Восточно-Европейская равнина. «Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям» (*Ключевский*. Ч. 1, 1987. С. 80—81), и в то же время не позволяли ему территориально замыкаться, коль скоро основные бассейны были близки и связывались системами притоков. Эти природные особенности изначально проявились в процессе создания историко-этнической территории русского народа.

* * *

Людские перемещения по Восточно-Европейской равнине стали постоянно действующим фактором в историческом процессе, на протяжении многих веков после распада Древнерусского

государства, оказывавшим влияние на экономическую, политическую, этническую и культурную ситуации. Этапность этих движений отражалась на судьбах народов и тех государственных образований, которые существовали на Восточно-Европейской равнине. Поэтому история народов и история государств, органично связанные друг с другом, тем не менее далеко не адекватны друг другу. На разных этапах истории человеческого общества политическое и этническое начала проявлялись по-разному. На раннем этапе оформления историко-этнической территории народа этническое (в смысле — соплеменное) начало превалировало над факторами политического свойства, а в дальнейшем играло существенную роль в становлении и утверждении Российского государства.

Считается установленным, что уже в IX—X вв. в Волго-Окском междуречье, где позже сформировалось ядро историко-этнической территории русских, финно-угорские племена — весь, мурома, мещера, меря, а также голядь балтского происхождения, — проживали чересполосно в отдельных районах с восточнославянским населением. Именно в этот период по разным причинам, но с одной целью — поиском наиболее благоприятных условий для земледельческого хозяйствования — сюда направлялось несколько переселенческих потоков. При волнообразном характере миграций создание постоянного этнического компонента на той или иной территории происходило постепенно, путем своеобразного перелива части населения с других территорий, на которых оно задерживалось часто на длительный срок. Эта особенность существенна для понимания процесса хозяйственной адаптации переселенцев в новых местах.

Один переселенческий поток в Волго-Окском междуречье шел из земель новгородских словен через верховья Волги к ее левым притокам — Тверце и Мологе, по правым притокам (Дубна, Нерль Волжская и Нерль Клязьменская) — в бассейн Клязьмы; по Шексне — на север, в Заволжье до Белого озера. Почти синхронно шла колонизация кривичами Верхней Волги и ее правых притоков (Лама и т.д.), а также территорий по верхней половине тече-

Восточнославянские племена и Древнерусское государство IX—X вв. славяне: 1 — западные, 2 — южные, 3а — восточные на конец IX — начало X в., 3б — восточные на конец X — начало XI в., 4 — смешанное население (славянское и неславянское); границы раннего государственного объединения восточных славян первой половины и середины IX в.: 5 — «Славия», 6 — «Русская земля», 7 — Древнерусское государство в конце IX в., 8 — Древнерусское государство в 70-х годах X в., 9 — другие государства к 980 г.

ния реки Москвы и ее притоков. Они шли главным образом со смоленских земель, расселяясь и постепенно поглощая местные немногочисленные балтские племена (в том числе летописную голядь). В своем движении кривичи достигли бассейна Клязьмы.

Третья, более поздняя волна славянских переселенцев-вятичей двигалась с юга, с верховьев Десны на земли верхней Оки, а затем на север и восток, по течению средней и нижней Оки. Первые поселения вятичей по Оке и севернее ее, в бассейне нижней половины течения реки Москвы, создавались в два приема. Впервые в XI в. (а, может быть, и несколько ранее), вторично, и притом в более массовом порядке, в XII столетии. Эти движения на северо-восток и север Чернигово-Северской земли и верхнего Подонья объяснялись в том числе усилившимся напором половецких набегов. Все эти колонизационные потоки, пересекаясь и лишь частично смешиваясь между собой в ту эпоху в Волго-Окском междуречье, создали там постоянное восточнославянское население (*Любавский*. С. 1, 4—7). Разумеется, оно распределялось неравномерно, но, без сомнения, уже в IX—XI вв. образовывались районы компактного поселения, о чем, в частности, свидетельствуют наиболее древние города — Белоозеро, Ростов, Суздаль, Рязань, Муром (*Тихомиров*, 1956. С. 16). Инициатива их возникновения могла принадлежать скорее всего славянским поселенцам, так как нет несомненных данных о существовании «нормальных» городов у финно-угров и балтов на этих территориях. Славяне-земледельцы селились в более сухих, возвышенных местах, а финны, занимавшиеся лесными промыслами и железорудным производством, — в низменных, болотистых (*Соловьев С.М.* Кн. 1, т. 1—2. С. 110—111; *Ключевский*. Ч. 1, 1987. С. 298).

Процесс ассимиляции местных племен переселенцами-славянами объяснялся не только малочисленностью и разбросанностью на огромной территории финских племен (к тому же сами славяне заселяли земли далеко не компактно и постепенно), но и более высоким уровнем общественного развития и материальной культуры славян. Но так или иначе ассимилируясь, финно-угры оставили в наследство славянским поселенцам отдельные антропологические черты, огромную топонимическую номенклатуру в названиях рек, озер, селений и местностей, а также черты своих языческих верований.

При всей стихийности переселенческого движения славяне несли не только свою культуру, но и общественные отношения, свойственные феодализирующему обществу. Вполне очевидно, что этот колониционный процесс нельзя рассматривать исключительно как результат княжеской инициативы. Принимая во внимание, что наиболее интенсивно он проходил в XI—XII вв., когда существование феодализма в Древнерусском государстве было бесспорным, миграции славянского населения следует рассматривать в связи с распространением раннефеодальных отношений вширь, включением Волго-Окского междуречья в государственно-политическую структуру Киевской Руси и систему межкняжеских отношений, а местной знати — в состав ее правящей элиты. Осваиваемое междуречье в конце X — начале XI в. определенно вошло в политическую структуру Древнерусского государства. Ростов рассматривался как главный город обширной области, на которой возникли города Суздаль, Белоозеро, Ярославль. Реальные границы Владимирского княжества в эпоху его расцвета в конце XII — первой трети XIII в. далеко выходили за естественные контуры Волго-Окского междуречья. Его политический вес был весьма значительным. Еще в XII в. эту территорию изредка обозначали как «Залесскую Русь», подчеркивая ее связи с центром Древней Руси. С конца XI в. Ростово-Суздальская земля попадает в орбиту влияния княжеской линии Мономаховичей, что было официально подтверждено в 1097 г. на Любечском съезде князей.

XII век уже не оставляет сомнений в значимости Северо-Восточной Руси как важнейшей части Древнерусского государства и в существовании там княжеских феодальных центров-княжений, все более проявлявших свою политическую мощь. Показательно, что если во времена расцвета Киева понятия *Русь*, *Русская земля* распространялись прежде всего на Киевскую и Черниговскую земли, то с XII—XIV вв. она ассоциировалась с Северо-Восточным регионом. Показательно также, что Владимир Мономах и его сын Юрий Долгорукий в борьбе

за киевский княжеский стол постоянно опирались на Северо-Восточную Русь, вели там активное градостроительство, укрепляли и защищали ее от опасности угроз и нападений со стороны Волжской Болгарии. Оборонительные сооружения было возможно создать при определенной плотности местного населения; они защищали основное богатство края — обширное Владимиро-Суздальское ополье, а также ряд аналогичных районов (Юрьевское, Переяславское ополье) как основы земледельческого хозяйства. Возникновение новых городов — важнейшее свидетельство роста торгово-ремесленного населения, характерного для всего Древнерусского государства в XII в. Если в XI в. в нем насчитывалось более 90 городов, то в XII в. их было более 200, причем этот рост в дальнейшем продолжался, несмотря на татаро-монгольское нашествие в 30-х годах XIII в.

Вторая половина XII в. явилась переломным этапом в истории Древнерусского государства. Княжение Владимира Мономаха (1113—1125) и пребывание его сына Мстислава (1125—1132) в качестве князя киевского завершали существование единого Древнерусского государства. Далее начался длительный процесс его распада и наступала эпоха феодальных центров, внесшая существенные изменения в политическую, социальную и демографическую ситуации в Восточной Европе. Княжеские междоусобицы XI—XIII вв. ослабили Русь, преимущественно затронув южные земли — Киевское, Черниговское, Волынское, Галицкое, Полоцкое, Смоленское княжества — и немного меньше Рязанское, Суздальское княжества и Новгород (Соловьев С.М. Кн. 2, т. 3—4, 1988. С. 36, 37).

Перемещения населения как явление этнодемографическое и политико-экономическое, обособление феодальных центров вели к распаду Древнерусского государства и региональному обособлению отдельных групп восточных славян, что в свою очередь способствовало в исторической перспективе сложению трех славянских народов — русского, белорусского, украинского — с их культурой и особенностями языка, в котором сохранялись восходящие к племенному строю диалектные

особенности и развивающиеся в условиях феодального обособления местные говоры.

* * *

Если исторические корни русских уходят в X—XIII вв., то начальный этап формирования русской (великорусской) народности пришелся на XIV столетие. Отметим прежде всего, что в результате нашествия Батыя и последующего складывания Золотой Орды (сильнейшего государства Восточной Европы во второй половине XIII — середине XIV в.) изменилась политическая карта Восточной Европы, всех бывших княжений и земель Древнерусского государства. В конце XIII в. на столетия разошлись государственные судьбы Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. В границах последней было сохранено Владимирское княжение, но оно, по замыслу ордынских правителей, должно было стать орудием политического, финансового и военного контроля над всеми княжествами Северо-Восточной Руси. Этот фактор наряду с другими породил длительную борьбу за политическое первенство, главным образом между Тверским и Московским княжениями. В орбиту Владимирского княжеского стола юридически не входили Рязанское, Чернигово-Северское и Смоленское княжения. Новгород, а с середины XIV в. и обособившийся от него Псков подчинялись власти князя Владимирского (т.е. тому из князей Северо-Восточной Руси, кто имел ханский ярлык на этот стол) лишь в ограниченной сфере политических и финансовых вопросов. Государственно-политическая автономность этих феодальных республик почти достигла своего апогея во второй половине XIV в.

Существенные перемены наступили и в социально-экономической области. Новые явления хозяйственного и политического характера обуславливались изменением демографической ситуации и территориальной основы жизни народа. После разорения Батыем наиболее заселенных земель с их центрами — Владимиром, Суздалем, Ростовом, Переяславлем и Юрьевом — и последовавших во второй половине XIII в.

карательных вторжений ордынских войск русское население начало переселяться с востока и из центра Северо-Восточной Руси, из ополей, на более лесистый и безопасный запад, в бассейн р. Москвы и к верхнему течению Волги (История России... Разд. III. Гл. 7). Именно этот фактор способствовал усилению Москвы и Твери как феодальных центров уже к концу XIII в., но в особенности в XIV столетии, а также внутренней колонизации земель Волго-Окского междуречья, поощряемой князьями, боярством и монастырями разными льготами. Новые слободы возникали чаще всего на ранее не освоенных окраинах княжеств (в Московском княжестве в районах Можайска, Вереи, Звенигорода, Боровска, в бассейне р. Протвы, притоков Угры и т.д.) и «окружали» феодальные центры. С XVI в. они известны в Заволжье, в далеком Белозерском княжестве и иных районах. Возобновляли свою жизнь разоренные селения в районах Ростова и Юрьева.

Немалую роль в хозяйственной жизни сыграли монастыри. Их строительство продолжалось и в эпоху ордынского правления, первоначально в княжеских городах-центрах, а со второй половины XIV в. в сельских местностях, особенно во вновь осваиваемых районах. В конце XIII — начале XVI в. существовало 235 монастырей (*Любавский*. С. 17—30), среди которых помимо Троице-Сергиева монастыря были основные центры православия — Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, костромской Ипатьевский, Саввино-Сторожевский, нижегородский Печерский, суздальский Спасо-Евфимиев, а также московские монастыри — Данилов, Спасо-Андрониев, Симонов, Новоспасский и многие другие.

Примечательно, что интенсивная колонизация охватывала не только окраинные районы Волго-Окского междуречья, она выходила за его пределы на северо-западе, севере и северо-востоке в Заволжье. Особое внимание привлекают данные о хозяйственной колонизации в XIII в. на юге, за Окой, в пределах опустошенного Батыем Рязанского княжества. Колонизация выходила за южные пределы Рязанского княжества,

которое владело важным водоразделом между бассейном Оки и верховьями Дона. В сферу влияния Рязанского княжества в результате этого движения попадали черниговские волости в самых верховьях Оки, а на востоке — бассейн Цны, примыкавший к мещерским и мордовским землям (*Пресняков*. С. 226—228).

Основная часть русских городов, являвшихся центрами окружающих их сельских поселений, в XIV—XV вв. располагалась в Волго-Окском междуречье. Именно здесь наблюдалась высокая концентрация населения, что способствовало торгово-промысловому развитию региона. О ситуации в междуречье дает представление и политическое состояние Северо-Восточной Руси. Вызванный нашествием Батыя отток населения оттуда в районы Ярославского Поволжья, Шексны, Москвы и Твери привел к появлению с середины XIII в. новых феодальных (княжеских) центров. Дальнейшее дробление владими́ро-переяславской территории между родственниками князя Ярослава (1246 г.) было для того времени естественным отражением становления феодальных (княжеских) центров.

Княжеские претензии на политическое первенство опирались на материальные возможности княжеств, и прежде всего на людские ресурсы. Более того, концентрация населения в лесных областях повела к решительному изменению всей системы земледелия. Прямых данных о демографических изменениях в эти века не имеется, но свидетельства о городах и земледельческой практике позволяют сделать выводы о положении русских земель и их населения под ордынским господством. Еще с конца XIII, но в особенности с XIV столетия начались существенные перемены в земледелии. Особенно интенсивно этот процесс шел в сфере сельскохозяйственного производства в XV — первой половине XVI в. Совершенствовались приемы и орудия сельского труда, но главное заключалось в неустанной внутренней колонизации. Результатом этого стало освоение новых больших массивов лесной целины, строительство нескольких тысяч деревень — селений нового типа и восста-

новление, а затем и расширение масштабов хозяйства, что в свою очередь укрепило материальный потенциал отдельных русских княжеств.

Изменение территориальной основы политической консолидации русских земель зависело не только от успеха внутренней колонизации Северо-Восточной Руси, от развития земледелия и географически-экономических выгод положения Москвы, Твери или Нижнего Новгорода. В Волго-Окском междуречье сходились выходы из разных областей, и это усиливало складывание основного ядра русского народа. Процесс же создания его историко-этнической территории продолжался на протяжении конца XIII—XVIII вв. Он не ограничивался Северо-Восточной Русью и прилегающими к ней на севере районами Заволжья. В эти столетия расширение этнической территории пошло за счет включения далеких северных, а позднее и иных областей, что имело серьезные последствия для истории русского народа.

Народные миграции и образование Российского государства (конец XIV — середина XVI века)

Области от Карелии и до Уральских гор получили собирательное название Поморье. Эти области примыкали к Белому морю и Северному Ледовитому океану и составляли бассейны рек — Северной Двины, Онеги, Печоры, которые связывали внутренние районы с морским побережьем. В Поморье восточнославянские переселенцы встретились с этнически сложным составом населения, принадлежавшим к финно-угорской и самодийской языковым семьям (карелы, вепсы, лопари, или саамы, коми-зыряне, коми-пермяки, ненцы). Это население также не находилось в статическом состоянии и в период славянской колонизации продолжало свои передвижения (Прибалтийско-финские народы...).

Первоначально основной поток славянской колонизации на север направлялся из новгородских земель и преимущественно охватывал территорию современной Карелии и бассейн среднего

и нижнего течения Северной Двины. Эти далекие от центральных областей Восточно-Европейской равнины земли, население которых так и не создало своей государственности, включались в орбиту Киевской Руси во времена ее расцвета (XI—XII вв.). Другой поток восточнославянской колонизации на север, первоначально уступавший новгородскому, направлялся «снизу», из Ростово-Суздальской Руси. Эти переселенцы оседали преимущественно на верхней и средней Северной Двине, в Белозерье и бассейне Сухоны. Уже в XI—XII вв. Белозерье, будучи центром земель *веси*, входило в состав Ростово-Суздальской земли, хотя порой временно управлялось представителями киевских князей.

При обилии свободных угодий славянские переселенцы-земледельцы редко сталкивались в своих хозяйственных заботах с аборигенами-промысловиками. В политическую орбиту Киевской Руси, а с ее ослаблением и распадом — в орбиту Новгородской боярской республики и князей Северо-Восточной Руси Поморье входило прежде всего благодаря стихийному потоку славянских переселенцев, а также продвижению и укреплению княжеской власти, владений бояр и монастырей. XIV—XVI века стали периодом, на протяжении которого освоение Севера протекало особенно интенсивно, с чем был связан и энергичный рост светского, в первую очередь новгородского, и монастырского феодального землевладения. В XVI в., используя стихийное колонизационное движение, новгородское боярство начало организацию на Севере вотчинных хозяйств пашенного и промыслового направления.

Почти одновременно в XIV в. на гребне бурного освоения русскими переселенцами Севера там началось интенсивнейшее, по сравнению с другими русскими землями, строительство монастырей. В массовом культовом строительстве отразились черты личностного и общественного самосознания русских переселенцев, видевших в окружающей их суровой северной природе свою судьбу, ту часть родины — Руси, куда не добились ордынские погромщики, где сохранялись для них родные святыни и верования. Монастыри как центры православной куль-

туры, многие из которых вырастали из лесных «пустынь», становились средоточием духовной жизни окрестного населения и крупными феодальными хозяйствами. Многочисленность монастырей — их численность постепенно выросла до многих десятков — неоспоримый показатель определенной плотности православного населения и освоенности им отдельных районов.

К сожалению, до XVII в. отсутствуют статистические данные, позволяющие установить демографическую ситуацию, сложившуюся в XV—XVI вв. на Севере в результате его восточнославянского заселения. Однако материалы по северным уездам первой четверти XVII в. позволяют судить о последовательности заселения и освоения северных земель (*Колесников*. С. 77). К XVI в. бассейны Сухоны, среднего течения Северной Двины и ее левого притока Ваги, а также Заонежье и Белозерский край были наиболее обжитыми; в большинстве этих районов успешно развивалось пашенное земледелие. Северо-западная часть Поморья становилась центром крестьянских железодельных промыслов и кузнечного ремесла. В северо-восточной части Поморья русское население занималось охотой на пушного зверя и морскими промыслами в приморской полосе; там же развивалось солеварение и зарождался кузнечный промысел. Освоение приморских районов положило начало полярному суходоходу на Шпицберген и Новую Землю.

На востоке Поморья район Вятки, осваивавшийся еще новгородцами, при всей бедности подзолистых почв с XVI в. становится тем не менее местной житницей. Только наиболее восточная часть Поморья — Камско-Печерский край (Соликамский, Чердынский уезды) — начала широко осваиваться лишь с XVII в. Всего же на территории Поморья во второй половине XVII в. проживало немногим более 1 млн человек (*Водарский*, 1977. С. 151—152), и по своей населенности оно было важной частью этнической территории народа.

О значимости Поморья можно судить по тому, что в конце XV — начале XVI в. оно составляло более половины всей тер-

ритории складывавшегося Российского централизованного государства, а к середине XVI в. — около половины. Заселение Западного и Центрального Поморья было этапом в создании русской этнической территории, а переселенцы и их потомки стали культурно отличительной частью русского народа — севернорусским населением с присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры. С политической точки зрения освоение Поморья для русского народа имело огромное значение. В эпоху ордынского господства, малодоступное для карательных и разбойных набегов золотоордынских ханов, оно стало надежным тылом, обеспечивавшим развитие экономики и культуры.

Геополитические и государственно-политические факторы складывания русской (великорусской) народности на протяжении XIV—XVI вв. менялись дважды существенным образом. В первом случае, на исходе XIV в., в условиях ослабления ордынского господства над Северо-Восточной Русью (особенно после победы Дмитрия Донского над темником Мамаем на Куликовом поле в 1380 г. и двукратным погромом Золотой Орды Тимуром в 90-е годы XIV в.) и победы Москвы над Тверью (1375 г.) окончательно определилась судьба Владимирского княжения — оно соединилось с вотчинными, родовыми землями московских великих князей. Тем самым последние получили преобладание теперь уже в многополюсной системе княжеств Северо-Восточной Руси. Характерно, что с рубежа XIV—XV вв. заметно нарастает политический вес Москвы и вне границ собственно Владимирского княжения. Так, усиливается ее влияние в Рязани, в части земель Владимиро-Суздальского княжения и т.д. Именно к этому времени относится ликвидация первых княжений — Нижегородско-Суздальского, растянувшаяся, впрочем, на несколько десятилетий. Борьба за территориальное и государственно-политическое объединение Северо-Восточной Руси тормозилась тремя факторами.

Во-первых, сохранились политические и финансовые формы ордынской зависимости. Более того, прогрессирующий распад Золотой Орды на ряд кочевых, полукочевых и оседлых госу-

дарственных образований усилил опасность грабительских набегов (особенно в начале и второй трети XV в.). Во-вторых, вспыхнувшая с начала 30-х годов XV в. династическая война между двумя ветвями московского княжеского дома надолго отвлекла московских правителей от общественных забот. Только окончательная победа московского великого князя Василия Темного в начале 50-х годов изменила ситуацию коренным образом. Наконец, в-третьих, опасным соперником Москвы в деле объединения русских земель стал с середины XIV в. Вильно (столица быстро растущего Великого княжества Литовского). Действенность указанных факторов ослабла в середине XV в. Решающее значение имели прекращение княжеских усобиц в московской династии и замирание активной восточной политики Литвы с 40-х — 50-х годов XV в. Итоги не замедлили сказаться во второй половине XV — начале XVI в.

В правление Ивана III и начальный период княжения Василия III происходит территориально-политическое объединение Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Помимо ликвидации уделов представителей московского княжеского дома (к середине XVI в. существовало лишь незначительное Старицкое удельное княжение), в результате мирных действий или военных походов были ликвидированы Ярославское княжение (1463 г.), Новгородская феодальная республика (1478 г., этому походу предшествовала победа в битве на Шелони 1471 г., предопределившая ликвидацию государственно-политической автономии Новгорода), Ростовское княжение (1478 г.), Тверское княжение (1485 г., характерно, что попытки последнего тверского князя Михаила Борисовича опереться на Литву в целях сохранения самостоятельности его княжества оказались бесполезными), Псковская феодальная республика (1510 г.), Рязанское княжение (1521 г.; последнее реально контролировалось Москвой еще с середины XV в.).

Политические и экономические успехи позволили Ивану III завершить многовековую борьбу против ордынского гнета. Провалившееся нашествие хана Ахмада (властителя Большой Орды).

в 1480 г. ознаменовало конец этой тяжелой зависимости. Более того, стратегический союз между Москвой и Крымом (он просуществовал немногим более трех десятилетий в конце XV — начале XVI в.) способствовал ярким внешнеполитическим успехам московского государя. Московский великий князь в 1487 г. решительно вмешался во внутривосточную борьбу в Казанском ханстве, и с тех пор на протяжении почти 30 лет трон Казани занимал правитель, «сидевший из руки великого князя». Не случайными были успехи в закреплении за Россией далеких территорий Великой Перми и югорских князей. Еще более существенны успехи в войнах Москвы с Литвой. В конце XV — начале XVI в. в состав территории Российского государства вошли восточные земли Смоленщины, а позднее и вся Смоленская земля (1514 г.), верховские княжества в бассейне верхней Оки и верхней Десны.

Геополитическая ситуация начала кардинально меняться с конца второго десятилетия XVI в. Прекращение местной династии в Казани и переход крымских правителей к наступательной и враждебной политике против Москвы (особенно показательны походы 1521 и 1542 гг.) выдвинули на первый план «восточную» опасность. Под вопрос были поставлены успехи крестьянской колонизации в Нижегородском крае, Рязани, Заволжье и т.п. Интересы страны, особенно в преддверии государственных и сословных реформ середины XVI в., требовали ликвидации или по крайней мере смягчения угрозы со стороны Крымского и Казанского ханств.

Освоение евразийского континента и расширение Российского государства (середина XVI — XVIII вв.)

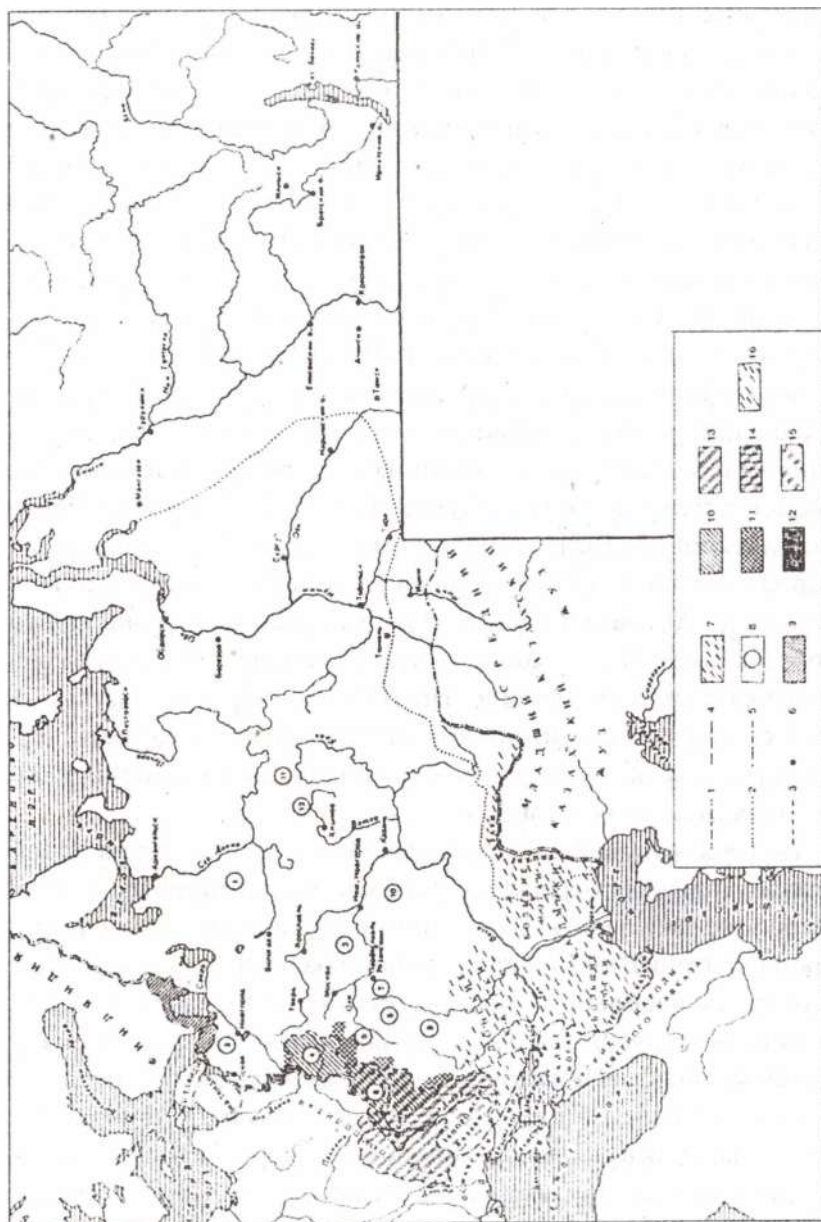
Реформы правительства Избранной рады в середине XVI в. определили на полтора столетия вперед государственно-политический, территориально-административный и сословный облик России. Она превращалась в самодержавную монархию с относительно слабым представительством сословий, с еди-

ной сеткой административно-территориального устройства, отстоявшейся структурой сословий и сословных групп. В геополитическом отношении произошли два важнейших события. В 50-е годы XVI в. был частично решен восточный вопрос. Завоевание Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств, вхождение в состав России башкир и основной массы ногайцев (вторая половина 50-х годов XVI в.) существенно расширили территорию Российского государства, включив в его состав Среднее и Нижнее Поволжье, Заволжье и значительную часть Предуралья. Путь на восток — на Урал и в Сибирь — был теперь открыт. Вторым событием, подхлестнувшим могучий колониционный поток на восток, экспансию Российского царства в эти регионы, стало поражение России в Ливонской войне (1558—1583 гг.). Безуспешный финал многолетних военных усилий страны на западе и северо-западе блокировал дальнейшее территориальное расширение в этом направлении почти на полтора столетия вперед. Более того, завершение Смуты привело к заметным территориальным утратам (Смоленская земля и часть черниговского порубежья отошли к Речи Посполитой). Движение России на восток и юго-восток привело к переменам в этническом составе населения государства: оно все более принимало многоэтнический облик. Впрочем, и в XV — первой половине XVI в. окраины России на северо-западе, севере, северо-востоке, востоке и юго-востоке населяли финно-угорские, самодийские, а отчасти и тюркские народы.

Представления о частях возникшего огромного государства так или иначе отражали те областные особенности, которые были свойственны русскому народу в его материальной и духовной жизни и даже в антропологическом облике. Эти особенности, отличавшие местное население, позволяли судить о разнообразии отдельных групп единого народа. Так, территория бывшего Великого княжества Владимирского и окружавших его уделов называлась «замосковными городами»; Новгород с пригородами и Псков считались «городами от немецкой украины», а часть территории бывшего Смоленского княжества и округи Невеля

и Великих Лук — «городами от Литовской украины»; огромная северная территория, охватывающая бассейны Онеги, Северной Двины, и далее до Урала, за которую несколько веков боролись Москва и Новгород, называлась Поморьем, или «поморскими городами». В это понятие включались также земли Вятки и Перми Великой. На юго-запад от Москвы, Калуга, Белев, Волхов, Козельск составляли округу «заоцких городов», а Карачев, Орел, Кромы, Мценск — «украинных (от слова «окраина») городов». От Серпухова, Каширы и Коломны (на Оке) на территории основной части бывшего Рязанского княжества к югу от верховий Дона простиралась область «рязанских городов». Наконец, территория бывшего Новгород-Северского княжества считалась областью «северских городов», а восточнее их выдвинутые в лесостепь Курск, Белгород, Старый и Новый Осколы, Ливны и Елец — «польскими городами» (от слова «поле»). Города от Нижнего Новгорода до Казани и далее вниз по Волге вплоть до Астрахани вошли в состав «низовых» уже во второй половине XVI в. после падения Казанского и Астраханского ханств. В каждой из этих областей существовали районы со своими исторически сложившимися названиями, этнографическими особенностями населения и хозяйственно-отраслевым комплексом.

Во всех этих землях складывалась своя структура хозяйства и разные его отрасли — хлебопашество, животноводство, рыболовство, лесные и домашние промыслы, ремесленное производство. В не меньшей степени различалась социальная структура населения отдельных земель. Образовавшаяся на севере государства общинно-волостная организация черносозного крестьянства (будущего государственного) и городского населения по существу противостояла феодальной системе частного землевладения в районах замосковских городов. Отсюда вытекало различие в общественном сознании даже социально однородных групп населения. Особенности социальной структуры отдельных частей сложившегося государства, унаследованные от эпохи феодальных центров, порождали социальную напряженность,

взорвавшуюся в начале XVII в., в годы Смуты. Они отражались и в народных передвижениях XVI—XVII вв.

Внешнеполитическая обстановка в свою очередь сильно влияла на процесс хозяйственного освоения русским народом новых земель. В первой половине XVI в. в большей степени наблюдались перемещения в уже заселившихся территориях (внутренняя миграция). Основная причина, тормозившая дальнейшие передвижения в незаселенные земли (внешняя миграция), заключалась в сложной политической ситуации, создавшейся после развала Золотой Орды. На протяжении века, по неполным данным, известно 43 похода крымчаков, дважды — в 1521 и 1571 гг. — доходивших до Москвы, и не менее 40 походов казанских татар. Их набеги достигали бассейна р. Оки, Нижегородского, Костромского, Пермского краев; известны их набеги даже на районы Поморья — на Вятку, Устюг, Вологду (История крестьянства... С. 133).

← Россия в XVII в.

границы: 1 — государств в начале XVII в., 2 — южная и восточная России в начале XVII в., 3 — между Россией и Речью Посполитой по Поляновскому договору 1634 г., 4 — западных территорий Украины, воссоединенной с Россией в 1654 г., 5 — государств в конце XVII в.; 6 — населенные пункты: города, остроги, казачьи городки, 7 — казачьи военные общины и орды кочевых народов на территории России, имевшие самоуправление; 8 — исторические провинции (города) европейской части России (цифры в кружках): 1 — поморские, 2 — замосковные, 3 — от немецкой украины, 4 — от литовской украины, 5 — заоцкие, 6 — украинные, 7 — рязанские, 8 — северские, 9 — польские, 10 — низовые, 11 — пермские, 12 — вятские; территории: 9 — отошедшая от России к Швеции по Столбовскому договору 1617 г., 10 — отошедшая от России к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. и «Вечному миру» 1686 г., 11 — возвращенная России по Поляновскому договору 1634 г. и размежеванию 1640 г., 12 — перешедшая от Речи Посполитой к России по Андрусовскому договору 1667 г. и возвращенная Речи Посполитой взамен Киева в 1678 г. и «Вечному миру» 1686 г., 13 — украинская, воссоединенная с Россией в 1654 г., 14 — украинская, перешедшая от Речи Посполитой к России по Андрусовскому договору 1667 г. и «Вечному миру» 1686 г., 15 — Запорожья, находившаяся в совместном русско-польском владении с 1667 по 1686 г., 16 — полувисимая, в составе России в конце XVII в.

Российскому правительству, помимо борьбы с Литвой и Польшей за возвращение западнорусских земель, приходилось заботиться об отражении военной угрозы с востока и юга. В середине XVI в. крушение Казанского и Астраханского ханств и укрепление оборонных сооружений вдоль всего течения Волги ликвидировали постоянную угрозу с востока. Борьба с Крымским ханством и Османской империей за безопасность южных рубежей Русского государства затянулась на два столетия вплоть до конца XVIII в. Разрешение этих политических задач сопровождалось, а в большей степени и определялось двумя волнами народных миграций, в результате которых хозяйственно осваивались Уральский и Поволжский регионы и Сибирь, с одной стороны, лесостепная и степная части Восточно-Европейской равнины — с другой. Тем самым со второй половины XVI в. начался новый этап освоения равнины русскими.

Российская империя во
второй половине XVIII в. (1751—1800 гг.)

границы: 1 — государственная Российская империя на 1751 г.: *a* — твердая, *b* — не установленная окончательно, 2 — границы и центры губерний и областей Российской империи на 1751 г., 3 — государственная Российская империи на 1800 г.: *a* — твердая, *b* — не установленная окончательно, 4 — границы и центры губерний Российской империи на 1800 г., 5 — отдельные крепости, 6 — государственные границы зарубежных стран на 1800 г.; территории, присоединенные к Российской империи: 7 — по первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией, 8 — по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. между Османской и Российской империями, 9 — Крымское ханство до 1783 г., в 1783—1796 гг. — Таврическая область, 10 — по Ясскому договору 1791 г. между Османской и Российской империями, 11 — по второму разделу Речи Посполитой в 1793 г. между Пруссией и Россией, 12 — по третьему разделу Речи Посполитой в 1795 г. между Пруссией, Россией и Австрией, 13 — земли Кабарды, шамхальства Тарковского, Южного Урала и Горного Алтая в составе Российской империи; территории, находившиеся в политической зависимости от Российской империи: 14 — Карталино-Катехинское царство под протекторатом с 1783 г., 15 — младший и часть среднего казахские жузы в вассальной зависимости с 1731 и с 1742 гг.; территории, не разграниченные между Российской и империей Цин: 16 — по Кяхтинскому договору 1728 г., 17 — территории Аляски и Алеутских островов, освоенные Российской империей во второй половине XVIII в.

Крушение повожских татарских ханств и расширение границ Русского государства активизировали процессы этническо-территориального характера. Именно с середины XVI в. усилилось складывание многонационального Российского сословно-представительного государства. Терминологические понятия *Россия*, *Российская земля*, *российская* в письменных источниках не случайно получили широкое распространение со второй половины XV, а особенно с XVI в. (Тихомиров, 1973. С. 16). После взятия Казани в 1552 г. московскими войсками в состав Русского государства вошли повожские народы, а в 1556 г. — башкиры. Процесс превращения государства в многоэтническое длился на протяжении последующих столетий, охватывая Урал, Сибирь, Казахстан, южнорусские степи и Причерноморье, Кавказ и Среднюю Азию.

Для миграций на Европейском Севере (в Поморье) со второй половины XVI в. были наиболее характерны два явления — расширение внутренней колонизации в целом с ее ориентацией на восток, и все усиливавшийся отток населения, особенно в XVII в., через Урал и Сибирь.

Вятская земля, центрами которой были города Хльнов (позднее — Вятка), Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков, к XVII в. по своей заселенности уступала только двум районам Поморья — Центральному и (незначительно) Северо-Западному. Со второй половины XVI в. ее колонизация интенсивно продолжалась. Сложнее обстояло дело с освоением другой части Восточного Поморья — Пермской земли. В Пермской земле русские переселенцы столкнулись (как и во всем Поморье) с финно-угорским населением — коми, хантами и манси, но их этническое взаимодействие имело свои особенности. Если в Западном и Центральном Поморье, как и в центре Восточно-Европейской равнины, преобладала естественная ассимиляция славянами финнов, то в Приуралье этническая ситуация складывалась сложнее, тем более что миграционные движения прослеживались и в среде финно-угров.

В процессе постепенного освоения Приуралья русские переселенцы, сталкиваясь с разноплеменным населением, по-разному

заселяли территорию. В начале наблюдалось очаговое расселение. Такое изолированное расселение происходило на территории Чердынского уезда, где русские были малочисленнее местных коми. В дальнейшем по мере развития хозяйственной жизни устанавливались межэтнические связи, и происходили этносмешение или ассимиляционные процессы. В результате в состав русского населения проникали иные этнические компоненты. Так, на р. Вишере местное население, в дальнейшем признававшее себя русскими, представляло собой обрусевших финно-угров (коми и манси). В районах же юго-западнее Перми русские поселенцы приобретали в своем облике признаки монголоидности, в Соликамском уезде они сохранили северноевропейский антропологический тип и т.д. Последствия очагового расселения хорошо прослеживаются в истории освоения Юрлинского района в бассейне верхней Камы и ее притока р. Косы, компактно заселенного русскими выходцами с Вятки в XVII в. Обосновались они на почти незанятой территории, но в дальнейшем к ним стали подселяться коми, а русские, сохраняя славянский физический тип, приняли отдельные черты их облика (На путях из земли Пермской в Сибирь. С. 13—28; Финноугорские народы...).

Таким образом, в Приуралье историко-этническая территория русских по мере слияния их очаговых расселений представляла своеобразную сетку, наложенную на территорию, занятую другими народами. При этом в отдельных районах русские стали отличаться друг от друга по антропологическим и лингвистическим признакам, которые были ими приобретены в процессе взаимодействия с соседствовавшими с ними народами. Важнейшим следствием массовых миграций в Восточное Поморье (или Приуралье) было завершение образования историко-этнической территории русского народа на севере Восточно-Европейской равнины от Карелии до Урала в XVII в.

К исходу XVII в. в Вятской земле и в Приуралье продолжалось интенсивное заселение территорий. В вятских уездах количество селений возросло в 1,5 раза, в Пермской земле — в 3 раза по

сравнению с началом XVII в. О сельскохозяйственном освоении земель свидетельствует резкое увеличение починков, предшествовавших образованию постоянных селений. К концу XVIII в., по сравнению с данными 1678 г., в приуральских уездах количество новых деревень выросло в 1,5 раза (Колесников. С. 104—110). Но этот процесс происходил в большей степени за счет внутреннего роста населения, нежели за счет притока переселенцев.

* * *

Продолжением массового заселения русским народом Приуралья были дальнейшие передвижения за Урал. Присоединение Сибири к Русскому государству имело огромное значение для дальнейшего социального и экономического развития разноэтнического по своему составу населения Сибири, к XVI—XVII вв. сохранявшего родоплеменной строй. Русское государство к середине XVII в. распространило свое влияние на огромную территорию вплоть до Тихого океана. Заселение Сибири и хозяйственное освоение ее русскими (внедрение в XVII в. пашенного земледелия как ведущей отрасли хозяйства, становление горнорудной промышленности, образование местных областных рынков с вовлечением их в общерусские торгово-экономические связи) были следствием взаимосвязанной деятельности административной феодальной государственной системы и стихийных народных миграций в этот край и внутри его.

Крупномасштабное переселение русских в Сибирь уже в XVII в. представляло собой особую страницу в истории народа. В результате присоединения к России сибирские народы попадали в условия более высоких по своему социально-экономическому уровню феодальных отношений. Русский переселенец, прежде всего севернорусский крестьянин, промышленник и пахарь, перейдя за Урал, конечно, преследовал не те цели, которые имело в виду правительство. Само же государство не могло не опираться на переселенца, для которого разгром Ермаком Сибирского ханства представлялся всего лишь одним из эпизодов вековой

борьбы с «татарами», а возможность переселения в Сибирь казалась давно известным делом в освоении новых угодий, правда, многотрудным и опасным. Вековой опыт хозяйствования, приобретенный в Поморье, и привычные представления об общественных связях переселенец приносил в Сибирь, постепенно создавая ареал расселения, как и в Приуралье, часто рядом или чересполосно с новыми соседями, и приспособляясь в своей хозяйственной практике к природным возможностям разных климатических зон, от тундры и тайги до лесостепи.

После разгрома Ермаком Сибирского ханства собственно вхождение Сибири в состав Российского государства длилось несколько десятилетий по мере ее обживания русскими переселенцами. В Сибири русские промышленники, а затем и земледельцы встретились с этнически разнородным населением — охотниками, рыбаками, оленеводами и скотоводами, — разбросанным на огромной территории. В южных районах были известны отдельные очаги примитивного земледелия. В бассейне Оби обитали угры — ханты (остяки) и манси (вогулы). Лесотундру и тундру Крайнего Севера населяли различные самодийские племена. Юг Западной Сибири занимали сибирские татары. От Оби и до берегов Охотского моря (в таежной полосе до южных границ Сибири) кочевали эвенки (тунгусская группа тунгусо-маньчжуров), а на северо-востоке современной Якутии — родственные им эвены (ламуты). К тем же тунгусо-маньчжурам относились такие группы населения Приамурья, как нанайцы (гольды), удэгейцы, ульчи, орочи. В верховьях Енисея и в Присяянье расселялись различные этнические группы тюркского происхождения — сойоты, аринцы и др. На среднем Енисее жили кеты, происхождение которых до настоящего времени остается неясным, так как их язык не имеет никаких аналогов. В бассейне Лены (до ее низовьев) и вплоть до Тихого океана обитали многочисленные тюркоязычные якуты; в областях с запада и востока к Байкалу — буряты. Юг Дальнего Востока, крайний северо-восток Азии и Камчатку заселяли палеоазиатские племена — гиляки, чукчи, коряки, ительмены (*Далгит*. С. 614; Народы Западной Сибири, Тюркские народы Сибири).

С новыми соседями русские поселенцы вступали в хозяйственные связи, и по мере их расселения в ряде случаев складывалась ситуация, когда одна и та же территория становилась местом обитания разных народов. Совместное территориальное расселение и хозяйственно-бытовые связи способствовали связям этническим, которые в большей степени были свойственны относительно малочисленным группам русского населения, занимавшимся промыслами в наиболее северных районах, нежели русским хлебопашцам, осваивавшим по существу пустующие земли.

Первоначально (с конца XVI в.) государственная власть ради снабжения гарнизонов и управленческого аппарата попыталась путем административного переселения немногочисленных групп крестьян из Поморья учредить сельскохозяйственные поселения около своих опорных пунктов. Однако довольно скоро стали ясны дороговизна и бесперспективность подобного пути развития в Сибири сельскохозяйственного производства, и в 20-е годы XVII в. «указные» опыты были прекращены. Инициативу в основании пашенного земледелия в Сибири в первой четверти XVII в. взяла в свои руки стихийная колонизация русских переселенцев. Государственная власть, основывая в районах, по климатическим условиям благоприятных для ведения сельского хозяйства, свои опорные пункты — остроги, — становившиеся затем городами с торгово-ремесленным населением, привлекала земледельцев-новопоселенцев различными льготами. Такие опорные пункты быстро обрастали деревнями, а затем слободами, которые в свою очередь становились административно-объединяющими сельское население центрами. В результате, особенно в приречных безлесных долинах, не населенных местными народами, занимавшимися пушным промыслом и рыболовством, образовывались своеобразные сельскохозяйственные оазисы.

Такие микрорайоны сливались, и образовывались более крупные районы русского заселения. Первым наиболее крупным из них в Западной Сибири стал Верхотурско-Тобольский район, где русские переселенцы поселялись часто чересполосно с сибирскими

татарами. Этот район сложился к 30-м годам XVII в. в Западной Сибири в бассейне р. Туры и ее южных притоков. Его заселение и земледельческое развитие происходило в условиях набегов кочевых тюркоязычных племен, не прекращавшихся до второй половины XVII в. Тем не менее сельскохозяйственное производство к 30-м годам XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе достигло такого масштаба, что в Сибирском приказе даже обсуждался вопрос о возможностях прекращения хлебных поставок туда из Поморья для ратных сил и немногочисленного административного аппарата. Однако самообеспечение Сибири хлебом в результате трудовой деятельности русских переселенцев стало возможным к концу XVII в. Основной житницей Сибири стал район, включавший четыре западно-сибирских уезда — Тобольский, Верхотурский, Тюменский и Туринский, в которых к тому времени компактной массой проживало до 75% всех русских крестьян-переселенцев (*Шунков*. С. 50).

Характерной особенностью заселения Западной Сибири на протяжении XVII в. было систематическое «сползание» переселенцев к югу на наиболее плодородные лесостепные земли по среднему Тоболу и его притокам (Исеть-Миас) с опорой на крупные слободы — Шадринскую, Ялуторовскую, Курганскую (позднее — города) — с их военно-пограничной охраной. Такое же слободское расселение на юг, но в меньших масштабах тогда же наблюдалось по притокам Иртыша — Вагаю и Ишиму. Севернее этой сельскохозяйственной полосы русское население обитало разрозненными немногочисленными группами по Оби (города Березов, Сургут, Нарым, Носовой городок и их окрѳга) и занималось пушным и рыбным промыслами.

Другим районом раннего сельскохозяйственного освоения русскими переселенцами Западной Сибири была территория между городами Томск и Кузнец, основанными соответственно в 1604 и 1618 гг. Опираясь на этот район, с начала XVIII в. русские земледельцы продвигались к истокам Оби. Проникновение русских промысловиков в Восточную Сибирь началось в XVI в. По мере освоения бассейна Енисея с 20-х годов XVII в. на его среднем

течении вплоть до устья Ангары создавался второй по значению хлебопроизводящий район, который постепенно разрастался, охватывая бассейны притоков Енисея — Пита и Кеми, а также р. Белой, и простирался вверх по Енисею до основанного в 1628 г. города Красноярска. Южнее до конца XVII в. сельскохозяйственному освоению земель препятствовали монгольское государство Алтын-ханов, киргизские и ойратские владельцы, входившие в политическую орбиту Джунгарского ханства. Сельскохозяйственные селения, основанные на Енисее русскими крестьянами в XVII — начале XVIII в., составляли большую часть населенных пунктов, существовавших там и в начале XX в. С конца 60-х годов XVII в. по 1710 г. население Енисейского и Красноярского уездов возросло вчетверо и составляло более 13 тыс. человек мужского пола (*Александров В.А.*, 1964. Гл. II).

Промысловое освоение Восточной Сибири с 1620-х годов начало охватывать Якутию и Прибайкалье. В середине XVII в. в Якутии ежегодно находилось до 3—4 тыс. русских промышленников. В верховьях Лены и по Илимусу создавался хлебопроизводящий район. Только в Илимском уезде с середины XVII в. по 1722 г. количество крестьянских дворов выросло со 136 до 924. В это же время на крупнейших реках Индигирке, Колыме, Яне, Оленёке, Анадыре и особенно в устье Лены часть промышленников стала оседать на постоянное жительство, и там образовались локальные группы старожильческого русского населения, испытывавшего сильное этническое влияние со стороны соседей. В Забайкалье, присоединение которого началось с севера из Якутии и с запада из Прибайкалья с середины XVII в., русское население до XVIII в. обживалось медленно, хотя очаги постоянного заселения возникали по р. Селенге, около отдельных острогов на путях к Приамурью и в Нерчинском уезде. К 1680-м годам в Забайкалье и Приамурье проживало до 2 тыс. русских мужчин, но в результате агрессии Китайской империи по Нерчинскому мирному договору 1689 г. Россия была обязана увести свое население с Амура (*Александров В.А.*, 1984. Россия... Гл. 1).

На протяжении XVII в. в Сибири появились обширные районы с русским оседлым земледельческим населением, и образовались локальные группы промыслового населения в тундровой полосе. К XVIII в. русских стало больше, чем представителей местного разноплеменного населения. Наконец, русские переселенцы, осевшие на постоянное жительство, имели нормальный семейный состав, так как в среднем мужчин было столько же, сколько и женщин. По официальным данным 1710 г., в Сибири насчитывалось в округленных цифрах 314 тыс. русских переселенцев обоого пола (местного населения — на 100 тыс. меньше), из них 248 тыс. проживали в Западной и 66 тыс. — в Восточной Сибири. Подавляющее большинство переселенцев концентрировалось в основной сельскохозяйственной полосе — Тобольском, Верхотурском, Тюменском, Туринском, Тарском, Пелымском уездах (106 тыс. человек мужского пола) (Русские старожилы Сибири. С. 23). Все русские почти исключительно поморского происхождения пришли туда в потоке стихийного переселения. Эпизодические попытки правительства при помощи учреждения в Зауралье застав регулировать этот поток успеха не имели.

Урегулирование с Китаем границ вдоль монгольских земель и постройка сложных оборонительных линий в Западной Сибири и на Алтае способствовали безопасности южносибирской лесостепи и степи, что определило наметившееся с середины XVII в. «сползание» земледельческого населения из таежной полосы на более плодородные угодья. Создание очагов крупной горнорудной промышленности, особенно на Алтае, и появление серебряноплавильного завода около Нерчинска, в свою очередь, вызвали перемещение населения. Прокладка внутрисибирских трактов облегчала заселение новых территорий. Наконец, с усилением аппарата местного управления правительство добилось возможности регулировать перемещения населения как в Сибирь, так и внутри нее, а также обеспечивать его административное переселение и усиливать масштабы ссылки, в результате чего русское сибирское население стало пополняться выходцами из разных регионов Европейской части страны.

На протяжении XVIII в. южнее старой западносибирской сельскохозяйственной полосы сложилась новая, включавшая Курганский, Ялуторовский, Ишимский, Омский уезды, и ставшая наиболее заселенной частью Западной Сибири. Таким образом, на земле, освоенной русскими, увеличивалась плотность населения, и продолжалось ее расширение в южном направлении, смыкались отдельные микрорайоны. Тот же процесс происходил в XVIII в. в Томско-Кузнецком районе, Барабинской степи и на южных алтайских землях, где не только расширялось сельскохозяйственное производство, но и развивалось горнозаводское дело (на Колывано-Воскресенских заводах). Эти территории на протяжении XVIII в. заселялись очень интенсивно. В заселении Томско-Кузнецкого (Алтайского) района значительную роль сыграли внутрисибирские перемещения с более северных ранее освоенных территорий. До конца XVIII в. на Алтае число селений возросло с 34 до 509, в Томском уезде с конца XVII в. до 1762 г. — с 66 до 331, а в Кузнецком — с 31 до 211 (Русские старожилы Сибири. С. 40—41).

В Восточной Сибири в XVIII в. процесс заселения и освоения земель проходил не менее интенсивно за счет переселенцев. Особенно заметен стал поток переселенцев в Красноярский уезд. После ухода киргизских князцов из Абаканских степей в Джунгарию началось интенсивное освоение русскими территории, располагавшейся по Енисею до впадения в него рек Абакан и Туда (Минусинская впадина), по р. Кан и особенно в бассейне р. Чулым.

Огромное значение для Прибайкалья в XVIII в. имела прокладка Сибирского тракта, который из Западной Сибири от Томска и Ачинска шел по равнинным местам, заселявшимся земледельцами, через Красноярск и Канск на Нижнеудинск и Иркутск. Проведение тракта и общесибирский отлив населения на юг оказали влияние на перераспределение русского населения в Прибайкалье, которое концентрировалось там в нескольких районах — по берегам верхней Лены, вокруг Илимска, Иркутска, Братска, Бельска. Житница Прибайкалья — старый Илимс-

кий уезд, охватывавший часть бассейна р. Илим и верхней Лены, уступал свое хозяйственное значение более южным районам. Отсюда местные власти переселяли крестьян на юг. В целом же русское население Прибайкалья за полвека, с 1710 по 1762 г., возросло почти вдвое, а за последующие 20 лет — еще на треть. По-прежнему основным источником пополнения оставались вольные переселенцы, но существенную роль в 60—80-х годах XVIII в. начала играть и ссылка.

Своеобразно формировалось в XVIII в. русское население в Забайкалье. В отличие от других областей Сибири, где помимо прибытия новопоселенцев немалую роль играл естественный прирост, в Забайкалье рост населения зависел прежде всего от организованных правительственными властями переселений для обеспечения Нерчинских сереброплавильных заводов рабочей силой и заселения трактов, особенно на Кяхту. В итоге по интенсивности роста населения Забайкалье не уступало другим областям Восточной Сибири. В XVIII в. фактически заново осваивались территории бассейна р. Селенги и междуречье Шилки и Аргуни. Росло население и в ранее заселенных районах Читы и Нерчинска. Однако на бескрайних просторах Забайкалья в течение XVIII в. русские образовали еще только локальные районы заселения.

Принципиальных изменений в русском расселении на северо-восточных промысловых территориях Якутии, Чукотки, Охотского края в XVIII в. не произошло. Основная часть русских по-прежнему обитала в районе Якутска и расселялась вдоль Иркутско-Якутского тракта, тянувшегося по берегам р. Лены. Небольшие группы проживали на Олекме, Алдане, Оленёке. Расширился ареал освоения Приполярья — низовий Лены, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы. В XVIII в. началось освоение Камчатки. В целом численность постоянного русского населения северо-восточного региона возрастала медленно. В течение XVIII в. этот прирост обеспечивался в Сибири не только за счет новопоселенцев, но и внутреннего развития населения, при котором естественный прирост был выше, чем в Европейской части страны.

Можно считать, что в это время именно старожилы-сибиряки стали играть ведущую роль в освоении Сибири. В абсолютных цифрах русское население этого региона (в душах мужского пола) с 1710 по 1795 г. увеличилось втрое — со 158 тыс. человек почти до 450 тыс., а с лицами женского пола достигло 1 млн; 328 тыс. мужчин обитало в Западной Сибири и 122 тыс. — в Восточной. В Западной Сибири старая (таежная) земледельческая полоса и новая лесостепная слились и составили сплошную территорию, на которой к 1795 г. обитало 227 тыс. земледельцев. С ней постепенно смыкался Томско-Алтайский район (60 тыс. человек м.п.). Активно осваивалась Барабинская степь (40 тыс. человек м.п.). В Восточной Сибири наиболее заселенными оставались Енисейско-Красноярский и Илимско-Иркутский регионы (более 80 тыс. человек м.п.).

* * *

Одновременно со стихийной миграцией в Северное Приуралье и далее в Сибирь, во второй половине XVI в. началось движение из центральных районов страны в южнорусскую лесостепь. Если в переселении севернорусского крестьянства на восток политический момент — разгром Казанского ханства — послужил только импульсом, то в борьбе за южнорусские земли с Крымским ханством, а затем и с Турцией, затянувшейся до конца XVIII в., организующая роль государственной власти выдвигалась на первый план. Освоение русским народом черноземной лесостепной полосы южнее р. Оки стало одним из важнейших этапов расширения его историко-этнической территории. После татарского опустошения XIII в. вся эта полоса лежала в руинах и получила емкое название «Дикое Поле». Однако она не обезлюдела окончательно. Но в отличие от других регионов, на которые распространялось русское заселение, хозяйственное освоение «Дикого Поля» затруднялось сложными политическими обстоятельствами.

После падения Казанского ханства очагом опасности для южных и юго-восточных границ образовавшегося Русского государ-

ства оставались Крымское ханство и Ногайские орды. Эта опасность, воплощавшаяся в набегах, уgone и разорении населения районов даже севернее течения Оки, обострялась тем, что Крымское ханство попало в вассальную зависимость от Османской империи, которая на протяжении XVI—XVII вв. вела упорную наступательную политику в отношении Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Ирана. Незыблемость существования Крымского ханства была основой политики Турции в Причерноморье, а набеги на русские земли, а также на украинские территории Речи Посполитой составляли одну из экономических основ жизни ханства, что исключало возможность какого-либо соглашения с ним России. Это обстоятельство порождало для последней необходимость вести оборонительную борьбу, которая осложнялась необходимостью эффективной защиты региона так называемых «заоцких городов», расположенных между верхним течением Оки и бассейном ее притоков — Протвы (с притоком Лужей), Угры и Жиздры. Эта область, давно заселенная, была довольно плодородна, имела по Оке, притокам Десны и сухопутным дорогам устойчивые экономические и иные связи с центром страны. Еще большее значение имела Рязанская земля — один из важнейших и плодороднейших тогда земледельческих центров Руси.

В середине 1636 г. правительство приняло решение о восстановлении старой Засечной черты XVI в. (она пришла в полный упадок в годы Смуты и после нее) и о создании новых оборонительных линий, строительство которых продолжалось весь XVII в. и первые десятилетия XVIII в. На протяжении пяти лет была перестроена Засечная (приокская) линия, тянувшаяся примерно параллельно Оке между мещерскими и брянскими лесами на протяжении 500 верст. Особое внимание уделялось наиболее уязвимой восточной ее части, где тульские, веневские, каширские и рязанские засеки были подвергнуты серьезной реконструкции.

Впереди этой линии возвышалась еще более грандиозная передовая Белгородская линия, тянувшаяся на 800 верст с запада

от верхнего течения Ворсклы до Дона и далее на северо-восток вдоль течения рек Воронеж и Цна. При этом строительстве первостепенное внимание уделялось оборонительным сооружениям на «татарских» шляхах. Всего на Белгородской черте было выстроено 22 города-крепости и между ними множество острожков. В 1679 г. началось строительство новой Изюмской черты, протянувшейся на 400 верст. В результате к 90-м годам XVII в. нападения татар постепенно прекращались (*Важинский*. С. 45—49).

Строительство укреплений глубоко эшелонированной обороны, охватывавшее многие сотни верст, имело огромное значение для хозяйственного освоения русскими южной лесостепной полосы. В связи с этим строительством происходили серьезные изменения демографического порядка. Необходимость пополнения гарнизонов вынуждала местную административную власть принимать на воинскую службу вольных переселенцев, среди которых часто встречались беглые крестьяне и холопы. В результате в южных уездах складывались две основные группы русского населения — крестьянство и служилые люди приборной службы, и мелкие дети боярские.

В 1647 г. состоялось решение о переводе на юге целого ряда сел, принадлежавших крупной земельной знати и монастырям, на имя великого государя, т.е. под государственную юрисдикцию, чтобы снять социальную напряженность. Владельцы этих сел вознаграждались землями в центральных уездах. Наконец, после принятия в 1649 г. Соборного Уложения в южных городах практически игнорировалась статья об обязательном возвращении помещикам беглых крестьян. Только с 1680-х годов в интересах крупных землевладельцев правительство стало отходить от «охранительной» политики, и крепостничество стало распространяться на южную «украину». Благодаря этой политике даже при потерях от крымских набегов первой половины XVII в. русское крестьянское население южных окраин насчитывало в середине века 230 тыс. человек. После сооружения Белгородской черты оно бурно росло и осваивало край. В 1678 г. только крестьян там было 470 тыс. человек. Число служилых людей, постоян-

но проживавших на территории Белгородского и Севского военных округов, в конце XVII в. достигало 84 тыс. человек, многие из них занимались сельским хозяйством. Характернейшей особенностью всей полосы Белгородской черты стало заселение ее с 30—40-х годов XVII в. украинским населением, бежавшим на землю Российского государства после подавления восстаний 1630, 1638 гг. правительственными войсками Речи Посполитой на территории Правобережной (по преимуществу) Украины и оседавшим вплоть до городов Острогожска и Коротояка. В результате вдоль Белгородской черты постепенно складывалась этнически сложная русско-украинская территория.

Волна миграции русского населения в лесостепную и степную полосы Восточно-Европейской равнины, на востоке смыкалась с движением в Среднее Поволжье. Переселенцы пополняли казачье население, осваивавшее с XVI в. бассейн нижнего Дона и Приазовье. После падения Казанского и Астраханского ханств во второй половине XVI в. в Среднем Поволжье русское земледельческое население концентрировалось возле возведенных в тот же период на волжском правобережье городов Чебоксары, Цивильск, Козмодемьянск, Кокшайск, Санчурск, Лаишев, Тетюши, Алатырь, где русские земледельцы поселялись среди марийского (черемисского) и чувашского населения.

Миграция русского населения в Среднее Поволжье происходила преимущественно из верхневолжского района и «замосковных» уездов. В Среднем Поволжье русскому населению не угрожали такие опасности, какие представляли собой на «Диком Поле» крымские татары. Однако московское правительство в конце XVI — первой половине XVII в. также начало возводить там засечные линии, а после создания Белгородской черты продолжило ее от Тамбова к Симбирску (Корсунско-Симбирская линия). В Заволжье несколько ниже Симбирска в 1652—1656 гг. была возведена Закамская линия для предотвращения набегов немирных ногайских и башкирских отрядов. Заселение Среднего Поволжья имело тот же характер, что и заселение «Дикого Поля». В XVI—XVII вв. оно осуществлялось преимущественно стихийно, гар-

низоны составляли в основном переведенные из других городов служилые люди по прибору. Однако в этом краю наряду со стихийным потоком русских переселенцев с самого начала стали появляться и «переведенцы», т.е. представители зависимого крестьянства, владельцам которых — светским феодалам и монастырям — в Поволжье раздавалась земля. Кроме того, колонизация этого региона русским трудовым людом сопровождалась сложными перемещениями в XVI—XVIII вв. местного населения (марийцев, чувашей, мордвы, татар и т.п.).

Первоначально русские поселения возникли на волжском Правобережье вокруг Свияжска, а затем вплоть до середины XVII в. концентрировались в районе Тетюшей и узкой полосой протягивались по берегу Волги. На остальной заселяемой территории русские селения размещались чересполосно с татарскими, чувашскими, марийскими и мордовскими. С первых же лет русской колонизации Правобережья, еще не вполне завершенной к первой четверти XVIII в., возникло много смешанных по этническому составу селений, а в дальнейшем новые населенные пункты образовывались в результате внутренних миграций и естественного прироста населения. Заселение русскими Заволжья, или Луговой Стороны, растянулось на более длительный срок и развернулось лишь с XVIII в. Там же появлялись этнически смешанные селения. Закамские земли стали заселяться с середины XVII в. после возведения Закамской оборонительной линии (Общественный и семейный быт... Гл. 1). В Башкирии и вниз по Волге русские селения вплоть до XVIII в. появлялись лишь около городов Уфа, Самара (1586), Царицын (1589), Ардатов (1590). Для их защиты в 1718—1720 гг. в междуречье Дона и Волги была сооружена Царицынская оборонительная линия.

В результате миграций историко-этническая территория русского народа расширилась, причем в новых районах заселения русские переселенцы, как правило, становились численно преобладающей частью населения. В среде переселенцев шли консолидационные процессы, так что в результате их приспо-

собления к местным условиям вырабатывались региональные черты хозяйственной культуры и психологического склада населения (уральцы, сибиряки, волжане и т.д.). В дальнейшем эта историко-этническая территория как основа существования русского народа уплотнялась за счет естественного роста населения и его внутренних (областных) перемещений, способствовавших многообразному освоению земель.

Расселение и численность русских в Российской империи (конец XVIII — начало XX вв.)

По разным подсчетам, в Российском государстве проживало в середине XVI в. — от 6,5 до 14,5 млн, в конце XVI в. — от 7 до 15 млн., а в XVII в. — до 10,5—12 млн человек (*Водарский*, 1973. С. 27). О демографическом состоянии Российского государства и русского народа свидетельствуют материалы подушных переписей XVIII в. (*Кабузан*, 1990. С. 84—86, 225—230).

Они отражают не только результаты народных миграций предшествующих веков, но и новые явления в демографических процессах. В 1719 г. население России насчитывало 15738 тыс., из него русские — 11128 тыс. (71%), в 1795 г. население составило 41175 тыс., из него русские — 19619 тыс. (49%). Данные за 1719 г. четко определяют ареал сложившейся историко-этнической территории русского народа, на которой он численно доминировал. Лишь в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье его процент был еще незначителен (соответственно 13% и 15%). Казалось бы, тяготы от многочисленных войн, которые вело Российское государство, прежде всего с Турцией и Швецией, на протяжении всего XVIII в. за выход к Балтийскому и Черному морям и с Персией — за обеспечение своих позиций на Кавказе, а также апогей крепостничества должны были побуждать к продолжению миграций на окраины. Однако прямой связи между тяготами народной жизни и демографической ситуацией не улавливается. Миграции в Восточное Поморье — Приуралье — затуха-

ли, в Сибирь — сильно ослабли. Население Центра, Северного региона и Сибири росло преимущественно за счет интенсивного внутреннего прироста (*Кабузан*, 1971. С. 205—208). Исключение составляли лишь Нижнее Поволжье, Южный Урал и с 1780-х годов — Северный Кавказ, куда в XVIII в. из Центрально-земледельческого и Средневолжского регионов направлялся поток русских переселенцев; их численность возрастала в десятки раз, а территория заселения смыкалась с основной историко-этнической территорией русского народа, расселявшегося среди местных народов в зависимости от условий на пустующих землях либо чересполосно.

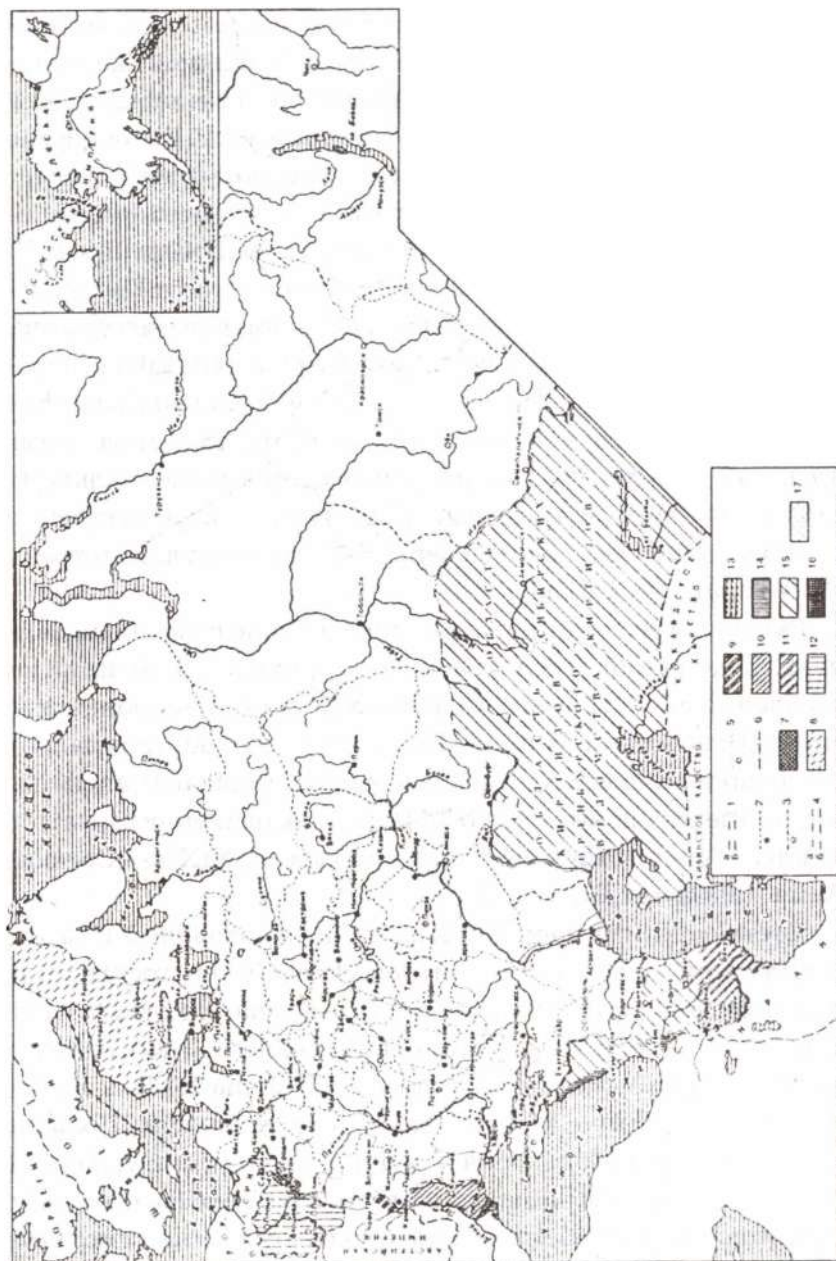
Отток населения наблюдался из Центрально-промышленного региона, но он приобрел иные формы. Если в XVII в. государственная власть была бессильна установить контроль над переселенческим потоком, и заставы не приводили к каким-либо существенным результатам, то в XVIII в. самодержавная власть силами реформированного местного управления и регулярной армии была в состоянии контролировать переселенческую ситуацию. Более того, сама центральная власть и высший слой российского дворянства, получавшего в XVIII в. земли на бывшем «Диком Поле» и в Среднем Поволжье, стали предпринимать переселения своих крестьян (дворцовых и помещичьих) на более плодородные земли. Так, феодальное землевладение «доставало» ушедших ранее беглецов-переселенцев и одновременно снижало хозяйственно-социальную напряженность в центральных губерниях. Тем же путем обеспечивалось рабочими руками промышленное (горнорудное) государственное и частное предпринимательство на Северном Урале, куда переселения крестьян начались с времен Петра I.

Таким образом, на протяжении XVIII в. историко-этническая территория русского народа при довольно высоком уровне его естественного прироста уплотнялась и расширялась в южном направлении, охватывая Южный Урал, Нижнее Поволжье, Приазовье, Ставрополье, Северный Кавказ, а затем и Кубань. В XIX в. эта территория в основной ее части сформировалась

вполне определено. Продолжался процесс интенсивного освоения русскими земель Европейской и Азиатской частей государства, в географическом отношении представлявших собой разнообразные природно-климатические зоны. Европейская Россия занимала лишь 1/4 площади страны, но концентрировала 2/3 ее населения. Из 19,6 млн кв. км площади всей России на Европейскую часть приходится 5,0 млн кв. км (Водарский, 1973. С. 53; Дулов. С. 12). Азиатская часть России, как и Европейская, отличается разнообразием природно-климатических условий. Территория Сибири и Дальнего Востока равняется 12,0 млн кв. км (тундра, тайга, степь и лесостепь). Средняя Азия и Казахстан представляют собой сочетание полупустынных мест с оазисами в долинах рек и предгорий — очагами земледельческой культуры. Русские там в XIX в. находились в основном в северных степных районах Казахстана, занимавшего 1,8 млн кв. км площади страны (Водарский, 1973. С. 53).

Русские в XIX в., проживавшие на давно освоенных землях, продолжали заселять новые территории. Районами их заселения с XVIII в. по 80-е годы XIX в. стали европейские степи (Новороссия, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье), частично до начала XX в. таежные места Северного Приуралья, некоторые районы Северного Кавказа; продолжали осваиваться азиатские степи (в Сибири), со второй половины XIX в. — Средняя Азия и Дальний Восток.

Часть русских в конце XVIII — первой половине XIX в. находилась на западе, где территория Российского государства расширилась от южной Прибалтики до границ с Восточной Пруссией, западнее — до Немана, Западного Буга, Днестра, южнее — до Крымского полуострова. С конца XVIII и в первой половине XIX в. в Россию вошли Финляндия, часть Польши, Бессарабия, некоторые районы Дунайского устья, где среди различных народов расселялись и русские. Такое расширение территории было связано с внешней политикой России того периода: войны с Турцией (1787—1791 гг.), Швецией (1788—1790 гг.), война 1812 г. и военные действия в последующее время.

На всем пространстве своего проживания русские были размещены неравномерно. Около половины их обитало в местах, обжитых еще с XIV—XVI до начала XX в. Их расселение на пространстве России выглядит в виде «клина», самая плотная область которого находится в средней полосе Европейской части, к востоку от нее идет сужение «клина», а основание его находится на западном рубеже от северо-западных границ страны до Молдавии. В Сибири этот «клин» сужается еще более по линии от среднего Урала до Томска—Новосибирска—Кузнецка—Красноярска—Иркутска—Хабаровска к Тихому океану.

К концу XIX — началу XX в. основную территорию русского населения в Европейской части России составили Центрально-промышленный, Центрально-земледельческий районы и Европейский Север, где проживало 90% всего народа. В течение XIX в. историко-этническая территория русских уплот-

Российская империя в первой половине XIX в.

границы: 1 — государственные Российской империи на 1801 г.: а — твердые, б — не установленные окончательно, 2 — границы и центры губерний на 1801 г., 3 — границы и центры губерний и областей по штатам 1803—1807 гг., 4 — государственные Российской империи на 1860 г.: а — твердые, б — не установленные окончательно, 5 — границы и центры губерний и областей к 1860 г., 6 — государственные зарубежных государств;

территории, присоединенные к Российской империи: 7 — по Тильзитскому договору 1807 г. между Францией и Россией, 8 — по Фридрихсгамскому договору 1809 г. между Швецией и Россией, 9 — по Шенбрунскому договору 1809 г. между Францией и Россией, 10 — по Бухарестскому договору 1812 г. между Османской и Российской империями, 11 — по Гюлистанскому договору 1813 г. между Ираном и Россией, 12 — по заключительному акту Венского конгресса, подтвержденному Парижским договором 1815 г., 13 — по Туркманчайскому договору 1828 г. между Ираном и Россией, 14 — по Адрианопольскому договору 1829 г. между Османской и Российской империями, 15 — земли горских народов Кавказа, Западной и Восточной Грузии, часть Дагестана, младший, средний и часть старшего киргизских жузов; территории, отошедшие от Российской империи: 16 — Лапландские погосты — по соглашению Швеции и России 1826 г., 17 — Южная Бессарабия — по Парижскому договору 1856 г.

нилась как за счет естественного прироста населения, так и за счет внутренних перемещений при освоении новых пространств. В отдельных регионах Европейской России численность русских составляла: в Приуралье — до 70% всего населения, в Поволжье — 63%, на Северном Кавказе — более 40%. В Сибири к этому времени русские составили уже три четверти населения (77,6%). Только на Дальнем Востоке и в Казахстане численность русских не превышала численности других народов, и из пришлых народов они уступали украинцам. В результате такого размещения к началу XX в. чуть более 50% численности русских сохранялось в районах старого обитания. В Сибири, Средней Азии, Казахстане, Поволжье, на Кавказе и Урале проживало 44,6% русских, остальные — за пределами России (Этнография восточных славян. С. 12, 56—57).

Размещение населения России, в том числе и русского, его рост на протяжении XIX в. имели свои особенности. Повсеместно в Европейской России, кроме южных окраин, основной причиной увеличения населения был естественный прирост. Только в Сибири и на юге Европейской России его численность в это время росла в большей степени за счет миграционного притока. С начала XVIII и до середины XIX в. население Сибири увеличилось с 241 тыс. до 1356 тыс. душ (муж. пола). С начала XIX в. было предпринято государственное регулирование миграций в Сибирь. Из правительственных переселений с конца XVIII по первую треть XIX в. большую долю составила ссылка, за 1816—1834 гг. сюда прибыло 120 тыс. ссыльных, размещенных на юге Томской, Енисейской, Тобольской, Иркутской губерний и в Верхне-Удинском уезде. Среди них было мало женщин, что снижало естественный прирост населения, но в целом он давал 3/4 общего прироста (*Кабузан*, 1971. С. 33—55). В результате освоения южных районов Сибири к началу XIX в. сформировалась новая административная единица — Степной край с центром в Омске. По его территории проходили укрепленные военные линии с форпостами, соединенные трактами. Количественное соотношение населения в разных регионах Сибири к 1851 г. было

следующим: на севере Западной Сибири — 1,6% населения, в западных округах раннего заселения — 22,4%, в юго-западных округах позднего заселения — 40,0%, в восточных и юго-восточных округах — 36,0% (*Покшишевский*. С. 102—104).

С начала XIX в. начали заселяться степи Северного Казахстана. В 1858 г. туда пришло 217 тыс. переселенцев. Население сибирских и казахстанских степей к тому времени насчитывало 3 млн человек, в 1867 г. — 6 млн, нерусское население Сибири — 685 тыс. человек, в Казахстане — 1582 тыс. Государственные крестьяне составляли 87% населения, городские жители — 3%. Несмотря на огромный приток переселенцев, плотность населения была невелика — 0,22 человека на 1 кв. км (*Водарский*, 1973. С. 100—101, 152). Таким образом, в первой половине XIX в. русскими были освоены значительные пространства в Европейской и Азиатской частях России, что расширяло их этническую территорию. Численность народа росла как в старозаселенных районах, так и на новых землях, где этому процессу способствовал усиленный приток русских переселенцев из основных районов его размещения.

Во второй половине XIX в. продолжалось освоение новых территорий на юге Европейской части, в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. К концу XIX в. по сравнению с 1858 г. численность всего населения России увеличилась с 67,8 млн до 116 млн человек, а к 1914 г. — до 163 млн. Русские, по данным переписи 1897 г., составляли 55 400 309 человек, или 47,66% всего населения государства. Основная их масса находилась в Европейской России — 48 063 116 человек. Вместе с украинцами и белорусами они составили 71% населения (ААН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 390. Л. 1), причем в число русских вошли все те, кто считал русский язык своим родным. Перепись 1897 г. подразделяла население не по этнической принадлежности, а по родному языку.

Этнические процессы во второй половине XIX в. отличались особой активностью и своеобразием. Результатом их было размывание локальных групп народа в центре расселения и

формирование их на окраинах. Общим для всех русских регионов после отмены крепостного права и вступления России на капиталистический путь развития стало изменение социальной структуры населения. Происходил не только рост его численности, но и увеличение доли городского населения, особенно занятого в промышленности, и уменьшение доли сельского населения. Часть крестьян, составлявших по-прежнему большинство населения, вошла в состав рабочих. В среду городских податных сословий и государственных крестьян влились мелкая шляхта, лишенная дворянских прав, а также бывшие помещичьи крестьяне, которые освободились из-под власти своих господ. Заметно росла численность крестьян в городах. В целом за период с 1863 по 1914 г. все население России увеличилось на 260%, а городское на 350% (Общий свод... С. 4—86). Соотношение его сословных категорий имело существенные отличия по регионам и было связано с экономическими, демографическими и миграционными процессами в каждом из них.

В Центрально-промышленном районе (Московская, Тверская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Нижегородская, Владимирская, Тульская, Костромская, Ярославская губернии) на долю крестьянского землевладения приходилось 46%. Здесь была главная зона обрабатывающей промышленности России. Все население насчитывало 28 680 016 человек, плотность его к 1897 г. равнялась 28,3 человека на 1 кв. км, а в 1914 г. — уже 38,3 человека. Русские составляли более 94% населения (Общий свод... С. 4—86). В целом по региону наблюдался отлив населения. К началу XX в. отсюда выселилось, главным образом в Сибирь, 53 тыс. человек, поэтому население региона за 1897—1916 гг. увеличилось лишь на 31,6%.

На старозаселенной территории Европейского Севера (Вологодская и Архангельская губернии) русские к началу XX в. составляли 89% населения, остальные — коми, карелы, вепсы, лопари, ненцы — 11%; 93% площадей региона принадлежало государству, под крестьянскими пашнями находился всего 1% земли. Плотность населения в крае в 1897 г. равнялась 1,6 человека

на 1 кв. км, в 1914 г. — 2,0 человека. Его численность в 1897 г. равнялась 2052 тыс. человек, в 1914 г. — 2701 тыс. Миграции населения в другие регионы «затухали». Крестьянство оставалось по-прежнему основной категорией населения, городские сословия насчитывали 188 тыс. человек (*Яцунский*. С. 47—50, 54).

Северо-западные губернии России (С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая) относились также к старозаселенным русским губерниям. Русские там в конце XIX в. составляли 94% населения; 6% приходилось на финские народы (карелы, финны, лопари, вепсы, ижора, водь), на немцев и других иностранцев. Губернии были населены неплотно: по 14 жителей на 1 кв. км; крестьянские пашни занимали 10% площадей. Все население в 1897 г. насчитывало 4 965 529 человек, увеличившись за 1867—1897 гг. на 58,9%. Сильный приток населения был в столицу, население которой в начале XX в. насчитывало 2,3 млн человек (*Яцунский*. С. 47—50).

Русская Центрально-земледельческая зона (от Тульской до Воронежской и Пензенской губерний), расположенная в бассейнах Оки и Дона, имела огромные лесостепные пространства, 57% которых в конце XIX в. находилось в крестьянском пользовании. Освоенность района в конце XIX в. являлась значительной, заселенность края была также высокой: 40,8 человека на 1 кв. км в 1897 г., 55,3 — в 1914 г. Население Черноземного центра насчитывало 12 842 тыс. человек в 1897 г., 17 839 тыс. — в 1914 г., увеличившись за вторую половину XIX в. на 26,4% (при его приросте 1,31% в год). За 1897—1916 гг. из-за малоземелья отсюда переселилось преимущественно за Урал 849,1 тыс. человек. Район стал также поставщиком земледельческих рабочих, уходивших на временные заработки и переселявшихся на постоянное жительство в другие регионы.

На юге и юго-западе этого края — в пограничной полосе русско-украинского расселения — продолжались сложные этнические процессы, связанные с характером размещения народов. Здесь еще шли процессы ассимиляции одного народа другим (рус-

ским — в местах с подавляющим их составом, украинским — при его численном превосходстве), а в этноконтактных зонах — этносмещения; *Чижикова*, 1988. С. 47—62).

В Приволжском районе, часть которого по Средней Волге была заселена ранее, а освоение Нижнего Поволжья еще продолжалось, к концу XIX в. насчитывалось уже 75% русского населения (остальные — татары, чуваша, марийцы, мордва, немцы, киргизы, башкиры, калмыки). В ранее заселенных губерниях Среднего Поволжья население росло за счет естественного прироста и увеличилось за вторую половину XIX в. на 30,9%, а в Нижнем Поволжье за счет миграций — на 69,5%. В начале XX в. население стало мигрировать в общем потоке из Нижнего Поволжья в Сибирь и на Дальний Восток; с 1897 по 1916 г. туда переселилось 58 тыс. человек, в основном малоземельных крестьян. Естественный же прирост в Нижнем Поволжье оставался высоким, как и в других южных губерниях (2% в год), благодаря чему не снижалась численность населения в крае (*Яцунский*. С. 47—50, 54). В Приуралье (Вятская и Пермская губернии), на Среднем и Южном Урале (Екатеринбургская, Оренбургская, Уфимская губернии) к концу XIX в. русские составили 80% населения (20% — башкиры, тептяри, мещера, удмурты, татары, марийцы, чу-

← Размещение русских (конец XIX в.).

Карта составлена Г.Н. Озеровой, Т.М. Петровой, 1979 г.

территории: а, б — русская этническая, и том числе: в — казачьих войск, г, д — групп с особыми названиями и самоназваниями; границы: е — между севернорусской и среднерусской группами, ж — между среднерусской и южнорусской группами, з — государственные на конец XIX в., и — губерний, округов и краев, к — административные центры; основные группы русского народа (конец XIX в.): историко-этнографические группы в Европейской части России: у севернорусских: 1 — поморы, у южнорусских: 2 — полехи, 3 — горюны, 4 — саяны, 5 — мещера, 6 — однодворцы, в Азиатской части России: 7 — уральцы, 8 — поляки, 9 — каменецики, 10 — селмейские, 11 — якутяне, 12 — затундренские крестьяне, 13 — русскоустинцы, 14 — колымчане, 15 — марковцы, 16 — камчадалы; этносоциальные группы в Европейской части России (казаки): I — донские, II — терские, III — астраханские; в Азиатской части России: IV — уральские, V — оренбургские, VI — сибирские, VII — семиреченские, VIII — забайкальские, IX — амурские, X — уссурийские

ваши, коми-пермяки и манси). Более плотно русские заселяли южные уральские земли. В Северном Приуралье плотность населения в 1897 г. равнялась 12,5 человек на 1 кв. км, в 1914 г. — 16,5; в Южном Приуралье в 1897 г. — 13,7, в 1914 г. — 23,8. Крестьянские земли в уральских губерниях занимали 42% площадей (под пашнями 22%).

В южных пределах Европейской России наблюдалась другая демографическая ситуация. Новороссия (Екатеринославская, Таврическая), Ставропольская губерния и Область Войска Донского, как и другие южные регионы, в этот период продолжали заселяться, и здесь наблюдался повышенный естественный прирост населения, а сильная миграция по сравнению с ним имела второстепенное значение. В начале XX в. приток населения несколько сократился. Сюда прибывали в основном переселенцы из Левобережной Украины, поэтому русские вместе с украинцами составили к концу XIX в. 87% населения (остальные — румыны, евреи, татары, немцы, болгары и др.). Заселенность новороссийских земель в 1897 г. равнялась 13,7 человека на 1 кв. км, в 1914 г. — 23,8 человека. Освоению степей Новороссии крестьянами способствовало освобождение их от крепостных пут после реформы 1861 г. (*Яцунский*. С. 47—50, 54).

Во второй половине XIX в. переселенцами из России и Левобережной Украины продолжалось освоение Предкавказья. Численность населения здесь увеличивалась как за счет высокого естественного прироста, так и за счет миграционного притока, несколько уменьшившегося только в начале XX в. при отливе населения в Сибирь (53,5 тыс. человек). В 1897 г. все население Предкавказья насчитывало 3784 тыс. человек (3340 тыс. — сельское, 444 тыс. — городское), в 1914 г. — 5727 тыс. (5091 тыс. — сельское, 636 тыс. — городское). Русские (вместе с украинцами и белорусами) в конце XIX в. составляли на всем Кавказе 34% населения, но в отдельных областях они насчитывали: в Кубанской — 90,6%, Ставропольской — 92, в Терской — 33,7%. К 1917 г. русские на Северном Кавказе составляли 47% населения (*Водарский*, 1973, С. 141, 152).

Азиатская часть России во второй половине XIX в. также продолжала осваиваться русскими переселенцами. В 1870-е годы правительство ограничивало поток вольных переселений, а в 1880—1890-е годы усилилась роль государственного регулирования переселенческого движения. За 1860—1870-е годы в Сибирь переселилось 129 тыс. человек. Они были размещены в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, и Приморье и Амурской области. В 1890-е годы началось заселение Уссурийского края: к 1898 г. туда перебрались 8400 человек в основном с Украины и южнорусских губерний. В это же время новоселы размещались в Амурской области: в 117 селениях и на 4 переселенческих участках поселились 9755 семей с Украины, из южнорусских, поволжских губерний (Астраханской, Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Донской области) и из Сибири (Енисейской и Томской губерний, из Забайкалья). Продолжали прибывать ссыльно-поселенцы в Забайкалье. На о. Сахалин за 1899 г. прибыло 34 368 человек. В Западной Сибири в это время переселенцы оседали в основном на Алтае, в Томской губернии.

Таким образом, к началу XX в. русские (частично украинцы) продолжали заселять сибирское пространство по течению всех крупных рек и их притоков — Оби, Енисея, Ангары, Лены, Амура, Колымы, Камчатки, Анадыря и др. Широкой полосой их расселение охватило юг Сибири вдоль железной дороги, которая прошла южнее старого сибирского тракта, причем эта полоса сужалась с запада на восток, а ее «утолщения» приходились на Алтай и верховья Енисея (Минусинский край). Наименьшая заселенность наблюдалась в северных и северо-восточных районах Сибири (низовья Енисея и Лены, Чукотка, Камчатка, Якутия) и на Дальнем Востоке (Амурская область, Южно-Уссурийский край, Приморская область). Площадь всего осваиваемого русскими сибирского пространства к концу XIX в. равнялась 1,2 млн кв. км.

В начале XX в. численность русских вместе с украинцами и белорусами в Сибири равнялась 9 млн человек. Русские со-

ставили 78% всего населения Сибири, причем в Западной Сибири — 94% населения, в Енисейско-Ангарском крае — 90%, в Амурско-Приморском — 75%, по Лене — 70%. Численное преобладание коренных народов отмечалось только на крайнем севере Восточной Сибири. Плотность населения в целом по Сибири оставалась низкой: в 1897 г. 0,5 человека на 1 кв. км, в 1914 г. — 0,8 человека (*Покишишевский*. С. 171—173).

В Северном Казахстане русское население размещалось в Уральской, Акмолинской и Семипалатинской губерниях. Вместе с другими восточнославянскими народами к концу XIX в. оно составило 33% всего населения в Акмолинской губернии, 25,4% — в Уральской, 10% — в Семипалатинской (Русские старожилы Сибири. С. 178, 186). Во второй половине XIX в. после присоединения к России Средней Азии (Туркестанский край) туда началась миграция русских переселенцев. Причины ее были те же, что и в другие заселяемые районы, — аграрное перенаселение в старозаселенных земледельческих губерниях. Эти передвижения осуществлялись путем как самовольных поселений, так и правительственных поселений (закон 1881 г.) на свободных казенных землях. В 1889—1891 гг. 40% семей переселенцев были приселившимися самовольно. Средняя Азия стала в это время вторым колонизационным районом после Сибири. В начале XX в. сюда направилось 39% всех переселенцев России.

Заселение Туркестана русскими началось в 70-е годы XIX в. с Семиреченской области («казачья» колонизация около форпостов и укреплений). В районе Каспия их поселения со временем стали рыбацкими поселками и вошли в состав Закаспийской области. Природно-климатические условия края благоприятствовали развитию сельского хозяйства, на орошаемых землях возникало земледелие и хлопководство. Поток мигрантов прибывал в основном из южнорусских губерний и с Украины. В конце XIX в. они оседали по большей части в Семиречье; Закаспий и Сырдарьинская область еще только осваивались; с 1890-х годов переселенцы начали попадать в Фергану и Самаркандскую область.

К 1916 г. в Туркестане имелось уже 300 русских селений. В период Столыпинской реформы здесь возникли их хуторские и отрубные хозяйства. В целом в Туркестане восточнославянское население, в том числе и русское, составило в 1897 г. 5281 тыс. человек, в 1914 г. — 7147 тыс. Плотность населения в среднеазиатских областях была невысокой: в 1897 г. — 2,2 человека на 1 кв. км, в 1914 г. — 3,1 человека (Общий свод... С. 4—86).

На западных рубежах России (в Прибалтике, Литве, Белоруссии, Правобережной Украине, Финляндии и польских губерниях) к XX в. также имелось оседлое русское население.

В целом в России, по данным переписи 1897 г., русский язык назвали родным 47% ее жителей, украинский — 19%, белорусский — 5%, остальные языки — менее 5%. Вместе с украинцами и белорусами русские составили 71% населения России. По своему сословному составу оно выглядело так: крестьяне всех разрядов (казаки в том числе) — 80%, городские сословия — 10%, прочие — 5%. За период с 1863 г. по 1914 г. городское население только Европейской России увеличилось с 6,1 млн человек до 18,6 млн; в 1913 г. доля городского населения равнялась 17%; 47% горожан составляли купцы, мещане, почетные граждане; 43% — крестьяне и «иностранцы», 7% — дворяне и духовенство, 3% — военные, разночинцы и т.д. (Водарский, 1973. С. 149, 152).

Таким образом, естественное и механическое движение населения России в XIX — начале XX в. сводилось к следующему. Переселения россиян на новые территории, характерные для XIX — начала XX в., привели к отрицательному балансу для Европейской России и особенно в ее Центре. Основной приток переселенцев шел в Азиатскую Россию (в Сибирь, Среднюю Азию) и на Кавказ. Естественный прирост населения в Европейской России к началу XX в. хотя и был выше, чем в первой половине XIX в., но сильно различался по отдельным регионам. В осваивавшихся земледельческих окраинах, так же как и в Азиатской России, он был значительный, а самый низкий — в старозаселенных нечерноземных губерниях. Для крестьянства

степень благосостояния определялась количеством и качеством земли, от чего зависела и рождаемость: в районах, где наблюдался отход населения на заработки, она снижалась, в промышленных районах из-за неблагоприятных условий жизни увеличивалась смертность. Во всех осваиваемых районах при большом притоке населения был высок естественный прирост, в результате чего за вторую половину XIX в. численность населения только юга Европейской России утроилась. Большую роль естественный прирост играл в Донской, Кубанской, Терской областях (Общий свод... С. XV).

Рассмотренные численность и размещение русского народа в России показывают, насколько расширилась его этническая территория за вторую половину XIX — начало XX в. В Центрально-промышленном, Центрально-земледельческом, Северном и Северо-Западном районах Европейской части страны русские составили 90% населения, в Сибири — 75%, в Приуралье — около 70%, на Северном Кавказе — более 40%.

Этнографические группы русского народа

Историко-культурные зоны России

Культурно-этническое единство русского народа не исключало различий в отдельных регионах, хозяйственных зонах и территориях, где русские соседствовали с другими народами. Отличия были разного характера и происхождения. Некоторые из них восходят к раннефеодальному и даже дофеодальному этапам истории. Они выявлены археологическими исследованиями, свидетельствующими, что еще среди восточнославянских племен наблюдались отличительные особенности в материальной и духовной культуре. Такие особенности возникали при расселении славян в Восточной Европе, их взаимодействии с местным населением, при формировании ранней восточнославянской государственности в X—XIII вв. и позднее, в XV—XVIII вв., в процессе освоения русскими новых земель и вхождения других

народов в единое с ними государство. В XIX в. наряду с адаптацией русских на новых территориях и их консолидацией происходили взаимовлияния и взаимопроникновения в культуры других народов. Процессы ассимиляции, имевшие место на ранних этапах истории, продолжались и в XIX в. при пограничном и смешанном расселении и численном преобладании одного народа над другим. Так, ассимиляции русскими была подвержена часть некоторых народов — марийцы и чувашаи в Поволжье, коми в Северном Приуралье.

На территории размещения русских сложились историко-культурные зоны, а в них формировались отдельные группы, имевшие свои особенности в территориальном, этническом, сословном и конфессиональном отношениях. Этническая история русского народа характеризуется перманентным образованием локальных групп; они складывались на новых землях, при «просачивании» на территории, населенные другими народами, при «обтекании» чужих территорий и т.п.

Прежде всего выделяются северная и южная историко-культурные зоны на Европейской территории русского расселения и средняя полоса между ними (главным образом в междуречье Оки и Волги). Такое деление основывается на различиях в говорах и элементах народной культуры. В средней полосе, где формировалось ядро русской народности, получился «сплав» черт в языке и культуре, во всех областях жизнедеятельности народа. В начале XX в. еще прослеживались различия русских в историко-культурных зонах, в дальнейшем шло сглаживание этих черт, но и до сих пор они совсем не исчезли.

Северная историко-культурная зона характеризуется «окающим» диалектом и такими особенностями в культуре, как малодворные сельские поселения, образующие отдельные «гнезда» селений, монументальное жилище (изба), соединенное с хозяйственным двором, так называемый сарафанный комплекс женского народного костюма, особый сюжетный орнамент в вышивках и росписях, бытование былин и протяжных песен

и причитаний, наличием сохи — главного пахотного орудия. Эти черты народной культуры прослеживаются у русских от Волхова на западе до Мезени на востоке, от Беломорского побережья на севере до верховьев Вятки и Камы на юге (в Карелии, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Ивановской, Костромской, на севере Тверской и Нижегородской областей).

В южнорусской зоне отмечаются «акающий» диалект и такие черты в культуре, как многодворные селения, наземные жилища, костюмный комплекс с поневой, полихромный геометрический орнамент, распространенные у населения от Десны на западе до правобережья Волги и Суры на востоке, от Оки на севере до Хопра и Среднего Дона на юге (на юге Рязанской, в Пензенской, Калужской, Тульской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской, Брянской, Курской, Орловской, Белгородской областях).

В междуречье Оки и Волги (в Московской, Владимирской, Тверской, в некоторых районах Нижегородской, на севере Калужской, Рязанской и Пензенской областей) сложилось сочетание тех и других черт в языке и культуре народа: женский костюм с «сарафанным комплексом» и кокошником, жилище на подклете средней высоты и др. Здесь эти сочетавшиеся черты имели не столько локальный, сколько общерусский характер, а московское культурное влияние было ощутимо и в северной, и в южной зонах; московский говор стал основой русского литературного языка.

Северно- и южнорусские этнографические группы народа — наиболее крупные. На окраинных территориях образовались более мелкие группы с отличительными этнографическими особенностями. На западе, по р. Великой, в верховьях Днепра и Западной Двины (Псковская, Смоленская, части Тверской и Калужской областей), в переходной от северной к средней и от средней к южной полосе, у русских прослеживается близость к белорусам, что отразилось на их культуре (народный костюм, планировка жилища, кулинария). В Среднем Поволжье

еще в XVI—XVIII вв. сформировалась группа русских выходцев из разных областей, близкая к поволжским народам (своеобразие некоторых видов орнамента, внутреннего убранства жилища). Но уже с конца XVIII в. здесь отмечалась этническая однородность жителей уездов, так как в результате ассимиляции русскими других этносов русская культурная традиция была уже устойчивой и преобладающей в силу численного преобладания русских.

В Приуралье (Вятская, Пермская, Екатеринбургская, Челябинская области) русских можно отнести к севернорусским, ибо у них окающий диалект, северные черты в народной системе питания, в некоторых обрядах (свадебных), но есть и среднерусские черты в жилище, орнаменте, одежде.

Юго-восточная группа русских (от Хопра до Кубани и Терека), сложившаяся в Области Войска Донского, на востоке Новороссии, в Кубанской и Терской областях, по происхождению была связана с южнорусским населением и украинцами, в ней нет единообразия в языке и культуре.

Кроме крупных территориальных этнографических групп среди русского народа выделяются более мелкие образования, отличающиеся особыми самоназваниями и названиями, своеобразием в хозяйственной деятельности и различных формах народной культуры. Особенно их много в историко-культурной зоне южнорусского населения, «пестрого» по своему происхождению, что было связано с историей заселения степной и лесостепной полосы юга.

Группы русских северной зоны

По сравнению с южнорусским населением, у севернорусских в коренных областях их обитания меньше обособленных культурных групп и местных говоров, так как здесь было меньше передвижений населения (Токарев, 1958. С. 31). При незначительности правительственной колонизации, немассовости стихийных крестьянских передвижений, некоторой доле монастырской колонизации на Русском Севере складывалось

культурно-языковое единство среди населения без резких этнографических и диалектных границ. В диалектологическом и культурном отношении здесь образовалась сплошная территория оающих говоров и севернорусской народной культуры, границы распространения которых совпали с административными подразделениями бывших уездов и даже княжеств, так что говоры и культура целых больших областей представляют собой единое целое. Образовавшиеся территориальные группы русских в XIV—XVI вв. долго именовались чисто географическими названиями: онежане, каргопольщина, белозеры, двиняне, пошехонцы, теблешане, ильменские поозеры, кокшары, устюжане, важане, тотьмичи, вычегодцы и др. В состав всех этих групп вошли словене-новгородцы, «низовское» население Ростово-Суздальской земли и другие этноэлементы. Лишь ильменские поозеры — прямые потомки древних новгородцев — сохраняли физический тип и диалектные особенности новгородского говора (Чебоксаров, 1947. С. 239).

К XIV—XVI вв. относится существование в северодвинских землях «ростовщины», клином врезавшейся в новгородское Заволочье по Северной Двине. Население «ростовщины» по происхождению было связано с потоком «низовской» (ростово-суздальской) колонизации Севера. Ростовские владения занимали часть Белозерья, северо-восточный берег Кубенского озера — Заозерье, северо-восточные части уделов ярославских князей (Бохтюжская волость Кадниковского уезда, Авнежская волость Грязовецкого уезда Вологодской губернии), правый берег Северной Двины — по Кокшеньге, Вели, Ваге, Сухоне (Собрание государственных грамот и договоров. С. 392; Дополнения к актам... С. 382).

Географические названия местных жителей после XVI в. стали малоупотребимы. Но до сих пор сохраняется название наиболее крупной территориальной группы севернорусского населения — *поморов*, расселившихся по берегу Белого моря от Онеги до Кеми и по берегу Баренцева моря. Это потомки новгородцев, частично «низовцев», появившихся здесь в XII в. В природных условиях северных морей они выработали свое-

образный культурно-хозяйственный тип промыслового приморского хозяйства, занимаясь рыболовством и морской охотой, мореходством и предпринимательством. Отличаясь от северных русских по своему хозяйственному быту, они близки к ним по народной культуре.

Среди поморов выделяются более мелкие группы — *усть-цилёмы* и *пустозёры* на Печоре, по происхождению — потомки новгородцев с некоторой примесью местного финно-угорского населения (Зеленин, 1913. С. 363—369; Максимов, 1871. С. 379). Бытует также мнение, что пустозёры — потомки московских служилых людей, смешавшихся с местными «инородцами» (Ончуков. С. 370). Но скорее всего московское влияние проявилось здесь позже (его несли ссыльные и купцы), так же как пришли из Москвы и былины, и акающий говор с мягким [к], которого нет в бывших владениях Великого Новгорода. По быту и цилёмы, и пустозёры близки к новгородцам.

Происхождение еще одной небольшой территориальной группы русских — *сицкарей*, живущих по р. Сить в Моложском уезде Ярославской губернии (по соседству с севернорусскими жителями), связано с ростово-суздальским колонизационным потоком на Север, так как здешнее оканье — владими́ро-ростовское, а не севернорусское. С другой стороны, Поситье в диалектологическом отношении находится на западной границе мягкого [к] в говорах и является островком среди «дзekaющих» говоров; мягкое [к] в говорах и «дзеканье» более поздние, чем оканье. Из-за отличий по языку и быту от остального ярославского населения сицкарей относили и к обрусевшим карелам — соседям Тверского края, и к другим народам (обрусевшим литовцам, белорусам).

По формированию сицкарей можно отнести не только к территориальной, но и к этнотерриториальной группе. Действительно, отдельные этноэлементы «влились» в сицкарей. В удельное время здесь были земли князей Сицких, а после Столбовского мира со Швецией 1618 г. сюда попала часть карел из-за «Свейского» рубежа, в XVII в. туда переселилась часть рус-

ского населения из Центра (из Москвы — ткачи-«хамовники»), а позднее, в XIX в., — снова карелы из Тверской и Новгородской губерний. Таким образом обособление сицкарей нарушилось (Зеленин, 1913. С. 363—369).

К этнотерриториальной группе относятся *тудовляне*, жившие по р. Туд в Ржевском уезде Тверской губернии (близкие к севернорусским по культуре). В сложении этой группы, приняли участие белорусы, что отразилось в языке и народной культуре тудовлян, а некоторые их считали просто обрусевшими белорусами (Карский. С. 22; Гринкова, 1926. С. 83—96).

Формирование еще нескольких небольших местных групп не было связано с этноконтактами. В языковом отношении на юго-западе Европейского Севера отличалась группа *ягутков* (*ягунов*), по происхождению связанная с бурлаками Волги. *Яго* вместо *его* и *кагоканье* (*каго*) — черты бурлацкого говора, проникшего в Череповецкий, Белозерский и Кирилловский уезды Новгородской губернии. В Череповецком уезде *ягутки* были известны и XIX — начале XX в. Такая группа населения — профессионального происхождения, связанного с бурлацкими занятиями и получившая свое название от прозвища. Бурлацкие занятия дали название еще одной группе — древнейшим русским поселенцам в Малмыжском уезде Вятской губернии — *гагарам*, также названным по своей кличке в народе (Зеленин, 1913. С. 417, 441—464; Максимов, 1876. С. 300).

По самоназванию были известны *пушкарки* — крестьяне помещиков Мусиных-Пушкиных в Весьегонском уезде Тверской губернии. Это название произошло от их владельческой принадлежности, ибо по языку и культуре пушкарки не имели отличий от остального населения края, а в целом и от северных русских.

Своеобразием отличались и конфессиональные группы русских. К ним на Севере относятся старообрядцы, широко расселившиеся в XVII—XIX вв. Религиозные течения старообрядцев оформились в результате раскола в православии в XVII в. (церковная реформа патриарха Никона). Известны

два основных направления — поповщина и беспоповщина, в свою очередь делившиеся на многочисленные толки и согласия. Среди севернорусского населения в XVIII в. распространились в основном беспоповские толки, отвергавшие церковную иерархию, — поморский (даниловцы), филипповский, федосеевский и в конце XVIII в. бегунский (страннический) толки; было также несколько согласий по именам их основателей — «учителей». Группы староверов-беспоповцев жили в Заонежье, в Ярославской, Вологодской, Олонецкой, Костромской, Вятской, Пермской, Архангельской, С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Нижегородской губерниях, в Екатеринбургском уезде.

Поповские толки старообрядчества (беглопоповцы, Белокриницкая церковь) и промежуточные между поповцами и беспоповцами (часовенные старообрядцы) имелись на Севере, Верхней Волге и Урале: в С.-Петербургской, Тверской, Костромской, Пермской, Нижегородской губерниях, в Ирбите. Бегунский толк старообрядчества был характерен в конце XVIII—XIX вв. для староверов Северного и Среднего Урала (Пермско-Печорский край). От остального населения староверы отличались замкнутостью и бросающейся в глаза патриархальностью в быту, в большинстве случаев сохраняя народные черты материальной и духовной культуры. Этому способствовало их изолированное расселение и редкие контакты, а иногда и отсутствие их с инаковерующим населением. В численном отношении старообрядцы уступали приверженцам официального православия. В конце XIX в. среди населения северных губерний они составляли от одного до трех процентов, кроме Пермской (7%). (Распределение населения... С. 2—3).

Группы русских южной зоны и центра

В едином южнорусском массиве населения имеется много разных по происхождению групп русских (этнотерриториальных, сословных, конфессиональных). Здесь население обязано своим происхождением характеру заселения лесостепной и степной

полосы России. В XIII—XV вв. эта часть страны во время ордынского владычества и набегов кочевников была опустошена: население было полонено или уходило на север. Позднее окраина стала вновь заселяться выходцами из различных мест по мере продвижения границ Русского государства на юг. Так, среди южнорусских поселенцев постепенно сформировались этно-территориальные образования. Жители Калужско-Брянского Полесья — *полехи* (бассейны Десны, Сейма) — потомки древнейшего населения лесной полосы. Вместе с тем их близость к западным соседям русских и, вероятно, этноконтакты с ними привели к значительной общности с культурой белорусов и частично литовцев. К поляхам примыкают *горюны*, жившие в Путивльском уезде Курской губернии и получившие такое название по кличке, которая образовалась от того, что они якобы «горевали горе», а по другой версии — жили в «местах сгоревших лесов», т.е. так же, как и полехи — лесные жители.

О происхождении горюнов, зафиксированных в документах уже с XVI в., существует много версий, в том числе и такая, будто они потомки древнего племени северян. Но наиболее доказанным является мнение, что они потомки автохтонного населения Полесья (Посемья), впитавшего в себя и новые переселенческие волны XVI—XVII вв. из ближайших к ним районов Чернигова и Брянска (бассейн Десны и верховье Днепра). Этнический состав населения этих районов был смешанным; в частности, в районе, где жили горюны, у населения остались отличительные черты в говоре и в народном костюме (акающие или якающие *егуны* с украинско-белорусскими чертами в культуре).

Некоторыми языковыми особенностями отличались жители Дмитровского уезда Курской губернии *жеки* и *зекуны* (первые, говоря, употребляли частицу *же*, вторые — *зе*).

Своеобразной была группа *саянов* из Курской губернии, из Посемья (Курский, Щигровский, Фатежский, Львовский уезды), которую можно отнести не только к этнотерриториальным, но и к сословным подразделениям народа: саяны с 1600 г. созда-

вали в незаселенных местах монастырские деревни Коренского Рождественского и Курского Знаменского монастырей, среди жителей которых находились выходцы из Литвы и Белоруссии. Не исключено, что их первооснова — древние северянские группы. Белорусско-полесские особенности в языке (замена *ц* и *щ* на *с*, *ж*, *з*, аканье, яканье и др.) и быте (южнорусские черты в западном варианте) заметно отличали саянов от остального населения.

С древним военнослужилым пограничным сословием связано происхождение курских *севрюков*, предки которых несли службу по наблюдению за степными кочевниками (Токарев, 1958. С. 30—31; Зеленин, 1913. С. 120—121, 136, 144; Чижикова, 1988. С. 31—32).

Значительной по сословному происхождению группой южнорусского населения явились *однодворцы* — потомки военнослужилых людей низшего разряда конца XVI — начала XVII в. (стрельцов, пушкарей, служилых казаков и др.). Служилые люди происходили в основном из замосковных уездов северной и средней русской полосы и несли с собой на юг характерный севернорусский бытовой уклад. В социальном отношении однодворцы заняли промежуточное положение между крестьянами и мелкими помещиками, но не слились ни с теми, ни с другими, чем и обусловилось своеобразие их культурно-бытового типа.

Позднее, в XVIII в., в степи после ее «замирения» происходило вторичное заселение земель крестьянами, беглыми и теми, кто был переселен помещиками из других губерний. Первые и более поздние переселенцы долго различались по этнографическим признакам, особенно в одежде: крестьянки из коренных жителей носили поневу и «рогатую» кичку, однодворки — костюм с сарафаном (либо полосатой юбкой) и кокошники. В XIX в. отдельные группы однодворцев были известны под прозвищами: «галманы» (иронич. — бранные, бестолковые) — однодворцы Воронежской, Тульской и Тамбовской губерний; «ионки» — часть однодворцев Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии (от

ион — он), более образованные, чем другие, утратившие архаизмы в говоре, носившие городской костюм; «коннозаводские крестьяне», в состав которых были причислены для работы на конных заводах однодворцы Скопинского и других уездов Рязанской губернии. Имелись и общие прозвища-клички для однодворцев: «индюки» (гордые), «талагаи» (бездельники, невежи), «щекунь» (грубого нрава, говорившие «що» вместо «что») Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Различия между группами однодворцев были столь велики, что они не вступали между собой в родственные связи.

Подобные прозвища среди южнорусского населения давались не только однодворцам, но и крестьянам. Одним — по особенностям говора, как, например, «цуканам» (так их называли однодворцы) в Воронежской, Курской, Орловской губерниях, различавшимся в первой половине XVIII в. по сословно-владельческой принадлежности (помещичьи, монастырские крестьяне, переселенные сюда из центральных губерний позднее, в 60-е годы). В языке «цуканов» звучало *ц* вместо *ч*, но в начале XX в. их говор слился с говором соседей-однодворцев. По особенностям языка получили прозвище «ягуны» и «кагуны» (кагокающий говор) — орловские и воронежские крестьяне. Прозвища других произошли от фамилий их владельцев-помещиков: «репнинщина», «голицынщина», «гамаюнщина», «щувалики» (крепостные Шуваловых в московском Верейском уезде с южнорусскими чертами в народной культуре), «карамышы»; в отношении последних высказывалось мнение, что они — потомки древних вятичей (Токарев, 1958. С. 31; Зеленин, 1913. С. 41, 77—79, 94—95, 100, 314). Иные прозвища произошли от сословной, иногда от этносословной принадлежности — «мананки» Белгородского уезда Тульской губернии — женщины из монастырских крестьян; в происхождении их участвовало русское, украинское, литовское население; «поляне» Масальского уезда Калужской губернии — из помещичьих и государственных крестьян; «мамоны» в левобережье Северского Донца (в Белгородском уезде), заселявшие с XVII в. дворцовые и церковные селения. Синтез черт южно-, север-

норусской и украинской культуры говорит об их сложном происхождении.

Многие из перечисленных групп населения имели характерные культурные и языковые особенности. Сословные различия оказали влияние на обособление южнорусских говоров — большее, чем на Русском Севере. Говоры однодворцев, монастырских и помещичьих крестьян, мещан, казенных кузнецов, майданников обособились на сословной почве. В частности, на образование однодворческого говора влияли московский, западнополесский, орловско-калужский и восточнорязанский говоры, хранившие старые «степные» особенности, литовские говоры через выходцев из-за западного рубежа. В подмосковных местах однодворческий говор с аканьем, кагоканьем и мягким окончанием глаголов (-ть) постепенно исчез (Зеленин, 1913. С. 239; Чижикова, 1988. С. 33—37).

На востоке южнорусской территории в левобережном Заочье русское население было известно под названием *мещера* (от Мещерской стороны). Жители этого края — славянское население, ассимилировавшее местных финно-угров, поэтому их считали обрусевшей финской мещерой. Небольшие островки мещеры долго сохранялись в Пензенской и Саратовской областях, куда она попала в результате миграций из Рязанщины на юго-восток. На примере мещеры прослеживаются связи в культуре всего населения среднего течения Оки с соседними народами Поволжья. Особенно много сходных черт в орнаменте, расцветке костюма, убранстве жилища (Зеленин, 1913. С. 535).

Мелкие этнические образования можно еще отметить в ряде центральных русских областей, которые в XIX в. были известны под этническими или специфическими наименованиями-прозвищами. Так, «корелы» — небольшая группа жителей в Калужской губернии в Медынском уезде — переселились от карел Тверской губернии. «Ляхи» — остатки якобы пленных поляков — жили в Балахнинском уезде Владимирской губернии. «Паны» Лукояновского уезда Нижегородской губернии «тянули»

по происхождению к белорусам, долго сохраняя белорусский говор и белорусский костюм (Токарев, 1957. С. 31; Этнография восточных славян. С. 60).

Кроме этнотерриториальных, сословных групп русских в центральных и южных губерниях Европейской России, так же как и на ее Севере, существовали их конфессиональные образования. Значительную прослойку составляли занимавшие довольно обособленное положение заволжские старообрядцы (по Ветлуге, Керженцу, Волге), поселившиеся в XVII—XVIII вв. и сохранившие, как и остальные раскольники, своеобразие своего замкнутого бытового уклада и многие старинные черты русской культуры. В южнорусской зоне старообрядцы имелись у полехов, живших в глухих местах Полесья, распространилось старообрядство и среди казаков.

Оба направления раскола — поповское и беспоповское разных толков — существовали у населения центральных и южнорусских губерний. Поповщина с конца XVII в. распространилась у нижегородских староверов на Керженце, на Дону, у жителей Московской, Калужской, Рязанской, Симбирской, Саратовской, Астраханской, Казанской, Оренбургской губерний. Беспоповцы жили в Нижнем Новгороде, Ирбите, а также в Московской, Калужской, Саратовской, Тульской, Орловской, Тамбовской губерниях. В начале XVIII в. беспоповщина проникла от донских казаков в Ставрополье и на Кубань, где жили *некрасовцы* (по имени атамана Игната Некрасова). Оттуда часть их переселилась в Закавказье и Турцию.

Однодворцы не были затронуты старообрядчеством, но у них, как и у другого южнорусского населения, появилось сектантство. В 1880-е годы от донских казаков в Воронежскую губернию «перешла» хлыстовская секта. Ее приверженцы жили также в Костромской, Владимирской, Нижегородской, Московской губерниях. Известны и другие секты: *субботники* с конца XVII — начала XVIII в. в центральных губерниях у помещичьих крестьян; *духоборцы* — с середины XVIII в. у государственных крестьян Воронежской губернии, откуда они переселились в Екатери-

нославскую и Херсонскую губернии; в начале XIX в. они появились в Тамбовской, Таврической губерниях, в Закавказье. *Молокане* известны с 60-х годов XIX в. среди тамбовских крестьян, а также в Ставрополье, Крыму, Закавказье; с начала XIX в. существовал их «донской» толк, а с 40-х годов XIX в. — еще и толк *прыгунов*. Старообрядцы и сектанты в Европейской России к середине XIX в. насчитывали 759 880 человек (из 74 271 205 человек всего населения России), на Кавказе — 52 814 человек.

Сложение того или иного этнического, сословного и конфессионального состава населения европейских губерний в XIX — начале XX в. было обусловлено всем ходом исторического и социально-экономического развития народа в предшествующее время. На это сильно влияло расширение этнической территории русских, их массовые передвижения из центра к периферии, адаптация на новых землях и взаимоотношения с иноэтничными группами населения. К зонам наиболее активных этнических взаимодействий относились в тот период юго-восточные окраины Европейской России — Поволжье, особенно Заволжье, Южный Урал, Северный Кавказ.

Русские в Сибири и на Дальнем Востоке

Не менее активно, чем в европейских историко-культурных зонах страны, в это время этнические процессы шли в Сибири, а со второй половины XIX в. и на Дальнем Востоке, где, осваивая новые земли, русские и украинцы вступали во взаимодействие с местным населением. В этих процессах очень многое зависело от численности народов и от характера их взаимного расселения. Особенно это проявилось на огромных сибирских пространствах. Так, малочисленные русские крестьяне и ямщики, поселившиеся в Якутии еще в 70-е годы XVIII в. и жившие на якутянках, постепенно утратили свои обычаи и переняли культуру якутов, а в конце XIX в. половина из них даже не говорила по-русски. Малочисленность русских на севере Западной Сибири и невозможность заниматься привычным

хлебопашеством привели к утрате ими своего хозяйственного опыта и бытового уклада и к перениманию культуры соседних хантов.

Превосходство русских в численном отношении в других западносибирских районах и в Забайкалье обусловило иное направление этнических процессов. Там русские ассимилировали местное население: татар, вогулов, бурят, которые переходили на русский язык и принимали крещение.

Кроме этносмешений и ассимиляции наблюдались процессы обособления отдельных групп, свойственные небольшой части русских сибиряков. Даже старообрядцы не стали в полном смысле изолированными группами. Собственно «чисто» русские сибиряки не были однородны, ибо в их состав вливались разные контингенты русских переселенцев. К XIX в. русские на юге Сибири по своему происхождению были в основном из среднерусской и южно-русской полосы Европейской России, сменив первоначальное русское население северных европейских губерний. На севере Сибири преобладали потомки населения из Вологды, Перми, Чердыни, Соликамска, Кайгородка, Сольвычегодска, Великого Устюга. Русские Сибири, пришедшие в разное время из ряда европейских губерний и в некоторых местах смешавшиеся с коренными народами, имеют общие черты, хотя каждая из сибирских групп русских сохраняет присущие ей особенности.

Все группы русских, кроме старообрядцев, при сравнении с европейскими можно объединить в один тип с подтипами: 1) русские, не смешавшиеся с другими народами и являвшиеся потомками старожилов, вышедших из разных областей, а в особенности из севернорусских; 2) русские-метисы, главным образом в Якутии, Забайкалье и затундренской зоне (*Ядринцев*. С. 51).

Конечно, старожилы, не одно поколение которых проживало в Сибири, отличались от вновь прибывавших европейских русских. Они и назывались по-разному — *сибиряки* и *российские*. Разными были их поведение, образ жизни, язык. В дореволюционной

историографии проводилась мысль о своеобразном типе и языке сибиряков, якобы не похожих на русских, так называемая теория областников (*Словцов П.А.* С. 161—162). На самом деле, несмотря на своеобразие, русские сибиряки сохранили много общего со своими предками из Европейской России. Подтверждением этого является вся материальная и духовная культура русских, сложившаяся в разных регионах Сибири, развивавшаяся в общем русле с культурой всего русского народа.

Население Сибири XIX в. состояло из коренных и пришлых народов. Многочисленное к тому времени русское население не представляло единого целого по своему происхождению и составу. Русские, начавшие проникать в Сибирь еще в конце XVI в., выработали своеобразные черты быта и характера и образовали ядро старожилов — потомков ранних поселенцев с Европейского Севера и из Северного Приуралья. Переселенцы XIX в. из южнорусских и центральных губерний России составили группы новоселов («российских»). Среди тех и других сформировалось несколько групп под воздействием разных факторов: характера их расселения в Сибири (отдельно от других народов — компактного или чересполосного с ними, или интенсивного проникновения в инорасселение и т.п.), численности, демографических процессов, особенностей иноэтничного окружения. Так, среди русских в Западной Сибири выделились группы, различные в сословном, этническом или конфессиональном отношении. На укрепленных пограничных линиях южных районов сформировалось казачье население, расселившееся в близком соседстве с башкирами, мещеряками, яицкими казаками, казахами, которые также составили служилое казачество. Влияние этих народов друг на друга именно в казачьей среде было очень сильным.

Другую группу русского западносибирского населения составили старообрядцы — *каменщики* Бухтармы и *поляки* Кольвани. Первые были потомками кержаков из Нижегородской губернии, переселившихся в Бухтарму (в горы — «камень») в XVII в. и испытавших некоторое влияние соседних казахов. Поляки,

расселившиеся с 1763 г. на Алтае по р. Убе, были потомками русских старообрядцев из Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской губерний, обосновавшихся сначала в Белоруссии (Стародубье, Ветка, Добрянка, Гомель, Дорогобуж), а оттуда в конце XVIII в. переселенных в административном порядке в Сибирь, где разместились на Алтае и частично ушли в Забайкалье. В отличие от каменщиков, которые вступали в браки с казаками, поляки в течение 200 лет поддерживали только внутрисемейные брачные связи; у них было более 90% браков с родственниками в 6—8 поколениях.

По данным 1869 г., в Западной Сибири проживал 49 261 раскольник из 2 743 157 человек, населявших регион. Это были беспоповцы, и поселились они главным образом в Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Бийском округах (РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. Д. 150. Л. 2—2 об.; Д. 90. Л. 33). Кроме старообрядцев, в 1805 г. в Тобольской и Томской губерниях поселились сектанты — духоборцы, молокане, штундисты, которых туда либо ссылали, либо они сами убегали в Сибирь от преследований за веру.

Среди русских в Восточной Сибири выделялось много словных, этнотерриториальных и конфессиональных групп. Довольно своеобразными были старожилы, предки которых пришли на Ангару (среднее течение) и Енисей (среднее и нижнее течения) еще в XVII—XVIII вв. Они являлись в основном крестьянами — потомками промышленников Северной России, часть из них составляли коми. Поздние русские приселения туда были незначительны, поэтому русские старожилы Туруханского края, например, считались «чисто» русскими, а в районе Енисейска приобрели некоторую «монголоидную примесь», хотя в целом здесь наблюдалось мало смешений с коренными народами, и в антропологическом отношении они сохранили общность с русскими Европейского Севера (Русские старожилы Сибири. С. 116). В этническом отношении сложным было линейное восточносибирское казачество из-за сильного этносмещения с соседними эвенками и бурятами.

Другую группу русских старожилов в Восточной Сибири составили русские Забайкалья, в свою очередь разделившиеся на несколько групп. Читинская (ононская) их группа состояла из потомков казачества XVII в., представители которого женились на обурятившихся тунгусах. По-местному эти русские назывались *гуранами*. Имелись русские казаки и с небольшой бурятской примесью. Другая читинская группа — это кударинские русские (русско-бурятская группа), жившие между Хилком и Чикоем и являвшиеся потомками русских казаков и «карымов» (ассимилированных русскими бурят Цонголова рода). Русские из обеих читинских групп вступали в браки с эвенками и бурятами. Первые вошли в состав местных русских примерно на 20%, последние — на 40% (Бунак. С. 178). Сильная метисация шла в начале XVII—XVIII в., а затем по мере увеличения численности русских она сократилась.

Среди русских казаков Забайкалья наблюдались также вероисповедальные различия. По данным 1863 г., у них были раскольники разных толков (РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. Д. 150. Л. 3—3 об.). Большую конфессиональную группу русских составили забайкальские старообрядцы-*семейские* по Селенге и Чикою. В 1890 г. их насчитывалось 42 680 человек из общего числа населения 684 890 человек (РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5503. Л. 750, 798). Они имели много общего с алтайскими поляками, так как у них частично были единые предки (из южнорусских и западных губерний), те и другие сохранили 1/5 общих фамилий. Все они оставались «чисто» русскими, поскольку с антропологической точки зрения у них не было даже легкой примеси соседних бурят или алтайцев, т.е. они не вступали в этносмешения с этими народами (Русские старожили Сибири. С. 115).

На северо-востоке Сибири русские были представлены также несколькими группами — этнотерриториальными и сословными. Уже с 70-х годов XVIII в. их предки в Якутии — крестьяне Якутского и Олёкминского округов — являлись «более якутами (по материнской линии), чем русскими (по отцовской)» (Майнов. С. 38). Жившие с 1731 г. на восточном берегу Лены русские-амгинцы

вышли из крестьян Илима и Иркутска, которые, в свою очередь, были потомками русских с Европейского Севера и якутов, чей язык и образ жизни они переняли, а в конце XIX в., вступая в браки с эвенками и представителями других народов, приобрели монголоидный физический облик. С XVIII в. известны группы русских вторичного заселения — анадырцы, гижигинцы, камчадалы. Казаки, посадские люди, разночинцы уже в середине XVIII в. имели свои семьи в Анадырском остроге и насчитывали до 1000 человек. Позднее они частично вошли в состав гижигинского гарнизона или ушли на Камчатку и на Колыму. Русские гижигинцы состояли из выходцев из западных и восточных сибирских губерний, некоторые — из якутян и новокрещенных коряков, и к концу XIX в. они представляли единую этническую группу (*Гурвич*. С. 202).

На Камчатке русские казаки — выходцы из Илимска — восприняли быт и хозяйство камчадалов-рыболовов. Среди них было много метисов, говоривших на русском и камчадальском языках. Они насчитывали в 1897 г. более 1500 человек обоего пола. Население Камчатки, так же как и Чукотки (русские, юкагиры, чукчи, коряки), возникло в результате ассимиляции одних народов другими.

В XIX в. среди русских Якутии выделялись усть-оленекские, усть-янские, верхоянские, русские устьинцы (индигирцы), усть-елонские и колымские жители. Усть-янские и усть-оленекские были ассимилированы якутами и эвенками. Индигирцы образовали обособленную группу русских, сохранивших свой язык и культуру. Это были крестьяне и мещане, которые вели охотничье-промысловое хозяйство и мало пополнялись позднейшими пришельцами. Некоторые этносмешения происходили и у них с якутами и юкагирами, но это случалось уже во втором и третьем поколениях (*Зензинов*. С. 84).

Хорошо сохранили свой язык и этничность русские на Колыме (две большие группы — ниже- и среднеколымчане), несмотря на то, что контакты с иноокружением (с юкагирами) у них происходили чаще, чем у устьинцев, и гораздо больше

к ним приселялись ссыльные. Во второй половине XIX в. сюда были сосланы татары, которые стали сближаться с русскими, восприняв их образ жизни (Гурвич. С. 206).

Русские на Дальнем Востоке по своему происхождению также не представляли единого целого. В Амурской области к концу XIX в. поселились выходцы из южнорусских, украинских, белорусских, западносибирских губерний и Забайкалья. У них существовали конфессиональные различия (*молокане, духоборы, прыгуны, беглопоповцы* и т.п.) (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 287. Л. 1—2).

Жители Сахалина были еще более разнородны этнически, так как состояли из уроженцев разных губерний Европейской России и Сибири. Среди них преобладали выходцы из южнорусских губерний, с Кавказа, из Крыма, Черноземного центра, Поволжья, с Украины. Большинство их составляло русское и украинское крестьянство (Ищенко. С. 10—11).

Группы русских в Средней Азии и Казахстане

Своеобразием отличались компактные группы русских в Средней Азии и Казахстане. Среди них наиболее выделяются уральцы — группа уральских казаков, потомков уральского (яицкого) казачества, переселенных еще в XVIII в. после разгрома Пугачевского восстания с р. Яик. В 70—90-е годы XIX в. они обосновались на Амударье и Сырдарье и в конце XIX в. насчитывали 7—8 тыс. человек. Они продвинулись на юг Казахстана, в Киргизию, Узбекистан, Каракалпакию, Туркменистан. У уральцев сложился особый хозяйственно-культурный тип рыболовов, охотников, торговцев. Большинство из них были старообрядцами, долго сохранявшими в быту разные архаические черты.

Другая часть русского населения Средней Азии состояла из крестьян и низших воинских чинов, уволенных в запас. В конфессиональном отношении они не были однородны: кроме приверженцев официального православия, среди них имелись старообрядцы и сектанты. Значительная группа русских мо-

локан из Тифлисской губернии в 1912—1913 гг. была поселена у Гумбет-Кабуза в образованном поселке Лавровка. Русское православное население селилось не по всему Туркестанскому краю, и в конце XIX в. оно составило 8,3% всего населения в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской губерниях (Распределение населения... С. 2—3; *Гинзбург*. С. 35, 77, 89). Выходцы из южных областей России из бывших казаков и крестьян, осваивая среднеазиатские и казахстанские земли, вступали в контакты с местными народами и воспринимали многие их культурно-бытовые черты. Но они принесли свой хозяйственный опыт, навыки и приемы земледелия, технику, способствовали развитию городов и промышленности.

Таким образом, все периферийные группы русских, образовавшиеся в ходе хозяйственного освоения ими земель, различались по своим этнокультурным характеристикам. Но при этом они сохраняли единство со всем народом в языке, этно-сознании и традиционной народной культуре. Расселяясь на новых землях и вступая во взаимодействие с соседями, заимствуя опыт и традиции других, они выработали свои локальные варианты, и в то же время приносили и распространяли собственные культурные навыки и хозяйственный опыт. Все эти процессы проходили вместе с расширением этнической территории русских на окраинах государства — в Поволжье, на Урале и Северном Кавказе, в Северном Казахстане, Средней Азии и Новороссии, на юге Сибири и на Дальнем Востоке. Расселяясь в необжитых землях или рядом с другими народами, русские оставались во многом равны с ними, а потому все уживались и консолидировались в едином государстве.

Казачество

Вопрос о роли восточнославянского этнического элемента на юге Восточной Европы (Дон, Терек, Кубань) связан с проблемой появления в этих регионах еще древнерусского населения. Археологические и лингвистические материалы, вещественные и письменные источники позволяют отнести появ-

ление славянского населения в крае ко времени существования Тмутараканского княжества на Таманском полуострове (X—XII вв.); некоторые данные указывают и на более раннее проникновение славян в регион. Есть основания предполагать, что территория княжества охватывала и более широкие географические рамки — Приазовье, западную часть Северного Кавказа и Восточный Крым. Новую волну восточнославянских поселенцев следует датировать послемонгольским временем и особенно XVI в., когда славянские (русские и украинские) группы населения селятся на землях Северного Кавказа, включая побережье Кубани, Терека и Сунжи. Начинается т. н. «казачий период» в истории Юга России. По мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, слово «казак» имеет тюркское происхождение.

Несмотря на смешение переселенцев и сильное воздействие на них особого «служилого» сословного статуса, в составе славянского населения Северного Кавказа прослеживались локальные группы русского и украинского происхождения. Выделялись также селения смешанного этнокультурного состава. За время длительного проживания на Северном Кавказе казаки сблизились в хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношении с коренным населением края, что сказалось на взаимосвязях и взаимовлияниях в области материальной и духовной культуры, на всем укладе их жизни.

Конец XV — начало XVI в. — важный период в истории Русского государства. Именно в этот период (скорее всего, во второй четверти XVI в.) на Северном Кавказе появляются первые переселенцы из славянских земель. То были вольнолюбивые люди, не желавшие мириться с феодальной кабалой на родине; они уходили на окраины русских земель, где создавали казачьи общины, открытые для всех, у кого было желание поселиться в тех местах. Ряды казаков пополнялись и за счет лиц, стремившихся к легкому обогащению. Казачьи общины с момента возникновения вбирали в свой состав и представителей местного населения, которые подвергались обрусению и христианизации.

Открытые границы региона, веротерпимость, потребность в людских ресурсах и другие факторы способствовали свободному притоку славянских переселенцев на Дон и Терек. Земледельческий труд в этот период не получил у них широкого распространения. Главными занятиями были традиционные для региона скотоводство, рыбная ловля, сбор плодов дикорастущих растений (носивший подсобный характер), практиковались набеги, т. н. походы «за зипунами». Из демографических процессов в эту эпоху главную роль играло пополнение населения за счет внешних источников, т. к. естественный прирост был низким. Это было связано с напряженной внутри- и внешнеполитической обстановкой, слабым развитием производящего хозяйства, низкой плотностью и неравномерным размещением населения в крае. Отношения переселенцев и местного населения носили в основном мирный характер. Военные столкновения возникали в связи с походами «за зипунами» и при возникновении нужды обороняться от соседей.

С 1567 г. начинается создание первых военных городков-крепостей на Дону, Сунже, Тереке и Судаке с преимущественно русским населением. Их строительство было вызвано в первую очередь потребностью противостоять враждебным акциям со стороны Турции, Ирана или их местных союзников. Со временем население этих городков-крепостей становилось смешанным, полиэтничным. Об этом свидетельствует, например, существование в конце XVI в. в Терках (русская крепость, заложенная в 1588 г. в устье Терека) Черкасской, Окоцкой, Татарской, Кумыкской, Ногайской и Новокрещенской слобод, основанных осевшими там группами кабардинцев, чеченцев, кумыков, ногайцев и других северокавказских народов. Именно это в существенной мере определяло характер первых укрепленных пунктов в крае в XVI — начале XVII в. В середине — конце XVI в. были созданы Гребенское и Терско-Низовое казачьи войска.

В XVI—XVII вв. переселенцы жили компактными группами, при сравнительно низкой плотности населения, сохраняя от-

носителем мирные взаимоотношения с местным населением. Важное адаптивное значение на данном историческом этапе имели психологические и демографические факторы. В частности, значительную роль сыграл изначальный настрой русских переселенцев на длительный разрыв с родными местами, стремление обрести на чужбине свою вторую родину. Не менее важными были прочность внутриобщинных связей и традиций, коллективная взаимопомощь переселенцев.

Значимым событием для восточнославянского населения Северного Кавказа, Дона, Терека, Сунжи стало включение в 1721 г. казачества в состав вооруженных сил России. Этим были сильно ограничены его прежние вольности, регламентирован образ жизни; казачество хотя и сохранило свои отличительные черты, но было поставлено под государственный контроль.

С созданием Моздокского форпоста в 1765 г. территория обитания славянского населения расширилась на запад. Помимо образования «русских станиц», к этому времени относится и появление селений (Луковской, Александрийской, а в начале XIX в. — Ново-Осетинской и Черноярской), жителями которых были осетины, грузины и представители других горских народов Кавказа. В их среде также прослеживались интеграционные процессы, что проявилось в формировании органов самоуправления и социальной структуры по казачьему «образу и подобию», восприятию казачьих типов поселений, жилища, костюма, распространении двуязычия и т.п. Подобные процессы протекали и на Дону. С XVII в. население Дона за столетие выросло почти в 10 раз. В XVIII в. расширяется территория Донского войска — заселяется Донское Понизовье, Миусский бассейн, Задонье. К 1770 г. на Левобережье Дона были переселены ногайцы, началось освоение побережья Азовского моря. Рубежом, знаменующим завершение первого этапа восточнославянской колонизации Северного Кавказа и начало ее второго этапа, можно считать 1785 г., когда указом Екатерины II было образовано Кавказское наместничество с центром в г. Ставрополе (просуществовало до 1796 г.).

Второй этап в истории заселения Северного Кавказа восточными славянами совпал с нарастанием политической и военной активности России на Кавказе. Все более укрепляясь на берегах Каспийского и Черного морей и в силу этого испытывая потребность в вооруженных силах на южных границах государства, русское правительство стремилось создать на Дону, Тереке, Сунже сильное казачье войско, рассматривая это как решение проблемы заселения юга России, и в первую очередь Северного Кавказа. Гражданская (невоенная) колонизация этих мест в рассматриваемый период была подчинена внешнеполитическим целям России в этом регионе. Она была представлена двумя направлениями — плановым переселением жителей из центральных и южных районов России и стихийным (народным) колонизационным движением из тех же районов.

В целях упрочения позиций на Северном Кавказе правительство Екатерины II создало и укрепило Кавказскую кордонную линию. Эта линия от Моздока до Азова должна была состоять из 10 крепостей, точнее, укрепленных селений с промежуточными редутами между ними. Для заселения этих мест в 1770 г. с Волги были переведены остатки Волжского казачьего войска, составившие в районах нового расквартирования полк того же названия. В 1824 г. генерал А. П. Ермолов создал между Моздоком и «волжскими станицами» новую казачью линию из семи крестьянских селений, получившую название Горского казачьего полка. В результате территория с преимущественно русским населением значительно расширилась. Два крестьянских селения — станицы Курская и Государственная — были заселены в основном украинцами. К тому же времени относится создание почтовых дворов, преобразованных в XIX в. в селения. Образование в Кавказского наместничества привело к появлению новых городов. В губернский город была превращена крепость Екатеринодар, а крепости Георгиевск, Моздок, Кизляр, Александровская стали уездными городами.

Почти одновременно с заселением северо-западных районов Прикубанья происходила колонизация (в форме прину-

дительного переселения) и дальнейшее укрепление станиц Старой Линии. В заселении этих мест значительная роль принадлежала «выселенцам» с Дона — казакам Усть-Медвединского, Хоперского и Второго Донского округов. В 1802 г. здесь поселяются также казаки Екатеринославского войска, создавшие ряд военных укреплений, которые позднее стали станицами (Усть-Лабинская, Кавказская, Прочноокопская, Григориполисская, Приближная, Солдатская и др.). В освоении этих мест принимали участие не только хоперские и волжские казаки (т.е. русские), но и украинцы. Наконец, в 30—40-е гг. XIX в. усилиями правительства было создано еще 30 новых станиц, в населении которых (в целом смешанном) преобладал восточнославянский этнический компонент. В эти годы продолжалось массовое переселение на Дон русских и украинских крестьян. В начале XIX в. численность населения Донского войска составляла более 300 тыс. человек.

Переход казачества в подчинение российскому военному ведомству и потеря им своих вольностей положили конец его «естественному» развитию. Казачество переродилось в военно-служилое сословие в рамках государства, находившееся под сильным влиянием Русской Православной Церкви. Плата за службу казакам и в новое время продолжала строиться на старой феодальной основе. Она включала систему натуральных выплат, главную статью которых составлял крупный не облагаемый налогом земельный надел. Но северокавказское казачество, приобретая специфические культурно-бытовой и хозяйственный уклады, постепенно выработало устойчивый характер и сохраняло свои субэтнические черты. Таким образом, начиная с XIX в. его можно рассматривать уже как особую сословно-этническую группу.

Увеличение населения края, считающего себя казаками, потребовало от правительства решения вопроса об обеспечении его жителей продовольствием, который можно было разрешить только с помощью развития земледелия в заселяемых казаками районах. Достижение этой цели правительство видело в пла-

номерной гражданской колонизации края. Уже в конце XVIII в. началось организованное переселение на Дон, Терек из Центральной России части крепостных крестьян князя Александра Вяземского, графа Александра Воронцова и других крупных землевладельцев. Одновременно правительство раздавало т. н. казенные земли на Дону, в Терской и Кубанской областях помещикам при условии, что те заселят их своими крепостными крестьянами. Но «дворянская колонизация» казачьих земель на Дону и по Тереку успеха не имела. Значительно больших результатов достигла она на Кубани, где имелись значительные массивы неиспользуемых плодородных земель. Кроме того, 36 русских и украинских поселений в Терской области и около 40 в Кубанской были основаны по приказу правительства «казенными» поселянами, прибывавшими из внутренних районов России, и отставными солдатами.

Главной чертой второго этапа заселения земель по Дону, Тереку, Сунже и Кубани стали массовые стихийные переселения русских и украинцев на Северный Кавказ. Этому способствовали заметно обострившаяся борьба крестьян против крепостного строя и частые стихийные бедствия (засухи, неурожай, голод и т. п.), затронувшие значительные массы крестьянства в центральных губерниях России. На Дон, в Терскую и Кубанскую области устремились государственные крестьяне различных категорий — однодворцы, экономические, дворцовые и др. Ряды переселенцев пополнялись и за счет помещичьих крестьян, отставных солдат, мещан и иного «беспаспортного люда». Самовольно двинулись на Северный Кавказ и разорившиеся дворяне, а также различные предприниматели — с целью скупки частных земель, розданных правительством вышедшим в отставку офицерам. Основными губерниями, поставлявшими переселенцев, были Екатеринославская, Полтавская, Киевская, Черниговская, Харьковская, Воронежская и ряд других.

Несмотря на смешение, в составе переселенцев сохранились локальные группы русского и украинского происхождения; при этом процент украинцев возрастал с востока на запад (на Те-

реке и Кубани) по мере приближения к историческому ареалу расселения в рамках Русского государства. Станицы и гражданские селения со смешанным населением были характерны для предгорных районов края. В среде донских казаков, особенно в низовье Дона, находилось значительное количество украинцев. Своеобразную группу населения составляли «новообращенные казаки» из числа неславянских народов Кавказа, проживавшие на территориях расселения русских и украинцев. Культура их (прежде всего материальная) подверглась сильному влиянию восточнославянских традиций.

В XVIII — 1-й пол. XIX в. рост славянского населения на Северном Кавказе происходил в первую очередь за счет многочисленных миграций. Но нельзя игнорировать и увеличение естественного прироста, что было связано с экономическим освоением края, развитием пашенного земледелия и образованием новых большесемейных производственных коллективов.

К началу XVIII в. состав казачества становится достаточно сложным. В среде северокавказского казачества можно выделить восточнославянскую, или русско-украинскую группу, которая преобладала количественно, политически и в культурном отношении, определяя облик всего сообщества, группы «горских казаков» — состоявшие из грузин, осетин, чеченцев и др., на Тереке и адыгов-шапсугов — на Кубани, калмыков, татар на Дону. Они занимали второе место по численности и были связаны в местах расселения с восточными славянами казачьими словными отношениями.

В состав северокавказских казачьих войск входили и локальные группы, объединявшие представителей тюркоязычных ногайцев, турок, крымских татар, а также монголоязычных калмыков. Так, в конце XVIII в. на Левобережье Дона были переселены 30 тыс. ногайцев, а в начале XIX в. в Войске Донском числилось 1420 калмыков. Их объединение происходило в основном по конфессиональному признаку. Как и представители других этносов (тюрки, греки, армяне, поляки), горцы, вступавшие в казачье

сословие, не могли существенно повлиять на состав и культуру восточнославянского казачества.

Изучение восточнославянского населения Северного Кавказа было бы неполным без учета т. н. «иногородних», не приписанных к казачьему сословию (их основная масса стала складываться уже в конце XVIII в.). Этим термином в районах проживания казаков, в том числе и на Кавказе, обозначались переселенцы, проживавшие на территориях станичных обществ постоянно или временно, но не приписанные к казачьему сословию. Так же именовалось в России и постороннее население, проживающее в «чужих» селениях, где было введено общественное устройство, обычное для крестьянских сел страны. Этот термин применялся не только в обыденной речи, но и в официальных документах. В 1872 г. правительством даже было издано специальное постановление о замене его более регламентированным канцелярским термином «лица невоевского сословия», хотя в разговорном языке эта громоздкая конструкция не прижилась.

Натуральные повинности (подводную, постоянную, возведение береговых укреплений и т. д.) «иногородние» были обязаны исполнять наравне с казаками. Никаких прав не имели «иногородние» и на коллективные угодья казачьей общины — леса, покосы, природное сырье этих угодий и т. д. В органах станичного управления «иногородние» не принимали никакого участия. В быту казаки нередко враждовали с «иногородними» — чаще всего из-за боязни перераспределения жизненных благ, которыми правительство наделяло казаков, стремившихся сохранить свои сословные привилегии. Сказывалась корпоративная замкнутость казачества, связанного общностью выполнения специфических профессиональных функций, временем и местом формирования (традиционный антагонизм и неравенство прав старожилов и новоселов, восходящие к обычному праву) и т. д. Значительную часть старого казачества таких окраинных территорий империи, как земли Дона, Терека и Кубани, составляли ушедшие в свое время от иде-

ологического преследования раскольники-старообрядцы разных толков, в то время как более поздние по своему происхождению группы «иногородних» относились по преимуществу к «чистым» православным. И с этой стороны отношения между ними не могли быть «комплиментарными», но примеров заимствования в культуре и традициях, сотрудничества гораздо больше, чем противоречий и конфликтов.

Все же роль «иногородних» в освоении края была велика, ибо казачье население Северного Кавказа в силу возложенных на него профессиональных функций практически не имело возможности посвятить себя хозяйственным занятиям. «Иногородние» (русские, украинцы), мастеровой люд (землепашцы, кузнецы, овчинники, портные, сапожники и т.п.) сыграли существенную роль в интенсификации процессов социально-экономического, этнического и культурного развития края. Их массовый приток на Северный Кавказ в XIX в. способствовал разложению казачьей общины, преодолению сословной замкнутости казачества, изменениям во всем общественном укладе, быте и культуре.

60-е годы XIX в ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России — отменой крепостного права (1861 г.), окончанием Кавказской войны (1864 г.), проведением ряда реформ на Северном Кавказе, подорвавших устои патриархально-феодалных отношений коренных народов Северного Кавказа (1867 г.), принятием нескольких законов, касающихся населения казачьих станиц (1868 г.) и т.д.

В эти годы усиливается массовое переселение в Терскую и Кубанскую области, достигшее апогея в начале XX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Третий этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа. В отличие от предшествующих этапов, состав переселенцев в это время был, при явном преобладании славянского компонента, многоэтническим. Материалы Став-

ропольского управления государственных имуществ свидетельствуют обесконтрольной и хищнической раздаче земель на Дону, Тереке, Кубани в связи с миграцией. Значительная часть земельных площадей была передана в пожизненное пользование частным лицам. Крестьянские же переселенцы в большинстве своем ничего не получили и были вынуждены селиться на землях казачьих станиц в качестве «иногородних». Часть площадей, переданных в частное владение, была скуплена купцами, промышленниками, мещанами. На таких землях обычно возникали хутора. Значительная часть не получивших земли русских и украинских переселенцев оседала в городах. Это явление, приводившее к росту городского славянского населения, стало характерной чертой рассматриваемого периода. В 1897 г. 90% населения Кубанской области и 34% Терской было восточнославянским. В области Войска Донского в конце XIX в. проживало 1 026 263 человека войскового сословия.

Массовые потоки переселенцев из южнорусских и украинских губерний (в конце XIX — начале XX в.) давали почти равные по численности контингента мигрантов — «иногородних». Это справедливо и для населенных преимущественно русскими казаками восточных районов края, прежде входивших в состав Кавказского линейного казачьего войска, и для западных, бывших черноморских казачьих районов, где преобладало украинское население. Несмотря на наплыв русского и украинского населения в Кубанскую область в конце XIX — начале XX в., преобладание украинцев в западных и русских — в восточных ее районах, сложившееся еще в конце XVIII — начале XIX в., сохранилось. Столь стойкое сохранение этнических особенностей в значительной степени объясняется особыми социальными условиями жизни различных слоев сельского населения Кубани, в первую очередь, казачества.

В Терской области соотношение переселенцев и местного старожильческого казачьего населения было иным. Последнее здесь явно преобладало. Колонизационные фонды земельных угодий на Кубани и в Ставрополье иссякли уже к 1880—1890-м гг.

В отличие от Кубани в миграции в Терскую область колонисты-крестьяне составляли сравнительно малый процент. Зато более значительной была доля богатых переселенцев, капиталистов-предпринимателей — «тавричан» (владельцев огромных отар овец, основавших здесь свои селения и хутора). Из 39 поселений, основанных переселенцами этой волны миграции, лишь 4 относились к селениям крестьянского типа. На Дону в 80-е гг. XIX в. число лиц невойскового сословия составляло 39%, а к началу века по численности превысило казачество в 2,3 раза.

В динамике численности восточнославянского населения на Дону, Тереке и Кубани в рассматриваемый период роль «внешних» (миграции) и «внутренних» (естественный прирост) факторов почти сравнялась. Совместное проживание на территории этих областей двух групп славянского населения (казачьего и «иностранного») породило между ними связи хозяйственного, военного и родственного характера. Картину этнокультурных характеристик осложняли и разнообразили неоднородный этнический состав казачества, его особый юридический статус, социально-экономические и внешнеполитические изменения в стране, происходившие в течение почти четырех столетий (XVI — нач. XX в.), а также этническая неоднородность районов Русского государства, откуда шел основной приток мигрантов.

Для этнодемографической ситуации на Северном Кавказе середины XIX — начала XX в. были характерны высокая подвижность населения, особенно из южных и центральных районов России и с Украины, и неуправляемость миграций; мигранты составляли почти 70% населения. Полиэтнизация региона усложняла этнокультурную среду и вызывала определенную дестабилизацию местного культурного комплекса. Все это вместе с усилением процессов консолидации завершило формирование сословно-этнических общностей донских, терских и кубанских казаков, составивших значительную часть восточнославянского населения Северного Кавказа.

На других территориях России также сформировалось казачество. Основное казачье население Яицкого войска (переименованного в 1775 г. и Уральское), возникшего еще в XVI в. из выходцев с Волги, сложилось в первой половине XVIII в. Во второй половине XVIII—XIX в. значительных переселений на его территорию не было, и правительство мало вмешивалось в формирование этой группы казаков, в которую принимались выходцы из различных сословий. Кроме русских, в ней присутствовали татары, башкиры и калмыки, чьи станицы располагались на правобережье Урала (Яика), здесь они соприкасались с казаками, что наложило отпечаток на их культуру и быт. Большое значение в хозяйственной жизни имел рыбный промысел на р. Урал и Каспии. Разговорным у казаков был среднерусский диалект. Среди православных большинство составляли старообрядцы. Татары и башкиры были мусульманами-суннитами, а калмыки — буддистами-махаяна.

В степном Заволжье и на юге Западной Сибири существовали казачьи войска — Волжское (1739 г), Ставропольское калмыцкое (1739 г), Оренбургское (1748 г.), а также поселения по Иртышско-Бийской укрепленной линии (1763 г.). Ядроэтих войск складывалось из переселенных донских и городских казаков. Для этого на Волгу было отправлено 520 казачьих семей, а на Иртыш — 150. Зачислялись в казаки и представители других сословий. Часть этих войск со временем упразднялась — Волжское в 1775 г., Ставропольское калмыцкое — 1842 г. Казаки были либо переписаны в крестьян, либо переведены на Кавказ.

Интенсивным оставалось заселение в Сибири Иртышско-Бийской укрепленной линии, куда с 1760 г были направлены донские казаки (русские), башкиры, татары-мишари. Затем к ним присоединились крестьяне-переселенцы из Центральной России (русские), крестьяне Тобольской губернии (русские и мордва), украинцы и поляки. Состав населения линии в 1797 г. пополнился 2 тыс. солдат, и в 1808 г было создано Сибирское казачье войско, куда в том же году записали 6 тыс., а в 1849 г. —

еще 4 тыс. крестьян. Казаки — русские и мордва исповедовали православие (среди них имелись и старообрядцы), татары — ислам (сунниты). Разговорным языком был говор севернорусского наречия. Сибирское казачье войско стало основой для организованного в 1867 г Семиреческого войска; в бассейн р. Или были переселены 14 тыс. сибирских казаков, из которых 5,4 тыс. являлись еще недавно тобольскими крестьянами, а 3,9 тыс. — крестьянами других губерний (*Хорошихин*. С. 46, 126).

На основе отдельных частей упраздненного Волжского казачьего войска и группы казаков с Хопра и Терека в 1817 г. было организовано Астраханское казачье войско, в которое производился набор представителей различных сословий. В подавляющей массе астраханцы были русскими, хотя в их состав входили небольшие группы православных калмыков (*Бирюков И.А.* С. 2). Казаки говорили на южнорусском наречии; все верующие были православными.

Оренбургское казачье войско начало складываться к 1755 г. из русских казаков и башкир с самарской, уфимской, алексеевской и исетской укрепленных линий. В XVIII в. в него зачисляли сибирских городских казаков и яицких казаков, отставных солдат, русских крестьян из Центральной России, башкир, татар-мишарей, татар-тептярей, калмыков. До 1840 г. в войско включили разовыми партиями 25 тыс. солдат, 1,7 тыс. калмыков и 1 тыс. крестьян (*Хорошихин*. С. 45). В 1842 г. к ним присоединили остатки казаков Ставропольского калмыцкого войска, состоявшего в основном из русских. Разговорным у оренбургских казаков был язык, сочетавший северо-восточные диалекты русского языка и южнорусское наречие. Верующие русские и калмыки придерживались православия, башкиры и татары — ислама (сунниты).

В середине XIX в. на востоке Российской империи возникли еще два казачьих войска — Забайкальское (1851 г.) и Амурское (1860 г.). Основой первого из них стали казаки, несшие службу на Забайкальской укрепленной линии с 1727 г. (2,6 тыс. бурят, 1,4 тыс. русских и 0,5 тыс. эвенков). При официальном учреждении

войска в нем значилось 38 тыс. русских (из них 27 тыс. горно-заводских крестьян, 1,2 тыс. крестьян-переселенцев) и 10 тыс. бурят (Сергеев. С. 48), а в 1916 г. — 244 тыс. русских и 21 тыс. бурят и эвенков. Верующие русские были православными (в том числе — старообрядцами), буряты — буддистами (махаяна), эвенки — православными и шаманистами. В формировании Амурского казачьего войска приняли участие 800 забайкальских казаков и 2 тыс. штрафных частей из корпуса Внутренней стражи (Хорошихин. С. 51). На 1916 г. в войске числилось 50 тыс. казаков.

Последним казачьим войском, сформированным в XIX в., стало Уссурийское (1889 г.). В его состав вошли 200 семей амурских казаков. В 1901 г. к ним присоединились 1 тыс. семей донских, кубанских, оренбургских казаков и крестьян из различных губерний (Сергеев. С. 73). На 1916 г. уссурийцев насчитывалось около 35 тыс. человек. Кроме войск, в Сибири существовали отдельные полки городских казаков: Енисейский и Иркутский (с 1917 г. — отдельные войска), а также Якутский. В них преобладали русские (лишь в Якутском была часть якутов).

К октябрю 1917 г. численность казачьих войск составила 4 млн 434 тыс. человек (2,4% от общего числа жителей России). Казачество сыграло особую роль в военной истории России. Оно участвовало почти во всех войнах XVIII — начала XX в., которые вела Российская империя. К началу XX в. казаки не представляли собой единой этнической общности, а ряд локальных культурно-территориальных групп сложного этнического состава, в основе своей русского. Специфика образа жизни и бытового уклада казачества выделяла его среди других групп русского населения и социальном и в этнокультурном отношении. Участие в создании казачества целого ряда народов — татар, башкир, калмыков, казахов, представителей Северного Кавказа и Сибири — наложило отпечаток на его этнический и культурный облик. Вбирая разнообразные традиции многих народов, оно сохраняло у себя основу общерусской культуры.

Возрождение казачества

К 1917 г. в России насчитывалось 11 казачьих войск, в это число входили старейшие из них: донские, терские, кубанские. Октябрьская революция разрушила традиционный уклад хозяйственной жизни и быта казачества. Социально-экономические процессы в стране, в том числе ликвидация сословий и форм собственности, оказали большое влияние на судьбу казаков. Они были вовлечены в революцию и Гражданскую войну, участвуя как на стороне «белых», так и «красных», что привело к гибели десятков тысяч человек. Пострадали казаки и в период проводимой правительством политики «расказачивания» и «раскулачивания», начатых в 1919 г. на Дону и продолжавшихся вплоть до 1927 г. В результате репрессий казачество лишилось значительной части своих земель и практически оказалось «вне закона» на многие десятилетия.

Возрождение казаческой идентичности и культурной традиции началось после 1991 года. Основой восстановления казачьего движения, идей, объединяющей казаков, стал лозунг о их возрождении как отдельного народа. Поэтому к наиболее ярким формам политического позиционирования казачества относятся разнообразные заявления и акции, создание общественных структур, обладающих этнополитическими характеристиками.

Политизации казачества в 1990-е гг. способствовало его соприкосновение с кавказскими народами и созданными ими этнонациональными движениями, преследующими политические цели и провозглашающими приоритет этнических ценностей общественной жизни. Подобные действия отражали несогласованность и противоречия в среде самого казачества Юга России (стремление к государственной службе, и в то же время оппозиция федеральной власти) и демонстрировали его неуправляемость со стороны федеральной власти, но с точки зрения утверждения себя в качестве политической силы, были весьма эффективны, о чем свидетельствует принятие ряда федеральных и региональных нормативных правовых актов по вопросам ка-

зачества, а также институциональные взаимодействия с ним (договоры, конфликты) националистически ориентированных политических партий и движений.

Значимой акцией этнополитического характера стала подготовка к Переписи населения 2002 г., когда достижение поставленных идеологами казачества целей увязывалось с признанием казачества отдельным народом, которое было возможно в результате удачного, с их точки зрения, проведения переписи. Казачьи активисты прогнозировали численность российского казачества в 6—7 млн. человек, но результаты переписи показали, что этнической идентичностью «казак» в России обладают 140 028 человек, подавляющее большинство которых проживают в Южном федеральном округе (133 775 человек или 95,5%).

Федеральная власть была озабочена формированием правовой основы этого процесса и держала в поле зрения феномен казачества и его реальную и потенциальную роль в социально-политической жизни России. Всего с 1990 по 2005 гг. было принято около 120 государственных актов, относящихся к казачеству. На начальном этапе правовой институционализации современного российского казачьего движения основополагающие концептуальные позиции были обозначены в законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и сопровождавших его нормативных актах, где казачество признавалось одним из репрессированных народов. Данные нормативные правовые акты закрепляли за казачеством статус культурно-этнической общности, за которой признавалось право возрождения и сохранения своего культурного наследия путем восстановления национально-государственных образований в границах, сложившихся до их упразднения. Следует отметить постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. «О реабилитации казачества», в котором отменялись как незаконные все акты в отношении казачества, принятые начиная с 1918 г. За казачеством признавались права на возрождение «традиционного социально-хозяйственного» уклада жизни и культурных традиций при соблюдении зако-

нодательства. В постановлении отмечалась необходимость возрождения традиционных форм землевладения и землепользования, несения воинской службы казаками, а также рассматривался ряд других актуальных проблем.

Но активизировавшийся процесс политизации этничности, особенно на Северном Кавказе, и, в частности, выступления казачества под этнополитическими лозунгами, заставили власть изменить точку зрения на правовой статус казачества и попытаться превратить его из неуправляемого фактора политических процессов в ресурс укрепления российской государственности в регионе. Указ Президента РФ от 15 марта 1993 г. «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» предполагал создание казачьих формирований под контролем силовых министерств, тем самым, определяя новый правовой статус казачества и возлагая на него новые функции. В восприятии автохтонного населения Северного Кавказа в Указе Президента, по существу, декларировалось восстановление казачеством особого сословного статуса, что усилило межэтническую напряженность в регионе.

Большое значение для общественной активизации казачества имела принятая в 1994 г. «Концепция государственной политики по отношению к казачеству», которая признала необходимость государственной службы казачества, и стала основанием для различных форм его государственной поддержки, предоставления гарантий, финансовых, материальных и иных льгот, развития казачьего самоуправления и использования элементов государственного управления в отношении казачьих территориальных объединений. Значимым тезисом Концепции было утверждение о том, что казачество исторически имеет многонациональные корни, в такой трактовке казачество выступало надэтнической общностью. Предпринималась попытка не просто осуществить деполитизацию казачьей этничности, а декларировать её отсутствие как таковой, вывести эту тему из политического

и правового дискурса, заменив темой внеэтнической казачьей общины.

На это же был направлен Указ Президента РФ от 9 августа 1995 г. «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», который можно трактовать как попытку создания вертикали управления казачьими войсками. В документе были разграничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы, подлежащие регистрации в Министерстве по делам национальностей и региональной политики, и казачьи общества, действующие на основе Федерального Закона «Об общественных объединениях». С этого периода пошел процесс раскола в казачьих рядах, основанием которого являлся вопрос о самоидентификации казачества — в качестве сословия или народа, и, соответственно, решение о вхождении или отказе от вхождения в Госреестр.

Организационный раскол на реестровых и нереестровых казаков на практике выразился в том, что реестровых казаков поддерживала официальная власть, однако, в соответствии с Указом, им было запрещено заниматься политической деятельностью, а казачьи подразделения, не вошедшие в Госреестр и считающие себя представителями отдельного народа (казачьего этноса), получив статус общественных организаций, примыкали к оппозиции и конфликтовали с органами власти и с реестровыми казаками. Кроме того, проблема вхождения казачества Юга России в Госреестр заключалась в том, что в условиях северокавказских республик реестризация казачества вела к ограничению возможностей русскоязычного населения использовать его в качестве института защиты своих политических интересов. В то же время другие этнические группы такими институтами обладали и использовали их при проведении всевозможных политических акций (выборы, митинги, демонстрации, политические заявления в прессе и т.п.). Политика укрепления вертикали власти (новый порядок избрания глав субъектов федерации, новый порядок разгра-

ничения полномочий между федеральными и региональными органами власти, муниципальная реформа, запрет на создание политических партий по этническому принципу), позволила федеральной власти в 2005 г. вернуться к правовому закреплению статуса казачества как внеэтнической группы.

Современная российская политико-правовая система может обеспечить альтернативные варианты возрождения казачьего движения России. Первый вариант связан с реализацией Федерального Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. Граждане Российской Федерации, относящие себя к потомкам казаков, а также граждане, добровольно вступившие в казачьи общества и позиционирующие себя в качестве этнической общности, наделяются функциями сохранения и развития своей самобытной культуры в рамках национально-культурных структур местного, регионального и федерального уровней. Подобные казачьи автономии уже функционируют в Северной Осетии-Алании и Карачаево-Черкесии. Второй вариант предполагает возрождение казачества, особенно на Юге России, в рамках Федерального Закона Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Данный правовой механизм предоставляет возможность восстановления и развития обычаев и традиций возрождающегося казачества путем включения его в систему местного самоуправления. Казачьи муниципальные образования в настоящее время создаются в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях. Правовую основу третьего варианта развития казачьего движения составил Федеральный Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., позволяющий лицам, причисляющим себя к казакам, объединяться, выражая общие интересы и достигая общие цели, функционируя как институт гражданского общества. В соответствии с этим законом действуют различные общественные объединения казаков, наиболее заметным из которых является

международная общественная организация «Союз казачьих войск России и зарубежья».

В 2005 г. появился вариант, когда граждане Российской Федерации, причисляющие себя к казакам, в соответствии с Федеральным Законом Российской Федерации «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. могут принимать на себя обязательства по несению государственной и муниципальной службы. Принятие этого закона в политическом и правовом плане закрыло эксплуатировавшуюся на протяжении 15 лет тему этнического возрождения казачества, нацеленного на создание казачьих государственных образований (республик) и правового признания особых экономических и политических прав казачества как этнической или субэтнической общности. Таким образом, «правовая многоликость» казачества в сочетании с культурным единством, выражающемся в самоидентификации: «мы — казаки», обеспечивает основу для «вписывания» казачества в современную социально-политическую структуру российского общества.

Глава вторая ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ С 1917 ПО 2000-е ГОДЫ

Демографические процессы в 1917—1920-е годы

В начале XX в. территория расселения русских охватывала 21,3 млн кв. км (5,5 млн — Европейская Россия, остальное — Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ). С начала XIX по начало XX в. плотность населения здесь увеличилась как за счет естественного прироста, так и за счет миграций при освоении новых пространств. Основой историко-этнической территории русских оставались старозаселенные районы: Центрально-промышленный, Центрально-земледельческий, Европейский Север, Северо-Запад, где русские составляли 90% населения. Их перемещения в новые регионы и развивавшееся с конца XIX в. отходничество привели к оттоку населения из Европейской России в Азиатскую (1 млн 406 тыс. человек), к снижению естественного прироста (особенно в старозаселенных нечерноземных губерниях) и его увеличению, наряду с ростом за счет механического движения, на юге Европейской России (на Дону, Кубани, Тереке) и в Сибири (*Водарский*, 1973. С. 130, 150).

Условия демографического развития русских, как и других народов страны, резко изменились после Октября 1917 г. Русский народ, как самый крупный и широко расселенный, испытал

наиболее сильное влияние политических, социально-экономических и культурных процессов, и происходивших в советский период истории. Демографические итоги первого десятилетия после Октября отразила перепись населения 1926 г. РСФСР к тому времени занимала 19 млн 757 тыс. кв. км из 21,3 млн — территории бывшей Российской империи. Численность населения республики за 1914—1926 гг. увеличилась с 94 млн 300 тыс. человек до 100 млн 858 тыс. человек. Плотность населения в целом по республике была невысокой — 5,1 человека на 1 кв. км, при этом 17 млн 440,5 тыс. человек проживало в городах (17,3%), 83 млн 417,5 тыс. — в сельской местности (Итоги десятилетия... С. 32—53).

Разнообразные процессы повлияли на достигнутый к 20-м годам XX в. численный и сословный состав русского населения разных регионов. Понижение естественного прироста населения было связано с людскими потерями во время первой мировой и гражданской войн (с 1914 по 1922 г.), а также с хозяйственной разрухой после революции 1917 г., неурожаями, голодом, эпидемиями. Только с 1917 по 1922 г. число жителей страны в целом уменьшилось на 7 млн человек (по другим данным, на 15,1 млн). Особенно пострадали от засух и недорода южные русские губернии, голод охватил население Поволжья.

Промышленное развитие Закавказья, Средней Азии, Казахстана, освоение новых районов Севера, Сибири, Дальнего Востока приводили к перемещению трудоспособного населения как из сел в города, так и из Центра России на окраины. В результате отток русских из Европейской России привел к сокращению их численности в ряде районов: в Центрально-земледельческом на 1119,9 тыс., Центрально-промышленном — на 407,4 тыс. (Моисеенко. С. 58).

Русское сельское население в РСФСР было сосредоточено особенно в «русских» областях; 3 млн их жило за пределами РСФСР (1 млн — в Казахстане, 71 тыс. — в Киргизии, 36 тыс. — в Узбекистане) (Русские: Этносоциологические очерки... С. 28). Миграции в города и на окраины страны начали сильно отражаться на

составе русского сельского населения. Процент трудоспособных мужчин в деревне колебался от 40 до 50% от общей его численности. Наибольшим он оставался в земледельческих губерниях: в Вологодской, Новгородской, Ярославской и т.д. В целом население русской деревни 1920-х годов было достаточно молодым; 50% его составляли люди до 20 лет, число женщин несколько превышало число мужчин: в возрасте 15—19 лет — на 3—4%, 30—40 лет — примерно до 10% (Данилов. С. 25).

Несмотря на понижение естественного прироста в первые годы советской власти, общая численность народа не уменьшилась, так как прирост сельского населения был выше, чем в дореволюционной России, и общая численность населения превысила предвоенную. К 1929 г. среднеежегодный прирост стал высоким и у горожан, составив 3,2 млн человек в целом по стране, но механический его прирост в 1920-е годы шел за счет сельских мигрантов. Только в 1925—1929 гг. в города из деревни переселилось 5,2 млн человек (Бокарев. С. 170—172). Тем не менее, в 1926 г. 82% населения страны оставалось сельским.

Сельское население не было однородно в социальном отношении, основную его массу составляли середняки. На Севере, в Центре и на Урале середняцкие хозяйства насчитывали 67—69% от общего числа; в среднемна такое хозяйство приходилось 5,7 человека; 22—26% хозяйств были бедняцкими, многие из них занимались отходничеством, и на каждое приходилось в среднем 4,9 человека. Сельскохозяйственные рабочие в деревне составляли всего 2,3% трудоспособного населения, служащие — 0,4%; 3,4% хозяйств от их общего числа в деревне относилось к зажиточным, в них насчитывалось по 6,5—6,9 человека (Данилов. С. 56—57, 91).

Размещение и численность русских в 1930—1940-е годы

Большие изменения в размещении и численности народа произошли с конца 1920-х — в 1930-е годы. Они были обусловлены тяжелыми людскими потерями в результате государственной

политики. Начавшаяся с 1929 г. всеобщая коллективизация, а затем индустриализация и сопровождавшие их правительственные репрессии (раскулачивание, раскрестьянивание, расказачивание), усугубленные голодом 1932—1933 гг., привели не только к перемещениям населения (переселения, беженцы, промышленная миграция), но и к гибели миллионов людей. Перепись 1937—1939 гг. фиксировала эти потери и констатировала новое падение естественного прироста населения.

На север и восток страны были переселены сотни тысяч семей «раскулаченных» из Центрально-земледельческого района, Поволжья, Урала, Центрально-промышленного района, Северо-Запада, Сибири (к концу 1930-х годов — 400 тыс. семей, 11 млн крестьян). В 1932—1933 гг. погибло до 3 млн «раскулаченных». В места заключения попало до 2 млн, а в 1935 г. — уже 4 млн крестьян, из них в лагерях Коми находилось 200 тыс. человек, на строительстве Беломорско-Балтийского канала — 286 тыс., в Магадане — десятки тысяч, в Архангельской и Вологодской областях — 400 тыс., в Нарыме — 196 тыс. К переселенцам «кулакам» присоединились голодающие беженцы из Поволжья, с Дона, Северного Кавказа, с Украины, Южного Урала и из Казахстана («недобровольная» миграция). Ускоренная индустриализация, особенно районов Урала, Сибири и Казахстана, требовала огромных людских ресурсов, и привела к принудительным переселениям в эти регионы. Высланные «кулаки» пополняли рабочую силу на заводах и фабриках, на стройках, в шахтах, на лесозаготовках и золотых приисках. Эти миграции способствовали возникновению промышленных городов и поселков на Урале, в Сибири и Казахстане (Магнитогорск, Новокузнецк, Комсомольск-на-Амуре, Караганда), на Кольском полуострове, в Коми АССР, в низовьях Енисея, на Колыме, Камчатке. С 1930 по 1939 г. численность населения Северо-Восточной Сибири и Сахалина увеличилась с 65 тыс. человек до 320 тыс., Карелии и Мурманска — на 325 тыс. человек и т.д. Миграции русских в это время имели отличительные особенности по сравнению с предшествующими периодами. Если до рево-

люции преобладали земледельческие перемещения русских (особенно на восток России), то с конца 1920-х и в 1930-е годы мигранты оседали в городах.

С 1937 г. начались массовые репрессии и ссылки в лагеря и на поселения, в основном на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан и Среднюю Азию. Всего с 1926 по 1939 г. туда выселили 5 млн человек, в основном русских из Европейской части страны (Русские: Этносоциологические очерки... С. 30). Результатом этого было изменение соотношения городского и сельского населения. Городское население с 1926 по 1939 г. увеличилось на 30 млн человек, а сельское, несмотря на его еще высокий естественный прирост, сократилось на 6,3 млн. Сокращения численности сельского населения не произошло в Сибири, где оставался высокий естественный прирост и шло пополнение за счет мигрантов, а также на окраинных территориях размещения русских — на Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Доля сельского населения РСФСР в 1939 г. равнялась 55,4% (в 1926 г. — 82,1%). Несмотря на людские потери в 1920—1930 гг., общая численность населения в стране с 1926 по 1939 г. увеличилась на 25 млн человек, из них русских — на 21,5 млн за счет естественного прироста и ассимиляции потомков смешанных браков (Алексеев А.И. С.143—144). Самое большое пополнение русские получили за счет того, что несколько миллионов малоросов (украинцев) в переписях 1937—1939 гг. предпочли записаться русскими. Эта смена самоидентификации при официальном учете была особенно массовой в восточных районах Украины и на юге России (Вишневский, 1998).

В этот период ассимиляция проходила особенно быстро у населения, оторванного от своей основной территории и жившего среди численно превосходящих представителей другого народа. Этносмешения русских с другими народами часто приводили к русской ориентации детей в этносмешанных семьях, что увеличивало численность русского народа. Особенно активно эти процессы совершались в районах давнего смешанного расселения. Это наблюдалось в районах русско-украинского

пограничья (в Курской, Белгородской, Воронежской областях РСФСР, Сумской и Харьковской областях УССР). На этот процесс влияли компактность заселения и численность этнических групп, социальный состав населения, частота межнациональных браков, принятый язык и т.д. Об активности вступления в браки русских с представителями других народов в первые годы существования советского государства свидетельствуют следующие данные: в 1920-е годы в смешанные браки в РСФСР вступило 2% русских, на Украине — 28%, в Белоруссии — 34% (Чижикова, 1988. С. 3—6, 59—62; Брук, Кабузан. С. 15).

Характер этнических процессов показал, что русский народ сохранял социально-политическую и культурную доминанту, проявлявшуюся на всем его историческом пути. Русский человек, особенно крестьянин, до коллективизации оставался, несмотря на революции, войны, разруху, голод, сильным в физическом и умственном отношении, деловым, а главное, при всех других его недостатках, сравнительно трезвым человеком, ибо дореволюционная Россия по потреблению алкоголя стояла на 11-м месте в мире. Русский крестьянин сохранял веками нажитые знания и опыт и умел хозяйствовать. Черты всеобщего единения и обранной работоспособности проявились во время войны 1941—1945 гг.

Великая Отечественная война вновь существенно изменила демографическую ситуацию. Среди погибших 20 млн советских людей (по другим данным, 26,6 млн) большинство составили русские. Не меньшими были и потери населения, связанные с падением рождаемости и увеличением смертности (ориентировочно 20—25 млн человек), учитывая, что до войны население страны увеличивалось в среднем за год на 3 млн человек. Уровень рождаемости в РСФСР в 1940-е годы был выше среднего по стране, однако голод 1946—1947 гг. унес еще около 1 млн жизней. И все же через 10 лет после войны восстановилась довоенная численность населения, увеличившись за 1941—1955 гг. на 35,2%. Возросшая после 1945 г. рождаемость дала

к 1950 г. ежегодный прирост на 17—18%, причем одинаковый как в городе, так и на селе (Русские: Этносоциологические очерки. С. 18).

Война привела к массовым перемещениям людей. Из западных областей РСФСР было эвакуировано на Урал, в Поволжье, Сибирь, Казахстан и в Среднюю Азию большое число русских семей, значительная доля которых осталась в этих районах и после войны. С 1946 г. снова начались как стихийные, так и организованные государством переселения людей. Их поток направился из Центра и Поволжья на запад (40% семей мигрантов по стране). Вновь заселялись степи Крыма и Саратовской области выходцами с Дона, Кубани, из русского Черноземья и с Украины (10—13% семей). В это же время массы народа переселились на Дальний Восток (30% мигрантов), около 10% от общего числа мигрантов — на Урал и в Сибирь. Снова стал осуществляться государственный набор рабочей силы в промышленность из села: ежегодно в РСФСР — по 0,5 млн человек. Росла стихийная крестьянская миграция: в 1950 г. она составила 20% мигрантов. В результате за 1946—1950 гг. доля крестьянства в населении РСФСР сократилась на 9,1 млн человек, или на 20,3%. В 1940 г. колхозники в РСФСР составляли 40,7%, в 1950 г. — 34%. Численность рабочих и служащих увеличилась на 12 млн человек (на 19%) (Русские: Этносоциологические очерки. С. 31).

Картина размещения и состава населения будет неполной без учета депортированных в 1930—1940-х годах. В результате депортаций представители некоторых народов осели в русских областях. С 1941 г. за «шпионаж и диверсию» выселялись из Поволжья немцы, к 1950-м годам они проживали в Новосибирской и Омской областях, на Алтае, в Казахстане, на Европейском Севере и Дальнем Востоке. За ту же самую «деятельность» с 1944 г. началось выселение калмыков в Астраханскую, Сталинградскую, Ростовскую и Омскую области, а также в Ставропольский край. Чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы по той же причине попали в Ставрополье, Дагестан, Северную Осетию,

Грузию и Казахстан. Крымские татары, а также армяне, греки, болгары из Причерноморья выселялись в Горьковскую, Ивановскую, Кировскую, Костромскую, Кемеровскую, Куйбышевскую, Молотовскую, Свердловскую и Тульскую области. Молдаване и гагаузы оказались высланными на Алтай, в Хабаровский край, в Амурскую, Иркутскую, Кемеровскую, Курганскую, Тюменскую и Читинскую области.

К этим разноэтничным переселенцам прибавлялись «спецпереселенцы» 1940-х годов — прежде всего бывшие «кулаки»: 137 881 человек таких переселенцев проживало на Алтае, в Хабаровском крае, Кемеровской, Курганской, Мурманской, Тюменской, Томской областях, в районах Узбекистана, Коми АССР, Херсонской области. В 1950-е годы «спецпереселенцы» составили 66 947 человек. Среди них выделялись — сектанты, переселенные из Рязанской, Курской, Орловской, Воронежской областей в Красноярский край, в Томскую и Тюменскую области (в 1948 г. — 1099 человек, в 1950 г. — 1076 человек). Разных категорий «спецпоселенцев» во всех республиках насчитывалось в те годы 620 895 семей (2 300 228 человек), из них русских — 56 589 человек (Депортация народов СССР. С. 35—308; *Бугай; Полян*).

К 1960 г. численность русского народа достигла 114 млн человек. Половая структура населения, нарушенная в годы войны, стала выравниваться за счет убыли старших поколений с их «дефицитом» мужчин. К 1970-м годам у людей, достигших 30 лет, соотношение полов выравнивалось, но оно было неодинаковым в городе и селе. В русской деревне женское население по численности превышало мужское. Снижение рождаемости снова наблюдалось в 60-е годы (на 5—7%), не увеличивалась она и в 70-е годы. Естественный прирост населения падал. В 1960—1970 гг. возросла смертность, особенно среди мужчин (и особенно в Центре). В этот период в Новгородской, Костромской, Смоленской, Рязанской, Воронежской, Курской и Тамбовской областях естественный прирост не достигал 2%, а в Псковской и Тульской областях этот показатель был отрицательным. Это был симптом процесса депопуляции

народа, ибо Россия по рождаемости встала на уровень ниже среднего по СССР.

Движение населения в 1950—1990-е годы

С 1950-х годов началось новое усиление миграций в стране. Русская миграция, хотя и меньшая, чем у других народов в этот период, совершалась в основном в районы освоения целинных земель Казахстана и неосвоенных территорий Урала, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах наблюдался рост численности русских, чему способствовали не только перемещения, но и ассимиляция в их пользу представителей некоторых народов. Смена идентификации произошла у украинцев в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, немного ранее у украинцев Приморского края, которые стали осознавать себя русскими. У некоторых народов Северного Кавказа и Сибири также был распространен русский язык в качестве родного. Общее число владеющих и считающих русский язык родным равнялось 143,7 тыс. человек (97,8% населения РСФСР). До 1970-х годов ассимиляция оставалась существенным источником прироста численности русских. В 1980-е годы ее темпы снизились примерно в два раза по сравнению с 60-ми годами (*Брук, Кабузан*. С. 18; Численность населения... С. 9—10).

В это время наблюдалось сокращение численности русских в Грузии, Азербайджане и в некоторых автономных областях РСФСР (в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Молдавии, Северной Осетии, Горно-Алтайской автономной области, Усть-Ордынском и Коми-Пермяцком автономных округах). В Карелии, Коми, Удмуртии, Чувашии и Якутии удельный вес русского населения возрос. В то же время на «русских» территориях РСФСР численность русских уменьшилась в 16 областях из 55, особенно в Центре, на Северо-Западе, в Волго-Вятском и Центрально-земледельческом регионах и в Поволжье, как за счет снижения естественного прироста, так и в результате миграций. С 1917 по 1979 г. концентрация русских в перечисленных

районах снизилась с 67,6 до 48,3%. При этом увеличилась численность русских в Магаданской, Тюменской, Камчатской областях и в других восточных районах, где показатель их концентрации вырос с 17% в 1917 г. до 26,4% в 1979 г. В целом по стране доля русского населения с 1917 по 1979 г. сократилась с 91,5 до 82,6% (особенно в Центре, на Западе и Севере РСФСР), однако увеличилась на Украине, в Казахстане и Узбекистане. Удельный вес русского народа в населении всей страны в 1959 г. составлял 54,7%, в 1970 г. — 53,4%, в 1979 г. — 52,4% (Брук, Кабузан. С. 18, 45).

Тогда же продолжался отток населения из села в город, составивший за 1959—1979 г. около 1,5 млн человек в среднем за год, что дало 46% прироста городского населения и сокращение сельского с 52 до 37% (Население СССР, 1980. С. 3). В результате деформировалась половозрастная структура сельского населения. Почти вся молодежь уезжала в города, и село «старело». Одновременно происходило сокращение числа женщин в деревне, так как женский труд был малопродуктивным, плохо оплачиваемым, не обеспеченным сельхозтехникой. Эти процессы усугубились в российском Нечерноземье, что вело к деградации сельского хозяйства и всей сельской жизни, несмотря на некоторые социально-экономические преобразования в 1960-е годы. Так, население Нечерноземья за 20 лет (к 1979 г.) сократилось вдвое. Большой урон сельскому населению был нанесен ликвидацией «неперспективных деревень» в 1970-е годы, что привело к запустению, обезлюдению целых районов РСФСР. Снизилась плотность населения в сельской местности (4,3 человека на 1 кв. км), а сами поселения продолжали оставаться в основном мелкими.

С 1920-х годов русские были поставлены в худшие условия с точки зрения социально-экономического развития, так как приоритет отдавался другим национальным районам, для них создавался льготный экономический и хозяйственный режим, туда перекачивались средства и ресурсы из европейских регионов. Депопуляция русских в условиях падения их жизненного

уровня пошла ускоренными темпами. Последствия этой государственной политики сказались не сразу, снижения общей численности русских к 1979 г. еще не произошло. Тогда их насчитывалось 137 397 тыс. человек; прирост их численности в 1970—1979 гг. равнялся 6,5%. Однако к концу 80-х годов по РСФСР этот прирост составил всего 0,4—0,8% в год. Только в Западной Сибири и на Дальнем Востоке он составил 1,5—1,6% в год (Русские: Этносоциологические очерки. С. 19; Население СССР, 1988. С. 3).

Численность русских, по данным переписи 1989 г., достигла 145 162 тыс. (в России — 119 865 тыс.); 25,3 млн русских (17,4%) жили за пределами России: из них на Украине — 11,4 млн (7,8%), в Казахстане — 6,2 млн (4,3%), в Узбекистане — 1,7 млн (1,2%), в Белоруссии — 1,3 млн (0,9%) (Русские: Этносоциологические очерки. С. 19). Произошло изменение в расселении народа. Компактность его ареала перестала снижаться в РСФСР, что было следствием сокращения его миграции за пределы России и притока русских из других регионов (с 80-х годов из Армении и Средней Азии). Сокращение же численности русских произошло в 12 областях РСФСР против 16 в 1970-х гг. (в Центрально-промышленном и Центрально-Черноземном районах). В одних бывших союзных республиках в 1960—1980-е годы доля русских среди населения росла (Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, особенно Эстония), в других (Закавказье, Средняя Азия, Казахстан) она сокращалась.

Концентрация русских росла в Центрально-промышленном и Центрально-земледельческом районах, на Северо-Западе, в Волго-Вятском регионе и Поволжье, составив в 1989 г. 50%; на Урале, в Западной Сибири, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке она снизилась до 24%. Наименьшая доля русских в автономных республиках, областях и округах отмечена в населении Дагестана; наибольшая, превышавшая долю коренных народов, в Карелии, Коми, Мордве, Мари, Удмуртии, Якутии, Адыгее, на Алтае, в Хакасии, Корякском, Таймырском, Ханты-

Мансийском, Чукотском, Эвенкийском, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах.

Миграции русских с 1970-х годов изменили не только свой характер и размеры, но и направление. Теперь они были направлены не традиционно на юг и восток из Европейской части, а на север и восток из Закавказья, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии; часть мигрантов расселялась в центральных районах России, особенно в Нечерноземье, в Поволжье и Западной Сибири. Миграционный прирост населения в РСФСР составил 1/5 его общего прироста.

Сокращение внутренних русских миграций было вызвано изменением возрастного состава жителей в РСФСР, так как везде из-за падения рождаемости снизилась доля молодых людей, наиболее подвижной части населения. Кроме обычных миграций в конце 1980-х — начале 1990-х годов увеличилась эмиграция из страны, русская в том числе. К 1991 г. она составила 1 млн человек (Русские: Этносоциологические очерки. С. 36—37).

Русские в городском населении СССР в 1989 г. составляли 60,5%, в сельском — 32,3%. Повсеместно наблюдалось сокращение сельского населения. В союзных республиках число русских горожан также увеличивалось, но менее, чем в среднем по стране (кроме Эстонии). Значительно сократилась их доля в Грузии и Азербайджане. Там же сократилась численность русского сельского населения: в Азербайджане — более чем в 2 раза, в Грузии — на 1/3, в Армении, Литве и в РСФСР на 1/4. В 1989 г. каждые трое из четырех русских в стране являлись горожанами (Численность населения... С. 26).

Рост жителей наблюдался в городских поселениях любого типа. Особенно заметным он был в новых экономических районах: на Байкало-Амурской магистрали (население одной Тынды за 1970—1980-е годы увеличилось в 12 раз), в нефтедобывающих районах Тюмени (в Нижне-Вартовске — в 7 раз, в Сургуте — в 3 раза), в промышленных городах (Набережные Челны, Тольятти, Старый Оскол и др.). Численность городского населения рос-

ла в основном за счет притока из сельской местности, особенно из Челябинской, Свердловской, Пермской областей. Основная масса русских устремилась в столицы. В столицах Узбекистана, Киргизии, Таджикистана сосредоточилось от 2/3 до 3/4 всех русских, проживающих в этих республиках. Русское население составило более половины населения Донецкой, Крымской, Луганской и Харьковской областей Украины; около 70% русских горожан Белоруссии проживали в Витебской, Гомельской и Минской областях; более 70% — в Кишиневе, Бельцах, Тирасполе, Бендерах; более половины русских Закавказья проживало в столицах союзных и автономных республик; в Эстонии 45% русских горожан сосредоточилось в Таллине, в Риге — 56%, в Вильнюсе — 38% (Русские: Этносоциологические очерки. С. 25—27).

Миграции 1980-х — начала 1990-х годов отразились на характере этнических процессов. Если до того межреспубликанские перемещения способствовали приселениям мигрантов — представителей разных народов не только в русские города и села, равно как в города и села бывших союзных республик, то в 80-е годы такие приселения ограничивались в основном крупными столичными городами. В целом этноструктура регионов менялась. Из-за снижения доли русских в городском и сельском населении всех бывших союзных республик повсеместно началось постепенное возрастание доли коренных народов в их населении.

Ассимиляционные процессы после 1970 г. шли на убыль, но к концу 1980-х годов русский язык своим родным считала еще значительная часть населения союзных республик. Фактически в 1979 г. и 1989 г. 81—82% всего населения страны считало русский язык родным или вторым для себя (Численность населения... С. 40—47; Население СССР, 1990. С. 40). В то же время ассимиляция перестала быть ведущим источником увеличения численности русского народа. Процесс же этносмешений, особенно в столичных городах, к 1989 г. продолжался. В 1979 г. имелось 32,3 млн семей с однородным составом их членов, 4,4 млн — этносмешанным. В 1989 г. соответственно — 34,3 млн и 5,9 млн.

Однородные семьи составили 85% их общего числа, этносмешанные — 15% (против 12% в 1979 г.). Этносмешанные семьи были наиболее распространены на территориях с малочисленным коренным населением: в Коми — 38% семей смешанных, Карелии — 36, Ямало-Ненецком автономном округе — 33, в Корякском, Чукотском, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах — по 31%, в Башкирии — 25, Удмуртии — 22, Якутии — 23, Эвенкии — 26, Коми-Пермяцком автономном округе — 25, Таймырском (Долгано-Ненецком) — 28% (Численность населения... С. 15—16, 55).

XX век внес в судьбу русских много трагического. В начале века русские являлись вторым по численности народом мира (после китайцев), расселенным на 1/6 части обитаемой суши, будучи основным народом Российской империи, где не имелось «имперских привилегий» ни для какого народа. Русские в то время выделялись социально-культурной самодостаточностью, не утратив ассимилятивной способности. За советский период они понесли большие потери, но их духовные силы не были сломлены, особенно после победы в войне 1941—1945 гг. В послевоенные десятилетия русские, их самосознание, язык и культура составили основу для консолидации всего советского народа, патриотизм и солидарность которого выражались во многих сферах общественной жизни. Кризисные явления сохранялись и нарастали в политической системе, организации экономики и условий жизни, а также индивидуальных свобод человека. Разрушительно для русских сказывалось бремя геополитического соперничества.

Положение русских в отдельных регионах России и странах СНГ в постсоветский период

После распада СССР в 1991 г. в союзных и автономных образованиях начала меняться демографическая и этнополитическая ситуация (см. табл. 1). Эти изменения по-разному проявлялись в различных регионах и республиках. Так, в Поволжье и Приуралье,

Таблица 1

**Численность русских по регионам Российской Федерации
(данные Всероссийской переписи населения 2002 г.)**

Федеральный округ	Кол-во человек	Доля среди населения, в %
Российская Федерация	115889107	79,8
Северо-Западный	12002788	85,9
Архангельская обл.	1258938	94,2
в т.ч. Ненецкий АО	25942	62,4
Вологодская обл.	1225957	96,6
Калининградская обл.	786885	82,4
Респ. Карелия	548941	76,6
Респ. Коми	607021	59,6
Ленинградская обл.	1495295	89,6
Мурманская обл.	760862	85,2
Новгородская обл.	652165	93,9
Псковская обл.	717101	94,3
г. Санкт-Петербург	3949623	84,7
Центральный	34703066	91,3
Белгородская обл.	1403977	92,9
Брянская обл.	1328448	96,3
Владимирская обл.	1443857	94,7
Воронежская обл.	2239524	94,1
Ивановская обл.	1075815	93,7
Калужская обл.	973589	93,5
Костромская обл.	704049	95,6
Курская обл.	1184049	95,9
Липецкая обл.	1162878	95,8
г. Москва	8808009	84,8
Московская обл.	6022763	91,0
Орловская обл.	820024	95,3
Рязанская обл.	1161447	94,6
Смоленская обл.	980073	93,4
Тамбовская обл.	1136864	96,5
Тверская обл.	1361006	92,5
Тульская обл.	1595564	95,2
Ярославская обл.	1301130	95,2
Приволжский	21148120	67,9
Респ. Башкортостан	1490715	36,3
Кировская обл.	1365438	90,8
Респ. Марий Эл	345513	47,5
Респ. Мордовия	540717	60,8
Нижегородская обл.	3346398	95,0
Оренбургская обл.	1611509	73,9
Пензенская обл.	1254680	86,4
Пермская обл.	2401659	85,2
в т.ч. Коми-Пермяцкий АО	51946	38,2
Самарская обл.	2708549	83,6
Саратовская обл.	2293129	85,9
Респ. Татарстан	1492602	39,5

Удмуртская Респ.	944108	60,1
Ульяновская обл.	1004588	72,6
Чувашская Респ.	348515	26,5
Южный	14795433	64,6
Респ. Адыгея	288280	64,5
Астраханская обл.	700561	69,7
Волгоградская обл.	2399300	88,9
Респ. Дагестан	120875	4,7
Респ. Ингушетия	5559	1,2
Кабардино-Балкарская респ.	226620	25,1
Респ. Калмыкия	98115	33,6
Карачаево-Черкесская респ.	147878	33,6
Краснодарский край	4436272	86,6
Ростовская обл.	3934835	89,3
Респ. Северная Осетия-Алания	164734	23,2
Ставропольский край	2231759	81,6
Чеченская респ.	40645	3,7
Уральский	10237992	82,7
Курганская обл.	932613	91,5
Свердловская обл.	4002974	89,2
Тюменская обл.	2336520	71,6
в т.ч. Ханты-Мансийский АО	946590	66,1
в т.ч. Ямало-Ненецкий АО	298359	58,8
Челябинская обл.	2965885	82,3
Сибирский	17530949	87,4
Алтайский край	2398117	92,0
Респ. Бурятия	665512	67,8
Иркутская обл.	2320493	89,9
в т.ч. Усть-Ордынский АО	73646	54,4
Кемеровская обл.	2664816	91,9
Красноярский край	2638281	88,9
в т.ч. Таймырский (Долгано-Ненецкий АО)	23318	58,6
в т.ч. Эвенкийский АО	10958	61,9
Новосибирская обл.	2504147	93,0
Омская обл.	1735512	83,5
Респ. Алтай	116510	57,4
Томская обл.	950222	90,8
Респ. Тыва	61442	20,1
Респ. Хакасия	438395	80,3
Читинская обл.	1037502	89,8
в т.ч. Агинский Бурятский АО	25366	35,1
Дальневосточный	5470759	81,7
Амурская обл.	831004	92,0
Еврейская авт. обл.	171697	89,9
Камчатская обл.	290108	80,9
в т.ч. Корякский АО	12719	50,6
Магаданская обл.	146511	80,2
Приморский край	1861808	89,9
Сахалинская обл.	460778	84,3
Хабаровский край	1290264	89,8
Чукотский АО	27918	51,9
Респ. Саха (Якутия)	390671	41,2

где издавна происходило тесное взаимодействие разных народов, не были редкостью этносмешанные браки, сильными были явления языковой ассимиляции в пользу русского, свои этнические особенности более всего сохранили татары и башкиры, что объясняется их религиозными отличиями от русских. Поэтому и национально-сепаратистские движения у этих народов имели политический характер, что не присуще другим республикам региона, где они приобретали этнокультурную направленность и проявлялись в стремлении ослабить распространение русского языка и культуры, освободиться от влияния православной церкви. Последнее было особенно заметно у марийцев, у которых наметился возврат к языческим верованиям. Национальное же движение и организации русских здесь приобрели социально-культурные, а не этнополитические черты (Миграции и новые диаспоры... С. 11—54).

В общественной жизни Республики Татарстан наметилось постепенное оживление активности русских общественных организаций. Долгое время русские в Татарстане не осознавали своей специфической общности, не фиксировали особых интересов и целей. В условиях усиления татарского этнонационализма в конце 1980-х — начале 1990-х годов, провозглашения государственного суверенитета республики, роль русского фактора в татарстанской политике заметно снизилась. Это выразилось в изменении количественного соотношения между русскими и татарами среди управленческих кадров (особенно на уровне республиканской власти, администраций городов и районов, а также в базовых отраслях экономики), в снижении общего влияния русской культуры, неудаче организовать общественные структуры, призванные отстаивать интересы русского населения республики. До сих пор не существует республиканских национально-культурных организаций русского населения Татарстана. В настоящее время наибольшую активность в этих вопросах проявляет Общество русской культуры г. Казани. Правление Общества играет роль координирующего центра русских организаций. Общество

возникло в 1993 г. как православная просветительская организация, одноименная с той, которая существовала в Казани до 1917 г.

Вторым центром развития русского общественного движения в Татарстане являются Набережные Челны. Как и в случае с татарскими организациями, русское общественное движение в этом городе более политизировано. Это касается как городских православных структур, которые подчеркнуто дистанцируются от контактов с местной властью, так и движения казаков. Только в этом городе многочисленные попытки образовать казачьи организации в Татарстане увенчались частичным успехом. Наиболее актуальные задачи русских организаций в регионе: обеспечение государственной поддержки русского образования, усиление государственной поддержки культуры русского народа, завершение передачи собственности православной церкви, гарантии представительства русского населения на всех уровнях общественной жизни и государственного устройства, в том числе и в политике.

Этнополитические процессы конца 1980 — начала 1990-х гг. в РФ и других республиках бывшего СССР усилили социальную напряженность. Острейшей формой ее проявления стали межэтнические и внутриэтнические конфликты, вылившиеся в ряде регионов в открытые вооруженные столкновения. Резко усилилась миграционная подвижность населения нетитульных этносов, прежде всего русских, в направлении своей исторической родины. Наиболее значительные миграционные процессы в постсоветский период произошли и происходят в республиках Северного Кавказа. В этот процесс в одинаковой мере вовлечены представители всех этносов, проживающих в регионе. Разница заключается только в том, что если для населения титульных этносов указанных республик характерен естественный и миграционный прирост, то для нетитульного населения в целом и русских в частности — наоборот, значительный миграционный отток и отрицательный естественный рост.

За межпереписной период 1989—2002 гг. сальдо миграции населения титульных этносов в северокавказских республиках в целом составило, по официальным данным, 974 тыс. чел., в т.ч. в «своих» республиках — более 900 тыс. чел. За этот же период сальдо миграции нетитульного населения в указанных республиках составило 384 тыс. чел., в т.ч. русских — около 280 тыс. Уточним, что 280 тыс. чел. — это официальные данные. В действительности же, как свидетельствует анализ материалов всероссийской переписи населения 2002 г., сальдо миграции постоянного русского населения из республик Северного Кавказа за указанный период было выше и составило 320—325 тыс. чел. В ходе переписи в численность русского населения в ряде республик региона были включены военнослужащие российской армии, дислоцированные в этих республиках (в Чечне — 22—23 тыс. чел., в Северной Осетии — 11—12 тыс. чел., в Дагестане — 5—6 тыс. чел.).

В миграции населения из Чеченской республики за последние 30 лет можно выделить три периода, различающиеся по характеру причин и мотивов переезда людей. Первый охватывает рубеж 50—60-х гг. Несколько десятков тысяч русских и представителей других национальностей выезжали преимущественно из сельской местности в связи с возвращением из ссылки чеченцев и ингушей. Второй период протекал внешне относительно спокойно на протяжении почти 20 лет (70—80 гг). В эти годы все национальности имели отрицательное сальдо миграции и выезжали по разным причинам. Переезду русских способствовало сокращение добычи нефти, чеченцев и ингушей — нехватка рабочих мест в сельской местности. Существовали и другие причины, но основными были социально-экономические.

В 1990-е гг. на миграцию наложили отпечаток переходное состояние общества и кризис политической власти. В республику прибывало чеченцев и ингушей больше, чем убывало. А миграция русских с осени 1991 г. приобрела лавинообразный характер. Установление режима национал-радикалов изменило ход социальной жизни. Основными причинами массового отъезда

русскоязычного населения стали рост преступности, опасение за будущее детей, политическая нестабильность. Существенными были и такие моменты, как духовный дискомфорт, намерение улучшить материальное положение, межнациональная напряженность, недоброжелательность со стороны отдельных представителей чеченского народа. В той или иной мере сказывались также неопределенность перспективы служебного и профессионального роста, ограниченные возможности занятия предпринимательской деятельностью. В дальнейшем, в 1993—1994 годах определяющей причиной бегства жителей, и не только русских, становится открытое насилие, бедственное материальное положение всех слоев населения. Первыми начали покидать республику партийно-советские работники, хозяйственные руководители, затем руководители среднего звена, специалисты, квалифицированные рабочие. В своей совокупности все эти факторы рождали предчувствие беды, неизбежности двух конфликтов — внутричеченского столкновения и военного разрешения противостояния федеральной и чеченской власти. Таким образом, в первую очередь не межэтническая неприязнь или конкуренция выталкивала русских и других из республики, а взрывоопасная ситуация, осложненная криминальным произволом (Тишков. 2001).

В период вооруженных действий (1994—1996 гг.) республику вынужденно покинули более 400 тыс. чел. Однако послевоенная разруха, огромная безработица, составляющая 80% трудоспособного населения, разгул преступности, невыплаты зарплаты работающим за два и более года сделали жизнь предельно тяжелой.

Миграционный отток русских из республик Северного Кавказа (особенно значительный для Чечни — порядка 250 тыс. чел.) и его минусовой естественный прирост значительно сократили численность русских в указанных республиках — на 405—410 тыс. по расчетам итогов переписи населения 2002 г. и данным ежегодных учетов миграционного движения населения. Численность русского населения в северокавказских республиках

сократилась за межпереписной период 1989—2002 гг. с 1 млн 360 тыс. до 996 тыс. чел. (на 27%). Столь значительное уменьшение численности русских в республиках Северного Кавказа существенно сократило их удельный вес в численности всего населения республик — с 26% в 1989 г. до 12—15% — в 2002 г. За этот же период численность населения титульных этносов увеличилась в этих республиках почти на 1 млн 785 тыс. чел. — с 3 млн 516 тыс. чел. до 5,3 млн чел., а удельный вес их в численности населения республик вырос с 63 до 75%.

В сибирских республиках РФ — Тыве, Алтае и Хакасии — также по-разному складываются межэтнические отношения. Угроза для положения русских, живущих там, существовала в основном в Тыве. Она вошла в состав СССР в 1944 г. (бывший Урянхайский край), поэтому была наименее «советизирована» по сравнению с другими автономиями. Поднявшееся в 1990-е годы национальное движение тувинцев привело к антиправительственным, в подоплеке направленным в основном против русских, выступлениям и вызвало переселение 6,4 тыс. русских (из 98,8 тыс. живущих там). В других бывших автономных областях РФ положение русских более спокойное.

В бывших же союзных республиках, ставших самостоятельными государствами (ближним зарубежьем), русское население находится в очень противоречивых отношениях с прочими народами. В славянских республиках — на Украине и в Белоруссии — русские в постсоветское время находятся в сравнительно стабильном и благополучном состоянии. Демографический потенциал их там еще значителен (в сравнении с «титульными» и другими народами), кроме того, многие русские Украины и Белоруссии двуязычны, близки между собой по этнокультуре (Миграции и новые диаспоры... С. 63). Тем не менее, существует проблема статуса русского языка на Украине. В соответствии с обязательствами, взятыми на себя при вступлении в Совет Европы, Украина должна присоединиться к Хартии региональных языков или языков меньшинств. Украина подписала Хартию уже в мае 1995 г. Согласно решению Конституционного Суда Украины в

2000 г. закон о ратификации Хартии был признан неконституционным и прекратил свое действие. Но решение Конституционного Суда не упраздняет обязательства Украины перед Советом Европы относительно ратификации Хартии.

Принятый в 2002 г. закон о языках гарантировал гражданам национально-культурные и языковые права, устанавливал статус украинского языка как государственного, а русского — как языка межнационального общения. Согласно закону выбор языка межличностного общения — неотъемлемое право самих граждан. По Указу Президента Украины еще от 24 февраля 1997 г. гарантированы использование и защита русского и других языков национальных меньшинств Украины. На законодательном уровне в стране созданы формальные условия для реализации и защиты прав национальных меньшинств. Наряду с этим, существует ряд языковых проблем, вызывающих напряженность в межнациональной сфере и являющихся источниками конфликтов.

Проблема статуса русского языка в некоторых регионах Украины приобретает политические очертания и становится одним из факторов политического процесса. Русское меньшинство на Украине составляет 18 миллионов 334 тыс. человек, что сравнимо с населением средней по территории европейской страны. При этом проблема статуса русского языка затрагивает не только интересы этнических русских, но и более многочисленную языковую группу, для которой русский является родным языком. На Украине эта группа насчитывает 16 миллионов 898 тысяч 273 человека, то есть в нее входит каждый третий житель страны. По этническому происхождению ее составляют: русские, украинцы, а также белорусы, болгары, евреи, греки и др. Русскоязычное население сосредоточено во всех регионах. Однако на обширной территории, включающей девять восточных и южных областей — Сумскую, Харьковскую, Луганскую, Донецкую, Днепропетровскую, Запорожскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую, и Автономную Республику Крым, — русскоязычное население составляет большинство населения. На этой

территории проживает 26 334 877 человек, из которых русскоязычных — 13 774 319 человек, т.е. 52,3% всего населения.

По данным социологических опросов, проведенных Институтом социологии Национальной Академии Наук Украины при участии Фонда «Демократические инициативы» и компании «Социс», родным языком считают русский 38% респондентов. Как показал опрос, доля респондентов, использующих в семье только русский язык для повседневного общения, составила 37%. Такое же количество респондентов использует только украинский язык, а 26% опрошенных выбирают язык общения в семье в зависимости от обстоятельств. Представляет интерес анализ ответов на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым придать русскому языку статус официального в Украине?». Положительный ответ на этот вопрос в 1995 г. дали 52% респондентов, отрицательный — 33%. Затруднились с ответом — 15%. В 2001 г. мнения по этому вопросу изменились не существенно: ответили «да» — 47%, «нет» — 36%, затруднились ответить — 16%.

Анализ приведенных выше данных свидетельствует о двуязычности населения Украины. Основные проблемы возникают в сфере делопроизводства, научных исследований, отчасти в образовании. Именно в этих сферах жесткая принудительная украинизация наталкивается на сопротивление. Тем не менее, русский язык теряет свои прежние позиции, сфера его использования заметно сужается, хотя он продолжает по-прежнему служить своего рода «лингва франка» на значительной части территории страны. Происходит переход общеобразовательных школ и вузов на украинский язык преподавания, причем в западных и в значительной степени центральных областях он практически завершен.

Осуществляемое с начала 90-х гг. на государственном уровне внедрение украинского языка в различные сферы жизни общества и, соответственно, ограничение использования русского непосредственно затронуло жизненные интересы тех, для кого русский язык является родным или основным в общении и трудовой деятельности. Однако для большинства русскоязычного на-

селения «украинизация» языковой обстановки не приобрела такого болезненного характера, как в прибалтийских республиках. Это обуславливается родственностью украинского и русского языков и соответственно возможностью взаимопонимания без перевода, а также фактическим двуязычием подавляющего большинства населения. Тем не менее, опросы общественного мнения и предвыборные кампании показывают, что этнические русские в Украине и подавляющая часть русскоязычного населения хотели бы, чтобы русский язык стал вторым государственным языком. Двуязычие на Украине существует фактически, но не официально. Курс украинских властей в этом вопросе имеет тенденцию к ужесточению.

Трагично складывается судьба русских в бывших союзных республиках Закавказья и Средней Азии. Сложные этнополитические явления и межэтнические распри вели к катастрофам, миграциям и прямому бегству людей отсюда, главным образом, русскоязычных. Русские в Закавказье к 1989 г. насчитывали 785 тыс. человек, половина их жила в Азербайджане, к 1996 г. в последнем их осталось только 41 тыс. Из 52 тыс. русских в Армении к 2001 г. осталось жить 15 тыс. В Грузии в 2002 г. русских осталось 68 тысяч (из 341 тыс. проживавших там).

Вопросы межнациональных взаимоотношений, требующие тонкого и деликатного подхода, актуальны для Республики Узбекистан, отличающейся сложным национальным составом более чем 24-миллионного населения, включающего представителей более 130 этнических групп. По официальным данным (на январь 2000 г.), в Узбекистане проживало 71,4% узбеков, 8,3% русских, 4,7% таджиков, 4,1% казахов, 3,3% татар, 2,1% каракалпаков и 7% других национальностей. Узбекистану в сложных условиях переходного периода удалось сохранить стабильность в межнациональных отношениях. Русские в республике являются второй по численности этнической группой. Они испытывают психологический дискомфорт от осознания своего перехода из положения «национального большинства» (в рамках бывшего СССР) в состояние «национального меньшинства» в республике.

Сложным оказался переход на государственный язык и связанные с этим трудности в служебной деятельности, получении образования, трудоустройстве.

Большинство русского населения Узбекистана проживает в городах, они составляют 36% 2,5-миллионного населения Ташкента. Для удовлетворения этнических потребностей национальных групп государством созданы и функционируют национально-культурные центры, которые являются, по существу, национально-культурными автономиями в полиэтничном обществе. Ныне в республике действуют около 80 национально-культурных центров, объединенных в Интернациональный культурный центр Республики Узбекистан. В их числе и Русский культурный центр Узбекистана, который находится в Ташкенте. Здесь же базируется Русский городской культурный центр. И практически во всех 11 областях, и в автономной республике Каракалпакистан имеются областные русские культурные центры.

Отличительной приметой жизни русского населения Узбекистана является миграция. Узбекистан имеет миграционные связи практически со всеми странами мира. Но основная часть мигрантов уезжает в Россию. Отъезд русского населения во многом связан с экономическими причинами, а также с беспокойством за будущее детей. В немалой степени отъезду русских способствует и языковая ситуация. Узбекский язык как государственный функционирует практически во всех сферах жизни республики. Статья 3 Закона о государственном языке гласит: «Граждане имеют право по своему усмотрению выбирать язык межнационального общения». И в городах, где компактно проживает русское население, языком межнационального общения остается русский язык. У русских, болезненно воспринимающих сужение сферы применения их языка, недовольство вызывают: ограниченный доступ к российской и русскоязычной прессе, сокращение радио- и телевещаний на русском языке (4-й государственный и 30-й частный каналы вещают на русском языке), уменьшение часов на изучение русского языка и литературы в школьных

программах. Но, несмотря на это, сфера использования русского языка остается обширной. Достаточно сказать, что подавляющее большинство ресурсов узбекского интернета — на русском языке. В отличие от Киргизии и Казахстана, Узбекистан не собирается придавать статус государственного или официального русскому языку, поскольку в Узбекистане совершенно иная этнополитическая ситуация.

После распада Советского Союза и провозглашения независимости Узбекистана начался процесс вытеснения русских с руководящих должностей. Но на крупных наукоемких производствах, где требуются высокая квалификация, русские занимают первые должности. Расширились возможности русского населения заниматься частным крупным и мелким бизнесом. Если узбеки преобладают в торговом, строительном, «челночном», а также транспортном бизнесе, то русские заняты в «интеллектуальном» бизнесе — это компьютеры, интернет-технологии, ремонт оргтехники и другой сложной аппаратуры. Хотя в последнее время и в мелком торговом бизнесе русские стали активными.

Узбекистан и г. Ташкент являются духовным центром русского и русскоязычного населения всего Центральноазиатского региона. Здесь находится Среднеазиатское Епархиальное управление русской православной церкви Московского патриархата. Но русское население, как и узбекское, сегодня больше беспокоят вопросы безопасности, чем социально-экономические проблемы.

По данным первой национальной переписи населения Киргизии, проведенной в 1999 г., население республики к 2000 г. составило 4 млн. 851 тыс. чел., в т. ч. русских — 603 198 чел. (12,4%), украинцев — 50 441 чел. (1%). По данным национального статистического комитета КР, в 2004 г. население республики составило 503 7247 чел., в т.ч. русских — 516 732 чел. (10,2%), украинцев — 35 411 чел. (0,7%), белорусов — 2332 чел. (0,04%). В демографическом отношении население Киргизии характеризуется как молодое — 38,1% составляют дети и подростки, 52,7% — лица трудоспособного возраста и 9,2% — старше трудоспособного.

Весь постсоветский период идет отток русскоязычного населения за пределы Киргизии. Наибольшие темпы миграционной активности отмечались в 1990-е годы. По данным независимых исследователей, в 1992 г. из республики выехало 56 тыс. представителей русскоязычного населения, в 1993 г. — до 120 тыс., в т.ч. 102 тыс. русских. Нацстаткомитет КР оценивает миграционный отток русских в 1999 г. в 5596 чел., в 2000 г. — 15 244 чел., в 2001 г. — 17 808 чел., в 2002 г. — 17 902 чел., в 2003 г. — 9724 чел., в 2004 г. — 14 270 чел. В 1990-е годы происходила и внутренняя миграция, связанная с перемещением части русского населения из периферийных районов в столичную Чуйскую область.

Сегодня районами компактного проживания русских по-прежнему являются Бишкек и Чуйская область, где сосредоточено свыше 80% русскоязычного населения. На территории Ошской, Джал-Абадской, Баткенской и Нарынской областей, по данным нацстаткомитета, проживают еще около 34 тыс. чел. При этом аналитики фиксируют стабильный рост числа граждан, заявляющих о намерении выехать за пределы Киргизии. Результатами миграционных процессов стали заметное изменение национального состава, усиление тенденций к его этнической однородности и сокращение более чем наполовину численности русских и украинцев. В 2004 г. из общего числа выбывших за пределы республики мигрантов лица моложе трудоспособного возраста составили 15%, трудоспособного — 68% и старше трудоспособного — 17%.

Известные события марта 2005 г. инициировали изменения системы общественных отношений, которые привели к повышению роли родоплеменного фактора и росту криминализации политики. В новых условиях актуализировалась проблема этнического представительства русскоязычного населения в органах власти и управления всех уровней. Протестные действия октября-ноября 2005 г. свидетельствуют о дальнейшем укреплении позиций криминальных лидеров и их группировок в Киргизии, что вызывает вполне объяснимую тревогу у всего русскоязычного населе-

ния республики и незначительного числа русских, пока еще сохраняющих свое присутствие в государственных структурах КР. В числе побудительных мотивов, инициирующих миграционные настроения среди русского населения, все чаще преобладают политические: нестабильность внутривнутриполитической обстановки и непредсказуемость ее развития.

Существуют определенные проблемы и в системе образования. По данным специальной рабочей группы, утвержденной бывшим президентом КР и поддерживаемой Верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств, в 2004 г. на территории Киргизии действовали 2045 школ, в 143 из которых осуществлялось преподавание на русском языке. Сокращается количество часов преподавания русского языка как учебной дисциплины. В качестве фактора, вызывающего озабоченность, эксперты отмечают переход русских школ на учебные планы и программы, разработанные в Киргизии, тогда как ранее обучение в них велось на основе российских образовательных программ.

Об усилении антирусских тенденций свидетельствует и предложение ряда членов конституционного совещания Киргизии лишить русский язык статуса официального. Совокупность всех этих факторов по-прежнему провоцирует социально-психологический дискомфорт русскоязычного населения республики. Сохраняющиеся опасения по поводу личной безопасности, противоречия в сфере языковой политики, неурегулированные проблемы в области защиты конституционных прав и свобод, неуверенность в будущем своих детей на территории Киргизии способны дополнительно стимулировать миграционный отток русскоязычного населения в Россию.

Возможные меры по частичной стабилизации ситуации, по мнению лидеров этнических диаспор, проживающих в Киргизии, должны включать проявление заинтересованности Российской Федерации в оказании содействия соотечественникам в решении их проблем, демонстрацию активной позиции в отстаивании прав русскоязычного населения в государствах СНГ.

Сложное положение русского населения и русского языка в Молдавии, особенно в контексте курса румынизации, когда отрицается молдавская идентичность, не говоря уже о равноправном статусе русского населения, его языка и культуры. Однако фактически около половины населения этой страны является русскоязычным. Официальное молдавско-русское двуязычие — это единственно демократический путь решения этнических проблем и сохранения целостности страны.

В республиках Прибалтики, сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, поскольку была низкой рождаемость коренного населения (особенно в Эстонии), численность же русских там росла, и к 1989 г. они составили до 34,4% населения Латвии, до 30,3% — Эстонии, менее всего их было в Литве — до 9,4%. В этих государствах были приняты дискриминационные законы о гражданстве и об иностранцах, что низвело русских до положения второсортных граждан, не защищенных никакими законами. Выезд их в Россию весьма проблематичен, а существование там не отличается стабильностью (Миграции и новые диаспоры... С. 105—146). В Эстонии, кроме всего этого, обострилась борьба с русским культурным и историческим наследием.

В 2003 г. там был принят новый закон о географических названиях, который устанавливал более либеральный подход к утверждению топонимов на неэстонских языках. Хотя по общему правилу топонимы — географические названия должны быть на эстонском, допускаются исключения «по историческим и культурологическим причинам».

Надо сказать, что из-за особенностей эстонской истории географические названия здесь менялись неоднократно. До начала XX в. многие официальные топонимы были немецкими, и именно в таком виде они вошли в русский язык.

В период первой независимости официальная топонимия была радикально эстонизирована, хотя в быту все еще широко использовались «немецкие» и «русские» названия городов и населенных пунктов. Тогда же были эстонизированы и названия многих русских деревень и поселков в приграничном с Россией

регионе и на побережье Чудского озера. Во многих случаях речь шла о населенных пунктах, которые изначально были основаны и заселены русскими крестьянами и где русское население до сих пор составляет большинство. Вопрос о реставрации русских топонимов на территории Эстонской ССР не стоял.

Хотя закон о географических названиях не запрещает обратное переименование этих населенных пунктов, на практике подобное малоосуществимо, особенно при широком толковании перечисленных в данном правовом акте принципов. Возможность установления двойных названий имеется, с точки зрения закона, только в отношении таких населенных пунктов, как поселок, деревня, «волостной город» — они административными единицами не являются.

С русскими топонимами связана еще одна проблема. В своем мнении по Эстонии Консультативный комитет по Рамочной конвенции (24 февраля 2005 г.) отмечал, что малый интерес в Причудье к установлению двойных названий может быть связан с требованием писать «параллельные названия» только латиницей. По мнению комитета, разрешение использовать русский алфавит для двойных названий может увеличить интерес к использованию русских топонимов в регионе.

О социально-политическом статусе русских речь пойдет ниже.

Русский мир

Историческое содержание русского мира

Российский народ создал самое обширное государство в мире и входит в число десяти самых крупных по численности народов мира. У нашего государства много выдающихся достижений и вклада в мировую цивилизацию и в мировую культуру более чем примечателен. Далеко не всем государствам и народам удается породить феномен глобального размаха, который можно было бы назвать «миром», т.е. *трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльно-*

стью к его культуре. Такими мирами обладают, наряду с Россией, только Испания, Франция и Китай. Возможно, Ирландия вместе с Великобританией. «Мир» или диаспора — это не просто сумма эмигрантов, выехавших с территории исторического государства в разные эпохи и в разные страны. Это близкие, но не совпадающие явления. Ясно, что без массовой эмиграции невозможно возникновение культурно родственного населения за пределами государства. Но само по себе большое число не гарантирует возникновение за рубежом Родины *родственного внешнего мира*. Почему более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир, хотя эмиграция из России и те, кто когда-то был частью России, имеют столь же многоэтническую природу, как и собственно российский народ? Потому что, во-первых, в диаспоре теряется этническая актуальность. Мигранты воспринимаются принимающим обществом как гомогенные (культурно одинаковые) выходцы из определенной страны: с давних пор выходцы из России называются русскими, как прилагательное от названия страны, и как люди русскоязычной культуры.

Диаспора из России становится именно русской диаспорой, а не тривиальной миграцией или совокупностью всех выходцев из страны потому, что она осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной культурно отличительной черты — а именно на основе русского языка. Утратившие эту черту, как правило, теряют свою принадлежность к Русскому миру. Литовские татары, иорданские черкесы или косовские адыги не есть часть Русского мира, хотя они есть часть исторических российских соотечественников за рубежом, и по федеральному закону о государственной поддержке соотечественников и по программе содействия добровольному переселению соотечественников в Россию имеют право на поддержку государства. Равно как ассимилировавшийся в языковую и социальную среду других стран потомок русских или евреев, выехавших из России до или вскоре после революции 1917 г., также не может считаться частью

Русского мира, даже если желание заработать легкие деньги в реформируемой России толкало его вспомнить и объявить свою русскость при основании совместной фирмы или при заключении деловых контрактов. Такие примеры мы наблюдали в большом количестве в начале 1990-х гг. Зато бесспорной частью Русского мира являются те, кто выехал из страны в разные исторические периоды и сохранил знание русского языка, а вместе с ним — в разной степени лояльность и привязанность к России.

Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир. Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности остается третьей важнейшей чертой Русского мира, но эта связь может быть изменчивой и иметь противоречивые смыслы и направленности. Как же быть в таком случае с этничностью, которая зачастую объявляется единственной отличительной характеристикой, когда под Русским миром имеют в виду 25 миллионов русских в постсоветских государствах и несколько миллионов в дальнем зарубежье? Что касается более давних (досоветских) времен и более отдаленных стран выезда россиян, то в этом случае этничность трудно определить как главную отличительную черту Русского мира. Собственно русские были в явном меньшинстве и возможно остаются таковыми в дальнем Русском мире. В этом случае гораздо более определяющим были опять же язык и вера — принадлежность к Русской православной церкви. Но в более поздние (советские) времена и в ближнем мире, где этничность стала уже частью выученного культурного багажа и политическим языком, русские — это главное отличие русского мира. Правда, к Русскому миру можно относить и часть нерусских, особенно выехавших в Израиль евреев в составе смешанных семей и сохраняющих русский язык как основной и тесную связь с Россией. Но все ли русские могут быть его частью, скажем, в Латвии и Эстонии, где они стояли в 1989 г. вместе с прибалтами в людской цепи с требованием независимости, а сейчас, скажем, проголосовали в эстонском

парламенте за закон о сносе памятника советскому солдату? Таким образом, вопрос о русской этнической принадлежности важен для поздних (советских) волн эмиграции, как православие было важно для более ранних. Для постсоветских эмигрантов и для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами остаются язык, религия и гуманитарно-политические связи в России. Последние гораздо более актуальны в ситуациях дискриминации и попыток принизить статус или унижить русских или «русскоязычных» со стороны «титულных» этнонационалистов стран бывшего СССР. При всех отмеченных неоднозначностях сам по себе русский мир есть реальность, он проявляет себя в самых разных ипостасях, в большинстве своем значимых для России и ценимых россиянами.

Старый Русский мир

Россия за последние полтора века была мощным поставщиком эмиграции, а значит, и потенциальной диаспоры, хотя не все выехавшие из России — это всегда диаспора. В дореформенной России наблюдались интенсивная пространственная колонизация и преимущественно религиозная эмиграция (русские старообрядцы). И хотя переселенцы XVIII — первой половины XIX в. почти все оказались в составе расширяющей свои границы России, часть их поселилась в Добрудже, вошедшей в состав Румынии и Болгарии с 1878 г., и на Буковине, отошедшей с 1774 г. к Австрии. Еще раньше, в 70-е, а затем в 80-е годы XVIII в., имел место отток более 200 тыс. крымских татар в пределы Османской империи: в европейской части Турции (Румелии) в начале XIX в. проживали 275 тыс. татар и ногайцев. В 1771 г. примерно 200 тыс. калмыков ушли в Джунгарию (калмыки — пример множественной диаспорной идентичности: для многих из них родина — это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран в зависимости от ситуации и выбора). В пореформенные десятилетия пространственные движения населения значительно увеличились. Свыше 500 тыс. выехали в 1860—

1880-е годы (в основном поляки, евреи, немцы) в соседние государства Европы и небольшая часть — в страны Америки. Особенность этой волны эмиграции в том, что она не привела к образованию устойчивой российской диаспоры, еще раз подтверждая тезис, что не каждое переселение на новое место ведет к образованию диаспоры. Причина здесь в том, что по своему этническому, религиозному составу и социальному статусу эта эмиграция уже (или еще) была диаспорой в стране исхода, а более позднее появление «настоящей исторической родины» (Польши, Германии и Израиля) исключило возможность выстраивания диаспорной идентичности с Россией. Другими причинами того, что ранняя эмиграция из России не стала базой для образования диаспоры, могли быть характер миграции и историческая ситуация в принимающей стране. Это была отчетливо неидеологическая (трудовая) эмиграция, поглощенная хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием.

В последние два десятилетия XIX в. эмиграция из России резко возросла. Уехало примерно 1140 тыс. чел., в основном в США и Канаду. Особую группу составили «мухаджиры» — жители преимущественно западной части Северного Кавказа, покинувшие территории своего проживания в ходе Кавказской войны. Они переселились в разные регионы Османской империи, но больше всего — на Малоазиатский п-ов. Их численность, по разным источникам, колеблется от 1 до 2,5 млн человек. Мухаджиры составили основу для черкесской диаспоры, которая в момент происхождения не была российской, а стала таковой уже после включения Северного Кавказа в состав России. Есть основания полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались меры по сохранению культуры и языка. Вклад страны-донора в сохранение этой диаспоры был минимальным, особенно в советский период. Не только осуществлять связи, но даже писать о мухаджирах в научных трудах было почти невозможно. Родина надолго, а для многих и навсегда исчез-

ла из идеологического комплекса диаспоры. Кавказ был где-то там, за «железным занавесом», и питал диаспору слабо.

Возможно, аналогичная ситуация сложилась бы и с другой частью (преимущественно восточнославянской) эмиграции из России конца прошлого века, если бы не происходила ее мощная и периодическая подпитка в последующее время. Впервые полтора десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. До первой мировой войны Россию покинуло еще около 2,5 млн человек, переселившихся в основном в страны Нового Света. Всего примерно за 100 лет с начала массовых внешних миграций из России выехало 4,5 млн чел. Но эту массу выходцев из до-революционной России считать диаспорой нельзя. Во-первых, территориально почти всех эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Волянь), и тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на ее судьбу в плане возможности стать именно российской диаспорой, т.е. частью Русского мира. В числе российских эмигрантов в США 41,5% составляли евреи. Погромы и сильная дискриминация евреев в России, а также их нищета обусловили глубокий и длительно сохраняющийся отрицательный образ родины, который отчасти сохраняется даже до сих пор. Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание «русскости», а тем более «русскости». Из 4,5 млн эмигрантов из России только около 500 тыс. считались «русскими», но на самом деле это были также украинцы, белорусы, часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тыс. русских и 56 тыс. украинцев, хотя это завышенные цифры, так как среди них были представители многих этнических групп, особенно евреев. В Канаде перепись 1921 г. также зафиксировала почти 100 тыс. русских, однако на самом деле в эту категорию оказались включены почти все восточ-

ные славяне и евреи, выехавшие из России. Таким образом, *всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 млн человек в качестве диаспорного материала для разных стран, из которых не более 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы.* Кто из многочисленных потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать трудно.

Традиционная российская диаспора

Исторический отсчет традиционной российской диаспоры начинается позднее в связи с миграционными процессами после 1917 г. В 1918—1922 гг. большого размаха достигла политическая эмиграция групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5—2 млн человек), но ясно одно: впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить не только как о диаспорном человеческом материале, но и как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с самого начала возникновения этой волны мигрантов. *Именно это стало рождением Русского мира.*

Объясняется это рядом обстоятельств. Элитный характер мигрантов, а значит, более обостренное чувство утраты родины (и имущества) в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловили более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Именно эта эмиграция-диаспора вобрала в себя характеристики русского мира (язык, православие, идентичность), в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвращается в Россию. Именно эта эмиграция не имела никакой другой конкурирующей родины, кроме России во всех ее исторических конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции в последнее десятилетие оказались больше всего направлены симпатии страны исхода, согрешившей в процессе демонтажа господствовавшего

политического порядка радикальным отторжением всего советского периода как некой исторической аномалии. Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая «правильной» русской речью. Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, обласканная вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о «золотом веке» русской эмиграции, с которым еще придется разбираться с помощью новых более спокойных прочтений.

Было бы несправедливо, с точки зрения исторической корректности, забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время второй мировой войны из почти 9 млн пленных и вывезенных на работы к 1953 г. вернулось около 5,5 млн человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Правда, из этих 300 тыс. только меньше половины были с территории СССР в его старых границах. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении (точнее, в невозможности возврата) СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, поддержание языка и мизерных послесталинских связей с родиной (после Хрущева). О точном числе российских соотечественников в дальнем зарубежье говорить трудно. Само число 14,5 млн выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или СССР, а сейчас не являются частью России. Восточнославянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части «белой эмиграции» и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. *В це-*

лом русских в дальнем зарубежье — около 1,5 млн. человек, в том числе в США — 1,1 млн. Что касается лиц, имеющих «русскую кровь», то их в несколько раз больше.

Большой вопрос: как и кем считать представителей других этнических групп? Выходцы из России создали основные этнические общности в двух странах: в США 80% евреев — это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев — выходцы из России. Этнический состав, культурный багаж и установки эмигрантов были разными и поэтому не все из них составили Русский мир, хотя многое здесь остается дискуссионным. Случай с черкесской диаспорой уже приводился. Другой случай с еврейской миграцией, которая во все эпохи составляла существенную часть мигрантов, а в конце XX века — это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации (наряду с российскими немцами). Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но, по сути, это был отъезд из страны русских по культуре людей. В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к Русскому миру касается российских немцев. Скорее всего, миллион человек выехавших из России и Казахстана на «историческую родину» во многом продолжает принадлежать к Русскому миру. Русскими считают их местные немцы, да и они сами. Может быть, только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке и забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от Русского мира. Неоднозначных и подвижных ситуаций можно было бы привести много, что говорит о том, что *Русский мир — это не просто статистическое множество мигрантов из России. Это — одна из форм культурного поведения и идентичности, т.е. ощущения, лояльности и избранного служения.*

Обратимся к главной проблеме Русского мира. Действительно самый грандиозный момент в истории русского мира с точки зрения масштабов и смыслов произошел после распада СССР. Это был действительно геополитический катаклизм с драм-

матическим последствиями. Особенно он коснулся русского народа. Если «титulyные» народы бывших союзных республик обрели отдельную государственность, которую истолковали как свою исключительную собственность и этим достаточно надменно пользуются, тогда для них это никак не катастрофа. Распропагандированные российскими и зарубежными спецслужбами, что Россия вымирает, люди в ее городах замерзают, а государство россияне построили криминальное, большинство не титulyных граждан новых стран, включая и русских, приняли как свою Родину эти страны и стали лояльными гражданами или жителями, стремящимися получить гражданство новых стран. Недостаточная правовая культура, наглость титulyных национализмов (государство — это «мы»), явная поддержка «мировым сообществом» массовых нарушений прав человека, особенно политических и языковых, неумелая поддержка со стороны России позволили реализовать грандиозную историческую манипуляцию с лишением базовых прав на созданные самоопределившимися территориальными сообществами государства населения с «неправильной» этнической принадлежностью. Вместе с низведением этой части населения до категории «национальных меньшинств», а не народов-партнеров (как, например, в Великобритании, Бельгии, Испании, Канаде, Финляндии) был жестоко наказан и язык большинства или почти половины населения ряда новых стран. Половина налогоплательщиков в Латвии, Украине, Киргизии, Казахстане, Молдове не смогли добиться права, чтобы новые государственные бюрократии разговаривали на их языке. Такую узурпацию этно-языковых прав по политическим причинам (прежде всего, дистанцировать новые страны от России) мир смог принять и даже спонсировать исключительно по идеологическим и геополитическим расчетам, ибо никакое право не могло это оправдывать. Что случилось с «новым Русским миром», который возник после 1991 г.? Сначала приведем данные о количестве русских в сравнении с последней советской переписью 1989 г. (таблица 2).

**Численность русских в государствах СНГ и Балтии,
1989—2000—2004 гг.**

	Перепись 1989 г., тыс. чел.	Пост- советский учет		убыль, в %
		тыс. чел.	год переписи	
Россия	119865,9	115868,5	2002 г.	-3,3
Украина	11356	8334,0	2001 г.	-26,6
Казахстан	6228	4479,6	1999 г.	-28,1
Узбекистан	1653	1362,0	оценка	-17,6
Белоруссия	1342	1141,7	1999 г.	-14,9
Латвия	906	703,2	2000 г.	-22,4
Киргизия	917	603,2	1999 г.	-34,2
Эстония	475	351,2	2000 г.	-26,1
Литва	344	219,8	2000 г.	-36,1
Молдавия	562	198,1	2004 г.	-64,8
Туркмения	334	156,8	оценка	-53,1
Азербайджан	392	141,7	1999 г.	-63,9
Таджикистан	388	68,2	2000 г.	-82,4
Грузия	341	67,7	2002 г.	-80,1
Армения	52	15,0	2001 г.	-71,2
всего	145155,9	133710,7		-7,9
без РФ	25290,0	17842,2		-29,4
СНГ	143430,9	132436,5		-7,7
страны Балтии	1725,0	1274,2		-26,1

Сразу оговоримся, что «новый Русский мир» не ограничивается только этническими русскими, как и в случае с дальними мирами. Безусловно, к русскому миру по языку и демонстрируемой связи с Россией относятся представители других национальностей, включая даже часть представителей титульных национальностей, многие из которых никакого другого языка, кроме русского, не знают и желают связывать свою судьбу с Россией. К Русскому миру относятся не только русские духоборцы, оставшиеся проживать в Богдановском районе Грузии, но и те карабахские армяне, которые не знали армянского языка и

переехали в Россию, которая им ближе. К русскому миру относится значительная часть русскоговорящих белорусов и украинцев, православных и русскоговорящих гагаузов в Молдове, русскоговорящих татар Литвы и многие другие группы. Но подавляющую основу нового (ближнего) Русского мира составляют русские.

Распад СССР дал им три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. К великому сожалению, большинство специалистов и политиков рассматривали только первые два варианта — самые не естественные с точки зрения рациональных человеческих выборов и самые трудно реализуемые. В начале 1990-х гг. виделась возможность в ряде случаев еще одного варианта — «отыгрывание» русскими центральной власти в новых государствах. Такая возможность была, например, в Латвии в случае нулевого варианта гражданства, большей эмиграции латышей за границу и лучшей политической организации русских и других не латышей в Латвии. Но старая советская догма, что Латвия принадлежит латышам, а не латвийцам, взяла верх, и после вступления Латвии в НАТО этот вариант уже не позволят и союзники. Ассимиляция русских в новых странах невозможна при наличии огромного русского этнического ядра по-соседству и мирового статуса русского языка как языка жизненного преуспевания.

Мы видим, что общее число русских ближнего Русского мира заметно сократилось почти на 7,5 млн чел. (на 29,4%), хотя в Россию их переехало примерно 2,5—3,5 млн и около 0,5 млн эмигрировали в дальние страны. Куда делись не менее 3,5 млн русских людей, прежде всего на Украине (откуда уехало в Россию около 0,5 млн, а число русских сократилось на 3 млн!) и в Казахстане (откуда уехало около 1 млн, а число русских сократилось на 2 млн!). Можно подумать, что на Украине произошел «голодомор» русских числом не менее 2,5 млн. Из 3 млн исчезнувших 0,5 млн можно «списать» на превышение смертности над рождаемостью, т. е. на естественную убыль

населения, которая у русских была примерно такой же, как и у украинцев. Однако дело обстояло не так. Сокращение числа русских на Украине произошло прежде всего в результате смены идентичности гражданами (главным образом, людьми смешанного происхождения или из смешанных семей) с русской на украинскую. Это не была ассимиляция в ее классическом виде, ибо записавшиеся украинцами сочли это более комфортным и политически выгодным в независимой Украине, при этом, не теряя знания русского языка и оставаясь людьми смешанной или двойной идентичности.

В Казахстане на сокращение численности русских такая перепись не могла оказать воздействия, ибо русскому записаться казахом гораздо труднее по ряду обстоятельств — не та степень этноязыковой, религиозной и даже фенотипической близости. Но в Казахстане перепись проходила в 1999 г. в разгар казахского национализма. В результате переписи ожидалось получение показателя решающего демографического большинства казахов, которые уже численно превышали другие народы в структурах власти и в разных общественных сферах, кроме промышленного производства. Перепись населения проводилась при явном игнорировании русского населения и недоучет среди этой части граждан был гораздо выше, чем среди казахов. Однако массовый отъезд русских прекратился, и экономическое состояние страны внушает большие надежды. Русские пытаются закрепить свои права и свой статус, но их уже фактически нет, хотя самая большая ирония в том, что президент выступает в парламенте по важнейшим вопросам, и дискуссия ведется на русском языке, которому в некоторых постсоветских государствах придумали межумочный статус «языка межнационального общения». В реальности это даже язык домашнего общения ряда руководителей новых государств и значительной части политической элиты. Русский язык — это «наказанный» язык в ближнем Русском мире. Причем, наказанный не за провинности, а за великую модернизационную миссию, которую он выполнял и будет выполнять на территории бывшего СССР еще десятилетиями.

По причине реальной языковой ситуации и международно-признанных языковых прав людей русский язык должен обладать официальным статусом в тех странах, где хотя бы для трети налогоплательщиков это основной язык знания и общения, т.е. родной язык. При выработке стратегии в сфере сохранения и поддержки русского языка в странах бывшего СССР нужно исходить из того, что данные советских и постсоветских переписей содержат радикально заниженные цифры о носителях русского языка в этом регионе. Вопрос о родном языке, который спрашивался во время переписей безотносительно к знанию языка, приводил к тому, что исключительно русскоговорящие люди называли родным языком белорусский, украинский, молдавский, киргизский и т. п., зачастую не пользуясь и даже не зная этих языков. Руководствуясь международно-правовыми нормами и заботами о русском языке, Россия не должна снимать вопрос об официальном двуязычии для ряда стран бывшего СССР (Казахстан, Украина, Латвия, Молдова, Кыргызстан). Если равностатусность за русскими не будет признаваться, тогда Россия должна поддерживать обе формы внутреннего самоопределения культурно отличительных групп: этнотерриториальную через федерализацию ряда постсоветских государств, где есть более или менее гомогенные ареалы проживания русских, или экстерриториальную культурную автономию.

В Эстонии и Латвии, как в граждански более состоятельных обществах (не без политического и националистического иезуитства), похоже, общегражданские принципы рано или поздно будут брать верх и для местных «некоренных» (т.е. русских диаспор в расширительном смысле). Вариант эстонкости, российскости, латвийскости более предпочтителен, а свою этническую идентификацию они могут строить действительно на «конгломерантной» основе, как, например, балто-славянскости (этот вариант уже вполне обсуждаем среди активистов диаспор). На Украине и в Казахстане, где этнонационализм только крепчает и где подавляющее число членов российской диаспоры — это этнические русские, русский этнический вариант может оказаться

более предпочтительным. Русских на Украине не беспокоят самочувствие и интересы венгров или поляков в стране проживания или чувства и интересы татар или чувашей в России. Их беспокоит сохранение собственной русской идентичности через политику русскости в России. Вот почему для Русского мира в Эстонии и Латвии отправным является принцип российскости, а для Русского мира на Украине — может быть более значимой русскость.

Кроме того, диаспоры могут иметь сильную заинтересованность в том, как внешняя политика родного государства влияет на его будущее. Диаспорам небезразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода — улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес — это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания.

Огромную роль в консолидации Русского мира на всех его этапах играла Русская православная церковь. Вскоре после революции 1917 г. и гражданской войны, когда русская эмиграция обрела антикоммунистические черты и выступала против «безбожного режима» большевиков, произошел раскол церкви и выделение самостоятельной Русской Православной Церкви Заграницей. На протяжении десятилетий русские православные были оторваны от Родины, их духовное окормление происходило через зарубежную церковь, которая в начале XXI в. имела около 350 приходов в десятках стран мира. Самые крупные средоточия русских православных людей за границей сейчас находятся в США (150 тыс.), странах Южной Америки (100 тыс.), странах

Европы (100 тыс.) и Австралии (50 тыс.). В этих странах и регионах сохраняются многие святыни русского зарубежья, идет богатая культурная и духовная жизнь, а в последние 15 лет расширились многообразные связи с исторической Родиной, с Русской Православной Церковью Московского патриархата (*Таболкина*). Наконец, 17 мая 2007 г. произошло знаменательное историческое событие — подписание Акта о каноническом общении РПЦ МП и РПЦЗ. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Лавр подписали в Храме Христа Спасителя документ, которым восстановлено каноническое общение внутри Поместной Русской Православной Церкви, т.е. утверждающий, что Русская Православная Церковь Заграницей «пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви», иначе создается единство внутри Поместной Русской Православной Церкви. Восстановление канонического общения РПЦ позволит укрепить национальную идентичность русских, находящихся за пределами России.

Глава третья ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Традиционная земледельческая и промысловая культура

На территории России находятся разнообразные природно-климатические зоны, а потому развивались и разные системы экономического быта — от охотничье-промыслового хозяйства Севера до кочевого в степях и оазисно-земледельческого в полупустынях. Расселение народа сопровождалось освоением территорий. Основу экономического быта русских истари составляло земледелие. Эта основная отрасль хозяйства развивалась по мере заселения различных территорий и в разных районах в зависимости от природных условий приобретала свои особенности. В дальнейшем успехам в земледелии сопутствовали развитие ремесла, горно-рудные поиски и создание крупной промышленности.

Европейская часть России, наиболее заселенная и развитая в экономическом отношении, составляет 1/4 часть страны. Хозяйственное освоение ее пространств уже во времена Древнерусского государства было обусловлено историческими причинами и во многих отношениях благоприятными природными условиями (Народы. 1964. С. 111—116).

По природным условиям Европейская часть делится на несколько зон: 1) тундра и лесотундра; 2) северная лесная с подзонами

хвойных, лиственных и смешанных лесов от р. Поной на Кольском полуострове до Урала на востоке и до южной ее границы, идущей через Новгород, Тихвин, Бежецк, Ярославль, Иваново, Нижний Новгород; 3) лесостепная зона от северной линии — Нижний Новгород—Рязань—Калуга—Брянск — на восток через Самару к Уфе и на юг до Воронежа; 4) степная — далее на юг до Азовского моря, Северного Кавказа, на восток — до Прикаспийской низменности, занимающая 1/3 территории Европейской России; 5) участки полупустыни на юго-востоке в Прикаспии, в Кумо-Терском районе, у Волго-Донской низменности.

Более половины всей европейской территории (57,5%), северная и средняя полоса, — это лесная зона, где мало почв, пригодных для земледелия, и существует «пестрота» почвенного слоя. Среди такой пестроты плодородные почвы располагаются небольшими «лоскутами». Это сильно увлажненная зона с резкими сменами температур и достаточно суровыми условиями для сельского хозяйства. Континентальность климата возрастает с запада на восток. На юге Русской равнины, где леса переходят в лесостепи и степи, преобладают черноземные почвы. Лишь на самой южной ее оконечности есть участки дерново-злаковых степей с темно-каштановыми почвами и солеными, менее плодородными, чем черноземы. Эта зона в отличие от лесной недостаточно увлажнена, здесь часты засухи, суховеи и черные бури, а также резкие температурные скачки.

Азиатская часть России (10 млн кв. км) — Сибирь и Дальний Восток — составляет почти 40% ее территории и отличается разнообразием природных условий. Здесь находятся три физико-географические зоны: 1) арктическая с подзонами арктической пустыни и тундры; 2) лесная, таежная; 3) степная с подзоной лесостепи (Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 28—34). Более суров, нежели в Европейской России, климат в Сибири, а плодородные почвы («сибирский чернозем» и каштановые) находятся в ее южных районах. При природно-климатическом разнообразии в России издавна сложились региональные типы хозяйства — промысловое и земледель-

ческое (Дулов. С. 68—70). И то, и другое были тесно связаны с географической средой и зависели от температур, влажности, характера почв, от ветров, солнца, континентальности или умеренности климата.

Основная часть Европейской России расположена в умеренном поясе. На ее севере для сельского хозяйства пригодны тайга и районы смешанных лесов, а в южных лесостепных и степных зонах с черноземами — самые благоприятные условия для земледельческого хозяйства. Промысловый тип хозяйства сложился на Крайнем Севере — в тундре и частично в тайге в Европейской части, а его южная граница прошла от Заонежья на западе, по Шижме, Мезени, Усть-Цильме до северного Урала, а через Уральский хребет пошла к низовьям Оби у Березова, Енисея, к Вилюю, северному берегу Охотского моря, Камчатке и Приморью. Остальная территория Сибири и Дальнего Востока — полоса тайги и степей — стала районом земледельческого и скотоводческого хозяйства, для развития которых здесь было много возможностей: и огромные земельные пространства, и достаточно плодородные почвы, и значительные водные ресурсы, и приемлемые погодные условия, особенно на юге Сибири.

На Севере Европейской России и в Сибири природные условия играли основную роль в становлении сельского хозяйства и главным образом в специализации его. Не менее важным было демографическое состояние населения, освоившего эти регионы. В наиболее благоприятных условиях произошло плотное заселение и достигнута полная освоенность земель. В средней полосе и частично на юге Европейской части не меньшее значение в развитии земледельческого хозяйства имел общественный фактор (крепостнические отношения), ибо хозяйства помещиков возникали в зоне умеренного климата при наличии хороших почв и возможности использовать труд крепостных крестьян. Другие общественные отношения (отсутствие крепостничества при значительных земельных пространствах) сыграли большую роль в развитии земледелия в Сибири.

Региональное земледелие было обязано своим становлением и такому универсальному явлению в истории хозяйственного освоения земель, как крестьянские миграции. Они происходили всегда по мере заселения регионов. Вначале это было славянское заселение Восточно-Европейской равнины (Приднепровья, Волго-Окских земель, Русского Севера с XII по XVI в.). В XVII в. переселения крестьян становятся массовыми, когда осваивались южные степи-черноземы, и когда крестьяне из Европейской части перешли за Урал и начали осваивать Сибирь. Продолжением таких миграций в XVIII в. было освоение степей в Европейской России (Новороссия, Заволжье, Южный Урал) и в Сибири. В XIX — начале XX в. русское крестьянство осваивало Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию. Приспосабливаясь к новым условиям, оно не просто заселяло незанятые земли, а развивало земледелие, основой которого являлась выработанная веками общерусская земледельческая культура.

В этом процессе можно выделить два этапа. Начало колонизации земель сопровождалось, как правило, массовыми миграциями. Затем вступали в действие внутренние переселения, которые довершали освоение территорий, возникновение новых селений и становление того или иного хозяйственного типа в регионах. На смену отдельным очагам земледелия приходило сплошное земледельческое освоение, размещение населения становилось все более плотным, создавались лучшие возможности для использования ресурсов и природных условий каждой местности. В новых землях принесенная крестьянством земледельческая культура получала дальнейшее развитие, соотносясь с местным природным своеобразием, социально-экономическим состоянием каждого района, со стереотипами мышления русского крестьянина, отражавшимися в трудовом процессе, хозяйственной инициативе, нравственном отношении к земле.

В становлении промыслового типа хозяйства не меньшее значение, чем в земледелии, имели природные, экономические, социальные, демографические условия. Разнообразные лесные

а

б

в

Крестьяне-промысловики:
а — плотник (Северное
Приуралье, начало XX в.);
б — охотник в снаряжении
(д. Черепаново, Чердынский р-на
Пермской обл., 1980-е гг.);
в — охотник из д. Курья
Троицко-Печорского р-на (Коми).

промыслы, собирательство, лесная охота на Севере Европейской России и в сибирской тайге были связаны с богатствами регионов, их флорой и фауной. В озерно-речных и приморских районах развились рыболовство, охота на морского зверя, а также такие занятия, как судоходство и судостроение, обслуживание речного и морского транспорта. В районах, богатых залежами полезных ископаемых, крестьянство занималось их добычей и обработкой (соледобыча, горное дело, обработка металлов и т.п.). Те или иные общественные отношения влияли на развитие промыслов, как и на земледелие, ибо для таких занятий были необходимы свобода передвижения и дополнительное время. Таким образом, в различных регионах России сложились разные хозяйственные типы. Лесная, степная и лесостепная зоны стали районами земледелия, там же сложились благоприятные условия и для развития скотоводства. Северные районы стали промысловой зоной (охота, рыболовство, мореплавание и судоходство), а горные — районами горных промыслов (руда, минералы, соль, каменный уголь и т.д.).

Земледелие в России — основная отрасль хозяйства до XX в. — развивалось не только в разнообразных, но и в сложных природно-климатических зонах, и в каждой из них сложилась своя культура земледелия. Эта культура существовала благодаря огромному человеческому труду и народному опыту. Русское крестьянство было привержено к своим сельскохозяйственным традициям, ибо трудность ведения хозяйства и всевозможные перипетии в истории страны заставляли его не рисковать. Традиции и богатый сельскохозяйственный опыт крестьянство сохраняло веками, используя их в новых местах при освоении земель. Народный опыт составил основной фонд русской аграрной культуры (*Милов, Вдовина. С. 40. Власов. С.180—187*).

Развитие русского земледелия началось с освоения земель еще в период Древнерусского государства и, прежде всего, шло в центре его историко-этнической территории — в Верхнем Поднепровье, Поднестровье, Волго-Окском междуречье (X—XI вв.), а затем в осваивавшихся землях Русского Севера (XII—XIV вв.). Эти ре-

гионы на протяжении всего феодального периода оставались основными земледельческими районами.

Несмотря на феодальную раздробленность и разобщенность русских земель домонгольского периода, все стороны хозяйственной деятельности и культуры, в том числе и земледелие, достигли высокого уровня развития. Исторические свидетельства и археологические находки позволяют сделать заключение о региональном единообразии приемов ведения земледелия того времени и о некоторых трансформациях в них при освоении новых земель, где эти приемы приспособлялись к новым почвенно-климатическим условиям. В то время уже выращивались сельскохозяйственные культуры, которые стали основными в русском земледелии в более позднее время. Первенство принадлежало посевам ржи, причем озимой, что предполагало наличие яровых культур и парового поля, о чем есть свидетельства в русских летописях (Псковская вторая летопись. С. 42). Кроме ржи выращивались пшеница, ячмень, полба, овес. Известны были и зернобобовые — горох, чечевица, бобы, из масличных — лен и конопля. Рожь к тому времени вытеснила просо из северных областей, а в западных появилась гречиха. Набор сельскохозяйственных культур был одинаков на севере и на юге Руси, но соотношение их в посевах было разным. Большое продовольственное значение на юге имело просо (лесостепь). Овес в лесной полосе играл незначительную роль (Новгород), но в лесостепи его сеяли много (Рязань, Изяславль). Значительные посевы ржи во всех регионах свидетельствовали о распространении уже в XII—XIII вв. парового земледелия.

Южные степи в тот период были заняты кочевыми народами и подходили близко к южной границе Руси. Степные черноземы использовались кочевниками под пастбища. Русские князья вели постоянные войны за черноземы с этими соседями, совершали длительные походы, что было невозможно без обеспечения русских дружин продовольствием и фуражом. Это, в частности, свидетельствует о том, что русское земледелие XII—XIII вв. являлось достаточно продуктивным (Левашова. С. 40).

Поскольку освоение новых территорий было затруднено набегам кочевников, русским земледельцам пришлось осваивать земли в лесных областях, отвоевывая участки у леса: «садили села на сыром корени», приводили рощности (притеребы) в культурное состояние, в постоянные пашни, благодаря знанию парового земледелия.

Вся техника тогдашнего ведения хозяйства была приспособлена к условиям лесной полосы. Основным орудием служили двух- и трехзубые сохи, причем уже тогда началось их усовершенствование: вместо прямых сошников появились искривленные (Новгород, Торопец), поставленные наклонно к поверхности поля, что давало более глубокое рыхление почвы и уничтожение сорняков. Такая соха была под силу одной лошади (малорослой, при весе в 300 кг). Многозубая соха того периода (до 5 зубьев) — одна из ступеней агротехнического прогресса Руси — в некоторых местах сохранилась до XIX в. (Новгород, Череповец), особенно при обработке лесных почв. Землю после сохи рыхлили, а посеянные семена «заделывали» бороной, известной с глубокой древности (до X в. в Старой Ладогe). Для лесной полосы была характерна так называемая боро́на-«суковатка» (из еловых сучьев), ставшая незаменимым орудием при подсечном земледелии и сохранявшаяся до XX в.

Паровое земледелие сопряжено с удобрением почв навозом для восстановления их плодородия. Чтобы получить такое удобрение, нужен скот, а для содержания его — сенокосы и пастбища. К естественным луговым угодьям в лесной полосе прибавлялись лесные рощности, которые тогда еще не были постоянными угодьями. Лесные перелогы еще не обрабатывались интенсивно, ибо орудия не были приспособлены к обработке плотной дернины. Постепенно сошники многозубых и двузубых сох совершенствовались (становились толстыми и узкими), что давало возможность обрабатывать лесной перелог. В XII—XIII вв. паровые поля заложили фонд последующих старопашотных земель, составлявших основной массив сельскохозяйственных угодий Руси. Рожь стала основным продуктом питания: «Матушка-рожь кормит

а

б

*Древнейшие орудия обработки угодий, сева, жатвы:
а — топор, грабли, лукошко для сева, лопата; б — серпы*

всех сплошь, а пшеничка по выбору». Озимая рожь, сроки сева которой в лесной полосе установились многовековой практикой от 14 до 28 августа, высевалась не только в трехпольных и двухпольных севооборотах, но и на подсеках, и на «запольных» землях вдали от поселений. Таким образом, структура пахотных угодий обрисовывалась уже в то время — ближние поля, поля в лесу, поля дальние, соотношение их было для каждой местности свое, как и соотношение парового, подсечного или переложного земледелия.

Освоение лесных пространств, заселение речных и озерных побережий привело к созданию лесных и водных угодий и появлению неземледельческих занятий. Развивались известные с древности охота, рыболовство, бортничество, лесное собирательство. Хозяйство того периода было «комбинированным» — многоотраслевым.

Нашествие на Русь татаро-монголов надолго подорвало ее хозяйственное развитие. Русские летописи отмечали ужасное опустошение земель (ПСРЛ. Т. XII. Стб. 96; Акты феодального землевладения... Ч. I, № 145). Восстанавливать хозяйство пришлось с расчистки и пожара «лядин», с примитивных приемов обработки земли. Однако нападения внешних врагов продолжались, но уже к XIV в. Московское княжество оправилось от разорения.

Исторические свидетельства дают представление о земледелии Руси после монгольского нашествия. Трехполье и его элементы существовали в земледелии разных русских земель. В Новгородской земле в XII в. оно было обычным; его преобладание на Руси заметно с XIV в. (*Кочин*. С. 281; МИА. 1959. № 65. С. 328). Правильное применение навоза известно с XV в. в Северо-Восточной Руси. В то же время существовали подсека, перелог и *пашня наездом* — *сеча, розсечь, гарь* (Новгород и Северо-Восточная Русь). Термин *подсека* стал применяться с XV в. Тогда уже она была не самостоятельной системой, а подчинена целям парового земледелия. Удаленные от селений пашни «наездом» сначала не знали трехполья (Коломенский, Малоярославский, Московский, Переяславский уезды). *Заполицы* представляли собой исключительно перелог в лесных рощистях.

Повсеместно главной культурой являлась рожь, лишь на севере Подвинья и в Беломорье — ячмень. Яровая пшеница была распространена от Белозерья до Рязани, а в Псковской земле имелась и озимая пшеница. В этих же районах также выращивали овес. Ячмень (*жито*) стал особенно распространяться на Севере, просо встречалось значительно реже. Гречиха в XII—XIII вв. выращивалась в Новом Торжке, Нижегородском, Новгородском,

Московском, Переяславском и Рязанском уездах; горох и чечевица (*ляша, ляча*) — в Новгородской земле; бобы — в Рязанской земле. Таким образом, яровые и озимые культуры были известны в XIII—XV вв.; культивировались также лен, конопля, хмель и мак. Лен выращивали в Новгороде, Твери, Вологде, Переяславле, Суздале, Костроме, Рязани. Конопля росла в Новом Торжке, Переяславле, Москве, Ростове, Рязани, Бежецке, а также в Новгородской и Двинской землях. «Хмельники» существовали в средней полосе Руси, в Новгороде и Пскове; мак употребляли в пищу в Белозерье и Троице-Сергиевом монастыре.

О сельскохозяйственных орудиях XIII—XV вв. известно из существовавшей тогда формулы для определения границ земельных участков — «куда плуг... соха... топор... коса ходила». Соха была окладной единицей в XIII в. и земельной мерой в XV в. Как земледельческое орудие, она известна с конца XIII в. Двухзубые сохи («пара омшей», «емников») с асимметричными наконечниками, многозубые — с симметричными и плуги составляли археологические находки от Гроднодо Устюга, от Ладоги-Белозерья до Брянска. Кроме них, в лесной полосе применялись однозубые упряжные орудия по типу поздних *чертежей, чиркуш, отрезов*. В XIII—XV вв. усовершенствование сохи шло путем увеличения размеров сошников, что способствовало развитию ремесла по их изготовлению. Такие новшества были связаны с широким распространением парового земледелия. К XIV—XV вв. относится появление двухзубой сохи с перекладной полицей (видом отвала для переворачивания пласта земли), к XIV в. происходит вытеснение двухзубыми сохами трехзубых. У сохи более позднего периода сошники становились крупнее, шире и были асимметричными. Стали появляться и сохи «коловые» (названные по углу наклона рассохи к плоскости оглобель), которые использовали на всех почвах; они были маневренными и пахали глубже. Остальные типы сох варьировались в зависимости от качества почв.

Степным орудием был деревянный плуг с металлическим лемехом, полозьями, отвалом и передком с колесами, по-видимому, имелся у него и резец. Такой плуг применялся в Ря-

зани, Суздале и Ярославле, а также на серых почвах с «пятнами» пойменного чернозема в Ополье, Галиче, Новом Торжке, Переяславле, Радонеже, Новгороде, в Нижегородском уезде. В северных новгородских районах плуг появился после присоединения Новгорода к Москве. К северо-западу бытовало еще *рало, порилье* (Подвинье, Псковская земля). На подсеках пользовались топорами, или секирами. С течением времени большее применение повсеместно получила двузубая соха с полицей или без нее (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 158; *Зеленин*, 1908. С. 20).

Главным рабочим животным являлась «страдная лошадь». Единица обложения соха равнялась трем обжам, т.е. реальным трем пахарям, из которых каждый пахал на одной лошади. Такая пахота существовала с XII в. К рабочему скоту относились и волы, на которых пахали в Бежецком, Владимирском, Нижегородском, Московском, Рузском, Переяславском, Суздальском уездах и в Псковской земле; в Новгородской земле волов не использовали (ПСРЛ. Т. 8. Стб. 195—196; Т. 12. Стб. 184).

В исторических источниках большое внимание уделено обработке угодий и собранного урожая. Особенно тщательно возделывалось паровое поле. Семена под посев использовали «сухие», мололи рожь «на семя», высевали разные культуры порознь. Сеяли из лукошка, а затем поле «заборанивали» бороной. Известны были бороны двух видов — *смыком* и *плетушкой* (по технике их изготовления). Посевы на полях огораживали огородами, перегородами, изгородями; обязательно разгораживали озимое, паровое и яровое поля, за пределами которых была невозделанная земля, где пасся скот. Убирали урожай хлебов серпами (*женами, ужниками* — от *жать*). Сжатый хлеб собирали на поле в снопы, затем в скирды или стога, или в копны («стоячий хлеб»). В XIV—XV вв. появились гумна, клетки («клетной хлеб»), овнины и «овинные ямы», «овинные печища». На гумнах хлеб молотили, в овинах сушили, в клетях хранили. Орудием молотбы служили *цепы*, которыми били зерна на току. Веяли на ветру с помощью лопат. Кроме клетей, были еще житницы и амбары, куда складывали обмолоченный и просушенный хлеб.

Помол зерна осуществлялся ручными жерновами или мельницами: «жито в жръновех меляше», «пшеницу меляше». В Новгороде появились мастера, изготавливавшие жернова. Мельницы были тогда водяные, о ветряных сведений нет. Мельничное дело еще только зарождалось. Таким образом, судя по различным находкам и описаниям, паровое земледелие было распространено на Руси широко. На старопахотных землях применялся трехпольный севооборот, что было возможно, благодаря усовершенствованию основного пахотного орудия — сохи.

Повсеместно происходило увеличение «культурной» площади, так как распахивались подпашню новые и целинные земли (*новъ, новочисть, чисть, росчисть, сеча, распашка, притеребахи, приоры, доры, кулиги, лядины, деревня на лесе, починки*).

Границы земледелия шли от Белозерья на севере до Рязани на юге. В этих же границах развивалось и огородничество. На огородах крестьяне разводили репу, капусту, лук, чеснок, огурцы, редьку, морковь, тыкву, коноплю, хмель, бобы; выращивали в парниках дыни (Дмитровский уезд). Огороды, как и поля, удобряли навозом. У князей, бояр, монастырей, митрополитов появлялись сады («виноградь»), где выращивались яблоки, сливы, вишни, ягоды. Северная граница разведения посадок вишни доходила до Новгорода. Орудиями работы в садах и на огородах были мотыги и лопаты (Памятники русского права. С. 466).

О раннем скотоводстве в источниках мало сведений. В XIII—XV вв., кроме лошадей, разводили овец, коров, баранов; козы встречались редко, свиньи — чаще; из домашней и дикой птицы — куры, утки, гуси, лебеди, журавли, голуби. Таковы были основные типичные для Руси виды домашнего скота и птиц. Постепенно волов перестали применять в Северо-Восточной Руси. От Белозерья до Серпухова привозных с юга мулов (*лошачки*) использовали только для верховой езды. Получали основные продукты животноводства — кожу, шерсть, мясо, молоко. Скот той поры был мелкой породы, но очень выносливый, неприхотливый. Лишь в хозяйствах феодалов встречались крупные породы скота и ценные породы боевых коней. Значительное время года стада

содержались на выгонах (пастбищах, поскотинах, телятниках) с пастухами, в холодное время — в хлевах, дворах, ячном загоне, яслях. Сено косили на покосах, пожнях и других угодьях *косами-горбушами* (с короткой ручкой), но с XV—XVI вв. знали и *литовки* (с длинной ручкой). Скошенное сено убирали граблями и вилами. Покосы, как и поля, огораживали. В целом содержание и уход за скотом были такие же, как и в более позднее время. Таким образом, основные отрасли сельского хозяйства на Руси в XIII—XV вв. были достаточно развиты.

В XVI в. создались благоприятные условия для развития русской земледельческой культуры. В первой четверти века закончилось объединение земель под главенством Москвы, началось расширение русской историко-этнической территории на юг и восток, куда проникла и аграрная культура крестьян. К концу XVI в. была освоена территория от Ледовитого океана до Северного Кавказа, от Баренцева моря, Невы, Чудского и Псковского озер на западе до Урала и пределов Сибири на востоке. В течение XVI в. условия для хозяйственного развития Руси, по сравнению с предшествующими периодами, были более благоприятными. Закончились феодальные войны; видимо, потеплел климат, ибо в исторических свидетельствах зафиксирован лишь один неурожайный год из-за холодов. Но с 70—80-х годов вновь пошла полоса потрясений, вызванных последствиями Ливонской войны и опричнины, и лишь к концу XVII в. начался новый подъем экономики.

События XVI—XVII вв. не остановили аграрного развития. Достаточно четко выявлялась география земледельческих систем. На Севере наряду с паровым хозяйством важную роль играла подсека. На Западе, Юге и Юго-Востоке был значителен перелог, но везде господствовал пар с трехпольным севооборотом и удобрением почв навозом. Правильным севооборот был лишь в центральных уездах, в северных существовало пестрополье, в южных было много наезжих пашен без правильного севооборота. В 70—80-е годы XVI в. традиции не изменялись, несмотря на разруху. Увеличение заброшенных площадей было связано

не с агротехническими приемами, а с недостатком рабочих рук для их обработки, но постепенно такой перелог включался в освоение и становился пашней. В Поволжье, Заволжье и на Юге трехполье к началу XVII в. находилось еще в процессе становления. Здесь также наличествовало пестрополье без правильного чередования полей, без удобрения, с неглубокой вспашкой. На Урале в сочетании с перелогом чаще применялось двухполье, а не трехполье, навозное удобрение было очень редким (*Кочин*. С. 214).

Сельскохозяйственные культуры выращивались те же, что и прежде; в старых районах не менялось их районирование. Везде основной культурой оставалась озимая рожь, ее соотношение с овсом и ячменем по районам было разным. В Сибири выращивали те же культуры и примерно в том же соотношении по природным зонам, что и в европейских уездах, лишь в Восточной Сибири 2/3 площади занимали под озимую рожь, а полбу, гречиху, горох в XVI в. там еще не культивировали. Лен и коноплю высевали повсеместно, но льноводческие районы все более определялись на Севере, Северо-Западе, по Верхней Волге и немного в Центральном районе, конопля же стала чаще встречаться на Юге и Юго-Востоке. В Сибири также стали появляться лен и конопля (Ирбит, Илим, Ангарск) (*Аграрная история...* 1978. С. 40).

В XVI—XVII вв. шло дальнейшее освоение новых земель. На степном юге и в Поволжье запашки были еще небольшими. Тем не менее, за короткое время, к концу XVI в., они на юге и юго-востоке увеличились более чем в два раза. С 20-х годов XVII в., когда началось восстановление хозяйства, в обработку шли переложные земли и распахивались незанятые участки. Южная граница русского земледелия проходила по Курскому, Елецкому, Ливенскому уездам, но там еще оставалось много неосвоенных черноземов. В 30—50-е годы заселялась Белгородская засечная черта (Козловский, Тамбовский, Воронежский уезды, междуречье Дона и Воронежа), затем — Симбирская черта (от Тамбова через Саранск до Симбирска), Закамская черта (от Белого Яра до Мезелинска); на Нижнее Поволжье земле-

делие еще не распространялось. Во второй половине XVII в. осваивались Приуралье и Зауралье (Кунгурский край), появились очаги земледелия на южном Урале. Через Урал русское население Севера пошло в Сибирь, где на рубеже XVI—XVII вв. возникли земледельческие районы близ Тобольска, Верхотурья, Туры, Тюмени. В Томско-Кузнецком районе и в Восточной Сибири земледельческое освоение шло медленно, выделялись лишь Енисейско-Красноярский и Илимско-Ангарский районы, где в XVII в. земледелие развивалось интенсивно. Основными производящими районами оставались Центр и Север Европейской части России, а с середины XVII в. свой хлеб появился и в западносибирских районах.

Остальные отрасли сельского хозяйства России также продолжали развиваться. Огородничество существовало как в селах, так и в городах. Центрами садоводства, как и ранее, оставались Москва, Рязань, Дон. Продолжалась специализация районов скотоводства: развитое молочное животноводство — по Северной Двине (Холмогоры, Архангельск) и Ваге, мясомолочное — на Мезени. Очень ценной была ярославская порода коров. В вотчинных хозяйствах скотоводство, коневодство, птицеводство развивались быстрее, чем в крестьянских хозяйствах. Еще не наблюдалось четкого районирования в скотоводстве, что уже было присуще земледелию. Южные районы, имевшие богатую кормовую базу, были мало освоены, и скотоводство там оставалось незначительным.

В XVIII — первой половине XIX в., несмотря на развитие региональных типов земледелия в предшествующее время, сохранялось много единообразия в приемах ведения хозяйства во всех русских регионах (Милов, Вдовина. С. 39—146). Такая стойкость традиций была обусловлена рядом обстоятельств. Особые, чаще неблагоприятные природные условия для ведения хозяйства, требовавшие вложения огромного человеческого труда, вели к постоянным поискам новых земельных площадей. Это обусловило экстенсивность земледелия, хотя, в свою очередь, освоение новых земель имело поистине историческое значение.

Интенсивному развитию хозяйства мешало отсутствие должных условий: быстрый выход земли из оборота по причине «выпаханности», невозможность повышения ее плодородия, а, самое главное, социальные отношения — феодальная эксплуатация крестьян, помещичий и государственный гнет сказывались на уровне аграрной культуры, ибо зачастую крестьяне не имели физических сил и экономических ресурсов, чтобы должным образом обрабатывать пашни.

Развитие российского земледелия с его характерной чертой — экстенсивностью — продолжалось, и в то же время трансформировалось, ибо на него влияли изменения во всем феодальном обществе. Мощным фактором прогресса в экономике в дальнейшем постепенно станет промышленность с ее обратным воздействием на земледелие, что приведет к утрате им некоторых традиций, хотя значение его общерусских элементов не потеряется. Прежде всего, знание крестьянством местных природно-климатических условий и умелое их использование присутствовали на всех этапах развития аграрной культуры.

В XVIII в. эти знания приходилось приспособлять к новым экономическим условиям. Именно тогда шла интенсивная порайонная сельскохозяйственная специализация, земледелие в ряде мест приобретало товарный характер, происходили изменения в агрокультуре. Основу земледелия по-прежнему составляла трехпольная система с традиционным набором сельскохозяйственных культур, но чаще появлялись в ней различные модификации, приспособленные к новым условиям ведения хозяйства. Во всех пределах России основной культурой оставалась рожь, занимавшая все озимые поля (50% пашни). Ее посевы «страховала» яровая рожь. Овес стал преобладающим среди яровых, так как на его выращивание, как на менее прихотливую культуру, тратилось меньше труда, но не менее важным становился и ячмень. Необходимость пшеницы к тому времени уже была определена в крестьянских хозяйствах и севера, и юга и востока, но ее сравнительно небольшие посевы были закреплены традицией. Во второй половине XVIII в. выведенный новый сорт пшеницы —

ледянка — прижился даже на неплодородных почвах и стал и яровым, и озимым. Лишь в Нечерноземной полосе озимая пшеница не могла конкурировать с озимой рожью. Лучше всего пшеница (в основном яровая) возделывалась в помещичьих хозяйствах средней и частично южной полосы России. Горох и гречиха, занимавшие 8—12% ярового поля, вошли в обязательный набор культур, как и лен в Нечерноземной полосе и конопля в Черноземной.

Под воздействием товарного производства видоизменялись и другие стороны трехполья (*Милов, Вдовина*. С. 58, 137; Труды ВЭО. Ч. II. С. 139—140; Ч. VII. С. 71; Ч. XIII. С. 23; РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 750, 812, 823). Так, сопровождавшая его подсека в XVIII в. сохранялась преимущественно в северных лесных местностях. Виды подсеки зависели от возраста леса. Но в лесных рощистях Нечерноземья в XVIII в. зарождалась новая система — плодосмен с чередованием яровых, а иногда и озимых культур («обороты»): лен-ячмень и овес—озимая рожь; летом для поднятия плодородия землю «парили» или сеяли репу как яровую культуру. Таким образом, от рощистей переходили к плодосмену (будущим севооборотам), что расширяло площади трехпольных угодий, необходимых при увеличивающемся народонаселении. В полосе Черноземья и отчасти в средней полосе для улучшения плодородия полей использовалась гречиха, при выращивании которой поля «очищались» («одабривались») от сорняков, и «земля по снятии ее бывает весьма мягкой и тучною». В Тульской и Калужской губерниях гречиху сеяли специально на «худой», т.е. оставшейся от посева овса, земле; повсеместны были ее посевы в Рязанской губернии. Для подобной цели использовался и горох, обогащавший почву азотом, поэтому при трехполье его высевали поочередно на разные поля (Владимирская, Московская губернии).

На юге, в Черноземье, изменение трехпольного севооборота происходило при применении зяблевой вспашки (осенью — с сентября по ноябрь) для сохранения влаги и вымерзания корней сорняков: озимые сеяли после яровых на том же поле, а паровое поле засевалось на следующую весну не озимыми, а яровыми.

Это помогало озимым использовать зимнюю влагу из почвы. В степных южных районах стали практиковать «смешанные культуры», обычные при трехполье в сочетании с масличными, с кукурузой и др. Изменялся севооборот и при исключении из него какой-либо культуры, когда на нее не было рыночного спроса (конопля, выращиваемая не на полях, а на огородах в Курской, Орловской и Калужской губерниях), или при его повышении.

Для лучшего очищения полей от сорняков существовал целый комплекс мер — отбор семенного материала, своевременный сев (засоренность всходов была связана со сроком их сева), заделка семян не сохой, а бороной, рыхление и прополка почвы, очистка обмолоченного хлеба от семян сорняков, наконец, борьба с болезнями растений.

Поскольку резервы пригодной для земледелия земли начали исчезать в Европейской России уже во второй половине XVIII в. (кроме южных и юго-восточных районов), то переложный, залежный и подсеchnый виды земледелия, требовавшие много земель, постепенно уступали место классическому трехполью. Сибирское земледелие в XVIII в. сохраняло свои отличительные черты, сложившиеся при освоении земель в XVII в., и, приспосабливаясь к новым условиям, вырабатывало свои местные традиции. Здесь, в отличие от европейских губерний, широко распространилось паровое хозяйство в сочетании с перелогом; имелись большие возможности для отъезжих пашен, подсеки же существовали лишь в малоземельных лесных районах. Основу сибирских крестьянских хозяйств составляла пашня с двух- или трехпольным делением при вспомогательной роли перелога. Выходцы с Русского Севера способствовали распространению трехполья в Сибири, где оно изменилось в новых условиях. Особенно это сказалось в сочетании трехполья с перелогом для борьбы с истощением почв при невозможности «парения» и удобрения земли на дальних сибирских полях. Когда при перелогe часть земли пустовала, имела место расчистка земли из-под леса. Отъезжие пашни, ставшие неотъемлемой и характерной частью сибирского земледелия, возникали при недостаточности земель возле селений.

Благодаря накопленному крестьянами опыту ведения хозяйства, в XVIII в. получила развитие агрономическая наука. Ее видные деятели, А.Т. Болотов, П. Рычков, И.М. Комов и другие, предлагали новые системы земледелия, которые способствовали бы его интенсивности. В распространении новых методов хозяйствования немалую роль играли научные общества, и прежде всего Вольное Экономическое общество. Его труды выходили с 1765 г., в них печатались работы отечественных и зарубежных специалистов и отражались все стороны сельскохозяйственной практики. Немаловажное значение в развитии земледелия того периода имели эксперименты в ряде помещичьих хозяйств, владельцы которых стали практиками и научными деятелями (А.Т. Болотов, А.А. Олишев, Д.М. Полторацкий и др.).

Другим важным делом помещичьих и крестьянских хозяйств стало семеноводство и снабжение семенами различных губерний. Для каждой местности разрабатывались сроки сева, отбор и проращивание семян, нормы их высева (Псковщина, Вологодский край, Чаронда, Каргополь, Белозерье, Тула, Тверь). Правда, часто товарная специализация культур не давала крестьянам возможности придерживаться выработанных норм высева.

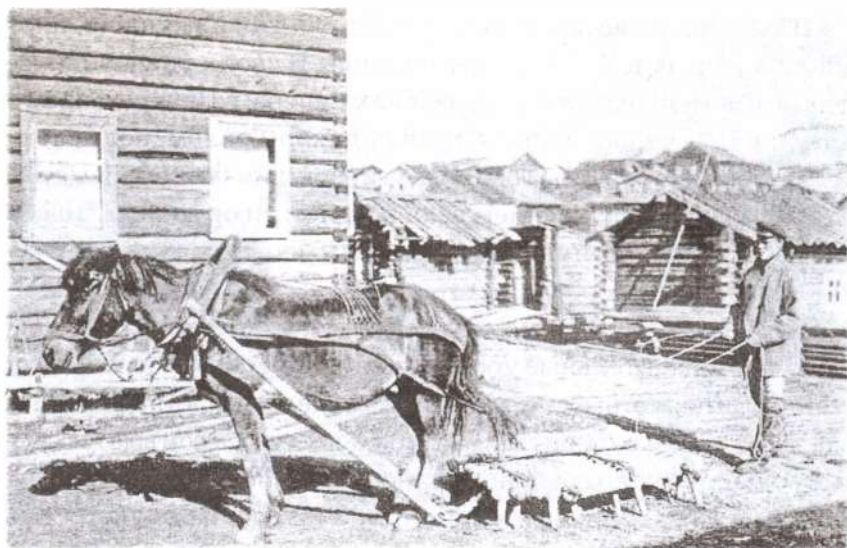
К XVIII в. относится и начало травопольной системы земледелия — травоселения. Оно возникло как способ прокормления скота и восполнения нехватки навоза для пашни в Нечерноземной полосе, что достигалось выращиванием бобовых и злаковых трав (клевер, тимофеевка). Травы шли на корм скоту и способствовали накоплению азота и органических веществ, необходимых для улучшения структуры почвы. Травосеянье плохо приживалось в северном Нечерноземье, где для выращивания некоторых трав не подходили природные и климатические условия. В 90-е годы XVIII в. многие помещики сеяли кормовые травы в полях (Московский, Козельский, Калужский уезды), а сенокосные угодья с плохими почвами удабривали навозом (Петербургский уезд).

Передовые идеи и новшества в рамках феодального способа производства и крепостничества не затрагивали основные массы

крестьян, которые по-прежнему следовали многовековому опыту, передавая его из поколения в поколение. Однако и крестьянская аграрная культура находилась на достаточно высоком уровне. Судить об этом позволяет выработанный русскими крестьянами комплекс природоохранных мер, направленных прежде всего на сохранение почвенного плодородия. Основные из них предусматривали правильное применение систем земледелия (рациональное использование земли, смена и чередование культур, достаточная обработка почвы, ее удобрение, очищение, окультуривание), почвозащитные методы, противозерозийные и мелиоративные работы. Велики были затраты труда крестьян на возделывание земли при трехполье — *двоение, троение, назъмение* (двух-, трехкратная обработка). Самой надежной для борьбы с сорняками была зябь (осенняя вспашка), появившаяся в Черноземной полосе. Знание характера высеваемых культур привело к поискам растений, очищающих почву (гречиха, горох, травы). Но самой главной мерой было обращение к парам и удобрению полей. Крестьяне выработали для каждой местности систему получения, хранения и накопления навозного и комбинированного удобрения. Избегать выпашки полей помогало и комбинирование самих систем земледелия. Наряду с трехпольем обращались к расчисткам земель из-под леса или оставляли выпаханную землю на отдых. Этому же служил и развившийся в XVIII в. плодосмен с чередованием яровых и озимых культур, и новый способ — многополье (4—7-полье), при котором продлевался отдых полей.

Большое внимание уделялось мелиоративным работам — устройству водоотводных борозд и канав для задержания талых и ливневых вод, укреплению оврагов путем засеивания их бобовыми, а также лесным насаждениям, охранявшим поля от ветровой эрозии.

Частичным усовершенствованиям подверглась в XVIII в. и сельскохозяйственная техника. По-прежнему главным орудием в лесной полосе оставалась соха в разных модификациях в зависимости от местных почвенных условий, в степях — плуг,

*Сельскохозяйственные орудия:
лошадь, впряженная в борону-суговатку.*

на каменистых почвах Урала — сабан, в Сибири — соха, предшественница курашимки. Наиболее распространенной в XVIII — первой половине XIX в. сибирской сохой стала *рогальюха* с одним или двумя железными сошниками и с *брылой* (резцом). Она еще оставалась «бесподошвенным» орудием, тогда как в южных степях появились колесухи и сабаны, имевшие подошву. Остальной сельскохозяйственный инвентарь был того же типа, как и в Европейской России.

Существенный сдвиг произошел в географии косули (плужное орудие). Увеличение пахотных площадей за счет включения «худых», «посредственных» земель с глинистыми и иловатыми почвами, увеличение лесных рощистей были возможны с помощью косули, которая по своим функциям превзошла соху, ибо пахала *дербу*, «драла» ее, уходя глубоко в землю. Ее более ранняя разновидность — соха с брылой (объединение сохи с отрезом) — была занесена в Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую, Вятскую земли и в Сибирь.

Плуг стал незаменимым орудием для тяжелых почв, площади которых в XVIII в. увеличились. В своих разновидностях он применялся в южных районах Севера, в Центре и на юге России. На тучных черных землях пахали ралом, подменявшим плуг и борону. Борона и другие орудия оставались традиционными. Достижением века в развитии орудий являлось более гибкое их применение в разных местностях при функциональном многообразии.

Владея огромными знаниями и опытом, русские крестьяне получали значительные урожаи. Даже Нечерноземье, где были менее благоприятные условия для земледелия, вплоть до XVIII в., когда осваивались степи юга и Сибири, кормило хлебом всю Россию, а из отдельных его районов зерно вывозилось и за границу.

Действию законов товарного производства подверглось животноводство. Для его развития было необходимо наличие больших сенокосов и пахотных угодий. В лесной полосе Европейской России и Сибири такие угодья имелись в долинах

*Сельскохозяйственные орудия:
кошение травы косой-горбушей*

*Сельскохозяйственные орудия:
соха-двусторонка.*

крупных рек. Нехватку покосов должно было восполнить начавшееся травосеянье.

Степное скотоводство в европейских губерниях и в Сибири еще только набирало силу. Его полному развитию мешало «сползание» земледелия на плодородные степные почвы. Товарное скотоводство начало развиваться в зажиточных крестьянских хозяйствах степного юга (Елец, Воронеж, Заволжье, Сибирь), где сенокосные угодья составляли от 77,4 десятины до 258,4 десятины на 100 десятин пашни.

Помещики стали использовать научные данные о содержании скота в добротных скотных дворах, о кормах, правильном выпасе, племенном отборе, лечении. Особенно это коснулось коневодства.

По уровню развития скотоводства различались как отдельные регионы России, так и хозяйства помещиков и крестьян. У основной массы последних сохранялась система разведения и содержания скота, подчиненная целям земледелия (рабочая сила, навоз-

*Сельскохозяйственные орудия:
работа на пашне бороной-суковаткой*

ное удобрение), а также получению продукции животноводства.

Таблица

Соотношение систем земледелия и пахотных угодий (в %)*

Система земледелия	% ко всей пахотной земле
Пар	21,7
Травосеянье	5,0
Залежь	14,3
Прочие	59,0

* Россия в конце XIX в. СПб., 1900. С. 139.

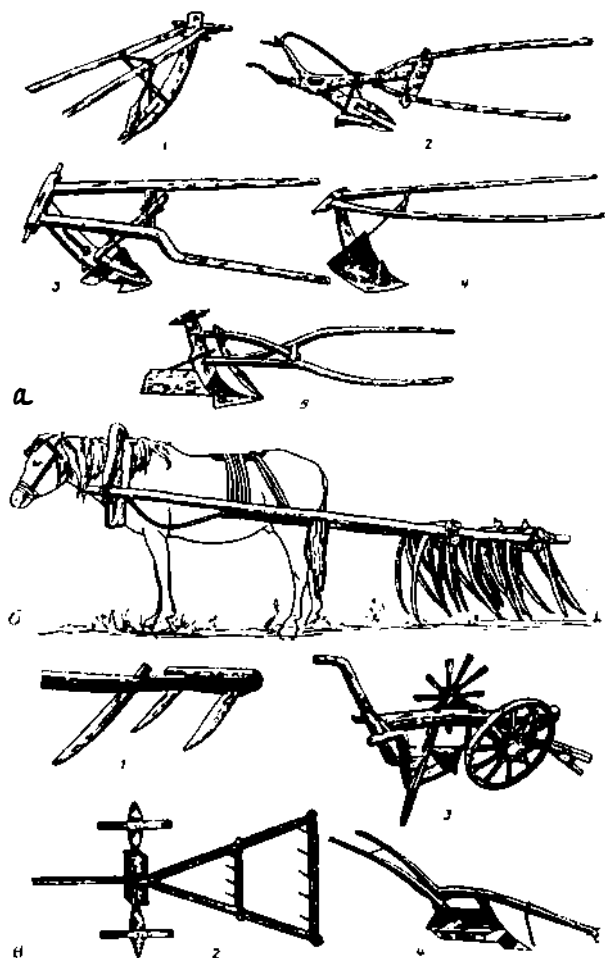
В XVIII в. происходит перелом и в крестьянском овощеводстве, в ряде мест приобретающем торговый характер. Но в подавляющем большинстве хозяйств еще возделывались небольшие огороды с ограниченным набором культур, который на юге России стал расширяться, включив, кроме известных овощей, бахчевые.

По всему югу оно начинает превращаться в полевое. В городах и в помещичьих имениях разводили новые сорта и виды овощей и трав. Изменения коснулись и садоводства, так как именно в XVIII в. появились и новые сорта садовых культур.

К концу XIX в. соотношение систем земледелия совсей пахотной землей четко определилось в Европейской России (см. табл.).

Набор сельскохозяйственных культур в этот период в основном оставался прежним. К исконным зерновым (рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха), техническим и кормовым (лен, конопля, горох, вика, клевер) прибавились и стали шире применяться также древние огородные и бахчевые культуры (капуста, чечевица, арбузы), и более поздние, известные с XVII в.: кукуруза, картофель, подсолнечник, сахарная свекла, табак, помидоры. География культур не изменилась. Ржаной хлеб оставался одним из основных продуктов питания, и по урожаям ржи России стояла на первом месте в мире. Возделывалось много ее сортов, приспособленных к региональным условиям (Север, Центр, Сибирь и др.). На второе место среди зерновых культур на юге, юго-востоке и в Поволжье в XIX—начале XX в. вышла пшеница мягких озимых и яровых сортов и твердых яровых (саксонка, белотурка, арнаутка). В яровых культурах, кроме пшеницы, преобладал овес, особенно фуражный, в большом количестве вывозимый за границу (северо-восточные, северно-черноземные районы). Северным злаком оставался ячмень, по производству которого Россия также была первой в мире. До 31,2% экспорта российского зерна в начале XX в. составлял ячмень. Гречиха и просо были культурами средней полосы, южнее предпочитали пшеницу.

Более половины мирового производства льна приходилось на Россию. Выращивали лен-долгунец в крестьянских хозяйствах (Север и Северо-Запад) и лен-кудряш в помещичьих хозяйствах на залежных и целинных землях. 90% всего производства русского льна шло за границу. Конопля разводилась исключительно в крестьянских хозяйствах, главным образом, в северночерноземных районах и имела, как и лен, универсальное

Земледельческие орудия:

а) сохи и косули: 1 — соха-двухсторонка коловая, 2 — соха-двухсторонка коловая (западные губернии), 3 — соха-односторонка с брылой (Вятская губерния, 1889 г.), 4 — курашимка — одноральная усовершенствованная соха (Пермская губерния, 1884 г.), 5 — ярославская косуля (Ярославская губерния, 1853 г.); б) борона-суковатка (Пермская губерния, XIX в.);

в) рала и плуги:

1 — рало трехзубое, деревянное (Кубань, конец XIX в.), 2 — рало многозубое (Саратовская губерния, 1853 г.), 3 — плуг деревянный тяжелый, «малороссийский» (Кубань, конец XIX в.), 4 — плуг любанский Денисова (Новгородская губерния, 1884 г.)

применение (масло, одежда, парусина, канаты, корм скоту). Со второй половины XIX в. известен в России подсолнечник, который стал основной масличной культурой. Кукурузу сеяли вначале только на Северном Кавказе, а с 1900-х годов и в среднерусских губерниях. Сахарная свекла уже с конца XVIII в. выращивалась от Самары и Тамбова до Тулы. Товарное производство табака развилось в Самарской губернии и Кубанской области. В овощеводстве набор культур существенно пополнился картофелем и капустой. Как отмечал А.П. Шапов, география сельскохозяйственных культур в России от «полярной границы ячменя до южного предела винограда явила собой и две крайности земледельческого поселения» (Шапов А.П. С. 201—202), которые выразились в отличительных особенностях народной культуры северного и южнорусского населения.

Садоводство до 1861 г. развивалось хорошо лишь в помещичьих хозяйствах (сады, оранжереи). Во второй половине XIX в. оно переросло из потребительской в торговую отрасль.

Животноводство в XIX — начале XX в. оставалось еще подсобной отраслью хозяйства повсюду, за исключением некоторых районов. Крестьяне разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, птицу. Центрами выведения местных пород молочного скота с XVIII в. были Холмогоры (холмогорская порода), Олонецкая (сюземская порода), Ярославская (ярославская) и Нижегородская (горбатовская) губернии, Поволжье (бестужевская) и Северный Кавказ (калмыцкая, киргизская, симментальская, голландская, швицкая и другие породы).

В северных районах для скота строили специальные теплые хлевы, на юге его могли содержать в полуоткрытых холодных помещениях. Основной заботой крестьян была заготовка сена, а отсюда — разработка сенокосных и пастбищных угодий. Выпас скота в покотине (огороженном участке) или в лесу производился без пастухов на Европейском Севере и в Сибири, в остальных местностях крестьянские общества нанимали пастухов отдельно для выпаса каждого вида животных. В начале пастбищного сезона скот пасся на лугах, затем, когда наступала очередь сенокоса

шения, он перегонялся на паровое поле, а после поднятия паров — на выгоны (пустопорожние земли, участки возле селений). По снятии сена с лугов туда его снова перегоняли с выгонов, а после уборки хлебов в полях — на ржаное или яровое жнивье.

С конца XIX и в начале XX в. выделились районы торгового скотоводства в северных и в центральных губерниях (Ярославской, Вологодской, Псковской, Новгородской, Тверской, Владимирской, Петербургской, Московской), промышленного скотоводства в столицах, в Центре и на юге (в Московской, Петербургской, Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской губерниях). Животноводство этих районов получило молочное направление, и земледелие приспособлялось к нему. Особое значение приобретает производство вологодского масла, отправлявшегося не только на внутренний рынок, но и за границу. Вначале русское маслоделие и сыроварение развивалось в помещичьих хозяйствах, но уже в середине XIX в. существовали кулацкие и купеческие маслодельни и сыроварни. В Сибири с проведением железной дороги (с 1890-х годов) быстрыми темпами стали развиваться товарное скотоводство и маслоделие, реализация продуктов которого шла через маслодельческие кооперативы, объединявшие зажиточных хозяев.

Самым нужным животным в крестьянском хозяйстве всегда оставалась лошадь. В основном держали породы лошадей выносливых, неприхотливых, приспособленных к местным условиям: на Севере и в лесных районах — мезенки, вятки, обвинки, печорки, тавдинки, нарымки, казанки, шведки (финская порода), на юге — степные лошади монгольской породы, в Оренбургской и Самарской губерниях — киргизской, на Дону и в Саратовской губернии — калмыцкой, в Уфимской — башкирской. С XV в. в Москве существовали «государевы конюшни», снабжавшие племенными лошадьми конюшни государевых слобод и сел (Бобровское Воронежской губернии и др.). В XVIII в. появились казенные и частные конезаводы во Владимирской, Казанской, Воронежской, Рязанской, Астраханской губерниях.

Овцеводство в это время носило главным образом потребительский характер, и крестьяне держали овец для собственных нужд. На Севере вывели короткохвостую породу, в Центре и на юге — длиннохвостую, еще было несколько местных пород (у казаков Дона). Славилась овца романовской породы (Ярославль). Но промышленное овцеводство имелось лишь у помещиков, купцов, зажиточных крестьян на юге, где вывели овец тонкорунных пород.

Крестьяне и мещане разводили коз (особенно в Пензенской, Оренбургской губерниях). Свиноводством занимались с конца XIX в. довольно усиленно. Появился экспорт свинины из Рязанской губернии. Помещики и купцы развели, кроме местных пород, йоркширов, беркширов и др.

Птицеводством русские крестьяне в XIX в. занимались повсюду. Оно велось для личного потребления (куры, гуси, утки). В помещичьих имениях разводили индюшек. Породы птиц были выносливы и не требовали особого ухода, содержались в хлевах со скотом. Товарный характер птицеводства появился в Ярославской губернии (цыплята для столиц) и особенно в Западной Сибири (экспорт яиц). Одно из постоянных занятий русских крестьян составляло пчеловодство. Старый его вид, известный с древности — бортничество, еще встречался и в XIX в. Медом и воском исстари платили на Руси подати и налоги. Уже с XVI—XVII вв. продукты русского пчеловодства стали вывозиться за границу. В XIX в. пчеловодством занимались русские крестьяне повсеместно, кроме самых северных губерний. Основными его центрами стали Вятская, Уфимская, Воронежская, Томская губернии и Кубанская область. Пасеки обычно устраивались в садах, огородах, лесах, на полях. Но крестьянское пчеловодство было малопродуктивным, кроме западносибирского, алтайского и русского в Киргизии и Казахстане. Крупные пасеки имелись лишь у помещиков — до 500—1000 ульев.

Как видим, в сельском хозяйстве в XIX — начале XX в. происходила дальнейшая хозяйственная специализация районов, выделялись отрасли торгового земледелия и скотоводства.

Появились центры торгового зернового хозяйства на юге и востоке, торгового скотоводства на Русском Севере и в Центре, льноводства — на Севере, промышленной обработки сельскохозяйственных продуктов — на юге. По агротехническому уровню помещичьи хозяйства намного превосходили крестьянские, но умелое крестьянское хозяйствование, основанное на многовековом опыте и традициях, а главное, на нравственном отношении крестьян к земле, не останавливало развития общерусской аграрной культуры.

Освоение земель и крестьянское землепользование

Сохранение общинного землепользования на протяжении веков — основная особенность истории русской деревни. Сельская община, известная еще по Русской Правде (вервь), являлась институтом, руководившим хозяйственной, общественной и частной жизнью деревни. Во всем многообразии функций общины как традиционного крестьянского органа, земельное хозяйство неизменно стояло на первом плане. По сути дела, сельская община, объединявшая мелких производителей, отражала специфическую форму земледельческого производства и освоения земель по мере их заселения русским народом. Так или иначе, традиции народной жизни воплощались в повседневной жизни общины вне зависимости от социального состояния ее членов — были ли они черносошными или лично зависимыми крестьянами, сторожильцами или новопоселенцами. О повсеместном существовании крестьянской общины на Руси в XIV в. можно судить по упоминанию в источниках *соседей*, а также *волостей*, от имени которых выступали перед княжеской администрацией крестьянские представители. Уже в XIV—XV вв. на Руси наблюдался интенсивный рост частнофеодальной собственности, что противоречило интересам крестьян-общинников. Если на интенсивно осваивавшемся в то время Севере столкновения крестьян со светскими и духовными феодалами не приобретали массового ха-

рактера, то в центральных областях Руси борьба крестьянства с феодалами за сохранение волостных земель приобретала весьма активные формы. В это время русское крестьянство объединялось в территориальные общины-волости, представлявшие немалую силу. Если во второй-третьей четверти XV в. наблюдался рост землевладения духовных феодалов, то в последней четверти XV в. росла собственность светских феодалов, добывавшихся земельными пожалованиями и действовавших не только «законным» порядком, но и путем прямого захвата волостных земель. В борьбе за сохранение своих земель волостные общины были весьма активны на протяжении длительного времени, не отступаясь, вели свои тяжбы и добивались успеха.

Переход черных общин-волостей под частнофеодальную юрисдикцию ставил под угрозу как само существование общин-волостей, так и порядок общинного землепользования. Этот процесс существенно изменял общинное землепользование, так как изменялся сам статус феодального владения. Именно поэтому в связи с изменением социального состояния общин происходила серьезная трансформация порядка их землепользования.

Переход черных волостных земель из-под юрисдикции великих (или удельных) князей в XIV—XV вв. под юрисдикцию того или иного феодала сплошь и рядом разрушал сложившуюся общинную организацию — волость, что влекло за собой утрату тех или иных ее функций. Поэтому не случайно в 1480-х годах после падения политической независимости Новгорода местные крестьяне-общинники стремились сохранить свои территориальные организации после того, как их земли переходили к московским служилым людям. В иных случаях, когда удельные княжества мирно прекращали свое существование (например, Ярославское княжество при Иване III), земельные владения местных князей становились землями великого князя, и в их статусе принципиальных изменений не происходило. В этих случаях общины-волости фактически не реагировали на смену верховного владельца. Община-волость по-прежнему избирала свою администрацию (старост, соцких, пятидесяцких, десятских); эта

администрация следила за состоянием своих земель, находившихся в общинном ведении — пустошей, лугов, водных угодий, лесов. За дворами общинников на праве частного владения и наследования, но в пределах общины, числились дворовые, пахотные и сенокосные участки земли.

Таким образом, в эти века в черносошной общине-волости повсеместно существовала на праве обычая норма подворно-наследственного землепользования, которая оберегалась общиной. При этом в случае княжеского судебного разбирательства по поводу захвата земли на суде выступал и защищал свои права сам потерпевший — крестьянин-общинник. Если община выделяла новопоселенцу или выделившемуся из семьи общиннику землю, которую нужно было приводить в хозяйственное состояние (например, участок леса), то такие угодья, приведенные в культурное состояние, переходили во владение этого крестьянина. Отстаивая свои земли от феодальных захватов в судебном порядке, общины-волости не останавливались и перед «несудебным», насильственным возвращением своих земель.

Расхищение черных общинных земель в Центре России прежде всего было связано с возникновением в конце XV-первой половине XVI в. поместной системы — основы обеспечения вооруженных сил великого князя Московского. Создавать поместную систему как форму условного феодального владения, обеспечивавшего несение воинской службы, было возможно только за счет черносошного крестьянства. Именно организация поместной системы определила конец черносошного крестьянства в центральных уездах России в XVI—XVII вв., в связи с чем и решалась судьба черносошной общины-волости. По мере растаскивания ее земель община-волость как хозяйственно-административная единица самоуправления крестьянства погибала, но общинная организация, претерпевая изменения, сохранялась. Из волостной она стала превращаться в сельскую в границах того или иного феодального владения-поместья, либо вотчины.

Черносошные земли считались собственностью князя и управлялись его администрацией, но община-волость сохраня-

ла за собой указанные ранее права и упорно их отстаивала, прежде всего в сфере землепользования. С ростом частнофеодального землевладения в Центре России общины теряли свое значение, все более подчинялись воле своих владельцев-феодалов и в своей управленческой деятельности замыкались в границах их владений, что отражалось на практике сельского землепользования. Если община-волость имела возможность распоряжаться общинными угодьями, в частности, в случае необходимости выделять своим членам необходимые им земли, то сельские общины обладали в этом отношении меньшими возможностями; с ростом феодальных повинностей тем более осложнялись земельно-производственные задачи сельских общин.

Стиснутые границами феодальных владений, сельские общины вынуждены были изменять нормы крестьянского землепользования, тем более при росте помещичьих запашек и уменьшении возможностей собственно крестьянского хозяйства. По обычно-правовым нормам, за каждой деревней традиционно сохранялся определенный земельный фонд пахотных и иных угодий. Если в общину входило несколько деревень, общинное управление могло передать той или иной деревне, нуждавшейся в земле, часть угодий другой деревни, располагавшей земельным резервом. Однако такие передачи имели условный характер, и в случае необходимости переданная земля подлежала возврату.

Внутри деревни каждый общинник владел определенным комплексом угодий — пашен и сенокосов, но уже не по подворно-наследственному праву; это владение приобретало сугубо условный характер; общинник им владел лишь до тех пор, пока он мог нести тягло. Если крестьянский двор в силу каких-либо хозяйственных или демографических причин не мог обеспечивать объем возложенного на него тягла, то с него снимали часть тягла и соответственно отрезали часть земельных угодий, которые передавались более благополучным дворам, но опять же временно, дотехпор, пока старый владелец не требовал их возвращения. Так на протяжении XVII в. складывалась земельно-переделная

община с подворно-условным правом на владение общинными угодьями. В XVIII в. этот тип общины стал господствующим во владельческой деревне России. Некоторые особенности, наблюдавшиеся в отдельных поместьях, объяснялись формой феодальной ренты, устанавливаемой помещиком. В оброчных имениях община сохраняла за собой большие земельные права, в барщинных деревнях земельные распоряжки определялись помещичьими правлениями, а роль общины в землепользовании сводилась на нет. Таким образом, с гибелью общины-волости в Центре России изживался основной принцип крестьянского землепользования — подворно-наследственный, вместо которого утверждался принцип условно-подворный при уравнильно-тягловом подходе к распределению земли между дворами.

Эти очень серьезные изменения в крестьянском землепользовании имели региональный характер, так как на Русском Севере, весьма энергично осваивавшемся русскими земледельцами в XIII—XV вв., прочно сохранялась как орган крестьянского самоуправления община-волость с подворно-наследственным принципом землепользования. В XVI—XVII вв. на Севере, где частное феодальное землевладение не получило широкого распространения (кроме монастырского), общины-волости достигли максимального развития (*Покровский Н.Н.*, 1973. С. 93; *Александров В.А.*, 1976. С. 120).

Так в России появились различные типы крестьянских общин с разными принципами землепользования. Разная типология крестьянской общины объяснялась прежде всего разными формами феодальной зависимости крестьянства и условиями использования земель крестьянами, тем более в процессе постоянного заселения и освоения ими новых районов Севера, Урала и Сибири. Крестьянство севернорусское, уральское, сибирское, а также значительная часть южнорусского (так называемые однодворцы, существовавшие в условиях государственного феодализма, а в XVIII в. вошедшие в состав государственного крестьянства) хозяйствовало при подворно-потомственном землепользовании, тогда как крестьянство средней

полосы России, попавшее в крепостную зависимость, — при условно-подворном, передельном.

В XVIII в. правительство рядом законодательных актов в целях «уравнения» северного крестьянства попыталось утвердить в северных губерниях, населенных государственными крестьянами, систему общинного передельного землепользования. Однако это не имело особо существенных последствий, и даже во второй половине XIX в. в Олонецкой губернии, например, господствовало захватное и подворно-наследственное землепользование. Статистические материалы конца XIX — начала XX в. свидетельствовали о сохранении в севернорусских губерниях, а также в Новгородской и Нижегородской беспередельных общинных форм землепользования.

С севернорусскими земельными общинными формами было связано сибирское землепользование. В Сибири эти формы складывались в процессе ее стихийного заселения русскими. На первом же этапе освоения Сибири в XVII в. в местной деревне на основе обычая образовывались своеобразные сообщества по расчистке земель с коллективными формами владения («вповал»). Расчищенные земли крестьяне распределяли между собой в зависимости от вложенного труда, и по праву обычая они становились наследственными. По имеющимся данным, официальное понятие *волость* (объединяющая местных крестьян) известно с 1780-х годов, но фактически общины-волости сложились в Сибири по праву обычая, перенесенного переселенцами с Русского Севера, много раньше. Они объединяли деревни, территориально прилегавшие к слободам, и владели исторически сложившимся комплексом угодий, распределенных между отдельными селениями. Выборная волостная администрация следила за сохранностью этого комплекса угодий, рассматривала земельные споры между селениями и отдельными крестьянами, а в случае необходимости — вопросы об отводе земли тем или иным селениям и перераспределении между ними угодий; она же сдавала в аренду свободные волостные угодья. Более мелкие общинные объединения, сельские, в свою очередь, занимались раз-

решением спорной ситуации на своей территории, принимали новопереселенцев, устанавливали сроки сельскохозяйственных работ и т.д.

В целом же наследственно-подворный принцип владения землей в Сибири сохранялся очень стойко; его упрочению способствовало обилие свободных территорий, которые сплошь и рядом захватывались, осваивались и лишь после этого официально отводились властями селениям или отдельным дворам. С середины XVIII в. известны случаи, когда около отдельных селений возникала относительная теснота, и пахотные земли перераспределялись общиной. Однако чаще всего такая «теснота» преодолевалась путем образования заимок на наследственном праве владения. Такие заимки, часто отдаленные от селений, основывались и при выпаханности старых пашен, прилегавших к деревням (Александров В.А., 1979. С. 57; 1984. С. 34—49; Крестьянство Сибири... 1982. С. 56).

Реформы 1860-х годов повсеместно привели к признанию общин субъектами действовавшего права, но региональные принципы землепользования изменялись медленно. Правительство не допустило развития частной крестьянской собственности на землю и усиливало позиции общинного землепользования.

В бывшей крепостной деревне средней полосы России утвердившаяся в XVIII в. система общинно-урavnительного землепользования, основанная на передаче отдельных участков пашни хозяйственно ослабевших дворов более сильным, трансформировалась в систему общих переделов, что усиливало земельные функции общины. Однако в 1880—1890-е годы правительство стало ограничивать сроки общих переделов (до 12 лет). Попытка П.А. Столыпина реформировать передельную общину путем выделения крестьянских дворов из общины с наделом на праве частной собственности (1906 г.) не принесла ожидаемых результатов, так как в массе сами крестьяне-общинники опасались порывать с общиной. В регионах, где преобладал принцип подворно-наследственного владения, право крестьянской собственности также не было распространено на деревню,

и при усиливавшейся бюрократической «опеке» губернских органов управления крестьянское землепользование развивалось в рамках общин по-разному.

На Русском Севере усилился процесс уравнительного передельного землепользования; в Сибири в 1880—1890-х годах по мере уменьшения земельного фонда общины сокращали права заимщиков (прежде всего, в распоряжении землей), усиливали свои распорядительные земельные функции в интересах наиболее зажиточной части деревни, в частности, усилился общинный контроль над сенокосными угодьями, которые перераспределялись между селениями даже ежегодно. В те же десятилетия усилился контроль общин над дворовыми землями, которые по обычаю считались собственностью крестьянского двора; происходило ограничение права крестьян на продажу усадьбы. Тогда же в наиболее заселенных районах Сибири стало проявляться стремление экономически слабо обеспеченных крестьян к уравнительным переделам пашенных земель, что противоречило интересам более обеспеченных слоев деревни, основывавших свое хозяйство на захватно-заимочном праве.

В таких случаях наблюдались явления, свойственные передельной общине Европейской части России, — частные поравнения с передачей отрезков неиспользуемой земли от одного двора к другому, а также общие переделы, при которых каждый общинник претендовал на получение равной части общинной земли. Появились и так называемые коренные переделы, когда уже не учитывались обычно-правовые нормы закрепления за дворами хозяйственно освоенных земель, ранее приобретенных ими путем захвата. Как и в Европейской части России, роль сельской общины в Сибири усиливалась, но уравнительно-передельные тенденции проявлялись только в заселенной части Тобольской губернии (Западная Сибирь). В иных регионах Сибири сохранилась община с правом захвата свободных пашенных земель при общей собственности на все иные угодья (Крестьянство Сибири... 1983. С. 286—297).

После 1917 г. советская власть сохранила сельскую общину и вовсе не собиралась отдавать крестьянам землю в частную собственность. Выбор форм общинного землепользования оставался за самими общинниками, которые придерживались традиционных правил переделов. Община рассматривалась союзом свободных равноправных пользователей национализированной земли. По земельному кодексу 1922 г., община признавалась самоуправляющейся преимущественно в поземельных делах организацией с уравнительным землепользованием и совместным использованием угодий.

Сельская община проявляла удивительную приспособляемость к разным социально-экономическим обстоятельствам на протяжении всей своей истории, но так или иначе она неизменно оставалась органом сельского самоуправления и прежде всего в регулировании системы единоличного земледельческого хозяйства. Государственная ликвидация общин в начале 1930-х годов подрывала сохранившееся сельское самоуправление, а созданный колхозный строй в деревне означал абсолютное огосударствление всех земельных фондов деревни, при котором по существу им распоряжались не крестьяне, а местные государственные учреждения.

Сельское хозяйство после 1917 года

Существенные изменения в сельском хозяйстве начались после 1917 г. Согласно принятому 26 октября (8 ноября) 1917 г. декрету было уничтожено помещичье и крупнокапиталистическое землевладение, земля национализирована и объявлена «всемирной собственностью», крестьяне стали землепользователями безвозмездно, получив дополнительно 152 млн га, конфискованных советской властью у разных владельцев. Но на деле крестьяне лишились права собственности на землю и, как в дальнейшем оказалось, всякой инициативы в своей хозяйственной деятельности. В результате коллективизации начала 1930-х годов и широкого распространения колхозного произ-

водства, крестьянство становилось прослойкой сельских наемных работников, привязанных к приусадебному участку и терявших морально-трудовую связь с землей.

В 1918 г. началось проведение земельной реформы в соответствии с «Положением о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Крестьяне могли выбирать любую форму землепользования — общинную, индивидуальную, артельную, хуторскую, кооперативную и т.д. Начались переразверстки земли и ее перераспределение. При общинной форме хозяйства наделы определяли по едокам и значительно реже по мужским душам, а иногда за единицу разверстки принимали двор, скот или рабочую силу. Продолжалось начатое реформой П.А. Столыпина движение на хутора — выход из общин и создание самостоятельных хозяйств (Северо-Запад, Запад, Центр). Но часто такие хутора не отличались от обыкновенных выселок, так как сохраняли общее с деревнями землепользование.

Национализацией земли был перекрыт путь капиталистическому развитию сельского хозяйства. На базе бывших помещичьих, монастырских, церковных хозяйств и землях императорского Кабинета появлялись первые совхозы, а также коллективные хозяйства в виде коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли (тозы). К 1919 г. землеобеспеченность совхозов европейских губерний увеличилась до 618 десятин на каждое хозяйство. В Сибири к 1921 г. лишь 1% сельского населения и посевных площадей находились у колхозов, возникших на наделных землях крестьян. Но первые 950 коммун в Центре России оказались нежизнеспособными и распались уже в 1918 г. Из всех форм коллективных хозяйств наибольшее распространение получили тозы. Как земледельческая кооперация с общественной формой труда они являлись истинной формой коллективизации, какой не стала кампания 1930-х годов с ее принудительностью.

Еще перед революцией в России существовала мощная кооперативная система: на 1 января 1917 г. насчитывалось 63 тыс. кооперативов. В 1920-е годы их число резко увеличилось, в

различные формы сельскохозяйственной кооперации была вовлечена треть крестьянских хозяйств. Сельская община оставалась устойчивой и даже расширяла свои земельные резервы, 98—99% крестьянских земель находились в общинном пользовании в районах Европейского Севера, Центра, Приуралья, Нижнего Поволжья, юго-запада и юго-востока, Сибири. В западных и северо-западных районах оно составляло 65—75%, а хутора и отруба — более 10% (Итоги десятилетия... С. 120—124; Данилов. С. 107, 280).

Деревня сильно пострадала за время первой мировой и гражданской войн и революции. Сократилось ее население, от голода и эпидемий гибли люди, происходил падеж скота, уменьшились посевные площади. Но структура сельского населения была уже иной. В результате уравнительной земельной реформы население состояло теперь из подавляющего числа середняков, но их хозяйства оставались малотоварными. Вызванная войной и разрухой политика государства (военный коммунизм), когда по продразверстке у крестьян отбирались все сельскохозяйственные продукты, не способствовала развитию сельского хозяйства и превращению его в товарное производство. Необходимость перехода на «свободу оборота» привела советскую власть к введению НЭПа (новой экономической политики) и замене продразверстки продналогом. Путем товарообмена между городом и деревней предполагалось преодолеть катастрофу в сельском хозяйстве. В условиях мелкокрестьянской страны, относительной слабости промышленности и отсутствия крупного земледельческого хозяйства это был единственный выход из кризиса.

НЭП вызвал оживление капиталистических элементов, усиление зажиточной прослойки в деревне, арендовавшей земли у соседей-крестьян и у государства. Кулаки того времени были теми же крестьянами, но они умело вели свое хозяйство, организовав и нацелив его на получение необходимой сельскохозяйственной продукции. Семьи кулаков по своему составу были многочисленными, имели много рабочих рук, а в страдное время некоторые из них прибегали к найму рабочей силы. Но такое

положение — аренда и наем были в русской деревне и ранее, и это не мешало развитию аграрной культуры. Самым ценным в ведении хозяйства зажиточных крестьян было сохранение, а не нарушение исконных хозяйственных традиций, глубокое знание местных природно-климатических условий, природо-охранная деятельность, основанная на выработанных веками мерах по поддержанию почвенного плодородия.

В целом в 1920-е годы хозяйственное районирование и география сельскохозяйственных культур оставались неизменными: лишь увеличились посадки картофеля в Центре России, масличных культур и сахарной свеклы — на юге, льна — на Севере и Северо-Западе. Агрономической наукой в 1920-е годы разрабатывались новые технологии с соблюдением традиций. Метод почвозащиты при повсеместном тогда использовании тяжелых немецких плугов «Сакка» разработал Н.М. Тулайков, предложив минимальную неежегодную и неглубокую обработку земли, а В.В. Костров — «нулевую» систему обработки почв.

Различные новшества можно было применять, изменив старую структуру крестьянского землепользования: уничтожив чересполосицу и мелкополосицу, внедрив многополье, уменьшив расстояния от селений до полей, увеличив посевные площади за счет залежей. Широкие полосы и многополье уже применялись в 1920-е годы в коллективных хозяйствах Центра, Сибири, Северного Кавказа, но посевы при многополье с плодосменом и травосеянием к 1924 г. составили лишь 7,2% всех посевов в России. Легче всего было перейти к многополью совхозам, которые постепенно превращались в крупные товарные хозяйства. Так создавались предпосылки для перехода к массовой коллективизации. Но она была осуществлена государством сверху, а не самим крестьянством. Сплошная коллективизация 1929—1930-х годов была переворотом в сельском хозяйстве, полной ликвидацией традиционных методов хозяйствования и крестьянского земельного владения. Колхозы, куда насильно загонялось крестьянство, стали основными производителями сельскохозяйственной продукции под полным контролем местных органов

власти. Агрокультурные и демографические последствия этого государственного мероприятия ощутимы до настоящего времени, ибо произошла полная деградация сельского хозяйства.

Колхозный строй окончательно утвердился в 1930-е годы. Была осуществлена техническая реконструкция хозяйства, ликвидированы старые системы полеводства (особенно трехполье), уступившие место многополью и травополью, широкому использованию вместо традиционных пахотных орудий сельскохозяйственных машин. Последнее было связано с созданием машинно-тракторных станций (МТС), сосредоточивших всю технику и обслуживавших колхозные поля. Повсюду вводились новые севообороты, стали усиленно применяться минеральные удобрения.

Завершилась социальная нивелировка сельских жителей, ставших колхозниками. Изменилось их отношение к земле, так как в корне было подорвано представление о крестьянской земельной собственности; оно было «заменено» принципом работы на ничейной земле, которую было нельзя передать по наследству, а потому и личная ответственность за нее исчезла. Предпочтение в этом обезличенном пользовании было отдано «социалистической общине, в которой ни земля, ни труд, ни продукты не принадлежали личности». Рушилось крестьянское мировоззрение и представление о земле, труд на которой обеспечивал крестьянскую жизнь и культуру хозяйствования.

Негативные стороны хозяйствования в колхозах проявились с самого начала. Произошел отказ от народного опыта, который был объявлен вредным и рутинным, хозяйство повсеместно велось по шаблону, без учета местных условий, по указке советских административных и партийных органов. В результате хозяйствования в довоенные 1930-е годы произошли утрата связей человека с землей, отторжение от нее хлебороба, нарушение крестьянской психологии (любовь к земле, отношение к ней, как к живой), которая могла бы вызвать инициативу крестьян и привести к эффективному хозяйствованию. В смысле организации труда колхозы не выполняли той роли,

которая была у русской общины, а дореволюционная производственная кооперация, основанная на демократических методах и являвшаяся настоящей коллективизацией, была забыта. В колхозах игнорировались экономические методы регулирования работ, возобладало командное управление. Не способствовало правильному хозяйствованию и уничтожение при раскулачивании лучшей части сельских тружеников, являвшихся хранителями лучших русских аграрных традиций.

Новые потери крестьянство понесло за годы Великой Отечественной войны, к концу которой Россия вновь стояла перед проблемой восстановления хозяйства. Преодоление этого кризиса началось с массового движения по сбору продовольствия и скота для районов, освобожденных от немецкой оккупации. К 1950 г. уровень сельскохозяйственного производства в основных земледельческих районах достиг довоенного. Правительство предприняло новую попытку реорганизации земледелия. Началось «укрупнение» колхозов. В единые хозяйства объединялись мелкие хозяйства, за ними закреплялась техника, перестраивалась организация труда. Если в 1940 г. колхозы, объединявшие до 100 дворов, составляли 80% хозяйств в РСФСР, то к концу 1950-х годов их осталось 8,7%.

Однако новшества не принесли желаемого результата, так как практика администрирования сверху осталась, и нарушения в аграрной культуре продолжались. Существовавшее планирование хозяйства из центра не учитывало природных условий в каждом районе. Новое реформирование в сельском хозяйстве началось в начале 1960-х годов, но не было доведено до конца. Оно предполагало «восстановление принципа материальной заинтересованности крестьянства в труде» путем повышения заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и снижения их поставок колхозами, которым было дано право самим разрабатывать свои хозяйственные планы и решать вопросы структуры посевных площадей и соотношения культур. Но это право «осталось на бумаге», ибо руководство из центра продолжалось, да и многие колхозы за несколько

десятилетий существования утратили способность к самостоятельности и инициативе. Даже в совхозах — государственных хозрасчетных предприятиях — так же, как и в колхозах, экономические методы планирования и ведения хозяйства заменялись административными.

Широкое применение в 1960-е, а затем в 70—80-е годы получили «научно обоснованные» системы земледелия, по которым также без учета местных условий внедрялась новая структура посевных площадей. Итогом такого хозяйствования явилось полное изменение состава традиционных посевных культур. Основной среди них стала пшеница, возделывание которой продвинулось на север и восток. Главными районами ее выращивания оставались Сибирь, степи южного Урала, Поволжье, Северный Кавказ, но довольно широко яровую пшеницу стали внедрять на север Нечерноземной полосы (Архангельская, Вологодская, Кировская области). Рожь (вятка, волжанка, казанская и др.) по-прежнему оставалась основной культурой Нечерноземья (35% посевов), в лесостепных районах, а также на Дону и в Поволжье она занимала 25%. Был выведен сорт многолетней ржи, употребляемой на силос и зеленый корм скоту. Посевы ячменя и овса везде сократились (Центр, Поволжье, Северо-Запад). Сильно нарушилось льноводство. Лен — культура, выращиваемая с помощью лишь ручного труда, — даже исчезал с полей, так как в производящих его районах шел сильный отток населения, в основном женщин, занимавшихся льноводством.

Изменения в составе культур повлекли за собой и другие «новшества» — ликвидацию «чистых» (незанятых) паров в увлажненной зоне (до 9 млн га), сокращение малоценных культур и выращивание пропашных и бобовых — кукурузы, сахарной свеклы, моркови, гороха, кормовых бобовых.

Результаты хозяйствования по таким «научным» системам сказываются до сих пор, его последствия невозможно преодолеть еще много десятилетий. Нерегиональный подход к земледелию нарушил плодородие почв в Нечерноземье. Там невелик пахотный слой (12—13 см, а далее — глина), для его вспашки прежде

хватало сохи, а плуг применялся осторожно. Повсеместное введение глубокой вспашки привело к выворачиванию глины и обеднению почвы. Во всех зонах России нарушались севообороты и правила агротехники, земледелие подчас сводилось к выращиванию монокультуры (*Лемешев. С. 32*). «Кукурузным бумом» 1950—1960-х годов ломались традиции ведения хозяйства в каждом районе, тогда как в России свои условия, свое историческое своеобразие, свои особенности в каждом регионе.

Полное игнорирование народного опыта привело к упадку сельского хозяйства не только в Нечерноземье. Создание каскада равнинных ГЭС погубило миллионы гектаров плодородных земель, так как произошло их затопление и загрязнение. Вырубка лесов в лесостепных районах и наступающая гибель тайги приведет к еще более глобальным экологическим нарушениям. Массовое уничтожение на юге страны виноградников в 1980-е годы, этого «векового накопления нации», также скажется на состоянии там почв. Применение сверхмощной техники погубило много ценных лугов и пастбищ. Кроме механической эрозии действует и ветровая, которая в последние 30—40 лет унесла 1/3 запаса плодородия (гумуса) в черноземах. Произошло обезвоживание Русской равнины из-за ликвидации плотин на малых реках и постоянной пахоты полей тяжелыми плугами; распыленная ветром земля (а лес здесь изведен) высыхала. Снижалось плодородие угодий из-за применения минеральных удобрений и химических способов борьбы с сорной растительностью. Не принесла нужных результатов и деятельность мелиоративных организаций, не учитывавших опыт крестьян в этой области, а поэтому не только произошла гибель земель, но и был нанесен нравственный урон, ибо безнаказанно распоряжались земельными богатствами.

Отдельные попытки природоохранной деятельности предпринимались в послевоенное время. Принятый в 1948 г. «План преобразования природы» предусматривал ряд мер по охране почв: предполагалось применение зональных систем земле-

деля с обоснованными севооборотами, сооружение прудов и водоемов, создание полезащитных лесоразведений. Все это предохранило бы земли от пыльных бурь, суховеев, водной эрозии и было понятно и приемлемо для земледельцев. В 1950-е годы приступили к созданию в черноземной полосе лесозащитных полос. Несмотря на это, много черноземов в лесостепной и степной полосах утратилось. Точно так же в зоне сильного увлажнения терялись угодья из-за отсутствия мер по их осушению. Считалось, что потерю затопляемых угодий можно компенсировать освоением водоразделов, где будет происходить их самоочищение. Но эта мера вносила изменения в землепользование, а загрязненные малоплодородные земли выносились в водоемы.

В 1950-е годы, когда началось освоение целинных земель, академик А.И. Бараев создал почвозащитную систему для засушливых степных районов. Однако это на деле не осуществлялось. Примером почвозащитного земледелия является и «безотвальная пахота», предложенная Т.С. Мальцевым. Но для ее осуществления не было соответствующей техники (*Лемешев*. С. 29). «Пахота Т.С. Мальцева» применима не во всех регионах и не на всех почвах.

Изменение методов хозяйствования в 1960—1980-е годы происходило и в других отраслях земледелия. В овощеводстве стала применяться механизация. Товарное производство овощей развилось в промышленных областях Центра и Урала. Технология выращивания их в различных природных зонах осталась прежней: на юге они выращивались в открытом грунте, в средней и северной полосах — как в открытом, так и в защищенном (в теплицах, парниках, рассадниках). Отбор лучших овощных растений некоторое время еще продолжался, сохранялись знаменитые ростовский, бессоновский, стригуновский, мстерский лук, муромские огурцы, московская капуста (лучшая для засолки), петровская репа и т.д. Было выведено несколько холодостойких сортов теплолюбивых овощей (в основном помидоров).

Немного расширилось и садоводство — «пошло» на Север, Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Эта отрасль сильно пострадала во время войны, так как сады оказались в оккупированных и разрушенных районах. С 1950-х годов началось восстановление отрасли, создавались садоводческие хозяйства и многоотраслевые колхозы и совхозы, в которых садоводство являлось одним из хозяйственных направлений. Набор садовых культур оставался традиционным, но выводились и новые, устойчивые к различным неблагоприятным условиям сорта фруктов и ягод.

Тесно связанное с земледелием животноводство также не оставалось в последние десятилетия без изменений. До коллективизации в России существовали животноводческие кооперации, благодаря чему эта отрасль превращалась в товарное хозяйство. При коллективизации вместо крестьянских кооперативов были созданы животноводческие колхозы и совхозы, безответственно хозяйствовавшие по тем же «законам», что и земледельческие, т.е. без учета природно-климатической специфики районов.

Некоторое развитие, конечно, происходило и в животноводстве. Продолжалось выведение отечественных продуктивных пород мясо-молочного скота (холмогорская, тагильская, ярославская, бестужевская, красная степная), а также новых пород (чернопестрой молочной в Центре, мясо-молочной костромской, красной тамбовской, курганской, мясной астраханской). Улучшены отечественные породы овец (тонкорунных, грубошерстных, мясошерстяных и каракулевых), распространена романовская порода шубных овец. В коневодстве также улучшались старые породы и выводились новые — верховые, рысистые и тяжеловозы.

География животноводства в целом по России не изменилась. Центры животноводческого производства остались прежними. Но наряду с важными селекционными работами в отрасли происходили нарушения в содержании и уходе за скотом и обеспечении его кормами.

Последним ударом по земледелию и животноводству явилась проводимая государством политика ликвидации «непер-

спективных деревень», которая привела к губительным последствиям в сельском хозяйстве во многих регионах страны. С лица земли исчезали не только сами деревни, но и уголья, сокращались посевы, меньше заготавливалось кормов для скота. Сельскому хозяйству был нанесен непоправимый урон. Особенно пострадало Нечерноземье, где имели место колоссальные потери почвенного плодородия, исчезло земледельческое производство во многих районах, не стало и самих селений. А этот обширный регион имеет огромное политическое, экономическое и культурное значение в жизни страны, и его жители внесли ощутимый вклад в историю, в общее экономическое и культурное строительство.

Наряду с законодательными мерами по изменению основ землепользования выступают вопросы духовного воспитания людей, которые должны выработать в нынешней аграрии, будь это частный фермер или работник сельскохозяйственных предприятий, ответственное отношение к земле, к своему труду на ней, что в прошлом составляло неотъемлемую часть жизни русских крестьян.

Глава четвертая ЖИЛАЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА

Сельская жилая и хозяйственная застройка в XIII—XVII веках

На развитии сельских и городских построек, как и всей культуры, не могли не отразиться последствия сложных исторических процессов. И тем не менее монголо-татарское нашествие и последующие войны хотя и задержали, но не могли прервать прогрессивно-поступательное развитие народной культуры. Уже в период Древнерусского государства возникли многие характерные особенности жилых и хозяйственных построек, которые были типичны для русских жилищ в последующие столетия. Традиционные крестьянские постройки, дворянские усадьбы, церкви, сохранившиеся еще в отдельных селениях на Русском Севере, в Заонежье, в центральных и поволжских районах, относятся к выдающимся памятникам народного искусства, в них прослеживаются художественные традиции, сложившиеся в феодальную эпоху.

Древнерусское жилище IX—XIII вв.

Знания о нем в основном дает археология, но некоторые сведения, преимущественно о жилище представителей господствующих классов, имеются и в древнерусских летописях. К сожалению, и археологические раскопки по большей части дают матери-

алы о городской усадьбе. Но, поскольку в то время применялись простые строительные приемы, доступные и городским, и сельским жителям, по-видимому, сельское жилище XII—XIII вв. мало отличалось от жилища рядовых горожан, поэтому полученные сведения о городских постройках ученые условно распространяют и на сельские.

В X—XIII вв. вместе с разложением родового строя, с развитием феодальных отношений и пашенного земледелия исчезают следы родовых отношений в структуре жилища, и начинается процесс замены земляночного типа наземной срубной избой. Наземные постройки на большей части территории Восточной Европы вытесняют полуземлянки, господствовавшие здесь в VI—VII вв.

Все наземные жилища XII—XIII вв. — срубные. Для их постройки использовали сосну, реже ель, нижние венцы сруба часто были из дуба. На углах сруба применялась широко распространенная позднее рубка *в обло* с выпуском остатков бревен. Чашу и паз при рубке всегда выбирали в верхней части каждого нижнего бревна. Переход к более рациональному способу вырубать паз в нижней части верхнего бревна относится в основном к XVII в. В пазы между бревнами закладывали мох.

Полы в наземных домах почти повсюду были дощатые. Доски пола укладывали на лаги, которые в северной и западной частях лесной зоны (Новгород, Белоозеро, Торопец) врубали в венцы сруба (в первый, третий венец), а на юго-востоке (Старая Рязань) укладывали прямо на землю. По высоте расположения пола над землей уже в то время, по-видимому, намечались два варианта жилища, распространенных в разных районах, что будет одним из характерных признаков типов русского жилища в последующие столетия.

Крыши древнерусских домов были двухскатными, досчатые плахи покрытия уже в то время вверху упирались на бревенчатый конек, а внизу — на загнутые сучья (*курицы*). Возможно, были также трех- или четырехскатные крыши.

В наземном срубном жилище размер построек определялся средней длиной бревен (от 6,5 до 8,5 м). Простейшей единицей срубной постройки был четырехугольный сруб. Жилое помещение, отапливаемое печью, уже в то время называлось избой (*истбой, истбойкой, истопкой*) (Воронин, 1948. С. 214). Уже в X—XIII вв. выработался более сложный тип жилища, состоявший из нескольких срубов, соединенных между собой или стоявших отдельно. По данным археологии, чаще всего встречались двухкамерные постройки, в которых сруб разделен внутренней рубленой стеной на два неравных по площади помещения, причем глинобитная печь почти всегда была в большем из них.

Уже в древнейшем летописном своде, «Повести временных лет», составленном монахом Нестором, встречаются основные наименования жилища, его элементов и хозяйственных построек, характерные для крестьянских построек последующих столетий (*изба, клеть, печь, полати, дверь, окно, ворота, погреб, гумно* и др.) (Маковецкий, 1962. С. 14). Многие из этих терминов, судя по летописным источникам, были взаимно связаны между собой, такая же зависимость между ними обнаруживается и в источниках периода развитого феодализма, где речь идет о крестьянских постройках. Встречается в летописях и термин *двор* для обозначения комплекса жилых и хозяйственных построек, необходимых для ведения хозяйства семьи. Все жилые и хозяйственные постройки, находившиеся на территории двора летописцы называли общим словом *хоромы*. В том же значении этот термин употребляется позднее в актовых документах XVI—XVII вв.

На основании имеющихся источников трудно определить внутреннюю планировку жилого помещения. Однако известно, что в XII—XIII вв. в зоне лесостепи, в Верхнем Поднепровье, в бассейнах Западной Двины и Оки жилище отапливалось круглой глинобитной печью, пришедшей здесь на смену печи, выложенной из камня (VII—X вв.). Каменные печи в XII—XIII вв. остаются господствующими в Новгородско-Псковских землях и в Белоозерье (Раппопорт, 1975. С. 144—145). Судя по письменным и архе-

ологическим источникам, отопление рядовых жилищ — изб — происходило по-черному, т.е. печи не имели дымохода, дым выходил из печи в избу, а потом через дверь или окно. Уже в тот период времени археологи отмечают несколько вариантов положения печи и направления ее устья в зависимости от входа, которые были приурочены к определенным районам. Четыре типа внутреннего плана жилого помещения, выделяемые этнографами в сельском восточнославянском жилище XIX в. (см. ниже) имеют древние традиции и восходят, по-видимому, к XII—XIII вв. (*Раннопорт*, 1975. С. 137—141).

XIII—XV века были временем тяжелых испытаний для России. Последствия монголо-татарского опустошения и длительных набегов турецко-татарских завоевателей задержали общественное и экономическое развитие русских земель, способствовали консервации феодального строя и росту крепостнической эксплуатации народных масс. Все это не могло не сказаться на различных сферах материальной и духовной культуры. В XIV—XV вв. начинается постепенный экономический подъем страны. Вместе с образованием централизованного русского государства, расширением его территориальных пространств, складываются основные черты русской народной культуры, в том числе сельского жилища.

Жилище русских XVI—XVII вв.

Жилище этого периода сравнительно лучше изучено. Исследователи используют преимущественно письменные источники, особенно различного рода акты — купчие, закладные, духовные, рядные, судные грамоты, переписные книги, а также изобразительные источники — планы, рисунки, чертежи и т.д.

Сельские поселения в эпоху развитого феодализма разделялись на определенные части — крестьянские дворы, которые были ячейками поселения крестьянской семьи, и в то же время являлись податными единицами обложения феодальными повинностями крестьян, как основного тяглого населения. Двор, прежде

всего, это пространственное определение участка земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки, огород, сад, которые были во владении крестьянской семьи. Индивидуальное замкнутое натуральное хозяйство вынуждало крестьянина кроме жилья сооружать различные хозяйственные постройки: для содержания скота, для хранения урожая, сельскохозяйственного инвентаря, продуктов питания и т.д. Размер усадьбы и состав дворовых построек зависели от степени зажиточности крестьянина. Постройки на усадьбе обычно группировались в определенном порядке. Типы застройки усадеб, состав усадебного комплекса в тот период различались в разных районах расселения русских, они были тесно связаны с планировкой селений, с формой крестьянского надела, с социальным положением крестьянского хозяйства. При малодворности деревень дворы в то время, по-видимому, располагались в них свободно, иногда их положение подчинялось развивавшейся более упорядоченной застройке селения в определенный ряд, в улицу, вокруг какого-либо центра и т.д.

Письменные документы XVI—XVII вв. перечисляют разнообразные постройки русского крестьянского двора, большинство которых существовало и в последующие столетия. Основным жильем помещением была изба. Избы были *поземные* и на *взмостье*, с *прирубом*, с *пристеном*. *Клеть* — неотапливаемая жилая постройка, использовалась часто в качестве кладовой, клетки были наземные или на *подклети* и с *перерубами*. Изба на подклети часто называлась *горницей*. *Сенник*, *сельник*, *поветь* — хозяйственные постройки, располагавшиеся на других сооружениях (сенник на хлеве, на подклети, на конюшне). Сенник мог быть идентичен повети, а мог и использоваться вместо клетки («изба да сенник»). *Хлевы*, *мшаники*, *конюшни*, *сарай*, *курники*, *обороты* — постройки для скота. *Амбары* хлебные, *житницы* служили для хранения зерна и муки. *Погреб* и *напогребница* сочетались чаще с наземными избами без подклетов. Баня (*мьльня*, *байна*) чаще отмечалась в северных и северо-восточных районах, в Сибири, частично в центральных районах. Почти повсюду были *гумна* —

сарай для обмолота и хранения снопов, в более северных районах — *овины* для просушки снопов.

Не каждое крестьянское хозяйство имело весь перечень таких построек. Некоторые исследователи на основании сравнительного изучения письменных источников XV—XVII вв. делают вывод о постепенном развитии и усложнении жилых и хозяйственных построек в составе крестьянского двора на протяжении трех столетий.

Судя по различным актовым документам, значительно лучше были обустроены крестьянские дворы в северных районах России. Этому благоприятствовали экономическое и социальное положение черносошных крестьян, хорошая обеспеченность строевым лесом, а также и более суровый климат. В XVI—XVII вв. в северных деревнях уже бытовали большие двухэтажные крытые дворы, включавшие несколько жилых и хозяйственных помещений, которые были характерны для этих районов в XIX — начале XX в. (*Витов*, 1962. С. 125—126).

В Северном Прикамье, колонизованном русскими Центрального Поморья в XVI—XVII вв., развитые усадьбы с двухэтажным крытым двором с жилыми и хозяйственными постройками отмечаются в письменных документах XVI—XVII вв., т.е. в начальный период населения этих районов русскими (*Словцов*. С. 116—121; *Чагин*. 1976). Данные документов подтверждают выводы ученых о сравнительно раннем распространении развитых усадебных комплексов в северных районах России, откуда данный тип усадьбы в процессе русской колонизации был занесен в Прикамье.

Сравнительно развитые крестьянские и городские усадебные комплексы построек прослеживаются также по письменным источникам XVII в. в Западной Сибири. Основу русского населения Западной Сибири, как и Северного Прикамья, с конца XVI до XVIII в. составляли выходцы из Поморья, приносившие сюда севернорусские домостроительные традиции. Уже во второй половине XVII в. в русской деревне земледельческой полосы Сибири был распространен комплекс жилища, типичный для

северных районов Европейской России. В двухкамерном (изба—сени) и трехкамерном (изба—сени—клеть) жилище избы были поземные и на подклети, иногда только клеть или горница была на подклети. Нередко весь дом был одинаковой высоты «под одной кровлей». Скотные сараи могли примыкать вплотную к дому, а могли стоять отдельно. Над хлевами и стаями нередко устраивались повети. Усадьба обносилась крепкой бревенчатой оградой с воротами. На усадьбах или около них могли быть житницы, погреб, бани, колодец, на дальнем конце усадьбы или за ней гумно с овином, мельницы. (Александров, 1964; Этнография русского крестьянства Сибири. С. 102—120).

В районах, расположенных южнее Оки в XV — первой половине XVI в. на огромных пространствах «Дикого Поля», где не было постоянного оседлого населения, а природные богатства края эксплуатировались пришлыми промышленниками, людьми, занимавшимися частным предпринимательством, первоначально строились лишь временные жилища — землянки, шалаши и т.д. (Болховитинов. С. 507).

В древних актах, касающихся донских казаков, упоминаются различные деревянные постройки — курени, избы, хормные строения. В то же время, как отмечают исследователи, в донских казачьих городках было много и наскоро построенных шалашей и землянок, обвешанных терном и обнесенных валом, чтобы «не играл на них глаз вражеский», и «при нашествии врага оставляли их без сожаления» (Броневский. С. 92).

После строительства тульской и белгородской оборонительных линий вокруг укрепленных городков возникает множество сельских поселений. Характерная усадьба русского поселенца в южных районах Московского государства представляла собой огороженный изгородью двор, в котором была изба, клеть, конюшня, хлев, сарай, курник, погреб, омшаник, амбар и другие хозяйственные постройки.

Крестьянская усадьба в южных районах обносилась высокой крепкой оградой с плотными воротами, «двор обгорожен дубовым тыном» или «около двора городьба тыном». Высокие плотные

ограды были своего рода оборонительными сооружениями. Уже в XVII в., по-видимому, сложились основные особенности двора-крепости, известного по этнографическим данным в однодворческих селах в бассейне Дона. Это был четырехугольный замкнутый двор, в глубине его или посередине была изба, а стена, окружавшая двор, построенная из дерева, позднее из камня или плетня, в то же время часто была наружной стеной хозяйственных построек, расположенных по периметру двора. Появление таких дворов-крепостей было обусловлено длительной опасной военной обстановкой на южных окраинах Московского государства, а также и постоянными притеснениями со стороны крупных феодалов, имевших здесь свои вотчины. В то время нередко были случаи, когда помещичьи слуги врывались во дворы крестьян, избивали и силой уводили их семьи в свои поместья. (Бломквист, 1934. С. 52—59).

Основным материалом для строительства сельских и городских построек на всей территории расселения русских было дерево. Преобладающая часть Восточно-Европейской равнины была покрыта лесами. Даже вокруг Воронежа были густые дубовые леса. Много лесов было в бассейне верхней части Дона, по Битюгу и Хопру. Недаром в петровские времена в окрестностях Воронежа строились военные корабли Азовской флотилии. На протяжении XVIII—XIX вв. здесь, как и в других районах лесостепи, происходил активный процесс расчистки лесов под сельскохозяйственное пользование и другие нужды, что приводило к массовому истреблению леса.

Все основные постройки сельского двора были срубными. Избы, клетки, горницы, сенники, мшаники, конюшни, хлевы, бани рубились из круглых (реже тесаных) бревен, соединенных на углах в простой угол (в *обло*, в *чашу*). Пазы между бревнами утепляли мхом. Традиции срубной строительной техники восходят к сельскому и городскому строительству Древней Руси, техника рубки уже в то время достигала высокого совершенства. Возможно, уже в то время или несколько позже сложились особенности в облицовке рубленых жилищ лесостепи, на границе с Украиной.

С. Гмелин, проезжая воронежские земли, писал: «Дома, в Острогожске так, как и везде в Великой России, деревянные и покрыты соломою и деревом; снаружи они все белые, вымазаны мелом, как и везде в Малой России» (*Гмелин*. С. 134—137).

Сруб жилой постройки избы (или хаты) ставился или прямо на землю, или под первый венец сруба подкладывали деревянные столбики, либо камни. В северных районах в условиях более сурового климата избы строились на подклетах (*подъизбица, нутр*), в подклете держали скот, хранили продукты, имущество. Иногда подклет использовали как жилое помещение. В южных районах России избы были поземными, часто с земляным полом. В Московской и Владимирской землях бытовали как поземные избы, так и горницы на подклете. Вместе с тем, и в более южных, в те годы лесных, районах, в богатых дворах строили избы на подклетах, и на севере встречались и поземные жилища (*Рабинович*, 1975. С. 214).

Преобладающей формой крестьянской кровли (по рисункам старых миниатюр) крыша двухскатная (*Мейерберг*. Альбом). В то время, по-видимому, следи крыши укреплялись *на самцах* (бревенчатом фронтоне), снизу доски тесового покрытия поддерживались загнутыми сучьями (*журицами*). Самцовая конструкция крыши широко была распространена в XIX в. Почти повсюду их крыли преимущественно тесом или драницами (тонкими пластинами, на которые расщепляли короткие кленовые бревна длиной в 2—5 аршин). В южных районах России наряду с деревянным покрытием широко использовали солому и тростник. Позднее, вместе с сокращением площади лесов, с усилением феодальной эксплуатации крестьян преобладающим кровельным материалом в этих районах становится солома, а деревянные крыши все более отодвигаются на север. В Сибири, помимо двухскатных крыш, были распространены плоские кровли — в виде наката из бревен, засыпанного сверху землей.

Двери в избе были низкие, окна маленькие, волоковые, они прорубались в двух соседних бревнах, в половину толщины каждого бревна и изнутри задвигались («заволакивались») деревянным

щитком (*волоком*). Для пропускания света в окна могла вставляться рамка, затянута бычьим, рыбным пузырем или брюшиной, у состоятельных хозяев — слюдой. Оконное стекло распространяется среди крестьян не ранее начала XIX в. (*Бломквист*, 1956. С. 119—120). У русских по фасаду избы обычно прорубали три волоковых окна, причем среднее для выхода дыма располагалось выше других, часто на линии потолка. Среднее волоковое окно уже в XVII в. кое-где стали заменять *красным*, или *косящатым*, с массивной *калодой*. Однако еще и в XIX в. в глухих деревнях часто встречались избы с волоковыми окнами, и только среднее окно было косящатым.

Во многих избах не было потолков, о чем свидетельствует положение среднего волокового окна выше возможной линии потолка. Конструкция потолка из досок, брусьев или плах с центральной балкой *матицей* уже упоминается в документах XVII в.

Центральное место в крестьянской избе занимала большая глинобитная печь, служившая и для отопления, и для приготовления пищи. Как и прежде, печь не имела дымохода. Такие *курные* избы (хаты) у русских были широко распространены вплоть до конца XIX в. Печь обычно помещалась в одном из углов избы. Около устья был *бабий куш*, здесь приготавливали пищу. За боковой стеной печи обычно устраивали примост для спанья, а выше его — полати. По диагонали от печи был *красный угол* (*святой*), здесь стоял обеденный стол и висели иконы. Вдоль передних стен неподвижно укреплялись лавки, над ними полки (*полавочники*). Для освещения служила лучина или масляные светильники.

Изда (хата) была основным жилым помещением крестьянской семьи, численность которой в то время могла достигать до 15—20 человек. Вместе с тем, много было и малых семей. В избе готовили пищу, спали, пряли, ткали, занимались всеми домашними работами, здесь же в холодное время года кормили корову, молодняк, содержали приплод домашних животных. Тесноту, скученность, антисанитарные условия домашней жизни крестьян, их бед-

ность не раз отмечали проезжавшие в XVII в. через Россию иностранцы. Антисанитарные условия жизни в крестьянских избах отмечались современниками и в конце XVIII в. (*Генер. С.* 192).

Значительно лучше жили крестьяне на севере России и в Сибири. Уже в XVII—XVIII вв. (о чем говорилось выше) здесь строилось более развитое жилище на подклетах, в составе которого было несколько жилых и хозяйственных помещений. Довольно много жилых и хозяйственных построек было в помещичьих и боярских усадьбах. Их помещения отличались большими размерами и богатым убранством. По мнению М.Г. Рабиновича, исследовавшего древнее русское жилище, богатые усадьбы в городе и деревне имели схожие черты и на севере, и на юге (*Рабинович М.Г.*, 1975. С. 185, 225—227). В то же время, были и небогатые помещичьи и даже великокняжеские усадьбы, состав и качество построек в них мало чем отличались от крестьянских.

Сельские жилища в XVIII — начале XX века

В XVIII — первой половине XIX в. уже существовали основные типы крестьянского жилища русских, которые являются национальным достоянием их культуры. С одной стороны, традиционное жилище русских объединялось рядом общих особенностей, многие из которых уходят своими корнями ко времени существования древнерусской народности. С другой стороны, разнообразная природа России, различные социальные, экономические и исторические условия способствовали созданию разных типов жилища, закрепленных на той или иной территории определенной местной этнической традицией. На развитие крестьянского жилища большое влияние имели планировка, размеры селения, экономический и культурный уровень жизни, форма и размеры крестьянского надела, социальное положение и направление хозяйственной деятельности крестьянских семей, их состав и степень зажиточности. Богатые и бедняцкие хозяйства

различались между собой размерами, добротностью, числом жилых и хозяйственных построек.

Региональные особенности жилища

В разных районах расселения имелись свои особенности в строительном материале возводимых построек, их высоте, покрытии кровли, архитектурном оформлении фасада, составе и планировке жилых помещений, формах застройки двора. Многие локальные особенности жилища сложились еще (как мы видели выше) в эпоху развитого феодализма и отражают культурные особенности определенных этнических групп.

В северных селениях России — в Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской, северных уездах Новгородской, Ярославской, Костромской губерний возводились большие высокие срубные постройки, включавшие в одно целое жилые и хозяйственные помещения. Пол жилых помещений из-за сурового климата приподнимали над землей на 1,5—2 м. Нижнее

Сельские дома
в северных районах
России конца XIX в.:

а) д. Ирта, Ленский район, Архангельская область;

б) д. Чучепала, Лешуконский район, Архангельская область

Сельские дома
в северных районах
России конца XIX в.:

в) д. Елкино, Мезенский
район, Архангельская
область,

г) д. Волково,
Чердынский район,
Пермская область

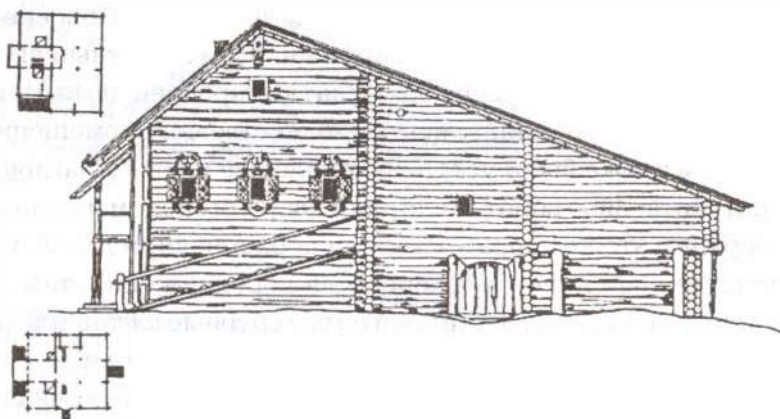

помещение дома (*подклет, подъизбица*) использовалось для содержания птицы, молодняка скота, хранения овощей, продуктов, утвари. Нередко подклет делали жилым. Непосредственно к жилым помещениям примыкал двухэтажный двор, перекрытый той же, обычно двухскатной крышей (*дом-двор*). В крытом дворе объединялись все хозяйственные помещения. В нижнем этаже были устроены рубленые хлевы и загородки для скота, двое ворот соединяли двор с огородом и гумном. На верхнем этаже двора — *повети* держали корм для скота, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, там же строились небольшие неотапливаемые срубные *клетки* или *горенки*, в которых хранилось домашнее имущество семьи, а летом жили семейные пары. В верхний ярус вел настил-помост из бревен (*взвоз, взъезд*) для проезда лошади с телегой. У зажиточных крестьян дворы строились из лучшего материала, они были большие и благоустроенные.

Северная деревня (Пермская обл.)

На фасаде высоких рубленых изб в северных селениях прорубалось несколько окон; постройку оживляло крыльцо при входе в дом, балкон на рубленном фронтоне и галерея, нередко опо-

Передний фасад и план северного дома (дом-двор). Архангельская губерния, XIX в.

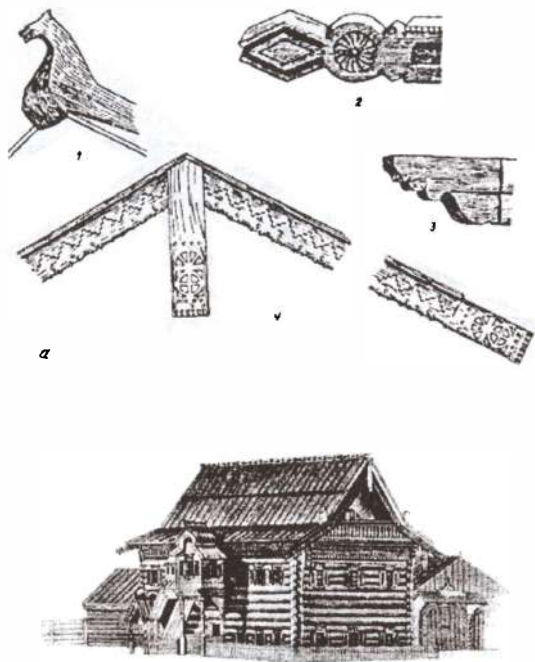
ясывающая дом на уровне окон. Архитектурный облик северной избы необычайно красив и живописен. Плоские дощатые поверхности стен и кровли украшались изящной плоской геометрической резьбой или прорезью, расписывались красками. Округлые концы выступающих слег и бревен кровли (*охлупня, куриц, повалов, водопусков* и др.) обрабатывались в пластичные скульптурные формы животных, птиц и разнообразных геометрических фигур.

Деревянный настил
на деревенской улице
(Русский Север,
начало XX в.)

В условиях суровой природы Севера, в окружении дремучих лесов и бескрайних просторов в течение столетий, создавались простые и строгие по форме высокохудожественные памятники сельской архитектуры, составляющие вместе с природными пейзажами неповторимые по красоте ансамбли. Высокое мастерство в оформлении северного крестьянского жилища явилось продолжением и развитием древних художественных традиций, наиболее полно выраженных в северной церковной архитектуре, в резьбе и росписи домашней утвари, в вышивке и в кружевных изделиях. В среде крестьянского населения северных губерний сравнительно рано развиваются различные ремесла и промыслы, среди которых большое экономическое значение в крестьянском хозяйстве с давних пор имел плотничный промысел. Специализация последнего особенно сильно была развита в Олонецкой губернии. Этому способствовало слабое развитие на севере крепостного права, более благоприятное экономическое

положение черносошных крестьян. Многие уезды Архангельской и Вологодской губерний в XVII—XVIII вв. были удалены от важнейших путей сообщения и крупных городов, благодаря чему в крестьянском строительстве этих губерний дольше сохранились древние художественные и строительные традиции.

Конструктивно-архитектурные детали северного жилища:

а) украшение скульптурной и плоской резьбой домов в Вологодской губернии, XIX в.:

1 — скульптурная обработка отлупня.

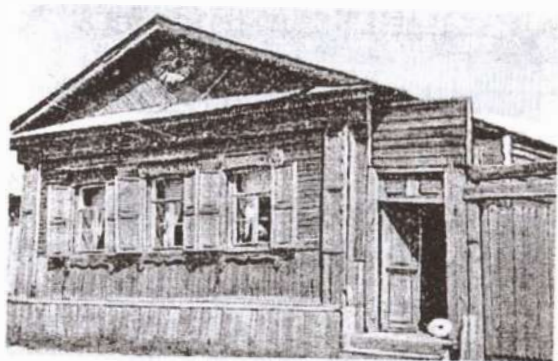
2 — скульптурная обработка потоков,

3 — скульптурная обработка вытусков верхних бревен, 4 — плоская резьба на причелинах и на полотенце, б) архи-

тектурный облик дома из Вологодской губернии, XIX в.

Сравнительно ниже и меньше по своим размерам строилось крестьянское жилище в Верхнем и Среднем Поволжье, в Московской губернии, в южной части Новгородской и Вятской губерний, в северных уездах Рязанской. В северных районах этой зоны перерубы для пола врубались в четвертый-седьмой венец, в Среднем Поволжье, на юге Московской губернии преобладал низкий подклет: перерубы для пола врубались во второй-четвертый венец. Непосредственно к дому, сзади или сбоку его,

Сельские дома
в среднерусских
районах. Двухрядная
и покоеобразная
дворовая застройка:
а) в Нижегородской
области,
б) в Самарской области

по типу однорядной или двухрядной связи, пристраивался крытый двор, но он был ниже дома и состоял из одного этажа. Во дворе — теплые срубы для зимнего содержания скота — конюшни для лошадей, *мишаники* для овец и свиней, хлевы для коров. Часть двора разделялась загородками на стойла для летнего содержания скота. Под крышей в подстропильные бревна врубались жерди, на них — доски, получалось нечто вроде повети северного двора (*сушила, полати*) для хранения сена. Во дворе ближе к сенам выделялось место для производства разных хозяйственных работ — починки упряжи, сбури, телег, инвентаря, для плотничьих и слесарных работ. Иногда тут же строили сруб для ремесленной мастерской, в конце двора могла быть *скотная* избушка для приготовления корма скоту, для содержания молодняка и пр.

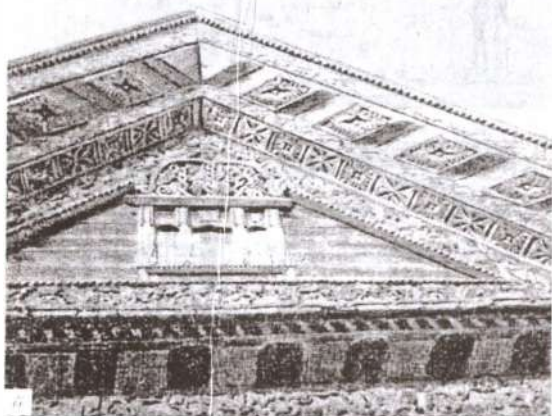
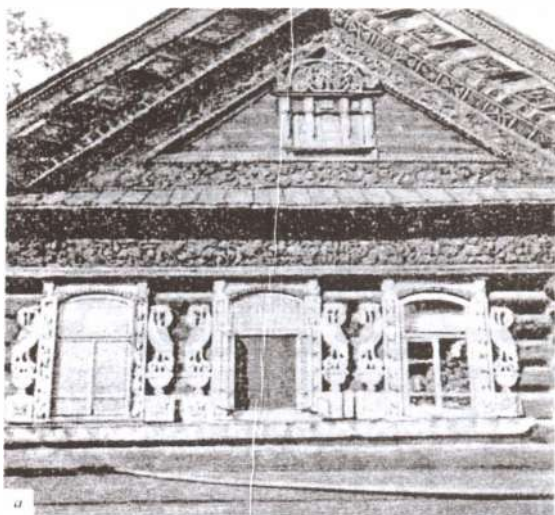

Сельские дома
в среднерусских
районах. Двухрядная
и покоеобразная
дворовая застройка:
в) в Московской обла-
сти,
Двухрядная дворовая
застройка.
г) во Владимирской об-
ласти,
д) в Пермской области

Как и в северных хоромах, изба через сени сообщалась с помещениями двора, ворота (или двое ворот) прорубались в стене крытого двора. За двором обычно были огород и сад, здесь же часто ставили рубленый амбар для зерна. Иногда амбары выносились на середину улицы перед домами или за деревню. За огородом или садом шли сараи для сена, на некотором расстоянии от них начиналось гумно с овином или ригой, где сушили и обмолачивали зерновые снопы. Тут же были *мякинницы* (*сеницы, половни*) для мякины, колоса и соломы. На усадьбе или у реки, на окраине деревни, стояли бани. В некоторых районах Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской, Московской

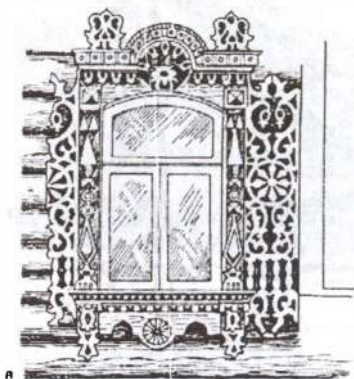
Архитектурные
украшения жилища
начала XX в.:

*а, б) — рельефная резьба
поволжских изб (Ниже-
городская губерния)*

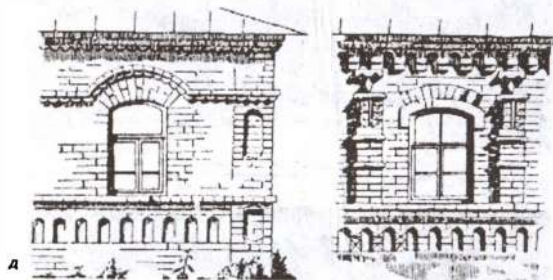
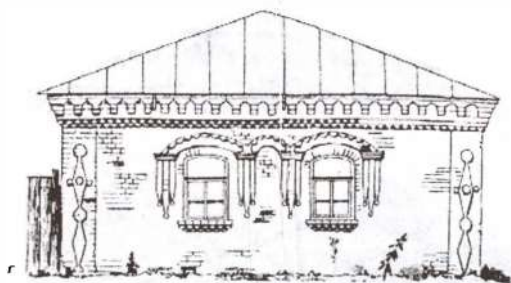
губерний бань не было или они встречались редко, здесь крестьяне мылись в русской печи (Русские. 1967. Карта 35).

Дома ставили преимущественно перпендикулярно к улице, на переднем фасаде прорубали два, три и более окон. Двухскатную крышу покрывали драницами, тесом, соломой. Для архитектурного облика среднерусских изб характерно богатство, разнообразие украшений, особенно получивших большое развитие

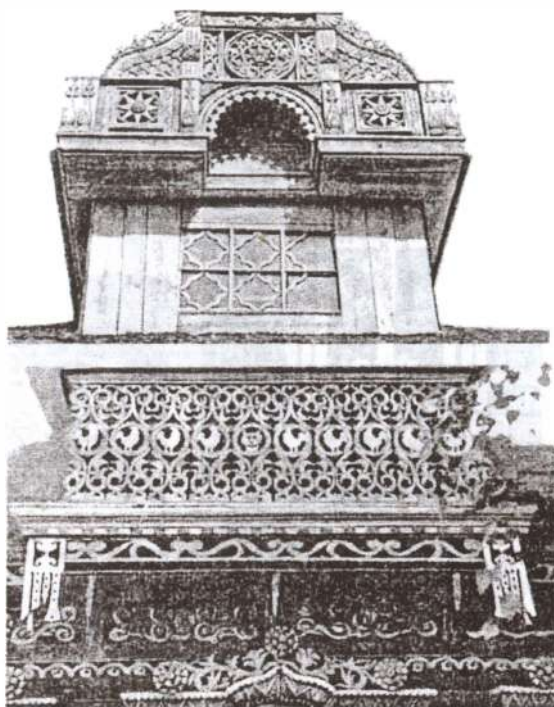
Архитектурные
украшения жилища
начала XX в.:

*в) пропильная резьба на
наличниках окон (Мос-
ковская губерния),
г, д) — украшение кирпи-
чных изб рельефны-
ми профилированными
узорами (Тамбовская
губерния)*

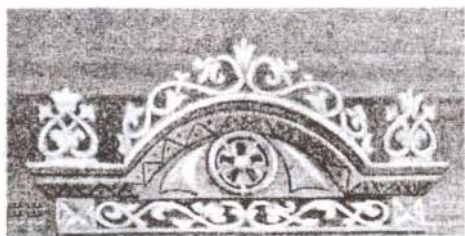
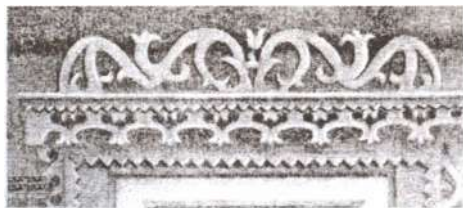
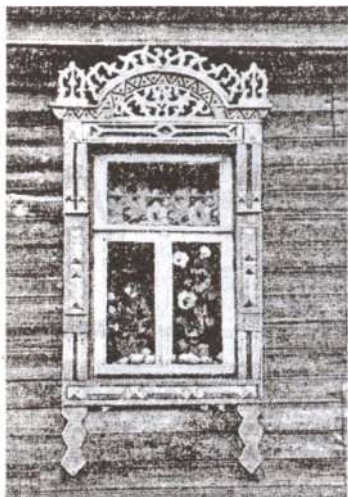

в XIX в. Скульптурной резьбой здесь также обрабатывалась кровля, особенно интересно украшение крестьянских изб Верхнего Поволжья скульптурными коньками, обращенными мордами в разные стороны. На наличники окон, карнизы наносилась плоская трехгранно-выемчатая резьба. В районах, прилегающих к Волге, примерно с 40-х годов XIX в. широко распространилась более сложная резьба с высоким рельефом и сочным растительным

Пропильная резьба
на светелках
и наличниках окон
в домах Ярославской
губернии
начала XX в.

узором рисунка (*корабельная резьба, глухая или долотная резьба*). Развитие богатых художественных и разнообразных архитектурных форм крестьянского жилища в центральных нечерноземных районах России объясняется историческими и экономическими причинами. Эти районы были наиболее развиты в экономическом отношении, основная их территория издавна находилась в центре торговых путей, была связана с Волгой и столичными городами. Преобладающая с XVIII в. оброчная система крепостных повинностей, значительный процент государственных и удельных крестьян стимулировали сравнительно раннее развитие товарно-денежных отношений в среде крестьянского населения и распространение ремесел и промыслов. Древние традиции и высокую специализацию имел в крае плотничный промысел. Старая художественная традиция резьбы в крае, связанная с искусством мастеров Оружейной палаты,

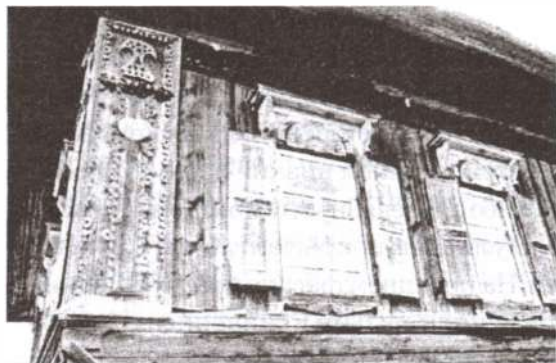

Пропильная резьба на светелках и наличниках окон
в домах Ярославской губернии начала XX в.

с одной стороны, специализация плотничества, появление денег в крестьянском хозяйстве, следовательно, возможность оплаты труда специалистов плотников-резчиков, с другой, имели влияние на развитие крестьянского жилища.

В пореформенную эпоху увеличивается число плотников, растут заказы на затейливые резные узоры. Это приводит к необходимости ускорить и упростить труд резчика-строителя, усовершенствовать его инструменты. В конце XIX в. трудоемкая рельефная и плоская резьба заменяется более легкой по технике пропильной резьбой, выполняемой лобзиком. Наибольшее развитие пропильная резьба получила в селах и городах средней полосы России, где ею украшали значительную площадь переднего фасада избы. Распространяется и раскраска резных украшений, а в Поволжье — роспись фасадов сельских домов (Чижикова, 1970).

В южных черноземных губерниях — Калужской, Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, в южных уездах Рязанской и Пензенской, в лесостепной и степной полосе со

Резьба на наличниках окон и воротах усадеб XX в.:

а) *треугольно-выемчатая резьба* (д. Темная Чусовского р-на Пермской обл.);

а

б, в) *накладная резьба* (села Ильинское и Копально в Северном Приуралье).

б

в

сравнительно теплым климатом, в условиях развитого земледельческого хозяйства, с распространенной барщинной системой феодальных повинностей и слабого развития специализированного плотничьего промысла, строили небольшие рубленые, нередко обмазанные снаружи глиной низкие избы (*хаты*) без подклета, с глинобитным, либо с деревянным полом. Дома ставились длинной стороной вдоль улицы и покрывались четырехскатной соломенной крышей. На переднем фасаде прорубались одно или три окна, реже применяли резьбу и живопись (Чижикова, 1988. С. 71—116).

В пореформенное время, по мере оскудения лесов, вместе с развитием массового отходничества и товарно-денежных отношений в крестьянских хозяйствах, во многих русских черноземных губерниях, бедных лесом, крестьяне стали применять в строительстве кирпич. В конце XIX — начале XX в. жилые дома из обожженного кирпича строили преимущественно в Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, частично в Пензенской и Самарской губерниях. В остальных русских районах кирпичные дома были редким явлением, их возводили только богатые крестьяне.

Для юга России характерен *открытый* тип двора. В его состав входила значительная площадь, не занятая постройками, не покрытая крышей. Дворовые постройки были расположены за домом, они обычно шли по периметру двора и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. Количество дворовых построек, а также в известной мере и планировка двора зависели от степени зажиточности крестьянской семьи. Те, кто был побогаче, сараи ставили кругом двора, менее состоятельные застраивали только одну или две стороны двора. В зажиточных хозяйствах двор иногда разделяли на передний, более чистый, где около дома размещали пуньки, амбары, погреб, сараи и навесы для повозок, орудий, и задний (*подворок*), где содержали скот в *закутах* (хлевах) и *варках* (загонах) (АРГО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 15).

В южной части степной зоны был распространен открытый незамкнутый двор с более свободным расположением хозяйственных построек. Здесь, как и в замкнутом типе двора, ближе к дому, и к улице, группировались более «чистые» хозяйственные постройки, а в задней части двора размещались сараи и загоны для скота. Как и повсюду, на значительном расстоянии от дома, в конце огорода устраивали гумно (*огуменник*), где был открытый ток для молотбы зерна и сараи для хранения снопов, его обмолота и просушки. Распространена была *клуня* — большой сарай, служивший для хранения снопового хлеба, мякины, половы и обмолота хлеба в плохую погоду. Баня как отдельная постройка, типичная для северных и среднерусских губерний России, не характерна для южных черноземных губерний. Здесь мылись дома в корыте, ушате, летом — на речке.

Резкий контраст низкому южнорусскому жилищу представляли жилые постройки зажиточного низового донского казачества. Уже в середине XIX в. здесь были распространены двухэтажные многокомнатные на высоком подклете дома. Они рубились из четырехгранных брусьев, обшивались снаружи тесом, и покрывались четырехскатными железными или тесовыми крышами. Для казачьих домов было характерно большое число окон с филенчатыми ставнями, открытые галереи, опоясывающие дом, крыльцо, балконы, террасы, украшенные пропиленной резьбой и придающие постройкам южный колорит. Возникновение типа многокомнатного казачьего дома с разнообразными архитектурными деталями объясняется прежде всего особым привилегированным положением казачества (размеры их земельных наделов в несколько раз превышали крестьянские) и ранним развитием в его среде товарно-денежных отношений. В тех же станицах большая часть иногороднего населения и бедные слои казачества жили в небольших продолговатых глинобитных и турлучных (каркасных) домах под четырехскатными соломенными и камышовыми крышами. В казачьих поселениях, как и в других степных районах, бытовал открытый двор.

У кубанского и терского казачества и у крестьян Ставрополя в середине XIX в. преобладали постройки, напоминающие низкие украинские хаты — глинобитные и каркасные, обмазанные глиной, побеленные снаружи, продолговатые в плане, без подклета, с глинобитным полом, под четырехскатной соломенной или камышовой крышей. Подобный тип жилища, занесенный на Кубань в конце XVIII — начале XIX в. в процессе заселения этой территории выходцами с Украины оказал огромное влияние на все строительство Кубани, Терека и Ставрополя (Кубанские станицы. С. 103—120).

Разнообразным было и сельское жилище русских на огромных пространствах Западной и Восточной Сибири. Оно определялось неодинаковыми природными условиями Сибири, этническими традициями русских переселенцев, многообразием форм культуры местных сибирских народов, с которыми вступали в контакты русские переселенцы. Дома русских старожилов, выходцев из Европейского Севера, Приуралья, поселившихся в таежной земледельческой полосе Западной и Восточной Сибири, строились в традициях севернорусского жилища. Обширные по площади срубные дома, состоявшие из нескольких жилых и хозяйственных помещений, возводили на высоком подклете. В селах по проезжим трактам было много двухэтажных домов с высоким крыльцом и верандой на втором этаже, крыша — двухскатная и четырехскатная тесовая (Этнография русского крестьянства Сибири. С. 120—127). Наличники, ставни окон, карнизы, охлупень на крыше, опорные столпы ворот украшали долбленой, пропиленной резьбой, ставни окон, печь и стены нередко расписывали красками, особенно распространенным это было в Забайкалье и на Алтае.

Обилие леса, развитое животноводство стимулировали строительство больших усадебных комплексов с многочисленными хозяйственными постройками. В Тобольской, Томской, Енисейской губерниях, южной части Иркутской губернии, в Забайкалье и Якутии были распространены замкнутые двory, обнесенные высоким срубным или столбовым забором и

обставленные по периметру хозяйственными службами. Мощные хозяйственные постройки часто стояли по обе стороны дома, защищая его от ветра и непогоды. Двор нередко разделяли на две чисти: *чистый двор*, или *ограду*, — и задний *скотный двор*, или *пригон*. В зависимости от расположения ограды и пригона относительно дома и улицы, исследователи выделяют несколько подтипов и вариантов замкнутого двора (Липинская, 1975).

Типы домов в южно-
русских районах
конца XIX – начала
XX вв.:

а, б) в Белгородской
области

В строительной практике лесостепной и степной зон Сибири совмещались русские традиции различных физико-географических и этнических зон Европейской России. Поскольку на юге Сибири, наряду с русскими старожилами, проживали и более поздние российские переселенцы, выходцы из южных и среднерусских районов, а также из Украины, со второй половины XIX в усиливается южнорусское и украинское влияние. В селениях старожилов господствовало жилище севернорусского типа, характерное для таежной зоны Сибири. У переселенцев распро-

Типы домов в южно-
русских районах
конца XIX – начала
XX вв.:

в) в Пензенской
области, г) в Курской
области.

странялись постройки, типичные для степных регионов России. Их дома были меньше и ниже чем у старожилов, стены возводили из мелкого неровного леса, плетня, глиносоломенной смеси, самана, их обмазывали глиной и белили, крыши крыли тесом или соломой, двор — с замкнутым или свободным расположением построек. Социальная неоднородность населения усиливалась с постоянным притоком переселенцев и сказывалась на количестве и качестве усадебных построек (*Липинская*, 1987. С. 70—87).

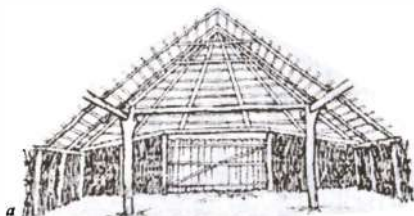
Малочисленное русское население, освоившее еще в XVII в. северные тундровые районы Заполярья, Приморья (оно занималось охотой, рыбной ловлей, обслуживанием почтовых трактов и другими промыслами), приспособившись к условиям сурового климата, частично заимствовало строительные навыки аборигенных народов. В целях сохранения тепла избы строили низкими, иногда углубленными в землю, стены рубили из бревен, строительным материалом служили плавник (стволы деревьев,

разбитые баржи) и низкорослые деревья. Стены и плоскую крышу утепляли землей, снегом, двери обивали звериными шкурами или войлоком, в окна вставляли летом рыбий пузырь, зимой — пластины льда. Жилье отапливали русской печью, а чаще *чувалом* — очагом, огонь в последнем поддерживался постоянно.

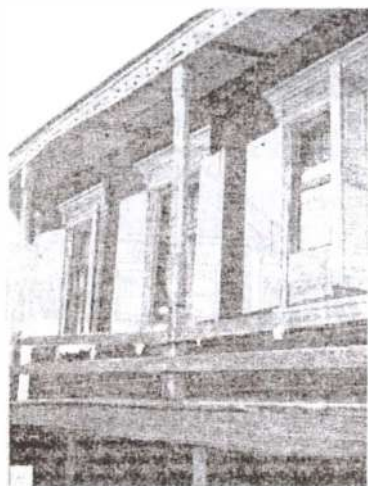

Хозяйственные
постройки:

а) клуня (вид снаружи и изнутри), Курская область, б) кирпичный амбар (с. Вирятино, Тамбовская область)

Для хозяйственного уклада русских сибиряков характерно использование различных типов временного жилища, многие из которых были заимствованы у коренных народов Сибири. В земледельческой полосе Сибири, на удаленных от селений пашнях, строили так называемые *пашенные* избушки, в которые переезжала жить семья на время полевых работ. Это были обычные

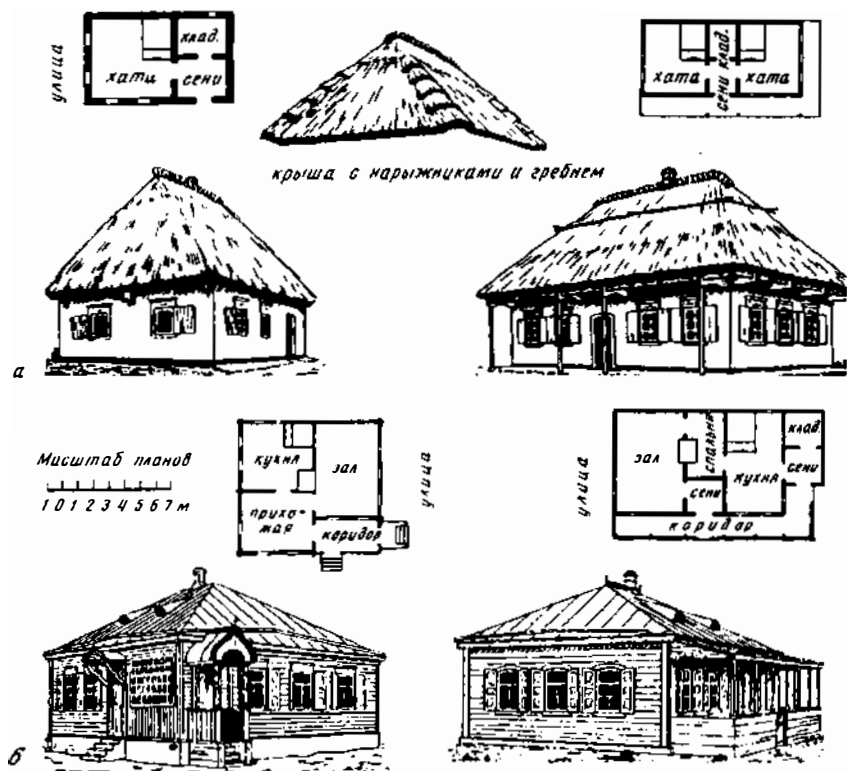

Дома низового
донского казачества
XIX в. в станице
Старочеркасской,
Ростовская область:
а) внешний вид дома,
б) фрагмент галереи,
опоясывающей дом

избы или небольшие срубы под плоской или односкатной крышей. Около избышек возводили хозяйственные постройки. На охотничьих и рыбных промыслах ставили *станки* — срубные постройки с плоскими крышами, с печами без труб или чувалами с дымовыми отверстиями над дверью, закрывающимися деревянной задвижкой. Около промысловых избышек обычно устраивали *лабаз* в виде небольшого сруба или ящика, поднятого над землей на столбах. В лабазах хранили продукты и охотничью добычу. На сенокосных угодьях, рыболовных промыслах сооружались и легкие каркасные постройки, более характерные для коренных народов Сибири (Бломквист, 1956. С. 243—244; Этнография русского крестьянства Сибири. С. 119—120). Таким образом, в

жилищных комплексах русского населения Сибири XIX — начала XX в. не только сохранялись основные черты русского народного зодчества, но одновременно развивались и совершенствовались многие строительные навыки, рациональные в новых природных и хозяйственных условиях.

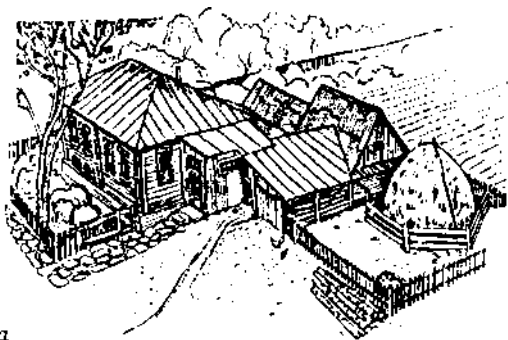
Жилище русского населения Средней Азии и Казахстана формировалось сравнительно поздно, в процессе заселения этого региона переселенцами преимущественно из южнорусской черноземной зоны и с Украины. В жилищах русских новосе-

Дома кубанского казачества XIX — начала XX в.:

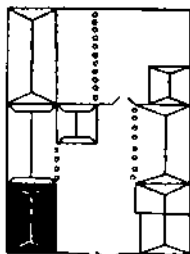
а) двухкамерный дом в станице Удобной, трехкамерный дом в г. Кореновске, б) круглые многокомнатные дома в станицах Кирпильской и Медведовской Краснодарского края

лов преобладали и постепенно синтезировались южнорусские и украинские строительные традиции, что было связано со смешанным русско-украинским расселением, с тесным этнокультурным взаимодействием. Это отразилось и в самосознании русских и украинцев, и те, и другие в начале XX в. уже считали себя *российскими*. Жилище русских переселенцев различалось в зависимости от географического расположения русских поселений по территории Средней Азии и Казахстана. В районах, богатых лесом, в горных долинах Восточного Казахстана, заселенных в конце XVII — начале XVIII в. старообрядцами (бухтарминцами), получило распространение жилище севернорусского типа (*Бломквист, 1930*). В степных районах Восточного Казахстана возводили срубные дома, но покрывали их в соответствии с местными азиатскими традициями плоской земляной кровлей. В русских селах Прииссыккулья переселенцы первоначально сооружали глинобитные и саманные дома с земляной кровлей, но после землетрясения 1910 г. стали строить

Усадебные комплексы:
 а) хоромная застройка (Алтайский край),
 б) план замкнутого двучастного двора с оградой и пригоном

а

б

а

Старинные сибирские
дома XIX в.:

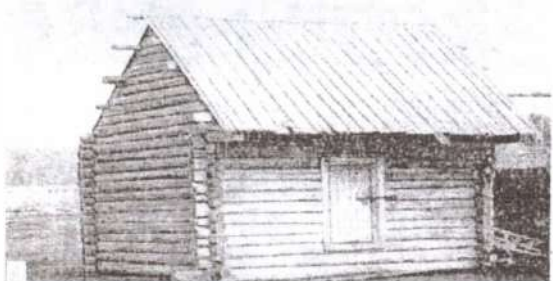
а) пятистенный дом
(Алтайский край),
б) двухэтажный дом
крестовой связи (Кур-
ганская область)

б

рубленые дома из горбылей или пластин, снаружи стены обмазывали глиной и белили.

В безлесных степных районах Средней Азии и Казахстана срубные дома были доступны лишь наиболее богатым. Здесь преобладали жилища, построенные из дерна и самана, в конце XIX — начале XX в. возрастает количество глинобитных домов. В Кустанайской области Казахстана, где довольно много озер, часто возводились каркасно-камышитовые стены. Каркасные постройки бытовали и в русских селах Узбекистана. Конструкция крыши и кровельные материалы варьировали в зависимости от климата, наличия кровельных материалов, плана дома. В русских селах засушливых районов Туркмении, Узбекистана, Казахстана преобладали плоские, односкатные и двухскатные с небольшим наклоном перекрытия, которые крыли глиной, землей, камышом. В Южном Казахстане и некоторых районах Узбекистана преобладали четырехскатные крыши с большими свесами,

Хозяйственные
постройки начала
XX в. в Алтайском
крае:

а) амбар, б) баня,
в) стойка для скота

поддерживаемыми деревянными столбиками, образующими галерею. Дома с галереей были характерны для восточных и западных районов Украины, и, возможно, были занесены сюда переселенцами-украинцами.

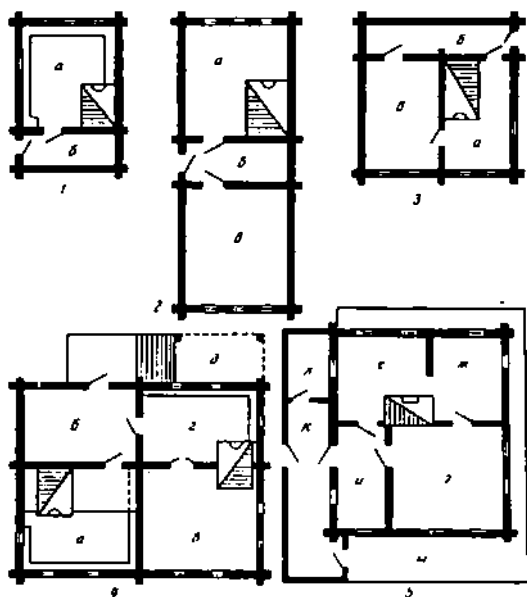
В земледельческих русских селениях Средней Азии и Казахстана вплоть до настоящего времени преобладает открытый двор, по его периметру располагаются дом, обычно выходящий торцовым фасадом на улицу, и хозяйственные постройки: амбар, погреб, сараи, навесы, хлевы, ближе к дому почти повсюду есть летняя печь или летняя кухня, навес для сушки овощей и фруктов, стол для обеда в летнее время. На севере Казахстана, где часто бывают бураны, сильные ветры, бытовал двор закрытого

типа, его пристраивали вплотную сбоку дома, перекрывали двухскатной крышей, под которой размещали все хозяйственные постройки (Станюкович, 1969).

Планировка дома

На всей территории расселения русских в XVIII—XIX вв. были распространены двухкамерные и трехкамерные дома, состоявшие из двух или трех основных частей — избы (хаты), сеней и клетки или второй жилой избы, связанных друг с другом в единое целое под общей крышей. Основной частью жилого дома была отапливаемая изба, в южнорусских губерниях, на Кубани ее называли и называют хатой. Клеть (*горница*, *сельник*) — неотапливаемое помещение служила летним жильем или кладовой. Здесь висела праздничная одежда, стояли коробы и сундуки с холстами и одеждой, кадки с крупой, маслом, яйцами, на полках и лавках хранились льняная пряжа, трепанный лен, веретена, прялки, посуда и прочая домашняя утварь. У бедных хозяев в клетке были и *сусеки* для зерна и муки. Под клетью, там, где пол был приподнят над землей, держали корыта, кадки, зерно, муку и пр. Клеть обычно соединялась с избой посредством сеней, но могла стоять и отдельно от дома. Сени (*сени*, *сенцы*) в восточнославянском жилище, в отличие от построек народов Западной Европы, были неотапливаемым хозяйственным помещением. В сенях обычно стояла лавка с ведрами и подойниками, нередко досчатая кровать или нары, на которых летом спали, а зимой клали ступы, в которых женщины толкли льняные или конопляные мочки, хранилась и другая домашняя утварь. На стенах висела конская упряжь, рабочая одежда, ближе к потолку или кровле (во многих районах южнорусских губерний сени потолка не имели) прикрепляли коромысла, серпы, косы, грабли и пр.

Большое влияние на развитие крестьянского жилища имели состав и численность крестьянской семьи. Поскольку в XVIII — первой половине XIX в. у русских сравнительно широко бытовали большие семьи, нередко состоявшие из 15—20 и более

Схемы внутреннего плана жилища конца XIX — начала XX в.:

1 — двухкамерный дом, 2 — трехкамерный дом, 3 — пятистенок, 4 — крестовик, 5 — многокомнатный дом: а) изба, б) сени, в) горница, г) прихожая, д) крыльцо, е) кухня, ж) спальня, з) зал, и) прихожая, к) коридор, л) чулан, м) галерея

человек, на одной крестьянской усадьбе зажиточные семьи нередко имели несколько жилых изб. Часто строили *избы-двойни* — два сруба, пристроенные вплотную друг к другу, встречались также *крестовики* — срубы, разделенные крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения.

В конце XIX — начале XX в. под воздействием развивавшихся в деревне капиталистических отношений и городского влияния в зоне бытования срубного жилища заметна тенденция к расширению жилой площади крестьянского дома путем пристройки прирубов и дополнительных срубов, распространяются пятистенки. Зажиточные крестьяне строили крестовики и большие многокомнатные дома городского типа, которые встречались на Севере, в Верхнем Поволжье, в Западной Сибири. Развитые формы жилища особенно распространяются в районах расселения казачьих войск. Большие многокомнатные, квадратные в плане, так называемые *круглые* дома известные еще в середине XIX в. у низового донского казачества, в конце XIX в. их строили по всему Дону, в восточных районах Кубани, в ряде

станци Терского, Уральского казачества, в также в Сибирских казачьих войсках (Македонов. С. 50).

В конце XIX — начале XX в. расширение жилой площади достигалось и путем вертикального членения дома. В богатых крестьянских хозяйствах Русского Севера и Поволжья, Юго-Западной Сибири и Забайкалья, в станицах низового донского казачества возводились большие двухэтажные дома.

Планировка жилого помещения

Основной частью крестьянского жилища была изба (хата), где проходила домашняя жизнь крестьянской семьи. В XVIII — первой половине XIX в. изба не имела внутренних перегородок. С давних пор установились строгие традиции использования внутреннего пространства избы, которые, при наличии общих черт, имели различия в отдельных областях русской территории, являясь важным этническим признаком населения отдельных этнографических групп. Каждый угол, каждое место в избе имели свое определенное назначение, помогая более рационально использовать сравнительно небольшую площадь избы. Средние размеры избы были 4 × 4 м — 5,5 × 6,5 м. Избы богатых крестьян достигали 8 × 9 м, 9 × 10 м. Мебель изготовлялась одновременно с постройкой дома и большей частью плотно крепилась к стенам. Примерно четвертую-пятую часть избы занимала духовая печь, широко известная как *русская*. Такие большие размеры печи практически были обусловлены той важной ролью, которую играла русская печь в жизни крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись (в центральных Приволжских районах), печью обогревали помещение, на печи спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур.

Русская печь является характерной особенностью жилища всехвосточных славян, хотя она известна также у поляков, словаков, чехов. Это отличало жилище восточных славян от построек народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, Центральной Европы, где господствовали печи типа очага, камина, голландки и др. У рус-

ских вплоть до середины, а в иных районах и до конца XIX в., также как и в предшествующие столетия, преобладали глинобитные печи, топившиеся *по-черному* (*курные избы*), т.е. печь не имела вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь или специальное отверстие в стене. Замена курных печей *белыми* с трубой, выведенной через потолок хаты на чердак и на улицу, происходила неравномерно в отдельных районах и зависела от ряда причин (развитие товарно-денежных отношений, близость и влияние города, экономический уровень крестьянского хозяйства и др.). В Сибири уже в конце XVIII — начале XIX в. черные печи активно заменялись белыми.

По диагонали от печи всегда был расположен передний угол (*большой, святой, красный*). Подобное соотношение печи и переднего угла — одна из характерных черт жилища русских, а также украинцев и белорусов. В переднем углу стоял обеденный стол, висел *киот* (*божница*) с полками для икон. Кроме того, иконы могли висеть и на прилегающих к переднему углу стенах. В праздник, а нередко и в будни эту часть избы украшали ткаными и вышитыми полотенцами, лубочными картинками, позднее литографиями, искусственными цветами. Передний угол считался самым почетным в избе. Здесь, кроме ежедневных трапез, совершались праздничные свадебные церемонии, проводы рекрута, крестины и похоронные обряды. Под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники, во время свадьбы — новобрачные. Постенам, примыкающим к переднему углу избы (хаты), шли плотно прикрепленные к ним лавки. Параллельно лавкам, выше окон, делались полки (*полавошники*) — на них складывали шапки, кушаки, нитки, пряжу, прялки, приспособления для выделки лаптей, ножи, ножницы, шило и другие предметы домашнего обихода.

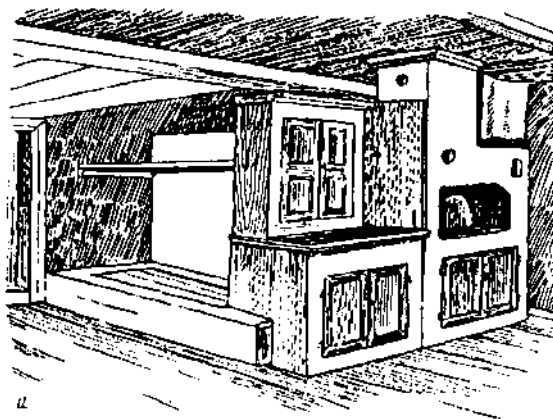
В зависимости от положения печи и переднего угла, а также от направления устья печи, в русском жилище выделяются четыре типа внутреннего плана избы (хаты): северно-среднерусский, западнорусский (также украинско-белорусский), восточный южнорусский и западный южнорусский. Северно-

среднерусский план избы характерен для северных и среднерусских нечерноземных губерний Европейской части России, для большей части Сибири, встречался в отдельных районах поздней колонизации, например, в Суджанском и Обоянском уездах Курской губернии, в Медведицком, Усть-Хоперском округах области Войска Донского, в Пятигорском округе Терской области, у русского населения Восточного Казахстана и частично Киргизии. Русская печь расположена направо или налево от входа в одном из задних углов избы, устьем повернута к передней стене избы. В передней части избы по диагонали от печи — передний угол.

Пространство избы от устья печи до передней стены (*упечь, середка, чулан, куть*) служило женской половиной. Здесь происходило приготовление пищи, и были все принадлежности для стряпни. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом или дощатой перегородкой. В чулане по боковой стене избы от печи до фасадных окон проходила высокая лавка, называемая *судной* или *залавком*. Под ней был шкафчик — *судница* или *залавошник*, в нем хранилась кухонная посуда и съестные припасы. Над судницей вешались полки, на которых стояли чашки, миски, сковороды, ложки, ножи и т.д. Еще выше на *поллице* была различная кухонная утварь: опарницы, решето, сито, кринки, корытце с тяпкой, ступа с пестиком, подойник и пр. На полу под передней лавкой стояли ведра, чугуны, деревянные кадки. К печному столбу прикреплялся шкафчик для чайной посуды. Иногда вместо него ставили большой шкаф, в котором вверху держали чайную посуду, внизу — белье.

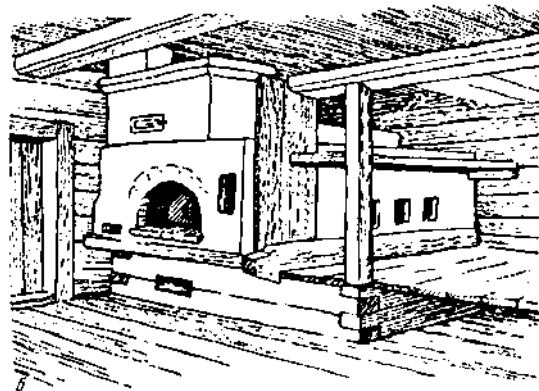
В задней части избы, от печи до боковой стены, укрепляли под потолком деревянный настил — *полати*, а сбоку печи во всю его длину пристраивали из досок ящик, в виде шкафа с дверцами (*голубец, казенка, каржина*), откуда лестница вела в подполье. От входной двери до боковой стены была устроена широкая лавка, забранная с боков досками — *коник (кутник)*, боковая доска ее нередко вырезалась сверху в форме конской головы. На конике мужчины занимались хозяйственными работами, поэтому эта

лавка считалась мужской. Резьба в виде конской головы, завитков или розеток часто украшала и другие детали интерьера избы. Во многих северных селениях, а также на Алтае, в Сибири двери, печь, голбец, полаты, а иногда и стены расписывались красками. Вся задняя часть избы под полатами (*куть*, *подпорожье*) считалась прихожей. Зимой в трескучие морозы в ней держали мелкий домашний скот. Между обеденным столом и полатами обычно ставили ткацкий стан, в больших семьях в зимнее время все свободное пространство избы загромождалось двумя, а порой и четырьмя станами. На *долгой* лавке, идущей по боковой стене, женщины ткали, пряли, шили. Тут же или ближе к передним окнам на гибком шесте, закрепленном в потолке,

Интерьер изб конца XIX — начала XX в.:

а) изба северно-среднерусского плана, б) изба западнорусского плана

висела детская люлька. В большинстве изб в XIX в. не было специальных кроватей, а члены семьи спали на полотах, лавках, печи, голбце, или просто на полу. Постельными принадлежностями служили: сено, солома, домотканые подстилки (*полости, дерюги*), иногда войлок, а также старая одежда.

Типы внутренней планировки изб (хат):

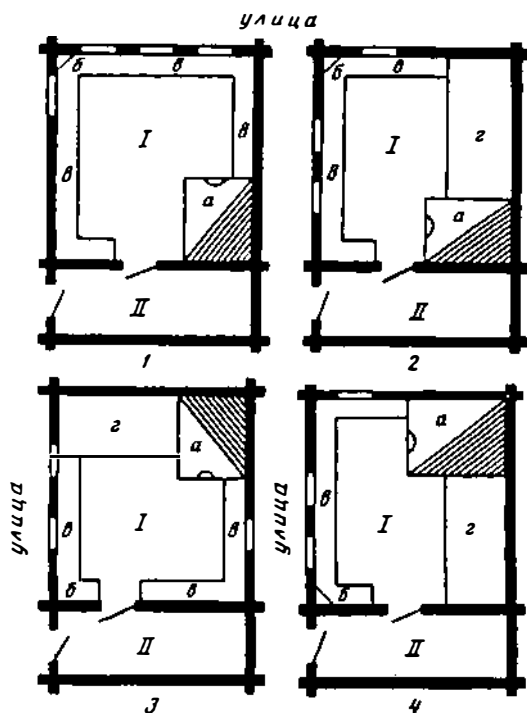
1 — северно-среднерусский план,
2 — западнорусский план,

3 — восточный южнорусский план,
4 — западный южнорусский план;

I изба:

а) русская печь,
б) передний угол,
в) лавки,
г) кровать, примост,
пол,

II — сени

Западнорусский (или украинско-белорусский) план избы (хаты) был распространен в Смоленской, Псковской, в юго-западных уездах Новгородской и Петербургской губерний, на юго-западе Курской и Воронежской губерний, в Кубанской и Терской областях, в старинных домах XVIII в. у донского казачества, в русских селениях северного и северо-западного Казахстана, частично Киргизии, у русских переселенцев в степных районах Алтая, а также на Украине, в Белоруссии, в Польше, в Молдавии, в восточных районах Прибалтики, в Карелии (Русские. 1967. Карта 26).

Положение печи в этих избах было таким же, как в вышеописанном типе плана, но устье ее было направлено к длинной боковой стене, т.е. находилось около входной двери. Направление устья меняло назначение и других частей жилого помещения. Передний угол в этом плане находился также, как и в предыдущем, в передней части избы, но угол, где происходило приготовление пищи, перемещался к двери. За боковой стеной печи, до передней торцевой стены, устраивался деревянный настил для сна (*пол, примост*). Над примостом делали полати. Недалеко от примоста обычно стоял сундук, к потолку подвешивалась люлька.

Иное положение печи и переднего угла было в южной Центрально-Черноземной полосе России, где жилая постройка ставилась к улице длинной стороной. Русская печь располагалась в дальнем от входа углу. По диагонали от печи, т.е. между дверью и передней длинной стеной, выходявшей на улицу, был расположен передний угол. В зависимости от того, куда было повернуто устье печи, выделяются восточный и западный южнорусский план хаты (избы). При восточном южнорусском плане устье печи повернуто к входной двери. Этот план хаты бытовал на территории Воронежской, Тамбовской, частично Пензенской, Рязанской, Тульской губерний, а также у соседних неславянских народов — коми и марийцев. В жилище с западным южнорусским планом устье печи направлено к длинной стене хаты, выходявшей на улицу. Это было характерно для построек Калужской, Орловской, Курской, западных районов Тульской и Рязанской губерний, а также для жилища мордвы — мокши (Русские. 1967. Карта 26; Этнография восточных славян. С. 239—241). От боковой стены печи до противоположной боковой стены хаты в западном южнорусском плане и до длинной передней стены в восточном южнорусском плане, устраивали дощатый настил для сна — пол, над которым в восточных районах были расположены полати. На улице в южнорусских хатах прорубалось одно или два окна, одно окно было в задней стене дома, выходявшей во двор.

Благоустройство крестьянского жилища было на низком уровне. Особенно тяжелые антисанитарные условия жизни были в крестьянском жилище Черноземной полосы с его земляными полами и тонкими стенами.

Значительно лучше жили зажиточные крестьяне. Сравнительно большая жилая площадь, косячатые окна, печь с трубой, благоустроенные дворы с утепленными хлевами в виде скотных изб и омшанников создавали более гигиенические условия. В селах Севера, Верхнего Поволжья, Сибири в крестьянских избах поддерживалась чистота, здесь полагалось каждую неделю мыть полы и лавки, а к большим праздникам — стены. Уже в XVIII в. отмечаются более благоприятные условия жизни в Ярославской губернии, где зажиточность крестьянства объяснялась развитием местных и отхожих промыслов. В этой губернии немало было богатых помещичьих селений, крестьяне строили просторные дома из кирпича. В помещичьих селах Ростовского уезда — в Поречье, Угодичах, Ворже, Сулости и др. строились кирпичные крестьянские дома в два или даже в три этажа (*Семевский*, 1882. С. 106, 107).

В конце XIX — начале XX в., с развитием в деревне товарно-денежных отношений и городского влияния, постепенно изменяется как планировка крестьянского жилища, так и обстановка избы (хаты). Особенно заметным это становится в промышленных районах. Единое прежде жилое помещение стали разгораживать занавесками и перегородками, отодвигать печь от стен и изменять ее традиционное положение. Широко распространяется керосиновое освещение. В обиходе более состоятельных крестьянских семей стала распространяться передвижная мебель: столы, стулья, кровати, шкафы, комоды, деревянные диваны и т.д. В сельских домах появились занавески на окнах и дверях, коврики, зеркала, фотографии и картины на стенах, скатерти на столах, комнатные цветы и прочая обстановка, распространенная в то время в среде городского мещанства.

Влияние городской и церковной архитектуры на сельскую в этот период прослеживается во всех элементах сельского жилого

дома: в его планировке, конструктивных особенностях, в убранстве жилых комнат. С другой стороны, крестьянское строительство всегда оказывало большое влияние на развитие как деревянной, так и каменной архитектуры господствующих классов.

Изменения в сельском жилом комплексе в 1920—1980-е годы

Большие изменения в сельском жилище русских произошли в советское время. Революция и войны значительно помешали стабилизации бытового уклада жизни. Жилищные условия крестьян постепенно улучшились лишь после окончания гражданской войны и перевода экономики страны на хозяйственное строительство. Национализация земли, участвовавшие семейные разделы, расширение свободы экономической деятельности крестьян в период нэпа стимулировали сельское жилищное строительство. В середине и второй половине 1920-х годов во многих селениях было построено и отремонтировано около 20—30% всех имеющихся домов (Соловьев К.А. С. 114).

В 1920-е годы происходило быстрое обновление жилого фонда без значительных изменений качества жилых построек. В те годы дома нередко строились по типу традиционных изб. Вместе с тем многие, и прежде всего экономически более крепкие семьи, стремились внести усовершенствования в свое жилище. В нечерноземных районах распространяется покрытие крыш дранкой, двухскатные крыши заменяются трехскатными с мезонином (или светелкой). В период нэпа, дома зажиточных крестьян были перекрыты железными крышами, под них подводились кирпичные фундаменты, стены обшивались тесом. Повсеместно распространяется строительство пятистенных домов, в которых все жилое помещение разделяется пятой капитальной стеной на две половины — кухню с русской печью и парадную половину (зал, горница). Изба (хата) в двухраздельном и трехраздельном доме нередко перегораживается на несколько комнат, увеличивается ее общая площадь. Традиционная русская печь

ставится в этих случаях более произвольно, иногда в середине избы; перегородками выделяется кухня около устья печи, иногда прихожая или столовая при входе в дом, спальня в передней части избы (Соловьев К. А.).

В богатых домах появляется городская мебель, хорошая посуда. Входят в быт занавески на окна, парадную комнату украшают живыми и искусственными цветами, фотографиями, стены оклеивают обоями. В первые годы коллективизации сельского хозяйства, когда происходило переустройство социальных основ крестьянского хозяйства, строительство общественных хозяйственных сооружений, на благоустройство сельского быта обращалось меньше внимания. Изменения в жилищном строительстве намечаются лишь во второй половине 1930-х годов, и преимущественно в экономически крепких колхозах.

Получает дальнейшее развитие наметившаяся в предыдущее десятилетие тенденция разделения одного жилого помещения перегородками на ряд комнат. Однако преобладающими пока еще остаются дома с выделением двух жилых помещений: кухни и зала (горницы). В жилых комнатах появляются городские предметы домашнего обихода: мебель, фабричная посуда, патефоны, швейные машины, фотографии, почетные грамоты на стенах. В крупных селениях, поблизости от фабрично-заводских центров, в рабочих поселках проводят радио и электричество. С коллективизацией сельского хозяйства, уменьшением роли индивидуального крестьянского хозяйства, с обобществлением скота и более крупных хозяйственных построек сокращаются размеры усадьбы и число дворовых по-

Современный интерьер избы
(Северное Приуралье,
1980-е гг.)

строек. Во дворах колхозников постепенно исчезают многие постройки для содержания скота, обмолота хлеба, хранения орудий, транспорта, утвари и пр. (конюшни, сенники, половники, риги, овины, клуны, повети), сокращается число хлебов, амбаров, сараев.

Жилищное строительство было прервано Великой Отечественной войной; возобновляется оно уже в послевоенные годы. В современном жилище, как одном из устойчивых компонентов материальной культуры, используемом в культурно-бытовой жизни нескольких поколений людей, наблюдается сравнительно длительное сохранение традиций, нередко сформировавшихся в далеком прошлом. В большей степени традиционность прослеживается в домах, построенных в первой половине XX в., но частично, передаваясь из поколения в поколение, в той или иной мере она проявляется (нередко в трансформированном виде) и в постройках, возводимых в последнее время. Как показывают этнографические исследования, в сельской местности довольно мало осталось домов, построенных в конце XIX — начале XX в. Во многих селах Нечерноземного центра России, где в последние десятилетия особенно интенсивно происходила миграция сельского населения в города, где мало строилось новых домов и главным образом на центральных колхозных усадьбах, значительную долю составляют дома, возведенные в 20-е годы.

В южных районах России, в Курской, Белгородской, Воронежской областях, в Краснодарском крае наибольший процент жилого фонда сел составляют дома, сооруженные в послевоенный период, особенно в 1950—1960-е годы. Многие южные селения, особенно бывшей фронтовой зоны, в те десятилетия были перестроены почти заново. В 70—80-е годы значительно возрастает число сельских домов, возводимых силами колхозов, совхозов (хозяйственным способом) и государственными строительными организациями (подрядным способом). В последние годы, в условиях рыночных реформ и ликвидации колхозов сельское жилищное строительство снова обрело индивидуальный характер. Снятие нормативных ограничений при строительстве, новые материалы и технологии, а также частные ресурсы селян

и их городских родственников оказали сильное влияние на масштабы и характер сельских жилищ, которые все больше обретают черты городского жилья с системой газового отопления и водоснабжения. Возрождаются элементы усадебных построек (арочные окна, веранды-террасы, выездные ворота и т.п.)

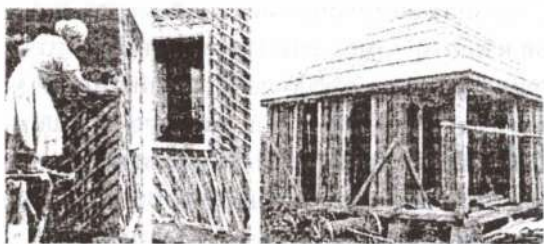
Сельское жилище русских, как и многих других народов страны, развивалось в 1460—1980-е годы в двух направлениях: продолжалось усовершенствование традиционного типа индивидуального дома; появился новый для сельской местности тип жилища — многоквартирные дома городского типа, сооружаемые из стандартных заводских деталей с применением индустриальных методов строительства. Типовые многоквартирные двухэтажные и трехэтажные дома строились во многих колхозах и особенно в совхозах, преимущественно в более богатых южных лесостепных и степных районах Российской Федерации. Но преобладающим типом сельского жилища во всех районах России остается одноквартирный дом, в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком. В условиях наметившейся современной тенденции создания крестьянских (фермерских) хозяйств, развития индивидуальной собственности на землю усадебный тип дома будет доминирующим и в будущем. Нововведения и усовершенствования наиболее ярко проявились в постройке типовых сборных домов на одну семью, а также в типовых одноквартирных домах, сооружаемых хозяйственным и подрядным способами.

По мере улучшения техники сельского строительства и роста культурных потребностей населения наметилась тенденция к стиранию прежних различий в высоте северного и южного жилища. Во многих районах Русского Севера в новых домах уже нет прежних высоких подклетов. На юге же, наоборот, дома строят значительно более высокими, чем прежде, пол приподнимают над землей на высоту фундамента из прочных материалов. Повсеместно исчезли характерные для южных построек глинобитные полы. На русской территории в наше время уже нельзя провести прежней границы распространения северной двухскатной и южной четырехскатной крыши, кроме того, повсюду появились

Конструкции стен домов 1950—1960-х годов

а) строительство срубного дома (с. Вирятино, Тамбовская область, 1956 г.), б) кладка стены саманного дома, изготовление самана (станция Старо-Мышастовская, Краснодарский край, 1959 г.), в) конструкция стены турлучного дома (станция Михайловская, 1960 г.), столбовая конструкция стены с вертикальной закладкой бревен (станция Ширванская, Краснодарский край, 1959 г.)

различные по форме и материалу крыши, но применяется традиционная стропильная конструкция, карнизы. Большинство домов покрывается прочными кровельными материалами (железом, шифером, черепицей), реже встречаются традиционные местные кровельные материалы — тес в лесных районах Русского Севера и Сибири, камыш на юге страны.

В современном жилищном строительстве почти не применяются старые планы жилого дома. Типичные для прошлого двухкамерные и трехкамерные дома, избы-двойни, северные двухэтажные дома сейчас встречаются редко, это преимущественно

Дома 1960—1980-х
годов:

*а) с. Новое Батурино,
Рязанская область,
б) станция Платниров-
ская, Краснодарский
край*

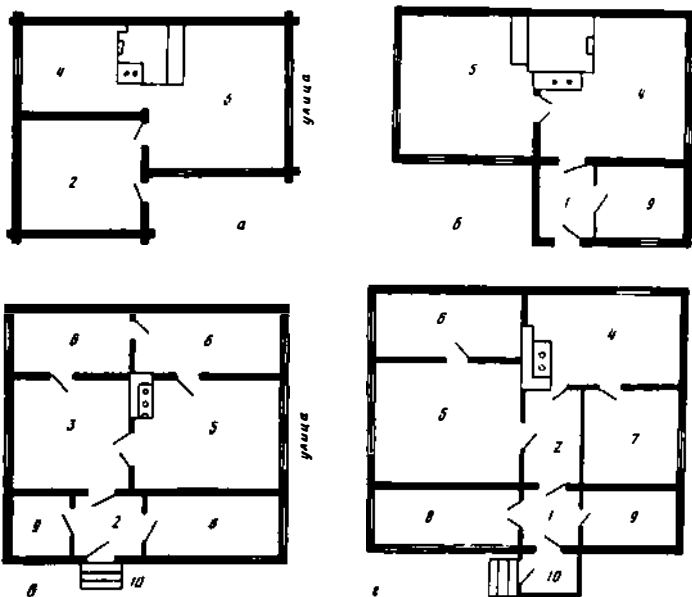
старые постройки, оставшиеся от начала XX в. Однако в современной планировке дома, в той или иной степени, прослеживаются и традиционные установки. В 50—70-е годы широкое распространение получили трех- и четырехкомнатные дома, развивавшиеся, по-видимому, на базе дальнейшего усовершенствования пятистенного дома, состоявшего из двух смежных, равных по ширине комнат. В районах срубного строительства распространены также дома с прирубами, крестовики, причем каждая половина сруба может разделяться на несколько комнат. В сложных многокомнатных домах, распространявшихся в 60—80-е годы, с теплым коридором типа городской передней, из которого ведут двери в разные комнаты, прослеживается прототип традиционного трехкамерного дома, каждая из камер которого разделена на две-три комнаты. С годами усиливалась вариативность и усложнение в организации жилых помещений, отступление от общепринятых традиционных схем планировки, влияние проектной документации, особенно распространен-

Дома
1960—1980-х годов:
в) с. Муром, Белгород-
ская область,
г) с. Шубное, Воронеж-
ская область

ные в южных районах России и преимущественно в домах, построенных хозяйственным и подрядным способами.

Развитие многокомнатности привело к исчезновению традиционного деления пространства в интерьере жилого помещения, его заменили комнаты с определенным функциональным использованием. И, хотя в большинстве сельских домов давно уже обычной стала мебель фабричного производства и современные предметы бытового назначения, в убранстве интерьера сохранились некоторые традиционные особенности. В переднем углу обычно висят иконы, бытует старинный обычай украшать комнаты узорными домоткаными или вышитыми полотенцами, домоткаными скатертями, коврами, дорожками. В северных и центральных русских районах во многих селах еще сохраняет свое значение русская печь, что обусловлено спецификой сельского быта. В послевоенные годы широкое распространение получила русская печь уменьшенного размера, к которой сбоку пристроена плита, а сзади — стенка (*щиток*) с вертикальными дымоходами от плиты, час-

Планировки многоквартирных домов 1960—1970-х годов,
Курская и Белгородская области:

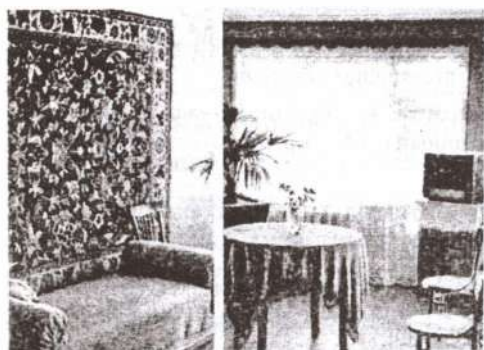
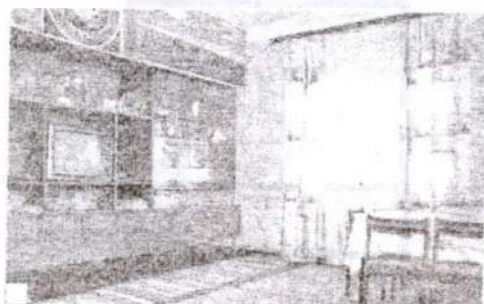
1 — коридор, 2 — сени, 3 — прихожая, 4 — кухня, 5 — зал, 6 — спальня,
7 — детская, 8 — веранда, 9 — кладовка, 10 — крыльцо

то с лежанкой. Примерно в 60—70-е годы в южных районах России наблюдается стремление вообще отказаться от русской печи в доме и заменить ее более усовершенствованным отоплением. Развитию этой тенденции способствовало появление в селах пекарен, выпекающих хлеб, а также использование в качестве основного топлива каменного угля, которым нельзя топить русскую печь. Вместе с тем многие сельские жители, не отказываясь совсем от русской печи, в которой удобно печь пироги и готовить корм скоту, ставили ее в летней кухне, которую нередко устраивали капитально и использовали в зимнее время.

Как показывают исследования, большинство сельских жителей предпочитает жить в одноквартирных домах усадебного типа, но имеющих хотя бы минимум коммунально-бытовых удобств —

Интерьеры
в современных
сельских домах:

а) столовая (с. Шубное,
Воронежская область),
б) парадная комната
(с. Шубное)

в) парадные комнаты
(станция Платниров-
ская, Краснодарский
край), г) часть горни-
цы — зала (с. Мокрая
Орловка, Белгородская
область)

водопровод, газ, водяное отопление. Однако общий уровень санитарно-технического оборудования сельских зданий пока еще остается одной из важных проблем сельского быта.

Городское жилище XIX—XX веков

Наряду с особенностями планировки городов и расположения их на местности, с архитектурными и другими достопримечательностями, жилище играет важную роль в характеристике любого города. Без жилой застройки, составляющей основную часть построек, собственно, не может быть и «лица» города — черт и особенностей, вкуче создающих облик того или иного поселения.

Вместе с тем сумма жилых домов, объединяемая понятием жилая застройка, очень неоднородна. Она содержит в себе одновременно как новые строения, так и постройки прошлого (иногда весьма отдаленного). Они возводились с применением разнообразных материалов и строительных конструкций, принадлежали к разным эпохам (в городах в силу капитального строительства дома дольше сохраняются); были неодинаковы способы владения и пользования городским жильем и т.д.

При том, что жилые дома во всех без исключения городах не составляли ни в прошлом, ни теперь единого целого, среди них выделяются жилые постройки, принадлежащие широким слоям населения. Такое жилище в определенном смысле можно назвать массовым, так как его характеризует целый ряд общих черт. Рассмотрению такого жилища и посвящен в основном данный раздел.

* * *

В XIX — начале XX в. к массовой застройке можно отнести дома многих горожан. Это и жилище ремесленников, работавших на своих усадьбах, и тех, кто занимался (также в пределах усадьбы) небольшой торговлей, и рабочих фабрик и заводов, проживавших в собственных домах. Сюда примыкает и жилище людей разных сословий, имевших так называемые «непроизводитель-

ные» занятия — чиновников и служащих разных учреждений, служителей культа и т.д.

Усадьбы ремесленников и других горожан, которые занимались производственной деятельностью на своей усадьбе, включали наряду с жилыми и хозяйственными, производственные помещения, расположенные в одном здании или нескольких, и назывались иногда «промышленными усадьбами».

Промышленные усадьбы были распространены, в частности, в районах, где интенсивно занимались текстильной промышленностью. Некоторые из них, в разной мере сохранности, дошли до наших дней. В Иваново-Вознесенске, например, хорошо сохранилась такая усадьба с домом — двухэтажным срубом, выходящим торцом на улицу. Для хранения сырья и товаров на подобной усадьбе обычно сооружалась каменная «палатка». Собственно же производственным помещением, если оно было связано с набивкой ткани, служила «набойная» — отдельно стоящее сооружение из дерева или кирпича. В развитом состоянии набойная представляла собой трехэтажную постройку с характерным открытым верхом — «сушилами» для просушки готовых тканей; набойка же тканей производилась на среднем жарко натопленном и светлом этаже.

Примером усадьбы, включавшей в себя жилище и портновскую мастерскую в начале XX в., может служить сохранившийся в Гороховце дом по центральной улице. Здесь производственные и жилые помещения находились в одном здании. Жилищем семьи хозяина мастерской служил большой бревенчатый пятистенок, поставленный на нижний этаж, который состоял из кирпичного помещения, выходящего окнами на улицу, и пристроенного к нему сруба. Каменная часть первого этажа, как наиболее безопасная в случае пожара, служила складом сырья и готовой продукции, а в деревянной располагалась мастерская, где стояли швейные машины и находились работники.

Ремесленники, работавшие с горячим металлом, по большей части имели мастерскую отдельно от дома, на окраине города. Но было и так, что мастерская располагалась на усадьбе вместе

с домом. Один из таких домов в два этажа (низ — каменный, верх — из бревен), сохранившихся до сих пор, во второй половине XIX в. принадлежал известному в Муроме мастеру. В выходящей на улицу части нижнего этажа с широким входом располагалась мастерская с кузнечным горном. Остальная часть была открыта со стороны двора и служила для починки карет. Жилым в этом доме был верхний этаж со светелкой, обращенной к Оке (АИЭА. МГОВЭ, 1982. Д. 6. Л. 68—70).

Торговлей (преимущественно мелкой) занимались многие горожане. Среди них были как представители основных городских сословий — мещане и купцы, так и крестьяне, сумевшие разбогатеть и перебраться в город. При этом усадьбы людей, занимавшихся торговым делом, различались прежде всего не по их сословной принадлежности, а по достатку, которым они располагали. На всех подобных усадьбах, наряду с жилищем семьи, были помещения, где хранились товары и происходила торговля. Однако у мелких торговцев часто жильем служил одноэтажный дом или дом на подклете, товары хранились в небольшой палатке или в амбаре, куда приходили покупатели. В качестве склада и торгового зала мог служить и цокольный этаж. Преуспевший торговец обычно строил себе двухэтажный дом, очень часто комбинированный — нижний этаж из камня, верхний — из дерева, иногда целиком кирпичный. Магазин или лавка располагались на первом этаже такого дома или в отдельном помещении. Для хранения товаров служили более массивные и многочисленные, в отличие от мелких торговцев, складские помещения из кирпича, крытые железом.

Приметы торговых занятий горожан в XIX — начале XX в. можно встретить во всех русских городах, будь то достигшие значительного промышленного развития Шуя и Кострома, либо остававшиеся торговыми Елец, Муром или Меленки. В старой части города, на улицах, населенных рядовыми горожанами, рядом с домом стоят каменные «палатки» разных размеров, иногда с вычурными фасадами, характерными нижними полуэтажами, служившими лавками, магазинами, трактирами.

При всей разнородности обширной группы городских жителей, занимавшихся «непроизводительными» занятиями, в их жилище обнаруживаются общие черты. Так, на усадьбах этой части горожан отсутствовали специальные постройки, связанные с трудовыми процессами. На этих усадьбах, помимо жилого комплекса в виде дома (который мог быть не один), обычно бывали лишь постройки хозяйственного назначения, обнаруживавшие, как у большинства горожан, определенную связь с сельскохозяйственными занятиями. На усадьбе могли стоять сараи, хлев для содержания одной — двух коров и другой живности, иногда конюшня и др.

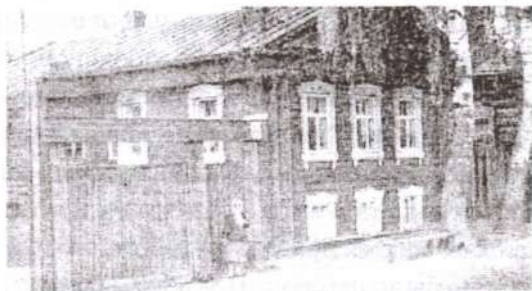
Массовое жилище
горожан XIX —
начала XX в.:

- а) г. Гороховец, Влади-
мирская область;
б) г. Шуя, Ивановская об-
ласть; в) г. Солигалич,
Костромская область

Массовое жилище
горожан XIX —
начала XX в.:

г) г. Кологрив, Костром-
ская область; д) г. Ме-
ленки, Владимирская
область. Фото 1980-х
годов

К определенной особенности жилища этой части городских жителей можно отнести также и большую сложность внутреннего устройства дома, для которого было характерно более дробное членение жилой площади согласно ее функциональному использованию.

Характерно, что в планировке жилого дома и составе усадьбы данной категории горожан нашло отражение такое весьма распространенное в этой среде занятие, как сдача внаем помещений. Это хорошо видно на примере жилища в Калуге, где к концу XIX — началу XX в. нередко проектировались и строились дома на две и более квартир, пристраивались к дому или возводились отдельно на усадьбе флигеля, иногда, помимо основного, сооружался второй дом, меньшего размера и т.д. (Анохина, Шмелева, 1977. С. 147—150).

В жилой застройке во второй половине XIX — начале XX в. определенное место занимает жилище рабочих фабрик и заводов. Наряду с казармами и другими видами казенного жилья, которые имелись в крупных промышленных центрах, а также

проживанием на квартирах и в «углах», многие рабочие семьи жили и в собственных домах. Бывало, конечно, что на фабрике работал горожанин мещанского звания и жил в потомственном доме. Однако характерным для того времени был приток в город на фабрики и заводы крестьян, и одним из вариантов их дальнейшего обоснования в городе была постройка дома, приобретение или перевоз его из деревни. В период промышленного подъема образовались новые улицы и целые районы рабочей застройки. Застраивались окраинные части города, как, например, в Серпухове, где в пределах городской черты с одного края возникли новые Плотниковские, Садовые, Огородные переулки, а с другого — Кладбищенская и Грязная улицы. В том же Серпухове крупным фабрикантом Кониным рядом с бумагопрядильной фабрикой были разбиты участки и построены небольшие дома, продававшиеся в рассрочку работникам фабрики. Такую же картину можно было наблюдать и в Костроме, и в Шуе, и в Вязниках — центрах текстильной промышленности. Даже в Гороховце, не большом, но имевшем свою промышленность, городе, в начале XX в. образовалась новая линия в составе нескольких улиц, жители которых, работавшие на судостроительном заводе Шорина, либо на одной из двух бумажных фабрик, выстроили себе дома.

Строящиеся дома рабочих в массе своей были небольших размеров срубные постройки. В состав усадьбы, кроме дома, обязательно входило некоторое число хозяйственных строений, огород, иногда сад. Современники (в том числе С.И. Змиев, сделавший подробнейшее описание г. Вязники; его работа хранится в Отделе рукописей Вязниковского филиала Владимиро-Суздальского заповедника), охарактеризовав такие жилища в сравнении с другими городскими постройками, назвали их «домиками», не вдаваясь в подробности их конструкций. Вместе с тем, конечно, не все дома, в которых жили рабочие семьи, были примитивными сооружениями. Среди них есть примеры и добротных строений — пятистенки, связевые дома, иногда и двухэтажные (*Крупянская, Полищук, 1971; Рождественская, 1981; Будина, Шмелева, 1989*).

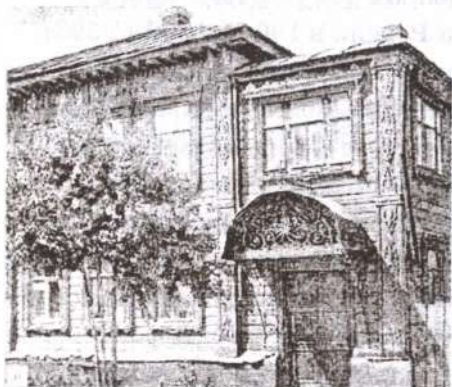
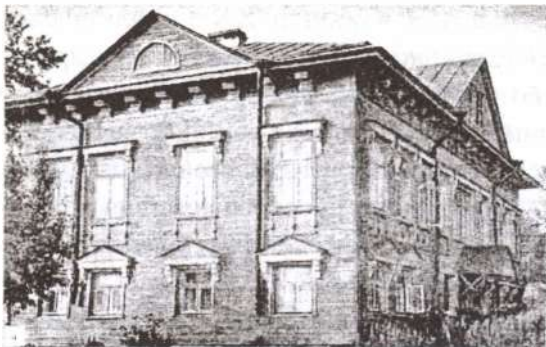
Дома, в которых жили в XIX — начале XX в. средние слои русских горожан — ремесленники, торговцы, чиновники и другие служащие, а также работники фабрик и заводов, имели наряду с определенными отличиями и существенные общие черты. Эти черты вырабатывались в течение длительного параллельного развития сельского и городского русского жилища и относятся в целом к характерным особенностям русского народного зодчества.

Русские города — столичные и губернские — в рассматриваемый период были, подобно сельским поселениям, в основном деревянными (Города России в 1904 г. 1906. С. 393).

Что же касается уездных и других городов, то в них деревянных построек было еще больше. Правда, наблюдалось и определенное сокращение их — с севера на юг (Города России в 1904 г. 1906. С. 170—172, 196—198). В более южной полосе, хотя и были города с большим количеством деревянных построек, в целом обожженный кирпич и камень (известняк) значительно чаще употреблялись для строительства жилых домов (Города России в 1904 г. С. 168—170).

Стены деревянных городских домов нередко дополнялись и кровлей из древесного материала — тесом, щепой или дранкой. Соотношение этих кровельных материалов с другими — железом или соломой — в различных городах выглядит по-разному. В городах южной полосы наряду с деревянной и железной кровлей появляется соломенная, характерная для крестьянского жилища. Это отмечали и корреспонденты Русского географического общества (середина XIX в.). Причем они нередко фиксировали однотипность крестьянского и городского жилища.

Дома средних городских слоев не только по материалу, из которого были сделаны их стены или кровли, относились к традиционному народному жилищу. В массовой городской застройке XIX — начала XX в. были представлены многие виды срубов, характерные для бревенчатого жилища русских. Большое место среди них принадлежало таким имевшим широкое применение в крестьянском строительстве конструкциям как «дом-связь»

Деревянные дома
старой постройки:

*а) дом XIX в. в г. Соли-
галиче; б) дом с узорча-
той решеткой над вхо-
дом в г. Галиче*

(два сруба, связанные сенями), пятистенок (прямоугольный сруб с внутренней поперечной — пятой стеной, рубившейся одновременно с остальными стенами), дом с прирубом (основной сруб, к которому разными способами прирубалась другая, меньшего размера, часть дома), крестовик, а двухэтажные деревянные дома, построенные в то время, также представляли собой как бы поставленные один на другой срубы. Это относится и к двухэтажным домам с комбинированными стенами, в которых сруб ставился на нижний каменный или кирпичный этаж.

Но, хотя в массовом городском жилище использовались известные в традиционном крестьянском строительстве конструкции срубов, с точки зрения организации внутреннего пространства по сравнению с сельским городской дом обычно представлял более сложную и пеструю картину. Стремление

Деревянные дома
старой постройки:

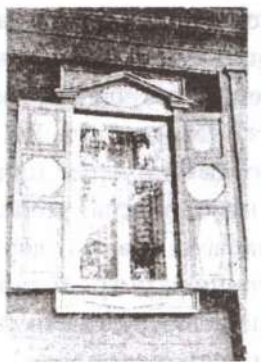
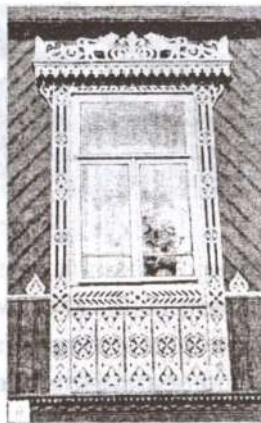
в) дом начала XX в. в
г. Солигаличе; г) дом
начала XX в. в г. Горохов-
це

к функциональному дроблению жилой площади путем членения разных видов срубов и пристроенных к ним помещений, а также введение различных усовершенствований в городских домах всегда находило большую реализацию, в отличие от крестьянских.

Вместе с тем интересно, что даже при таких тенденциях развития городские бревенчатые дома XIX — начала XX в. сохраняли в известной мере внутреннее устройство традиционного русского дома. В городских домах XIX — начала XX в. была русская печь, хотя и в сочетании иногда с другими печами — голландками и др., бывала также и неподвижная мебель, характерная для крестьянского быта — полати, лавки, голбцы. Более того, удалось обнаружить, что внутреннее устройство городского дома и в классификационном отношении в известной мере соответствовало крестьянскому жилищу.

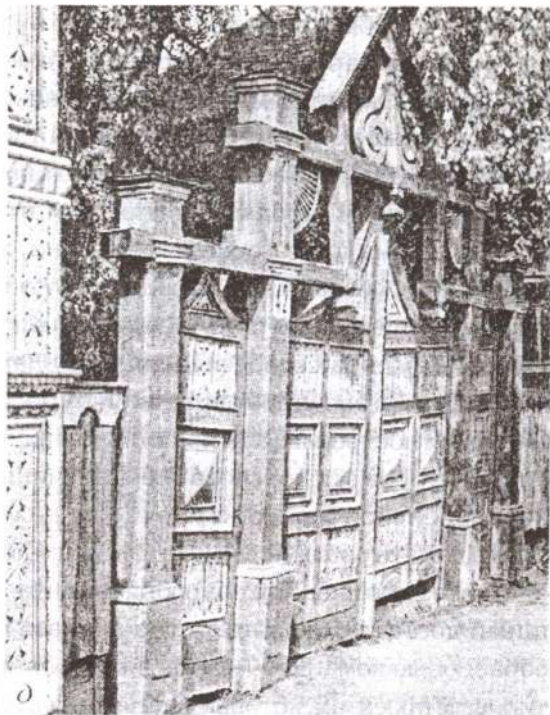
Даже в 80-е годы XX в. в городах Центральной России можно было встретить дома, сохранившие традиционный тип внутренней планировки (Будина, Шмелева, 1989. С. 83—86). Примером может служить г. Галич, где по улице Набережной, населенной прежде знаменитыми галичскими рыбаками, стоят бревенчатые одноэтажные на подклете или двухэтажные дома постройки XIX — начала XX в. В нескольких из них, стоящих перпендикулярно улице, в жилом помещении русская печь находится справа от входа из сеней, чело (устье) печи обращено к противоположной от входа стене, выходящей тремя окнами на улицу. Передний угол, как и положено, расположен по диагонали от печи, у фасадной стены дома. Это классический северно-среднерусский тип внутренней планировки. Дома с выраженным

Внешнее убранство
деревянных домов:

а, б — наличники,
г. Солигалич; в, г —
наличники, г. Шуя

Внешнее убранство
деревянных домов:
д — резные ворота
старой городской
усадьбы
(г. Солигалич)

типом планировки, — также северно-среднерусским, — встречались и в г. Гороховце, Вязниках, Солигаличе.

Естественно, в XIX и в начале XX в. городское жилище с традиционной внутренней планировкой имело большее распространение, чем в наши дни. Кроме того, в многоквартирных домах, которые даже при желании было сложно организовать согласно традиции, все же достаточно распространенной оказалась планировка, когда в одной из комнат, по большей части на кухне с русской печью, сохранялся план, типичный здесь в прошлом. Нужно отметить, что иного типа внутренней планировки в городских постройках обнаружить не удалось. В ходе развития русского народного жилища давно наблюдался процесс расширения ареала северно-среднерусского типа за счет других типов внутренней планировки.

Итак, массовое домостроительство в русских городах XIX — начала XX в. характеризуется значительной общностью с традиционным жилищем в его крестьянском варианте. При том, что основная часть русских горожан в XIX — начале XX в. проживала в домах, тесно связанных по многим своим особенностям с традиционным народным зодчеством, в каждом городе имелись и жилые дома другого характера. Они, хотя и не столь многочисленные, составляли определенную часть жилой застройки и играли важную роль в ее архитектурном облике. На центральных улицах особо выделялись здания, принадлежавшие крупной торгово-промышленной буржуазии или дворянству. Они были построены, как правило, по проектам профессионалов-архитекторов с использованием применявшихся тогда в западноевропейской архитектуре стиля классицизма, ампира и т.д. Такие дома в городе могли исчисляться единицами или десятками.

Более скромными и однообразными, но также принадлежавшими достаточно богатым горожанам, были так называемые образцовые дома. Это — дома, построенные по «образцовым» — типовым проектам, которые рассылались из Петербурга в губернии еще в XVIII в. для того, чтобы «улучшить» архитектуру городов. Дома по «образцовым» проектам строились и каменными, обычно двухэтажными, с фронтонами и украшениями по фасаду. В застройке городов они нашли неравномерное распространение. При том, что многие города были почти полностью «деревянными» в рассматриваемое время, в г. Рыбинске, например, в первой половине XIX в. несколько улиц было застроено каменными домами по «образцовым» проектам (теперь это исторический центр города). Причем, известно, что для Рыбинска в самом начале XIX в. «образцы» сочинял не кто иной, как знаменитый впоследствии архитектор Росси.

Более крупными по своим объемам домами в сравнении с основной застройкой городов были доходные дома. Такие дома строились владельцами специально для сдачи внаем. Это были деревянные или каменные постройки с анфиладной или коридорной системой внутреннего устройства. В основе их проектирова-

ния могли лежать ритмические повторения жилых ячеек, типа торговых рядов, либо увеличение числа квартир путем «удвоения» постройки и увеличения ее этажности (*Рабинович*. Очерки, 1978. С. 112). Доходные дома получили распространение в XIX в. в крупных и средних городах, где наблюдался значительный приток населения; рассчитаны они были на людей с разным достатком.

Другим видом временного жилища, для совсем бедного люда, были ночлежные дома. Внутреннее устройство их было до крайности примитивно и ограничивалось порой лишь столом и нарами, которых не хватало для всех обитателей дома (*Анохина, Шмелева*, 1977. С. 131). Особой категорией домов, также находящихся вне связи с традициями народного жилища, были казармы для рабочих. Казармы строились фабрикантами в городах с большим сосредоточением промышленности, например, в Костроме, Шуе, Муроме, Гусь-Хрустальном и др. При том, что казарма нередко представляла собой добротную каменную или деревянную постройку, иногда в несколько этажей с предусмотренным отоплением и другими бытовыми удобствами, рабочие располагались там обычно скученно, в каморках, «прогалах» (за занавесками) и т.п. Недаром часть рабочих предпочитала жить на квартирах у горожан (хотя и там жилищные условия бывали не лучше казарменных), либо ходить каждый день из деревни на фабрику; в целом же рабочие, связавшие свою жизнь с городом, стремились обзавестись собственным домом.

Таким образом, жилище широких слоев населения (называемое здесь также массовым) в русском городе XIX — начала XX в. строилось согласно традициям русского народного зодчества. Кроме того, функционирование городского дома и его отдельных элементов в большой степени соответствовало народному жилищу. Это касалось таких важных признаков, как наличие русской печи, внутреннего оборудования и планировки жилого дома и т.д. Доля жилищ других категорий в это время в большинстве русских городов была невелика. В XX в. было характерно

постепенное, вызванное новым современным строительством, ограничение масштабов бытования в русских городах образцов традиционного жилища, которое в наше время стало лишь одним из типов массового жилища горожан. Эта часть современного городского жилища продолжает обладать существенными признаками, характерными для русского народного домостроительства. В нем сохраняются традиционный материал, строительные приемы, характер вертикального развития, русская печь в интерьере. Некоторые особенности в противоположность иным, затухающим чертам, получили новое развитие. Например, домовая резьба, украшающая экстерьер, планировка дома, его связь с хозяйственными постройками. Вместе с тем тенденции в использовании внутреннего жилого пространства, организация и оборудование домашнего интерьера оказались в последний рассматриваемый период во многом общими для всей массы жилища русского города, включающего в себя как

Каменные дома
старой застройки:

а) бывший дом купца Сапожникова XVII в. (г. Гороховец); б) бывший дом купца Толченова XVIII в. (реставрирован в 1970-е годы) (г. Дмитров, Московская область)

Каменные дома
старой застройки:

*в) дом первой половины
XIX в. (г. Шуя); г) дом
торговца (г. Чердынь,
Пермская область,
XIX в.)*

дома, построенные согласно традициям народного зодчества,
так и отвечающие стандартам массового многоэтажного стро-
ительства.

Глава пятая РУССКАЯ ОДЕЖДА

Комплекс одежды и украшений в XIII—XV веках. Его социальные и территориальные различия

В настоящее время еще трудно представить себе достаточно полно и последовательно картину развития одежды восточных славян, и в частности русских, в период раннего и развитого феодализма. Подлинные вещи, дошедшие до нас, составляют большую редкость.

Формирование основных элементов традиционной одежды русских, хорошо известной по материалам XIX — начала XX столетий, следует относить к периоду раннего средневековья — ко времени существования восточнославянского единства и Киевской Руси. Именно тогда вырабатываются типы мужской и женской рубахи, мужских штанов, набедренной несшитой одежды женщин, различные виды кожаной и лыковой обуви, женских и мужских головных уборов, послужившие в дальнейшем основой для создания русскими, украинцами и белорусами своеобразных комплексов народной одежды.

В XIII—XV вв. — во времена удельной Руси и формирования Русского централизованного государства — одежда русских во многом продолжала оставаться такой же, какой она сложилась в предыдущую эпоху (Арциховский, 1948. С. 277). Сохранялось и прежнее ее общее название — *пóрты*. У русских, как и у других

восточных славян, издавна занимавшихся земледелием и разведением домашних животных, основным сырьем для изготовления одежды, обуви и головных уборов с древнейших времен служили материалы, имевшиеся в своем хозяйстве: растительное волокно, кожа, мех и шерсть (более всего овечья — *во́лна*). Вменьшей степени в крестьянской одежде использовались охотничьи материалы — меха диких зверей, изделия из которых широко применялись в одежде знати. Наиболее распространенным материалом для одежды были ткани, особенно шерстяные, о чем свидетельствуют находки восточнославянских курганных погребений. Они, очевидно, применялись и для верхней, и для нательной одежды. Однако существует мнение, что уже в XI—XII вв. восточные славяне пользовались и льняной тканью, но ее находки редки, поскольку лен плохо сохраняется в земле. Известна была и конопля. В XII—XIII вв. лен и пенька входили в оброк, который крестьяне отдавали князьям и боярам. Позже о льне содержится много упоминаний в Новгородских писцовых книгах XV в. В берестяных грамотах часто идет речь о холсте, в частности о его белении (*Куфтин*, 1926. С. 20; *Маслова*, 1956. С. 568; *Арциховский*, 1969. С. 292). Искусство ткачества еще в Древней Руси достигло высокого уровня. Письменные источники позволяют судить о том, что в тканях различались грубые и тонкие сорта — *толстина*, *часнина*, *тончица*. Из шерстяной пряжи ткали толстые *сермяги*, *вотолы* (или *волоты*) (*Аристов Н. С.* 135).

Учитывая уровень развития производительных сил в раннефеодальном обществе, можно предположить, что крестьяне, горожане и знать изготовляли одежду целиком, за небольшим исключением, в своем хозяйстве. По мере развития товарно-денежных отношений и все большего выделения ремесла, происходило и перемещение некоторых видов работ по производству одежды, обуви, головных уборов, украшений из домашней промышленности в сферу специализированного, профессионального мастерства. Более всего это касалось, правда, одежды знати и горожан. Но и в крестьянском быту с течением времени появлялись вещи ремесленной выделки.

Известное влияние на одежду оказывал и ввоз иностранных товаров. Шелка привозили с Востока. В Древней Руси были известны шелковые *павлоки*, узорчатые и серебряные *аксамиты*, с течением времени их разнообразие увеличивалось. В большом количестве из Западной Европы шли сукна разного достоинства. Естественно, что дорогие материалы могли использоваться крестьянами для своих нужд лишь минимально — главным образом для украшения праздничных нарядов, особенно женских головных уборов. В основном они шли на убранство богатых и знатных. С XV в. в быту русских стали широко употребляться привезенные из азиатских стран хлопчатобумажные ткани (особенно красный *кумач* и синий *киндяк*) и узорчатая *выбойка* (набойка) (Маслова, 1956. С. 569). С этого же времени сильно разнилось и отечественное производство крашенины и набойки из холста. Пестрядиным (набойным) и красильным промыслом начинают заниматься жители многих городов (Рабинович, 1988. С. 127—133). Из шерстяных тканей в XIII—XV вв., например в Новгороде, в употреблении были ткани как местного производства, так и привозные, иностранные (Арциховский, 1969. С. 281—282).

Основу русского женского комплекса одежды в XIII—XIV вв., как и у славянского населения Восточной Европы времен Древнерусского государства, составляла длинная рубаха (*сорочица*), достигавшая щиколоток и подпоясанная поясом (очевидно, тканым). Новым было то, что сорочка у женщин, как и у мужчин, оставаясь нательной одеждой, дополнялась верхней рубахой — *кошулей*, *верхницей* или *навершником* (Древняя одежда. 1986. С. 66—67). О покрое рубахи что-либо сказать трудно. Известно лишь, что она имела длинные рукава, которые придерживались у кистей рук браслетами. Низкий вырез ворота прикрывался ожерельем типа накладного воротника. Рубахи шили из холста, но, возможно, также и из шерстяной ткани (*волосени*) и украшали вышивкой по подолу, ожерелью и запястьям.

Поверх рубахи надевалась, очевидно, узорная шерстяная, несшитая поясная одежда, сходная с известной позже южнорусской поневой и украинской плахтой. Эта одежда была распространена

шире, чем в XIX в. (Народы, 1964. С. 112). Бытовала она, по-видимому, только среди крестьянок. Понева служила горничной одеждой, но в ней можно было выходить и на улицу. Употреблялась, вероятно, и плечевая одежда для женщин — накладная, т.е. надевавшаяся через голову и называвшаяся *ферьязь, сукман, саян*.

Головные уборы женщин были разнообразными, что обуславливалось сильно развитой их знаковой функцией. Форма головного убора и характер его украшений зависели от возраста и семейного положения женщины, а также, по-видимому, в них проявлялись и какие-то местные признаки. Девушки могли ходить в теплое время года без всякого головного убора с распущенными или заплетенными в одну-две косы волосами, придерживая их полоской яркой ткани или металлическим венчиком. Нарядные венчики назывались *коруна*. В косу вплетали *косник* или *накосник* — золотую нить или треугольную богато украшенную привеску на твердой основе. Для наряда замужних женщин характерно традиционное древневосточно-славянское полотенчатое покрывало — *новой* или *убрус*. Оно прикрывало всю голову и плечи. Вероятно, появлялись и другие, более сложные головные уборы, известные еще с древности, в том числе кичкообразные, мягкие с богато вышитым твердым очельем (иногда рогатые) и твердые кокошники. Все они были распространены у русских и в XIX в. Головные уборы украшались дорогими тканями, шерстяной бахромой, вышивкой, жемчугом. Выходя на улицу, женщины поверх всего надевали платок или шапку.

Неотъемлемой частью русского женского костюма были украшения из металла, камня, а отчасти из стекла (стеклянные браслеты горожанок встречаются в находках XIII—XV вв.). Украшения покрывали главным образом голову, шею, руки и, вероятно, гармонически сочетались с расцветкой и орнаментом вышивок и тканей. Съемное убранство одежды во многом продолжало сохранять древние черты. Таковыми, например, были височные кольца, указывавшие когда-то на принадлежность

женщины к тому или иному племени. До XIV в. включительно сохранялся племенной наряд вятических женщин. Обязательными его частями были семилопастные височные кольца и специфические бело-красные бусы из сердолика и хрусталя. Исследователи предполагают, что сочетание белого (холста) и красного (цвет украшений в виде вышивок и оторочек) цветов было свойственно для женской одежды этой группы населения Восточной Европы, как и разнообразные ажурные украшения из металла, не встречавшиеся, по-видимому, у представительниц других групп (Арциховский, 1969. С. 278—280).

Мужская одежда, как и женская, во многом, вероятно, была сходна с более ранней, древнерусской. Она состояла из рубахи длиной до колен или чуть выше, с рукавами, закрывавшими запястья, подпоясанной тканым или кожаным поясом с медной пряжкой, а иногда и с несколькими металлическими бляшками, и нешироких длинных штанов (*ноговицы*). К поясу прикрепляли некоторые необходимые в повседневном обиходе предметы: нож, гребенку, огниво и кожаную сумку (*калиту*). Кроме нательной сорочки у мужчин, как и у женщин, были верхние кошули. Мужские рубахи могли быть украшены вышивкой или нашивками по подолу, рукавам, вороту. Воротника рубаха не имела. Шейный вырез прикрывался вышитым круглым ожерелком. Покрой рубахи, был, предположительно, туникообразный. При этом прямое полотнище, образующее стан рубахи, перегибалось на плечах и имело разрез для ворота вдоль перегиба и перпендикулярно к нему (в виде буквы *T*). Правда, о характере разреза ворота на груди древнеславянской мужской рубашки исследователи давно ведут спор. А.В. Арциховский, основываясь на изображении отдыхающего смерда на миниатюре из Псковского Устава (XI—XII вв.), высказал мнение о широком распространении в это время косоворотки (Арциховский, 1948. С. 235; 1969. С. 277). Другие же (Г.С. Маслова, Г.Г. Громов) считали это мнение мало убедительным и стояли на точке зрения позднего распространения косоворотки и о бытовании в древности рубахи с разрезом ворота посередине груди. Такая сорочка, по

материалам одежды, бытовавшей в XIX в., представляла собой более архаическую форму мужской рубашки, чем косоворотка (Маслова, 1956. С. 578—580; Громов, 1977. С. 203).

Мужские головные уборы, вероятно, были войлочные или из тканей и имели металлические украшения. Шапки упоминаются в новгородских берестяных грамотах. Среди археологических находок XIV в. в Новгороде была обнаружена шляпа с низкой тульей и широкими полями, сплетенная из корней сосны.

Обувью, повсей видимости, как для мужчин, так и для женщин в XIII—XV вв. служили в основном лапти, преимущественно косоногого плетения. Широко применялись также *поршни* из куска мягкой кожи, изогнутой по форме ноги. Исчезающим видом обуви были мягкие туфли и полусапожки с пришитыми подошвами — прототип сапог. В XIV—XV вв. сильно распространяются кожаные сапоги, особенно в городе. Раньше сапоги не имели каблуков, в XIV в. появляются высокие каблуки. Материалы археологических раскопок в Новгороде позволяют говорить, что с XIV—XV вв. здесь происходит переход от мягкой обуви к жесткой. В городах, кроме сапог, были распространены *чоботы* или *черевичи* — более короткие, без голенищ (Арциховский, 1969. С. 285—286; Древняя одежда... С. 88). Кожаная обувь имела орнамент. Вышитые и ажурные украшения были характерны для мягкой обуви, тиснения — для жесткой.

О верхней одежде древнерусского населения известно очень мало. Издавна это была толстая суконная одежда с рукавами. Названия *свита*, *сермяга*, *сукна* — древние и общие для всех славян. Возможно, что древнейшая *рукавная* верхняя одежда не была распашной. Такой же *накладной* могла быть и меховая зимняя одежда — *бараньи кожухи*, у простого народа скорее всего *нагольные*, т.е. ничем не покрытые поверх овчины. *Свита* наряду с *кожухом* и сорочкой упоминается в новгородских письменных материалах XIII в. Генезис распашной одежды у восточных славян до сих пор не изучен в достаточной мере. Высказывались предположения, связывающие ее появление с татаро-монгольским завоеванием и восточным

влиянием. Однако достаточно четкого представления об этом также не сложилось. Можно предположить, что распашная одежда бытовала наряду с накладной или *глухой*. Неясное изображение ее имеется в новгородских рукописях XIV в. В XV—XVI вв. она становится обычной (Маслова, 1956. С. 699).

Древнее происхождение имеет восточнославянская плащевидная одежда. Однако к XIII в., как предполагают исследователи, у русских уже вышли из широкого употребления распостраненные ранее плащи *корзно*, накидывавшиеся на плечи. На это указывает отсутствие среди археологических находок, относящихся к тому времени, характерных фибул (пряжек), которыми плащи застегивались (обычно на правом плече). Мнение это, правда, оспаривается Г.С. Масловой, которая считает возможным предположить существование других видов плащей, удерживавшихся на плечах с помощью завязок. Подкрепляется это предположение имеющимися в источниках указаниями на бытование плащей из сукна или валяных из верблюжьей шерсти в XVI—XVII вв. и устойчивой традицией ношения плащеобразных форм одежды у русских, украинцев и белорусов вплоть до XIX в. (Маслова, 1956. С. 696—699; Народы, 1964. С. 113). Плащи из дорогих привозных тканей (парчи, аксамита) с драгоценными застежками в древности были принадлежностью костюма богатых и знатных — в основном князей. Они могли надеваться мужчинами и женщинами поверх других одежд.

Одной из характерных особенностей одежды русских, как и других восточных славян, на протяжении всего средневековья было большое сходство или тождественность главных ее элементов, составляющих основу костюма, у самых различных социальных групп. Крестьянам эта одежда служила постоянной нательной и верхней, у богатых и знатных она употреблялась, главным образом, в качестве белья или как сугубо интимная домашняя одежда, поверх которой при выходе «на люди» или посещении дома посторонними, надевали другое убранство, отличное от крестьянского. В результате, костюм феодальной верхушки общества, несмотря на свое близкое родство с крестьянским,

всегда сильно отличался от него, подчеркивал социальное превосходство знати. Отличия наблюдались и в длине костюма, и в качестве материала, из которого он был изготовлен, и в составляющих костюм верхних одеждах. Наряду у знатных мужчин и женщин была свойственна многослойность, т.е. ношение одновременно нескольких одежд. Иконография дает немало изображений князей в длинных нарядных плащевидных одеждах, в распашных свитах или кафтанах, в шапках полусферической формы с меховой оторочкой и женщин в длинных богатых одеяниях с покрывалом на голове. Дорогая шапка и богато украшенный пояс играли роль символа княжеской власти.

Рядовой горожанин одевался подобно крестьянину, но на ногах у него, как правило, были кожаные сапоги, которые почти всем вытеснили лыковые лапти. Рубаха и верхняя одежда кафтанообразного покроя в городе, делались, кажется, более короткими, чем у крестьян. Женская городская одежда, о которой известно мало, по-видимому, в большей степени, чем мужская, отличалась от сельской. Вместо специфической шерстяной набедренной поневы, как предполагают, в XIV—XV вв. появляется плечевая одежда — сарафан или ферязь (Древняя одежда... С. 69, 96). Название сарафан имеет, очевидно, восточное происхождение и первоначально применялось к какой-то мужской верхней одежде.

В целом русская народная одежда в XIII—XV вв. в основных своих чертах имела значительное единство, что вовсе не исключало наличия в ней не только социальных, но и региональных различий и местных вариантов. В условиях активных консолидационных процессов развитие архаического комплекса одежды, сложившегося у восточных славян в более раннее время, протекало по линии изживания древних племенных особенностей и появления отдельных локальных черт, которые при современном состоянии источниковой базы почти невозможно проследить. Постепенно складывался русский тип народного костюма. Специфика его вырабатывалась, как и в последующее время, в тесной взаимосвязи с одеждой постепенно формиро-

вавшихся других восточнославянских народов на общей основе — древнерусской одежде. Несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, восточнославянские связи продолжали развиваться в политической, экономической и культурной жизни. Отсюда и те многие общие черты и параллели как в самих формах одежды, в том числе и в покрое, так и в особенностях развития отдельных частей одежды, способов их ношения и сочетания в отдельных комплексах. Они наблюдались в традиционной одежде русских, украинцев, а затем белорусов на протяжении всего ее существования. (Маслова, 1954. С. 41—59).

Заметное влияние на развитие русского платья шло с Востока. Оно довольно быстро распространилось после татаро-монгольского завоевания и усилилось в XV в. Это влияние касалось главным образом верхней одежды. Оно оставило след в наименованиях отдельных предметов — кафтан, шуба, сарафан, — и более всего затронуло костюм феодальной верхушки общества. С восточным обычаем, вероятно в XV—XVI вв., была связана привычка знатных мужчин носить на голове *тафью* — небольшую шапочку, напоминающую тибетейку. С ней не расставались ни дома, ни в гостях, ни в церкви. При выходе на улицу поверх тафьи надевали шапку. О восточном влиянии говорит и обычай знатных женщин на улице закрывать лица платком.

Региональные и областные комплексы одежды в XVI—XVII веках

XVI—XVII века — эпоха образования и укрепления единого русского государства, а также усиления процесса миграционных передвижений русских, приводящего к расширению этнической территории и к межэтническим контактам русских с другими народами, живущими по соседству. В это время развитие русской народной культуры, в том числе и традиционной одежды, происходит в условиях крепнущей этнической, территориальной и государственной общности. Эволюция одежды отражает известное культурное единство народа, не исклю-

чающее, однако, и областного многообразия в ней, имевшего место и ранее.

Освоение широких пространств с различными природными условиями, многообразие межэтнических связей, появление специфического хозяйственного уклада у отдельных групп русских новоселов не могли не сказаться на их одежде. Изменения выражались в выработке своеобразных черт костюма, в которых новое, возникшее на чужбине (иногда заимствованное), сочеталось со старым, принесенным с собой из родных мест. Изменения происходили довольно медленно; постепенно появлялись региональные особенности.

Производство одежды у русских в XVI—XVII вв. продолжало, как и прежде, оставаться в домашнем хозяйстве. Крестьяне сами изготавливали одежду, с начала и до конца, включая получение и обработку необходимых природных материалов и отделку готовых вещей. В боярских усадьбах все эти работы проводились с помощью слуг в домашних мастерских. Даже царские одежды вырабатывались традиционным способом в ремесленных слободах (например, в Кадошах, в Хамовниках) под наблюдением самой царицы (*Забелин*, 1895. С. 366—368). Г.Г. Громов высказал предположение, что длительное сохранение домашнего производства одежды в феодальной Руси объясняется не столько состоянием соответствующих отраслей промышленности на этом этапе, сколько особым утвердившимся в народе отношением к вещам, так близко соприкасающимся с самим человеком. Считалось, что одежда должна защищать тело человека не только от холода, но, по существовавшим представлениям, и от злых сил, которые при недосмотре могут принести много вреда (*Громов*, 1977. С. 205). Эти воззрения способствовали и консервации традиционных покроев и фасонов в убранстве у всех слоев населения, препятствуя в известной мере проникновению в эту область новых веяний. Особенно это касается нательной одежды, верхняя же изменялась быстрее.

Тем не менее, углубление общественного разделения труда приводило ко все большему развитию ремесла и торговли.

Постепенно производство шерстяных и узорных тканей сосредоточивается в руках специалистов-ремесленников. В XVI в. выделялись холщевники, белильщики, красильщики, а также суконщики, шелковинки. В городах в торговых рядах в XVII в. можно было приобрести сукна различных сортов и цветов. Здесь продавали *сермягу* на портяной основе, *лятчину* из овечьей шерсти летней стрижки (товар не самый хороший), самые грубые и толстые, подобные дерюге *яригу* и *кострыж*. Сукна высших сортов (*стамед*, *красное*) стоили дороже и покупались меньше. Дешевые ткани были естественного цвета, дороже — отбеленные, и крашенные (красные, синие, бурые, «бусырь», т.е. серо-голубые). Торговали и готовой одеждой, например, кафтанами и даже рубахами. Изготавливали одежду *специалисты-швецы*, работавшие на заказ и на рынок. Швецы работали и по деревням (Чечулин, 1889. С. 339).

Кроме отечественных тканей, можно было приобрести и привозные, иностранные. Источники упоминают для того времени более 20 названий разных шелковых материй и более 30 наименований лишь одного сукна (Древняя одежда... С. 65). Разнообразны были и кожаные товары. Все это стоило дорого, многое было доступно лишь богатым. Платье высоко ценилось. Его очень берегли, передавали по наследству, «жаловали» за службу (не обязательно новое). Изношенные вещи чинили, обрезки оставляли для отделки, ветошь хранили для заплаток.

В основе своей и женская, и мужская одежда русских, особенно крестьянская, оставалась такой же, как и в предыдущую эпоху. Господствующей формой мужской рубахи была туникообразная рубаха, ее шили из шерстяной (волосени), льняной или конопляной ткани. Под рукавами она имела ластовицы, на плечах — подоплеку, а по бокам могла расширяться с помощью вставных клиньев. Ворот застегивался на пуговицу или завязывался тесемкой. По расположению разреза ворота на груди его определяют как *прямой* (посередине груди) или *косой* (слегка сдвинутый вбок). О преобладании прямого или косого ворота для того времени сказать что-либо определенное невозможно. Допустимо лишь предпо-

ложить, что примерно с XV—XVI вв. у русских началось формирование рубахи-косоворотки (с разрезом ворота с левой стороны груди). Она впоследствии становится основным видом верхней мужской рубахи и получает название *русской*, в то время как у украинцев и белорусов закрепились в быту прежняя форма рубахи с прямым разрезом ворота. Довольно низкий вырез горловины прикрывался круглым, чаще накладным воротником-ожерелком, украшенным вышивкой. У богатых ожерелок расширялся цветными шелками, золотыми нитями и *саженьем* жемчугом. При выходе из дома такой воротник был обязательной принадлежностью костюма. Украшался подол рубахи и низ рукавов. Вышивки, вероятно, имели магическое значение. Ожерелки, возможно, вели свое происхождение от шейных гривен, домонгольского периода, которые еще встречались в XVI в. в качестве свадебного убора (Громов, 1977. С. 204). Характерный воротник — стойка, известный нам по классическим образцам русской косоворотки XIX в., появился позже.

Рубахи носили навывпуск поверх штанов, подпоясавшись поясом. Штаны постоянно носили, видимо, взрослые мужчины, мальчики же ходили в одних длинных рубахах. Штаны, как и у других народов Восточной Европы, делали узкие, почти обтягивающие ноги. Верх их, прикрытый рубахой, мог быть и широким. Покрой штанов пока остается неизвестным, но, судя по бытовавшим названиям (*гачи* или *гачи* и *ноговицы*), первоначально они могли быть не цельными, а состоять из отдельных частей. Шили штаны из толстого холста или сукна естественного цвета, но были, наверное, и цветные, полосатые. Богатые имели шелковые верхние штаны — например, из тафты. На теле штаны укреплялись с помощью шнура или тесемки, а внизу они заправлялись в *онучи* — куски ткани (холщовой или шерстяной), обматывавшие ноги и обвязанные поверх веревочными или ременными *оборами*. Оборами же прикреплялись к ногам постолы или лапти. Онучи употребляли и с сапогами. Мягкие сапоги с подшитой подошвой или без нее, и с мягким голенищем подвязывались ремешком у щиколотки и под коленом. Такие сапоги носили еще в XVII в., но в это

время распространяются сапоги с жесткими головками и голенищами. Знатные носили цветные нарядные сапоги с загнутыми кверху носками и на высоких деревянных или наборных каблуках. Их шили из дорогой привозной кожи — цветного сафьяна — красного, зеленого, желтого, голубого и украшали тиснением и жемчугом. У бедных сапоги были из кожи естественного или черного цвета.

Мужские шапки были самыми разнообразными. Чаще всего на изображениях крестьян и горожан встречаются войлочные колпаки конусообразной формы со скругленной вершиной или цилиндрические шляпы, высокие и с отогнутыми кверху краями, напоминающие известные в XIX в. валяные крестьянские шляпы. Зимой носили суконные шапки, подбитые мехом — типа колпака.

Шапки знатных и богатых сильно отличались от крестьянских. Высокие шапки из дорогих материалов, в том числе меховые и особенно ценные «горлатные» (из меха с горловины зверя), отделанные драгоценными украшениями, свидетельствовали о высоком положении их владельцев. В XVI в. в домашних условиях бояре и другие знатные люди не расставались с маленькой *тафлей*, прикрывающей макушку. Ношение мужчинами шапки, как и позже, считалось обязательным. Снять шапку перед кем-то означало проявить покорность, подчеркнуть свое почтение. Обнажали голову перед старшим и перед знатным.

О женской одежде известно, что в основе ее оставалась длинная с большими рукавами рубаха (сорочка), украшенная по подолу и рукавам вышивками или нашивками. Покрой ее нам пока неизвестен. Нательные рубахи были скромными, верхние — более нарядными и порой с длинными рукавами, собиравшимися в оборки и стягивавшиеся у запястьев манжетами или браслетами. Рубахи шили из белого полотна, богатые — из тонкой шелковой или хлопчатобумажной покупной материи. Нательные — могли быть и шерстяными. К рубашке полагался пояс.

Сорочка у восточнославянских женщин, как, впрочем, и у южнославянских, по-прежнему дополнялась различного вида набедренной шерстяной одеждой так называемого престилочного

типа (от болгарского *престилка*), известного и южным славянам. У русских это была распашная «понева», укреплявшаяся на талии с помощью шнура или тесьмы. Название «понева» было связано, вероятно, с особого рода тканью и употреблялось также в значении завесы, накидки, ковра (Срезневский, 1895. С 1185—1186). В XVI—XVII вв. употребление поневы по сравнению с предшествующим периодом, по-видимому, сильно сократилось и локализовалось главным образом на территории к югу от Москвы, где она была широко известна и в XIX в. На этом основании было высказано предположение о сложении двух классических комплексов русской традиционной одежды (поневного и сарафанного) уже к XVII в. (Древняя одежда... С. 64—65, 69, 93). При этом понева, очевидно, употреблялась только в крестьянском быту и не была распространена в быту у других социальных групп. Свидетельством тому служит почти полное отсутствие упоминаний о ней в письменных источниках, касающихся жизни горожан и господствующих классов. И в этот период у русских, как и у белорусов, и отчасти у украинцев, стали широко применяться юбки (*спидницы*, *саяны*). Первоначально они бытовали у горожан и знати, а в дальнейшем постепенно вытеснили другие виды одежды, прикрывавшей низ сорочки.

Русские горожане уже в XVI в. стали носить особую плечевую одежду, надевавшуюся поверх рубахи — сарафан; название это, кажется, перешло на женскую одежду с мужской распашной одежды с рукавами, которая бытовала ранее и о которой известно довольно мало. Происхождение женского сарафана остается пока мало известным. Это могла быть новая одежда, возникшая в городах под влиянием костюма господствующих классов и служилого населения и распространившаяся затем среди крестьянства. Но вполне вероятно также, что она сформировалась на основе каких-то традиционных одежд, существовавших ранее и известных под разными другими названиями. Б.А. Куфтин считал возможным связывать генезис позднейшего сарафана с женским костюмом поневного типа через эволюцию этого костюма путем приобретения поневой лямок и лифа, а также удлине-

ния плечевой накладной одежды, а иногда и потери ею рукавов (*Куфтин*, 1926. С. 110—120; *Маслова*, 1956. С. 642—643). Вместе с термином сарафан для обозначения женской комнатной одежды, надевавшейся поверх рубахи, употреблялись названия *ферязь*, *сукман*, *саян*, *шубка* и др. Сарафаны шили нарядными из цветных тканей. Применяли яркую крашенину и дорогие привозные ткани. Отдельвали галуном, кружевами, пуговицами, иногда драгоценными.

Эта новая женская одежда в сочетании с твердым головным убором (*кокошником* или *кикой*) была в употреблении как у феодальной знати и горожан, так и у крестьян. Весь костюм с сарафаном закрепился в севернорусских областях. В силу различных исторических обстоятельств именно этот костюм с сарафаном и кокошником довольно широко распространился и вместе с мужской рубахой-косовороткой стал считаться впоследствии наиболее характерным для русских костюмов, т.е. приобрел национально-символическое значение. Очевидно, есть основания предполагать, что распространение комплекса женской одежды с сарафаном происходило именно в период сложения и развития Русского централизованного государства и было связано с процессом формирования общерусского национального костюма. Единство костюма выразилось не в его однообразии, а в функционировании многих его вариантов, в том числе и локальных. Наличие их было обусловлено как сохранявшимися традициями, так и инновациями, появившимися в ходе характерных для того времени передвижений отдельных групп населения на новые места, где под влиянием природно-хозяйственных условий и соприкосновений с культурой других народов и возникали локальные особенности. Многообразии форм русской одежды допетровской или предпетровской эпохи свидетельствуют богатые материалы XIX — начала XX в., в частности, по тому же сарафану, некоторые виды которого восходят к XVI—XVII вв.

В бытовании женских головных уборов, по-видимому, продолжали развиваться прежние традиции: у замужних женщин

строго соблюдался обычай покрывать голову; девушки же ходили с непокрытой головой, свободно распустив волосы, или же заплетали одну-две косы. Продолжали употребляться различные украшения — перевязки и косники. Городчатые венцы и *коруны* были, вероятно, парадным убором. У простонародья они сохраняли свою роль в свадебном обряде. Головной убор замужней женщины впервые надевался в конце свадьбы, что сопровождалось определенными магическими действиями.

Женский головной убор был сложным и состоял из нескольких частей. В XVI—XVII вв., как и ранее, продолжали носить полотенчатые покрывала, платы. *Убрус* надевали поверх мягкой матерчатой шапочки — *повойника* или *подубруса* и *подзатыльника*, прикрывавших волосы, заплетенные в две косы. Вместо убруса употреблялся также сетчатый обшитый дорогими тканями *волосник*. Широко была распространена *кика* или *кичка* — символ замужества. Ее также надевали на повойник. *Кика* представляла собой нарядную шапочку с мягкой тульей и плотным расширяющимся кверху подзором. Особенно украшался перед — *чело*, видимое из-под платка, накидывавшегося сверху. Упоминаются также *сороки* и *кокошники*, которые в сочетании с сарафаном особенно были свойственны костюму знати. Исследователи давно отмечали генетические связи этих головных уборов с позднейшими *кичками*, *сороками* и *кокошниками*, известными в XIX в. (*Лебедева, Маслова*. С. 202—212). Формы их были многообразны и вряд ли они восходили к одному прототипу. Древними, очевидно, были рогатые головные уборы у крестьян в глухих отдаленных уголках России. Происхождение их связано с какими-то архаическими, возможно, магическими представлениями.

Поверх сложного головного убора, выходя на улицу, женщины надевали платок или шапку, шляпу — по сезону. Пышно украшенные шляпы носили придворные женщины из окружения царицы. Шапки шили из меха. Они имели различные формы (*треухи, столбунцы*). Бытовали матерчатые *каптуры*. В женских головных уборах было, очевидно, много локальных разновидностей.

Кроме того, строго соблюдались сословные различия, которые становятся все более резко выраженными.

Женская обувь мало чем отличалась от мужской.

В верхней одежде русских, как у мужчин, так и у женщин, наблюдалось разнообразие. В источниках имеются упоминания об одежде с разными названиями. Однако далеко не всегда их можно сопоставить с теми или иными формами одежды, известными по старинным изображениям, и тем более — представить себе покррой платья. Верхняя одежда различалась по материалу, из которого она изготовлялась, по длине, по фасону, по цвету. Новым по сравнению с предыдущим периодом было, как предполагают исследователи, появление в XVI—XVII вв. наряду с однобортной распашной одеждой двубортной (Народы Европейской части, 1964. С. 130). Верхняя одежда, по-видимому, более, чем нательная, была подвержена изменениям, в том числе и под влиянием моды, и в ней особенно сильно сказывались сословные особенности. Они выражались в применении различных материалов, в количестве надеваемых одновременно вещей, в общем облике одежды (например, в длине) и в ее украшении.

К сожалению, большинство сведений, дошедших до нас, относится к одежде высших сословий феодального общества. Об одежде крестьян данные весьма скудные. Верхнюю одежду можно разделить на комнатную и уличную, хотя деление это условно и многие виды ее могли выполнять роль как той, так и другой. В качестве верхней комнатной одежды, а в летнее время и выходной, у женщин служили нагрудники, закрывавшие верхнюю часть корпуса. Поверх сарафана обычно носили *душегрею* — короткую, до талии кофту без рукавов (реже — с рукавами), собранную в густые сборки. Шили ее из дорогих тканей. Такая душегрея, вероятно, может рассматриваться как прототип позднейшей безрукавки на лямках в севернорусском костюме, известной под разными названиями: *перо*, *коротена*, *бастрог*.

С поневой поверх рубахи надевали накладной, т.е. не распашной, наверхник туникообразного покроя. Подобная одежда — шерстяная (*сукня*, *катанка*, *нагрудник*) или льняная (*касталан*,

насов, наверхник), бытовавшая как часть поневного комплекса в южных губерниях России в XIX в., как полагают специалисты, имела явно древнее происхождение. Считается возможным связывать генезис этих туникообразных нагрудников с древнерусским *летником*, который еще в документах XIV в. упоминается как обязательная принадлежность свадебного костюма феодальной знати. Это была парадная одежда, в большинстве случаев накладная. С плеч, как крылья, свисали широкие рукава с особо нашитыми полосками дорогих тканей — *вошвами*. Подол летника делался из более плотной, чем верх, узорной материи, иногда из парчи. Исследователи отводят летнику большую роль в развитии русского национального костюма (Громов, 1977. С. 211; Древняя одежда... С. 74). Летник был специфически женской одеждой и надевался поверх сарафана. Близок к нему теплый, подбитый мехом, *кортель*. В гардероб богатых знатных женщин входила также нарядная сугубо домашняя распашная *телогрея*, надевавшаяся на сарафан и похожая на него по покрою. Ее отличают длинные, суживающиеся книзу рукава и множество пуговиц вдоль разреза.

Некоторые виды верхней одежды носили и мужчины, и женщины. Таковой была, например, прямоспинная осенне-весенняя *однорядка* из шерстяной ткани с длинными откидными рукавами и прорезами для рук. Эти же особенности кроя имели и летние шелковые *опашни*, надевавшиеся обычно внакидку, а если в рукава, — то нараспашку. Мужской *охабень* отличался большим отложным воротником и длинными до пола рукавами с прорезами для рук. Были и другие разновидности прямоспинной одежды. Одни из них служили парадным одеянием московской знати (например, *фerezая*), другие имели более широкий круг бытования. Так, *армяк* из самодельного сукна в качестве повседневной уличной одежды носили простые люди как в городе, так и в деревне. У знатных же его шили из дорогих покупных тканей и употребляли лишь в домашнем обиходе. Из плащевидной безрукавной одежды еще продолжали сохраняться богатые мужские и женские *приволюки*, упоминавшиеся в завещании

князей, сменившие, вероятно, длинные плащи знати — *корзно*, известные с древности.

Наряду со свободной прямоспинной одеждой в этот период была широко распространена и прилегающая одежда кафтанного типа. Она бытовала во всех слоях общества. Мужской комнатной одеждой был *зипун* — довольно короткая облегающая тело куртка с клиньями в боках или с отрезной спинкой, которую носили поверх рубахи. Зипун украшался слабо, видимо, потому, что его прикрывал надевавшийся сверху *кафтан*. Впрочем, убедных зипун мог и заменять этот последний, являясь, в таком случае уличным платьем. Кафтаны носили преимущественно мужчины, реже — женщины. Его шили на подкладке. Материал для верха брали добротный, в соответствии с состоянием и назначением — бархат, атлас, камку, сукно, сермягу, крашенину. Делали и теплые кафтаны — *шубные* — бараньи, козлиные. Как правило, эта одежда была распашной, запаховалась на левую сторону и застегивалась на пуговицы или на завязки. Название *кафтан* восточного происхождения. В XVI—XVII вв. оно широко употреблялось у русских, и по-существу, относилось к разным одеждам. Кафтаны различались не только по материалу, но и по длине, покрою, фасону, отделке, украшениям. Разнообразными были воротники — отложные, стоячие, иногда очень высокие — *kozyрем*, пришитые, пристегивающиеся; иногда воротник отсутствовал вовсе. Рукава длинные, узкие, могли откидываться. Различались кафтаны *русские, турецкие, становые, польские, венгерские, терлики*. Как видно, эта одежда была подвержена изменениям моды. Среди кафтанов были и такие, которые служили как дождевой плащ — *кобеник, епанча*. В XVI в. в придворной среде распространилась похожая на кафтан «чуга» для верховой езды. Появление ее, по-видимому, было вызвано оживленными политическими и культурными связями с Северным Кавказом.

Зимой носили меховые, главным образом овчинные, шубы, полушубки, тулупы, крытые крашеным полотном (крашениной) или сукном, и нагольные (*кожухи*). У богатых шубы были нарядные, часто на дорогих мехах, украшенные петлицами,

нарядными пуговицами, металлическим кружевом и т.п. Они имели разное назначение. У бедных в обиходе обычно имелась одна скромная шуба. На руки в холодное время года надевали рукавицы (*рукавки*), иногда с пальцами — кожаные, матерчатые или вязаные. У богатых они были с крагами (*запятьями*), роскошно расшитые, как и тыльная сторона самой рукавицы.

Украшениям вообще принадлежала большая роль в женском и мужском убранстве. Головные уборы, пояса, воротники, пристегивавшиеся к рубаше и верхней одежде (*ожерелья*, *ожерелки*), манжеты (*запятья*, *зарукавья*), борта густо покрывались вышивками и нашивками из дорогих тканей, шнуров, галуна, кружев, бус. Распространенными украшениями служили пуговицы, петлицы; большим успехом у богатых пользовались жемчуг, драгоценные камни, серебряные и золотые нити. Бедные ограничивались более скромными вышивками цветной нитью, матерчатыми нашивками, узорными затканками. Судя по документам, богатые женщины имели множество украшений: в уши вдевали серьги, на руках носили браслеты, на пальцах — перстни, на шее — мониста из бус, золотые цепочки, к головному убору прикрепляли низки жемчуга — *рясы*. Одну серьгу по традиции носили и мужчины, мужской перстень назывался жиковиной или напалком. В среде простонародья, и особенно бедных, картина, естественно, была совсем иной.

В целом, развитие русской одежды в XVI—XVII вв., несмотря на известное ее этническое единство, протекало по пути ее дифференциации. Кроме локальных вариантов, которые, как мы уже говорили, несомненно имели место, но по наличным материалам пока прослеживаются с трудом, в ней явственно проступали социальные различия. Наряду с традиционными особенностями убранства по полу, возрасту и семейному положению, костюм отдельных социальных групп русских различался не только по материалу, длине одежд, пышности, но часто по его составу и даже по покрою отдельных частей.

Крестьянской одежде была свойственна наибольшая традиционность, наличие архаических форм (понева, туникооб-

разный нагрудник, лапти), употребление материалов, полученных в своем хозяйстве и сравнительно недорогих покупных. Дорогие ткани применялись главным образом для отделки выходной одежды и в значительной мере для головных уборов, вероятно, из соображений престижа. Платье изготовляли дома; некоторые виды одежды и обуви (нарядные сарафаны, кафтаны, сапоги) — у мастеров-ремесленников. Постепенно под влиянием города среди крестьян распространялись кафтаны из цветного сукна.

Одежда горожан отличалась от крестьянской. В ней было меньше архаических элементов, отсутствовали понева и лапти, они заменялись сарафаном и сапогами, была и детская одежда, сшитая по образцам взрослой. И хотя городская одежда, особенно у простонародья, мало отличалась от крестьянской, участие в ее создании профессионалов и более широкое применение промышленных материалов накладывали свой отпечаток на облик горожанина. При этом горожане необходимое производили сами. Для этого у них дома были все приспособления, как и у крестьян. Одежда горожан отличалась, кажется, заметным локальным однообразием. Если в крестьянской женской одежде этого периода можно проследить территориальное распространение поневного и сарафанного комплексов, то в городском костюме наблюдается большая однородность. К тому же, как уже говорилось, поневу в городе вообще не носили.

Из общей массы русского сельского и городского населения по одежде выделялось духовенство. Отличие касалось верхней одежды. Духовные лица поверх обычного комнатного платья носили первоначально *однорядку*, а потом — *рясу* с широким воротом и длинными рукавами, а церковные иерархи — особую *мантию* и головной убор — *клобук*. В комплекс одежды входил, очевидно, еще подрясник с длинными узкими рукавами, служивший для низшего причта в качестве домашней одежды (Древняя одежда... С. 105).

В тот же период с развитием военного дела начала складываться военная форма. Элементы ее, особенно у верхнего командного состава из князей и бояр, в виде шапок, поясов, плащей,

налатников и т.п. прослеживаются с более раннего времени. С возникновением же регулярного войска происходит известный процесс унификации военной одежды. Для стрельцов становятся обязательными длинные (до лодыжек) кафтаны с петлицами, шапки в виде колпака с меховой оторочкой и сапоги. Расцветка обмундирования в каждом полку имела свою специфику. В военную среду проникало заметное влияние западноевропейской одежды — польской, затем — венгерской, а впоследствии — немецкой. Эти влияния, правда, затрагивали более всего господствующую феодальную верхушку, которая постепенно стала следовать моде. Однако в целом ее одежда менялась медленно.

Для гардероба феодальной знати, дворянства, богатого купечества было характерно большое обилие вещей, их добротность и высокое эстетическое качество. Одни и те же виды одежды бытовали во многих вариантах, соответствующих их функциональному предназначению. Наряд этой социальной группы отличался пышностью и богатством. Иностранцы путешественники XVI—XVII вв. отмечали большое разнообразие жемчужных и иных украшений, мехов, вышивок (*Таннер*, 1891. С. 101—108). По-прежнему можно заметить многослойность парадной одежды, отвечавшую, вероятно, требованиям представительности. Обычай носить несколько сходных верхних одежд одновременно (надеть одну поверх другой) был особенно распространен в придворной среде и соответствовал определенному этикету. В целях неукоснительного соблюдения установленного этикета некоторым чинам в соответствии с их положением при дворе выдавалась парадная одежда или материал для нее из царской казны.

Различия между одеждой верхушки феодального общества и всего остального русского населения, касающиеся в основном верхнего платья, были достаточно заметными. Многие виды одежды, головных уборов, обуви, употреблявшиеся богатыми и знатными, среди простого народа могли не встречаться вовсе. И все же это не означало, что народный костюм не испытывал в своем развитии влияния костюма элитарных групп. Это влияние,

несомненно, имело место в тот период. Его можно проследить ретроспективно по позднейшим материалам XIX в., например, в орнаментике, головных уборах, украшениях.

В целом, одежда русских допетровского времени, обладавшая известным единством, отличалась большей устойчивостью форм, следованием традиции, ярко выраженным своеобразием, т.е. свойственной ей этнической спецификой. Начавшееся проникновение в быт социальной верхушки образцов западноевропейской моды лишь только коснулось русской одежды и еще не привело к типологическому разделению в ней.

Социальная дифференциация одежды в XVIII—XIX веках

В дальнейшем у русских наблюдается все большее расхождение в одежде различных сословных групп сельского и городского населения. Со второй половины XVII до середины XIX в. (период характеризуется разложением феодально-крепостнической системы и развитием капиталистического уклада) различия в культуре господствующих классов и народных масс становятся особенно глубокими. Одежда господствующих классов, хотя и включала отдельные традиционные или так или иначе связанные с традицией элементы (чаще всего в сугубо домашнем обиходе), но в целом сильно отделилась от нее и все более следовала западноевропейским образцам.

Радикальные преобразования в русской одежде связаны с именем Петра I, с его законодательной деятельностью. Изменения проводились административными методами под угрозой штрафов. Исключение составляли костюмы пашенных крестьян, священнослужителей, церковного притча, извозчиков, а затем также и старообрядцев. Нововведения отвечали прежде всего задачам выделения из общей массы народа дворянства как господствующего сословия, возвышения над всеми. Они согласовались с той социальной ситуацией, которая тогда сложилась в России, — с ростом абсолютизма, с формированием регулярной

армии, с развитием бюрократического аппарата государства. Реформы Петра I подвергали коренной ломке дворянский быт, но отчасти затрагивали и другие слои общества. Новые моды прививались с трудом и главным образом в столицах, в провинцию же они доходили медленно и часто в искаженном виде. Охотнее им следовала молодежь, тогда как старшие старались придерживаться привычного платья.

Нововводимая одежда представляла собой общеевропейский костюм, сложившийся, в основном, в среде французского дворянства и имевшего в разных странах некоторые отличительные черты. В своем развитии он был подвержен законам смены известных художественных стилей европейской культуры — барокко, рококо, классицизма. На протяжении XVIII в. этот костюм несколько раз менял свой силуэт. Переход к новой одежде взамен старой традиционной означал, что Россия, как и другие страны Европы, включалась в непрерывный круговорот моды, подчинявшей себе во многом эволюцию костюма. Естественно, это касалось прежде всего царского двора и близких к нему кругов. Сюда, как и в другие европейские столицы, из Парижа прибывали куклы-модели, «Пандоры» с образцами парадного и повседневного дворянского платья. Отсюда модные покрои и фасоны расходились по всем городам с разной степенью опоздания. Моды стали публиковаться только с 1779 г.

Костюм дворянства, как и ориентировавшихся на него представителей нарождающейся буржуазии (главным образом, богатого купечества, крупных промышленников), в результате реформ Петра I сильно отошел от народной традиции. Он стал изготавливаться по западноевропейским образцам, и его эволюция определялась законами моды. Правда, в царствование Екатерины II в 80-е годы была сделана попытка удержать в придворном быту некоторые традиционные формы женской одежды. Для торжественных приемов дамам предписывалось являться во дворец в роскошном *русском платье*, напоминающем старинные летники или сарафаны. Однако это не получило достаточно широкого распространения, и в дальнейшем в XVIII в., а также и в XIX

высшие слои русского общества по своему внешнему облику все более отдаляются от русского населения. Одежда в этот период наглядно отражала деление позднефеодального русского общества на социальные слои и группы. Вместе с тем, сама она, играя немаловажную роль в широкой сфере человеческого общения, способствовала углублению этих различий, известной изоляции отдельных групп в быту.

Главным хранителем традиционного русского костюма оставалось крестьянство. Закономерности эволюции этого костюма были несколько иными. Большое воздействие на ее ход оказывали консолидирующие и дифференцирующие этнические процессы, протекавшие в связи с постоянным расширением этнической территории русских и продолжением передвижения населения внутри страны, а также большие социальные изменения, вызванные прежде всего развитием промышленности и обмена. В сложившихся условиях происходило известное сглаживание уже сформировавшихся к тому времени *локальных комплексов* традиционной одежды и появление новых. Одни из них могли расширять свой ареал, другие — сужать. Так, например, известно, что в этот период происходило широкое распространение сарафана (а значит, и всего его комплекса) в городах, как на севере, так и на юге и все более глубокое проникновение его в быт деревни (Рабинович, 1982. С. 154). К сожалению, сведения по XVIII в., имеющиеся в распоряжении исследователей, хотя и более значительные по сравнению с предыдущими веками, все же не дают возможности достаточно точно идентифицировать с упоминающимися в документах названиями истинный облик бытовавших тогда предметов одежды. Тем более трудно восстановить сколько-нибудь полную ее картину.

Одежда крестьян, разумеется, должна была изменяться под влиянием общего прогресса. Одни ее элементы (обычно более архаические) постепенно уходили из обихода, другие — получали более широкое применение. Но в силу особенностей общественного и хозяйственного строя деревенской жизни, сравнительно слабого развития товарно-денежных отношений движение это было

достаточно медленным. Не случайно, что еще и в середине XIX в. крестьянская одежда порой была старомодна. Немалое значение для изменений крестьянской одежды имели города, которые с самого своего появления стали вносить свой вклад в развитие национальных форм материальной и духовной культуры. Здесь встречались люди, принадлежавшие к разным сословиям и отличавшиеся по имущественному положению; отсюда в деревню приходили новые товары и новые вкусы. В XVIII в. уже появились отходники из оброчных крестьян, работавшие в городе.

Особенность городской одежды, в отличие от сельской, состояла прежде всего в использовании преимущественно разнообразных покупных отечественных, а отчасти и привозных материалов, что неизбежно влекло за собой и изменения в покрое и в украшениях. Однако неоднородность городского населения обуславливала большое разнообразие костюмов. Богатые и знатные горожане носили западноевропейское, так называемое немецкое, платье, большинство же — русское. Купцы, мещане, ремесленники придерживались преимущественно традиционного покроя в одежде, что диктовало применение материалов традиционного изготовления (либо домашних, либо покупаемых у ремесленников). Внутри отдельных социальных слоев различия проявлялись главным образом в качестве материалов. Зажиточные шили из покупных русских или дешевых привозных тканей, бедные применяли холст, сермягу, набойку и др. Богатые употребляли для верхней одежды тонкое сукно, серебряные и позолоченные пуговицы (Георги, 1776. С. 127—128).

У средних и низших слоев городского населения продолжала бытовать традиционная мужская рубаша давно сложившегося покроя — туникообразная голошейка с прямым или косым разрезом ворота. Достигая почти колен, она выпускалась поверх длинных нешироких штанов из холста, кумача или полосатой пестряди и подпоясывалась поясом. Зажиточные шили штаны из плиса или немецкого сукна, наиболее распространенным верхним платьем была кафтанообразная одежда, известная во многих вариантах под различными названиями: *зипуны*, *сермяги*,

кафтаны, полукафтаны, поддевки. В их покрое можно обнаружить как черты русской традиционной одежды древнего происхождения, так и новые, под влиянием иноземных мод.

Изменения в верхней одежде происходили довольно быстро, однако русские кафтаны обычно отличались большей длиной (ниже колен, до середины голени), прямой спиной, отсутствием воротника, карманов, обшлагов, разреза сзади, свойственных новой одежде. К новым веяниям относилось все большее распространение приталенных, расклешенных, сравнительно коротких форм. Купцы и мещане, кроме кафтанов, носили камзолы — однобортные, с застежкой и раскошенными полами, с карманами и клапанами. Среди купцов разного положения и достатка широко бытовали сюртуки. К концу века костюм богатых промышленников и торговцев приближается к костюму дворян. Зимой богатые горожане носили меховые или подбитые мехом шубы (лисьи или рысьи длиной до пят), чаще шубные кафтаны или полушубки с отрезной спинкой и со сборами или с фалдами от талии. Наряду с ними бытовала и традиционная дополнительная одежда халатообразного покроя — *халат, азым, армяк*. Просторные и длинные, они плотно запахивались и подпоясывались кушаком. Зимой носили овчинный тулуп с большим воротником *шалью*.

Мужским головным убором служила широко распространенная шапка с цветным суконным верхом и черным овчинным околышем. Известно, что в конце XVIII в. такую «русскую» шапку с желтым верхом и с таким же кушаком поверх кафтана или шубы носили петербургские извозчики (*Белогорская, Ефимова*. С. 360). Были в моде и суконные картузы с овчинным околышем. Среди купцов широким спросом пользовались черные с круглыми полями шляпы «немецкого дела». Стриглись мужчины спереди — до бровей, сзади — до плеч. Обувью служили сапоги, сшитые чаще всего на прямую колодку, и кожаные *кóты*.

Скудностью и примитивностью отличалась одежда мастеровых, работных людей, горных людей, занятых на фабриках, заво-

дах и промыслах. Попытки ввести для них своего рода униформу не увенчались успехом. Дополнениям к одежде мастеровых служили передники и различные кожаные рукавицы и вареги.

Женское население городов придерживалось в одежде старых традиционных форм. Купчихи и мещанки, как и крестьянки, носили длинные полотняные рубахи со сборками у ворота и с длинными широкими рукавами, суживающимися к запястью или заканчивающиеся оборкой. Встречались также рубахи с удлинненными рукавами, забранными в поперечные морщины.

Поверх рубахи в городах носили сарафаны. Сарафан, как и ранее, бытовал в нескольких вариантах и под разными названиями (Маслова, 1956. С. 642; Тазихина. С. 21—35; Богданов. С. 132). Он был также широко распространен и у крестьян, особенно в северной и центральной полосе России. Старинные глухие сарафаны, в основе своей туникообразного покроя, с клиньями по бокам, уже тогда служили в некоторых местностях одеждой только старшего поколения женщин (*сукман, шушун, шушпан*). Наиболее распространенным был косоклиный распашной сарафан (иногда с ложным разрезом спереди), встречавшийся во множестве разновидностей (*касталан, ферьязь*). Он эволюционировал по пути сужения плечиков и превращения их в длинные узкие лямки и углубления выреза на груди. Такой сарафан был наиболее характерным для северных областей территории расселения русских и имел некоторые общие черты со схожей одеждой соседних неславянских народов. В Центральном районе в XVIII в. получил распространение прямой сборчатый сарафан с узкой обшивкой на груди и на узких лямках — *московский, круглый*, называвшийся иногда *шубка*. Проникновение сарафана в другие районы страны было непосредственно связано с передвижениями отдельных групп населения, которые приносили его с собой на новые места. Так, уже говорилось о появлении этой одежды в некоторых районах на юге России под влиянием расселения здесь в XVI—XVII вв. служилых людей для охраны границ государства. Продолжили это проникновение и более поздние переселения. Вместе со старообрядцами, убе-

гавшими от преследований, такой сарафан появился и Сибири, на Дону, в Заволжье (*Лебедева А.А.*, 1982. С. 143). В комплексе с сарафаном носили пояс, головной убор — кокошник, иногда с головным покрывалом. В качестве верхней одежды применялись сложившиеся в более ранний период короткие безрукавные на лямках *душегреи* или *епанички*, а также более длинные и с рукавами *шугаи* и *телогреи*.

В ряде районов поверх рубахи крестьянки надевали древнюю поневу из шерстяной, чаще всего клетчатой, ткани. Это, очевидно, была распашная понева, не сшитая спереди или сбоку. Ее носили преимущественно в южнорусских губерниях, отчасти в среднерусской полосе, на Смоленщине, у русских переселенцев в Поволжье. Понева считалась нарядом замужних женщин. Девушки же до самой свадьбы могли ходить в одной рубахе. Об этом свидетельствует особый обычай надевания на девушку поневы в первый раз, сохранившийся у русских в более позднее время (*Зеленин*, 1911. С. 238—239). В комплексе с поневой бытовали кичкообразные головные уборы, иногда рогатые. Иностранцы путешественники отмечают большое разнообразие головных уборов у русских (*Паллас*. С. 49; *Записки графа Сегюра*. С. 84). Продолжали сохраняться различия между девичьими головными уборами с открытым теменем и косой и уборами замужних женщин, которые должны были закрывать волосы. Свои особенности имело также убранство головы невесты, а иногда — и просватанной девушки.

В городах у купчих и мещанок, кроме сарафанного комплекса, под влиянием изменений в дворянском костюме распространилось платье, состоящее из широкой юбки и кофты или *шугая* (род кофты с узкими рукавами). Шили их иногда с учетом моды. Юбки были черные и цветные из тканей разного достоинства в зависимости от состояния владельца. К этому костюму иногда добавлялся нововведенный поясной фартук, не свойственный традиционному русскому наряду. Голову покрывали платком-головкой, завязывая концы его спереди над лбом. В большом ходу были большие платки и шали. Новшеством в этой среде

стали также цельные свадебные платья невесты, сшитые на западноевропейский манер.

Теплой одеждой у зажиточных горожан были различного рода холодные и утепленные накидки — плащеобразные с прорезями для рук и без них — *накидки, епанчи, салоны* или *ассалоны*. Разнообразны были и шубы для зимы — на меху, крытые сравнительно дорогими нарядными тканями и с меховыми воротниками разного достоинства. Среди простонародья, как и у крестьян, бытовали кафтаны и зипуны.

На ногах носили нитяные или шерстяные чулки (часто синие или белые с красными стрелками), сапоги или *куты*. У богатых купчих, особенно у молодых, в употреблении были нарядные выстроченные башмаки из сафьяна, парчи или шелка. Крестьяне в повседневном быту обували лапти, для праздников имели сапоги, *кóты*.

В XIX в. у преобладающей части русского народа в одежде продолжали развиваться тенденции, которые наметились ранее. Прежде всего ей было свойственно господство традиционных форм, ведущих свое начало с глубокой древности, сохранение местных особенностей.

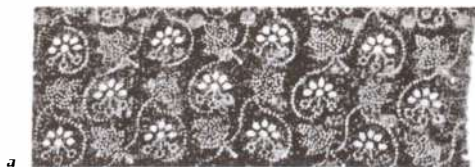
Следование старинным образцам, некоторая их консервация, во многом были обусловлены той значительной ролью, которую играл натуральный уклад в хозяйстве сельских и городских жителей, известной изолированностью культурной жизни отдельных групп крестьян и горожан. Усугублялось все это усиливавшимся феодальным гнетом, ухудшавшим материальное положение трудового народа, а порой и личной зависимостью крепостных от произвола помещика. Изменения в традиционной одежде, особенно у крестьян, происходили медленно, и она в значительной мере продолжала оставаться такой же, как и в прошлые века. Основная роль в сохранении традиционной преемственности в русской одежде принадлежала домашнему производству, начиная с сырья и кончая готовыми изделиями. Известно, что еще в конце XIX и даже в начале XX в. производство волокна, прядение и ткачество, отчасти и домашнее крашение,

а также изготовление лыковой плетеной, иногда кожаной сыромятной обуви удерживалось в быту у большей части крестьянства.

Все эти работы органически вплетались в круг занятий крестьянской семьи. Забота об изготовлении одежды в основном входила в обязанности женщин. Шить верхние платья из сукна или выдубленных овчин приглашали пришлых портных, работавших на дому заказчика за деньги и харчи. На обязанности мужчин лежало изготовление обуви. Из заготовленного липового лыка или приобретенного на базаре плели лапти, из веревок — чуни. Иногда сами делали и сыромятные постолы. Но их чаще заказывали или, как и сапоги, покупали у ремесленников. Из шерсти, полученной в своем хозяйстве, валяли валенки или пимы. Этим обычно занимались пришлые мастера. Работали они, как и портные, по домам или снимали на сезон квартиру. Ремесленники, как и сами крестьяне, работали по давно установившимся шаблонам. В результате, в первой половине XIX в. крестьянская одежда, можно сказать, продолжала сохранять свой традиционный облик.

По мере развития в России капиталистических отношений после реформ 60-х годов, и особенно к концу XIX — началу XX в., углубление товарно-денежных отношений все сильнее способствовало сокращению домашнего производства одежды. В условиях ведения товарного хозяйства стало невозможным выполнять весь обширный комплекс работ, связанный с изготовлением одежды. Крестьяне даже при сравнительно низком уровне материального благосостояния, были вынуждены прибегать к покупке тех или иных наиболее доступных им промышленных товаров. Благоприятствовали этому углубление общественного разделения труда, развитие крупных мануфактур, а затем и легкой промышленности, расширение внутренней торговли, усиление связей отдельных районов в процессе складывания всероссийского рынка.

Покупной материал применялся и при домашнем изготовлении одежды. Хлопчатобумажные нитки шли на утук для холстины, а также были необходимы в производстве пестряди, которая

а

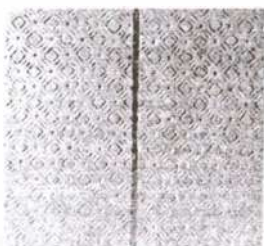
б

Ткани:

а, б — набойки,
в, г — набивные доски

в

г

продолжала бытовать. Бумажные и шерстяные нитки, окрашенные в разные цвета, шли для вышивания, изготовления поясов, в узорное ткачество. Появление анилиновых красителей привело к некоторым изменениям общего колорита одежды. Оно расширяло традиционную цветовую гамму украшений, вводило в обиход более яркие, чем прежде, тона. Но и это рукоделие со временем все более сокращалось. Сначала вместо домашнего холста, пестряди из готовой *гумаги* (т.е. хлопчатобумажных ниток), полусуконной понитчины, употреблявшихся для белья и рабочей одежды, главным образом для мужчин, стали покупать подобные товары у специалистов-ремесленников. Эти последние, удовлетворяя спрос потребителей, делали даже узорные затканки, в частности браные, по традиционным рисункам. Затем постепенно отказались и от этого, заменив кустарные товары промышленными

изделиями. Этот процесс шел неодинаково в различных районах. Особенно сильно влияние рыночных отношений сказывалось в губерниях Центральной России, промышленно развитых и урбанизированных. Здесь среди крестьян близ городов и торговых сел в конце XIX — начале XX в. для пошива повседневной женской и детской одежды широко применялось *лепестье* — разноцветные лоскуты хлопчатобумажных фабричных тканей, продававшиеся на вес по дешевой цене (Анохина, Шмелева, 1964. С. 135). В таких пестрых платьях, из кусков, разных по рисунку и расцветке, девушки ходили до просватанья.

Происходили изменения в покрое отдельных элементов традиционного костюма, к замене привычных частей его новыми, в различной степени отдаленными от старинных образцов. Изменения в большей степени были свойственны одежде молодых сельских и городских жителей, в то время как наряд

пожилых, особенно женщин, продолжал сохранять давно сложившиеся черты. Своеобразие русской народной одежды, степень ее традиционности была непосредственно связана также с имущественными различиями отдельных групп населения и с социальной их ориентацией. Заметной устойчивостью форм отличалась обрядовая одежда.

В целом традиционная одежда русских в XIX — начале XX в. представляла собой сложную динамическую систему, отличающуюся большим многообразием своего состава. В ней одновременно сосуществовало несколько типов костюма, раз-

Старообрядческий костюм (Пермская область, Чердынский район)

ных по своему происхождению. Основу этого многообразия составляли варианты костюма, региональные или локальные, сложившиеся в разное время в ходе исторического развития русского этноса, начиная с древности. Эти типы, или комплексы, характеризовались сочетанием определенных элементов одежды и едином костюме, распространенном в той или иной местности, у той или иной группы народа. Изменения, вызванные новыми явлениями в социальной жизни, происходили, как правило, в рамках отдельных типов одежды, постепенно обновляя их, но не разрушая окончательно. Это в свою очередь приводило подчас к причудливым сочетаниям в одежде нового со старым, не лишавшим, однако, эту область народной культуры свойственной ей оригинальности.

У русских сравнительным единством отличалась мужская одежда. В ней процесс нивелировки и выработки общенациональных форм протекал быстрее, что могло быть связано отчасти и с большей подвижностью мужского населения, чем женского. Мужчины почти повсеместно носили характерные для русских прямые рубахи-косоворотки с невысоким стоячим воротником (или без него) и с застежкой на левой стороне груди. Впрочем, встречались рубахи и с правосторонней застежкой (Поволжье, Прикамье, Приуралье), которая могла появиться у русских как результат их связей с народами Волго-Камья (*Лебедева, Маслова, 1967. С. 238*).

Первоначально косоворотки шили из белого холста с перегибом центрального полотнища на плечах. Со сменой материала менялся и покрой: появлялись срезы на плечах, скошенные бочка, округлые проймы для рукавов. Длина рубашки укорачивалась, к рукавам пришивались обшлага. Рубахи стали шить из ситца, красного кумача, цветного кашемира. Подол рубашки, как и ранее, выпускали поверх нешироких штанов и надевали пояс. Праздничные рубахи украшались вышивкой по воротнику, грудному разрезу (*манюшка*), по подолу и по краям рукавов, не имевших обшлагов. Косоворотку носили и в городе, и в деревне. Лишь у различных групп казачества рубахи шили, как

в древности, с разрезом посередине груди. Их, носили подобно украинцам, заправленными в широкие штаны. Старинная туникообразная *рубаха-голошейка* (без воротника) с прямым разрезом ворота встречалась как реликтовая форма у стариков, чаще всего в качестве белья. Кое-где в южнорусских областях (например, в Воронежской) и в Сибири под влиянием переселенцев с юга бытовала рубаша иного типа — с прямыми поликами (наплечными вставками), со сборками у ворота и на рукавах, имевшая, по всей вероятности, также древнее происхождение.

В конце XIX — начале XX в. в деревнях, особенно с развитым отходничеством в индустриальные районы (например, в Донбасс), появились новые виды рубах. Одна из них — рубаша на кокетке с пышными рукавами, пришитыми в сборку, другая — с разрезом наискось через всю грудь, украшенным двумя рядами пуговиц. Отходники щеголяли в ярких атласных рубашках, плисовых штанах и лаковых сапогах (Село Вирятино. С. 69, 70).

Рубахи и штаны у преобладающей массы крестьянства были, как правило, одновременно и нательной, и верхней одеждой. Разделение одежды на бельевую и верхнюю появилось лишь в конце XIX — начале XX в., с проникновением в быт деревни промышленных тканей. В то же время в глухих местах еще сохранялся древний обычай, когда мальчик в будни ходил в одной длинной рубаше (примерно чуть ниже колен), подпоясанной поясом, почти до самой свадьбы.

Штаны (*порты*) преобладали неширокие, с двумя трапециевидными вставками в шагу — типичные для русских. Встречались и иные крои — ромбовидной или квадратной вставкой, как у белорусов и украинцев. Чаще они бытовали на западных окраинах территории расселения русских, а также в городах или у отходников, сшитые из покупных тканей. На смену традиционным формам штанов пришли выкройные брюки без вставки, сшитые из хлопчатобумажных и шерстяных тканей темных тонов. Традиционные штаны удерживались на теле с помощью *гашника* — шнура, вдернутого в подшивку верхнего края. С середины XIX в. это устройство постепенно заменяется поясом на застежке.

Большой устойчивостью обладал набор мужских головных уборов. Преобладали самодельные валенные шапки из серой или белой шерсти. Наиболее распространенной была высокая, почти цилиндрическая коричневая шапка *грешневик* или *черепеник*, широко известная и в XVIII в. Ее изготавливали ремесленники. В западнорусских губерниях носили еще старинный полусферический колпак — *валенку*. Зимой ходили в овчинных шапках разных фасонов (*треухи*, *малатаи*), затем им на смену пришли *ушанки*, а также *папачи*. Казаки носили меховые шапки (*кубанки*, *папачи*) и летом, и зимой. В конце XIX в. повсеместно в ходу были матерчатые картузы с козырьком. Из других форм мужских головных уборов встречалась и старинная шапка с четырехугольным дном, бытовавшая среди городских извозчиков. Промысловое население Крайнего Севера пользовалось ненецкой шапкой из оленьего меха и матерчатой *зырянкой*, заимствованной у коми. Историко-этнографический атлас «Русские» зафиксировал также вязаные колпаки у поморов, сходные с головными уборами рыбаков Скандинавии и Финляндии.

Женская традиционная одежда значительно дольше сохраняла местные черты. При всем ее единстве, она довольно сильно различалась по областям. Главные различия заключались в особенностях севернорусского и южнорусского костюмов, сложившихся в позднефеодальный период. Выделялась в ряде случаев одежда некоторых других групп русских (*Лебедева*, *Маслова*, 1967; *Крестьянская одежда*, 1971).

Наиболее характерным элементом севернорусского комплекса одежды, широко распространившегося и в среднерусской зоне, был сарафан, тогда как для южнорусского типовым была понева. Основную часть костюма русских женщин, и в том и в другом случае, составляла длинная рубашка из белого холста с наплечными вставками (поликами) и сборками у ворота. Стан ее сшивали из нескольких цельных продольных полотнищ или составляли из грубой и прочной нижней части и более тонкого и нарядного верха. Рубаха такого типа характерна для традиционной одежды всех восточнославянских народов и отличается

Женский костюм с сарафаном

от туникообразной рубахи соседних с русскими финноязычных народов Поволжья. При этом севернорусская рубаха, подобно украинской и белорусской, имела прямые полики, пришитые по утку, или цельный бесполиковый рукав. Более поздней ее разновидностью была рубаха с так называемыми слитными поликами, которые выкраивались вместе с рукавами обычно из покупной ткани, более широкой, чем холст домашнего изготовления. На Северо-Западе встречалась также рубаха с рукавами особого покрова — «по топорному».

Ее принято считать новгородской.

Рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, носили с сарафаном на Севере и в центральных губерниях. В южнорусской полосе в комплексе с поневой она встречалась редко и более всего как поздняя замена рубахи с косыми поликами. Вообще рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, вместе с сарафаном можно считать общерусской. Новым типом рубахи в сарафанном комплексе, заменившей поликовую, была поздняя рубаха на кокетке, пришедшая в деревню из города.

Сарафан, сформировавшийся в период обособления русских от других восточнославянских народов, постепенно превратился в неотъемлемую часть русского национального костюма. Как уже говорилось, первоначально он был, вероятно, одеждой феодальной верхушки, но еще в допетровские времена распространился на все слои общества и проявил ярко выраженную тенденцию к вытеснению древнерусской поневы. С переходом господствующих классов к западноевропейским формам одежды

сарафан остался принадлежностью традиционного наряда крестьян и большей части городского населения. Территория его распространения довольно обширна. Кроме Севера и средней полосы России он бытовал в Приуралье, Западной Сибири, в южнорусских губерниях в районе бывшей засечной черты, появившись в этих местах еще с первыми потоками русских переселенцев (XVI—XVII вв.). Старообрядцы, укрываясь от преследований, принесли его с собой в Восточную Сибирь, на Дон, в Заволжье, на Украину и в Прибалтику. В XIX — начале XX в. дальнейшее «продвижение» сарафана продолжалось за счет сокращения ареала поневы, хотя сам сарафан уступал место юбке.

Русский сарафан со времени своего появления в быту был в постоянном развитии, появлялись все новые и новые моди-

Женская одежда
конца XIX начала
XX в.:

- а) рубаха,
- б) сарафан,
- в) кофта,
- г) юбка

фикации, многие из которых подолгу сосуществовали одновременно. В XIX — начале XX в. отдельные его виды сильно отличались по покрою, ткани, расцветке и названиям. На Севере, реже в южнорусских губерниях, еще встречались в качестве девичьей или старушечьей одежды древние глухие сарафаны с цельным центральным полотнищем, сшитые из шерстной домотканины белого или темного цвета (*шушун, сукман*). В массе своей они еще раньше, вероятно, были вытеснены широким распашным косоклинником. В многочисленных вариантах еще в середине XIX в. он был наиболее распространенным типом сарафана. Однако на смену косоклиннику повсеместно приходил (XVIII в.) появившийся в Центральной России так называемый *круглый или московский* лямочный прямой сарафан на сборках. Поверх сарафана надевали передник, укреплявшийся завязками выше груди. Иногда он имел *грудку* и тогда укреплялся завязками на талии и тесемкой на шее. В конце XIX — начале XX в. распространились передники-фартуки новых покроев, закрывавшие перед сарафана от талии вниз. Вместе с сарафаном надевалась нагрудная одежда: *нарукавники* в виде короткой прямой куртки с рукавами и *душегрейка* на лямках, которая широко бытовала с косоклинным сарафаном в XVIII в. Наружники были характерны для северного варианта сарафанного комплекса. Сходная с ними одежда встречалась у соседних финнов и шведов.

С сарафаном замужние женщины, главным образом, молодые, по праздникам носили различные кокошники — твердые головные уборы, богато украшенные вышивкой, парчой, жемчугом (им богаты были северные реки), бусами. Из жемчуга на Севере и в центральных губерниях делали серьги (*пьясы*) в виде желудей или кисти винограда, а также ожерелья. Как считают исследователи, кокошник можно рассматривать как общерусский головной убор, хотя территория его бытования не была сплошной. Его распространение по времени было связано с сарафаном. Он, как и сарафан, первоначально свойствен костюму феодальной верхушки и горожан, и лишь потом стал и крестьянским. Изготовлением кокошников занимались мастера-специалисты в

городах, торговых селах, монастырях. Особенности многообразных форм кокошника и характер их бытования свидетельствуют о том, что генетической его основой были, вероятно, местные формы кичкообразных головных уборов, более ранние по происхождению.

Отдельные виды кокошника имели свои исторически сложившиеся ареалы. Ареалы эти в основном совпадают с границами древнерусских земель и направлений последующей колонизации. Так, выделяются северо-западные кокошники типа новгородской *кики*, тверской *головки* и *ряски*. Район их распространения находился в пределах древней Новгородской земли и области сильного новгородского влияния. В центре России с прилегающими к нему губерниями с северо-востока и севера, на территории древней Владимиро-Суздальской земли и московской колонизации, бытовали однорогие кокошники. На юго-западе, вокруг Курска и в западной части Орловской губернии, в районе расселения бывших служилых людей низшего разряда, носили спе-

а

Традиционный костюм
в Северном Приуралье
в начале XX в.
(Пермская область):

а) девичий костюм (Соликамский район); б) женский костюм (Юрлинский район)

б

Традиционный
 костюм
 в Северном Приуралье
 в начале XX в.
 (Пермская область):
 в) крестьянский костюм
 бывшего Пермского уезда

цифические двухгребенчатые или седловидные кокошники, очевидно, местного происхождения. В южнорусских губерниях (Воронежской, Тамбовской и др.), среди потомков военнослуживых людей, был распространен так называемый однодворческий кокошник, близкий к северным типам. Он был принесен сюда вместе с сарафаном московской колонизацией XVI—XVII вв.

На северо-востоке кокошник не имел значительного распространения, как и кичкообразные уборы. Здесь женщины надевали на голову своеобразные шапочки (*шамшуры*), известные также коми и карелам. До середины XIX в. на севере встречались древние женские шапки (*кораблик*, *чабак*, *треух*), но они не были свойственны крестьянскому костюму.

Из девичьих головных уборов, оставлявших открытым верх головы, для сарафанного комплекса была характерна старинная, богато украшенная городчатая *коруна*, или *венец*, входившая в брачный наряд невесты. Для массового употребления служила *повязка* из парчовой ленты или сложенного платка, являвшаяся как бы поздней заменой древнего головного полотенца. Кое-где на Севере продолжала сохраняться жемчужная *перевязочка* — нарядный обруч на твердой основе, подобный тому, который был известен древним славянам. Волосы девушки заплетали в косу и украшали ее лентами и нарядными *косниками*. Невесты под венец шли, согласно древнему обычаю, с распущенными

волосами. Все эти традиционные головные уборы, как женские, так и девичьи, во второй половине XIX в. постепенно уходят из повседневной жизни и заменяются покупными («торговыми») платками. Замужние женщины под платок надевали ситцевые *повойники* или *сборники*, стягивавшие волосы.

Нарядный праздничный костюм носили с кожаной обувью. В будни на работу ходили в лаптях. Для северных губерний было характерно бытование берестяных *лаптей-коверзней*.

Севернорусскому костюму была свойственна вышивка, колорит которой отличался сдержанностью, сочетанием белого цвета с красным, с добавлением синих, зеленых, желтых вкраплин. Разреженность рисунка придавала ему особую тонкость и прозрачность. Местами здесь, однако, встречались насыщенные яркие орнаменты, как, например, в Каргополье на подолах женских рубаш. Большое место в северных вышивках наряду с геометрическим орнаментом занимали древние изобразительные мотивы, так называемые трехчленные или трехфигурные композиции, а также фигуры птиц, зверей (*Маслова*, 1978). В северных украшениях довольно много было жемчуга и его заменителей.

Костюм с сарафаном и кокошником был широко распространен и в среднерусской полосе, где, по-видимому, он пришел на смену другому — с *поневой*, которая бытовала в этом районе еще в начале XIX в. Можно предположить, что именно здесь этот костюм приобрел общенациональный характер и распространялся отсюда в более поздних формах как на север, так и на юг. Однако в середине XIX в. в среднерусской полосе под влиянием промышленного развития и городских вкусов стал быстро распространяться женский костюм с юбкой и блузкой, часто из одинаковой фабричной ткани (*парочка*). К началу XX в. он почти повсеместно вытеснил остальные комплексы женской одежды. Вместе с юбкой и блузкой употреблялся передник более поздней формы — типа фартука, и новые головные уборы, пришедшие на смену традиционным — *головка*, *наколка* или *сколка* из шелка в виде повязанного и скрепленного платка (чаще в городе), и *файшонка* — плетеная из ниток косынка черного цвета.

Южнорусский традиционный костюм отличался от северного или среднерусского сочетанием белой полотняной рубахи с косыми трапециевидными поликами, подпоясанной тканым поясом, и домотканной понева, чаще всего клетчатой. В восточной части южнорусского региона носили также рубаху с прямыми поликами (иногда слитными с рукавом), пришитыми по основе полотнищ, составляющих ее стан. Такая конструкция здесь была как бы упрощением рубахи с косыми поликами, которую она заменяла.

Понева — один из древнейших видов русской одежды, в XIX в. она была на стадии отмирания. Уже говорилось, что еще с XV—XVI вв. она стала заметно вытесняться новым по сравнению с ней сарафаном, распространение которого все более и более сокращало ее ареал. В XIX в. поневу носили исключительно крестьяне. В силу различных причин она продолжала сохраняться главным образом в южнорусском регионе и лишь отчасти в среднерусской полосе, но и здесь на смену ей постепенно приходила юбка из фабричных тканей. Однако в особенно изолированных и отдаленных от центров местах понева продолжала бытовать еще в 20-е годы XX в. — и подчас в весьма архаических формах.

По конструкции, цвету, украшениям, характеру ткани и способу ношения понева имела множество разновидностей — локальных, возрастных, функциональных (*Куфтин*, 1926; *Лебедева Н.И.*, 1927; *Гринкова*, 1927). Преобладали синие поневы, вытканые из пряжи, окрашенной привозной краской индиго, но были и черные, и красные, окрашенные местными красителями (ольхой и мореной). Кроме того, поневы почти каждого села или группы сел имели свои отличительные особенности в размере и форме клетки, в сочетании цветов, в украшениях. По покрою понева обычно состояла из трех вертикальных полотнищ, собранных на шнуре (*гашике*). В юго-восточных губерниях между полотнищами вставляли четвертое — из другой, более тонкой шерстяной, холщовой или фабричной ткани (*прошва*). В западной части южного региона носили распашную поневу без прошвы, со щелью спереди

или несколько сбоку. Реликтовой разновидностью этого типа была понева из двух задних полотниц и несшитого с ними переднего. Особым своеобразием выработки ткани со сложной орнаментикой выделялась понева Мещерского края (север Рязанской, часть Тамбовской губерний).

В комплекс с поневой входили также нагрудники (*навершник, шушун, касталан*) — более или менее короткая одежда мешкообразного покроя с рукавами или без рукавов, известная с древности. Нагрудники были распашными и глухими (очевидно, более ранний вариант). Шили их из холщовой или шерстяной домотканины и украшали ярким орнаментом. Самым распространенным цветом навершников был белый, но в определенных районах бытовали красные или черные, и также желтые (*желтики*). В некоторых местах (особенно в центральных южнорусских губерниях) вместо нагрудников носили передник (*запан, занавеска*), надевавшийся через голову, иногда туникообразного покроя и с рукавами. Более поздние передники шили с узкими проймами, а также с кокеткой.

Для южнорусского костюма с поневой в качестве головного убора замужних женщин, все еще обязанных по обычаю закрывать волосы, были характерны сложные *кички и сороки*, состоявшие из нескольких частей. Основой при этом служила твердая подкладка — собственно кичка, придававшая форму всему убору. Сверху повязывалась нарядная *сорока* или *обвязка* из сравнительно дорогой ткани. Затылок закрывали особым *позатыльником*. Дополнением обычно служили украшенный налобник, а по бокам — бисерные кисти, селезневые *кудри*, павлиньи перышки, толстые шерстяные шнуры, гусиные *пушки* — в каждой местности на свой манер. Формы уборов были разнообразны: рогатые, копытообразные, лопатообразные, в виде котелка, седла, овала и др. Но первичными и исходными для всех не без основания считаются рогатые. Кички и сороки, как правило, были праздничным головным убором. Кое-где, особенно на западе региона, они сочетались с головным покрывалом, а также с платком.

Севернорусский костюм:
а, б, в — сарафанный комплекс
(1970—1980-е годы)

Кичкообразные, несомненно, принадлежат к древним головным уборам, и исследователи рассматривают их как общерусские, отражающие древние связи с культурой финно-угорских народов Восточной Европы. В XIX в. кичкии сороки постепенно уходят из употребления даже у старшего поколения, уступая место повойнику с платком. Девушки в южнорусских губерниях носили, как и повсюду, повязку в виде ленты, но кое-где встречались венки из живых цветов, что составляло древнюю славянскую традицию. Известно, что она наиболее стойко держалась у соседних украинцев.

Южнорусский костюм (1980-е годы):

а) Воронежская область,

б) Курская область,

в, г) Белгородская область

Особняком в южнорусских губерниях стоял костюм из рубахи с шерстяной однотонной или полосатой домотканой юбкой. Его распространение было чаще всего связано со средой потомков служилых людей, переселявшихся когда-то в отдаленные от центра места из западнорусских районов. Не случайно эта юбка напоминает полосатый *андарак*, характерный для одежды белорусов. В некоторых местах, например, в Воронежской губернии, бытовал у бывших монастырских и помещичьих крестьян костюм с сарафаном, в то время как потомки однодворцев носили поневы или шерстяные юбки (Чижикова, 1988. С. 219—240). Вообще для района русско-украинского пограничья было характерно большое разнообразие традиционного женского костюма. Здесь в тесном соседстве встречались несколько его местных комплексов. Но в конце XIX — начале XX в. на смену традиционной одежде и сюда приходит костюм с юбкой из фабричной ткани.

Традиционный южнорусский костюм был довольно красочным. В нем сочетались украшения различных видов: тканые, вышитые, нашивные, бисерные. Все убранство отличалось яркой полихромностью, интенсивностью колорита, плотным заполнением фона геометрическими узорами (Шмелева, Тазихина, 1970. С. 89, 123). Шею и грудь украшали ожерельями, повязками, цепочками (*гайтанами*), в том числе из разноцветного бисера. По орнаменту и по колориту украшений выделялся костюм восточной части южнорусского региона (Рязанская, Тамбовская губернии), для которого характерно бытование особых черных онуч (*повила*) и лаптей так называемого мордовского типа из липового или вязового лыка косога плетения с головками трапециевидной формы.

Западнорусский костюм включал в свой состав древний общеславянский полотенчатый головной убор, особого вида поневу (поневу-плахту, родственную украинской плахте) или полосатую юбку — *саян*, *андарак*. По общему типу, некоторым деталям, преобладающей расцветке (более светлой) и характеру орнамента он сближался с одеждой украинцев и особенно белорусов. Обувь жителей западнорусских губерний отличалась распро-

странением лаптей прямого плетения, так называемого белорусского типа, и шерстяных обор, черных — в будни и красных — в праздники. Кроме того, в западных губерниях бытовал и среднерусский комплекс одежды с сарафаном и кокошником. Одежда жителей северной части западного региона имела некоторые особенности.

Разнообразием выделялись типы женского костюма у разных групп казаков. В них сказывались различное происхождение этих групп, длительные связи их с местным нерусским населением и специфика казачьего быта в целом. Верховые донские и северокавказские казачки носили поневу и кичку с рогами, а местами — сарафан и кокошник. В низовьях Дона бытовал костюм с длинным распашным платьем в талию (*кубелек*), известным еще в XVIII в., с вязаным колпаком в качестве головного убора. У терских казаков довольно много было общего с одеждой кавказских народов. На Урале носили сарафаны. Но для всех этих районов, однако, характерно быстрое вытеснение традиционных форм костюма новыми его видами. То же самое наблюдалось и в Сибири, где рано стали распространяться промышленные товары, необходимые для изготовления одежды, и традиционные особенности, принесенные переселенцами из разных районов Европейской России или выработанные старожилами на местах, в значительной степени нивелировались, хотя отдельные элементы старого костюма порой сохранялись довольно долго.

В Сибири рано начали пользоваться фабричными тканями. Уже в XVII—XVIII вв. на одежду шли покупные китайские и русские материалы. Городские костюмы с успехом заменяли традиционную одежду, особенно праздничную. Старинные женские рубахи, как в Западной, так и Восточной Сибири, шили с прямыми поликами, но на протяжении XIX в. эта форма рубахи была вытеснена другой — с кокеткой. Носили рубаху с сарафаном, часто позднего типа — прямым с лифом (выкроенным или на лямках). Поверх сарафана надевали безрукавку на лямках (*телогрейку*) или *шушун* с рукавами, а на него — высокий передник

(запан). На голове носили повойники, сборники, сложные уборы с кичкой и кокошником, шали, наколки.

Старинный костюм сибиряков-старожилов в целом напоминал севернорусский традиционный костюм, который был «занесен» при первоначальном заселении русскими Сибири. Со второй половины XIX в. переселенцы из южнорусских губерний принесли с собой и некоторые особенности своей одежды. Выделялись и отдельные локальные комплексы русского сибирского костюма, отличавшиеся как по своему составу и особенностям бытования, так и расцветкой, орнаментом, головными уборами. Так, богатством и яркостью отличался, например, костюм забайкальских старообрядцев — *смейских*. Во многом сходной с ним была одежда бухтарминцев на Алтае (Маслова, 1971. С. 144—190; Маслова, 1975. С. 48—80; Охрименко. С. 189—220; Липинская, 1987. С. 131—154).

Верхняя одежда русских за редким исключением была одинакова и для мужчин, и для женщин. Она сильно варьировала по покрою, материалу и расцветке. Названия ее также были чрезвычайно многообразны и далеко не всегда совпадали с определенным покроем. Одни из этих терминов были общеславянскими, другие имели восточное происхождение.

Широко бытовали, особенно у крестьян, различные кафтаны из домашнего сукна (*кафтаны, свита, сермяги, зипуны, сибирка*), глубоко запахивающиеся на левую сторону, двубортные. Они имели, как правило, прямую спинку, но вставленные по бокам, а иногда и сзади клинья расширяли их от талии книзу. Генетически более поздним считается покрой с перехватом в талии — с отрезной спинкой и с клиньями или сборками сзади или кругом. Цвет кафтанов и другой шерстяной одежды был естественный — черно-бурый, серый, белый — в зависимости от породы овец, преобладавшей в той или иной местности. С распространением промышленных товаров во все большее употребление не только в городе, но и на селе входит одежда из цветного покупного сукна с несколько измененными покроем и отделкой. У зажиточных крестьян и в купеческой среде в конце

XIX в. высоко ценилась кафтанообразная одежда (*поддевка*) со сборами сзади. Поддевка вместе с косовороткой и брюками, заправленными в сапоги, в 1890—1900-е годы была в моде среди разночинной интеллигенции, сочувствовавшей народу (русский костюм). Мещане, особенно зажиточные, носили короткое *полукафтаные*, а также сюртуки западноевропейского образца. Кафтанообразный покрой имели также овчинные шубы и более короткие полушубки — чаще всего *нагольные* или покрытые сверху тканью, качество которой определялось достатком.

Имел распространение и другой вид традиционной суконной одежды — длинный прямоспинный, расширяющийся от рук книзу, халат (*армяк, азям, чекмень*). Из овечьих шкур шили такие же тулупы. Эта одежда обычно не имела застежки и лишь глубоко запахивалась на левую сторону и подпоясывалась кушаком. Ее надевали чаще всего как дополнительную, поверх другой, от непогоды, в дальнюю дорогу, поднимая большой воротник шалью, который к ней обычно пришивали. Подобный вид иногда имели и более короткие, чем тулуп, шубы. Плащеобразная одежда без рукавов продолжала сохраняться кое-где на Севере, в Сибири, в южнорусских губерниях (*епанча, кодман, белик, шушпан, пониток*). Чаще всего она употреблялась, как накидка от дождя, а иногда входила в убранство невесты на свадьбе. Пережитком плачевидных форм верхнего платья было ношение одежды с рукавами *на опаш*, т.е. внакидку.

Большинство из описанных видов верхней одежды были распространены повсеместно. Но они, или сходные с ними формы, имели кое-где местные особенности (иногда узколокальные), выделявшие их по крою, материалу, цвету и т.п. Это были либо старинные черты, сохранившиеся с древнейших времен, либо позднейшие, появившиеся в результате связей русских с соседями. Особой самобытностью отличалась верхняя одежда казаков. Некоторые ее виды были заимствованы у нерусского населения, с которым они постоянно взаимодействовали. У казаков в широком употреблении были суконный *чекмень* (*чапан*) или *черкеска, беишмет* (иногда шелковый стеганый), *бурка*.

Одежда крестьян
подгородных дере-
вень (Северное
Приуралье, конец
XIX — начало XX в.):

а) женский
костюм — парочка,
б) мужской костюм

Жители крайней северо-восточной территории расселения русских зимой носили одежду из оленьего меха, заимствованную у ненцев и коми, — *малицу* (мехом внутрь) и *совик* (мехом наружу), надевая их одновременно. Южнее, в Приуралье, халатообразный *азям* шили не из овечьего сукна, как обычно, а из верблюжьего, которое привозили из Оренбурга. В Приуралье, Нижнем Поволжье, в Сибири вместо тулупа применялась длинная, широкая из шкур мехом наружу *доха* или *яга*. Выделялись также длинные, глубоко запахивающиеся, так называемые донские, шубы, которые,

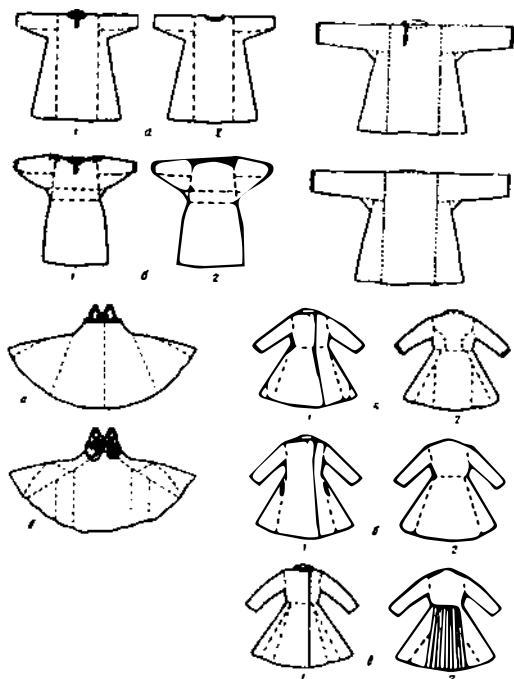
в отличие от обычных, дубленых, были, как правило, белой выделки. Белая овчина встречалась также кое-где и в других местностях. Имели место и иные узколокальные варианты верхней одежды, как следы длительной истории развития традиционной одежды русского народа. В XIX в. стали делать теплую стеганую одежду (на вате). Прежде для этой цели употребляли обычно очесы льна и конопли.

Праздничная верхняя одежда была очень нарядной. Ее украшали шнурами, вышивками, аппликацией. Сложились известные центры изготовления добротной и нарядной овчинной одежды — шуб и полушубков (костромские, ярославские). Особенно славились романовские шубы из овец, выведенных в округе г. Романова Ярославской губернии. У молодежи верхняя одежда была, как правило, нарядной и быстро менялась. Пожилые одевались более скромно и придерживались старинных покроев и фасонов. К концу XIX — началу XX в. в быту русских распространяется наиболее поздний тип верхней одежды. Это были прямого пиджачного покроя различные пальто, иногда сшитые по фигуре, — короткие *саки*, длинные *дипломаты*. Сначала их носили в городе, а затем и в деревне.

Традиционной женской и мужской обувью были лыковые лапти и в меньшей степени примитивные поршни (или моршни) из 1—2 кусков сыромятной кожи. Эту обувь исследователи считают специфически крестьянской, поскольку она не была столь распространена в городе с древних времен. Во второй половине XIX — начале XX в. лапти стали в основном обувью бедняков, а также служили рабочей обувью, но в южнорусских районах их надевали и по праздникам. Казачьи районы и Сибирь лаптей не знали. Лапти имели несколько вариантов, но наиболее распространенными были так называемые русские или московские лапти из липового лыка с закругленными головками, выполненные косым плетением. Их носили с суконными или холстинными онучами и привязывали к ногам ткаными в виде тесьмы или веревочными оборами. Ременные оборы применяли пастухи, сплавщики. Праздничной обувью у крестьян были сапоги.

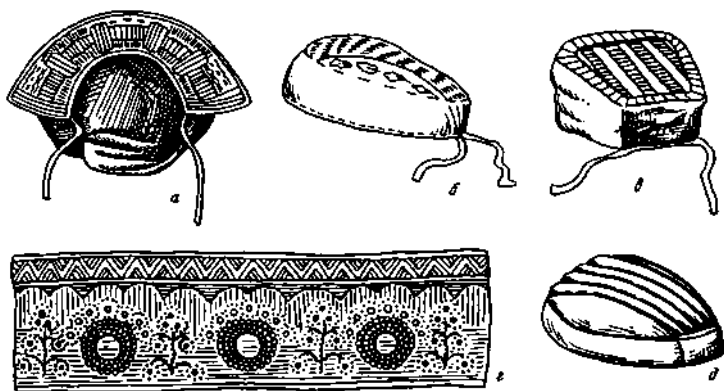
Женщины надевали на чулки *куты* в виде тяжелых кожаных галош. Эти последние (с пяткой или без пятки) шили на продажу ремесленники. Так называемые русские сапоги шили из юфти с пришитым голенищем или цельные — вытяжные. В качестве рабочей обуви кое-где носили и поршни, сделанные из целого куска сыромятной кожи.

Зимней обувью служили валенки из овечьей шерсти. Валенки с пришитым суконным голенищем были известны русским с древности. Валенки, или пимы, в виде твердого сапога, широко распространились с начала XIX в. из Нижегородской губернии, там их впервые начали валять. Бытовали и другие виды обуви, приспособленные к специфическим условиям той или иной местности (например, на Севере, в Сибири): лыковые плетеные ступни в виде башмаков, промысловые и рабочие *бахилы* — выворотные сапоги с пришитым голенищем и ремешками.

Покрой некоторых видов традиционной одежды:

женская рубашка: а) ранний вариант (до XIX в.), б) поздний вариант (конец XIX — начало XX в.) (1 — вид спереди, 2 — вид сзади); мужская рубашка-косоворотка (вид спереди и сзади); косоклиный сарафан (конец XIX в.) — а) вид спереди, б) вид сзади; верхняя одежда (конец XIX — начало XX в.) — а) зипун, б) пониток, в) шубур

Некоторые виды женских головных уборов Северного Прикамья конца XIX — начала XX в.:

а) *кокошник* (с. Губдор, Чердынский уезд); б) *повойник* (с. Лызиб, Соликамский уезд); в) *шамшура* (с. Покча, Чердынский уезд); г) налобная повязка (с. Вильгорт, Чердынский уезд, XVIII в.); д) *наколка* (с. Серегово, Чердынский уезд)

В начале XX в. широко распространились повсюду, кроме сапог, различные ботинки, туфли, полусапожки.

В конце XIX — начале XX в. старые наряды еще сохранялись во многих городских семьях, а частично их носили (в основном пожилые) наряду с новыми. В начале 1900-х годов с распространением так называемого псевдорусского стиля, затронувшего в известной степени и прикладное искусство, возрастает интерес к национальным чертам одежды. В некоторых группах городского населения появляется своего рода мода на русский костюм. «Под народ» одевались, например, мужчины — представители буржуазно-либеральной интеллигенции. Сильно модернизированный стилизованный наряд девушек с сарафаном и кокошником, украшенный яркими бусами и блестками, был одним из наиболее излюбленных в широкой городской среде (молодежные представления, маскарады, вечеринки). В богатых семьях по-русски наряжали кормилиц, нянюшек, дворников. Ношение нарочито старинного костюма предписывалось городским извозчикам.

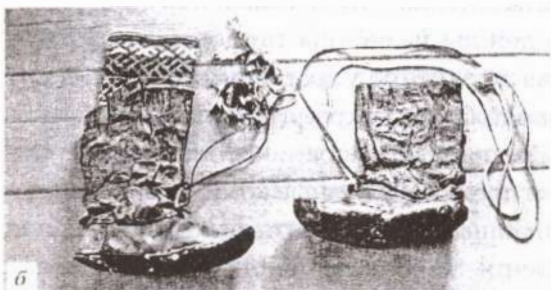
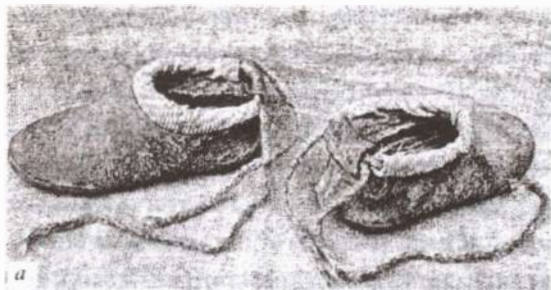
В одежде горожан сохранялись и некоторые другие черты сословно-социальных различий. В одежде отдельных групп горожан по-прежнему большое место занимало форменное платье (у чиновников и служащих различных ведомств, студентов, гимназистов и других учащихся). Новую форменную одежду охотно надевали на гуляния и торжества, старую — донашивали дома. Известное сходство с форменной имела профессиональная и производственная одежда приказчиков, «мальчиков», подмастерьев и т.п., занятых в ремесле и торговле, выделяя их из массы других горожан.

Все более широкое распространение европейского платья, производство разнообразных промышленных товаров, многие из которых были рассчитаны на массовый спрос, усиливающееся влияние моды способствовали тому, что повседневный и праздничный костюм в городе стал отличаться бóльшим единством у разных слоев населения, чем в предыдущие периоды, и пре-

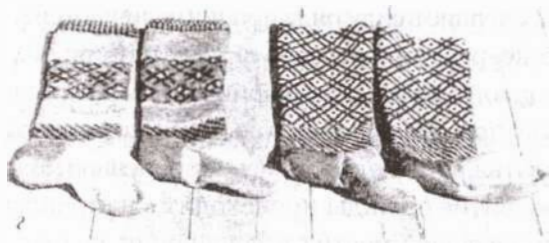
Женские головные уборы конца XIX — начала XX в.:

- а) *шамшура* (из коллекции ЧКМ, № 479),
- б) *шамшура* (из коллекции ЧКМ, № 480),
- в) *цапец*, Ильинский район. Пермская область (из коллекции ПКМ, № 5989),
- г) *налобная повязка* (из коллекции ПКМ, № 6097)

Обувь:

- а) *кóты* (д. Рогали, Соликамский район, Пермская область, 1970-е годы);
 б) *уледи* (д. Рогали, 1970-е годы);
 в) сапоги-*бахилы* (д. Ньюзим, Чердынский район Пермская область, 1970-е годы), г) вязаные чулки (Северное Приуралье, конец XIX в.)

обладанием в нем новых видов. Однако изменения происходили постепенно.

В целом, одежду русских горожан конца XIX — начала XX в. можно рассматривать как своеобразный национальный вариант

общевропейского костюма. При этом степень включения национального элемента в него у отдельных социально-бытовых групп была неодинаковой. В мужской, и особенно в женской одежде, кроме возрастных различий, еще давали о себе знать особенности, обусловленные пережитками сословного строя, оставшиеся от эпохи феодализма, спецификой быта тех или иных социально-профессиональных категорий горожан. Вместе с тем на первый план выдвигаются различия, связанные с имущественным неравенством населения. Они сказываются на качестве материалов и пошиве одежды, на составе гардероба и его дифференцированности, на характере украшений и отделки.

Одежда и теперь продолжает сохранять функцию своеобразного социального признака, но выражена она иначе и, пожалуй, менее резко, чем прежде. Основные комплексы костюма имели переходные смешанные варианты, и их основу составляли в целом одни и те же вещи. Наибольший контраст наблюдался в городской одежде противоположных социальных групп — у богатой верхушки капиталистического общества и у бедных, вынужденных обходиться минимумом вещей.

Унификация типов одежды в XX веке

В настоящее время для бытовой культуры русских характерно почти полное «слияние» одежды городских и сельских жителей. Последние в силу ряда причин отличаются лишь несколько большей консервативностью во вкусах и привычках. В целом судьба народной одежды, дальнейшие изменения в ней связаны с массовым производством не только необходимых материалов, но и готового платья, а также с влиянием современной моды. И в городе, и в деревне развитие одежды происходит в направлении ее дифференциации в зависимости от назначения, возрастных различий, сезонности, характера труда, ритуальной практики (*Анохина, Шмелева, 1977. С. 239—252; Бусыгин, 1966. С. 292—293*).

В наше время господствующими в одежде русских стали формы, которые можно считать международными. Однако известную

специфику ей придают отдельные предметы, восходящие к традиционному костюму, в той или иной мере сохраняющиеся в повседневном быту, сочетаясь с современными нарядами. Это женские головные платки и шали, мужские рубашки-косоворотки, шубы и полушубки из овчины, тулупы, валенки и т.д. Некоторые из них остались почти неизменными. Кроме того, в отдельных местностях России — в сельской центрально-черноземной полосе (например, в отдельных районах Рязанской, Курской, Белгородской областей), Севера и Сибири (например, в Забайкалье) встречается русский традиционный костюм в местных вариантах. В большинстве случаев он употребляется как праздничная одежда старшего поколения, реже — как наряд для праздничных гуляний девушек, а иногда и как свадебный костюм. Самобытные фольклорные коллективы (хоровые и танцевальные ансамбли) этих областей часто выступают в подлинных костюмах.

Старинные костюмы сберегаются в сундуках во многих сельских семьях или у горожан — недавних выходцев из деревень. При изнашивании или недостатке оригинальной одежды ее, по возможности, копируют, изготавливая новые вещи. Достаточно широко в народном художественном творчестве в качестве сценической одежды и для массовых праздничных гуляний, например, календарных, используются костюмы, как бы символически обобщающие русскую народную традицию. Наиболее стойкими элементами традиционных нарядов оказались женские сарафан, кокошник или кичка, мужская расшитая рубаха, выпущенная поверх брюк, заправленных в сапоги. Среди вторичных форм традиционной одежды зачастую встречаются и различные стилизации современного платья под народные с обыгрыванием тех или иных элементов традиционных конструкций, орнаментики и т.п.

Можно сказать, что в настоящее время в условиях постоянного роста урбанизации в процессе дальнейшего развития культуры традиционная одежда у русских, как бы отошедшая на периферию повседневного быта, не утратила своего значения этнической ценности. Она является частью народной культуры

и неразрывно связана с историческими представлениями народа и с национальным самосознанием в целом. В современном обществе к традиционной одежде сложилось отношение как к одному из источников сохранения самобытности русских. Не случайно, что к богатому опыту, накопленному в этой области, обращаются при создании новой одежды различные специалисты-профессионалы. И это направление в моделировании при неизбежной стандартизации в промышленном производстве платья является весьма перспективным.

Глава шестая

ПИЦЦА

Секреты русской традиционной кулинарии передавались от одного поколения другому, сохраняясь в веках. Однако со временем кое-какие рецепты утрачивались, другие — изменялись и появлялись новые, приобретенные у соседних народов. Как же узнать, что является исконно русским, а что заимствовано, что, например, ели в далекую старину? Известий об этом до нас дошло немного. Они встречаются в различных документах, есть упоминания в былинах и других произведениях народного творчества, восходящих к глубокой древности.

Ранние сведения о питании русского народа (до татаро-монгольского нашествия)

Самые ранние и наиболее достоверные сведения о том, чем питались россияне, содержатся в первом законоуложении — «Русской Правде». Этот документ XII в. отражал и закреплял бытовые традиции, появившиеся в более раннее время. В «Русской Правде» имеются, в частности, различные статьи крестьянского хозяйства, иными словами, указываются продукты, из которых готовили пищу. Русское хозяйство того времени в этом документе близко к современному по составу основных зерновых культур и продуктов животноводства.

Хлебными культурами на полях древних россиян были *рожь* и *ячмень*, *пшеница* и *полба*, *овес*, *просо*, *греча*. «Русская Правда» не указывает на места их произрастания. Общность ландшафта

на великой русской равнине позволяла оседлым земледельцам, какими были русские люди, выращивать одни и те же культуры. Во времена «Русской Правды» наряду с пшеницей сеяли более древнюю и жизнестойкую ее разновидность — полбу. Она занимала северную часть региона, где местами удерживалась до конца XIX в. Основу как повседневного, так и, по-видимому, праздничного стола составляли изделия из ржаной муки. В древних кладовых археологи чаще всего обнаруживают остатки ржи.

В повседневном быту большое значение в питании имел ржаной хлеб, который выпекали *ковригами* в русской печи. Хлеб был пресный и квасной. Закваску, называвшуюся *квас*, творили с хмелем, или, как писали в берестяных грамотах, — *на хомолу*. Тесто замешивали на перекипевшей воде — *укропе*. Наилучший хлеб получался из пшеничной муки, так как «пшеница во много мучнее и чист хлеб подает». (Слово Даниила Заточника. С. 1372). Не из экономии, но ради вкуса смешивали пшеницу с ячменем, делали и более сложные смеси: «возьми себе пшеницы и ячмень, и боб, и ... просо и пыро и вложиши ся в сосуд един глинян и сотвориши ся в хлебы» (Срезневский. Материалы... Т. III. С. 1372).

Выпечка из кислого теста представляла продукт высокого уровня кулинарии. Более древними являлись печеные изделия из пресного теста: *лепешки*, *оладьи*, *блинчики*. Оладьи и блины, которые готовили также и из жидкого заквашенного теста, входили в состав ритуальных блюд дохристианских праздников встречи весны. Использование остатков мучных запасов перед началом новых сельскохозяйственных работ выражало идею бесперебойного обеспечения продовольствием в течение целого года. Ту же идею приближения весны, полевых работ, а следовательно, и скорейшего нового урожая нес в себе праздник встречи первых прилетающих птиц. Сделанные из теста изображения «птушек» поднимали как можно выше — к небу, к солнцу. Помимо приготовления выпечки, муку заваривали и запаривали. Древнее питание *борошно* употреблялось для обозначения

и ржаной муки, и кушанья: «Борошно дати, колико могут изъяти» (Срезневский. Материалы... Т. I. С. 124). Отваривали также целые зерна злаков. В «Русской Правде» особенно выделяется роль проса и выработывавшегося из него пшена. Просо — южная культура. От южных соседей покупали рис, называвшийся *узы*. Отварные зерна пшеницы использовали как ритуальное поминальное блюдо по христианскому обряду. Зерно предварительно очищали — *обрушивали*, а нередко и дробили. Известно название *заспа* для круп.

Хлебными считались бобовые, иначе стручковые культуры. Поговорка «Это было при царе Горохе» означает, что дело происходило в незапамятные времена, когда на столе царил горох. Кроме него домонгольская Русь знала бобы и даже чечевицу. Однако неприхотливый горох был основной и широко распространенной культурой.

Огородные растения называли *зелием*. Выращивали преимущественно *репу* и *капусту*, которые запасали в большом количестве впрок. Свежая запаренная репа была на столе в течение года. В документах упоминаются также *свекла*, *редька*, *тыква*, *огурцы* и даже *дыни*, но они были мало распространены. Непременным подспорьем к столу являлись *лук* и *чеснок*, которых ели несравненно больше, чем сейчас. Эти два зелия составляли в питании русских предмет первой необходимости. Овощами в Древней Руси называли фрукты. В пищу шли плоды как диких, так и окультуренных сортов плодовых деревьев, произраставших на всем пространстве расселения русских: *яблоки*, *груши*, *сливы*, *вишни*. Садовые и дикие плоды запасали впрок посредством сушения и квашения.

Собирательство, как древняя форма снабжения продуктами, практиковалась повсеместно. Более всего запасали ягоды, особенно *бруснику* и *малину*. Их приятный вкус, целебные свойства и простота хранения издревле привлекали внимание. Заготовки этих ягод в немалом количестве находили даже при раскопках в Новгороде. Сок ягод и фруктов (свежих и моченых) давал приятные напитки — *морс* (разбавленный водой сок) и *квас*

(жидкость от заквашенных плодов). Кисловатый вкус приобретала и вода, настоенная на корнеплодах. Квас из красной свеклы известен с глубокой древности. Он и по сегодняшний день используется для заквашивания борща жителями южных регионов.

Алкоголь добывали путем сбраживания. Особенно любим был игристый *мед* или *медовина*. Мед, разбавленный водой, естественным путем начинает бродить, или, как говорили, *играть*. Происходит сахаристое брожение, в результате которого появляется алкоголь. Медовину готовили, проварив мед с водой и дав напитку *переиграть* (Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 83). Мед собирали от диких пчел, гнездившихся в дуплах деревьев — бортях. Мед был продуктом дорогим, доступным для знати, и подавался он на большие торжества.

Другие хмельные напитки готовили из зерновых культур, которые были в каждом крестьянском дворе. Игристый *хлебный квас* настаивали из муки и из хлеба. Поскольку заготовка для сбраживания теста называлась в старину также квасом, можно предположить, что мука или отруби, залитые водой и перебродившие, давали кисловатое питье — квас, хорошо утолявший жажду. Такой *белый квас* и в настоящее время варят на юге России. Вкус кваса различался в зависимости от использованных продуктов, но наилучшим, как и в настоящее время, считался приготовленный из ржаной муки с добавлением *солода* и *хмеля*. Солод — мука или крупа из пророщенных зерен ржи и ячменя улучшали вкус напитка и придавали ему темный цвет.

Из тех же продуктов и по сходной рецептуре делали *пиво*. Его крепость различалась в зависимости от способов приготовления. Легкий напиток назывался *оловина*. Его готовили из овса, хорошо прожаренного на сковородах. Более крепкий напиток получали, протомив заготовки в печи. Для этого имелись специальные глиняные горшки большого размера с отверстием в нижней части стенки для стекания оттомившейся сладковатой массы — *сусла*. На нем заводили брагу, разбавив сусло водой и дав перебродить. Название напитка — *брага* воспроизведено от глагола бродить. Имелось много вариантов этого напитка:

брага простая — т.е. слабохмельная, была похожа на квас, *брага пьяная* заваривалась с хмелем и имела больше крепости. Готовили *овсяную брагу* из распаренного, высушенного и перемолотого овса и *брагу пшеничную* или *бузу* — из разваренного и заквашенного пшена, иногда с медом. Брага называлась также *полпивом* или *полпивцом*, так как по крепости уступала пиву. Этот напиток всегда заваривали с хмелем и давали выстояться. Пивоварили из ржи, ячменя и овса, наилучшим считалось ржаное. Оно было крестьянским хмельным напитком, который подавался на все семейные, старинные народные и христианские праздники. Среди них был особый сельский праздник — *братчина*, или праздничный общесельский пир в складчину, на который могли приходиться все желающие из окрестных селений, как званые, так и незваные.

В древнем хозяйстве русских зерновое полеводство играло первостепенную роль. Однако до принятия христианства пища животного происхождения вряд ли уступала мучной и зерновой. Из домашних животных того периода (по археологическим материалам и документам) известны коровы (*говяда*), телята, свиньи, овцы, козы (Русская Правда. С. 43). Как видно, после тяглого скота, наиболее ценились коровы. Домашней птицей были куры, являвшиеся также и жертвенными животными, «погани веровали в идолы, им же невеглаша человекчи молятся и куры им режут» — осуждались приверженцы язычества. В меньшем количестве и не везде разводили гусей, которым необходим был водоем. Благодаря обилию диких птиц и животных, в случае надобности можно было легко пополнять ими недостачу мясного в доме. Содержание домашних животных означало не только присутствие мяса, но также молока, масла, творога (*сыра*), яиц. Масло называлось *кравие*, т.е. приготовлявшееся из коровьего молока, как и творог, имевший разные наименования.

Введение на Руси христианства имело следствием ограничение в пище продуктов животного происхождения по их составу и времени употребления. Но рыбы, как и другие холоднокровные, например, раки, не относились к пище скоромной и пос-

ле принятия христианства могли поедаться в любое время года, как и ранее. Поскольку русские города и селения располагались обычно по берегам рек и озер, рыба играла в жизни населения заметную роль, которая еще более возросла с X в.

О способах заготовки рыбных, мясных и молочных продуктов известно мало. Нет, однако, сомнения в том, что, помимо употребления их в свежем виде, в старину умели замораживать, вялить, солить. Соль всегда имела важное значение в кулинарии и очень ценилась. Соль получали вывариванием из рассола естественных источников, чаще всего — подземных. Они встречались в некоторых местностях на Русской равнине у Старой Русы, Вологды, Галича, Соли Галицкой, Вычегды, Торжка, Городца, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Ростова и Суздаля.

В домонгольское время пищу варили, парили, тушили и пекли. Варение, по всей вероятности, было наиболее употребимым способом приготовления пищи. Поэтому часто готовили различные жидкие блюда, которые называли ухой. Слово это обозначало отвар не только рыбный, но также мясной и растительный. В документах XII в. упоминается уха из гороха и даже из слив.

В древних сказаниях имеются упоминания о весьма разной обеспеченности пищей. Христианская мораль учила помогать бедным, вынужденным просить пропитания: «Бедный хлеба не имаши». Она же осуждала невоздержанность в еде людей богатых. В документах есть сведения о приправах и некоторых дополнениях к столу богатых людей. Например, уксус и перец улучшали вкус блюд. Лимоны и виноградное вино украшали трапезы, у южных соседей покупали изюм и рис. Не приходится сомневаться в дороговизне них продуктов, а следовательно, и их малодоступности.

Хотя наши сведения о пище русских в древности весьма неполные, тем не менее создается впечатление о значительном ее единообразии на всей территории расселения народа. Это свидетельствует о том, что система питания уже была заложена в основных чертах накануне татаро-монгольского нашествия.

Неоднородность естественных условий вносила и некоторые различия, связанные, например, с близостью или удаленностью соляных источников, присутствием тех или иных видов рыб в водоемах, гнездованием птиц и ареалами обитания диких животных, возможностями выращивания культурных растений и сбора дикорастущих. Однако эти отличия не нарушали единства, базировавшегося на общности древнерусского хозяйства.

Питание на Руси в XIII—XVII веках (допетровский период)

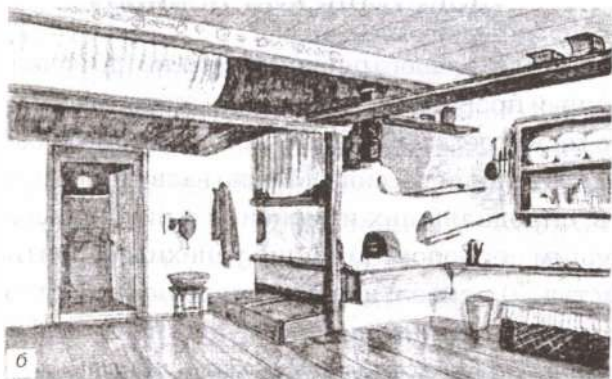
В течение длительного периода времени (до начала XVIII в.) шел сложный процесс формирования этнической территории Русского государства. Крупные исторические события отражались и на питании россиян. Можно назвать несколько обстоятельств, определявших изменения в пище по сравнению с предыдущим периодом: 1) общие успехи в развитии русского хозяйства, 2) длительное разобщенное существование отдельных регионов, 3) миграции населения в пределах Европейской части страны и расселение русских в Сибири.

Для всего рассматриваемого периода характерны непрерывные перемещения населения. Жители южных окраин, первыми пострадавшие от татарских нашествий, уходили на север, унося с собой опыт хозяйствования и навыки южной кулинарии. В первую очередь это означало продвижение к северу южных культур, в особенности овощей и фруктов. С севера и с востока русские земли окружали финноязычные народы. Под давлением русских они частично отступали на север и восток, а частично оставались, ассимилировались, входили в состав местного русского населения. Они вносили навыки своей кухни, обогащая тем самым русскую.

Выход русских к северным рекам и берегам северных морей значительно расширил возможности рыболовства; для части населения рыбный стол стал основным. Жители Поморья го-

а

б

в

Помещения для приготовления пищи и заготовки продуктов
 а) в избушке рыбаков (Архангельское Поморье, конец XIX в. — рис. из кн.:
 Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.,
 1877. С. 943);

б) крестьянская кухня, начало XX в. (АИЭА, Алтайский край);

в) маслодельный завод в сибирском селе, начало XX в. (рис. из кн.: Сибир-
 ская советская энциклопедия. Т. 3. С. 320)

ворили: «Безрыбье хуже бесхлебья». Рыба с севера поступала в центральную часть региона. Так, в Москву привозили из Корелы лососину, с Ладожского озера — ладогу и сырт, сюда же шла волжская белорыбца.

Свежую рыбу ели жители городов и селений, прилежащих к водоемам, а в удаленные ее развозили на продажу в мороженом, вяленом, сушеном, соленом виде. Наиболее распространенным способом заготовки рыбы являлось соление, но не крутое, а такое, чтобы тушка рыбы «подванивала». (*Костомаров*, 1887. С. 12). На востоке Европейского севера русские восприняли от местного населения новый способ заготовки — *квашение* без соли или с малым ее добавлением, а также сыроедение крепко замороженной рыбы — *строганины*. Внеся с мороза тушку, с нее соскабливали тонкие слои, и нежное мясо таяло во рту. В северной части Европейского региона и в Сибири из рыбы вытапливали жир и употребляли его в пищу. После принятия христианства и до первой четверти XX в. соблюдение постов большинством жителей само по себе выдвигало рыбную пищу на первый план по отношению к мясной. Процесс этот вынуждался обстоятельствами — строгим надзором церковников, а кроме того, — особыми природными условиями в некоторых местностях страны.

Мясная кулинария не претерпела столь серьезных изменений, как рыбная. С одной стороны, сказывалось сдерживающее влияние церкви, с другой — состав домашнего стада оставался прежним, да и охотились все на тех же хорошо известных зверей и птиц. Среди приобретений можно назвать включение в число домашних животных северного оленя в пограничной приполярной зоне расселения русских, среди утрат — исчезновение туров и постепенное сокращение численности других диких животных, на которых велась интенсивная охота.

В качестве домашней птицы по-прежнему разводили преимущественно кур, а в Сибири — только кур. В европейской части страны на крестьянском дворе обычными стали утки и гуси. Однако яйца этих птиц считались невкусными и даже не

полезными для здоровья. В городских усадьбах появились индейки, но и их яйца не ели. Мясо скота и птицы варили, тушили, жарили. Из него готовили жидкие горячие *похлебки* или *хлебова, уху, разсол*. В горячие блюда добавляли зелень. Популярным стал *борщ* из огородной свеклы (ее старинное название — борщ). *Шти* заправляли свежей или квашеной капустой. Жидким блюдам придавали кисловатый вкус, для чего делали специальную закваску (из квашеной свеклы) или перебродившей мучной болтанки (*кислые шти*).

Жарили и пекли пищу в русской духовой печи на углях, или используя жар хорошо протопленного очага. На торжественных застольях жареное мясо подавали под *зварами*, или соусами, приправленными из диких или садовых плодов. Такие возможности имелись более в южных регионах. Общие успехи русского хозяйства позволяли вводить различные тонкости в кулинарную обработку продуктов, если это соответствовало возможностям хозяев (Домострой, 1908. С. 113).

Заготовка рыбы
в Сибири в начале
XX в.:

- а) на рыбных промыслах,
- б) засолка рыбы

Заготовка рыбы
в Сибири в начале
XX в.:

- в) *приготовление обеда,*
- г) *доставка воды*

При всех успехах мясной кулинарии не следует забывать, что одновременно пропагандировалось отстранение от нее христиан. Христианство внесло в широкие народные массы россиян некоторый аскетизм в питании, основывавшийся на буквальном понимании заповеди «не убий». Особые строгости предъявлялись к продуктам охоты. Допускалось употребление в пищу только колотых животных, из которых «спускали» кровь (Стоглав. С. 70—73).

Богобоязненные христиане добровольно ограничивали употребление мяса. Нечистым животным считался всеядный кабан. Грешно было употреблять мясо непарнокопытных животных. Осуждалось уничтожение божьего вестника — голубя, не одобрялась охота на лебедей, живущих парными семьями, как и люди. Медведь, по своим повадкам чем-то похожий на человека, да к тому же и всеядный, также охранялся народными поверьями. Однако первым насельникам Сибири приходилось отступать от обычных народных правил из-за трудности в обеспечении продовольствием (*Оглоблин, 1900. С. 119*).

Духовно-нравственные начала, заложенные христианским вероучением в понятие поста, являлись строгим сдерживающим фактором, к тому же соответствовавшее складу русского характера стремление к победе духовного над чувственным и плотским благоприятствовало усердию в прощении.

Христианские посты устанавливались постепенно, в течение многих веков. Считалось, что они основаны на примерах Христа и апостолов. Христос постился в пустыне в течение 40 дней, так же как и Моисей перед получением заповедей от Бога. Отсюда произошло название основного или Великого поста — четырехдесятница. Этот самый длительный пост, составляющий часть пасхального цикла, утвердился не сразу и существовал первоначально не везде. Предположительно он сложился во II—III вв. (*Энциклоп. словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 24-а. С. 715*). В Россию посты перешли из константинопольской церкви. В ней до пасхального цикла было еще три длительных поста: перед праздниками апостолов Петра и Павла (петровки или апостольский пост, как его называли в России) с переходящим по числам началом от недели Всех святых и до 29 июня или 12 июля (по старому стилю); перед днем Успения Богородицы (Успенский или госпожинки) — от 1/14 августа до 15/28 августа и перед Рождеством Христа (Рождественский или Филиппов) — от 15/28 ноября до 25 декабря — 7 января. Кроме длительных были введены еще 2 однодневных еженедельных (по средам и пятницам) и 3 однодневных ежегодных: на Крещенский сочельник 5/18

января, на День Воздвижения Креста Господня 14/27 сентября и на День Усекновения главы Иоанна Предтечи 29 августа / 11 сентября, которые также утверждались постепенно (Стоглав. С. 192—193).

Ритуал постов, выбор продуктов складывались в течение длительного времени. В первые века христианства пост был чрезвычайно строгим, можно сказать, почти ничего не ели. С XII в. постными стали считаться не только овощи, но и рыба, иногда и водяная птица. Наконец, в XIII в. константинопольский митрополит Макарий издал особые правила, определявшие трапезы во время пощения. (Строгость церковных правил. С. 448—450). Однако издание правил не внесло законченности. Дни постов и строгость пощения определялись в каждом государстве, в каждой христианской конфессии, в отдельных местностях и для каждого человека по местным понятиям веры. Менее строгие, чем Великий, посты приходились на теплое время года и были лучше обеспечены продовольствием — свежей рыбой и зеленью. Таким образом, еда в период проведения сельскохозяйственных работ могла быть, даже во время постов, достаточно сытной. Длительный Великий пост падал на зимнее время, свободное от полевых работ, а потому довольно легко переносился русским народом, привыкшим к мучной пище. Хотя климатические условия России были совершенно иные, чем в местности зарождения христианства, все же чередование постов и мясоедов укладывалось в годовую схему усиления и ослабления трудового напряжения, а также — в сезонную смену обеспеченности продовольствием, и оттого воспринималось населением как вполне естественное состояние. Тем более, что к весеннему времени у многих заканчивались припасенные с осени продукты, и пост наступал сам собой. Поощрение христианским вероучением преимущественно растительной пищи согласовывалось с любовью россиян к мучным и зерновым блюдам. Кулинария в этой области сделала большие успехи.

Хлеб по-прежнему оставался главным продуктом питания и выпекался преимущественно из ржаной муки. В повседневном

быту пшеница использовалась мало, главным образом — для праздничной выпечки. Из пшеничной муки пекли церковные просфоры, а также *калачи*. Эту любимую русскими выпечку делали обычно кольцеобразной, для чего имелись специальные формы. Калачи выпекали нескольких сортов, различавшихся по составу муки: лучшие по качеству выпекали из *муки крупчатой* — самой нежной и дорогостоящей, следующие. — из *толченой муки*, делали их не только кольцевыми, но и в виде круглого хлеба и называли *братскими*, третий сорт пекли из смеси пшеничной и ржаной муки, что придавало особый вкус и позволяло экономить дорогостоящую пшеницу. Калачи были любимым лакомством. Не случайно сложилась поговорка: «Калачом не заманишь». Из сдобного теста готовили *каравай* (коровай), замешанный на молоке с большим количеством яиц), делали также караваи с сыром и т.п. Однако самой лакомой пищей считались всевозможные *пироги* (*Олеарий*. С. 194).

Пироги готовили с начинкой и без нее, но из лучшего сорта пшеничной или ржаной муки с добавлением в тесто сдобы (яиц и масла). Начинки же были самыми разнообразными: от теста другого сорта или одной только соли и до смеси нескольких видов овощей, мяса и рыбы. Форма пирогов обязательно была продолговатой — *лодочкой*, и по размеру они разделялись на большие пироги и маленькие *пирожки*; а по способу изготовления — на печеные — (*подовые*) пышные, подходившие в жару русской печи, и на жареные (*пряженые*) на сковороде в масле или жире, отчего их еще называли *сковородными*. По составу продуктов пироги подразделялись на скоромные и постные. Скоромные пироги начиняли мясом домашних животных и диких, особенно любили зайчатину. Применяли смешанное с салом свиным или бараньим мясом (говяжьим); обычно соединяли мясо и рыбу вместе.

В постные дни пекли рыбные пироги. В начинке особенно ценились сиги, ладога и снетки, запекали также рыбные молоки и вязигу — высушенный хребет хордовых рыб, мелко изрубленный. Когда рыба исключалась по требованиям верования,

пироги делали с овощной начинкой — из капусты, репы, моркови, а также из гороха или мака. Любили пироги с грибами, особенно — с рыжиками, пекли и сладкие, начиненные разными ягодами, изюмом. Часто подавали пироги на стол к различным горячим блюдам — «меж ух», как указывалось в старинных описаниях.

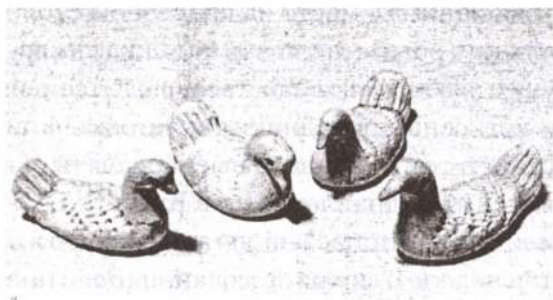
Сладкие пироги — с ягодами и творогом пекли к именинам. Существовал обычай собирать гостей в День ангела и угощать их пирогами. Помимо того, в день своих именин выезжали также с пирогами в дома знати. Так, бояре и их дети в день своих именин приезжали к любимой ими царице Наталье Кирилловне и подносили ей свои именинные калачи, а потом дарили их и царским детям. Сама царица в день своих именин раздавала собственноручно *именинные пироги* гостям. Из всей выпечки подававшейся на семейные праздники, особо был выделен *курник* — пирог, начиненный курицей, яйцами или бараниной с маслом, говяжьим салом. Поскольку куриное яйцо является символом зарождения жизни, курник занимал место на свадебном столе как пожелание продолжения рода; его мясная начинка символизировала также будущее изобилие в хозяйстве молодой семьи.

Крупные годовые религиозные праздники также отмечали обильной выпечкой. Пример тому подавала высшая знать. На Рождество бояре являлись с поздравлениями в Кремль. Боярыни при этом подносили царице привезенную выпечку. То же происходило и на Святой неделе при христосовании (*Забелин*, 1990. С. 149). В деревнях на Рождество из теста лепили фигурки животных — *козульки* (козыльки), которые раздавали людям и немного давали в корм скоту. Этим выражалось пожелание здоровья и благополучия в будущем году для жителей дома и обитателей скотного двора. Особенно обильна и разнообразна была выпечка в дни любимой русскими Масленицы или мясопустной недели. Пекли пряженые пирожки из теста, замешанного на молоке. Начиняли их творогом с яйцами, с рыбой или *тельным* (рыбный фарш). Обязательной считалась на масленицу сковородная выпечка на коровьем или растительном масле или на сале —

оладьи (аладьи), блины, сырники. Оладьи пекли из хорошей крупитчатой муки с добавлением большого количества яиц. Кроме того, жарили *котлому* — сходное блюдо, но с меньшим количеством яиц.

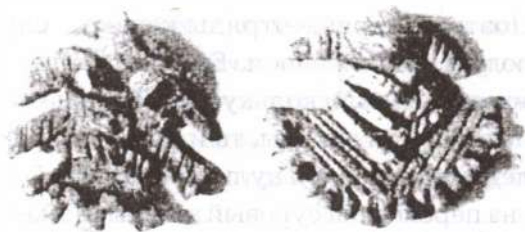
Блины и оладьи являлись ритуальными блюдами, подававшимися на различные семейные торжества и при поминовении усопших. Делали, в частности, так называемые *приказные оладьи*, на поминки по приказным людям (служащим государственных учреждений). Для блинов использовалась всевозможная мука: красными называли блины, изготовленные из гречневой, а белыми — из пшеничной муки. Блины пекли из ржаной, овсяной, пшенной, гороховой и даже из смеси различных видов муки. У простонародья при выпечке и в различных яствах более всего употреблялась ржаная мука.

Затем после ржаной муки шла мука овсяная и различные блюда из толченого и переработанного овса. В Поморье, При-

Весенняя обрядовая выпечка — птушки:

- а) утицы,
- б) птенчики

Весенняя обрядовая
выпечка — птушки:

- в) жаворонки,
- г) тетерки

уралье и Сибири ни одна трапеза не обходилась без него. В северном регионе изобрели особый способ приготовления овсяной муки — *толокно*. Это требовало значительной предварительной обработки. Овес вымачивали 2—3 дня в кадке, пока не разбухнет зерно. Затем его упаривали целые сутки в жарко натопленной печи, а на следующие сутки его хорошо просушивали там же. Сухое зерно провеивали и перемалывали в очень тонкую муку, которую и называли толокном. Достаточно было разболтать ее в воде, квасе или молоке, и получалась готовая к употреблению, довольно вкусная и сытная еда. Из толокна готовили много блюд. Самое простое из них — *сухомес* — густая смесь с водой. Благодаря компактности, питательности и легкости приготовления толокно стало обязательной провизией для русского войска. Были введены специальные сборы с населения северных волостей, которые поступали в Пермь и оттуда распределялись по сибирским городам.

В Сибири земледелие стало развиваться в XVII—XVIII вв. Поэтому первые отряды казаков, служащие и духовенство получали снабжение из Европейской части страны в виде *хлебного жалованья*. Поскольку и снабжение, и заселение Сибири шло из северной полосы, то и при становлении собственного земледелия основной культурой могла быть только рожь, так как она переносила суровый климат. Даже в XVIII в., когда русские освоили южные пределы региона, рожь, оставалась господствующей культурой. Затем шел овес, за ним — ячмень, т.е. традиционный набор северных хлебных культур. Они и составляли основу питания русского населения.

Продвижение на восток и знакомство со многими народами, населявшими восточные окраины Европы и грандиозные просторы Сибири, обогатили русскую кулинарию новыми блюдами, как праздничными, так и довольно простыми, воспринятыми российской беднотой. Примером последних можно считать *бурду* (тюрк.) — проваренную болтушку из муки с водой. Другое блюдо тюркских народов — *плов* или *пилав* — смесь риса с бараньим мясом, даже упрощенное русскими, оставалось малодоступным и готовилось изредка богатыми горожанами.

Полюбились русским *пельмени* — рубленное мясо, завернутое в лепешку из теста и отваренное в воде. Это блюдо с легкостью вошло в обиход, так как у славянских народов были аналогичные изделия из теста с начинкой из творога, овощей, фруктов. Продвигаясь дальше в Сибирь, русские унесли с собой новое блюдо. Здесь они научились запасать пельмени впрок, замораживая их. Пельмени стали в Сибири почетным угощением и необходимым дорожным припасом. В южной части Руси, где были тесные контакты с тюркоязычным населением, начали готовить тесто, проваренное в масле. Его делали круглой формы в виде колец — *пончиков* или шариков — *шишечек*, а в северной и средней части страны — в виде полосок — *хворост* или *стружни*.

Вареное в масле тесто было редким лакомством, а более доступные состояли из фруктов и других плодов, проваренных с медом и сахаром. Из мягких ягод делали заготовки — *пастилу*

и *леваши* (из малины, земляники, смородины, черники). Ягоды уваривали, протирали через сито и снова варили с патокой. Чтобы получить леваши, эту заготовку выкладывали на доску и сушили в печи, потом свертывали в трубочки. Для получения пастилы заготовку взбивали, давали подняться, потом складывали в медную посуду (*творила*) для закисания и уже после этого высушивали в печи.

Достигнуть разнообразия в приготовлении сладостей стало возможным с развитием садоводства. Во многих русских городах появились сады, в некоторых — с оранжереями. Пример подавали усадьбы российских государей, куда доставляли саженцы и семена из южных местностей страны и даже из-за рубежа. Так, великий князь Михаил Федорович устроил в Москве сад. По приказу царя Алексея Михайловича из Астрахани были доставлены саженцы винограда и арбузов вместе с землей. Особого успеха москвичи достигли в выращивании дынь, имевших до пуда веса. Крупные садовые хозяйства двора располагались в Коломенском и Воробьеве. Деревья там росли те же, что и у горожан и сельчан: яблони, груши, вишни, сливы. Меньше изменений наблюдалось в овощеводстве. Сохранялся прежний набор культур. Лишь в городских огородах появилась *спаржа*. В столице начал входить в употребление *салат*, однако лишь у немногих хозяев, так как русские считали его травой и смеялись над немцами, употреблявшими салат в пищу.

Освоение Сибири и установление дипломатических связей с восточными государствами обогатило русский стол неизвестными ранее пищевыми растениями. Из Сибири в больших количествах начали вывозить *ревень*, который первоначально использовали в отваре лишь как лечебное желудочное средство. Постепенно он вошел в обиход для изготовления взваров, киселей, начинок. Из Монголии в виде дипломатического подарка были доставлены первые упаковки *чая*. Чайный отвар считался хорошим тонизирующим и лечебным средством при грудных простудных заболеваниях. В Европейской части страны он медленно входил в обиход как повседневный напиток, а в Сибири, благодаря

меново́й торговле, стал доступен сельскому населению уже в XVII в. Чай отваривали из веточек (продавались под названием *шар*), из резаных листочков и из цветков (лучший по качеству). Как лечебное средство, а позже — как аналог чая, закупа́ли *бадан* (или *бадьян* — горное растение с сильным тонизирующим и вяжущим свойством). Из Сибири привозили в Москву чистый *мускус*. Из него готовили и продавали мускусную воду, но москвичи не оценили ее вкуса. Отведав различные новые отвары, россияне остановили свой выбор на чае. Из сибирской глуши и от столичного центра он начал свое победоносное шествие по стране.

Перемены в производстве и потреблении горячительных напитков имели более серьезные последствия. Усиление крепости хмельных изделий, увеличение количества производимого и потребляемого алкоголя, а также централизация его продажи привели к появлению в России зла — пьянства. В Древней Руси варка хмельных напитков производилась в семьях или в общинах и обществах к празднествам. Современем возникла продажа хмельных напитков в корчмах, где можно было поесть и выпить. Доходность хмельной продукции побуждала некоторых удельных князей устраивать собственные корчмы в вотчинах. С того времени, как доход от питейных заведений начал поступать в княжескую, затем — царскую, наконец — государственную казну, возникла непрерывная, идущая с переменным успехом борьба между стремлением получить возможно больший доход и желанием оградить народ от пагубного воздействия алкоголя. Первые ограничения ввел Иван III. Он запретил питейные дома повсеместно. Жителям Москвы разрешалось пить только по праздникам под угрозой строгого наказания. Право приготовления напитков принадлежало казне. Сын Ивана III Василий III продолжал соблюдать ограничения, но при нем в Москве появился первый каба́к для наемных иностранных солдат, обнесенный высоким забором. Эта местность получила насмешливое название «Слободка Наливайка». Забор, однако, не смог оградить россиян, и в последующие годы кабаки широко «расползлись» по городам страны.

Положение дел усугублялось тем, что прежние меды, пиво и брагу потеснил более крепкий напиток — *водка*. Излишки зерновых, которые стали накапливаться в связи с успехами сельского хозяйства, особенно в южных «пшеничных» местностях, открывали возможности для получения из хмельного сусла путем перегонки паров через медные трубы спиртосодержащей прозрачной жидкости. В XVI—XVII вв. проводили опыты по выкуриванию самогона. Перегонку повторяли два-три раза и достигали иногда такой крепости, что умирали от выпитого. Наконец, правительство установило единую крепость для продажной водки в 40°.

В XVII в., после приобретения Россией земель в низовьях Волги, появилась возможность завести собственные виноградники. Первый из них был заложен в 1613 г. — по приказу царя Михаила Федоровича для нужд царского стола виноградные лозы были привезены в Астрахань из кавказского г. Шемаха, вместе с рецептами изготовления вина.

Поступавшие в больших количествах съестные припасы хранили в погребах, используя холод от снега и льда (*Олеарий*. С. 195).

В больших количествах запасали не только горячительные напитки. При слабом развитии рыночных связей каждое хозяйство должно было обходиться заготовленными с осени припасами вплоть до следующего урожая. Руководство для рачительных хозяев «Домострой» подробно объясняло, что следует хранить в доме (Домострой, 1908. С. 118—119). Запасы рекомендовалось делать из-за неуверенности в достаточных урожаях или в возможностях покупки вследствие дороговизны. Имели значение и социальные причины: Страшным бичом того времени являлись повальные болезни — эпидемии. Чума, холера, моровая язва свирепствовали в середине XVI и в XVII вв. Рядом с моровым поветрием шел голод, косивший людей. В 1601 г. непрерывные дожди не дали хлебу созреть, а ранний осенний мороз побил рожь и овес. Новый посев следующего года погиб весь в земле. Разразился страшный голод (*Соловьев*. Кн. IV.

Т. 7. С. 56, 388—389). Нельзя не отметить, что в этих тяжелых условиях было стремление помочь больным и голодающим. Так, больных и безнадёжных запирали во дворах, во избежание распространения заразы, и кормили их всей улицей. Лишь в 1604 г. бедствия людей прекратил хороший урожай. Несложно понять, отчего в трудные и смутные времена появлялось стремление к накопительству и запасам на год и более. В свою очередь, чем обильнее становились припасы, тем разнообразнее была их переработка.

При переработке зерновых путем дробления и помола получали крупу и муку различных сортов, которые в последующем подвергались еще и термической переработке или сочетанию биохимической и термической. Для русской кулинарии было характерно заквашивание продуктов. Всевозможные квасы — мучные, овощные и фруктовые сами по себе были годны к употреблению, но, кроме того, заквашенная, перебродившая продукция подвергалась дальнейшей термической обработке: ее запекали, жарили, отваривали в воде, масле или жире. Растительные масла добывались путем выдавливания из семян масличных растений. Животные жиры и масла — путем механической обработки молока (взбивание, пахтание) или отделения сала от туши, а также термической обработкой туш животных и рыб (вытапливание жира).

Условия русской природы давали возможность проводить замораживание — термическую обработку и консервацию продуктов с помощью холода («засекание» в лед). Некоторые приемы замораживания русские заимствовали у народов Сибири, а некоторые — придумали сами, добавив к ранее существовавшим (замораживание пельменей, сырчиков).

Разнообразие приемов воздействия на продукты питания делало кулинарию русских весьма вариативной. В основе лежало использование свойств традиционной русской духовой печи, которая давала возможность производить все виды тепловой переработки пищевого сырья. В закрытом «чреве» печи пища приобретала различные свойства и вкус в зависимости от времени и степени нагрева.

Вследствие того, что миграции русских имели, в основном, восточное направление, заимствования в кулинарии происходили от восточных соседей — на широком пространстве от Приуралья до Тихого океана и от северного Поморья до среднеазиатских степей. Поставщиками новых продуктов и приемов были народы, вошедшие в состав российского государства, а также и соседние державы, с которыми устанавливались дипломатические отношения на новых российских границах.

О порядке трапез того периода имеются довольно скудные сведения и касаются лишь наиболее зажиточной части населения. По ним можно судить, что ели редко и не очень сытно: постный стол был весьма скуден, скромный — обильнее, и лишь по праздникам наблюдалось щедрое изобилие. В качестве постоянных трапез называются только обед и ужин.

Начало дня у всех русских, независимо от их положения в обществе, посвящалось Богу и церкви, а затем — делам. Царская семья начинала свой день с моления, затем царь принимал бояр.

Обед начинался в 12 часов (поотсчету времени рассматриваемого периода). Обеденный стол был весьма скромен даже у царей. В противоположность этому по праздникам, в дни приемов бояр, гостей или иноземных послов застолья были обильны и щедры. Церемониал обеда, богатство утвари, изобилие блюд производили сильное впечатление на иностранцев.

К XVI в. — времени написания «Домостроя» утвердились представления о последовательности чередования блюд, о сочетании продуктов и блюд на столе и о распределении яств в течение года соответственно с чередованием постов и мясоедов, а также различий в строгости пощения и в насыщенности мясных блюд. Общий принцип заключался в том, что ограничения, отказ от чревоугодия способствует освобождению и совершенствованию духа. Однако некоторые тонкости и представления на этот счет современным людям непонятны. Например, в мясоед допускалось есть в течение всего года зайца черного (приготовленного без пряностей), зайца в рассоле, почки заячьих под простым зваром. Заяц же, приготовленный

под шафраном, полагался только с Покрова (1 октября по старому стилю). (Домострой, 1908. С. 160—161).

Эти материалы показывают, что питание россиян было весьма различным: от очень скудного по будням во время постов до чрезвычайно разнообразного, перенасыщенного в дни праздников и приема гостей. Создается впечатление, что именно этот период, когда складывалась этническая территория русского народа, пополнение прежних навыков в связи с расселением на новых рубежах способствовало формированию вариативности в русской кулинарии, что проявлялось как в многообразии используемых продуктов, так и в способах их переработки. В тот же период сложность исторической ситуации могла пробудить стремление к бережливости и накопительству. Однако это не привело к скарденности. Общие успехи хозяйства позволяли делать достаточные запасы, а они пробуждали кулинарную фантазию и желание поделиться своими достижениями. Народная мораль считала честью хозяев принять пришедших в дом со всей возможной щедростью. Об этом свидетельствуют пословицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами», «Гость на гость — хозяину радость» и т.п.

Пища русских в XVIII — начале XX века

XVIII век внес существенные перемены в русскую кулинарию, которые продолжали сказываться и в последующие столетия. Определились два направления изменений: 1) усилилось влияние кулинарии зарубежных народов (преимущественно в высших слоях общества), что обогатило ассортимент престижных блюд русского стола, 2) формировались своеобразные черты народной кулинарии в отдельных местностях, различавшихся по естественно-природным условиям, по составу населения, по историческим судьбам.

Политика Петра I, направленная на усиление контактов с западноевропейскими государствами, оказала влияние на соответствующие перемены в русской кулинарии. Нововведения

прежде всего появлялись в столицах — Москве и Петербурге, где царь проводил «ассамблеи» — торжественные приемы для знати и сподвижников. Отсюда новшества переходили в другие слои общества и проникали во многие города государства. Желая ускорить процесс и полагаясь на молодежь, Петр I организовал издание «Юности честного зеркала» — книги, обучавшей умению достойно вести себя в обществе, в частности, во время застолий. (Юности честное зеркало. С. 16). В XVIII в. особенно заметным стало немецкое влияние, так как Петр I привлекал из Германии многих специалистов.

Русский народ характеризовал немецкую кухню двумя изделиями: колбаса и кислая капуста. Возможно, что именно под немецким влиянием распространились всевозможные тушения из капусты с мясом свежим, соленым, копченым и с колбасами. Тем же влиянием следует объяснить и появление молочных супов, а также салатов из зелени. Однако, воспринимая новые блюда, русские кулинары перерабатывали рецепты в соответствии с национальными вкусами. Так, характерное для германских народов добавление свиного сала и смальца (топленого свиного сала) во многие блюда, включая и сладкую выпечку, было отвергнуто, как несоответствующее традиционной рецептуре.

В XIX в. участие России в освободительных войнах стран, захваченных Наполеоном, обеспечило русской армии гостеприимство многих народов Европы и позволило познакомиться с особенностями их быта, в том числе и со своеобразием пищи. Французская кухня считалась лучшей в Европе. Пикантную особенность французской кулинарии придавали добавки вина при изготовлении самых различных блюд, всевозможные соусы, подливы и бульоны.

Разнообразие вариантов блюд во французской кухне соответствовало вкусам русских. Из французского языка в русский вошли названия многих блюд: котлеты, омлет, антрекот, фрикадельки, соус, майонез и т.д. Названия и рецептура некоторых из них стали достоянием поваров-профессионалов: консоме — крепкий мясной бульон, мармит — бульон, к которому отдельно

подается гарнир и пр. Повара-специалисты не занимались слепым копированием. Появились русские варианты блюд, иногда превосходящие по вкусу и качеству французские, например, котлеты куриные, котлеты пожарские. Переняв бульон, его «наполнили» лапшой, рванцами, клецками, а салаты начали делать не только из свежих, но из соленых и квашеных продуктов (овощи, фрукты, грибы).

Весь XIX и начало XX в. в России продолжалось влияние французской кухни. Публиковались в изобилии поварские книги, пестревшие подражанием французским блюдам («а ля»), в результате которых французская кухня приобрела русский колорит (Готье. С. 109). Немалую роль в распространении новых рецептов играли приезжие кулинары-ремесленники. Представители той или иной страны пропагандировали излюбленные блюда. В городах создавались английские, французские клубы с соответствующими стилями оформления и столования. В богатых домах вошло в моду держать французского повара.

Обилие привнесенных в страну иностранных рецептов побудило тульского помещика В.А. Левшина составить алфавитный «Словарь» зарубежных и отечественных блюд. Их набралось на 6 объемистых томов, издававшихся в течение 6 лет. Однако знакомство русских с кулинарией многих народов имело гораздо более глубокое значение. Всколыхнулись собственные творческие возможности отечественных любителей вкусных яств. Изобретениями и совершенствованиями рецептуры увлеклись специалисты и любители, знать и простолюдины, мужчины и женщины, жители столиц и провинции. Особо полюбившиеся самобытные рецепты хозяйки переписывали в специальные тетрадки (Поваренная книга. С. 6).

Результатом столь активного интереса к кулинарии стала любовь к обильным застольям в среде зажиточных горожан. Особенно славилась этим Москва «хлебосольная».

В России развивалось утонченное гурманство. Создание хорошего блюда начиналось еще при подготовке и отборе продуктов

для него. Опытные кулинары давали на этот счет проверенные рекомендации.

Все продовольственные богатства страны стекались в столицы.

Помимо того, что Москва была первопрестольной столицей и к XVIII в. стала центром складывающегося общероссийского рынка, ее положение в центре европейской части государства оказалось наиболее благоприятным для снабжения. Вообще в XVIII—XIX вв. средняя часть региона считалась наилучшей по естественно-природным условиям.

Среднерусская зона

Это территория, на которой формировались и с наибольшей полнотой проявлялись характерные черты русской традиционной кулинарии.

Одна из них — любовь к ржаному или *черному* хлебу, который считался наиболее вкусным и питательным. Пшеничная мука использовалась главным образом для праздничной выпечки из сдобного теста, да и то — преимущественно в городах. Здесь ассортимент изделий непрерывно расширялся. Появились местные особые виды выпечки, носившие названия того или иного города. Москва славилась *сайками* (форма «лодочкой»), *расстегаями* (пироги, раскрытые сбоку), *кулебяками* (пироги удлиненной формы с начинками). Пироги оставались любимым лакомством, обязательным во время приемов дорогих и уважаемых гостей. Помимо домашних застолий, пироги продавались с лотков во всех городах средней полосы России. Этому способствовало развитие русской металлургической промышленности. Выпечка на железных листах — *противнях* давала возможность более эффективно использовать внутреннюю полость русской печи. Наряду с вареными в масле, появились изделия, которые предварительно отваривали в воде и придавали им форму кольца. После выпечки одни из них (*баранки*) продавались мягкими, при этом особо ценились горячие, другие же (*сушки*) — засушивались как сухари. Добавление мака, горчицы,

различной патоки при выпечке разнообразило эту оригинальную русскую продукцию.

Деятельность отечественных чугунолитейных заводов привела к созданию нового вида лакомств — *вафель*. Полоски теста, зажатые между чугунными пластинами, просушивали в печи, как пастилу или левашу. Узоры, отлитые на формах, отпечатывались на тесте, что придавало вафлям особо праздничный вид. Разнообразнее стали вареные в масле лакомства из теста. Кроме нарезанных полосками (*стружки, хворост*), стали делать фигурные заварки, используя металлические формы: кольца, розы, сердца, копытца и др.

Еще большая популярность выпала на долю сладкой и ароматной выпечки — *пряников*. Лепная и орнаментированная выпечка была известна исстари. Металлургическое производство вблизи Москвы, в Тульской губернии вдохнуло новую жизнь в пряничное дело. Профессиональные резчики — оружейники перенесли четкость в выполнении рисунка на деревянные пряничные доски. Для ароматизации теста брали мяту, анис, солодку, тмин, использовали всевозможные привозные ароматизирующие вещества, например, мускат, корицу, имбирь. Пряники стали подлинными произведениями искусства. Благодаря яркой декоративности и отличному вкусу, они вошли в состав праздничных и обрядовых блюд.

В городском быту все большее значение приобретало питание в ресторанах, трактирах, харчевнях, рассчитанных на разные слои общества. Разницу в выборе ассортимента блюд отмечал писатель В. Гиляровский. В Москве на ул. Б. Дмитровке, которая в старину называлась Клубной, размещались Английский клуб с соответствующей кухней и Дворянский клуб, где подавали преимущественно французские блюда. Затем этот последний переехал в Дом благородного собрания, а его место занял Купеческий клуб (*Гиляровский*. С. 110). Сутоборусские блюда подавали также в трактирах, рассчитанных на состоятельных простолюдинов. Харчевни, обслуживавшие преимущественно городские низы, заезжих сельчан, подчеркивали народный стиль в оформлении и подборе блюд.

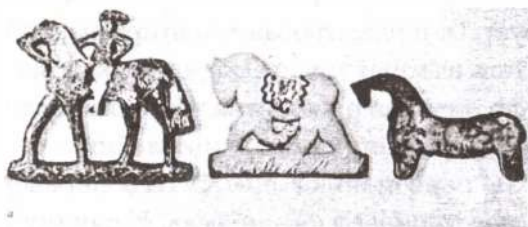
Подражание зарубежному у городских и столичных верхов во многом было направлено к внешней, показной стороне быта. В более узком кругу, особенно при семейных трапезах, на первом месте оставалась традиционная кухня. Это всегда замечали иностранцы: они привыкали к неизменным щам, кашам, квасу, соленым огурцам. В периферийных городах и тем более — в сельской местности иноземные влияния слабо ощущались в кулинарии, но традиция питания не оставалась неизменной. Перемены, в первую очередь, были вызваны общим развитием хозяйства, но особенно они проявились в овощеводстве и садоводстве. Зелень стала занимать все большее место в составе первых и вторых блюд. В сочетании с бульоном она дала новый вариант щей, отличный от прежних мучных или крупяных. Капустные щи быстро завоевали признание. Их готовили для постного стола на мучной закваске, а для скоромного — с отварным мясом. Капусту отваривали или тушили с мясом, салом, копченостями, ею начиняли пирожки и кулебяки.

С первой половины XVIII в. переворот в составе овощных блюд произвел *картофель*. К началу XX в. уже почти не оставалось кушаний на столе россиян, в которые не добавляли бы картофеля. Его стремились запасти на весь год, он нередко выручал в неурожайные годы. Картофель подмешивали в муку, из него и повили первые и вторые блюда, его подавали отдельно и в смеси с другими продуктами, распространив на него все способы кулинарной обработки.

Благодаря овощам стали разнообразнее горячие первые блюда. В городах у средних и зажиточных слоев населения вошли в моду бульоны, которые подавали чистыми (в специальных чашках) или с различными наполнителями — зеленью, лапшой и пр. (в тарелках). Куриный бульон, особенно полюбившийся русским, считался к тому же целебным продуктом. Различная столовая зелень в сочетании с традиционным квасом послужила основой для нового блюда — *окрошки*. Мелко порезанную зелень, рубленое яйцо, кусочки соленой рыбы и отварного мяса заливали холодным квасом, заправляли сметаной, бросали в блюдо лед

и подавали в жаркий летний день. Полюбились также холодные ботвиньи из нежных листьев молодых овощей.

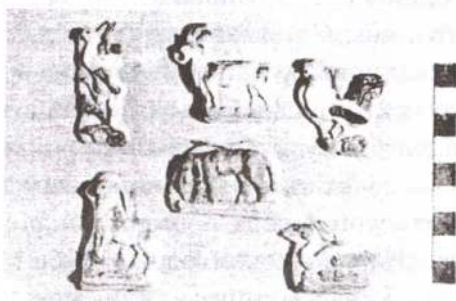
В сельской местности питание было однообразным. Так, например, в Тверской губернии ежедневная постная пища состояла из хлеба, редьки, щей из серой капусты и картофеля. В праздник добавляли пироги из ржаной муки, а щи варили с рыбой. Ели кашу, горох. Стол разнообразили грибы, соленья. В скромные дни щи забеливали сметаной, в картофель добавляли масло, пили молоко. Лишь по праздничным дням на столе появлялось мясное: щи с говядиной, похлебки с бараниной, а также яичница, считавшаяся лакомым блюдом.

Пряники и пряничные
доски конца XIX —
начала XX в.
(Российский
Этнографический
музей)

Пряники:

- а) кони,
- б) птица Пáva,
- в) пряники
с изображением
животных

Пряники и пряничные доски конца
XIX — начала XX в.
(Российский Этнографический музей)

- Доски:
 г) азбучка
 д) птица Петух,
 е, ж) доски наборные

Осенью с наступлением холодов больше поступало мясных продуктов, так как скот забивали с окончанием летнего выпаса, а *свежина* не может долго храниться. Мясо в больших количествах и дешево продавали на рынках. Поэтому жители городов лучше были обеспечены мясными продуктами в это время года. В средней полосе ценили мясо крупного рогатого скота, туши которого, собственно, и называли мясом, в отличие от баранины и свинины. Заливной или зажаренный целиком поросенок был украшением рождественского стола. Жажаривали также тушки

птицы — *рождественский гусь* особенно был любим в городах. В то же время крупные дикие птицы все реже попадали на стол, а употребление в пищу лебедей стало считаться кощунством. Охотничьи угодья оскудевали, домашний скот берегли, оттого и потребление мяса сокращалось. Утвердившееся христианство со своей стороны вводило ограничения, мясная пища в рационе значительно уступала растительной. По подсчетам экономистов, в начале XX в. в Московской губернии на растительную пищу затрачивалось 24—30% бюджета семьи, на животную — 12—15% (Первушин. С. 9, 19).

Южная зона

В южной зоне Европейской части страны овощи составляли сравнительно большую часть в общем балансе продуктов питания, чем в других регионах. Помимо тех, которые употреблялись в пищу в средней полосе России, на юге первостепенную роль отводили свекле — красной (столовой) и белой (сахарной). Красную свеклу ели в отварном виде, с ней готовили ботвиньи. Более вкусной считалась квашеная красная свекла, которую использовали в тушениях. Из свеклы обоих видов готовили квас, а белую еще и томили в печи, получая сладкий сахаристый сироп.

В черноземной полосе большое значение в питании имела тыква. Из нее готовили кашу, жарили, запекали. На юге употребляли в пищу *помидоры, кабачки, баклажаны, перец*. В открытой степи выращивали бахчевые культуры. Арбузы и дыни были повседневной пищей и в летнее, и в зимнее время. Свежий арбуз с хлебом нередко составлял завтрак, а для зимнего хранения бахчевые сушили и солили. Из их сока варили «мед». Фрукты, ягоды и орехи составляли разнообразное питание в течение года. Помимо употребления в свежем виде, приготовления варений, пастилы, *мармелада и взваров* (компотов), в южной части России некоторые фрукты использовали для салатов, борщей и даже при тушении мяса.

Горячие жидкие блюда — любимые русскими щи и популярный в южных районах борщ включали много овощных

компонентов. Борщ готовили с квашеной свеклой (*бураками*). На Кубани в это блюдо добавляли сливы. Похлебки заправляли чесноком и прожаренной с маслом или салом мукой. На юге часто варили похлебку из пшенной крупы с салом или постным маслом (*кулеш*).

В кулинарии южнорусских хозяек немало было общего с соседними украинскими. Помимо сала, борщей и кулешей, часто подавали к столу *вареники* и *галушки*, всевозможные взвары.

Ржаной хлеб, как и повсюду у русских, традиционно играл основную роль в питании, а у сельского населения ржаная мука использовалась и для праздничной выпечки. Пекли из кислого теста, а в отдельных местностях, например, на Кубани, делали *заварной хлеб*, для которого муку запаривали кипятком. В течение XIX в., неуклонно расширялись посевы пшеницы. К началу XX в. они стали весьма значительны по всему южному региону (к югу от Курской и Воронежской губерний) и особенно на Кубани. Некоторые местные сорта твердой пшеницы были позднее перенесены в Сибирь, где для них оказались весьма благоприятными природные условия в Алтайской и Минусинской степях. В этих местностях основным стал белый пшеничный хлеб, который совершенно вытеснил ржаной.

Параллельно с успехами зернового хозяйства увеличивалось винокурение, производство водки. Росло число спиртовых заводов, которые размещались в хлебобродных районах черноземного юга. В начале XX в. Россия заняла первое место по размерам винокурения. Со второй половины XIX в. отдельные люди и целые сельские общества стали давать зарок воздержания от пьянства. Появились общественные организации борцов за трезвость, к которым присоединилась церковь. В 1859 г. Общество трезвости возникло в Саратовской, затем в Рязанской, Екатеринославской, Нижегородской, Курской губерниях. Общественное противостояние пьянству охватило всю страну, но более всего общества трезвости создавались в южной полосе, где действовали крупные водочные заводы. Священный Синод благословил деятельность этих обществ указом обер-прокурора.

Переработка растительных продуктов обогатила русский стол новым сортом масла. Так, повсюду в России издавна основными масличными культурами были лен и конопля, причем под последней были заняты более южные местности. Кроме этих культур в степной зоне добывали в небольшом количестве масло из мака, тыквы, горчицы и рапса. Семена конопли и мака выжимали, и они давали вкусную маслянистую эмульсию — *молочко*. Его, как лакомство, намазывали на хлеб, блины, ели с выпечкой. В середине XIX в. крестьянин Тамбовской губернии решился отжать масло из семян подсолнуха. Оно оказалось настолько ароматным и приятным на вкус, что быстро завоевало признание в южном регионе, а затем вывозилось и в города северной части страны. Из жиров животного происхождения в России более всего употребляли коровье масло, которое в перетопленном виде использовали как кулинарный жир. В конце XIX в. для отделения сливок начали применять сепаратор, а вместе с ним стало быстро налаживаться производство сливочного масла.

Северная зона

К северу от средней полосы России соотношение производимых продуктов и потребляемых блюд, во многом отличались друг от друга. В этом регионе особняком стояла вторая столица России — Санкт-Петербург.

Построенный на окраине государства, на необжитом месте, вдали от основных сельскохозяйственных районов, город с самого основания нуждался в снабжении продовольствием. Первонаселенники Петербурга получали «хлебное жалование», как и первонаселенники Сибири. В первой половине XVIII в. на одного человека в месяц выдавали по 29 кг муки и по 5,5 кг крупы (Семенова, 1974. С. 173—174). Рабочий люд нового города, стекавшийся в него из разных местностей, был оторван от окрестного сельского населения, как в начале застройки, так и в последующее время. Между тем жители исконно русских городов неизменно сохраняли бытовые и родственные связи с деревней и полу-

чали оттуда часть продовольствия. В Петербурге, даже в начале XX в., по данным экономического обследования только 21 % рабочих семей пользовался деревенским хозяйством, большинство петербургских жителей питалось за счет покупных продуктов (Давыдович. С. 14, 17).

В Петербурге вошел в обиход всех слоев населения белый хлеб, который называли *булкой*. Обычным завтраком в небогатых семьях стал чай с хлебом и сливочным маслом. Обеды готовили не каждый день. Бедные семьи варили его раз в неделю в воскресенье, разогревая потом щи по мере их потребления. Питание семьи почти целиком зависело от возможности покупки продуктов. Сбивались ритмы чередования постных и скоромных дней. Самые бедные семьи постились весь год, богатые — лишь несколько дней на Страстной неделе.

Высшее общество получало необходимые продукты из своих вотчин. Требовался огромный запас, поскольку от него зависели не только семья владельца и его дворня, но и обслуживающие крепостные и наемные рабочие.

По мере упрочения быта в новой столице развивались торговые связи с российским рынком. Как и в Москву, сюда стекалось продовольствие со всех концов страны. Однако своеобразный состав населения северной столицы, пребывание в ней императорского двора, привлекавшего иностранцев, накладывало особый отпечаток на быт русской знати. В Петербург поступало больше западноевропейских товаров, чувствовалось влияние традиций разных народов на кулинарию, состав блюд, застольный этикет.

Стоило выехать за пределы города, как скудость северной природы резко ограничивала ассортимент употребляемых продуктов, поскольку сельское население само обеспечивало себя продовольствием. Стол северян оставался в основном хлебно-рыбным. Однако хлеб пекли иной, чем в средней полосе России. В суровом климате даже рожь не всегда созревала. Из ее зеленых зерен варили кашу под названием *вараханицы*. Основными хлебными культурами считались ячмень и овес. При

помоле более ценной ржи оставляли часть мякины. Делали муку из смеси ячменя и овса (*сутолоку*), а хлеб из чистого ячменя назывался *житником*.

Из мучных продуктов готовили полужидкие блюда — проваренную клейкую мучную *гуцу*. Новгородцев, любителей такой пищи, называли гущеедами. Из ячменной муки варили *заспянную кашу*, из ржаной муки — *мученку*. Благодаря быстрому приготовлению, такие блюда удобно было подавать утром. Среди тестообразных особенно любили блюда, приготовленные из толокна (*толокнянки, соломата*). Заваренное на кислом молоке толокно, которое ели с ягодами, составляло северное лакомство (*тяпушки*), так же как и скатанные шариками или колбасками *тетерки*. Жидкие блюда из муки были распространены в хлебородных деревнях, в чисто рыболовецких селениях их не знали (*Дурасов*, 1986. С. 80). Горячие блюда — похлебки готовили из ячменной крупы. Они назывались щами (*толстые щи*), их приправляли овсяной крупой или толокном. Толокно, там, где оно имелось, всегда стояло на столе во время трапезы. Его подсыпали в любое блюдо, в щи, в квас. Такая приправа повышала калорийность пищи.

Чем дальше к северу от центра страны, тем беднее овощами становилась пища: употребляли лишь репу, редьку, да лук с чесноком. Вместе с тем придавалось большое значение собирательству, охоте, рыбной ловле. Помимо ягод, грибов, орехов — составлявших любимое лакомство по всей Руси, на севере в большом употреблении были дикie травы. Среди них борщ (или борщевик) ежегодно добавляли в муку в весенне-летнее время, предварительно высушив и помолов. В свежем виде он заменял капусту в тех местностях, где она не произрастала. Листья рубили, отварив, солили в кадках на всю зиму.

Чем меньше возможностей предоставляла природная среда для выращивания овощей, тем большее место в рационе занимала пища животного происхождения. В Архангельской губернии стада домашнего скота, кроме овец и коров, включали также оленей. В этой местности мясо ели не одни только богатые, как

в средней России. Оно составляло обычную пищу крестьян. Мясо готовили свежее и соленое, причем оленину слабо просаливали и начинали есть, когда уже появлялся запах. Он бывал настолько сильным, что при ветре разносился за 5 км от селения.

Основным и любимым продуктом была рыба. Помимо общеизвестных способов ее обработки, на севере бытовал особый и более любимый — заквашивание. В зависимости от степени проквашенности рыба использовалась для приготовления разных блюд, в том числе и для сыроедения. При сравнительно слабом проквашивании сохранялась форма тушек. Из них делали *кулебяку*, запекая целиком в тесте. После сильного проквашивания достаточно было слегка потянуть за хвост, чтобы мясо отделилось от костей. Размешав в холодной воде, его запекали и ели с хлебом. При дальнейшем окислении, когда рыба еще держала форму, ее ели сырой, подавая к чаю как закуску. Наконец, при наибольшем разложении, студенистую кислую массу разливали по блюдам и ели как похлебку. Ее же можно было нацедить из бочки, как квас, поскольку из-за недостатка хлеба традиционный квас на Крайнем Севере не делали вовсе.

Изобилие рыбы позволяло верующим регулярно соблюдать дни постов и мясоедов. В скоромные дни обычными блюдами на столе были мясо, кислое молоко или кислый творог. В постные дни к обеду подавали редьку с квасом, соленые грузди или волнушки, разведенные водой. Грибы отваривали как похлебку (*грибница*). Обычно на столе была также и моченая брусника. Уху, соленую или свежую рыбу подавали в соответствии со степенью зажиточности хозяев (*Потанин*. С. 136).

В праздничные дни стол пополняли пироги, брага, пиво, мед. Местная традиционная выпечка была знаменита *шаньгами* (круглыми ржаными булочками в виде ватрушек) и *рыбниками* (в хлебном тесте запекали целиком тушку рыбы).

Любимым праздничным напитком на севере было пиво. Варили его обыкновенно в складчину: семьями, деревнями, приходами. К свадьбе, например, заготавливали до 200 ведер. Один раз в год, в храмовый праздник, созывали всю родню и из окрес-

тных селений и пировали по несколько дней. До середины XX в. в некоторых местностях сохранялись общественные поварни или пивоварни с артельными котлами, воду и сусло в которых кипятили с помощью раскаленных камней. Только после первой мировой войны на Север проникла водка.

Зона Приуралья

Традиционное питание крестьян северных губерний, переносимое потоками мигрантов на восток в Приуралье и в Сибирь, с течением времени приобретало местные особенности.

Так, в Приуралье хлеб *ярушники* пекли из ржаной муки с примесью ячменя в Пермской губернии и овса — в Вятской. Кроме того, в Вятской губернии заводили тесто из одной только овсяной муки. Хлеб из нее называли *нагольники*.

Из круп грубого помола (ячменя и овса) готовили толстые щи — густую похлебку, из круп более мелкого помола — каши,

а заваренные пожиже получали название *кашки*. Их ели, смазав сверху растительным маслом (конопляным или льняным), которое подливали по мере поедания промасленного слоя.

Как повсюду в России, так и в северной полосе из злаков получали хмельное питье. В Приуралье особой любовью пользовалась крепкая брага. Ее пили в будни и по праздникам. В эти дни подавали подогретую *теплуху*. Нередко она, вместе с куском хлеба, составляла завтрак мужчин. Этот напиток русские восприняли от местного финноязычного населения — коми-пермяков. Пермьяц-

Приготовление пельменей
в д. Усть-Уролка, Чердынский р-н,
Пермская область, 1981 г.

кая брага несколько отличалась по вкусу и способу приготовления от русского полпивца.

Огородничеству в лесистом Приуралье уделялось мало внимания, поскольку ежегодно в больших количествах запасали соленые и сушеные грибы и ягоды. На небольших огородах выращивали, главным образом, репу и редьку (горькую и сладкую). В южной части Приуралья их дополняли капуста и огурцы. Лук и чеснок выращивали повсюду, а о свекле и моркови знали не везде. Картофель, постепенно внедрявшийся на крестьянские поля, высевали как огородную культуру. Выход его на поля был связан с зарождением крахмало-пóточного производства, которое затем получило дальнейшее развитие.

Повседневный стол был однообразен и скуден (*Короленко*. Т. 7. С. 18). В скоромные дни, кто мог, варил говядину с добавлением овсяной или ячменной крупы, иногда — капусты. При подаче на стол мясо вынимали, крошили и опускали в похлебку, когда она почти заканчивалась. Так, по русскому обычаю, совмещали первое и второе блюдо. За ними подавали молоко, обычно сквашенное. Любимым мясным блюдом в Приуралье повсюду были пельмени. Они, вместе с традиционным студнем и жареным мясом, были неизменными составляющими праздничных застолий. Скудный набор севернорусских продуктов и блюд тем не менее полностью восстанавливал жизненные ресурсы жителей и, более того, подерживал здоровье.

Зона Сибири

Неприхотливость в пище, неприязательность в быту и большая выносливость помогли крестьянам Севера и Приуралья освоить пространства Азиатского материка в его равнинной части в течение XVII—XVIII вв. Первопроходцы испытывали большие трудности в снабжении продовольствием. Особенно сложное положение складывалось на крайнем северо-востоке, где численность русских была невелика, а климатические условия более суровы. Тем не менее уже с XVIII в. определились два направления в разви-

тии кулинарии сибиряков: 1) восстановление традиционного питания и 2) пополнение рациона за счет местных продовольственных ресурсов и кулинарного опыта сибирских народов (Липинская, 1981. С. 193—194). Они в разной мере реализовывались в привычных для русского крестьянства условиях земледельческой зоны Сибири и на промысловом Севере. Имела значение также большая или меньшая близость к основной территории расселения и время освоения того или иного района.

Западная Сибирь начала осваиваться русскими в ее северной таежной, а затем и в тундровой зоне. Из-за этого были большие трудности в обеспечении хлебными припасами, но в изобилии добывались благодаря охоте мясные продукты. В XVIII в., пройдя через западно-сибирский регион к югу, русские крестьяне смогли полностью обеспечить население продовольствием. Академик И.Г. Гмелин, проезжавший в 1740-х годах через Сибирь, писал о рынке в северной столице края — Тобольске: «Зерно очень дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой» (Зиннер. С. 120). Зверопромысел в XVII в. составлял основное занятие жителей, но в XVIII в. уступил место рыбному. Рыбу вывозили на юг в хлебные районы, поставляли в города Восточной Сибири и в Европейскую часть страны. В пределах региона установились пути обмена продукцией. Санным путем мороженую рыбу везли на рынки земледельческой зоны, а оттуда загружались зерном.

В Сибири применяли все известные русским способы обработки рыбы: парение, жарение, сушка, вяление, копчение, соление и квашение. На Крайнем Севере рыба составляла основу питания, временами заменяя хлеб. Рыбий жир, почти не употреблявшийся в Европейской части страны, в Сибири получил признание и даже вывозился на ярмарки. Жир линей применялся, в частности, при выпечке пирогов.

Чем меньше природные условия позволяли разнообразить продовольствие, тем большее значение имели продукты с повышенной калорийностью. На Крайнем Севере использовали любой вид жира: рыбий, китовый, нерпы, а также сырое мясо

и жир домашних животных, медведя и других зверей. Русские широко использовали опыт местного населения. Исследователь начала XX в. Головачев отмечал, что жители Обдорска ели не только мерзлую рыбу, но и замороженную оленину, особенно костный жир и сырые почки. В Верхоленском уезде употребляли полусырое мясо (как и якуты), в Анадырском округе ели сырое пиленное мясо оленей, а также сырой мозг из головы, берцовых костей и голени (Головачев П.М., 1902. С. 13; Олсуфьев. Т. 2. С. 41—42).

В северной зоне Сибири основу питания составляла пища животного происхождения. Соотношение рыбы и мяса несколько менялись по времени года и в соответствии с промыслами. Растительная пища служила лишь подспорьем, причем на крайнем северо-востоке в весьма необычных для европейских жителей сочетаниях. Так, на Камчатке в большом употреблении были блюда из смеси рыбы, икры, мяса, каких-либо трав и муки. Названия русских блюд приобретали другое содержание, а в русскую

Торговая площадь. Хлебный рынок в с. Катайском
(Западная Сибирь, конец XIX в., АИЭА)

кулинарию входили местные блюда. Например, *ветчинэ* представляло собой кровяную колбасу, начиненную клубнями *сараны*, а *здор* — похлебку, в которой варились вместе мясо, рыба, коренья и зелень. Квашеную рыбу ели по всему северному побережью, но на северо-востоке ее сочетали с икрой.

Обилие сочных трав в Сибири способствовало развитию животноводства. При этом на севере русские восприняли оленеводство, а на юге, в горной местности, стало развиваться мараловодство. Приемы кулинарии и способы потребления оставались теми же, как и повсюду в России. Можно лишь отметить, что к мясу подавали относительно меньше овощей, чем в Европейской части страны. Несомненно, сибиряки употребляли больше мясной пищи, чем в других регионах страны.

Высокий удой молока давал хороший выход сливочного масла. В 1894 г. в Курганский округ Тобольской губернии из Петербурга привезли первый сепаратор, и в скором времени начали открываться один за другим маслодельные заводы. К 1913 г. их насчитывалось уже более 4 тыс. (Масляное хозяйство Сибири. С. 3—8). Сибирское масло развозилось по всем городам страны, шло на экспорт, но сами крестьяне ели его мало. В крестьянских хозяйствах традиционно предпочитали масло топленое, или остатки от производства сливочного масла: пахту и оттопки. Даже в местностях с наибольшим развитием молочного скотоводства не варили сыра. Единственным концентрированным молочным продуктом у русских был творог. В соседстве с тюркским населением творог подсушивали, на Алтае коптили, повсюду в Сибири замораживали сырные лепешки, которые затем подавали к чаю.

Население земледельческой зоны лучше было обеспечено продовольствием в отличие от других регионов. Сибиряки накапливали кулинарные рецепты различных народов. Благодаря достатку в продуктах здесь приживались даже блюда, присущие городской среде, особенно — в праздничном меню. Например, соседствовали блины и вафли, вареники и пельмени, каравай и курник.

Праздничная кулинария, обычаи застолья

Каждый праздник имел особые, присущие только ему черты. На праздники подавалась лучшая еда, но, кроме того, имелись специальные блюда, приуроченные к определенным празднествам. В праздничных ритуалах и в праздничных меню имелось много общего, но были и некоторые местные варианты.

Почти каждое селение имело свой день праздника, на который приглашало соседей. Выбирался день какого-либо почитаемого святого, обычно — день храмового праздника. Его в таком случае называли съезжим. Такие праздники, объединявшие жителей нескольких селений, традиционно отмечали с пивом. Крестьяне предпочитали продать что-то необходимое или залезть в долги, но, по возможности, щедро оформить застолье, украсить избу, приодеть всех членов семьи.

В праздничный день хозяйки стремились порадовать гостей обилием съестного: подавали по 10—20 блюд из домашней птицы, мяса, рыбы, овощей, ягод, грибов. Готовили студень, тельное из рубленой рыбы, жаркое, отварное мясо, яичницу. В Архангельской губернии полагалось, чтобы перед каждым гостем красовалась горка выпечки. В Пинежском уезде, например, пекли шаньги из ржаного или ячменного теста с поливой из сметаны, крупяные шаньги в ржаных корках, расстегаи с пшенной начинкой, сковородники (тонкие оладьи), олабиши (толстые оладьи), налистники (тонкие блинчики), сочни (засушенные блины), блины житные (из кислого теста), ватрушки с творогом, колюбяки из ржаного или *крупичатого теста* с запеченной в них рыбой, волошние колобки из крутого теста на молоке, а также сладкие пироги с изюмом или с черникой (Ефименко П.С. С. 69).

Годовые народные и христианские праздники отмечались в основном специфической выпечкой. На Рождество, в канун Нового года, действовала магия первого дня, когда через еду стремились обеспечить благополучие на будущее. В эти дни делали лепные или печатные пряники с изображениями животных, антропоморфных фигур, бытовых сцен, которые дарили друг

другу и даже скармливали скоту. Стол был особенно обильным, и непременно с мясными блюдами — символом сытости всего года. В городах жарили целиком гуся или поросенка, а в деревнях сушили свиные ножки в кашке или капусте. Хозяйки пекли небольшие пирожки и другие печенюшки, которые раздавали колядовавшим и желавшим благополучия в Новом году. Песенки-колядки обычно заканчивались просьбой угощения: «Печка-то топится, пирожка-то хочется!» и пр.

Масленица — неделя проводов зимы и встречи весны, знаменита горячими золотистыми блинами, оладьями, вафлями — все это круглое, жирное, сладкое. Ускорить приход весны пытались, зазывая птиц, на крыльях которых она якобы прилетала. В день Сорока мучеников пекли из теста птичек. Надев их на шесты, дети бегали по улицам и закликали весну.

Середину Великого поста называли средокрестием. В этот день пекли кресты, которым придавалось особое значение. Кресты хранили до первого выезда в поле, их крошили в семена, чтобы обеспечить хороший урожай. К Великому четвергу был приурочен обычай «закликания мороза». Хозяйки варили овсяный кисель, выходили с ним на улицу и приговаривали: «Мороз, мороз, иди кисель есть! Не бей наш овес, нашу рожь, а бей быльник, да крапивник». Сам кисель обычно оставляли до пасхального дня и тогда ели его.

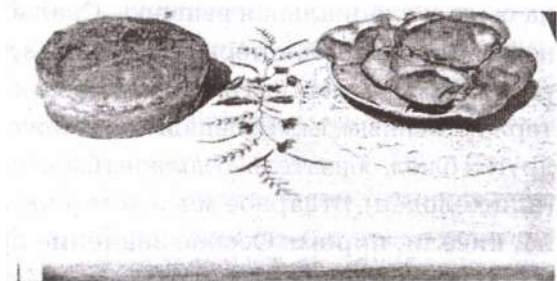
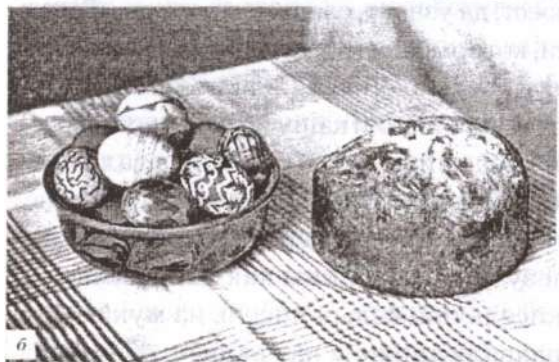
Пасха славилась праздничной едой: хлебный кулич, сырная пасха, крашеные яйца. На 40-й день после Пасхи отмечали Вознесение. Пекли продолговатые хлебцы, на которых ножом делали зарубки, изображающие ступени. Через 10 дней праздновали Пятидесятницу, или Троицу. Народные гуляния начинались с четверга накануне Троицы или с Семика. Семик считали праздником девушек, а Троицу, в основном, — женщин. В эти дни ходили в леса и рощи, играли возле березок. Здесь же устраивали и ритуальную трапезу, на которой обязательной едой были яйца или яичница — символы плодородия.

Осень подводила итог хозяйственному году, начиналась уборка урожая. Отмечали три Спаса. В день первого Спаса — медо-

Пасхальная выпечка
начала XX в.:

- а) куличи (Москва);
б) кулич и пасхальные
яйца (Московская
область);

- в) кулич и пышки
(Омская область);
г) каралички
сибирские

вого, выламывали соты, ели мед. Второй Спас — яблочный — включал фрукты и овощи. Третий Спас называли ореховым или хлебным. К этому дню поспевали лесные орехи и заканчивалась уборка хлеба, что позволяло напечь пирогов из муки нового урожая. Окончание жатвы называли «дожинками», к которым полагалось наварить жирной каши — *соломаты*.

Особой «бабиной кашей» отмечали рождение ребенка. Бабка-повитуха делала соленую смесь из перца и хрена, которой и заправляла ложку каши. Она подавала ее отцу ребенка и приговаривала: «Пусть-ка поест, да узнает, сладко ли рожать». Гостям выносили горшок каши, который повитуха или кума поднимали повыше, чтобы ребенку расти здоровым и высоким.

На поминальную трапезу готовили кашу из цельных зерен — *кутью*. Кашу поливали медом или сытой, к ней подавали изюм или чернослив. Она символизировала сладкую жизнь в загробном мире, она же была и символом обновления жизни на земле. В поминальную трапезу входили блины как знак памяти об умерших и овсяный кисель или белый кисель из муки.

В старину кашу подавали также и на свадьбу, обязательно была и специальная выпечка. Свадьба — обряд, имеющий несколько застолий, которые проводили в домах невесты, жениха, родни. Праздничная еда включала много хмельного питья. Самым торжественным был Большой или Княжой стол. На столе, среди других блюд, обязательно должны были присутствовать студень (или холодец), отварное мясо, в том числе свинина и курятина, кисели, пироги. Особое значение придавалось пирогам, специально украшенным: караваю — в средней России, гильце — южной части Европейского региона. Это были пироги из сдобного теста, в которые сверху втыкали веточки, обвитые лентами или цветной бумагой, на них укрепляли фигурные украшения из теста, бумажных или живых цветов. По низу пироги обвивали жгутами из теста, ставили вылепленные из него же фигурки людей, животных или шишечки, похожие на сосновые. В севернорусских губерниях на свадьбу пекли курник — пирог из пресного теста, в котором запекали целую курицу или рубленное

куриное, говяжье или иное мясо с яйцами, а сверху украшали шишечкой. Свадебные пироги подавали в конце пиршества: всем было известно: «Курник — из-за стола вон».

И в праздники, и в будни к потреблению пищи относились серьезно. За стол не садились без молитвы. Заботились о чистоте как душевной, так и телесной. У каждого были при этом свои обязанности и места за семейным столом. Хозяйка готовила пищу в русской печи и оттуда подавала ее на стол. Она нередко и ела где либо с краю стола, а при большой семье — даже не садясь за стол. Она же заботилась о чистоте стола, посуды, блюд. А. Полисадов отмечал, описывая обычаи жителей Владимирской губернии: «Сохрани Бог, чтобы они сели за трапезу, не умывши руки. Если не случится воды, то землей или травой натрут ладони. Домохозяин за трапезой всегда занимает переднее место у святой иконы. Берет каравай, крестообразно проводит поверх него ножом, режет и раздает ломти семейным. Два раза подают на стол щи с накрошенным мясом или рыбой. Первое блюдо хлебают без мяса и рыбы. Потом в то же блюдо добавляют еще щей, и хозяин разрешает таскать мясо, важным тоном провозглашая: «С куюцками» (кусочками. — В.Л.). Домашние, взяв один кусок, стараются и в другой раз вытащить то же. Большим невежеством и обидою считается частое посещение блюда ложкою... Любому пришедшему во время трапезы кланяются за столом и приглашают к хлебу-соли. Кончают еду не спеша» (АРГО. Р. 6. Д. 67. Л. 27). В этом можно видеть и проявление уважения к домочадцам, и бережливость к пище, и достоинство. Оно не покидало семью даже в особо трудные времена.

В XVIII—XIX вв. неурожаи случались чаще, чем в XVII столетии. Практически каждые 10—20 лет бывали серьезные недороды. Однако обширность полей России позволяла перебросить хлеб из одной местности в другую, чтобы спасти людей. Конец XIX в. ознаменовался особо сильным неурожаем, охватившим большие районы страны. Голод, начавшийся в 1891 г., сопровождался эпидемиями, косившими людей. На помощь им первой пришла русская интеллигенция. В Рязанской губернии

И.И. Раевский и Л.Н. Толстой начали открывать бесплатные столовые на свои средства.

В голодные дни были рады поесть и один раз в сутки, но в обычное время существовал и строго выдерживался определенный порядок в приеме пищи. В день было 3—5 трапез. Время трапез и их число колебались по сезонам и зависели как от светового дня, так и от физической, трудовой нагрузки. В крестьянских семьях завтрак был ранний: летом — в 4—6 час. утра, зимой — в 5—6. Он состоял из хлеба с молоком, квасом, чаем; подавали также какие-либо овощи, каши. Более обильную еду готовили к обеду, который приходился на середину светового дня. Обед включал жидкие похлебки и густое второе блюдо, кроме того, на стол ставили молоко или квас. Ужинали обычно тем, что осталось от обеда. Когда трудовой режим становился более напряженным, делали промежуточные трапезы: полдник — между завтраком и обедом и паужину — между обедом и ужином. Более и менее нагруженные по питательности трапезы чередовались в течение каждого дня и по дням недели (постные и скоромные дни). Это создавало довольно четкий режим, выдерживавшийся в течение всей жизни.

Структура питания средних и зажиточных слоев населения отличалась от крестьянской. С начала правления Петра I в эту среду внедрялся особый этикет, подчеркивавший социальную обособленность общества. В «Юности честном зерцале» прямо указывалось: «Хлеб, приложу к грудям, не режь. Ешь, что перед тобой лежит, а инде не хватай. Ежели перед кого положить хочешь, не прймай перстами, как некоторые народы ныне обыкли...» (Юности честное зерцало. С. 42). Высшее общество сдвигало часы приема пищи, усложняло состав трапез, оформление стола. За хорошо организованным обедом гости приятно проводили время до самого вечера, а затем отправлялись домой или в театр. После спектакля петербургская молодежь ехала ужинать на острова, «будят заспавшегося трактирщика — свет зажигается, самовар закипает, леденеет шампанское «Вдова Клико». Вы едите, — вспоминали зарубежные гости, — бокал

Русский пейзаж

Крестьянская изба. Пермская область

Крестьянские избы:
вверху — Новгородская область,
внизу — Белгородская область

Интерьеры крестьянских изб:

слева — кухня, начало XX в. (Солонешный район, Алтайский край),
справа — «спальный уголок», XX в. (Курская область)

*Залавок с домашней утварью, начало XX в.
(Красновишерский район, Пермская область)*

Декор крестьянского жилища:

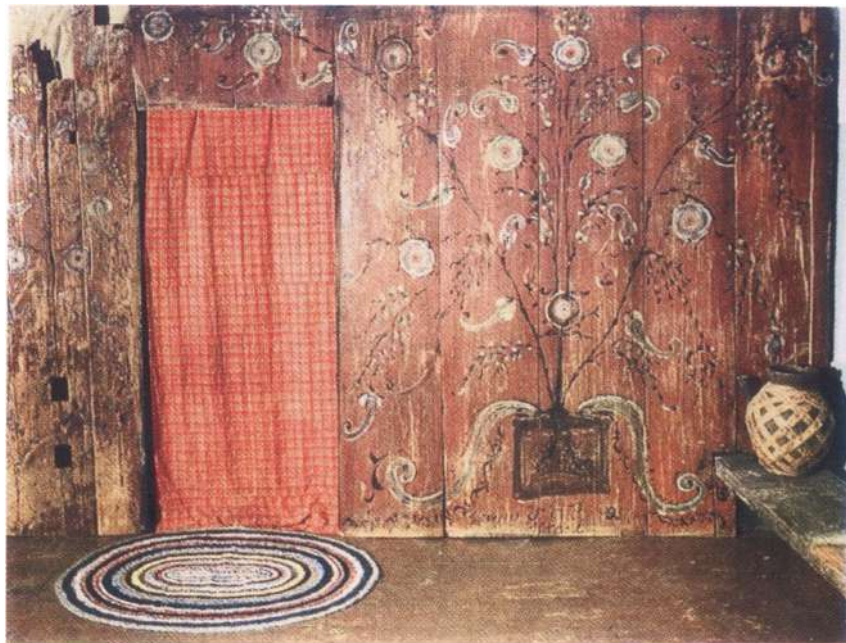
вверху — роспись на деревянном опечке, 1909 г.

(Красновишерский район, Пермская область),

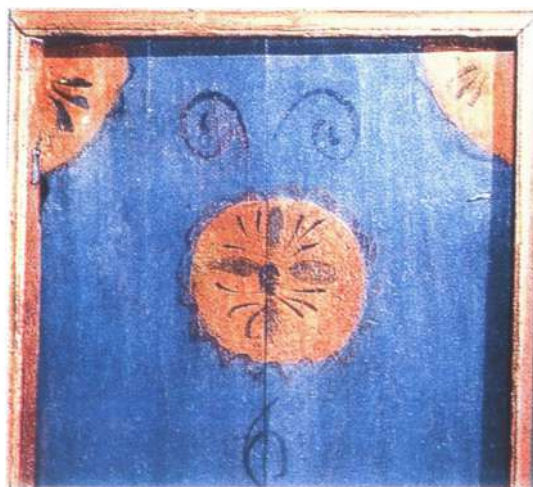
внизу — роспись на дверях, 1909 г.

(Соликамский район, Пермская область)

Декор крестьянского жилища:
вверху — роспись на заборке в избе, начало XX в.
(Усолье, Северное Приуралье),
внизу — роспись на дверях голбца, 1893 г.
(Красновишерский район, Пермская область)

Народный костюм:

вверху слева — косоклиный сарафан, конец XIX – начало XX вв.

(с. Русская Лозовая, Харьковская область),

внизу слева — глухая понева с прошвой, начало XX в.

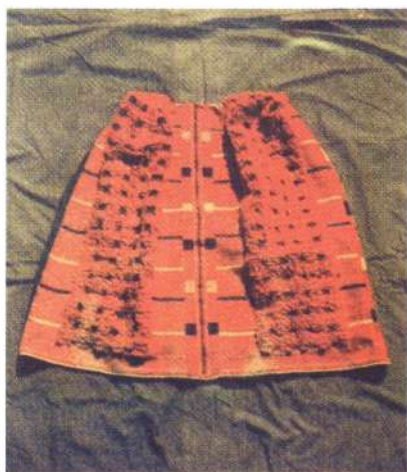
(с. Веселое, Белгородская область),

вверху справа — полосатая домотканая юбка, начало XX в.

(с. Шубное, Воронежская область),

внизу справа — глухая понева без прошвы, начало XX в.

(с. Новая Ольшанка, Воронежская область)

Типы женского костюма:

вверху слева — севернорусский с сарафаном и кокошником, начало XX в. (д. Осинки, Юрлинский район, Пермская область),

вверху справа — праздничный с поневой, XX в.

(с. Большебыково, Белгородская область),

внизу слева — южнорусский с сарафаном, XX в.

(с. Мощеное, Белгородская область),

внизу справа — южнорусский с юбкой, начало XX в.

(с. Рудовка, Пичаевский район, Тамбовская область)

Типы женского костюма:

- вверху слева — будничный костюм, 1980-е гг.
(Юрлинский район, Пермская область),
вверху справа — женщины в костюмах-парочках, начало XX в.:
слева — праздничный, справа — будничный
(Чусовской район, Пермская область);
внизу — будничный костюм, начало XX в.
(Кичменьгско-Городецкий район, Вологодская область)

Праздничные костюмы:

вверху — Великоустюжский район, Вологодская область,
внизу — Юрлинский район, Пермская область

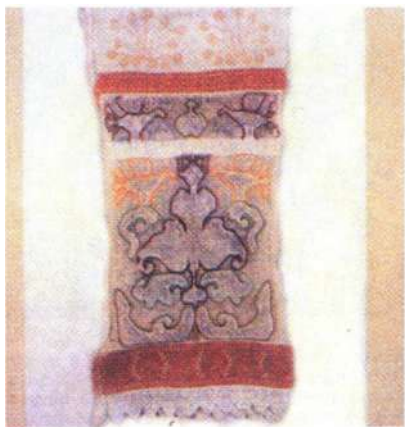
Украшение одежды — вышивка, начало XX в.
(Северное Приуралье):
вверху слева — на рубахе,
вверху справа — на фартуке;
внизу — мужской сенокосный костюм
(Великоустюжский район, Вологодская область)

*Техника вышивки на полотенцах, начало XX в.
(Алтайский Горный округ):*

вверху слева — крестиком,
вверху справа — по счету ниток,
внизу слева — филейная,
внизу справа — тамбуром

*Тканье и кружевные украшения на полотенцах, начало XX в.
(Великоустюжский район, Вологодская область):*

вверху слева — выборное тканье,
вверху справа — браное тканье и кружево,
внизу — выкладное тканье

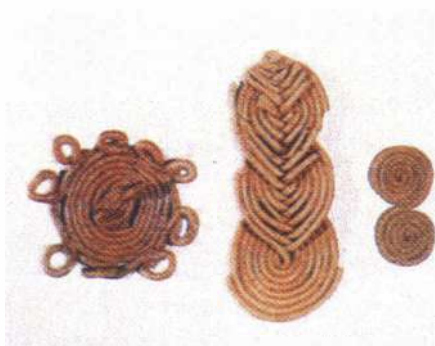
Тканые и кружевные украшения домашних изделий:

вверху слева — тканый пояс (деревни на Каме),
вверху справа — тканый половик

(Вожегодский район, Вологодская область)

внизу — цветное кружево на наподольнице рубахи
(Усть-Кубенский район, Вологодская область),

Обрядовое печенье:

вверху — свадебный каравай, 1915 г.

(с. Спасское, Владимирская губерния),

в середине — архангельские козульки, конец XIX — начало XX вв.,

внизу — пряник «Олень» (Архангельская губерния)

Утварь:

вверху — деревянный жбан
с росписью, начало XX в.

(Кунгурский район,
Пермская область),

внизу — глиняная корчага,
оплетенная берестой,
для кваса и браги, XX в.

(д. Зюздино, Юрлинский район,
Пермская область)

Часовенка на месте явления
святого, 1993 г.
(д. Федоровка, Бондарский
район, Тамбовская область)

Божница в доме, 1995 г.
(с. Желанное, Шацкий район,
Рязанская область)

*Старочернеевский Никольский монастырь, 1995 г.
(Шацкий район, Рязанская область)*

*У святого родника на праздник Вознесения, 1993 г.
(с. Кривополянье, Бондарский район, Тамбовская область)*

*Медовый спас в церкви, 1995 г.
(с. Эммануиловка, Шацкий район, Рязанская область)*

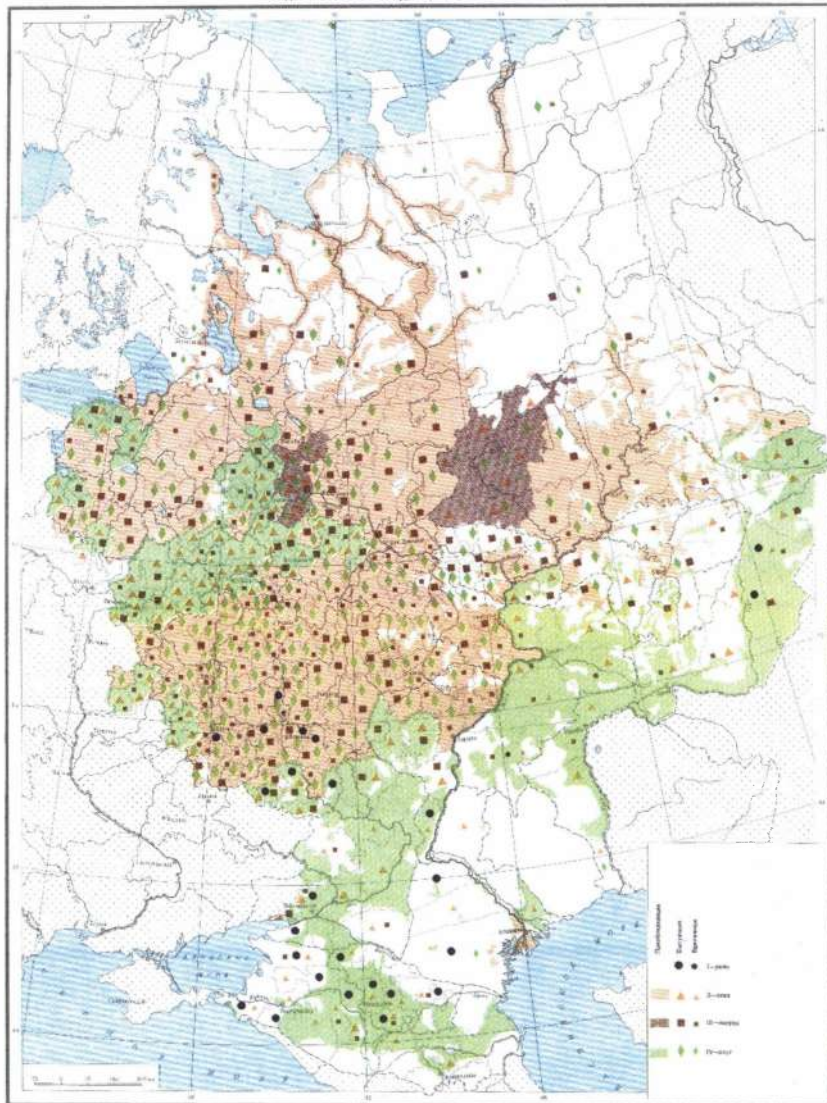
*Берестяные брачные венцы с росписью, XVIII в.
(Чердынский уезд, Пермская губерния)*

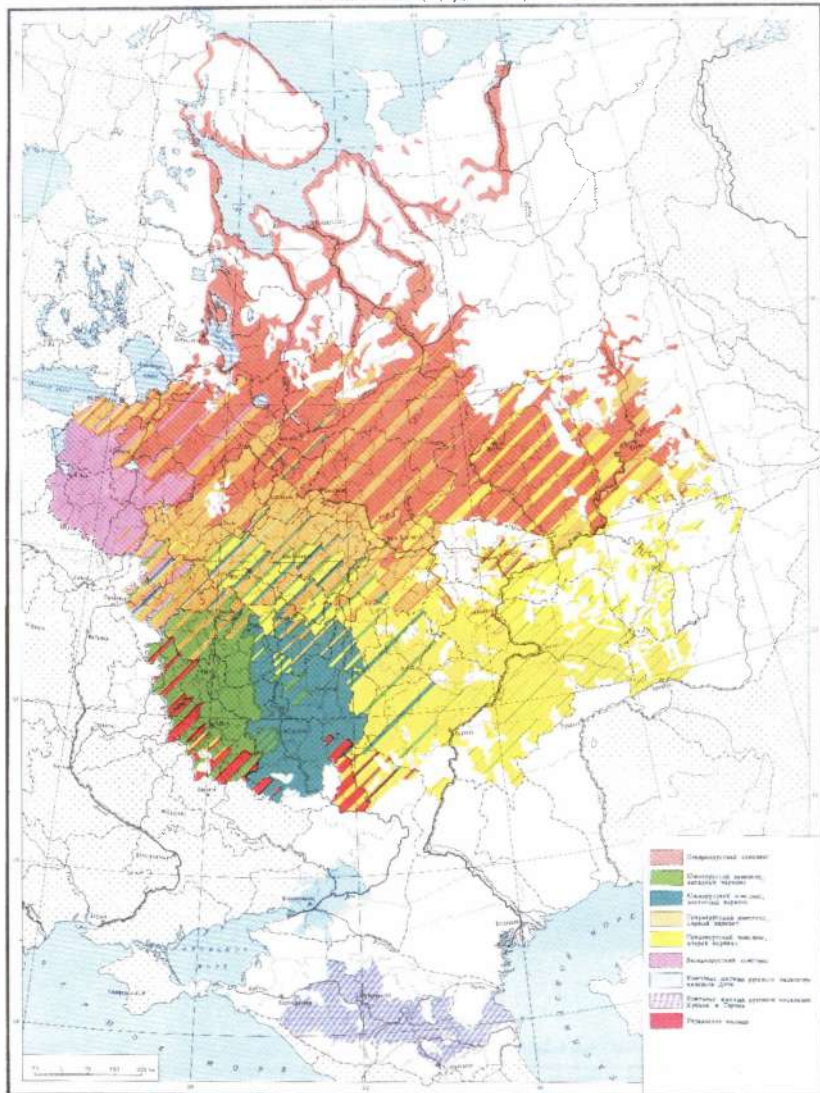
*Старообрядческая Горка, 1990-е гг.
(Усть-Цильма на Печоре)*

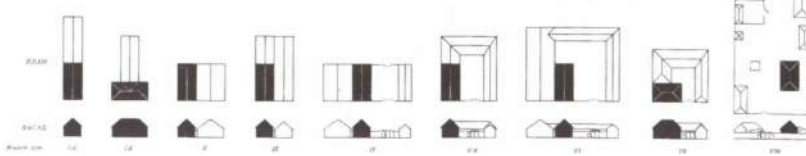
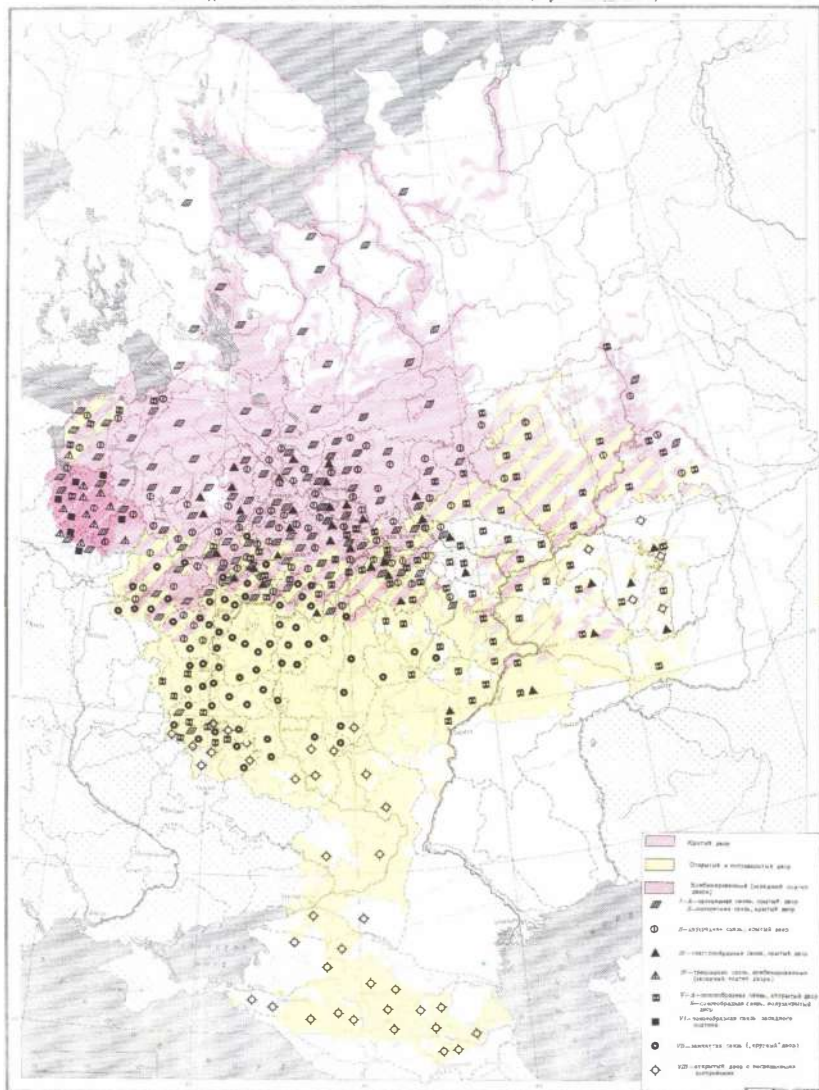

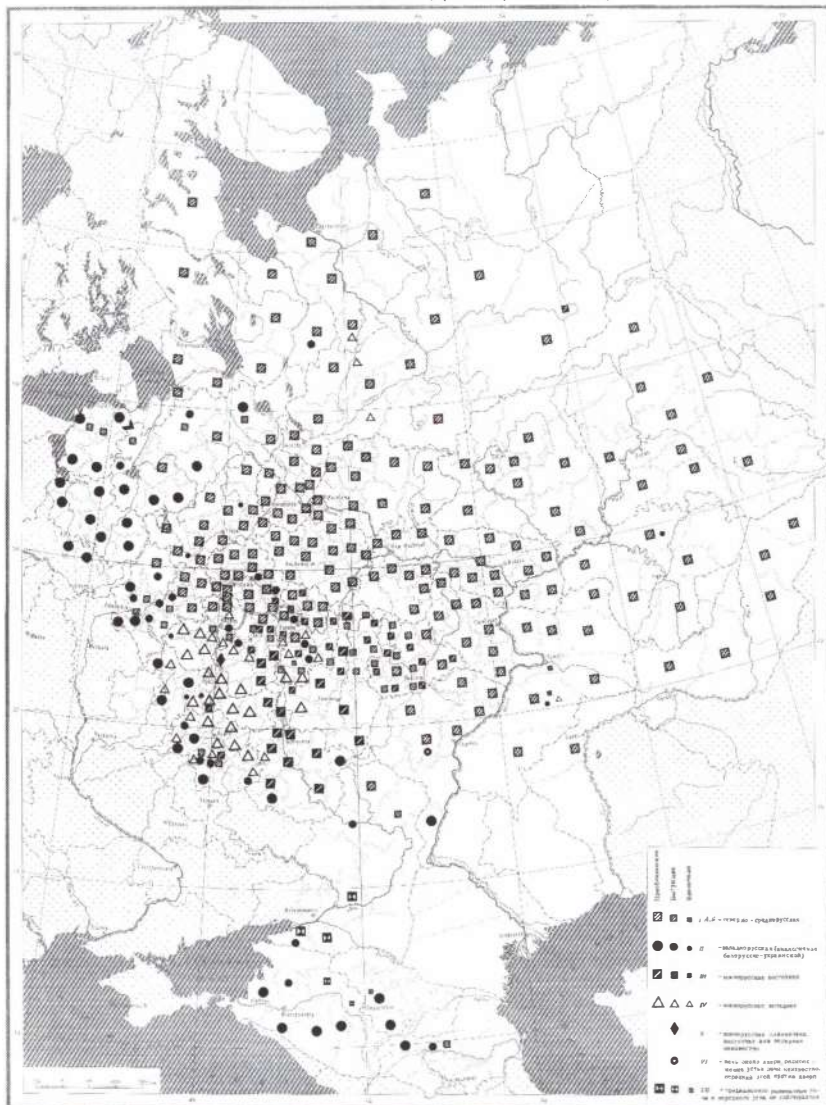
*Празднование Дня славянской письменности, 1995 г.
(Спасо-Прилуцкий монастырь, Вологда)*

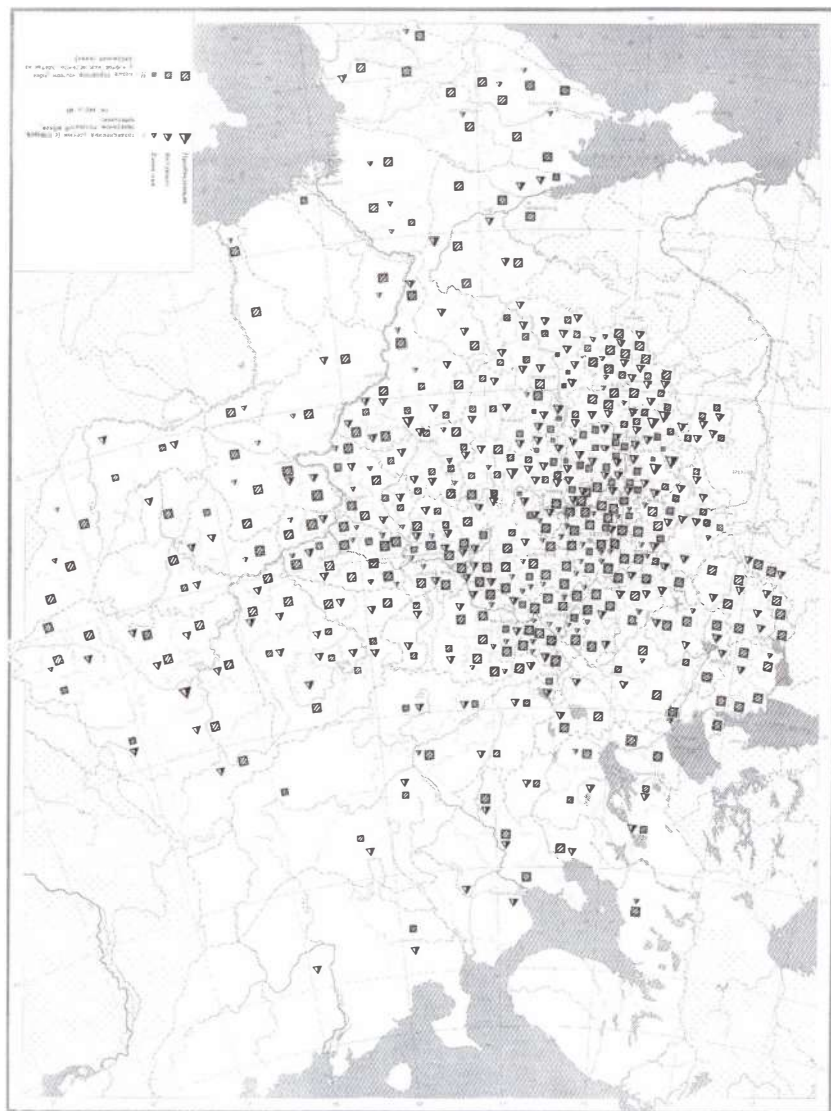

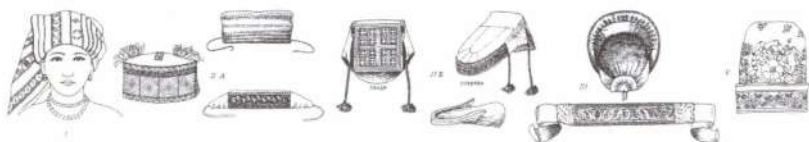
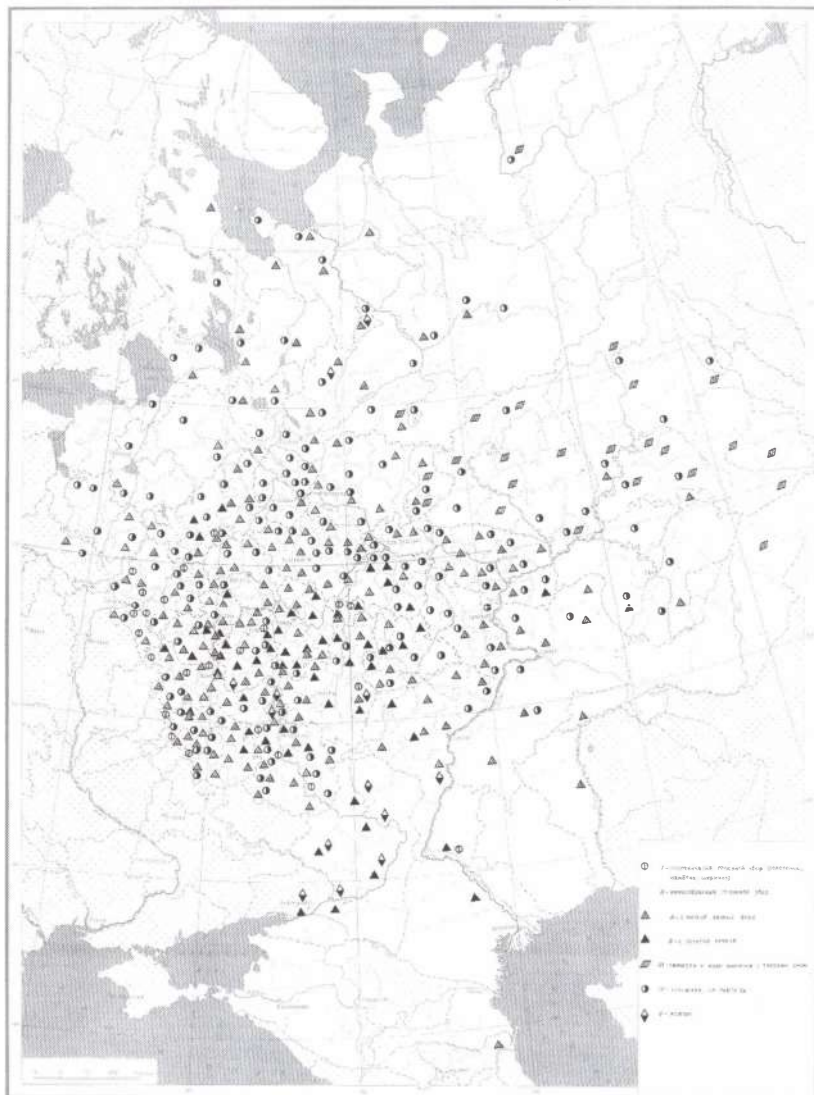

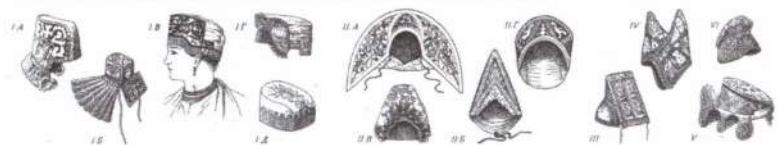
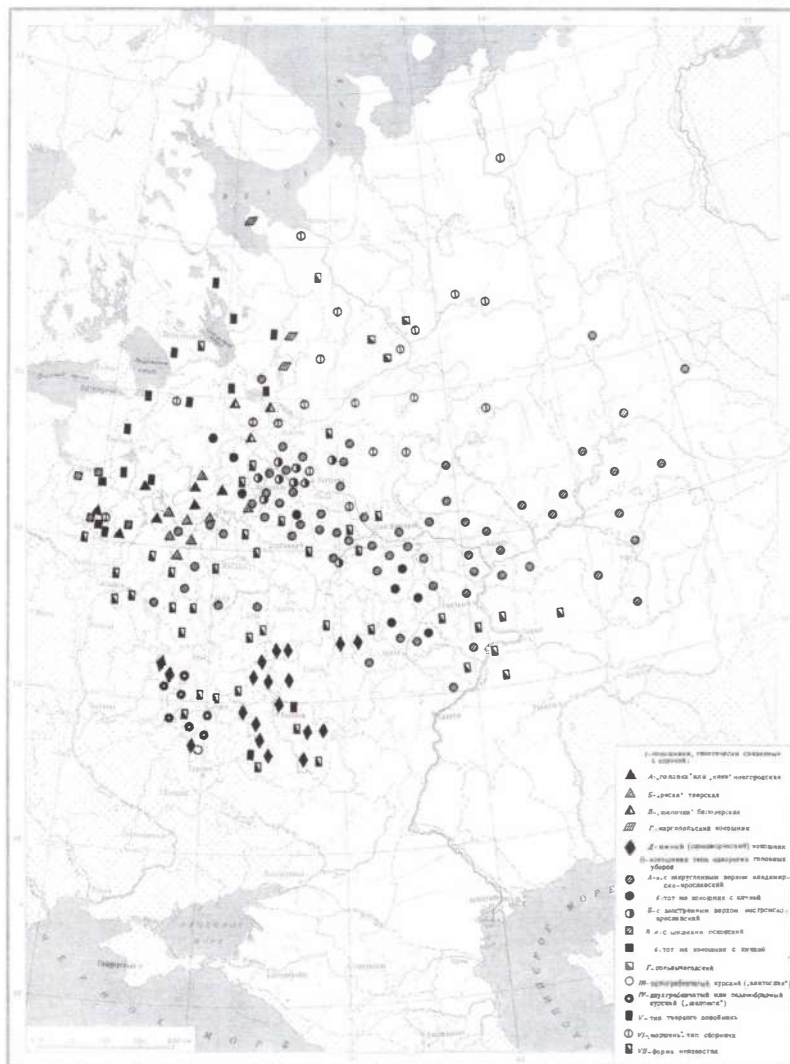

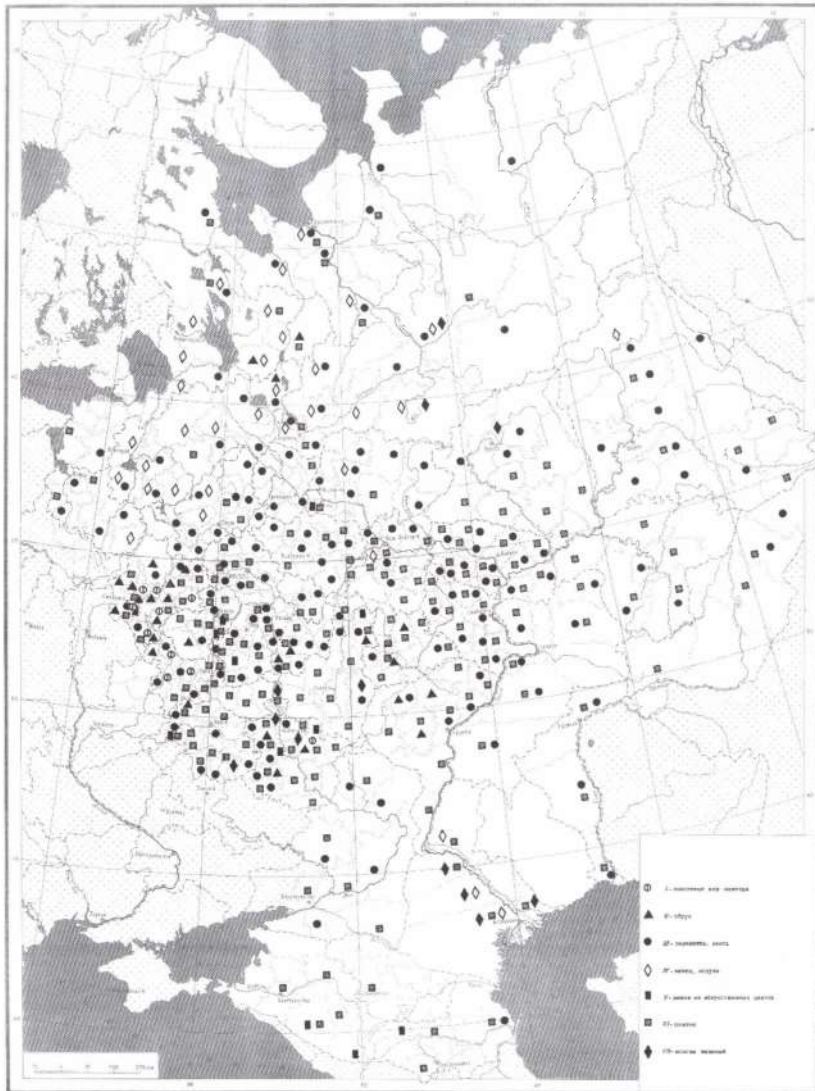

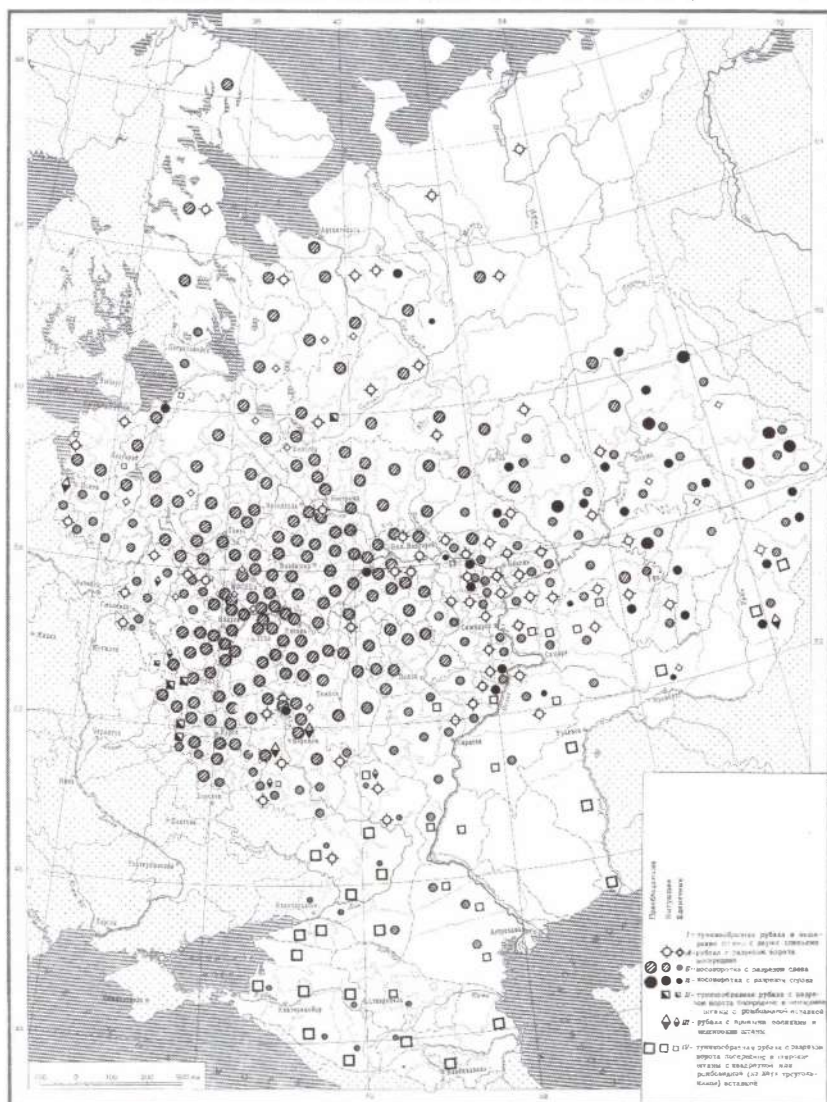

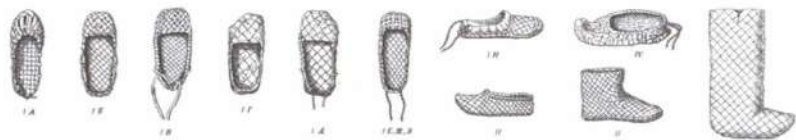
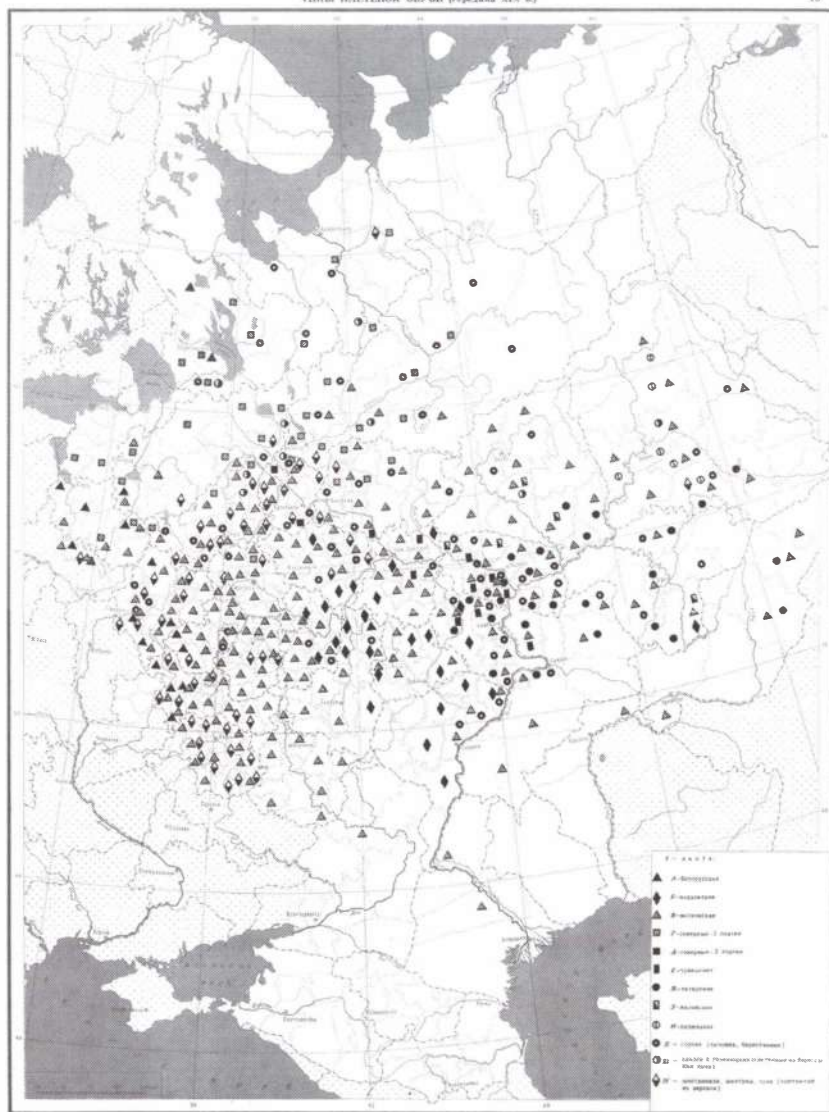
Республика Карелия. Распределение населенных пунктов в XIX в. (по архивным документам)

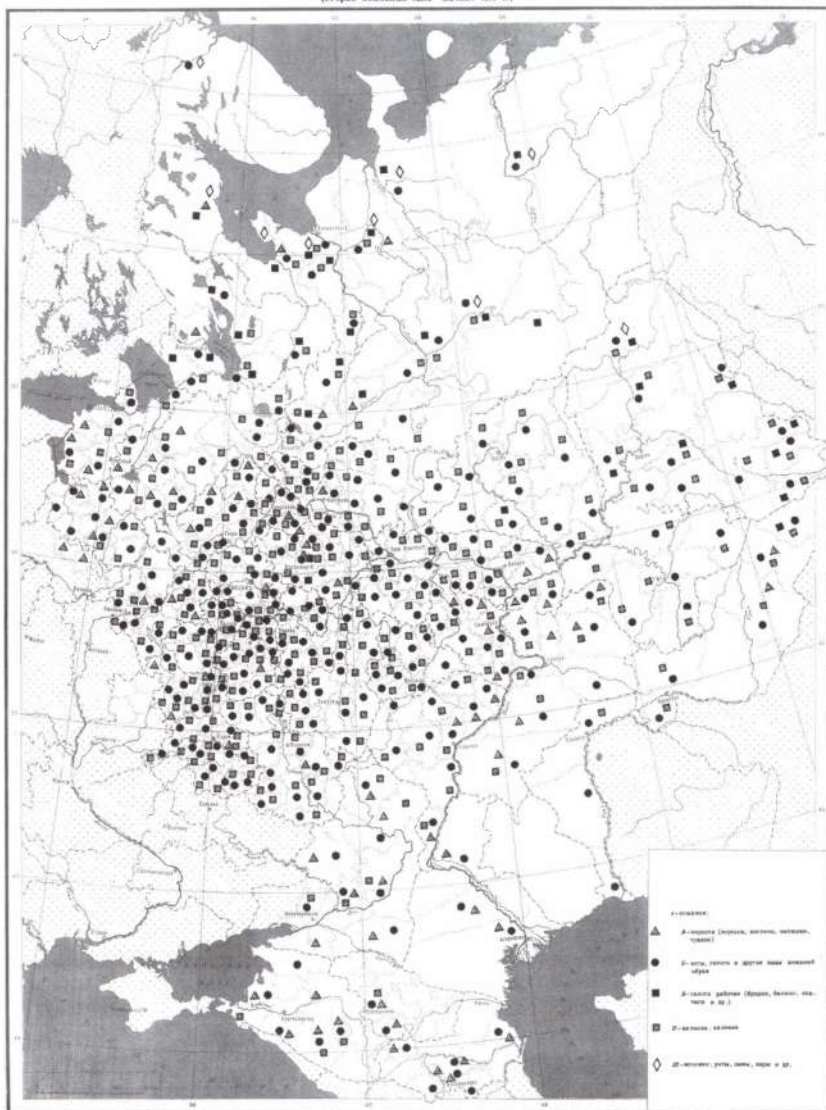

за бокалом пьете шампанское, болтаете, курите, а на десерт ка-
таетесь с ледяных горок...» (Готье. С. 80—81).

Особые условия жизни привилегированного общества да-
вали ему возможность смело вести эксперименты по органи-
зации застолий, подавать на столы как отечественные, так и
зарубежные блюда.

* * *

В заключение следует отметить, что из ежедневной пищи
каждого отдельного человека и каждой отдельной семьи скла-
дывается питание народа в целом. Продукты, их переработ-
ка, изготовление характерного набора блюд и их потребление
создают систему питания. Как одно из важнейших условий
существования система питания русских зарождалась одно-
временно с формированием самого народа. Она основывалась
на продукции хозяйственной деятельности, развивавшейся в
условиях природной среды Восточноевропейской равнины. Ос-
новные черты системы отчетливо проявлялись уже в древности,
до нашествия монголо-татар, вызвавшего некоторый разрыв
преемственности традиций. В неизменности комплексного
полеводческо-животноводческого направления хозяйства русского
народа кроется устойчивость потребляемых продуктов и блюд.
Однако любые изменения в социальной истории народа находили
отражение в его питании.

В наиболее ранний известный нам период преобладала пища
из растительных или растительно-молочных продуктов; но
ценились и мясные. Характерна была предварительная био-
химическая переработка основных продуктов путем брожения
и заквашивания, отчего они приобретали кисловатый вкус.
В последующее время, до начала XX в., в составе потребляе-
мых продуктов на первое место выдвинулись, наряду с ра-
стительными, рыбные, на которые также распространялось
заквашивание. Наряду с этим все большее значение приоб-
ретало засаливание, служившее к тому же удобным приемом
консервации. Главным способом кулинарной обработки являлось

длительное прогревание в русской печи свежих и частично переработанных продуктов.

Наконец, в современный период, на протяжении XX в., в питании значительно повысилась роль особо калорийных мясных и молочных продуктов, а также сахаристых. Возросло начавшееся ранее заимствование престижных и деликатесных продуктов и блюд. Вместе с тем, благодаря достижениям техники, изменился и ускорился процесс кулинарной обработки.

Для русской истории большое значение имело географическое положение государства на стыке Европы и Азии, что открывало простор для миграционных движений и этнокультурных контактов с жителями обоих континентов. В процессе установления межэтнических бытовых связей формировались региональные особенности кулинарии. Они поддерживались и отчасти закреплялись естественно-географическими различиями на обширной территории расселения русского народа.

Для развития русской кулинарии в целом были характерны два процесса: установление местной специфики и включение лучших из местных вариантов блюд в общенародное рецептурное богатство. Это создало большую вариативность рецептуры при общем сходстве традиций. Местные особенности продолжали и продолжают свое существование вплоть до настоящего времени. Они сформировали вкусовую избирательность жителей отдельных регионов, областей. Кроме того, они же придают неповторимое своеобразие традиционной домашней кулинарии, которой каждый человек дорожит с детства и на всю жизнь. Вместе с тем, являясь частью общего целого, эти вкусовые предпочтения составляют гарантию сохранения в веках общенародных традиций.

Глава седьмая СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Брак и семья у русских (XII — начало XX века)

Одним из важных социальных институтов любого общества является семья. Ее развитие и функции неразрывно связаны с историей самого общества, ибо семья — это основа хозяйственной и производственной деятельности народа. Той или иной общественно-экономической формации всегда соответствовала определенная организация семьи. У народов, прошедших родовую стадию общественного развития, исторически универсальным явлением была так называемая *большая семья*. Она была присуща всем восточным славянам и позже — русскому народу, а с ее вторичными образованиями мы встречаемся даже в XIX и начале XX в.

В науке долгое время господствовало неверное представление о происхождении большой семьи в результате разветвления изначальной малой семьи и слияния малых семей. Вместе с тем и патриархальная большая семья не была первоначальной стадией в истории развития общества. Она, как правило, следовала за архаической материнской семьей и предшествовала малой. Освещение различных типов семьи у русских, особенно на ранних этапах, затруднялось отсутствием исторических свидетельств о них. Лишь массовые источники XVII—XIX вв. — полные

подворные описания крестьянских хозяйств — позволили проследить многообразие семейных коллективов, их развитие, степень сохранности у разных категорий населения и в разных регионах.

Основными типами русской семьи в обозримых исторических периодах были: 1) семьи простые, малые, состоящие из двух поколений родственников по прямой линии (главным образом, родители—дети); 2) семьи сложные, объединявшие 2—3 или 4 поколения, иногда родственников по прямой и боковой линиям и свойственников (такие семьи в научной литературе назывались либо, как и патриархальные семьи, *большими*, либо *неразделенными*); 3) семьи *складнические, договорные, семейные кооперации*, объединявшие не обязательно родственников, но и неродных посторонних людей и вызванные к жизни хозяйственными соображениями (Ефименко А.Я. С. 130—133; Александров В.А., 1981. С. 78).

Нормы брачно-семейной жизни сложились в народной среде на самых ранних исторических этапах и включили в себя языческие дохристианские нормы (Щапов Я.Н. С. 216, 219). Крестьянский брак сохранял особенности во все последующие времена. К таким особенностям относится обычно — правовое регулирование семейного строя и всей семейной жизни. Формальное же законодательное брачно-семейное право играло в повседневной жизни семей, по сравнению с обычным, более приниженную роль.

По самым ранним описаниям Древнерусского государства, семьи славян были различными. «Русская правда», «Повесть временных лет», актовый материал XI—XIII вв. представляют *малую семью* как основную форму семейной организации, а архаическую *большую* — как пережиточную форму. Последняя в тот период восстанавливалась на основе господствовавшей малой (Свердлов. С. 104—106). Объединения сельских жителей в Древней Руси X—XI вв. — общины — состояли в основном из малых семей. Археологические находки, относящиеся к тому времени, выявили расположенные отдельно друг от друга жилища определенных размеров и очертаний, свидетельствующие о

хозяйственной самостоятельности именно малых семей. В XI—XIII вв. такие семьи наряду с другими их видами существовали у князей, бояр, горожан, а у сельского населения (земледельцев и холопов) отмечались исключительно малые двухпоколенные семьи (родители—дети). Характер жилищ тех веков говорит о том, что даже трехпоколенная семья (родители—дети—внуки) не была единым семейно-хозяйственным коллективом.

Наследственное право XI—XIII вв. объявляло прямыми наследниками только близких людей (сын, вдова, дочь, брат), а не объединения родственников (целых родов), т.е. уже действовал принцип малосемейной собственности. Наряду с такой семьей существовали большесемейные коллективы, представлявшие собой объединения 3—5 поколений родственников по прямой и боковой линиям. Отличительной чертой таких семей являлось коллективное хозяйство и потребление, общее владение имуществом. Их наименованиями служили термины — *дом, двор, дворище, печище, изба*. Но жилища этих больших семей состояли не обязательно из одного дома. Их существование обуславливалось наличием подсечного земледелия, требовавшего большого числа рабочих рук. Лишь с развитием пашенного земледелия, эволюцией сельскохозяйственной техники, ремесел и промыслов росли производственные возможности малых семей, становившихся самостоятельными и нарушавшими хозяйственные связи больших коллективов.

В больших семьях, несмотря на их сложный состав и наличие разных поколений родственников, не заключали браки внутри своего круга, не существовало браков даже между троюродными братьями и сестрами. Лишь родственники в 6-м колене могли вступить в брак. Церковь уже с XI в. присвоила себе право утверждения брака, хотя в то время венчались только князья и бояре. В народной свадьбе, по обычаю, сначала происходил сговор (своеобразная помолвка жениха и невесты), нарушить который было затруднительно. Жених в таких случаях компенсировал нарушенное слово денежной суммой, а церковь вдобавок к этому брала штраф в свою пользу (Устав князя Ярослава.

С. 269). Нормой считалось вступление в брак женщинам с 13—14 лет, мужчинам с 15 лет. Брачные запреты к тому времени тоже оформились. Кроме запрета на брак с близкими родственниками, запрещались браки с иноверцами, не признавались церковью браки разных социальных слоев (верхушки с низами), запрещались многократные браки. Позднее, в XIV—XV вв. разрешался третий брак, если в первых двух не было детей, а дети от 3—4 браков стали признаваться наследниками (РИБ. Т. VI. С. 273). Исключительную роль в браке детей играли родители. Считалось обязательным получение их согласия и благословения на брак, да и выбор брачных пар детям был их делом. Невыдача замуж дочери грозила родителям штрафом. Это свидетельствует, насколько уже в то время стало осознанным демографическое поведение в народе.

В древнерусский период традициями еще языческого времени допускались добрачные связи молодежи, правда, регулируемые нормами обычного права, но рождение ребенка до брака порицалось и общественным мнением, и церковью, и приводило к «гражданской смерти» будущей невесты (невыходу ее замуж). В этот же период возник семейный институт, который сохранялся на протяжении всех последующих столетий, — приданое невесты, которое получала девушка, выходя замуж. Готовилось приданое в семье, большей частью самой невестой, и состояло обычно из одежды и домашней утвари, а в более позднее время в приданое давались скот, земля, деньги. Это была собственность замужней женщины, которую наследовали ее дети или ее отцовская семья в случае ее смерти. В XI—XIII вв. оформилось и право развода, воспользоваться которым можно было в исключительных случаях: измена жены, физическая неспособность мужа к браку, клевета, кража имущества жены мужем и т.п. Таким образом, семейно-брачное право Древней Руси являлось правом раннеклассового общества, включавшим в себя те дохристианские нормы, которые не противоречили нарождавшемуся классовому строю.

Более подробные сведения о характере семей русских, нежели в источниках XI—XIII вв., содержатся в последующих мате-

риалах XVI—XVII вв. Так, в древних новгородских писцовых книгах отмечена слабая населенность крестьянских дворов, в которых проживали преимущественно малые семьи (родители—дети), иногда семьи родных братьев или семьи отцов с сыновьями и их детьми. Три поколения в одном дворе встречались очень редко. В Новгородской земле и на всем Русском Севере в конце XV — середине XVII в. средняя численность семьи не превышала 5—6 лиц обоего пола (Аграрная история... 1971. С. 143; Колесников. С. 117; Витов, Власова. С. 153—154). В крестьянских дворах центральных уездов в первой половине XVII в. проживало в среднем по 3,5—5 душ мужского и женского пола (Назаров, Тихонов. С. 152—154).

Еще более точные данные о численности крестьянских семей дают переписные книги 1678 г. (Водарский, 1973. С. 221—231). В среднем населенность дворов тогда колебалась от 4,8 до 10,2 человека. Наибольшей она была у крестьян в различного рода владениях и обуславливалась запретом со стороны владельцев делить крестьянские семьи, чтобы сохранить в хозяйствах больше рабочих рук. В то же время в лесостепной полосе Руси, где условия благоприятствовали развитию индивидуальных земледельческих хозяйств, малые семьи сложились ранее, чем в лесной полосе, где для развития земледелия требовались больше семейные коллективы.

Надо заметить, что в тот период понятия *двор* и *семья* не всегда были тождественны. Для XV—XVI вв., когда существовали на Русском Севере, например, однодворные деревни, населенные семьями в 5—6 человек, понятия *двор*, *деревня*, *семья* совпадали. С XVI в., когда такие деревни стали превращаться в двух, трехдворные селения, в которых жили по несколько семей (больших и малых), появились дворы не с одной семьей и даже неродственные — *складнические*, имевшие совместное хозяйство. Такие явления особенно усилились со второй половины XVI в., и тогда состав крестьянского двора мог существенно измениться. В него входили чужеродные элементы — различного рода *приемыши*, *захребетники*, *подворники*, *бобыли*, *половники*, которые

увеличивали населенность двора, не изменяя численность живущей в нем семьи, так как не входили в саму семью (Витов, 1962. С. 129—142).

Несмотря на такую населенность двора в конце XVII в., малая двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей, существовавшая уже в Древней Руси, преобладала в среде сельского населения в XV—XVII вв. Ее наличие особенно заметно у крестьян Европейского Севера (Копанев. С. 122; Бакланова. С. 39). Семьи более сложного состава в 3—4 поколения с родством прямым и боковым, а также свойством, создавались при разрастании малых семей и исчезли при разделах на те же малые. В этих неразделенных семьях проживали либо братья с их семьями (*братские семьи*), либо родители—дети—внуки (правнуки) (*отцовские семьи*), а также семьи дядьев и племянников. Такие стадии в смене форм семьи прослеживаются у русского населения, осваивавшего Урал, Поволжье в XVI—XVII вв., Сибирь с конца XVI—XVIII вв. (Бусыгин, Зорин, Михайличенко. С. 91—92; Александров В.А., 1964. С. 137; Миненко, 1979. С. 44—48; Власова, 1980. С. 39—42). Правда, повторяемость этих стадий в различные эпохи не обязательно свидетельствует об устойчивости традиций (в наличии той или иной формы семьи), а скорее о их вторичности, так как вторичные формы любого поколения возникают в условиях, несходных с теми, в которых сложились первоначальные (архаические) формы (Чистов, 1975. С. 40). Условия XVI—XVII вв. уже не соответствовали условиям предшествующего времени.

Аналогичные явления происходили и в городской семье этого периода. Так, в г. Устюжне Железнопольской, по данным начала XVIII в., семья мастеровых и других слоев жителей города, основные черты которой сложились еще в XVII в., была преимущественно малой семьей, какая отмечена и в других русских городах, в частности, в Поволжье и в Сибири (Рабинович, 1978. С. 108; Миненко, 1977. С. 195; Писцовая книга г. Балахны...). Наряду с такой семьей в городах имелись и семьи неразделенные отцовской и братской формы, вызванные к жизни в тот или иной

период имущественными соображениями. Но городской уклад жизни феодального времени способствовал развитию малых семей.

Наиболее полная картина брачно-семейной жизни русских выступает по описаниям исторических источников XVIII—XIX вв. Возникновению семей предшествуют определенные брачные отношения, которые являются основой формирования семей. В понятие брачных отношений входят мотивы и характер добрачного общения людей, мотивы заключения брака, брачные ориентации. Брак совершается в определенном круге знакомств, имеет свой возраст, различные формы заключения брачных союзов. Он подразумевает не только правовую сторону, но и отношения духовно-психологического, морального, экономического, этнокультурного характера.

Брачные отношения в среде русских крестьян определялись их нравственными воззрениями, а именно: семья в глазах земледельца считалась первым условием благосостояния. Такое воззрение исходило из функций семьи крестьян — обеспечение преемственности многовековых знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. Семья в прошлом была производственной единицей, труд которой определял семейные отношения, поэтому крестьяне нуждались в семье, в подрастающих детях. Каждый крестьянин знал, что семья — священный союз, через который человек поднимается до духовного единения и к таким его формам, как Родина и Государство, понимая, что семья — первооснова Родины. Семья составляла внутреннюю сущность крестьянствования, именно в ней возникали узы духовного народного единения, памяти народа и общей его судьбы.

Таким образом, брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе (общине), но это был еще и моральный долг. Такие взгляды на семью поддерживались и церковью. Семейно-брачные отношения находились в поле зрения всего сельского общества и зависели от общественного мнения. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить

в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы и мужские, и женские руки при традиционном половозрастном разделении труда в семье и в обществе. Отсюда высокий уровень брачности в русской деревне в XVIII — начале XX в.

С развитием капиталистических отношений и при участии отдельных членов семей в капиталистическом производстве (отходничество) происходило ослабление семейных связей. Ориентация на деятельность вне семьи приводила к тому, что многодетность начинала терять свое экономическое значение. Но в общем еще действовали старые нормы многодетности. В то время в среднем по России семья имела до трех детей.

Многие старые черты брачных отношений сохранялись у русских вплоть до 1930-х годов. Это прежде всего относится к характеру добрачного общения молодежи, ее поведению и условиям вступления в брак. На селе общение молодежи носило узкотерриториальный характер, и роль местожительства и совместного труда при заключении брака оставалась преимущественной. Досуговое общение молодежи, внешний способ ухаживания в предбрачное время происходили на посиделках и вечеринках в зимнее время, на гуляньях — в летнее. Молодежь знакомилась и проводила время и в праздничные дни.

Этнографическими источниками отмечается повсеместное сдержанное поведение молодежи во время праздников, гуляний, вечеринок, особенно «на людях». Вступление в интимные отношения до брака во многих местах считалось позором. Конечно, кое-где в определенное время допускалось и более свободное общение молодежи.

Роль родителей в браке молодых в то время была велика. Родительский выбор был неоспорим, ему подчинялись беспрекословно. Правда, родители, видя взаимную склонность детей, могли вступать между собой в договоры о браке. Перед сватовством они выясняли материальное положение семьи невесты, репутацию семьи, интересовались качествами девушки (ее трудолюбием); молодежи редко предоставлялась свобода выбора.

Общественное мнение в браках молодежи также играло роль, к нему прислушивались, особенно к оценке жениха и невесты — «подходят ли друг другу».

При вступлении в брак определяющим было экономическое соображение, стремление войти в зажиточную семью, заполучить лишние рабочие руки, привести в дом работника или работницу. В женихе и невесте чаще всего ценились трудолюбие, выносливость, важна была и хорошая репутация их семей. Этими соображениями объяснялись и ранние браки. Холостые люди не получали земельный надел, а следовательно, не обладали правами ни в семье, ни в обществе. Незамужние женщины не имели самостоятельности. Хозяйственная и моральная необходимость заставляла крестьян заводить семью при первой же возможности, а потому была велика роль расчета (*Миронов*. С. 86—87), отсюда и ранние браки, и возрастное неравенство супругов. В Забайкалье и в Приангарье при этом девушки бывали на 5—6 лет старше женихов, поскольку они ценились как уже знающие хозяйство и умеющие работать. Ранние и неравные возрастные браки были характерны для районов с неблагоприятным половозрастным соотношением населения, например, в Приморье, где постоянный дефицит невест приводил к тому, что родители рано выдавали замуж или женили детей (*Лебедева А.А.*, 1975. С. 96; *Сабурова*, 1967. С. 180; *Аргудяева*. С. 57).

Условиями социально-экономического характера определялся и брачный возраст людей, поэтому он был различным в разных регионах. В первой половине XIX в. этот возраст был равен 16 годам для женщин, 18 — для мужчин; таким он стал с XVII в. Ранние браки в XIX в. происходили реже, чем в предшествующее время, так как крестьянами осознавалось, что к физическому труду готовы люди в более зрелом возрасте. С 1874 г. с введением в России всеобщей воинской повинности брачный возраст для мужчин поднялся до 24—25 лет (после службы в армии), для женщин — 18—22 года. В последующее время он оставался неизменным, существовали лишь различия в нем по

отдельным регионам. Молодые браки были на юге и востоке России, а также в сельскохозяйственных губерниях. На севере и в промышленных местах браки были более поздними (*Вишневский*. С. 110—114). Неранними были браки в Сибири: брачный возраст сибирячек наступал в 16—22 года, сибиряков — в 22—26 лет. Уровень брачности в Сибири, как и вообще в русской деревне, был высоким (*Зверев*. С. 16).

Условия, в которых заключались браки, и брачные ориентации определяли формы бракосочетания. У русских различались: браки законные, предусматривавшие семейную договоренность о браке, сватовство с церковным венчанием и народный свадебный обряд; браки «на веру», сопровождавшиеся свадебным обрядом, но без венчания («сводные» браки), и браки тайные — «уводом», «убёгом», без законного оформления и без свадьбы. Существовали локальные особенности форм заключения браков, связанные с разным составом населения районов, прежде всего с конфессиональными различиями. Так, своеобразными были браки староверов, особенно беспоповского толка. Их браки не оформлялись, так как им для этого нужно было принять официальное православие. Староверы-поповцы допускали браки, заключенные православными священниками в «никонианских» храмах, если за мзду те венчали по старому обряду (*Покровский Н.Н.*, 1974. С. 319). Поэтому в районах старообрядчества формы заключения брака различались: 1) у поповцев венчание со свадьбой, близкое к бракам «честью» у мирских, но с более простой обрядовой стороной, 2) браки с одним обрядом у беспоповцев, 3) браки «убёгом», или «крадче» (крали невест), распространенные как в крестьянской, так и в казачьей старообрядческой среде.

Большое значение у крестьян придавалось обычаям предсвадебного времени — сватовству, сговорам об условиях брака (*запой, зачины*), окончательному согласию на брак (*рукобитье*), приданому невесты, вкладу жениха на свадебные расходы (*кладка*). Эти обычаи имели статус правовых начал в оформлении брака, расторгнуть который после них можно было лишь в исключительных случаях.

С поздними или ранними браками, со своеобразными формами их заключения связана внебрачная рождаемость. Рождение детей вне брака в русской деревне неизменно встречало осуждение со стороны общества, вело к материальным лишениям семьи, так как такие дети считались незаконнорожденными, и их не содержали отцы. Внебрачная рождаемость в условиях всеобщего осуждения, а иногда и осмеяния, стабильно оставалась невысокой. Имущественное положение внебрачных детей было тяжелым. Хотя мальчики, вырастая, могли получить землю, но при разделах семей, пока они еще не стали взрослыми, их лишали положенного пая.

У русских существовали обычаи и запреты, связанные с браком. Запрет вступать в брак с близкими родственниками, биологически обоснованный, действовал всегда. К тому же соблюдались: обычай старшинства в браке, основанный на обычном праве (старшие дети вступали в брак раньше младших, сыновей предпочитали видеть семейными раньше дочерей), сословные, этнические и конфессиональные запреты. Смешанные браки (в сословном, этническом отношении) стали узакониваться в петровское время. Лишь женитьба свободных людей на крепостных продолжала считаться незаконной. В народной же среде смешанные браки оставались нежелательными, хотя они совершались в районах, которые заселялись вновь, и где половозрастное соотношение населения не способствовало брачности. Это наблюдалось в Сибири уже с XVII в., правда, не повсеместно. В Енисейском крае, по данным 1679 г., совершались браки между посадскими людьми, крестьянами, служилыми людьми, монастырскими крепостными. Русские переселенцы брали в жены якуток, монголок, тунгусок, остячек (Александров В.А., 1961. С. 18—19). У русского промыслового населения Крайнего Севера, численно намного уступавшего коренным жителям, это явление было более распространено. Общность хозяйственных занятий приводила к быстрым и тесным связям. Это наблюдалось у жителей Якутии, Чукотки, Камчатки. Семьи, смешанные в этническом отношении, появились с XVIII в. в Енисейском и Нерчинском уездах.

В последнем смешениям способствовало поселение эвенков «на пашню», а также появление «ново-крещёнов» (крещеных бурят и эвенков) в городах среди посадских людей.

Другие условия для смешения с населением Сибири создавались при заселении русскими Пелымского и Тюменского уездов. В Пелыми вогулы, занимавшиеся промыслами, во много раз превосходили русских по численности. В Тюменском уезде было много татар, которые жили чересполосно с русскими. Этнические связи народов здесь были довольно интенсивны. Смешанные браки не были свойственны старообрядцам: запрещались браки не только межконфессиональные и межэтнические, но и между приверженцами разных старообрядческих толков.

Этнически смешанные семьи образовывались в Сибири иногда путем браков «приемышей» нерусского происхождения, выращенных в русских семьях и женившихся на русских девушках (Западная Сибирь, Забайкалье). Встречались и обратные явления. Например, бездетные бурятские семьи брали детей из русских многодетных семей, воспитывали их, а затем женили на бурятках. В XIX в. этнически смешанные браки были более частыми в Западной Сибири и в Забайкалье, особенно у казаков, оказавшихся в соседстве с тюркоязычными народами (Власова. 1980. С. 49). Межсословные и межэтнические браки являлись редкостью не только в деревнях, но и в городах. Такие браки у купцов, духовенства и дворян были единичны и заключались в случае выгоды с экономической точки зрения (Жирнова. С. 90—102).

Из всех брачных запретов у русских менее всего соблюдался обычай старшинства в браке. Часто экономические соображения не позволяли соблюдать это правило. Обычай же, учитывающий степень родства в браке, соблюдался строго. В XVIII—XIX вв. церковь не разрешала вступать в брак родственникам по прямой линии до 8-го колена, по боковой — до 4-го. Нарушения этого обычая наблюдались редко и вызывались особыми условиями, например, в изолированных глухих местах у жителей деревень, происходивших от одних предков. Подобно родственным запретам,

существовало и запрещение браков с кумовьями, их потомством, с крестными и крестниками, так как таковые рассматривались как родственники в сфере духовной (религиозной). К тому же кумовство в ряде русских районов определялось родственными связями: в кумовья выбирали кровных родственников, что также ограничивало возможности брака.

Брачные связи русских крестьян были довольно узкими. Преобладали браки, заключенные в своей или в соседних деревнях. Очень редко такие связи простирались за пределы волости или уезда, и уж совсем редко — в другие уезды и губернии (*Жонова*. С. 113). Для выявления таких связей очень многое дает сопоставление фамильного состава жителей в селениях. Наличие однофамильцев — показатель узости брачных связей. В XVIII—XIX в. в русских деревнях существовало обилие однофамильных семей, считавших себя родственниками. Для большинства селений была характерна устойчивость исконных, самых старых, фамилий жителей и их количественное преобладание.

Крестьянское самосознание при своем демографическом поведении выработало взгляд на такие явления, как повторные браки, разводы. Развод считался грехом, на этой же позиции стояла и церковь. В редких случаях развод не осуждался, и на него смотрели как на неизбежность: в случаях ухода кого-либо из супругов, бегства из деревни, осуждения на каторгу и др. Разводы были очень редки и сопряжены со многими трудностями, если брак был венчаный. Для его расторжения требовалось разрешение высшей духовной инстанции — Синода. Повторные браки разведенных людей были также не частыми. Обычно повторные браки случались у вдовых людей, и народная мораль признавала законность таких браков. В разных регионах России наблюдалась разная частота повторных браков. Менее всего в них вступали вдовы в промышленной полосе, где развивались неземледельческие занятия; там был развит отход мужчин, а крестьянки были более независимыми и в браке, и без брака (*Миронов*. С. 93; *Вишневский*. С. 118—119).

Таким образом, для традиционных брачных отношений у русских были характерны следующие черты. В общении и знакомстве молодежи основное значение имел территориальный принцип и узкий круг брачных связей. Отмечалось исключительное участие родителей, старшего поколения родственников и общественного мнения в брачном выборе молодых. В ориентациях на брак преобладали материальные соображения. Брачный возраст и формы заключения браков имели локальные различия. Обычно-правовые нормы повсеместно были первостепенными в предбрачный период.

Чтобыло характерно для традиционной русской семьи XVIII—XIX вв.? По источникам того времени, у русских наличествовали семьи разных типов. В среднерусской и южнорусской полосе России, где преобладало барщинное хозяйство, долгое время сохранялись неразделенные семьи. Там, где наряду с земледелием развивались промыслы, различные «мастерства» и промышленность, и крестьяне уходили на заработки, наибольшее распространение получали малые семьи (родители—дети), численно редко превышавшие 3—7 человек.

Неразделенные семьи в разных районах различались по своей структуре. В промышленном Центре в течение XIX в. среди неразделенных семей возобладала семья родителей с женатыми детьми или семья женатых братьев (отцовские и братские семьи). Семья в земледельческих, особенно южнорусских, районах до XX в. нередко была более сложной, так как включала прямых и боковых родственников, двоюродных и троюродных, дядьев и племянников, принятых в дом зятьев (*примаков*), посторонних лиц (*приемышей*). Встречались и семьи женатых братьев с семьями замужних и овдовевших сестер. Несмотря на разнообразие, структура таких семей сводится также к типам отцовских, братских семей или семей дядья—племянники. Классическая отцовская семья обыкновенно состояла из деда, сыновей, внуков, правнуков, где место главы—*большака* передавалось по наследству от отца к старшему сыну. Братские семьи могли быть также многочисленными, так как в их составе встре-

чались женатые братья с их детьми и внуками, а иногда и правнуками.

Степень сохранности неразделенных семей у русских крестьян XVIII—XIX в. по сравнению с предшествующими временами была иной. Сложные по составу семьи до XVIII в., да и в XVIII в., были распространены чаще, чем в XIX в., но в отдельных чисто земледельческих районах большесемейный уклад держался долго (Касимовский уезд, Рязанская, Тамбовская губернии). На Русском Севере и Северо-Западе такие семьи могли существовать в условиях сочетания земледелия с заработками на стороне, хотя последнее и вело к разделу семей (Белозерье, Новгородчина, Тверь). Малые семьи развились задолго до XVIII в. на Севере в районах Устюга Великого, Тотьмы и др. Этому способствовало включение крестьян в рыночные отношения уже в то время. К середине XVIII в. на Севере было мало и складнических семей, так как они делились (Власова. 1976. С. 77, 83). У монастырских и помещичьих крестьян дольше сохранялись неразделенные семьи (более 50—60% их в Вологодском уезде), ибо разделы их семей задерживались монастырем или помещиком (Бакланова. С. 176). У крестьян-отходников центральных уездов малые семьи к началу XIX в. составляли до 70% всех семей (Народы... 1964. С. 463). На окраинах России неразделенными долго оставались семьи казаков Дона, Кубани, Терека, потому что они за службу государству получали большие земельные наделы, обработка которых требовала много рабочих рук.

Особенностями отличались семьи в Сибири. Неразделенная семья в XVIII в. была широко распространенным, но не господствовавшим явлением у жителей Западной Сибири. Разрастание семей до неразделенных происходило там у переселенцев из России и во второй половине XVIII в. Большие семьи предпочитали создавать крестьяне Енисейского края; это были отцовские и братские семьи. Из-за трудностей ведения земледелия жители Илима имели семьи больших размеров (в среднем до 11 человек). В южных районах Сибири и в XIX в. сохранялись большие семьи: у тобольских и томских крестьян до 80-х годов, у приангарс-

Семьи разных сословий населения начала XX в.:

- а) семья чердынских крестьян,
- б) семья иногородних на Кубани

ких крестьян и старообрядцев Забайкалья до начала XX в. Трудности *поднятия* земель приводили к появлению и длительному существованию «договорных» семей (родственников и неродных) в Приангарье, опыт «слияния» которых сюда принесли крестьяне Русского Севера при освоении земель (Александров В.А., 1961. С. 23; Шерстобоев. С. 266; Власова, 1980. С. 40, 43; Сабурова, 1967. С. 97).

Следующий этап в развитии сибирской семьи наблюдался в середине XVIII в.: у старожилов происходило деление семей, что было связано с переходом к подушному обложению населения и отказу от десятинной государевой пашни (обработки в пользу государства). Новое обложение не требовало для выполнения государственных повинностей больших семей со множеством рабочих рук.

Семьи разных сословий населения начала XX в.:

- в) семья крестьян Кубани,
- г) семья кубанских станичников

В целом до середины XIX в. размеры крестьянских семей оставались в России везде неизменными. В северо-западных районах в семьях насчитывалось 5—7 человек обоего пола, в западных — 7—10 человек, в центральных — 4—7, на Русском Севере — 5—7 в Поволжье — 5—8, в черноземных районах — 8—10 человек (Водарский, 1973. С. 122—123). С проведением аграрных преобразований после 1861 г. начались семейные разделы, выход семей на новые земли, что вело к подавляющему господству малой семьи. Средние размеры семьи в начале XX в. колебались от 4,2 до 6,2 человека на хозяйство.

Разные формы семьи в то время были присущи и городскому населению. Но уклад и весь быт различных социальных слоев города во многом отличался от строя крестьянской семьи. Малая изученность городской семьи не позволяет точно определить

степень сохранности у жителей города неразделенных семей. Наиболее изученная семья рабочих в XIX в. представлена в форме простой малой семьи. В мелких же городах и прифабричных деревнях еще и во второй половине XIX в., держалась традиция, когда с родителями оставался жить один из женатых сыновей, обычно младший, т.е. это была отцовская семья из трех поколений. Такая же традиция сохранялась в местах, где рабочие кадры начали формироваться еще при крепостничестве. Так, на Урале семья рабочих была преимущественно неразделенной. Этому также способствовало большое число старообрядцев среди рабочих Урала, которые по традиции держались большесемейных коллективов (*Крупянская, Полищук*. С. 46). Такая же традиция долго сохранялась в Подмосковном угольном бассейне, обусловленная необходимостью из-за низких заработков на шахтах сочетать работу с занятием сельским хозяйством, что было возможно при большом числе рабочих рук в семьях.

Численность рабочей семьи была различной в губерниях России. В крупных городах (Петербург, Москва) в конце XIX — начале XX в. половину семей рабочих составляли двухпоколенные семьи из 2—4 человек, имевшие 1—2 детей. Низкий уровень жизни, особенно жилищных условий, влиял на такой состав семей, к тому же была высока детская смертность. У рабочих окраин семьи были более многодетны (до 3—5 детей в семьях уральских рабочих), поскольку у них было много семей неразделенных с большим числом членов (*Народы...* 1964. С. 473).

Рабочая семья отличалась от крестьянской по экономической основе. Жизнь первой целиком зависела от работы всех трудоспособных членов на производстве, а это в свою очередь создавало почву для более равноправных взаимоотношений, нежели в крестьянской семье. Женщины у рабочих зачастую работали на фабриках и заводах наравне с мужчинами. Особенно это характерно для текстильщиков. Авторитет женщины в семье рабочего поэтому был выше, чем женщины-крестьянки. Но старые традиции бытовали и в рабочей семье. Нередко разрушали семью тяжелые условия труда и порок глубоких социальных корней —

пьянство. Все заботы ложились на женщину, загруженную еще и на производстве. Отсутствовала охрана труда (женского в том числе), не было законов, обеспечивавших заботу о женщинах-матерях.

Культурно-бытовой уклад рабочей семьи был неодинаков в разных районах России, так как неоднороден был состав рабочего класса. В нем наличествовала как квалифицированная прослойка (создавалась прослойка политически развитых рабочих, среди которых было много потомственных рабочих), так и масса неквалифицированных рабочих, связанных еще с деревней. Процесс складывания новых черт в семье, присущих именно рабочей семье, проходил в разных этих слоях неодинаково. Правда, для всех слоев было характерно усвоение городских форм быта, особенно в жилище, одежде, пище. В области духовной жизни это проявлялось в отношении к браку. Для рабочих не был характерен брак по принуждению. Женившиеся сыновья предпочитали сразу отделяться от отцовской семьи. Брачный возраст в рабочей среде был выше, чем в крестьянской: от 20 до 24 для женщин, в 25—26 лет для мужчин. Основной формой заключения брака был церковный — венчание в церкви. Гражданская форма брака встречалась редко, в основном, когда один из супругов не был разведен с первой семьей. Но отношение рабочих, особенно женщин, к гражданскому браку было крайне отрицательным. За церковным венчанием следовали вечеринки. Если невесту брал рабочий из своей деревни, то свадьба справлялась по народному обычаю. Сговоры как предварительное оформление брака, приданое невесты и взнос жениха на свадебные расходы бытовали и в рабочей среде. В целом же для формирования рабочей семьи, ее строя и семейного уклада было характерно, с одной стороны, утрачивание хозяйственных и идеологических связей с деревней, с другой — сохранение в ряде случаев обычаев, генетически связанных с крестьянской средой.

Для понимания структуры семьи важно выяснить не только характер связи между ее членами (родство, свойство), но и роль

каждого члена семьи в ее жизнедеятельности, характер внутренних взаимоотношений. Русская семья и простого, и сложного состава представляла собой коллектив, в котором вся деятельность его членов была подчинена одному человеку — главе семьи. Во второй половине XIX в. появились возможности для некоторого экономического освобождения отдельных членов (отходников, казаков, солдат при длительной военной службе и др.). В целых семьях заметнее всего ослабление роли главы семьи и упрощение внутрисемейных отношений, так как они строились только между супругами и между родителями и детьми.

Возглавляли семьи, по обычаю, старшие по возрасту мужчины, которые управляли всей жизнью и хозяйством семьи. Этот обычай сохранился в русских семьях и до наших дней. Многие семьи и сейчас считают: «У нас мужик всему голова». Такие права сохранялись за старшим (*большаком*) и тогда, когда он не мог трудиться и распоряжаться жизнью семьи. Иногда старшие сыновья при главенстве отцов пользовались большими правами по сравнению с остальными детьми, так как потенциально являлись будущими главами семей.

Женский состав семьи находился в подчинении старшей женщины. В ведении женщин находились дети в семье. В малой семье, как и в неразделенной, главой и распорядителем работ был отец. Он представлял семью и перед обществом, участвовал в сельских сходах. В его отсутствие эти обязанности исполнял старший сын, если он достиг совершеннолетия. Женщина считалась главой семьи после смерти мужа и без взрослого сына.

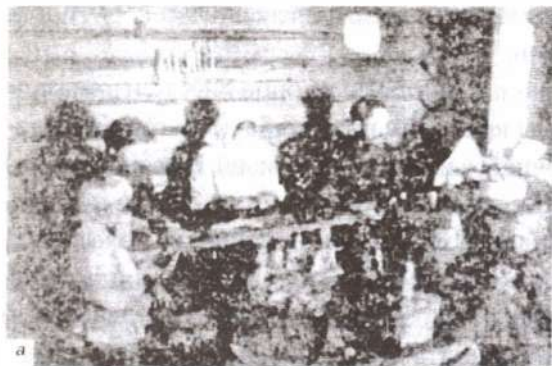
Все члены семьи в экономическом и правовом отношении были подчинены главе. Полностью зависимыми от него являлись снохи, выполнявшие не только общую работу по дому, но и заботившиеся о своих мужьях и детях. Наиболее обездоленными были родственники-сироты. Незавидной была участь вдов и солдаток, живших в семьях мужей на правах подворниц (батрачек), которых держали из милости. Вытесненными из семьи и семейной доли имущества являлись рекруты, по возвращении со службы получавшие эту долю лишь по желанию родственников. Зятья-

примаки становились полноправными, согласно договору, после смерти отцов своих жен.

Такой уклад жизни начал меняться в конце XIX в., и немалую роль в этом играл отход крестьян на заработки в города, разрывавший связи с деревней, а нередко и с семьей. Влияние города сказывалось на внутрисемейных отношениях. Более независимой становилась женщина и младшее поколение, слабела власть старшего. Но самым характерным явлением этого периода стали семейные разделы. Проживание родителей с женатыми сыновьями теперь нередко становилось кратковременным и было обусловлено нехваткой средств для полного раздела. Совместное же проживание семей братьев случалось совсем редко. К этому приходили даже старообрядцы, долго державшиеся большесемейной традиции. Выделявшиеся малые семьи становились самостоятельными и их связи с родственниками все чаще стали проявляться в форме бытовой родственной взаимопомощи и элементарных родственных отношений.

Функции сельской семьи как семьи производственного характера способствовали сохранению половозрастного разделения труда и различных обязанностей ее членов, независимо от того, была ли семья малая или оставалась неразделенной. Мужчины выполняли все тяжелые работы: полевые работы и уход за рабочим скотом, заготовку дров, кормов для скота, строительство; женщины занимались домашним хозяйством, воспитанием детей, полевыми работами. Занятость людей на работе и в домашних делах была разная по сезонам года. В земледельческих районах мужчины были больше заняты работой весной, в конце лета и осенью, в районах с животноводческим направлением хозяйства — зимой, когда производилась уборка и вывоз навоза на поля и подвоз кормов, у женщин в работе и домашних делах проходил весь год. В промысловых районах были заняты работой в основном мужчины.

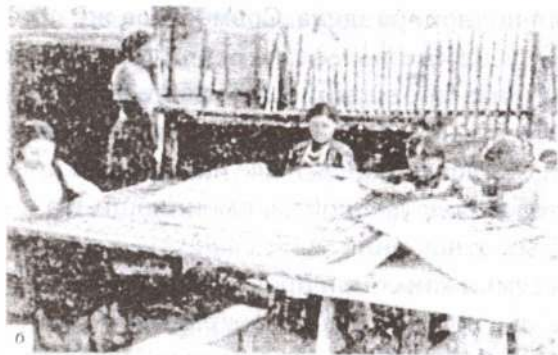
Деревенские дети всегда имели свои обязанности в семье. Они помогали в домашнем хозяйстве (уборка дома, работы в огороде), мальчиков рано приучали к мужским работам — пасти

Трудовое воспитание
детей:

*а) участие детей в из-
рушечном промысле
взрослых (Александров-
ский уезд, Владимир-
ская губерния);*

*б) вышивание платаниц
девочками-подростка-
ми (Мстёра, Владимир-
ская губерния)*

скот, обращаться с лошадьми, к навыкам полевых работ, к обращению с ружьем (в охотничьих районах); девочек приучали шить, вязать, ухаживать за младшими детьми. При таком строгом разграничении обязанностей всегда оставалась значительной роль женщины в семье как основного распорядителя домашних дел, организатора семейного уклада, уюта, досуга и воспитателя детей. В последнем случае велика роль не только матерей, но и бабушек. Мужчины вступали в процесс воспитания, когда дети подрастали и их можно было учить какому-либо ремеслу. Но детей приобщали не только к труду, но и к своему духовному опыту, воспитывая личный характер у каждого ребенка, заботясь о том, что каждый из них станет со временем творцом, создателем своей семьи.

Старшее поколение родственников (бабушки и деды) иногда более, чем родители, передавали семейные традиции и опыт

Трудовое воспитание детей:

в) за прялкой (д. Климово, Грязовецкий уезд, Вологодская губерния);

г) помощь родителям в пахоте (Смоленская область, 1989 г.)

(особенно трудовые навыки) внукам. Опирались они в этом на закон, обычаи, пример предков, тем самым прививали уважение к старшим, трудолюбие, приличное поведение в обществе, давали нравственное воспитание в религиозной форме. Средства и методы воспитания зависели от возраста ребенка. Для старших обязательным было включение в трудовую жизнь семьи и общины, для младших — участие в играх и праздничных забавах, особенно народного календаря. Более полноценным являлось воспитание, когда в семье присутствовало несколько поколений, и здесь важна была роль не только старших, но и детей всех возрастов, ибо происходило их самовоспитание. Велика роль и духовных родителей

детей — крёстных, а у старообрядцев, кроме них, и духовных наставников. Некоторые воспитательные функции в конце XIX в. выполняли сельские училища, заведения «призрения» сирот и др.

Показательным для характера внутрисемейных отношений является семейный досуг. У крестьян свободного времени почти не оставалось, они всецело были заняты в хозяйстве. Кратковременный отдых наступал в воскресенья и праздники, при семейных торжествах (свадьбы, крещение, именины), после коллективных работ и помочей. Довольно равномерное распределение отдыха и работ наблюдалось в деревне, 110 дней в году приходилось на воскресенья и праздники, вклинивавшиеся в рабочий ритм, чтобы люди «не надсаживались — вовремя умели отдыхать». Этим достигалась охрана здоровья человека и его рабочих возможностей.

На быт семьи и на взаимоотношения в ней влияли не только внутренние, но и внешние связи (родственные, соседские, производственные, дружеские). Несмотря на раннее бытование у русских семей малой формы, межпоколенные связи с родственниками никогда не прерывались. В деревне они являлись каждодневными и разносторонними. Помощь в различных работах облегчалась территориальной близостью родных. Кроме того, происходил и совместный досуг (семейные события и праздники), посредством чего достигалась и моральная поддержка, и получение совета, и передача жизненного опыта и этнокультурных традиций.

Двусторонними бывали связи у родителей и отдельно живущих детей. Дети помогали родителям во всех хозяйственных работах, родители и другие старшие родственники воспитывали детей. Сильными были в русской деревне и братско-сестринские отношения, основой которых считалась взаимопомощь и нравственная поддержка. В случаях смерти родителей старшие дети заботились и воспитывали младших (Сабурова, 1967. С. 188).

В русской деревне всегда сильны были соседские связи, нередко перераставшие в дружественные. Одно из их проявлений —

деревенские *помочи*, при которых осуществлялась помощь в хозяйственных делах каждому, кто в этом нуждался, причем нередко помогали «всемирно» (обществом), куда входили и родственники, и соседи. Совместные работы в помочах заканчивались общим застольем «пиром», «гуляньем», не только завершали общую работу, но и становились своеобразным отдыхом для всех и местом встреч и знакомств молодежи. Такие отношения и создавали общественное мнение, и осуществляли контроль над нормами поведения в обществе, принятыми в деревне, и самое главное — передавали все знания и опыт, трудовой и нравственный, младшим поколениям. Соседские связи были более развиты у людей среднего и старшего поколения.

Таким образом, внешние связи семьи во всех их проявлениях традиционны, и в них отражены как быт и уклад отдельных семей, так и жизнь всего деревенского общества, имевших единственную цель — обеспечение трудовых и нравственных устоев и передачу их подрастающим поколениям.

Жизнь семьи, ее строй и внутрисемейные отношения отражались в наименованиях родства и свойства, которые были приняты у русского народа. Эти наименования отразили всю историю семьи, ее развитие в разных формах и в разные периоды. Основными терминами, обозначающими родственные связи по прямой и боковой линиям, являлись следующие: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дед (прадед), бабушка (прабабушка), внук, внучка,

Детвора
в д. Роскаловской,
Тотемский уезд,
Вологодская губерния
(начало XX в.)

Дети и подростки
(Русский Север,
начало XX в.)

племянник, племянница, дядя, тетя; для неродных — отчим, мачеха, пасынок, падчерица; для свойственников — невеста, жених, муж, жена, свекор, свекровь, сноха (невестка), тесть, теща, зять, деверь, золовка, шурин, свояк, свояченица.

В давний период бытования патриархальных семей круг признаваемого родства был гораздо шире и включал, кроме перечисленных людей, выполнявших определенные функции на свадьбах — так называемые свадебные чины (сваты и сватьи, крестные, кумовья, дружки, тысяцкие). Особенно это было характерно для семей неразделенных. В малых же семьях круг признаваемого родства постепенно сужался и утрачивались некоторые наименования, означавшие родство. Так, невесткой (снохой) стали называть жену сына и жену брата. Забывалось значение названий *деверь*, *шурин*, *сваяк*, *золовка*, так как при малой семье эти свойственники были членами своих, отдельных семей. *Свѣтъюшкой* на Русском Севере стали называть и сестру жены двоюродного брата. Утрата подобных терминов более характерна для городской среды, ибо семьи в городе были более разобщены и менее сохраняли связи с родственниками и свойственниками. В деревне же, где связи семьи, и внутренние, и внешние, не порывались, такие названия и их понимание сохранялись долго.

Таким образом, для традиционной русской семьи было характерно развитие простых ее форм, преимущественно двух-

поколенной семьи, с главенством старшего мужчины, с жесткой регламентацией всего жизненного уклада, половозрастным разделением труда, с осознанием необходимости иметь детей, которым передавался и многовековой народный опыт, и знания, и культурные традиции народа. Сохранялись локальные различия семей, различия у разных слоев населения, некоторые различия этнического порядка. Наиболее распространенными из них являлись «вторичные» формы семьи — неразделенные, складнические, договорные и т.д., возникавшие в силу хозяйственной необходимости или бытовавшие как традиция, особенно в местах развитого земледельческого хозяйства. Особенности этнического порядка могли проявляться у жителей районов, где были тесные связи, хозяйственные и бытовые, у разных народов. Такие различия наблюдались во внутреннем укладе семей и внутрисемейных отношениях, но и они возникали в силу особого экономического и демографического развития того или иного района.

Семейно-брачные отношения в 1917—2000-х годах

Сельская семья

Состояние семейно-брачных отношений всегда связано с процессами социально-экономического, политического, демографического и этнического характера. Влияние таких процессов в исторические периоды, в том числе в советское время на разных его этапах, было неодинаковым. Еще во время первой мировой войны, хозяйственной разрухи, неурожая, голода, эпидемий имели место огромные людские потери, а естественный прирост населения снизился. В этих условиях шли изменения состава и размеров семей.

Начавшиеся после Октября аграрные и социальные преобразования непосредственно влияли на семейно-бытовую сторону жизни. С принятием первых декретов советской власти (о земле,

о юридическом равноправии мужчин и женщин), затем законов о браке, об охране материнства и младенчества начались изменения в семье и семейном строе. Получив равные права с мужчинами, женщины вовлекались в производство и общественную жизнь, ломались старые морально-психологические принципы, на которых строились отношения в семье.

Экономические основы жизни семьи еще более изменились с проведением коллективизации, когда земля была передана колхозам, все взрослые члены семей стали участвовать в колхозном производстве. Создались возможности для семейных выделов, а следовательно, и для перемен в структуре семей.

Менялась и демографическая ситуация в стране. Миграции населения, усиливавшиеся при коллективизации и особенно в годы индустриализации, выросшая урбанизация вызвали изменения в численности и размещении народа и возникновение в ряде регионов неблагоприятного полового возрастного соотношения населения (перевес женского над мужским), что привело к снижению рождаемости в семьях. При миграциях усилились этнические процессы, при которых контакты русских с другими народами вели в ряде случаев к естественной ассимиляции некоторых народов или к смешению с ними (в русско-украинском пограничье РСФСР и УССР, в контактных зонах Сибири и Дальнего Востока и в др.).

При массовых репрессиях в 1920—1930 гг., раскулачивании и высылке крестьян из родных мест в другие районы гибли люди, нарушался состав населения в целом и состав семей, их жизнедеятельность. Набор рабочей силы в индустрию вызвал переселение крестьян в города, а следовательно, дробление крестьянских семей, отрыв их от старых мест жительства. Это нарушало крестьянский быт и хозяйство.

После войны 1941—1945 гг. шло снижение миграционных и ассимиляционных процессов в стране, перераспределение половозрастной структуры населения, сокращение трудоспособного населения и чувствительные изменения в семейном строе (появление одиноких людей, матерей-одиночек, вдов и др.).

В 1950-е годы последовало новое усиление миграций, что вело к учащению этносмешений и появлению семей смешанного типа (целинные земли Казахстана, освоенные территории на Урале, в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке). Это способствовало «старению» деревни (миграции молодежи из села в город), сокращению размеров и изменению структуры сельской семьи.

Социальные и аграрные эксперименты 1960—1980-х годов продолжали усугублять демографическую ситуацию в деревне и состояние семей. В таких условиях развивалась сельская семья после 1917 г. на всех этапах советского периода.

Послеоктябрьские преобразования создавали условия для формирования новых брачных отношений (Власова, 1990. С. 27—33). Уже в первые годы после революции появились новые виды досуга молодежи и новые места знакомств. В деревнях создавались клубы, избы-читальни и организованный досуг в них сосуществовал с посиделками и вечерками. В 1930-е годы роль клубов становилась все более ощутимой, прежние формы общения молодежи постепенно исчезли. После войны возобновились разные формы досуга, но к прежним посиделкам не вернулись. Главным местом знакомства и проведения досуга деревенской молодежи стали сельские клубы и библиотеки. В местах, близких к городам, развивались виды досуга, как и у городской молодежи, — туристские походы, спортивные состязания, колхозные и советские праздники и т.п.

В деревне и сейчас велика роль улицы в знакомстве и встречах молодежи. Продолжает действовать такой фактор, как соседство, совместная учеба в сельских школах, работа в колхозе или совхозе, где они еще остались. Молодежь общается и во время приездов в деревню на каникулы, в отпуск, на праздники, в гости к родственникам, друзьям; знакомятся, приезжая по направлению на работу, и т.п. Но место жительства и совместный труд по-прежнему остаются главным на селе в добрачном общении молодежи. Браки заключаются преимущественно в деревне, реже по месту учебы или временной работы вне дома.

Характер отношений молодежи также претерпел изменения. Общение постепенно становилось все более свободным, открытым, проявление взаимной склонности в присутствии друзей и родных не компрометировало. Такой сдвиг произошел в результате роста экономической независимости молодежи, расширения круга ее знакомств, самостоятельности брачного выбора, изменения мотивов вступления в брак и брачных ориентаций.

Перемены стали ощутимы уже в 1920-е годы. Правда, еще значительной оставалась роль родителей в брачном выборе детей, прислушивались и к общественному мнению в деревне. С годами самостоятельность молодежи росла, и в 1930-е годы, судя по этнографическим данным, выбор брачного партнера становился независимым. А к настоящему времени участие родителей сводится к знакомству с женихом или невестой; их ставят в известность о браке, а возможные возражения нередко игнорируют.

Мотивом при вступлении в брак до сих пор остается некоторый расчет, хотя личные чувства, духовные и нравственные качества друг друга занимают заметное место у женихов и невест.

С изменением мотивов и ценностных установок при вступлении в брак менялся и брачный возраст. В послереволюционное время он традиционно оставался по губерниям России неизменным, существовали лишь локальные различия. Ранние браки заключались на юге и востоке, а также повсюду в сельскохозяйственных районах. В промышленных областях и на севере браки были более поздними (после 22—25 лет). В дальнейшем наблюдалось выравнивание брачного возраста у мужчин и женщин (Этнические процессы... С. 437—440). Изменение брачного возраста отмечалось у населения РСФСР в 1940-е годы. После войны нарушились пропорции в соотношении полов, стали заключаться поздние браки. В последующее время наблюдалось перераспределение брачных партнеров по возрасту. Повысилась брачность женщин со сверстниками, с более молодыми мужчинами, а также с разведенными и вдовцами. Но за годы войны сократилась доля ранних браков. К началу 1960-х годов брачный возраст женщин начинался с 18—20 лет, мужчин — в 20—29 лет. В настоящее

время брак «помолодел», особенно сельский. Это объясняется тем, что сельская молодежь в возрасте 18—22 лет экономически самостоятельна и более обеспечена жильем, чем городская.

Когда появилось новое законодательство советской власти о браке, изменились формы заключения брака. После 1917 г. еще существовали преимущественно браки «венчанные», сопровождавшиеся народным свадебным обрядом. От последнего, связанного с большими затратами, отказывались лишь бедняцкие семьи. К началу 1930-х годов церковное венчание стало заметно уступать регистрации браков в сельсоветах. Не регистрировались лишь браки несовершеннолетних — до 18 лет. Традиция же свадебного обряда бытовала широко. Признание неофициальных браков законными по правовому положению привело к появлению невенчанных и нерегистрированных браков. В то же время в деревнях возобновились «браки убёгом» — «самоходкой» («сошлись без свадьбы») и «уводом» невесты женихом (Европейский Север, Сибирь). Во время Великой Отечественной войны и после нее, когда понизился уровень брачности, браки редко сопровождались свадебными обрядами и вечеринками и не всегда регистрировались. Кроме того, иногда в браки вступали немолодые люди, особенно женщины. В те трудные годы в деревне были вызваны к жизни старые формы заключения брака — «самоходкой» и по принуждению родителей.

В 1950-е годы эта ситуация изменилась. Подросло поколение людей, родившихся до войны, в 1930-е годы, которое стало создавать семьи. Тогда не только участились браки на селе по сравнению с военным периодом, но и последовал возврат к народному свадебному обряду. В эти же годы иногда случалось церковное венчание и случаи нерегистрированных браков. Изменились взгляды на неофициальный брак, получивший одинаковую силу в глазах общественного мнения с браком законным, ибо основным критерием семьи стала считаться общность проживания и хозяйства, а не форма заключения брака. Изменилось и положение внебрачных детей, они перестали считаться вне закона, а их имущественное положение уравнивалось с

остальными членами семьи. Правда, в некоторых деревнях сохранилось осуждение матерей, родивших детей вне брака. Внебрачная рождаемость в деревнях дореволюционной России измерялась единичными случаями из-за осуждения ее общественным мнением. Она несколько выросла по отдельным периодам после 1917 г., а к 1980-м годам родившиеся вне брака составляли 14,6% всех родившихся в России (Численность и состав населения СССР, 1984. С. 90).

Из старых брачных отношений у русских претерпели изменения некоторые брачные запреты. Теперь в среде даже сельского населения, наиболее держащегося за народные традиции, они почти не сохранились. Неукоснительно соблюдается лишь запрет вступать в брак с близкими родственниками. Обычай старшинства и очередности в браке, социальные, конфессиональные и национальные запреты практически перестали существовать, особенно в районах, близких к экономическим и культурным центрам.

Условия для этносмешанных браков появились уже в первые десятилетия после революции. К 1926 г. у русских в городах насчитывалось 3,0% этносмешанных браков, в селах — 1,0%. В 1926—1936 гг. число таких браков в селах РСФСР возросло до 7,0%. Причем среди русских мужчин доля межнациональных браков равнялась 7,7%, у русских женщин — 11,5%. Вообще же этносмешанные сельские браки интенсивны лишь в районах совместного или пограничного расселения русских с другими народами (на Кубани, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии, на Кавказе, Поволжье и т.д.). Они заметно участились в 1950—1980-е годы. В 1959 г. на Украине смешанных с русскими браков насчитывалось 26,3%, в 1980 г. — 31,3%. В Поволжье с 1940-х по 1960-е годы число русско-чувашских браков увеличилось с 13 до 30%. В Марийском крае совместное расселение русских и марийцев привело к росту таких браков с 1,5% всех браков в 1920 г. до 18,1% к 1970 г. В Среднем Поволжье межнациональные браки в 1968 г. составили 12%. В Прибалтике к 1960 г. было 7,9—13,4% браков русских с представителями прибалтийских народов. В Сибири и на Дальнем Востоке росло

число браков русских с эвенками, кетами, ульчами. В Средней Азии и Казахстане шло увеличение таких браков во всех слоях населения (городского и сельского). На Кавказе к настоящему времени много браков русских женщин с курдами, армянами, азербайджанцами, грузинами и осетинами. В станицах Кубани, где всегда были нередки смешанные браки (особенно русско-украинские), существуют семьи русских с представителями горских народов (Власова, 1990. С. 30—31).

В областях, где преобладало русское население, этносмешение всегда оставалось слабым. В 1959 г. в русских селах России межнациональные браки составляли 5,6% всех браков, в 1979 г. — 9,3%, в 1990 г. — 15% (Численность и состав населения СССР, 1984. С. 15; Численность населения... 1991. С. 17). В основном это браки людей, близких по языку и этнокультурным традициям (русских с остальными славянами).

В отличие от этнических запретов в браке, сословные и профессиональные запреты в некоторых русских районах сохранялись долго, особенно у старообрядцев. В целом же в сельских районах таких смешений происходило немного.

Браки, неравные в возрастном, социальном (теперь в профессионально-образовательном) отношении у русских и в городе, и на селе остались.

В 1920—1930-е годы браков, в которых были такие различия по профессионально-образовательному уровню, случалось немного. В военное время, когда в деревнях наблюдался дефицит мужского населения и браки случались редко, разный профессиональный уровень вступающих в брак (выше он был у женщин) вполне объясним. С послевоенного времени такие браки участились, и в 1970—1980-е годы в русских деревнях немало женщин с высшим и средним образованием (учителей, медработников, ветеринаров, агрономов) вступили в брак с мужчинами со средним школьным или специальным образованием (техниками, трактористами, шоферами, слесарями, колхозными и совхозными рабочими).

Все изменения в брачных отношениях людей за годы после 1917 г. объясняются также и переменами в круге брачных

связей и составе сельского населения. В 1920-е годы еще везде было много «местных» браков, которые не вышли за пределы круга деревенских связей, что произошло после 1930 г. Заметное их расширение случилось при миграциях в 1950-е годы и в последующие десятилетия. Такое расширение связей сказалось на развитии сельской семьи, так как в ее состав входили люди из мест, культурная традиция которых отличалась от традиций в местах их нового проживания. Это вело к нивелировке сельского быта и свидетельствовало об изменении жизненных установок и ценностей при вступлении в брак.

Переменилось в сельской среде и отношение к расторжению браков. Брачное законодательство и все явления в жизни страны, менявшие экономические основы семьи, привели к полной независимости женщин от мужей, к самостоятельности молодежи. Расторжение браков стало фактически беспрепятственным. Последние десятилетия отличаются увеличением числа разводов. Их частоту выявляют не только статистические, но и этнографические данные. Несмотря на это, отношение к разводам в сельских местностях в целом отрицательное, а общественное мнение осуждает разведенных людей, главным образом виновников разводов, нарушивших семейную жизнь. Взгляды разных половозрастных, профессиональных групп сельского населения на брак, развод, семью в целом совпадают — «семьей надо дорожить, так как при разводе остаются осиротевшими дети».

Но есть различия в понимании роли семьи и причин разводов. У молодежи в этой оценке преобладает эмоционально-психологический фактор: в браке должны быть единомышленники, иначе будут конфликты, приводящие к разводам. Люди среднего и старшего возрастов придают значение взаимопомощи и поддержке семьи в ее хозяйственной деятельности и воспитании детей («без семьи прожить трудно»). Различий по полу в этих взглядах нет. У разных же профессиональных групп такие различия имеются: у людей с более высоким образовательным уровнем (у сельской интеллигенции) преобладает взгляд на вза-

имопонимание как залог благополучного брака, жители с невысоким образовательным уровнем придают значение таким ценностям, как заработок, положение в обществе, они чаще заключают браки по соображениям материального порядка.

Поскольку существуют разные ориентации у тех или иных групп населения, то и причины разводов у этих групп также различны. Больше всего неудачных браков отмечается среди людей, соединивших свои судьбы по расчету. Немало разводов и у людей, рано создавших семью, так как и этих браках наличествуют противоречия между половой и социальной зрелостью молодежи. Сохраняется неравномерность нагрузки женщин и мужчин в семье, чему иногда способствуют старые нравственные представления.

В целом для брачных отношений с 1917 по 1990-е годы характерно сохранение различий и условий, в которых совершались браки в городе и на селе. В общении сельской молодежи остается главным территориальный принцип. Заметнее на селе и участие родителей в брачном выборе молодых, и роль общественного мнения. Остаются и локальные различия в условиях брачных отношений, и различия среди разных возрастных и профессиональных групп сельского населения.

За годы советской власти менялись не только брачные отношения, заметные изменения произошли в самой семье, ее типах, во всей ее внутренней жизни. Новое земельное устройство в деревне в 1918 г., при котором распределяли землю на всех членов крестьянской семьи (по едокам), вызвало массовые семейные разделы. При этом происходили изменения прежде всего в составе семей. В 1919 г., по сравнению с 1917 г., в 25 российских губерниях семей, состоявших из 4—10 человек, стало меньше на 1,3%, из 11 человек и более — на 39%. Вместе с тем наблюдались и обратные явления — возвращение к многочисленной семье, потому что при наделах земли по едокам можно было получить больший надел. На окраинных территориях русского расселения разделы проводились вплоть до начала коллективизации сельского хозяйства (у казаков Терека, Кубани, у старообрядцев Сибири и т.д.).

Число членов в семье зависело от количества детей. В среднем по России после революции семья имела до трех детей. Падение деторождения в первые годы советской власти было не только связано с новыми явлениями социально экономического порядка и с военным временем 1914—1922 гг., но и подготовлено предшествующим периодом, когда в условиях капитализма менялось демографическое поведение крестьян.

Довольно высокая рождаемость сохранялась лишь в некоторых русских областях — на Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. На Северном Кавказе она объяснялась традициями ранних браков и многодетности, в Сибири и на Дальнем Востоке — молодым составом населения, приселявшегося из европейских губерний. В условиях сильного миграционного движения с конца 1920-х — в 1930-е годы шло дальнейшее снижение рождаемости, ставшее особенно заметным в 1931—1936 гг. Отмечалась высокая детская смертность (*Урланис*. С. 17).

В 1940-е годы продолжались изменения в составе семей. Появилось много семей, состоявших из женщин и их детей (семьи фронтовиков и семьи вдов). В таких семьях отмечалось и проживание родственников этих женщин: сестер, престарелых матерей, теток с племянниками и т.п. Много в сельских местностях стало и одиноких людей, а также супругов без детей — престарелых и вдовых.

В военные и послевоенные годы немногие семьи состояли из трех поколений родители—дети—внуки. Старшее поколение в таких семьях представляли лишь женщины—бабушки. Наблюдалось и более частое, по сравнению с предшествующим временем, проживание семейных детей со свекровью, реже с тещей. В эти годы семьи были малочисленными, так как происходило резкое падение уровня рождаемости. Тогда нередко вступали в брак в немолодом возрасте, а потому не могли иметь большое число детей. В конце 1950-х годов русская сельская семья состояла в основном из 3—4 человек. Это были семьи двухпоколенные (родители—дети, с 1—3 детьми), либо трехпоколенные (родители—дети—внуки). В различных районах России такие семьи имели

свои местные отличия. В 50-е годы еще ощущались последствия войны, поэтому серьезных изменений в составе и размерах семей не наблюдалось.

В 60—70-е годы средний размер семьи у русских был равен 3,4 (3,5) человека в городе, и 3,7 (4,0) — в селе. Большие по размеру семьи составляли пятую часть от их общего числа (многодетные или трехпоколенные семьи). В селе их число было несколько большим, чем в городе.

Новое падение рождаемости отмечалось в 1960-е годы, и только с 1970-х начался некоторый прирост вследствие повышения рождаемости у людей в возрасте 20—24 лет. В целом преобладала ориентация на однодетную семью. Локальные различия в русской сельской семье продолжали сохраняться. В основном это различия по числу членов и количеству детей. У русских Сибири размер семьи был больше, чем в других регионах (от 3,3 до 3,7 человека). Это связано с более пропорциональным соотношением полов среди сельских жителей и более молодой структурой населения там. Оставался достаточно высоким средний размер семьи Нечерноземья — 3,8 человека в 1970 г., 3,2—3,5 человека в 1979 г. Размер семей в южнорусских, центральных областях и на Северном Кавказе равнялся 3,2—3,4 человека, в Поволжье — до 3,6—4,0 человека. К 1980-м годам среднее число детей на 100 русских женщин всех возрастов составляло 172 (Численность и состав населения СССР, 1984. С. 17).

Русская сельская семья сохраняла различия не только по размерам, но и по типам. В южнорусских областях в 1960—1980-е годы преобладали семьи из родителей и детей, некоторое число составляли семьи трехпоколенные, представленные чаще вариантом: один из родителей (чаще мать)—дети—внуки, причем родитель в такой семье не обязательно являлся ее главой. Много в этих селениях было одиночек. Сами семьи представлены главным образом людьми старших и средних возрастных групп, родившихся до 1920-х, в 1920—1930-е годы.

В 1960—1970-е годы наблюдалось учащение выделов из семей в селах Кубани, Приангарья, что вело к преобладанию и там

семьи малой над остальными ее типами. Но на юге Европейской части страны и в Сибири сохранялось больше семей трехпоколенных и наблюдалась несколько большая детность в них, чем в семьях остальных русских областей. В Центре и во всем Нечерноземье преобладала семья двухпоколенная, стало заметным число семей, не имевших детей, или одиноких женщин с детьми. Трехпоколенных семей здесь гораздо меньше, чем в южнорусских областях. Часть трехпоколенных семей — временные. Были различия по составу у рабочих и служащих в колхозах (совхозах) и у колхозников: у последних меньше одиноких людей и супругов без детей. Много бессемейных было в деревнях Европейского Севера, а по сравнению с южными областями, здесь еще больше немолодых семей.

Средний размер семьи в России к 1989 г. стал равен 3,2 человека: однонациональные семьи насчитывали по 3,2 человека, этносмешанные — по 3,5 человека (Население СССР, 1990. С. 32).

Таким образом, развитие русской семьи в селе шло по пути дальнейшего увеличения доли малой семьи во всех русских областях. Трехпоколенные семьи создаются на время, но они отличаются от прежних семей такого типа. Если ранее молодые жили в них вместе со старшими, то теперь старшее поколение (бабушки) иногда живут зимой у детей и внуков (нередко в городе), а летом вместе с внуками приезжают в деревню. Патрилокальный принцип в трехпоколенных семьях (проживание с семьей мужа) также не всегда соблюдается. В 1980-е годы трехпоколенные семьи стали появляться у людей, занятых в общественном производстве и имеющих средне-техническое, средне-специальное и высшее образование (механизаторы, веттехнику, агрономы, учителя), особенно там, где на этом производстве больше занята женщина, чем мужчина. В те же годы появлялось несколько большее число детей в семьях (до трех), но такая ориентация прекратилась снова в 1990-е годы (у людей со средним и средне-специальным образованием). У сельской интеллигенции оставалась ориентация на одно-, двухдетную семью. Многодетные семьи встречались у людей неквалифицированного труда. Но, по

сравнению с городом, в 1970—1980-е годы рождаемость в селе была несколько выше.

Наряду с изменениями в строе семьи менялись и внутрисемейные отношения. Сильно вырос авторитет женщин как в трудовых коллективах, так и в семье, особенно в среде молодого поколения. Это проявилось в таких межпоколенных отношениях, как лидерство в семье. Но традиционный взгляд на главу, каким прежде являлся старший в доме мужчина, долго жил в деревнях. Такое понимание главенства становилось формальным, так как в действительности домашние дела даже при признаваемом главенстве мужей, решались совместно взрослыми членами, а распорядителем работ по дому становилась женщина.

Семейные отношения различаются у людей разного возраста, образования, характера труда. Равноправие, взаимоуважение становились характерными в разных по составу семьях — двух- и трехпоколенных, сложных и простых, для старшего и младшего поколения. Свидетельство тому — главенство в семье младшего поколения — женатого сына, замужней дочери, невестки, зятя, а в связи с этим и отмирание института примачества (зять-*примак*) в русской семье даже в деревне. Исчезают и те противоречия между супругами, которые были порождены зависимым положением женщины и преобладанием браков по расчету. Остаются, правда, противоречия, связанные с совмещением женщиной общественно-производственных и семейных обязанностей. К семейным конфликтам нередко приводит и неравномерное распределение домашнего труда, что говорит о сохранении фактического неравенства полов. Существуют и противоречия, связанные, с одной стороны, с повышением требовательности друг к другу, к браку вообще, к семье, а с другой — с бытованием еще старых нравственных представлений, мешающих нормальному функционированию семьи.

В современной сельской семье не так заметно разделение на мужские и женские работы. Вместе с тем еще часто основная домашняя работа ложится на плечи женщин. Занятость детей

в семейных делах становилась меньшей, чем прежде, поскольку дети были заняты учебой, нередко в школах-интернатах. Несколько возросло значение общественного воспитания детей с появлением в деревне школ, детских дошкольных учреждений, но никакое общественное воспитание не может заменить полноценное семейное воспитание.

Межпоколенные отношения, проявлявшиеся в досуге семьи, имели в деревне некоторые отличия по сравнению с городом. В деревне сохранялись специфические формы досуга, в которых преобладали индивидуальные формы над общественными (всевозможные домашние дела заменяли отдых), и в них в силу занятости на работе или учебой участвовал в какой-то мере каждый член семьи.

Несмотря на повсеместное и очень давнее преобладание малой семьи над остальными ее типами, межпоколенные связи с родственниками не прерывались никогда. Эти связи лишь приобрели иной характер, ибо изменился не только состав (круг) родственников, с которыми поддерживаются контакты (до 3—4-го колена в деревне), но и характер и содержание этих контактов. Правда, в сельских местностях они еще могут быть каждодневными, но и там перестают осуществляться преимущественно в хозяйственных делах. Материальная помощь, поддержка в различных работах (строительство дома, приусадебный огород, уход за престарелыми) облегчены территориальной близостью родственников и свойственников. Наряду с этим существуют контакты другого вида: совместный досуг, семейные события и праздники.

Трудовые родственные связи не ослабевали никогда, а теперь они могут еще более укрепляться, если в деревне произойдет передача земли в собственность крестьянам, что приведет к вовлечению в сельский труд всех членов семей и их родственников. Немалую роль в этом играют приусадебные хозяйства крестьян. Только они дали возможность уцелеть нашему сельскому хозяйству во время всевозможных экспериментов («Неперспективные деревни», «Продовольственная программа» и др.),

так как приусадебная земля, хоть и при неполной личной собственности на землю, стала «неотъемлемым нравственным достоянием» каждого сельского жителя. 18 млн крестьянских хозяйств в довоенные и 16 млн в 1960-е годы спасли народ от гибели, потому что в глубине души крестьяне считали приусадебную землю своей, передаваемой детям, а лишь на ней могли беспрепятственно трудиться.

Что касается внешних связей сельской семьи, то они по-прежнему осуществляются не только с родственниками, но и свойственниками, особенно у людей старшего поколения. Контакты с младшими сохраняются, когда в семьях живы бабушки и деды. Братско-сестринские связи заметно ослабли, так как братья и сестры живут в своих отдельных семьях и нередко на большом расстоянии друг от друга. С дальними родственниками такие связи у молодежи еще слабее, ограничиваются редкими встречами по общесемейным делам, изредка перепиской. Традиционными остаются лишь связи родителей и детей, живущих как в одной деревне, так и в разных местах. Виды этой связи также традиционны и по всей сути напоминают разделение труда в семье прошлого. Соседские и дружеские связи в деревне при совместном проживании и работе остаются и до сих пор. Даже сохраняются некоторые виды сельских помочей, в которых участвуют жители деревни, живы и традиции совместных праздников, деревенских, семейных и общих для страны. Таким образом, эти связи по традиции имеют место не только в труде, но и в морально-этической сфере и духовной жизни.

Все более начинают сказываться некоторые негативные стороны в жизни семьи. Малодетность современных семей подрывает их жизнеспособность, не развивает в них разнообразные отношения, без чего не достигается крепость, сплоченность семьи. Дом, семья, старшие и сверстники в ней, близкие и дальние родственники уступили свои позиции новому окружению. Ко многим кризисным ситуациям привело неправильное воспитание детей, утрата принципов народной педагогики. Особенно нарушено половое воспитание, при этом происходит выработка

у детей неправильного стереотипа поведения, что в свою очередь способствует ненормальным межличностным отношениям будущих супругов. Чаще всего такое воспитание происходит в неполных семьях (без отцов), когда у мальчиков вырабатываются женские суждения и черты в поведении, а у девочек — наоборот, мужские черты. Следствием такого воспитания становится отсутствие жизненного опыта и безответственность поведения будущих супругов по отношению к семейным обязанностям. В прошлом же детей воспитывали как будущих создателей семей, и невесты с женихами готовились к семейной жизни в добрачный период. Эта подготовка имела моральный и нравственный смысл.

Пробелы в воспитании — результат снижения нравственности во всем обществе, его бездуховности. Теперь деревенский человек формируется в атмосфере, которая не воспитывает уважительное отношение к земле и крестьянству, не защищает престижность сельского труда, считающегося «второсортным». Труд же для народа всегда оставался не только жизненной необходимостью, но и проявлением духовной жизни, так как с ним связаны общечеловеческие отношения. Не осознавая значимость труда и этих отношений с детства, ребенок не приобретает любви к труду. Эти стороны трудового воспитания сейчас в значительной мере утрачены и в семье, и в обществе.

Негативные явления отмечаются не только в социально-воспитательной, но и репродуктивной функции семьи — в воспроизводстве, и биологическом, и духовном. Сейчас довольно большое число семей бездетно или одноплетно, выросла и внебрачная рождаемость, ведущая к одностороннему воспитанию детей. Нарушена нормальная воспитательная среда, в которой, кроме родителей, роль воспитателей младших детей играли бы старшие братья и сестры. Родителям приходится брать на себя и функции детей-воспитателей, т.е. выступать «сверстниками» и становиться друзьями своего единственного ребенка. На это способен не каждый отец или мать. Такая однобокость воспитания приводит к утрате в каждом последующем поколении моральных и нравственных качеств, присущих русской семье.

Итак, для современной русской семьи характерны следующие черты. Сельская семья в основном простая по составу, малодетная, однородная в социальном и национальном отношении. Но в этой среде наиболее сохраняются семьи с главенством мужчин; правда, прослеживается тенденция к появлению семей, в которых главами могут быть наравне и муж, и жена, или же не осознается главенство кого-либо одного из них. Современная семья и новые семейные отношения после 1917 г. — результат процесса длительного, сложного, развивавшегося под воздействием комплекса политических, социально-экономических и культурных преобразований. До сих пор остаются отличия семьи села от семьи города. В деревенской семье резче, чем в городе, половозрастное разделение труда, чаще возникает необходимость сохранения семей трехпоколенных; достаточно высока роль старших членов в такой семье при ведении домашнего хозяйства и в воспитании детей. Сельская среда более, чем городская, сохранила русские народные традиции, весь народный опыт и знания, что может послужить основой для будущего возвращения России к ее национальному пути развития.

Городская семья

Развитие современной городской семьи у русских, как показали исследования, происходит в том же направлении, что и сельской. Это определяется прежде всего влиянием единых социально-экономических и правовых основ, созданных для семьи в нашем государстве. Сходство изменений обуславливается и единством традиций, объединяющих население города и деревни в одно этническое целое — русский народ. В сохранении и развитии этнических традиций в процессе урбанизации с присущим ему нивелирующим влиянием на все стороны бытовой культуры большая роль принадлежит постоянным тесным и многообразным взаимосвязям города и деревни. В силу сложившихся условий сближение сельского и городского вариантов русской культуры усиливается, хотя известная специфика их продолжает сохраняться и в настоящее время. Вызываемые

урбанизацией углубление общественного разделения труда, рост образования, профессиональной занятости, в том числе женщины, а также связанные со всем этим демографические изменения (понижение рождаемости, старение населения, территориальная подвижность и т.п.) непосредственно сказываются ни семье — на ее размерах, составе, характере внутренних и внешних связей, организации хозяйства и быта, на брачных отношениях.

Основу городской семьи, как и сельской, составляет моногамный брак, в который вступают мужчины и женщины в молодом возрасте. Первые браки в зрелом возрасте встречаются сравнительно редко. Повторные браки бывают в случае вдовства одного из супругов или расторжения предыдущего брака. Среди причин развода, кроме конкретных частных, играют роль и некоторые общие: известное стремление к совершенствованию семейно-брачных отношений, а также и легкость самой церемонии расторжения брака. По числу разводов (17,5 развода на 1000 супружеских пар) Российская Федерация отличается довольно высокими показателями, уступая, по данным 1979 г., по республикам бывшего СССР лишь Эстонии (22,1 на 1000 пар) (Волков А.Г. С. 137).

Средний брачный возраст в русском городе всегда был несколько выше, чем на селе, что, вероятно, связано с заботой о профессиональном устройстве молодежи (с подысканием работы, с обучением мастерству, с получением образования и т.п.). В настоящее время брак в городе «помолодел»: девушки выходят замуж в 18—22 года, юноши женятся в 24—25 лет. В результате изменений в брачных отношениях большая возрастная разница между супругами, как это часто встречалось среди имущих слоев горожан в прошлом, теперь встречается крайне редко (Жирнова. С. 102—103).

Добрачные отношения молодежи, как прежде, так и теперь, складываются в значительной мере в процессе коллективного общения. Современные города предоставляют большие возможности для встреч и предбрачного знакомства молодежи.

Молодые люди часто находят себе пару среди товарищей по работе и учебе, с которыми вместе участвуют в производственном и учебном процессе, и общественной и культурной жизни. По сравнению с прошлым, возросло при этом значение общественного отдыха и культурно-массовых развлечений. Но, наряду с появлением новых видов общественного досуга, неотъемлемой частью образа жизни горожан продолжают оставаться молодежные гуляния стихийного типа. Эти обычаи составляют давнюю традицию, хотя и довольно заметно меняются с течением времени. До наших дней дожили так называемые «пяточки» — места привычных сборов сравнительно небольших групп молодежи преимущественно для танцев (на улицах, во дворах, в скверах). Они особенно характерны для небольших провинциальных городов, где жители разных концов хорошо знают друг друга.

В больших городах на «пяточках» «гуляют» так называемые земляки, выехавшие в разное время в город примерно из одной и той же местности (Шмелева, 1989. С. 79—80). К стихийным сборищам можно отнести более многочисленные современные тусовки, еще мало изученные этнографами. Встречи молодежи происходят на празднествах и других общественно организованных гуляниях, также традиционных для города.

В целом сфера стихийного добрачного общения горожан в настоящее время довольно обширна. В результате потенциальные невесты и женихи с их специфическими интересами в известной мере как бы выпадают из-под опеки старших, лишенных возможности активно влиять на выбор молодежью брачных партнеров. Правда, в добрачных знакомствах определяющую роль продолжают играть домашние гостевания, ведущие начало от званых вечеров (чаще всего именинных), известных в разных вариантах всем слоям городского населения. При этом родителям и близким легче было оберегать молодых людей от нежелательных контактов и способствовать заключению наиболее подходящих браков. Но с демократизацией общества и семьи и роста самостоятельности подрастающего поколения привычный круг родственного общения расширяется за счет введения в него,

часто по инициативе молодежи, посторонних лиц из числа соседей, сослуживцев, друзей и т.п. Семейный контроль в таких условиях также оказывается значительно ослабленным.

Расширение круга общения молодежи в условиях современного города приводит к росту социально-смешанных браков, составляющему одну из характерных тенденций развития семьи в настоящее время. Однако, несмотря на большое разнообразие профессиональных занятий городского населения и значительную неоднородность его по образованию и трудовой подготовке, большинство горожан все же заключает браки в своей или близкой среде.

По национально-смешанным бракам город также имеет более высокий показатель, чем село. Однако это касается главным образом крупных городов, которые относятся к зонам наиболее активных межэтнических контактов. В городах, не находящихся в непосредственном соприкосновении с другими этносами, как и в сельских поселениях, преобладают однонациональные союзы, что обусловлено компактностью и непрерывностью расселения русских на обширном пространстве. Но число национально-смешанных браков растет и в городах с небольшим включением инонационального населения. Большую роль в этом играют активные территориальные перемещения населения внутри страны.

Женятся и выходят замуж молодые горожане, как правило, по своей воле и по собственному выбору. Родители при этом имеют совещательный голос. Освобожденный от пут материальной зависимости, которая прежде имела определяющее значение, современный брак, однако, не лишен соображений экономического порядка. Будущие супруги обыкновенно наряду с другими данными учитывают и материальный потенциал спутника жизни.

Приданое в прежнем его значении, когда за невестой полагалось давать как можно более движимого и недвижимого имущества, ушло из жизни. Наличие или отсутствие его не влияет на заключение брака и не оговаривается. К свадьбе готовят обычно

белье и другие вещи первой необходимости. Традиция проявляется в том, что большинство семей постоянно заботится о нарядах и средствах на их приобретение для вступающих в пору невест и женихов. Если молодые после свадьбы собираются жить отдельно, то речь идет о квартире, мебели, бытовых предметах. Впрочем, теперь, с укреплением в быту русских семей частной собственности, приданое в том или ином виде может вновь начать возрождаться.

Брак оформляется в загсе обычно в торжественной обстановке и сопровождается новыми санкционирующими обрядами. По желанию совершается и религиозный обряд бракосочетания — церковное венчание, которое в настоящее время стало встречаться все чаще. В семьях (в домашней обстановке или в общественных местах) принято устраивать свадьбу — по существу, свадебный пир, в котором наиболее стойко сохраняются и развиваются традиционные особенности. Другие свадебные обряды, в разной степени трансформированные, соблюдаются фрагментарно. Тем не менее, современная городская свадьба составляет некое целое. Часто свадебные обряды сохраняют и свой локальный характер. Правда, в связи с постоянным пополнением городского населения выходцами из разных регионов страны, встречаются разные варианты обрядов, носители которых, отстаивая их, иногда вступают в спор с другими участниками свадебной церемонии. Но чаще всего выполняется все же местный вариант, хотя он в свою очередь испытывает известные изменения под влиянием иных традиций.

Экономическую основу городских семей, как правило, образуют доходы взрослых ее членов от занятий городского типа — в областях промышленности, торговли, транспорта, культуры и многообразного обслуживания. Профессиональный труд дает горожанам необходимые для их существования денежные средства. Состав материальной базы семьи, ее имущественная состоятельность во многом определяют уровень материального и духовного потребления, социальных подвижек ее членов, оказывают непосредственное влияние на воспроизводство и воспитание детей, на осуществление отдыха людей и пр. От вклада в об-

щесемейную кассу в известной степени зависит и положение того или иного члена семьи в ее быту.

Современные занятия городского населения складывались постепенно в процессе длительного социально-экономического переустройства общества. В результате, к настоящему времени городское население в подавляющем большинстве оказалось втянутым в развитое обобществленное производство, требующее полной оторванности от дома на время труда. Отграничение работы от быта одно из следствий урбанизации, при которой семья перестает быть основной производственной ячейкой, а рабочие места концентрируются главным образом в крупных промышленных предприятиях и в учреждениях (Баранов. С. 18). Независимо от сферы приложения труда, все работающие члены семьи покидают дом на время работы. Исключение составляют лица, занятые надомным трудом, хотя и слабо развитым, но иногда встречающимся, в основном в рамках местной промышленности. В домашних условиях часть своей работы выполняют также некоторые представители интеллигенции.

Эта особенность городских занятий отличает быт горожан от быта сельского населения, у которого связь производства и домашнего хозяйства осуществляется несколько иначе. Ни с чем не соизмеримое для развития семьи значение имеет профессиональная деятельность женщины. Массовое участие женщин в общественном производстве, доступность различных профессий, отсутствие дискриминации в оплате труда несомненно усиливает ее материальную независимость и способствует повышению авторитета в семье жены, матери, хозяйки. Вместе с тем большая занятость на работе и в общественной жизни, в частности ежедневные (кроме выходных дней) длительные отлучки из дома, в сочетании с важными семейными ролями, создают немалые трудности и для самой женщины, и для всей семьи, особенно с воспитанием детей.

Возможно, что с расширением предпринимательства, в том числе и семейного, и индивидуализации трудовой деятельности, а также с разокрупнением некоторых промышленных пред-

приятий, положение, сложившееся в семейном быту горожан, будет меняться.

Сфера производственной жизни народа весьма чувствительна к изменениям, связанным с социально-экономическим переустройством. В ходе урбанизации она теряет этнографическую специфику и оказывает нивелирующее воздействие на быт семьи, что, однако, не означает полной потери им традиционных черт. Существует известная традиционность и в самих занятиях городского населения, особенно в старых промышленных районах (направленность занятий, специализация некоторых производств, преемственность профессиональных традиций, трудовые династии, связанные с историей отдельных предприятий и целых отраслей).

Издавна сложившаяся преемственность профессий, несмотря на благоприятные условия для свободного и широкого выбора занятий, продолжает ощущаться во многих городах и теперь (Анохина, Шмелева, 1977. С. 87—100; Будина, Шмелева, 1989. С. 140—155). Немалая роль в этом принадлежит семье. Именно в семье передаются от старших младшим те или иные профессиональные навыки или интерес к ним, воспитываются привычки к занятиям отцов и дедов, уважительное и даже романтическое к ним отношение, вырабатывается взгляд на «наследственную» профессию как на своего рода социальную ценность. При этом в создавшихся условиях младшие редко просто «повторяют» профессию старших. Как правило, они бывают более образованны и занимают более высокое общественное положение, увеличивая число социально-смешанных семей (Крутянская, Будина, Полищук, Юхнева. С. 83—84; Анохина, Шмелева, 1977. С. 99).

В целом, традиционная родственная преемственность профессий или хотя бы сохранение определенной «верности» тем или иным предприятиям, специальностям, отраслям народного хозяйства благоприятно влияют на жизнь семьи. Расширяя круг общих интересов родных и близких, занятие одним или сходным делом повышает уровень взаимопонимания родственников, цементирует взаимоотношения поколений. Одновременно благодаря

этой преемственности создается, хотя и достаточно широкая, но вместе с тем своего рода замкнутая среда общения, включающая как производственные, так и семейные связи, способствующая отбору и закреплению в быту привычек, обычаев и вкусов, составляющих местную традицию.

Известную долю материальных средств многие городские семьи получают от некоторых дополнительных занятий в домашних условиях. Хозяйственная деятельность горожан в рамках семьи не сводится только к удовлетворению бытовых нужд и самообслуживания. Она включает и некий производящий труд. Это главным образом сельское хозяйство, точнее — земледелие.

Сельскохозяйственные занятия в русских городах складывались на протяжении длительной истории и на различных ее этапах имели свои отличительные особенности. Для большей части населения эти занятия издавна имели подсобное значение (в основном потребительское), но вместе с тем они рано стали ориентироваться на производство товара и для определенных районов у отдельных групп горожан не отличались от других типично городских занятий, способствовавших формированию городского образа жизни (*Рындзюнский*, 1976. С. 119—121). Уже в феодальный период многие города становятся поставщиками сельскохозяйственных продуктов далеко за пределами своей округи (*Рабинович*. Очерки... 1978. С. 59). Во второй половине XIX — начале XX в. в связи с ростом промышленности и местного рынка в городах сложились благоприятные условия для развития сельского хозяйства как промысла. Сравнительно небольшое число предпринимателей «держало» сады и огороды на землях, арендуемых у города или у соседних крестьянских общин, другая же составляла кадры их наемных рабочих. Сады, а особенно огороды на обычных городских усадьбах были невелики, на грядках выращивали лишь самое необходимое для сезонного потребления семьи. Овощи для заготовок на зиму горожане обычно покупали у огородников, ведущих товарное хозяйство. Деятельность городов на сельскохозяйственном поприще сказалась положительно на культуре русского земледелия. Она

способствовала, в частности, выведению новых высокоурожайных сортов фруктов и овощей, получивших широкую известность далеко за пределами «родных» мест.

В настоящее время под сады и огороды горожане используют усадебную землю главным образом там, где имеется индивидуальная застройка, а также загородные земельные участки, до недавнего времени находившиеся в кооперативном землепользовании, а теперь приобретаемые в частную собственность. До сих пор садоводство в наших городах имело в основном любительский подсобный характер, составляя часть домашнего хозяйства семей, независимо от их социальных и профессиональных характеристик.

В сложившихся условиях в городах разного типа наблюдается рост числа любителей сельскохозяйственных занятий. Сказывается, видимо, как усиление тяги горожан к природе по мере дальнейшей урбанизации их жизни, так и стимулирование развития подсобного хозяйства самим обществом в условиях продовольственных затруднений. Не случайно подсобное хозяйство расширяют или вновь заводят люди, в прошлом мало или вовсе не связанные с землей.

Происходит дальнейшее развитие и практической функции подсобного хозяйства. Оно ведется, как правило, рационально. Правда, сложившиеся ранее хозяйственные традиции, направленные на достижение рентабельности «имения» и увеличения материального достатка семьи, до недавнего времени были связаны в основном не с производством товара для продажи, а с удовлетворением основных нужд и любительских запросов семьи в сельскохозяйственных продуктах. Теперь же, с переходом к новым земельным отношениям, тяга горожан к земле еще более увеличится и поведет к повышению товарности хозяйства. Особенно велик спрос на дачные участки, где можно построить летнее жилище. Большая заинтересованность горожан в подсобном хозяйстве определяется не только его сугубо практическим значением, но и той ролью, которую оно играет в поддержании здорового образа жизни, в отдыхе, в общении

с природой, в развитии эстетических сторон быта, в укреплении нравственных устоев семьи (например, через трудовое воспитание детей, семейно-родственную взаимопомощь, межсоседские взаимоотношения на основе общности интересов и т.п.).

В труде на сельскохозяйственном участке обычно бывают заняты все домочадцы. Здесь соблюдается традиционное половозрастное разделение труда в сочетании с достаточно выраженной взаимозаменяемостью в случае необходимости. К хозяйству у горожан преобладает отношение как к общесемейному достоянию. Им гордятся: иметь его считается престижным. В целом, содержание городской семьей подсобного хозяйства способствует семейно-родственному единению и является стабилизирующим фактором.

Одним из характерных процессов в развитии современной городской семьи у русских, как и у большинства народов индустриальных стран, является ее разукрупнение и упрощение по составу (Харчев, Голод, С. 71; Янкова С. 38—39). Предпосылки для господства в русском городе семьи, состоящей преимущественно из супругов и их детей, не вступивших еще в брак, начали складываться уже в эпоху феодализма, хотя у некоторых групп городского населения и имела место тенденция к удержанию в быту, а порою и к возрождению так называемой большой, или неразделенной семьи (Рабинович. Очерки... 1978. С. 80—89). В конце XIX — начале XX в. неразделенные семьи в городах становятся редкостью. Они встречаются в отдельных группах населения в силу специфических особенностей их занятий, хозяйства, мировоззрения (у купцов и ремесленников, имевших свое «дело», у извозчиков, у старообрядцев, у уральских рабочих и подмосковных угольщиков) (Крупянская, Полищук. С. 42—48; Народы Европейской части... С. 473). Увеличение числа простых семей в одно-два поколения, состоящих из супругов с детьми или без них, в большинстве городов было непосредственно связано с ростом промышленности и с формированием рабочих кадров в значительной мере за счет мигрантов из села, которые обзаводились семьей после переселения в город. По-

всеместно среди городского населения, как и в селах, продолжала прочно сохраняться старая традиция, согласно которой один из сыновей (обычно младший) оставался при стариках-родителях.

В настоящее время процесс дробления семьи развивается довольно стремительно, хотя и не одинаково в городах разного типа и в отдельных группах населения. Число трехпоколенных семей, состоящих из родителей и их семейного сына (или дочери), постоянно уменьшается. Основным типом становится простая семья в одно или два поколения, (т.е. с детьми или без детей), которую принято называть нуклеарной. Обращает на себя внимание участвовавшие, по сравнению с прошлым, случаи обособления молодоженов сразу же после свадьбы и распространения обычая снимать для молодых супругов, если у них еще нет своей квартиры, частные комнаты не только при отсутствии в родительском доме жилплощади для них, но и при ее наличии. О существенных структурных изменениях в современной городской семье, о все более быстром уходе из быта русских горожан трехпоколенной семьи, состоящей из супругов, их детей и внуков, говорят и такие факты, как значительное сокращение сроков совместного проживания с родителями их семейных детей и нарушение традиционного порядка, когда младший сын не должен был оставлять родителей. В настоящее время стало не редкостью отделение последнего или единственного ребенка от родителей, которые порою остаются одинокими к старости. Случается даже, что из родительского дома уходят взрослые дети, которые только намереваются в обозримом будущем обзавестись семьей.

Причины столь стремительного развития центробежных сил в семье связаны не только с разногласиями между родителями и детьми (они всегда были) и с неблагоприятным состоянием современных жилищных условий для существования больших семей (они, как видно, не играют решающей роли), но, прежде всего, с изменениями в самом семейном строе, в позициях молодых, выступающих с настойчивой инициативой раздела, и старших, которые идут им навстречу, отступая от издавна

принятого и охраняемого порядка. Раннее обособление молодежи от родителей происходит в настоящее время в подавляющем большинстве без конфликтов, по доброму согласию. Стимулирующим фактором в этом процессе являются особенности формирования городского населения, пополняющегося мигрантами из села и из меньших городов в более крупные. Именно среди приезжих городских жителей разъединительные тенденции в семье развиваются наиболее сильно (*Крупянская, Будина, Полищук, Юхнева*. С. 171; *Шмелева*, 1990. С. 55—56).

Из-за «помолодения» браков и быстрого обзаведения молодоженов детьми выдел взрослых сыновей и дочерей из родительского дома происходит обычно, пока родители еще относительно молоды и ведут активный образ жизни, а потому, за редким исключением, они благосклонно смотрят на него, так как получают возможность освободиться от части домашних работ, связанных с ведением хозяйства большой по размеру семьи, и жить согласно своим вкусам и привычкам. Широко распространено убеждение, что раздельная жизнь близкородственных семей способствует сохранению между ними особенно хороших отношений и укреплению молодой семьи. Все это приводит к известному сглаживанию конфликтных ситуаций в сложных трехпоколенных семьях. В то же время упрощение и уменьшение семей неизбежно осложняет их жизнь, порождая иные, чем прежде, затруднения, особенно в уходе за детьми и с передачей культурных традиций от поколения к поколению. Видимо, поэтому, вместе с развитием тенденции к дроблению городской семьи до ее основного ядра, в настоящее время сильно проявляется и другая тенденция, противоположная первой, но тесно с ней связанная и дополняющая ее. Она заключается в стремлении к укреплению связей между отдельно живущими семьями близких родственников по прямой линии.

В создавшихся условиях новое усиленное развитие получают традиционные формы хозяйственно-материальной и духовной связи между семьями родителей и «отошедших» от них сыновей и дочерей. Большое значение в жизни современных

горожан имеют, например, различные виды семейно-родственной кооперации и взаимопомощи в рамках нужд и возможностей каждой семьи в зависимости от стадии ее развития (зарождающаяся семья, зрелая или затухающая). Настоящая опека старшими молодоженов на первых порах их совместной жизни, покровительственное внимание дедушек и бабушек, сосредоточенное на внуках с самого их появления на свет (участие в материальном обеспечении, уходе, воспитании, социализации), забота младших о бытовом обслуживании старших, объединение усилий близкородственных семей для достижения жизненно важных целей (строительство дома, приобретение автомашины и т.п.), наличие некоторых элементов их общего хозяйства — все это свидетельствует о тесных и содержательных связях, поддерживающихся между нуклеарными семьями и восполняющих внутренние связи, которые свойственны трехпоколенной семье. Старая традиция как бы приспособляется к изменившимся условиям и получает новое развитие.

Духовная жизнь семей обычно протекает также в тесном контакте, хотя каждая из них в силу естественных возрастных различий и интересов придерживается привычных для нее бытовых форм и своего круга общения. Много общего наблюдается у семей в сфере празднично-обрядовой жизни. При этом старшие и младшие семьи выполняют присущие им роли.

Именно таким образом в современных условиях в городской семье поддерживается известное равновесие, обеспечивающее сохранение и даже развитие традиций трехпоколенной семьи, характерной для быта русских. Несомненно, дальнейшим развитием этих традиций является нарушение бытовавшего ранее обычая предпочтения связей родителей с сыновьями, нежели с дочерьми. Теперь проживание в трехпоколенной семье родителей с замужней дочерью встречается столь же часто, как и проживание с женатым сыном. Не выпадают из этого правила и так называемые редуцированные семьи, когда жившие отдельно семейные дети (сын или дочь) съезжаются с родителями

(обычно пожилыми) и образуют новую семью со свойственной ей системой внутренних и внешних связей.

Развитие внутренних связей современной городской семьи происходит в условиях сокращения ее численности и упрощения состава. Основные изменения во взаимоотношениях домочадцев обуславливаются демократизацией семейного строя и устранением остатков авторитарности, сохранившихся от прошлого. Процесс этот сложный и противоречивый.

Авторитарность внутреннего строя была характерна для городской семьи феодального времени, особенно для больших семей купцов и богатых ремесленников, где внушительное имущество или «дело», которым распоряжался глава семьи, составляли прочную основу его власти. Сходные порядки продолжали сохраняться в «крепких» семьях и в XIX в. Глава семьи был блюстителем ранее заведенных обычаев. Ему и в предреволюционное время должны были отдавать свои заработки младшие. Власть в семье, как и в обществе, имела патриархальный характер: предпочтение отдавалось мужчинам и старшим по возрасту. Но развитие семейного строя в целом шло по пути смягчения авторитарности и патриархальности. Власть хозяйина двора над совершеннолетними членами семейства в конце XIX — начале XX в. становилась своего рода пережитком прошлого, хотя она и поддерживалась некоторыми официальными установлениями. Впрочем, как и ранее, стойкость патриархальных традиций, степень авторитарности строя во многом определялись социально-имущественным положением. Характерной чертой семьи на этом этапе продолжало оставаться подчинение интересов ее членов общесемейным интересам, которые олицетворялись в личности главы семьи. Степень же деспотичности порядков зависела от характеров членов семьи и особенно ее главы.

Преодоление старых патриархальных порядков, наблюдающееся в современной городской семье, дальнейшее развитие внутрисемейной кооперации и нарушение строгой регламентации в разделении труда, утверждение равноправных отношений

в целом приводят к гармонизации семейного быта, но одновременно и к возникновению некоторых новых затруднений и негативных черт. Реальная расстановка сил в большинстве современных семей ведет к тому, что важные семейные решения (повседневные и экстраординарные) принимаются не единолично главой семьи, а совместно обоими супругами, с привлечением второй пары супругов, если они проживают совместно с родителями, и очень часто, особенно в двухпоколенной семье, — взрослых незамужних и неженатых детей. Эти решения могут касаться заключения браков, выбора и смены профессии, прекращения или продолжения учебы, крупных приобретений и т.п. Если при этом в семье систематически возникает несогласие, то создается благоприятная почва для развития деструктивных сил. Нежелание членов семьи подчинить свои личные интересы интересам общесемейным в конце концов приводит к тому, что такие семьи распадаются.

Одним из узловых во внутрисемейных отношениях остается вопрос о материальных средствах. Хранение семейной кассы, распоряжение денежными средствами, контроль за их расходами осуществляется в семьях по-разному, в зависимости от состава семьи, возраста ее членов и их трудового вклада. Из всех вариантов бюджета, встречающихся в сложных семьях, наиболее стабилизирующим их устои является, по-видимому, раздельно-смешанный, когда все имеющие доходы складывают деньги в определенной пропорции, оставляя часть своих заработков у себя. Большие покупки с общего согласия делают на специально для этого откладываемые средства.

В большинстве семей, включающих родителей и несемейных детей, если в них нет особых нарушений и соблюдается уважительное отношение между супругами, муж по традиции отдает деньги жене. Но очень часто оба они кладут их в определенное привычное место, откуда каждый с согласия другого берет небольшие суммы на текущие расходы. Нарушение таких отношений, особенно если муж подвержен алкоголизму, приводит к тому, что семейные средства попадают под контроль жены,

что не способствует укреплению семьи. То же самое происходит и при «утаивании» денег на расходы по своему усмотрению.

В неполных семьях с детьми (за редким исключением — материнских) хранительницей денег при взрослых работающих детях по традиции остается мать. Взрослые дети принимают участие в решении семейных дел, связанных с расходами. В молодых семьях, особенно если у них еще нет детей, в последние десятилетия стали встречаться случаи, когда супруги, наряду с общесемейными средствами, имеют отдельные деньги не только на карманные расходы, но и для сбережений. Подобная ситуация, складывающаяся в условиях материальной независимости супругов друг от друга, значительно отличается от традиционного порядка в большинстве трудовых семей в прошлом и настоящем, пока что вряд ли способствует их устойчивости (Шмелева, 1990. С. 4—25).

Решающее значение в определении характера строя семьи приобретает вопрос о главенстве в ней и о положении остальных ее членов.

Представление о сущности главенства в семье у русских горожан в условиях отмирания авторитарных порядков отличается большим разнообразием и заметной расплывчатостью. Отчасти это объясняется большой ролью, которую играют в «управлении» семьей другие ее члены, отчасти зависит от состава и возраста ее членов, от особенностей формирования семьи. Так, в некоторых молодых семьях, не обремененных ни детьми, ни хозяйством, главенство кого-либо из супругов принципиально отрицается, иногда же представление о главенстве отсутствует вообще. Однако в подавляющем большинстве городских семей это традиционное понятие сохраняется. Бывает, что предпочтение при этом отдается по обычаю старшему мужчине, но в целом дело решают личные свойства и склонности социально зрелых членов семьи (инициативность, твердость характера, авторитетность). Главенство же выражается не в проявлении власти над членами семьи, не в распоряжении ими, а все более и более в организации жизни семьи, в устройстве ее быта, в лидерстве при

осуществлении тех или иных планов семейного жизнеустройства. Отсюда порой и возникают семьи, так сказать, двуглавые, в которых оба супруга лидерствуют каждый в своей области (Янкова. С. 109, 112—113).

Демократизация семейного строя неоднозначно сказывается на организации повседневного домашнего быта. Распорядок дня, пищевой режим строятся с учетом интересов всех членов семьи, а не ориентируются главным образом на главу семьи, как это было прежде. Как правило, сроки ухода на работу и прихода с работы составляют основные факторы, которые определяют структуру быта семьи в течение дня и недели. Отсюда происходит часто встречающаяся перестановка привычных трапез на разные часы суток, нарушаются традиционные сроки приготовления пищи, выполнение ряда домашних дел. Особенно осложняется быт там, где кто-либо работает посменно. В таких случаях подчас сокращаются и возможности живого общения между членами семьи. Все домашние обычно стараются встретиться за вечерней едой, днем же едят кому когда удобнее. Таким образом, далеко не всегда соблюдается традиционная трапеза — общесемейный обед, который как бы символизирует единство семьи, семейственность вообще.

В организации домашнего быта забота о детях стоит, пожалуй, на первом месте. В условиях большой занятости женщины в общественной сфере при сокращении численного состава семей и отсутствия бабушек и дедушек обеспечить детям необходимый режим бывает не просто даже и при наличии детских учреждений. Особенно обострен дефицит домашнего присмотра за детьми в городе из-за повышенной уличной опасности и из-за известной общей анонимности жизни. Правда, на помощь семье приходят традиционные связи — прежде всего родственные, но в целом проблема остается до конца не разрешенной.

В распределении материальных благ в семье развивается тенденция к учету запросов всех ее членов, независимо от возраста, положения, заработков. В питании это проявляется в дифференцированном подходе к удовлетворению индивидуальных

нужд и вкусов. В настоящее время в семьях в три поколения, в противоположность недавнему прошлому, редко можно услышать жалобы молодых людей на старших женщин (матерей, свекровей, тещ), готовящих пищу по своему усмотрению и чаще всего на вкус хозяина. Инициативу в приготовлении пищи может проявить любой взрослый и даже подросток.

Новые порядки сложились и в распределении одежды. Прежде всего, всем необходимым обеспечиваются дети. Сильно возросла престижная функция детского костюма. Несомненно это имеет свое положительное значение, но случается, что некоторые родители в своих детоцентристских устремлениях теряют чувство меры и тем самым наносят урон воспитанию, а также отягощают экономику семьи. К гардеробу взрослых детей в семье также относятся очень серьезно. Считается необходимым, чтобы они были у всех «на виду». Регулирование отношений между старшими и младшими братьями и сестрами при этом осуществляют родители согласно степени их авторитетности. Покупки молодежь делает для себя сама, по своему выбору. Даже для подростков родители не могут ничего покупать, не учитывая их вкусов. Пожилые люди стараются обновить свою одежду перед выходом на пенсию. Конфликтов в семье на этой почве почти не бывает.

Изучение городского жилища показывает, что в подавляющем большинстве семей лучшие условия создаются для детей. При ощутимом недостатке жилплощади в распоряжении многих городских семей при распределении ее между домочадцами замечается развитие двух тенденций. Одна из них — выделение общего для всей семьи помещения даже в ущерб интересам отдельных ее членов, предпочитающих иметь «свою» комнату, другая — распределение жилища согласно потребностям не только детей, но и супругов, и старших. В большинстве случаев предпочтение отдается индивидуальным интересам.

Не будет преувеличением сказать, что дела подрастающего поколения находятся в центре внимания всей семьи. Решение вопросов, связанных с учебой, работой, браком, происходит с учетом желания юношей и девушек. Дорогу в жизнь они по

существом выбирают себе сами. Учащаяся и работающая молодежь пользуется уважением старших; к ее советам часто прислушиваются в быту. Вместе с тем бывает, что позиция молодых людей столь усиливается, что вступает в противоречие с общесемейными интересами и делает домашнюю обстановку тягостной.

В области разделения домашнего труда с исчезновением тяжелых специфически мужских работ наблюдается отход от традиционного деления обязанностей на мужские и женские. И в этом достигнуты значительные успехи. В настоящее время в большинстве городских семей стал укрепляться иной порядок, более рациональный в современных условиях. В основу его положен учет личных свойств, способностей и желания членов семьи применительно к конкретным обстоятельствам — что кому лучше удастся, нравится, удобно или кто что вынужден делать. Более всего это свойственно молодым семьям. Старый распорядок домашних работ, большая часть которых падает теперь на женщину — хозяйку и мать, сохраняются в семьях, где занятия мужа связаны с длительными отлучками из дома, с большим напряжением физических сил и т.п., а также там, где еще бытуют отсталые взгляды или имеются нарушения взаимопонимания между супругами.

Можно заметить также, что элементы старого разделения труда обнаруживают большую живучесть в семьях со стариками. Участие женщины в общественном производстве, а мужчины в домашних работах, считавшихся ранее сугубо женскими, приводит к созданию новых семейно-бытовых традиций, отражающих упрочение равноправных отношений между членами семьи. Однако дела по дому, входящие в обязанность женщин вместе с остальной многоролевой ее деятельностью, составляют слишком значительную трудовую нагрузку, что приводит часто к бытовым осложнениям в семье. Преодоление этого сравнительно нового противоречия сопряжено с различными трудностями.

Вряд ли можно представить себе русскую семью без традиционных внешних связей, без привычного круга бытового общения.

Считается, что в процессе урбанизации с расширением разнообразного общественного культурного и бытового обслуживания, которое предоставляется горожанам, у них создается своего рода самодостаточность семьи, происходит известная индивидуализация повседневной домашней жизни. Несомненно, все это оказывает влияние на издавна сложившийся круг связей — сказывается на их составе, содержании, формах проявления, но самоизоляции семьи не происходит (Харчев. С. 116). Замкнутости домашнего быта препятствует множество нитей, связывающих семью в ее жизнедеятельности с обществом. Число этих нитей увеличивается по мере роста культуры и расширения сферы общественной жизни, а широта и содержание их во многом зависят от реальных условий, складывающихся в конкретных семьях в городах разного типа (Шмелева, 1989. С. 63—84).

Первостепенное значение продолжают сохранять традиционные семейно-родственные связи. Они охватывают довольно широкий круг близких по родству и браку как по прямой, так и по боковым линиям, включая братьев (сестер), кузенов, дядьев (теток) и племянников, хотя характер связей между этими группами далеко не одинаков и определяется родственной близостью, возрастом, избирательностью и др. Самые тесные связи, как уже говорилось, наблюдаются между родителями и отделившимися от них детьми. Близкие контакты поддерживаются также между семьями братьев и сестер. Наиболее оживленными и содержательными они бывают при жизни родителей, которые регулируют вопросы взаимопомощи, семейно-родственной кооперации, особенно при наличии элементов общего хозяйствования, психологической поддержки. После смерти родителей часто старшие из братьев и сестер заступают на их место в организации семейных связей между родственниками.

Старшие вообще остаются центром притяжения более молодого семейно-родственного окружения. Они играют большую роль в духовно-нравственных связях современной семьи и как бы соединяют ее с предыдущими поколениями. Эти связи составляют

основу для сохранения и передачи семейных традиций. Посещение родственников-стариков по традиционным для семейного круга дням (по праздникам, именинам или дням рождения) играют роль объединяющего начала и входят в систему ценностных ориентации довольно широкой возрастной группы горожан. Сама помощь, оказываемая безвозмездно, без всякого расчета на «отдачу», старым и немощным оценивается населением не только с точки зрения материальной выгоды, но и со стороны ее морально-этического, духовного содержания и используется обычно для воспитания подрастающего поколения.

Единение родственников характерно и для важных поворотных моментов в жизни семьи — в случае рождения ребенка, смерти или заключения брака. Оно выражается в выполнении традиционных обрядов, в материальной и моральной поддержке друг друга. Опираясь на эту традицию, родственный круг иногда пытается оказать известное давление на молодых людей при решении тех или иных вопросов, касающихся, например, выбора брачного партнера, наречения имени ребенку, характера обрядовых церемоний. Убеждение молодых в правоте старших аргументируется той вполне реальной и достаточно весомой материально-хозяйственной помощью родственников, которая так облегчает молодым семьям начало самостоятельной жизни. Возможно, что в условиях намечающихся перемен в нашей экономике с повышением благосостояния основной массы семей и накоплением в них материальных ценностей, которые можно передавать по наследству, роль традиционных иерархических семейно-родственных взаимоотношений будет повышаться.

Свою роль в быту семьи продолжают играть соседские связи, хотя в городе они никогда не имели такой благоприятной почвы, как в деревне. В настоящее время соседство ценится более всего с точки зрения взаимопомощи в повседневном быту и в экстренных случаях, поскольку родственники, особенно в больших городах, бывают территориально сильно разобщены. Можно сказать даже, что эта функция соседских связей значительно развилась в современных условиях, хотя при этом

и изменилось соотношение различных видов взаимодействия живущих поблизости семей. Теперь ощущается нужда не столько в мелких займах и старинных «помочах», сколько в присмотре в случае необходимости за детьми, за домом, за хозяйством, если оно имеется, в непосредственном общении. На этой основе часто возникает и духовная близость между соседями, приводящая к обмену советами, мнениями и к совместному проведению досуга.

Соседские отношения, особенно среди молодых людей, развиваются по принципу избирательности и перерастают иногда в дружбу, которая обычно сохраняется надолго.

Несколько иную природу имеет функция социального контроля, выполняемая соседями. Она основана не на избирательности связей, а на их обязательности, т.е. на обычае. В соседской среде формируются суждения, касающиеся различных фактов поведения людей в повседневном быту. Эти суждения прямо или косвенно доводятся до сведения заинтересованной личности или семьи. Особая роль отводится соседям в семейных обрядах, имеющих сильно развитую публичную сторону, таких, как свадьба, похороны. В них они выступают в качестве помощников, советчиков, гостей, наблюдателей, исполнителей некоторых обрядов (преграждение пути, ряжение, поздравления на свадьбе, прощание с покойным, поминки при похоронах). При этом соседский контроль бывает направлен на соблюдение традиций, на сохранение их.

На почве родственных и соседских отношений городской семьи в условиях активной миграции в настоящее время наблюдается развитие своеобразных земляческих связей, восходящих к старой традиции. Они особенно характерны для сравнительно недавних выходцев из села, оставивших там не только родных, но и сложившийся круг друзей. Эти связи отличаются относительной устойчивостью на протяжении жизни одного-двух поколений, но с течением времени постепенно ослабевают. Такие связи выражаются во взаимной информации, помощи, выручке. Горожане обычно «курируют» земляков и при устройстве на работу, отдают им предпочтение при выборе приятелей и друзей. Среди бывших односельчан наблюдается бытование традиционных

форм молодежного досуга. В поддержании земляческих связей господствует избирательность, но вместе с тем сказывается и сила обычая.

Значительную часть среды общения городской семьи образуют производственные связи. Они также имеют свои традиции, корни ящиеся глубоко в быту. Эти связи, как и семейно-родственные, отличаются разветвленностью, содержательностью и проявляются в материальной и в эмоционально-нравственной сферах.

Дружеское расположение среди членов одного коллектива, возникающее на почве совместного труда, часто переходит в сферу домашнего быта, где личные контакты преобразуются в семейные. В силу известной преемственности в занятиях и существования на предприятиях трудовых династий значительное число людей оказываются связанными двойными узлами: семейно-родственными и производственно-товарищескими. В повседневном и праздничном быту сотрудники часто разделяют досуг семьи наравне с родными. Они постоянные участники и помощники в чрезвычайных событиях в семье — веселых и грустных. Стали привычными, например, поздравления и поднесение подарков по поводу свадьбы, новоселья, рождения ребенка, участие в торжественных актах, некоторых обрядах. Большую материальную и моральную поддержку трудовой коллектив оказывает семье в случае похорон.

В целом эти связи расширяют круг общения семьи, не вытесняя и не заменяя собой семейно-родственные. Слияние тех и других наблюдается при возникновении избирательно-дружеских связей, которые занимают особое место как среди родственных, так и среди производственных.

Свадебный обряд

Наиболее ранние сведения о русской свадьбе содержатся в летописях, записках иностранцев, посещавших Россию, в дипломатических документах, гражданских и церковных источниках. Начало формирования общеславянской свадебной об-

рядности принято относить к VI—VII вв. н.э., т.е. к периоду, когда патриархальная семья с присущим ей многобрачием (полигамией) переходила к единобрачию (моногамии).

Материалы летописей позволяют предположить, что в древности существовало несколько архаичных форм брака. Автор «Повести временных лет» (XII в.) писал, что поляне «брачные обычаи имяху: не хожаше по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней, что владуче» (ПСРЛ. Т. I. С. 6). Иными словами, поляне пользовались формой «брака-приведения», сочетавшейся с элементами договоренности. У остальных племен брака не было, и они, говорит летописец, «живуще скотьски». Вместе с тем известно, что у древлян, радимичей, вятичей и северян бытовало «умыкание» невест по предварительному сговору: «и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съверщащися». Умыканию предшествовали игрища, пляски и «вся бесовская песни». Похищение невест обычно происходило «у воды», на праздниках в честь богини «женильвы» Лады, которые начинались ранней весной, на Красную горку, и продолжались до середины лета — дня Ивана Купалы. «Повесть временных лет» также отмечает, что радимичи, вятичи и северяне «имяху же по две ино три жены», «си же творяху обычая кривичи и прочие погании, не ведуще закона Божие, но творяще сами себе закон» (ПВЛ. Т. I. С. 14—15). Что же касается «купли жен», известной многим славянским народам, то об этом до сих пор нет единой точки зрения, так как термин «вено» толкуется по-разному. Традиционно русская историко-юридическая литература рассматривает «вено» как плату (сумму выкупа) за невесту. В то же время существуют документы, позволяющие рассматривать «вено» как синоним «приданого», что исключает существование купли («убо муж да възратит жене и вено, аще възят что от нея ино» или «и дасть Корсунь царема за вено»). Эти формы брака, без сомнения, сопровождались определенными обрядами и обычаями, которые отражали религиозные представления народа, социальные и юридические нормы, народное искусство (Кормчая Балашова. Л., 21, 54, 205 об.)

В Древней Руси пережитки племенных брачных обычаев сохранялись довольно долго. Даже в свадебных обрядах XI—XIII вв. «на простых людях» бытовали умыкание, вено, вождение вокруг дуба или ракиты, «плескание водою» (как способы закрепления брака), многоженство.

Христианство, став с конца X — начала XI в. главенствующей религией, оказало большое влияние на формирование свадебного обряда. С этого времени церковные браки постепенно становятся обязательными, и венчание входит в народный свадебный обряд как его составная часть. Правда, этот процесс занял несколько веков, и лишь к XVII в. церкви удалось прочно ввести освященную религией форму брака. Под влиянием христианства постепенно стали исчезать и трансформировались старые обычаи и обряды. Так же постепенно складывались нормы брачного права. В их формировании участвовали две традиции: церковная, опиравшаяся на византийское брачное право, и народная, основывающаяся на старых брачных нормах.

К сожалению, не много известно о древнерусской свадебной обрядности. В русских памятниках, повествующих о событиях X—XIII вв., упоминаются лишь некоторые обряды, например, разувание жениха невестой (вспомним ответ Рогнеды на сватовство князя Владимира — «не хочю розути робичича»). В летописях XI—XIII вв. сохранились известия о княжеских свадьбах. В «Повести временных лет» под 1043 г. описываются отдельные этапы предсвадебного периода, например, предварительный брачный сговор, которому предшествовала своеобразная помолвка, сопровождаемая трапезой, во время которой ели пироги-каравай, кашу и сыр. Разрезание сыра символизировало закрепление помолвки. После этого отказ жениха от невесты считался позорящим невесту, и с него брали штраф — «за сыр гривну, а сором ей три гривны, и а что потеряно, за то ей заплатити...» Во время брачного сговора («ряды») родители договаривались («рядились») о размерах приданого и о дне свадьбы. Но прежде необходимо было получить от жениха и невесты согласие на брак. К концу XIII в. согласие сторон на брак стало закрепляться

в брачном договоре («ряде»), который составляли сваты или родственники после сговора (ПВЛ. Т. I. С. 104; ПСРЛ. Т. IV. С. 52).

В XIV—XV вв. брачный сговор завершался уже церковным обручением, которое подтверждалось грамотой. Есть основания предполагать, что к середине XIII в. древнерусский свадебный обряд был уже достаточно развит, о чем свидетельствует встречающаяся в описаниях свадеб того времени привычная для нас свадебная терминология — *женитьба, замужество, венчание, свадьба, жених, невеста, сваты*, и т.п. Сохранились древние миниатюры и рисунки, на которых изображены свадебные пиры и брачные обряды (Арциховский, 1944. С. 103, 134). Однако вплоть до XV в. нет достаточных сведений, чтобы составить целостное представление о свадебном обряде. Можно лишь предположить, что в XIV в. с образованием русской народности складывается и развивается народный свадебный обряд, который постепенно становится нормой для русских. Вместе с тем этот обряд в разных местностях со временем приобретал свои отличия и особенности, т.е. существовал в разнообразных формах. Начиная с XV в., появляются более подробные описания княжеских свадеб, позволяющие точнее определить основные черты русского свадебного обряда.

Дошедшие до нас описания XVI в. *чинов* царских и княжеских свадеб помогают составить довольно полное представление об обряде, бытовавшем на Руси в то время. Кроме того, становится очевидно, что этот обряд в основном сформировался уже к середине XIV в. В «чине» свадьбы дочери Ивана III с князем В. Холмским, происходившей в 1500 г., указывалось, что все должно совершаться «как велось изстари, при князе великом Симеоне Ивановиче («Гордом», 1340—1353. — *Авт.*), при великом князе Василье Васильевиче, при отце великого князя, а велел быть не поруша ни в чем». Однотипные указания на соблюдение старой традиции — «как истори уряжено», «как прежде велось», «но обычаю», «по старому обычаю» — постоянно встречаются и в описаниях других царских свадеб того времени. Помимо того, что эти данные помогают установить время формирования обряда,

можно увидеть четко выраженное стремление русских государей строго соблюдать древний свадебный чин, которому следовали при заключении брака их предки. Ясно и то, что народный обряд продолжал оставаться обязательной частью бракосочетания, в то время как православная церковь настойчиво внедряла церковный брак, вводила в народный обряд православную символику, атрибуты и элементы ритуала. Изучение «чинов» княжеских свадеб XVI в. (дочери Ивана III с князем В. Холмским, 1500, великого князя Василия Ивановича и Елены Глинской, 1526, князя Андрея, младшего брата Василия, 1533) позволяет утверждать, что к XVI в. уже сложилась терминология русского, свадебного обряда, определилась номенклатура свадебных чинов и их функции, были приняты особая свадебная одежда, пища и атрибутика, определились основные обрядовые этапы свадьбы, существовал свадебный фольклор (Сахаров И. Сказания... 1837. Ч. III, кн. 2)

Особый интерес для характеристики обряда XVI в. представляет «чин свадебный», обычно сопровождающий текст «Домостроя», но не включенный в него. Это, с одной стороны, оригинальный памятник древнерусской литературы, с другой — исторический документ, отражающий взгляды московского правительства времени Избранной рады. Он свидетельствовал о стремлении к упорядочению различных сторон частной жизни народа, к созданию таких форм, которые соответствовали бы народным традициям и вместе с тем отвечали требованиям светской и духовной власти. Скорее всего, такие рекомендации не полностью отражали реально бытовавший свадебный обряд (о чем можно судить из сравнения с описаниями, приводимыми в воспоминаниях иностранцев, посетивших Россию в XV—XVI вв.), но они дают представление о существующих этапах брачного обряда, его атрибутике, составе свадебных чинов. Вместе с тем, они помогают понять соотношение древних традиционных элементов свадебного обряда с обрядами, предписываемыми православной церковью.

Во второй половине XVI — начале XVII в. (как следует из описаний великокняжеских и царских свадеб — свадьба Си-

меона Бекбулатовича (1554), князя Ивана Дмитриевича Бельского (1555), Владимира Андреевича Старицкого (1558), третья и седьмая свадьбы Ивана IV (1572, 1581), первая и вторая свадьбы Михаила Романова (1625, 1626) — народный обряд все еще оставался бытовой нормой. Он по-прежнему содержал множество разнообразных и разновременных элементов. С одной стороны, в нем сохранялось много обычаев с дохристианского времени, с другой — в обряде явно усилились церковные элементы. Так, Михаил Романов уже не стал разбивать после венчания склянку, как это делали его предшественники, молодых чаще стали кропить «святой водой», перед расчесыванием волос и покрыванием невесты протопоп читал специальную молитву и т.п.

Со второй половины XVII в. церковь более настойчиво борется за введение церковного брака и вместе с тем усиливает противодействие народному обряду. Эта тенденция просматривается в описаниях свадебного чина, сделанного приказным посольского приказа Григорием Котошихиным. Он не упоминает некоторые древние магические элементы, известные по более ранним записям и отмечаемые в более позднее время (обсыпание хмелем, растаптывание стеклянного кубка во время венчания и др.). Вместе с тем, отмечает детали, ранее не встречавшиеся в обряде, но связанные с официальной религией (например, родительское благословение). То же направление ощущается в проповедях митрополита Даниила. В них о народном свадебном обряде говорится с осуждением, так как он не соответствует церковному браку. В 1649 г, при царе Алексее Михайловиче был издан указ, объявлявший войну таким «соблазнам», как «бесовские песни», «сказки небылые», всякие «позорища». В официальных документах второй половины XVII в. народный свадебный обряд называли «бесовским действием», «от дьявола научени суще», о котором «странно не токмо реши, но и помыслити» (Акты исторические... 1842. С. 12—124; Буслаев С. 46—47).

Во второй половине XVII в. более резкой стала граница между господствующими классами и народом. Социальное расслоение сказалось и на отношении к старому свадебному обряду.

Этот обряд, ранее распространенный во всех слоях общества, становится в основном привилегией простого народа.

Традиционная русская (крестьянская) свадьба XIX — начала XX в. отличалась красотой и монументальностью, была сложна по композиции и состояла из множества различных по происхождению, характеру и функции элементов. Разнообразие этих элементов связано с региональными и социальными особенностями. В свадебном обряде того времени отчетливо просматривались не только «пространственные» различия, но и «временные» напластования, пережитки разновременных форм брака. В отдельных деталях свадебного обряда можно усмотреть черты группового брака, пережитки «умькания», «купли-продажи» (особенно при сватовстве) и т.д.

В обрядах причудливо переплетались действия, связанные с языческими верованиями и христианской религией. Вплоть до XIX — начала XX в. в свадебном ритуале сохранялись элементы, характерные для сознания человека, воспитанного на анимистических и магических архетипах. К ним можно отнести, например, множество действий, оберегающих участников свадьбы от враждебных сил или направленных на умиротворение предков (своих родовых и домашних духов). Эти действия должны были способствовать благополучию брачующихся, деторождению, приумножению достатка в хозяйстве, приплоду скота и т.д. Во время отправки свадебного поезда (или при благословении) нередко стреляли в воздух, расчищали перед молодыми дорогу веником, обметали свадебный поезд, а в определенные моменты громко кричали и шумели. Желая сохранить невесту от сглаза, оборачивали ее рыболовной сетью, втыкали в ее одежду иголки без ушек, чтобы нечистая сила запуталась в сетях или накололась на иголки. Темные силы можно было еще и обмануть, поэтому в разговорах пользовались иносказаниями, намеками. Во время сватовства, например, с этой же целью изменяли путь, совершали объезды, ехали окольными дорогами, молодые подъезжали не с главного крыльца, а со двора, подменяли невесту и т.д. От порчи и злых духов можно было уберечься с помощью

воздержания от произнесения слов (молчание жениха и невесты), от еды (пост жениха и невесты до венца, запрет есть во время общего пира), избегая «несчастливых» дней и периодов при выборе времени для брака.

Из обрядов продуцирующей магии прежде всего следует указать на те, которые обеспечивали молодым многодетность и богатство. К ним относятся обсыпание молодых зерном или хмелем, сажание на шубу, вывернутую вверх мехом (символ богатства и многодетства), расстилание ее под ноги, угощение яйцами или яичницей, раскидывание по полу соломы или сена, и т.д. Целая группа обрядов была направлена на укрепление связи молодых друг с другом. К ним можно отнести смешение вина из стаканов молодых, совместную еду и питье, изображение пары голубков на свадебном каравае, совместное глядение молодых в зеркало, протягивание нити от дома невесты до дома жениха, угощение жениха пирогом, лежащим за пазухой у невесты, связывание рук жениха и невесты платком, и т.п. Было бы не совсем верно полностью отождествлять содержание древних магических ритуалов и обрядов, бытовавших в XIX — начале XX в., так как многие из них, сохраняя свое место в обряде, постепенно утратили первоначальный смысл, выродившись в суеверия, или приобрели новое значение, например, в качестве игры, развлечения.

Заметное влияние на народный свадебный обряд оказало православие. С ним связаны многочисленные моления с возжиганием свечей и лампад, особое отношение к благословениям, крестам и иконам, к участию в обряде священнослужителей. Христианские сюжеты проникли и в свадебный фольклор. Свадебный обряд сложился как развернутое драматизированное действие, включающее песни, плачи, приговоры и присказки, заговоры, игры и танцы. Многожанровый свадебный фольклор был органичной и в значительной степени организующей частью свадебного ритуала. Он представлял собой одно из наиболее ярких и красочных явлений устной народно-поэтической традиции. Многие свадебные песни по художественной выразительности

можно отнести к поэтическим шедеврам. Поражает их разнообразие и количество (всего известно несколько тысяч текстов). В ряде эпизодов свадебного обряда диалоги между действующими лицами велись в форме причитаний. Невеста с причетами обращалась то к отцу, то к матери, то к братьям и сестрам, то к своим подругам, прося заступиться за нее, не отдавать «в злы-чужии люди», дать ей еще погулять на свободе «хоть одну зиму студеную, хоть одну весну красную, хоть одно лето теплое». Так же в форме причетов невеста прощалась с родным домом, деревней, своим девичьим головным убором и девичьей косой.

Как во всяком драматическом произведении, в свадебном обряде был свой постоянный состав действующих лиц — «чинов», исполнявших определенные традицией роли. Их поведение довольно четко регламентировалось, что не исключало импровизации в рамках заданной роли. Основными, центральными фигурами были жених и невеста. Вокруг них и разворачивалось свадебное действо, хотя сами они чаще всего вели себя пассивно. Невеста должна была выражать покорность и благодарность родителям за то, что они ее «вспоили, вскормили». С момента сватовства до отъезда в церковь невеста горько оплакивала свою девичью жизнь в родительском доме и всячески выражала свое нерасположение к жениху — «чужому чужанину» и его родне — «злым чужим людям». Создаваемый невестой образ в течение свадьбы менялся. Эти изменения имели реальные основания. До отъезда со свадебным поездом к венцу невеста много плакала, ее «горе» достигало эмоциональной кульминации во время девичника и при расставании с родным домом. С момента же отъезда из дома невеста прекращала плакать.

Активными участниками свадьбы были родители жениха и невесты (особенно жениха), ближайшие родственники с обеих сторон, крестные родители, а также сваты, тысяцкий, брат невесты, дружка, девушки-подружки невесты (баярки) и др. Дружка (дружко) — представитель жениха. Его свадебные функции обширны и разнообразны. Он был главным распорядителем на свадьбе (эту функцию он часто делил с *тысяцким*), следил за

Свадебный наряд невесты
(Северное Приуралье,
конец XIX в.)

тем, чтобы обычай соблюдался так, как его понимала община. Он должен был уметь балагурить и веселить участников свадьбы. Постоянная импровизация требовала от дружки ума и находчивости (существовало выражение: «выбирай такого дружку, чтобы загадки разгадывал»). По народным представлениям, дружка был наделен магической силой. По значению в свадьбе и характеру роли близка к дружке сваха. В помощь дружке избирали *поддружье*, в помощь тысяцкому —

старшего боярина и т.д. В южнорусском обряде назначались *каравайницы*, готовившие обрядовый каравай. В некоторых районах (главным образом северных) обязательным персонажем свадьбы был колдун, разделявший с дружкой некоторые магические функции. Кроме того, активными участниками ритуала были родственники с обеих сторон. Они участвовали в свадебном застолье и во многих обрядах, обменивались подарками, одаривали молодых и их родителей и т.п.

Каждый персонаж свадьбы отличался своей одеждой или каким-то дополнительным ритуальным элементом ее. Обычно это были полотенца, ленты, платки, венки, цветы, зеленые ветки. Невеста в дни, предшествующие свадьбе и в дни самой свадьбы, несколько раз меняла одежду и головной убор, что означало перемены в ее состоянии (*сговоренка*, т.е. просватанная, *княгиня молодая* — до венца, *молодуха* после венца и брачной ночи). Жених также именовался *князем молодым* и затем просто *молодым*. Он не менял одежды, но имел свои символы — цветок или букетик на головном уборе или на груди, платок, полотенце на плечах и т.д. В день свадьбы жених и невеста одевались нарядно и, по возможности, во все новое.

При общем сходстве свадебного обряда на всей территории России существовало несколько основных типов и подтипов свадьбы. Это прежде всего южнорусские и средне-севернорусские обряды с четко выраженными и устойчивыми комплексами действий, определенными участниками и разработанным фольклорным циклом. Свообразием отличалась свадьба западных районов, однако присущие ей особенности не дают основания выделять ее в самостоятельный тип. Как подтип севернорусской свадьбы можно рассматривать обряд северо-восточных районов Европейской части России. Несколько подтипов можно выделить у русского населения Сибири. Кроме того, в рамках каждого типа или подтипа имелось большое разнообразие местных вариантов. Это многообразие вариантов определялось особенностями формирования населения конкретной территории, межэтническими контактами, вероисповеданием и многими другими причинами. Пока нет убедительных оснований для определения времени формирования упомянутых типов свадьбы. Можно лишь констатировать, что распространение средне-севернорусской свадьбы по всей известной в XIX—XX вв. территории происходило сравнительно поздно, раньше сформировалась и распространилась южнорусская свадьба. Различались обряды и в зависимости от социальной среды. Богатство и пышность свадьбы обуславливались достатком родителей жениха и невесты, хотя в любом случае традиция требовала праздновать свадьбу широко и богато. Свадьба могла длиться более недели, а могла быть сыграна в 2—3 дня. Ограниченность средств нередко заставляла прибегать к такой своеобразной форме брака как свадьба *убегом*, *самокруткой*, при которой свадебный пир сокращался до минимума. Ритуал зависел и от конкретных бытовых ситуаций. Особыми чертами отличались сиротские свадьбы и свадьбы, когда жених шел *примаком* в дом невесты.

Для крестьянина семья имела исключительное значение. От нее зависело как его экономическое состояние, так и духовно-культурное. Поэтому создание семьи, вступление в брак было одним из наиболее важных событий его жизни. Оно же во многом

определяло поведение и отношения между молодежью. Тема брака постоянно присутствовала и проявлялась в жизни подрастающего поколения, особенно она усиливалась по мере приближения к брачному возрасту. Мальчики приобщались к мужским работам, девочки — к заботам будущей матери и хозяйки. По существу, вся добрачная жизнь девушки была подготовкой к замужеству.

Отношение к дочери в крестьянской среде во многом определялось по пословице: «дочь — чужая добыча, дочь отцу матери не корысть (не кормилица)», она «ключница чужому отцу, ларешница чужой матери». Но все эти соображения, конечно, не влияли на желание родителей лучше выдать дочь замуж и достойно сыграть свадьбу. Поэтому буквально с рождения дочери мать начинала готовить ей приданое («Дочка в колыбельку — приданое в коробею»). Хорошее приданое обеспечивало женщине некоторую имущественную независимость и более престижное положение в семье мужа. Кроме того, размеры приданого и его качество влияли и на общественное мнение. К 16—17 годам девушка считалась невестой. Ее хозяйственные обязанности оставались прежними, но менялось ее поведение, по-другому относились к ней в семье и в деревенском обществе. Девушку-невесту «славили», т.е. старались создать и упрочить за ней лестную, похвальную репутацию. Она имела право одеваться лучше младших сестер, получала большую свободу в поведении. «Гуляй, пока голова не покрыта» (т.е. не замужем), «своя волюшка (девке) у батюшки», «у батюшки (девка) промеж пальчиков, у мужа в руках», — констатировали народные пословицы.

К возрасту невесты девушка владела местным репертуаром хороходных и игровых песен, знала свадебный обряд. Одной из важных и необходимых обязанностей невесты было умение «голосить», т.е. плакать с причетом. К «невестиной голосьбе» она начинала готовиться заранее. Важным моментом в предбрачной обрядности были общественные «смотри» («смотрины») невест. Они помогали найти подходящую невесту не только в своем селе (деревне), но и в соседних, выяснить экономичес-

кое положение ее семьи, узнать о поведении и характере. Родители старались подобрать «ровню» (достоинство крестьянина нередко заставляло отказывать богатому жениху, чтобы их дочь не была в доме мужа служанкой). Смотры устраивали и в весенне-летние гуляния и на святки, обычно приурочивая их к престольным праздникам, на которые съезжались гости из соседних деревень. Нередко смотры проходили на Крещение.

Обычно недели через две или через месяц после смотров мать жениха, взяв с собой сестру или замужнюю дочь, отправлялась сватать ту девушку, которую облюбовала на общественных смотрах.

Важное место в предбрачной жизни молодежи занимали девичьи гадания о замужестве, апогей которых приходился на святки. С заключением брака были связаны и дни святых, особо почитаемых девушками и женщинами как помощников в замужестве, родах и женских работах. Это были: Покров Пресвятой Богородицы (1/X ст.ст.), празднование Казанской иконы Божьей Матери (22/X), день мученицы Параскевы Пятницы (28/X), День Космы и Дамиана (1/XI), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21/XI), дни великомучениц Екатерины (24/XI), Варвары (4/XII), а также Андрея Первозванного (30/XI) и др.

Итак, весь добрачный период был своеобразным университетом деревенской молодежи. За работами и увеселениями шел постоянный процесс передачи трудового и духовного опыта сельского мира. Молодежь усваивала традиционные этические представления и нормы поведения, перенимала фольклор. Незаметно, но постоянно крестьянская община формировала своих будущих членов, готовила их к взрослой семейной и общественной жизни.

По нормам обычного права женитьба сына и выдача замуж дочери были обязанностью родителей или людей, заменяющих их. Они должны были подготовить детей к будущей самостоятельной жизни, позаботиться об их браке и сыграть свадьбу.

К браку сельское общество относилось очень ответственно («идучи на войну, молись, идучи в море вдвое, хочешь жениться, молись втрое»), всячески осуждая тех, кто не вступал в брак

в установленное обычаем время, считая таких людей безнравственными, нарушающими законы крестьянской жизни и обычаи предков («женитьба вещь добрая, она от Бога показана»).

Свадьба — это прежде всего определенный хозяйственный акт, прием в семью, в хозяйство работника и продолжателя рода. Для крестьянина главным в браке была экономическая сторона. Мотивы для вступления в брак по важности можно расположить в такой последовательности: необходимость иметь больше рабочих рук в хозяйстве, боязнь нравственного падения молодежи и любовь. Возраст вступления в брак в большинстве губерний был примерно одинаковым: 18—19 лет для жениха, 16—17 лет для невесты. Иногда невесты бывали старше жениха, «но большей частью в одних годах, разве когда женят солдата или вдовца». Считалось, что жених непременно должен быть старше невесты на два или три года («Невеста родится — жених на коня садится»). Малолетних обычно не засватывали. Как уже говорилось, обычно в большинстве районов России при выдаче дочерей замуж соблюдалась очередь по старшинству, которая нарушалась, если старшая почему-либо отказывалась от брака или являлась «не способной». Засидевшихся девушек, (обычно в возрасте 23—25 лет) считали «перестарками», «вековухами» и женихи их избегали, думая, что они с «пороком». Такое же недоверие и презрение вызывали засидевшиеся в холостых молодые люди (бобыли, «перестарки»). При всем трезвом подходе к выбору невесты и жениха в народе существовало убеждение, что «суженого и конем не объедешь», и что «всякая невеста для своего жениха родится».

Первые браки обычно заключались с соблюдением всех обычаев и обрядов свадебного ритуала. Так же праздновались свадьбы вдовых мужчин с девушками, ранее не состоявшими в браке. Браки же вдовых и холостых мужчин с вдовами не сопровождалась свадебными обрядами.

Воля родителей играла важную роль при выборе невесты и жениха. К концу XIX — началу XX в. с ростом в деревнях отходничества характерной и достаточно распространенной была ситуация, когда родители, не спросясь сына, находящегося на

стороне, готовили к его возвращению невесту. Так же не всегда спрашивали согласия девушки на вступление в брак. В случае противодействия со стороны детей, родители нередко прибегали к принуждению и угрозам. Как правило, отказов при обряде венчания в церкви не было, так как воля родителей почиталась. Конечно, так было не всегда и не везде. Часто молодым людям предоставлялась свобода выбора, и согласие жениха и невесты играло весьма важную роль. Бывали случаи, что парни вступали в брак и не спросив разрешения у родителей, но со стороны девушек такого почти не было, так как они находились в большей материальной зависимости от родителей. Случаев принуждения к браку крестьянским обществом неизвестно. Браки без разрешения родителей всегда вызывали долгие толки в среде крестьян как явление исключительное. По глубокому убеждению православных крестьян браки, заключенные без согласия родителей, «противозаконные и в большинстве случаев кончаются для сторон несчастливо».

Сироты вступали в брак с согласия большака или большухи в доме. При заключении брака круглых сирот посаженно-го отца и посаженную мать выбирали из родственников, а если не было родственников, то из чужих. При отсутствии крестного отца или матери, выбирали посаженного отца крестного и посаженную мать крестную. После брака между посаженными родителями и детьми никаких особых отношений не устанавливалось (Тверская губерния).

Время для свадеб у русских определялось земледельческим календарем — обычно свадьбы играли в свободный от сельскохозяйственных работ период («лошадям легче и людям приятнее»). Существенное значение имел и церковный календарь, так как в посты свадьбы «не играли». Большинство браков приходилось на осень, от Покрова (1 октября ст.ст.) и до Филиппова заговенья (14 ноября), а также на зиму — от Крещенья до Масленицы. В эти периоды браки шли «грудно», «кучно» и были богаче (Ярославская губерния). К свадьбам, праздновавшимся в весенние и летние месяцы, относились с предубеждени-

ем. Считалось, что играть свадьбы в мае «боязно», потому что «молодые будут маяться всю жизнь» (Владимирская губерния). Кроме того, для семьи невесты были невыгодно отдавать работницу, прокормив ее целую зиму. И все же весной и летом браки совершались, правда, гораздо реже — обычно женился многодетный вдовец, чтобы получить в дом хозяйку и мать детям, или срочно выходила замуж девушка из-за нравственного падения. Такие свадьбы праздновались скромно (Тверская губерния).

В некоторых местах (например, в Ярославской и Владимирской губерниях) все же сохранялась древняя традиция играть свадьбы весной, на Красную горку, после Пасхи. В Калязинском уезде у казенных крестьян, принадлежащих городу и Троице-Сергиевой Лавре, и у временно обязанных, бывших крепостных, свадьбы игрались исключительно весной и совпадали со временем гуляний.

Традиционный русский свадебный цикл как бы разделялся на три основных периода: предсвадебный, собственно свадьбу и послесвадебный. Первый период начинался негласным семейным советом — «сходом» в доме жениха. В нем участвовали родители и ближайшие родственники жениха, в отдельных случаях приглашали особо уважаемых односельчан или соседей. Жених, как правило, в сходе участия не принимал. На сходе обсуждали имущественное положение родителей невесты, ее поведение и здоровье, родословную — нет ли у нее родства с женихом, трудолюбива ли ее семья, не было ли в родстве пьяниц или непутевых. («Выбирай корову по рогам, а девку по родам» (по родителям), «жену выбирай не глазами, а ушами» (по доброй славе) — советовали пословицы), разбирали личные качества невесты, ее умение вести хозяйство, способность к женскому рукоделию. Особое внимание уделяли таким чертам характера, как кротость, послушность, уважительность, от которых зависели добрые отношения в семье («Бери жену, чтоб не каяться, жить в любви да не маяться»). К помощи сходов — советов прибегали и в тех случаях, когда приходилось брать невесту из зажиточного дома или из бедного, круглую сироту, а также вы-

давать в чужую деревню или женить рекрута. Обычно крестьяне из чувства собственного достоинства старались взять равню («руби дерево по себе»), считая, что «лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться». Нередко уже на этих советах определяли свадебные расходы, решали какую сумму денег отдать за невесту, прикидывали размер ее приданого. В конце XIX — начале XX в. семейные советы, хотя и имели уже только совещательное значение, но все же оказывали большое влияние на окончательное решение. Их деятельность красноречиво свидетельствовала о том, каким важным и ответственным событием была предстоящая свадьба не только для двух семей, но и для всех родственников жениха и невесты и для деревенского общества.

Начальный период свадьбы состоял из *сватовства*, *сговора* (это название могли носить и акт, выражающий согласие на брак, и акт, завершающий предсвадебный период), *осмотра хозяйства жениха*, *смотрин невесты*, *богомолья*, *рукобитья* и *запоя*. Каждый из этих этапов в разных местах имел свои названия. Эти основные акты в разных губерниях и уездах прихотливо сочетались между собой и выстраивались в определенной последовательности. В соответствии с местной традицией они могли меняться местами или несколько актов объединялись в одном. Однако часто для каждого акта отводился особый день, хотя это требовало больших материальных затрат. Так же затейливо группировались более мелкие эпизоды этих актов. В конечном итоге все эти действия сводились к получению согласия на брак, выяснению экономических отношений между двумя семьями и, так сказать, обрядовому и юридическому (по обычному праву) оформлению переговоров, а многочисленные *сидения* (застолья) и взаимные гостевания способствовали знакомству сторон, привыканию невесты и жениха к своему новому положению.

Существовало несколько способов сватовства. Но сначала должна быть одобрена невеста. Затем родители жениха приступали к выбору свата или свахи. Выбор сватов был ответственным делом. Говорили: «выбирай не невесту, а сваху». Обычно ими

были духовные родители жениха — крестный отец или мать. Или же кто-нибудь из родственников — дядя, тетка, женатый брат или сестра, старший зять. Иногда сватом становился отец жениха или в роли сватов выступали оба родителя. Но более почетным считалось посылать кого-нибудь из односельчан, обладающих красноречием («шустрых на язык»), или *сватунюю* (Ярославская губерния) — ловкую, бойкую бабу, известную своим краснбайством и умением устраивать свадебные дела. («Люди хвастают, не перелезишь, сват схвастает, на коне не перескочишь», «чужую сторону никто против свахи не похвалит»). С этого момента в некоторых губерниях они получали специальные названия, например, *сват-сходатай* и *сваха-сходатка* (Тульская губерния), *ходок* или *ходычица* (Ярославская губерния).

В монастырских селах и в городах прибегали к помощи профессиональных свих. Сватовство сопровождалось особыми магическими действиями. Для сватовства выбирали *легкие* дни недели — воскресенье, вторник, четверг и субботу, избегая постных дней — понедельника, среды и пятницы. Наиболее подходящим временем суток считались вечер и даже ночь, но сватали и днем. Обычно время выхода сватов и путь, по которому они ехали, держали в тайне. Чтобы быть незамеченными, выезжали «через зады» (задний двор и огороды) и ехали не прямо, а с объездами. Сватов редко спрашивали, куда они едут, да они бы и не ответили (Зорин Н.В. С. 69). Приход сватов в дом невесты обставлялся множеством магических действий. Совершив необходимые действия, помолясь Богу и поздоровавшись с хозяевами, сваты приступали к переговорам. Иногда они прямо говорили о цели своего прихода. Но чаще сваты пользовались традиционными иносказательными формулами типа: «у вас товар — у нас купец», «у вас курочка — у нас петушок, нельзя ли их загнать в один хлевушок» и т.п. Иногда они представлялись охотниками, которые идут по следу зверя (куницы, лисицы), рыбаками или людьми, ищущими потерявшуюся телку. Родители невесты просили сватов садиться, благодарили за честь и угощали их чаем или вином. Сваты расхваливали жениха и старались

побольше узнать о невесте. Если жених был известен родителям и устраивал их, то они давали согласие на дальнейшие переговоры. Если же жених не был известен, то сватов просили прийти еще раз, чтобы расспросить о нем. Сразу отдать дочь считалось неприличным. Бытовало представление, что «худой жених хорошему дорогу укажет» (Тверская губерния), т.е. что, услышав о сватовстве, может посвататься и жених получше, поэтому приезду сватов были всегда рады.

Посещение сватов повторялось два-три раза, а иногда и более. Объясняли это тем, что «важные дела быстро не делаются» (Пермская губерния), «женитьба — вечное дело, не часовое». Первое посещение рассматривалось как «разведка». Это было «предварительное сватовство», «неофициальное», «с отказом». Сват или сваха играли как бы роль связного. Все переговоры на первом этапе шли через них. Если дело удавалось сладить, сват получал приглашение: «хлеб-соль берем, а вас пировать зовем» или «хлеб-соль примаем, а вас под образа сажаем», родители жениха отправлялись в дом невесты как бы на официальное сватовство. Это посещение имело много названий: *поглядки* (Смоленская губерния), *магарыч запивать, лады* (Тверская губерния), *запивать* или *поладить* (Тульская губерния), *смотриньы* (Ярославская, Владимирская губернии), *сиденье* (Ярославская губерния).

Нередко при этом посещении менялся состав участников, иногда даже избирали других свата и сваху, случалось так, что вместе с родителями ехал и сам жених. После того как согласие на замужество дочери было дано, переходили к обсуждению и составлению брачного договора. Сваты расспрашивали о приданом, решали сколько надо уплатить денег за переход невесты в другое деревенское общество, обсуждали размер неустойки в случае разлада. Во время этих переговоров определялась величина *кладки* (*клажи* — Тульская губерния), т.е. количество денег, даваемых родными жениха на покупку нарядов (*покрасы* — Тульская губерния) для невесты и на свадебные расходы. Эти деньги в различных губерниях назывались по-разному: *вывод, выводные*

деньги (Тульская губерния), *наблюдное* или *на сороку*, *поклуш* (Калужская губерния), *выкуп* (Рязанская губерния), *на серьги* (Владимирская губерния). Четко определялись время и условия их выплаты. Выговаривались *дары* с обеих сторон. Обсуждали даже объем работы молодой в доме мужа в первый год замужества. Уславливались о количестве гостей с обеих сторон и т.д. Все эти вопросы, как правило, начинали обсуждать еще до сватовства, на семейных советах, более определенно они ставились во время сватовства, но окончательное решение обычно растягивалось почти на весь предсвадебный период.

Представления о размерах и составе приданого различались в разных регионах России. Обычно под приданым разумелось личное имущество невесты, состоящее из одежды и обуви. Его называли *сундуком* или *коробьем*. Помимо приданого, состоящего из вещей и скота, бывало *награждение* или *наделок*. Награждением называлась денежная помощь вступающим в брак от родителей жениха и невесты в том случае, если молодые собираются жить отдельной семьей, отдельным хозяйством. *Наделкам* именовали землю, которую давали жениху и невесте их родители, оформляя при этом *дарственную запись*. Приданое не составляло общего имущества семье, а было личной собственностью молодой, которая распоряжалась им по своему усмотрению. Если за молодой давали денежное награждение, то и оно составляло ее собственность, которой муж не имел права пользоваться, разве только с согласия жены. В случае смерти жены, приданое передавалось детям, если не было детей — возвращалось ее родным. Если свадьба расстраивалась (*расходилась*), то убытки платила та сторона, которая была в этом виновна. Затраты на свадьбу четко распределялись между обеими сторонами, причем сторона жениха брала на себя большую часть расходов, как бы возмещающая потерю рабочих рук в доме невесты. Сосватанная невеста в знак согласия на брак передавала жениху *залог*, обычно это был платок. Залогу придавали особую правовую силу. Благополучный исход сватовства обычно широко обнародовался. Спешили поскорее оповестить об этом

не только семью жениха, но и всех односельчан. Ходили по селу с шумом и песнями, на юге России принято было бить при этом в косу или печную заслонку. В Среднем Поволжье сваха получала краюшку хлеба, завернутого в лучший платок, и несла его через всю деревню в поднятой вверх правой руке, оповещая односельчан о предстоящей свадьбе.

Через два-три дня после высказанного обеими сторонами согласия породниться, но еще до окончательного решения, родители и родственники невесты осматривали хозяйство жениха. От того, насколько оно понравится, зависело продолжение или прекращение «дела». Если осмотр хозяйства жениха завершился благополучно, то через несколько дней «сторону» жениха приглашали на смотрины невесты. Обычно приезжали жених, его родители, ближайшие родственники, сваха, а иногда весь будущий свадебный «поезд» жениха. Случалось, что именно на смотринах жених впервые видел свою суженую и мог поговорить с ней. Невеста на смотринах показывалась во всех своих платьях. Нередко помимо демонстрации внешних данных невесты устраивали испытание ее трудовых навыков — заставляли прясть, шить, исполнять разные работы.

На этом этапе предсвадебных приготовлений невеста также имела право отказаться от жениха. В таких случаях она, уйдя в чулан, начинала сбрасывать с себя наряды, что означало отказ. Чаще всего смотрины заканчивались пиром, на который жених привозил водку и другие хмельные напитки, а родители невесты выставляли угощение. На пиру, да и во время всего просватанья (рукобителья, богомолья, пропоя и т.д.) исполнялось много песен, в поэтических образах отражавших содержание этих обрядовых моментов. После пира подружки невесты провожали жениха до дома. Он приглашал их к себе и щедро угощал.

Заключительным этапом первых переговоров был сговор. Обычно он происходил в доме невесты через 2—3 дня после смотрины. Сговор не был простой обрядовой формальностью, на нем заканчивали обсуждение приданого, уточняли, кому какие дарить подарки, окончательно обговаривали число гостей с обеих

сторон, устанавливали, кто и сколько дает средств на застолье, назначали день свадьбы и других предсвадебных церемоний — рукобитья, богомолья и пропоя («большого пропоя»), если они не происходили одновременно со сговором. Невеста после сговора называлась *сговоренка*.

Успешные переговоры на сговоре заканчивались, как правило, *рукобитьем*. Отец жениха и отец невесты, как при торговых сделках в крестьянском быту, подавали друг другу руки, обернутые в платки или в полы кафтана. Акт рукобитья подкреплялся и словесно. Обнявшись, отцы жениха и невесты называли друг друга «любезным нарицательным сватом». После рукобитья и пира, который нередко продолжался всю ночь, утром отворяли ворота, чтобы каждый желающий мог зайти посмотреть жениха и невесту.

Богомолью придавалось особое значение — «Богу помолились, значит дело сватовства закончено» («Как под крестом (благословенным), так и под венцом»). Нередко после благословения жених и невеста трижды целовались и обменивались кольцами — обручались. В некоторых местностях весь обряд богомоления с обручением назывался *обрученьем*. В народе говорили: «Просватанная, что проданная, обрученная, что подаренная». Достигнутое на сговоре согласие сторон обычно заканчивалось совместным пиршеством — *запоем* (*пропоем* и т.д.). *Пропоем* нередко называли так же последний предсвадебный вечер у невесты накануне свадьбы. Существовало выражение *заливать невесту*, т.е. окончательно просватать. Говорили — *пропитая-залитая*. Как правило, невеста не присутствовала за столом, а находилась (иногда вместе с женихом) в чулане или другом помещении. После взаимного угощения сторон невесту вызывали к гостям (как на смотринах), и она вместе с матерью подносила присутствующим дары и угощала их вином. Дарами обычно были собственные изделия — платки, рубахи, перчатки, кисты и полотенца (по состоянию семьи). Свои подарки невеста подносила на блюде, кланяясь земным поклоном, а получившие подарок отдаривали ее деньгами и целовали. Так же подносил

свои подарки и угощал вином жених. Во время раздачи даров невеста причитала: «Не пропивай, кормилец батюшко...» Ей помогали подруги, присутствующие на пропое. После одаривания невеста и жених уходили в отдельную комнату и там ужинали.

После запоя отказ от вступления в брак рассматривался как нарушение сговора, за которое по народному поверью, жениха и невесту всю жизнь будут преследовать несчастья (Ярославская губерния). Отказавшийся должен был возместить свадебные издержки и заплатить некоторую сумму за нанесенное бесчестье. В случае отказа волостные суды на основании обычного права могли взыскать убытки.

После сговора начинался период подготовки к свадьбе. Он мог длиться от одной-трех недель до месяца и более. Бывало, что рукобיתье или обручение происходили за год до свадьбы. Это делали для того, чтобы не упустить хорошую невесту. У *сговоренки*, как правило, резко менялся образ жизни и внешний вид. На Русском Севере она, во избежании порчи, почти не выходила из дома («сидела в невестах»), передвигалась лишь с помощью и в сопровождении подруг, которые не покидали ее даже ночью. Сговоренка оставляла дом только для того, чтобы навестить родственников и пригласить их на свадьбу, а также, чтобы попрощаться со своим девичьим окружением — *белым светом*, деревней, односельчанами и т.д. Ее полностью отстраняли от домашних дел, она становилась гостьей в своем доме. Во многих местах сговоренка одевалась в «платье похуже» — *печальное* (траурное), низко подвязывалась платком, не расчесывала волосы. Она почти переставала говорить и изъяснялась или с помощью причитаний (Русский Север) или жестами и «языком вещей» и поз (южные районы России). За невесту и жениха почти на всем протяжении свадебного обряда, начиная со сватовства, говорили доверенные лица — сваты, родители, дружки и т.д.

Жених, в отличие от невесты, в этот период не сидел дома. Он ежедневно (в большинстве районов) проводывал невесту. Просватанная девушка занималась подготовкой приданого и

Свадебные ритуалы:

- а) помолвка
 (гравюра Н. Шаховского),
 б) вывоз приданого невесты
 (Владимирская губерния,
 1900 г. РЭМ)

даров. Ей помогали подруги, считалось, «кто на невесту шьет — помолодеет». Часто невеста сама готовила для жениха венчальную одежду. В некоторых селах Калужской губернии в последнюю неделю перед свадьбой невеста *кручинилась*. Она не носила красное, надевала *кручинный* наряд (сарафан из кубовой китайки, холщевая белая рубашка, белый фартук, *кручинный* белый платочек), песни не пела, на улицу не выходила. В воскресенье невеста готовила подругам обед: пекла пироги с горохом, варила молочную кашу. Отобедав, девушки опять принимались за шитье и сидели до вечера. Если жених был из одной деревни с невестой,

то через брата невесты он просил ее (так требовал этикет), чтобы девушки долго не сидели и много не шили. Это значило, что «жених жалеет невесту, не велит неволиться». Если свадьбу устраивали в воскресенье, то сотворника невеста начинала по вечерам выть, сидя в сенцах на скамейке у «надворней» двери, держась за скобу, чтобы подруги не отрывали ее от причета и дали ей вдоволь наплакаться. Невеста-сирота причитала, обращаясь к покойным родителям. Считалось, чем невеста больше плачет, тем легче ей будет жить в семье мужа: «Не навоеешься за столом, так нареवेशься за столбом» или — «День плакать, а век радоваться».

В деревнях, близких к городам, и в небольших городах предсвадебная неделя, напротив, проходила в радости и в веселых вечеринках. Невеста встречалась с женихом, устраивали *побывашки с гостинцами*. Жених приносил ей лакомства, гостинцы и подарки. В Ярославской губернии посещения жениха назывались *поездки на поцелуи*, а в Обско-Иртышском междуречье — *сборная* (невестина).

В некоторых местах существовал обычай *прикармливать* жениха и невесту (возможно имевший в своей основе соединительную магию). Будущая свекровь приходила в гости к невесте и приносила сдобный колобок (лепешку) и два яйца.

К свадьбе резали баранов, подвинков, телят, делали брагу, варили пиво, заготовливали водку, пекли пироги. Убирали и приводили в порядок дом, подновляли лошадиную упряжь и повозки. Невеста, получив от жениха выговоренные деньги, отправлялась вместе с родителями в ближайший город за покупками к свадьбе. Отцы жениха и невесты сговаривались со священником о венчании и дне свадьбы. Накануне венчания или за 2—3 дня до него невеста-сирота приезжала в приходскую церковь, чтобы отслужить молебен и панихиду по умершим родителям. После богомолья просила благословения у священника, кланялась ему в ноги, причитая. Затем, поддерживаемая крестной матерью, она шла на могилу родителей, где продолжались причеты.

Почти повсеместно последний день перед свадьбой именовался *девичником*. Однако девичником мог называться и весь период подготовки к свадьбе. Последнему дню перед свадьбой придавалось особое значение, он являлся таким же узловым моментом свадебного обряда как и просватанье (сговор, пропой). Но если на просватанье преобладали главным образом деловые, как бы договорно-юридические вопросы, то канун свадьбы имел психологически иное содержание — невеста порывала со своей девичьей жизнью, свободой и своим родом. Разные этапы последнего дня носили названия совершаемых обрядов и действия: *баня, столы, большое вино, сладкий стол* и т.д. «Навечерие брака» могло называться: *пропоем, пропойным днем* (Тульская, Калужская губернии), *прощальным ужином, последним столом, последним вечером, сговором, посидой, девичьим пиром* (Ярославская губерния), *обрученьем* (Пермская губерния) и т.д. Но чаще всего события последнего вечера объединялись под одним названием — *девичник* или *вечеруха*.

Как правило девичник состоял из целого комплекса обрядовых действий: изготовление *красоты (воли)*, расплетание косы, мытье в бане, прощание с красотой и передача ее подругам, жениху или другим лицам, угощение участников обряда женихом. Нередко отдельные обрядовые действия выделялись в самостоятельные и не включались в девичник. *Красота (воля)* была символом девушки, она связывала ее с прежней жизнью. Обычно *красота* выражалась в каком-то предметном символе. Им могли быть кудель, деревце (елка, сосенка, березка и т.д.), лента-косоплетка, венок, платок, повязка и т.д. Для центральных и северных областей России более характерны деревца, ленты, кудели, для южных областей (как и для Украины) — венок, гильце (украшенная ветка), повязка. В одних местах красоту невеста передавала своей лучшей подруге (подругам) или младшей сестре, в других ее уничтожали, разрывали на части или делили между собой подруги невесты. Как правило, расставание с красотой сопровождалось расплетанием или символическим обрезанием косы и выкупом ее женихом. Косу расплетали или

накануне или утром в день свадьбы. Это исполнял кто-либо из родни невесты. Все действия сопровождалось причитаниями невесты. Кульминацией обряда было выплетение ленты, которую невеста отдавала подругам. С этого момента невеста ходила с распущенными волосами.

В севернорусских и центральных районах, в Среднем и Верхнем Поволжье расплетение косы совмещалось с обрядовой баней невесты. Обычно баню (парушу, мыльню) готовили подружки или родственники невесты. Это приготовление разворачивалось в целое ритуальное действие, о котором нередко рассказывалось в причитаниях. Перед отправкой в баню невеста просила благословения у родителей, после чего подружки с причетами вели ее в баню. В некоторых местах к ним присоединялся колдун, совершавший над невестой в бане магические действия. Невесту мыли мылом и парили веником, которые прислал жених. «Баенные» причитания нередко сменялись песнями эротического содержания. Судя по причитаниям, мытье в бане отождествлялось с потерей красоты, что давало основание некоторым ученым видеть в баенном обряде символическую потерю невестой целомудрия.

В комплекс обрядовых действий девичника входила также «продажа косы». Продавал косу невесты чаще всего ее брат или, если его не было, мальчик — один из родственников. Назывался этот свадебный чин *косником*. Покупателями были представители партии жениха. Торг носил символический характер. Он начинался с огромных сумм, а заканчивался копейками. В ходе этого обряда жених одаривал подруг невесты гостинцами.

В некоторых местностях в последний предсвадебный день в доме жениха устраивали *молодешник*, на котором жених прощался со своими товарищами и с холостой жизнью. На молодешник приглашали родных и друзей. Во время застолья женщины пели свадебные песни. В этот же вечер родню жениха (*овощниц*) отправляли с подарками в дом невесты. Если жених ехал сам, его сборы сопровождалось особыми ритуалами

и наставлениями. Жениха наряжали, наделяли деньгами, благословляли и с почестями отпускали к невесте (в ряде мест обряд благословения и одевания жениха происходил утром в день свадьбы). Перед тем как отправить жениха, сваха надевала вывернутую шубу, брала смесь хмеля и овса и ходила по двору, бросая хмель и овес на лошадей и людей. За ней шел сват и поливал брагой лошадей, стараясь при этом огреть сваху кнутом. Все это делалось, чтобы отпугнуть враждебные силы от отъезжающих. По окончании этих действий *поезжане*, стоя, с большой скоростью выезжали со двора. Вслед за женихом уезжали и его гости.

Невесту, как и жениха, часто одевала крестная мать. При одевании присутствовали все подружки и пели ей свадебные песни. Нарядившись, невеста умывалась водкой («вином») и садилась с подругами ждать жениха. Она угощала подруг орехами, подсолнухами, дешевыми пряниками и леденцами. Вскоре (к часам 9—10 вечера) приезжали сваты. В состав поезжан могли входить: жених со своими родными (кроме отца и матери), дружкой и свахой; жених с отцом, дружкой и сватами; целый поезд жениха (два дружки, крестный отец мать и близкие родственники). Мать жениха обычно не ездила к невесте, она оставалась дома и готовилась к встрече молодых. Характер встречи в доме невесты был разным — мог быть доброжелательным, при котором компания жениха беспрепятственно проходила в дом невесты. У ворот поезд жениха выходил встречать отец невесты с несколькими родственниками, а на пороге избы девушки величали приехавших песней.

Несмотря на доброжелательный прием, нередко старший дружок жениха совершал особые магические действия, чтобы обезопасить своих от порчи. Когда поезд останавливался у ворот невесты, дружок первым выходил из саней и расчищал дорогу, у дверей он останавливался и бил кнутовищем сначала по верхней притолке, потом по нижней, а затем по боковым, изобразив таким образом крест. После этого дружок входил в избу и, помолившись Богу, кланялся всем присутствующим. Нередко он заводил иносказательный разговор: «Здравствуйте, господа

сватушки, мы люди приезжие и дальние, ехали ночью, сбились с дороги, долго блудили, да спасибо, увидали по снегу след зверушки, по этому следу мы жильё отыскали да к вам невзначай попали; не пустите ли вы переночевать странников?» (Калужская губерния).

Иногда поезд жениха ожидал менее гостеприимный прием. Приехавшие оказывались перед закрытыми воротами. Сваты стучали дубинкой в ворота, но родня невесты их не пускала. Начинались переговоры. Дружко подходил под окно и просился переночевать. Как правило переговоры шли в иносказательной форме. В ответ на требование выкупа дружко давал пирог, вино или деньги. В некоторых местах жениху загадывали загадки. После того, как сваты входили в дом, а братья невесты выпрягали лошадей, все собирались в доме и молились. Отец невесты приглашал приехавших за стол. Обычно, прежде чем сесть, дружко должен был выкупить место за столом для своей компании. В Ростовском уезде Ярославской губернии на *последний стол* (девичник) жених привозил невесте подвенечное платье и корзину с туалетными принадлежностями, а ее подругам дарил ленты и большой пряник (*пряницу*) (Ростовский уезд, Ярославская губерния). По окончании стола, перед уходом жениха, невесту прятали. Жених искал ее среди подруг, ему подсовывали разных старух, пока он не давал подругам выкуп. После этого начинался собственно девичий пир, на котором невеста сидела покрытая платком и причитала о прошлом и будущем житье-бытье. Если сама невеста не умела причитать, ее заменяла подруга, сидящая рядом. После пира невеста раздавала всем подарки и по куску пряника.

Как уже говорилось, в предсвадебный период почти повсеместно пекли специальный обрядовый хлеб — *каравай, челпан, банник, курник, рыбный пирог*. В русской свадьбе хлеб олицетворял жизнь, достаток, благополучие и счастливую долю. Приготовление свадебного хлеба и его раздача занимали важное место в свадебном обряде. У русских на юге, как и у белорусов и украинцев, приготовление свадебного каравая превращалось

Персонажи и атрибуты современной свадьбы:

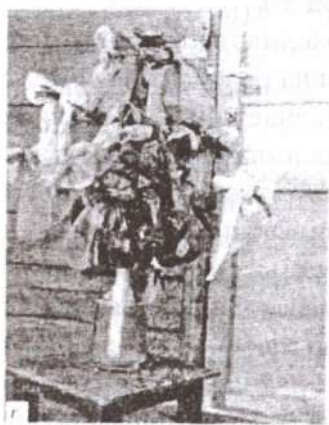
а) *дружка* (с. Юм, Пермская область, 1980-е годы),

б) *свашка* (с. Афанасьевка, Белгородская область)

в пышный обряд. Обычно каравай пекли за два-три дня до свадьбы или накануне венчания одновременно в доме жениха и невесты, но каравай невесты выпекали с особыми церемониями. Выполняли их так называемые *каравайницы* — молодые замужние женщины. Продукты для каравая они, как правило, приносили с собой, южнорусский каравай делали большим и сдобным, обычно круглой формы. Его украшали фигурами из теста, изображающими солнце, звезды, месяц, зверей и птиц, скрещенные руки и т.д. В готовый каравай втыкали ветки, украшали его букетами цветов и лентами. Выпечка каравая сопровождалась исполнением специальных («каравайных») песен.

День свадьбы был кульминацией всего свадебного действия. В этот день в домах жениха и невесты совершались ритуалы,

Персонажи и атрибуты современной свадьбы:

- в) свидетельница с *елочкой*,
- г) *елочка* (Кологрив, Костромская область, 1983 г.)

подготавливавшие их к бракосочетанию и выразившие согласие и благословение семьи и общества на этот брак. После венчания, уже в доме новобрачных, исполнялись обряды, приобщающие молодую к новому хозяйству и к положению замужней женщины. В обрядовом цикле свадебного дня отчетливо проявились специфические черты разных типов свадьбы (см. выше об этом). Так, для южнорусской свадьбы была характерна двухэтапность. В день свадьбы перед венчанием жених и его компания приезжали в дом невесты и вместе с ней (водних санях или раздельно) ехали в церковь. После венчания каждый возвращался в свой дом. Но вечером того же дня жених снова ехал к невесте. В доме невесты совершался постельный обряд. После сообщения, что молодые стали мужем и женой, родственников молодой приглашали в дом родителей молодого, где про-

исходило общее застолье и веселье, сопровождавшееся песнями и плясками. После этого молодые и их гости посещали дома родственников и друзей. В отличие от южной, северную и среднерусскую свадьбу можно назвать *одноэтапной* или *круговой*. Утром до венца жених вместе со своими родственниками приезжал в дом невесты, после короткого застолья (*малый стол* или *выводной стол*, за который садилась только партия жениха) жених и невеста (обычно на разных повозках) отправлялись в церковь, а после венчания вместе ехали в дом молодого.

В большинстве местностей утро проходило в хлопотах и приготовлениях к венцу. Невесту сажали на разостланный мех в святой угол, чтобы она была богата и счастлива. Одевали ее возможно наряднее. Нередко утром к невесте отправлялись дружки жениха с подарками и с предупреждением о его приезде. Когда жених приезжал, с него обычно требовали выкуп за право проехать по деревне, войти во двор и в дом невесты, пойти в горницу и сесть за стол (см. об этом выше). Затем выводили наряженную невесту. Передавая жениху дочь, отец говорил: «Не в рабы, а в помощницы», или «Просим побереечь детище наше, а чего не знает, поучить», или «У меня была умна, а ты как хошь для себя учи». Затем родители благословляли дочь и отпускали в церковь, вслед за этим в дом жениха обычно перевозили приданое.

Существовало несколько вариантов ритуала поездки к венцу. По одним — невеста и жених ехали в церковь вместе, по другим — врозь. В большинстве мест, благословив своих детей, родители передавали их в распоряжение дружки и свахи (сами родители в церковь не ездили). Дружко, выйдя на двор с женихом (если жених ехал из своего дома) и поезжанами, ходил по двору с иконой, а сваха, стоя на повозке, рассеивала хмель. Обойдя три раза с иконой вокруг, дружко испрашивал у всех присутствующих благословение жениху на брак. После этого отправлялись в церковь. На прощание желали: «Дай Бог под злат венец стать, дом нажить, детей водить». Жених ехал торжественно, с большим поездом, привесив к дуге колокольчики, и «шляпы не ломал» (т.е. не кланялся).

В некоторых деревнях лошадей жениха покрывали белыми полотенцами. Невеста же приезжала в церковь без всякого шума, с одним *повозником*, которого называли *пакса*.

В среднерусских губерниях, напротив, дружки с буйством разгоняли всех встречных, нередко дело доходило до драки. Выезжая со двора, поезжане поздравляли друг друга — «с молодецким выездом». В день венчания все имело особое значение, даже погода. Считалось, если «снег и дождь на свадебный поезд — богато жить», «дождь на молодых — счастье», «вихрь с пылью встречу поезду — не к добру, дождик — к богатству», «красный день свадьбы — жить красно, да бедно», «метель на свадебный поезд — все богатство выдует», «коли на улице распута, быть свадьбе беспутной».

Обряд венчания состоял из обручения и возложения брачных венцов — собственно венчания, которые совершал священник. Во время обручения священник спрашивал у жениха и невесты об их обоюдном и добровольном согласии вступить в брак и надевал кольца. Церковное венчание по-разному, в одних случаях более органично, в других менее, входило «в структурную ткань» народного обряда. В севернорусском типе свадеб венчание являлось как бы рубежом между обрядами, связанными с пребыванием невесты в доме родителей и ее переездом в дом мужа. В южнорусском обряде с характерным для него возвратом молодых в свои дома после венчания, церковное бракосочетание не было органичной частью бытовой обрядовой структуры и как бы прерывало ее естественный ход.

Церковное венчание придавало браку юридическую силу. Однако по народным представлениям одного венчания было недостаточно. Для полного признания брака требовалась более древняя, по происхождению коллективная, семейная и общинная санкция, которая выражалась в бытовом свадебном обряде. Брак с венчанием, но без свадьбы не поощрялся. Нередко само венчание сопровождалось множеством магических обрядов. В большинстве мест было принято перед женихом и невестой разметать дорогу до церкви веником, под ноги бра-

чующихся расстилали платок или полотно и бросали деньги, чтобы избежать «голой» жизни». Жених и невеста стремились наступить друг другу на ногу, и тот, кто успевал это сделать первым, имел «верх» в семейной жизни. Строго следили, чтобы между женихом и невестой никто не прошел. Это делалось, чтобы никто из них не нарушил супружеской верности. Стоя под венцом, невеста крестилась «покрытой» (т.е. не голой) рукой (чтобы богато жить). Много поверий было связано с венчальной атрибутикой: кольцом, свечами, венцами. Считали, что уронить во время венчания обручальное кольцо — «не к доброму житью». Погасшая свеча означала скорую смерть державшему ее. Считалось, что тот, кто под венцом свечу выше держал, «за тем и большина» (главенство в семье). Венчальные свечи старались задуть разом, чтобы жить вместе и умереть вместе. Подвенечную свечу берегли и зажигали при первых родах, чтобы облегчить их. Примечали: с кого из молодых венец спадет, тому вдовствовать. В некоторых местах, когда молодых обводили вокруг аналая, сваха разрывала девичью повязку.

Иногда после венчания в церковной сторожке или ближайшем доме, невесте заплетали две косы и укладывали вокруг головы — «окручивали молодую по-бабы», (обряд «скручивания» могли совершать и в доме молодого сразу после приезда или на другой день после брачной ночи), причем свахи старались плести косы наперегонки, при этом приговаривая: «носи девиц» (говорила невестина сваха), «носи молодцов» (говорила сваха жениха), так как существовала примета: чья сваха первая заплетет косу, такого пола будет первенец молодой. После этого молодой надевали женский головной убор — повойник (Русский Север), очипок (южнорусские), моршень (Пермская губерния), жуток и фальшонку (Сибирь) или кокошник (среднерусские). Говорили: «стала коса двухвосткой, под повойник ушла, запряталась». Устройство женской прически и надевание головного убора были одним из важнейших обрядовых моментов народной свадьбы («подруги косу плетут на часок, а свахи на век»). Этот обряд знаменовал переход невесты в группу замужних женщин. Рас-

плетание косы и заплетение волос в две косы в народной свадьбе было настолько важным символическим актом, что у некоторых толков старообрядцев Пермской губернии, не признающих венчания, оно было равноценно обряду бракосочетания.

В доме молодого новобрачных ждали. Женщины-односельчанки выходили встречать свадебный поезд к околице, и, завидев его, начинали петь. Встречающие у дома, родственники и гости, стреляли вверх из ружья, молодых обсыпали хмелем и зерном, у ворот раскладывали огонь и переводили их через него. Перед молодыми разметали дорогу веником (идучи задом), расстилали от ворот до свадебного стола холсты. Нередко мать молодого надевала тулуп шерстью наружу и выходила навстречу новобрачным. Из толпы встречающих были пожелания: «Мохнатый зверь на богатый двор: молодым князьям да богато жить!» «Дай Бог вам совет да любовь! Здравствуйте, князь с княгиней, бояре, сваты, дружки и все честные поезжане!» Родители благословляли новобрачных — отец иконой, мать хлебом-солью («хлеб-соль не попустит врага сотворить зла»). В некоторых местностях хлеб разламывали над головами молодых и каждый из них должен был хранить его до конца жизни. После благословения молодые кланялись в ноги, стараясь это сделать одновременно, чтобы жить дружно. Молодых усаживали за стол на лавки, покрытые шубами или войлоком, приговаривая: «шуба тепла и мохната — жить вам тепло и богато». А дружка продолжал: «Как голубь без голубки гнезда не вьет, так новобрачный князь без княгини на место не садится». Обычно свекровь или кто-то из родни жениха с помощью ухвата, сковородника, пирогов и т.п. раскрывали («вскрывали») молодую, т.е. снимали с нее завесу, покрывало или в более позднее время — фату. Затем здоровались с ней и подносили подарки. Иногда после раскрытия молодой новобрачных трижды обводили вокруг стола.

Первый стол в доме молодых обычно назывался *свадебным*. Молодые, хотя и сидели за ним, но ничего не ели. В честь молодых произносили поздравления, пожелания добра и счастья, не умолкали величания. Вскоре их уводили в другое по-

мещение (в чулан, баню или к соседям) и кормили ужином. Тогда же нередко и «окручивали» («повивали») молодую по-женски. В южнорусской свадьбе обряд дополнялся «прыганьем молодухи в поневу». В новом обличье молодые возвращались к поезжанам. К этому времени накрывали второй стол, называемый *горным*. На этот стол приезжали родственники новобрачной. Их торжественно встречали у крыльца, подавая каждому по рюмке водки. Приехавшие рассаживались за столом по старшинству — мужчины с одной стороны, женщины — с другой. За горным столом молодая одаривала родственников мужа, кланялась им, обнимала их и целовала. Тогда же она должна была назвать свекра батюшкой, а свекровь — матушкой. Во время пира девушки пели песни. По окончании стола молодые, выйдя, падали родителям в ноги, чтобы те благословили их на брачное ложе. Его устраивали в каком-нибудь неотапливаемом помещении: в клети, в хлеву или конюшне, в бане, в отдельной избе и т.д. Брачную постель стелили с особым тщанием. Иногда рядом с брачной постелью клали какие-нибудь орудия крестьянского или ремесленного труда с тем, чтобы у новобрачных рождались сыновья и были хорошими работниками. Молодых обычно провожали дружка и сваха. Проводы сопровождались музыкой и шумом, вероятно, такое оформление имело значение оберега. Сваха и дружка внимательно осматривали постель и помещение, чтобы не было каких-нибудь предметов, способных навести «порчу» на молодых, и, дав последние советы и наставления, желали им счастья и благополучия. Молодые угощали их вином.

Спустя час или два, а в некоторых местах и целую ночь, приходили будить или поднимать молодых. Обычно этот обряд совершали те же, кто и провожал их на брачную постель. Вошедшие проверяли постель и вели новобрачных в избу, где продолжался пир. Молодые кланялись присутствующим и принимали их поздравления. Во многих местах принято было демонстрировать рубашку новобрачной. Если молодая оказывалась непорочной, ей и ее родне оказывали большие почести, если же нет, то подвергали всяческому поруганию. При благоприятном исходе

После венца (с. Моховое, Тульская губерния. РЭМ)

пир принимал бурный характер, все шумели, кричали, выражая свою радость. Если же молодая была «испорченной», ее родителям и крестным подавали пиво или вино в дырявом стакане (решете), надевали на них хомут и т.д. Нередко этим унижениям подвергалась и сваха («свахе первая чарка и первая палка»). Обычай демонстрации рубашки бытовал довольно широко: в одних уездах молодая отдавала рубашку (честь) свекрови, а та расстилала ее у входа в дом или на полу в избе, и на ней плясали присутствующие; в других — ее вывешивали на обозрение всей деревни. Случалось, что окровавленную рубашку новобрачной показывали гостям, а потом отсылали матери невесты как доказательство невинности ее дочери, где-то такую рубашку вывешивали на высоком шесте или привязывали к дуге лошади, во время праздничного катания по деревне. Нередко при благополучном исходе начинали бить посуду, приговаривая: «сколько кусочков, столько сыночков, сколько в лесу кочек, столько дочек» и т.д.

Во многих местностях обряды, связанные с «бужением» молодых, происходили утром второго дня и сопровождались обрядовой

баней. Ее топили определенные свадебные чины (подружье, свахи, дружки, крестные и т.д.). Проводы в баню происходили с шумом, песнями и музыкой. Перед молодыми разметали дорогу вениками. Впереди процессии шел дружка и нес разукрашенный и покрытый платком веник. Со временем обряд второго дня постепенно стал заменяться обливанием водой, валянием молодых в снегу, даже просто посещением нетопленной бани. Послебани нередко молодые и их гости катались по селу на лошадях. Для этой поездки выбирали лучших лошадей, наряжали их, украшали сани, как в день венчания. Катаясь по селу, молодые заезжали в дома родственников и приглашали их на следующее застолье.

Застолье второго дня называлось по-разному. В районах Средней Волги — *сырный стол, поклонный или поцелуйный*. На него собирались родственники с обеих сторон. В Курской губернии этот главный пир происходил во второй половине дня и назывался

Встреча молодых
возле дома:

а, б) (г. Кологрив,
Костромская
область, 1983 г.)

Встреча молодых
возле дома:

в) (г. Кологрив,
Костромская
область, 1983 г.)

княжой обед, горячий, вечерние гости. В Северном Прикамье его именовали *большой стол* (*столы, столованье*). Во время *сырного стола* совершалось *разрезание сыров*. Дружко по старшинству вызывал сначала родственников молодой, затем молодого и просил их принять угощение от молодых — водку и закуску, и положить что-нибудь «на сыры». Сбор от сыров отдавали новобрачным, но чаще в пользование молодой. Во время этих столов угощали с особым радушием, педи величания гостям, тысяцкому, свахе и свату. В конце стола происходило взаимное одаривание молодоженов и гостей, в южных районах нередко оно сопровождалось раздачей каравая.

Наиболее распространенным обрядом второго или третьего дня свадьбы было первое посещение новобрачной источника или колодца, во время которого молодая обычно кидала в воду деньги, кольцо, краюшку хлеба, отрезанную от венчального каравая, или пояс. Как правило, ее сопровождали родственники мужа (золовка, свекровь, сам муж или толпа ряженных), которые после получали от молодой подарки. Иногда молодой приходилось выкупать у них источник или колодец, давая деньги или специально приготовленные лепешки.

Другим, не менее распространенным обрядом второго или третьего дня свадьбы, были *поиски ярки*. Родственники молодой приходили в дом ее мужа и заявляли о пропаже девушки. Начинались поиски. К ним выводили новобрачную. Они признавали ее за свою, но после осмотра находили много изменений

и отказывались от своих прав. Продолжающиеся свадебные гуляния старались разнообразить всякого рода играми и забавами. Почти повсеместно распространенным игровым обычаем второго дня было ряженье. Третий день свадьбы обычно был заключительным. Нередко, в этот день устраивали испытание молодой. Заставляли ее разжигать печь, готовить, мести пол, но при этом ей всячески мешали — отвлекали, бросали на пол мусор, перья, деньги, закрывали в печи трубу, разливали воду, опрокидывали тесто, испытывая ее терпение. Это было нормой поведения («кто над молодой не ломается!»). Ее вышучивали, посмеивались: «Эх, не управилась молодая!.. Видно не бойкая попала». На досадливое восклицание молодой: «Да докуда вы будете шутить надо

Свадьба в доме жениха
(с. Афанасьевка, Алексеевский
район, Белгородская область, 1977 г.):

*а) молодые со свашками,
б) второй день
свадьбы — пляски
на улице*

мной?» Веселые гости ей отвечали: «Три года лапоть над молодой смеется». Одновременно с вышучиванием невесты, ей давали советы и наставления такого типа: «Мети, мети, а сор на улице не выкидывай», — говорила ей свекровь. А дружка бил кнутом по шубе и приговаривал: «Не шубу секу, молодой науку даю. Шуба, ты шуба, не делай шуму; ты шуба избу мети, сору на улице не носи». Избавить жену от всех испытаний мог только молодой, угостив всех водкой.

Одним из ответственных и достаточно распространенных обрядов заключительного этапа свадьбы было посещение тещи зятем. В каждой местности оно имело свое название, наиболее распространенное — *хлебины*. Молодого теща угощала блинами и яичницей. Нередко в этот приезд зять прилюдно демонстрировал теще свое отношение к ней, зависевшее от того, сумела ли она воспитать дочь и сохранить ее целомудрие или нет. Если все было в порядке, он осторожно брал яичницу или блин и откусывал его с краюшку, если же нет — проедал блин в середине, а яичницу переворачивал. В некоторых местах в этот приезд теща причесывала и мазала маслом голову зятя, чтобы он сильнее любил ее дочь. При этом приговаривала: «Баран, баран, не ходи по чужим дворам, люби свою ярочку!». После угощения зять разбивал опорожненную посуду о матицу или об пол. Во многих деревнях посещение тещи заканчивалось подачей разгонного *пирого*, означавшего конец свадебного гуляния в доме молодой.

Обычно свадебные торжества продолжались три дня, у богатых крестьян длились дольше. Специальных обрядов в эти дни не совершали, а как правило, повторялись различные развлечения, шли застолья с угощением, то в доме молодого мужа, то в доме молодой. Оканчивался свадебный пир, как правило, в доме молодого.

Заканчивалась свадьба, но судьба молодых все еще оставалась под пристальным вниманием деревенского общества. Существовало множество разнообразных общественных обрядов и обычаев, гостеваний и праздников, совершавшихся в течение первого

года совместной жизни молодоженов, позволяющих не только контролировать, но и поправлять жизнь новой семьи. В течение года новобрачные, и особенно молодая, пользовались в семье мужа и в деревне некоторыми преимуществами. В Среднем Поволжье этот год даже именовали *годом молодухи*. Весь послесвадебный период молодожены были как бы на виду у всех. Они ездили в гости, посещали родных, принимали их у себя. Сначала ехали к теще и тестю. Обычно, это происходило в воскресенье, и называлось такое застолье *хлебинами, отводинами, отгостками, перезывками*. За этим посещением следовал ответный визит родителей в дом новоженков. Он назывался *отхлебинами*. Дальнейшие поездки по родственникам могли растянуться на несколько недель. Эти гостевания помогали наладить и укрепить родственные связи между новобрачными и их родней с обеих сторон.

Обычно в течение первого года новобрачным разрешалось ходить на посиделки, участвовать в развлечениях, играх и хороводах, плясать с молодежью. Молодуха могла бывать на девичьих вечерах, где рассказывала о жизни в своей деревне (если была родом из другой), учила девушек своим песням, т.е. знакомила потенциальных невест с бытом деревни, в которую они могли попасть после замужества. В некоторых местах права молодухи сохранялись и после рождения первого сына. Нередко женщины из родни мужа специально для молодой устраивали *беседы*, как бы посвящая и принимая ее в свой круг замужних женщин. Существовал обычай величания молодухек в летних хороводах. Величания такого типа происходили как бы экспромтом, но молодая заранее должна была быть готова к нему, знать и исполнять все необходимые детали этого ритуала, уметь в рифмованной форме ответить на вопросы, во время и к слову сказать присказки и прибаутки. В Орловской губернии публичное чествование молодых происходило во время зимней уличной игры в «сало». Особенно разнообразны были масленичные развлечения, связанные с молодоженами. В последнее воскресенье масленицы молодая собирала в доме мужа всех своих сверстников

и устраивала им угощение. В иных местностях наоборот подруги угощали молодушку. Широко распространен был обычай «кататься на молодом».

Большой популярностью пользовались масленичные катания молодоженов на лошадях. Катание как и хоровод находилось под пристальным вниманием старших, здесь формировалось общественное мнение. На Масленицу устраивали общественные смотры молодых пар.

Среди весенне-летних увеселений (развлечений) особо выделяется обычай *окликания молодых*, не менее известный под названием: *вьюнство, вьюнины, вьюништво, вьюнишник, юнец, юнины* и т.д. Он совершался, как правило, в первое воскресенье после Пасхи. В обряде обычно участвовали мужчины разного возраста, иногда дети. Они ходили по дворам, где жили молодые, и «окликали» (поздравляли) их. Вьюнишников приглашали за столы угощали, а они пели молодым величальные песни и требовали вознаграждения. Если его не давали, то пели песни с угрозами. В некоторых местах существовал обычай «ублажать гордых», т.е. родственников молодой после свадьбы, чтобы завязать прочные связи с новой родней. Их посещение было одним из звеньев целой цепи взаимных посещений породнившихся семей в первый год после свадьбы. Обычно вьюнинами заканчивался годовой цикл послесвадебных гостеваний и праздников. Молодожены становились полноправными членами общества семейных людей, а «с миром и беда не убыток».

Крестьянский свадебный обряд послужил основой городского. В условиях города он значительно изменился как в целом, так и в деталях.

С древнейших времен, чуть ли не с XII в. (*Рабинович. Свадьба... С. 30*), в городе происходило смешение различных по происхождению вариантов свадебного обряда, принесенных из разных мест. Формировались чисто городские обычаи, крестьянская свадебная традиция перерабатывалась и приспосабливалась к условиям города и психологии горожан. Постепенно складывался универсальный ритуал. Но это не означало, что городской обряд

был единым. Он всегда отличался многовариантностью, что было связано как с процессом формирования городского населения, так и с его сложной социальной структурой. Социально-сословная дифференциация населения, особенно усилившаяся после петровских реформ, сыграла важную роль в создании городского обряда. Нередко сословные различия вытесняли локальные. К середине XIX в. в ритуалах горожан наблюдались общие и специфические черты, отличающие их от крестьянской традиции (ослабление магических элементов, усиление роли профессиональных свах, большее распространение брачных контрактов, изменения в ритуальной пище и порядке застолий, замена плясок танцами, а фольклорного репертуара городскими песнями, и т.д.), что позволяет говорить об уже сложившихся городских формах свадебной обрядности.

Примерно с 80-х годов XIX в. под воздействием нарастающей демократизации общественной и культурной жизни России произошли заметные изменения в социальных и бытовых отношениях горожан, что также сказалось и на свадебном обряде. В нем, с одной стороны, произошло разрушение социальной замкнутости вариантов и их смешение, с другой — возникновение новых универсальных форм. Эти процессы особенно активно протекали в столичных и промышленных городах.

Новым рубежом в бытовании традиционного свадебного обряда стал Октябрьский переворот 1917 г. и последующие за ним коренные изменения в бытовой и идеологической жизни страны. Широко развернувшаяся борьба с прежними (дореволюционными) бытовыми нормами и идеологией глубоко затронула духовную сторону жизни. Для идеологов нового времени традиционная обрядность прочно ассоциировалась с церковью. Поэтому, объявив войну религии, начали наступление и на традиционную народную культуру (и в частности обряды), которая подвергалась нападкам, осмеянию и запретам. Вместо старых традиций уже с первых лет революции пытались создать новую обрядность, соответствующую государственной идеологии, но далекую от старой народной традиции. Большинство этих опытов (как на первых

порах, так и в дальнейшем) оказались нежизнеспособными, в то время как старый обряд в той или иной степени сохранности продолжает бытовать в разных регионах России вплоть до настоящего времени.

Большую роль в разрушении традиционного крестьянского свадебного обряда сыграла и популярная в советском обществе идея о необходимости ликвидации различий между городом и деревней. Ее осуществление на практике привело к тому, что сельская молодежь нередко «стеснялась» справлять свадьбу по-деревенски, не хотела перенимать народную культуру у старшего поколения, тем самым нарушалась преемственность традиции:

В течение всего советского периода существовали как бы две основные формы свадебного обряда: официальная (государственная) и традиционная. В какие-то периоды эти формы резко разграничивались и развивались как бы изолированно (20—30-е годы), в другие — начинали взаимодействовать, дополняя друг друга (50—80-е годы).

В первые годы советской власти свадьбу почти повсеместно справляли со всеми старыми обычаями, исключение, как правило, составляли члены партии, комсомольцы, активная рабочая молодежь. Во многих сельских районах России вплоть до Великой Отечественной войны, несмотря на бытовые трудности, традиционный свадебный обряд сохранялся и жил, умело приспособлялся к новым условиям. Он продолжал естественно жить до тех пор, пока сохранялся традиционный крестьянский быт и связанная с ним целостная народная культура.

К 30-м годам церковные браки стали редким явлением, большое распространение получили гражданские, оформляемые в загсе и сопровождавшиеся новыми обрядами, а чаще простой вечеринкой. Но даже в те годы традиционный обряд и фольклор, долгое время остававшиеся невостребованными, удивительным образом сохранялись в народной памяти. Поэтому вскоре после войны, в 50-е годы, когда страна стала оправляться от военных невзгод и потерь и несколько улучшилось материальное состояние народа,

а официальная идеологическая позиция по отношению к традиционной народной культуре изменилась (как после всякой войны, в которой победил народ), начался период официального возрождения народной культуры (но без ее «пережитков»). Это выразилось, в частности, и в очередных попытках создания современного свадебного обряда. Его сочинители больше уделяли внимания народной традиции. Но, к сожалению, эти попытки не оказались удачными. Новые обряды не получили широкого распространения.

К 70—80-м годам усилилась тенденция, особенно в городах, к проведению официальных, более торжественных и парадных свадеб. Их праздновали в домах и дворцах культуры. Для них потребовались соответствующие ритуалы. Снова началось активное обрядотворчество, но и оно не дало желаемых результатов.

В 80—90-е годы была сделана попытка шире распространить и внедрить в жизнь *новый обряд*, создававшийся и фор-

Современная
сельская свадьба:

а) жених и невеста по дороге в дом культуры;
б) жених и невеста со свашкой, несущей икону — благословение невесты (с. Афанасьевка, Алексеевский район, Белгородская область, 1977 г.)

Современная
сельская свадьба:

в) жених и невеста со
сважкой, несущей ико-
ну — благословение не-
весты (с. Афанасьевка,
Алексеевский район,
Белгородская область,
1977 г.); г) молодые с го-
стями на сельской ули-
це (с. Терновое, Остро-
гожский район, Воро-
нежская область, 1980-е
годы)

мировавшийся на основе сценариев и рекомендаций, составленных профессиональными работниками культуры. Интересно отметить, что почти все распространяемые в те годы формы свадеб, как правило, основывались на старом традиционном народном обряде. Что касается его самого, то он продолжал существовать (правда больше в памяти людей старшего поколения) во множестве вариантов по всей России. Разумеется, в сравнении с концом XIX и началом XX в. этот обряд претерпел существенную трансформацию, утратил многие структурные элементы и краски, но приобрел и новые. Оценивая современную сельскую свадьбу в целом, можно сказать, что произошло упрощение обряда и его отдельных эпизодов. Лучшее других сохранились эстетическая, игровая и развлекательная фун-

Современная
городская свадьба:
а) свадебный поезд,
1975 г., б) в загсе

в) поздравление молодо-
женов после регистра-
ции брака, 1975 г.,
г) преграда на пути
молодых при выходе из
загса и договор о выкупе,
1983 г.

Современная
городская свадьба:
д) возложение новобрач-
ными цветов к памят-
нику, е) свадебный пир
(г. Елец, Липецкая об-
ласть, 1967 г.)

кции свадебного обряда. Именно с ними связано и бытование традиционного свадебного фольклора.

В конце 80-х и начале 90-х годов на всей территории бывшего СССР отмечался повышенный интерес к народным корням, к истории и культуре страны, к традиционным обрядам, праздникам и фольклору. В этой обстановке сельские жители по-новому взглянули на свою, находящуюся долгие годы в небрежении культуру, а для многих горожан впервые, пусть далеко не в полном объеме, открылось ее богатство. Проведение свадьбы «по традиционному обряду» во многих сельских районах и небольших городках снова стали считать престижным и даже обязательным для утверждения социальной полноценности новой молодой семьи в глазах старшего поколения. Но теперь уже желания «играть свадьбу» по правилам старинного обряда было недостаточно для того, чтобы получилось целостное действие. Боль-

шинство участников, даже при знании общей схемы действия и многих обрядовых элементов и фольклора, не могли вести себя как положено в той или иной ситуации. За долгие годы забвения и небрежения к народной культуре была нарушена естественная передача народных знаний, произошли также необратимые изменения в общем культурном и духовном облике деревни. Была утрачена сама обрядовая культура. Возможно ли ее возрождение, покажет время.

Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни

Потребности нормального воспроизводства у всех народов требовали внимательного и бережного отношения к рождению, сохранению и воспитанию нового поколения. Если физиологические процессы, связанные с деторождением, едины для человечества, то создаваемая веками практика родовспоможения, уход за роженицей и ребенком, включающие как рациональные, так и религиозно-магические акты, имеют этническую (а часто и социально-этническую) специфику, обусловленную как объективной необходимостью приспособления и выживания в определенной среде обитания, так и религиозными воззрениями данного общества. К сожалению, мы располагаем слишком скудными и разрозненными сведениями об обрядовой и практической деятельности (в интересующей нас сфере жизни) жителей средневековой России, особенно ее низших слоев, что не позволяет воссоздать цельную картину традиционной культуры материнства в отдаленном прошлом. Лишь со второй половины XIX в. начинается систематический сбор сведений о духовной культуре русских. Специальные анкеты, рассылаемые Русским Географическим обществом и Этнографическим бюро кн. В.Н. Тенишева содержали вопросы, касающиеся разных сторон жизни русского народа, прежде всего крестьянства, весь уклад жизни которого способствовал сохранению народных традиций. Ценным дополнением к имеющимся материалам яв-

ляются и воспоминания пожилых жительниц села, записанные в 70—90-е годы XX в. Таким образом был накоплен и осмыслен огромный материал, что позволило составить представление о свойственной русскому народу культуре материнства и детства и сделать ряд выводов относительно содержания и генезиса составляющих ее элементов. 1. Совершенно очевидно, что многие элементы возникли в древнее время, возможно еще до введения христианства на Руси, и в разной степени испытали влияние новой религии. 2. Ряд обрядовых действий и соответствующих представлений возникли на основе укрепившегося христианского мировоззрения, но носили неканонический характер, являясь плодом народного религиозного воображения. 3. Совершение канонических христианских обрядов и соблюдение мирянами религиозных предписаний относительно их поведения в религиозно-обрядовой и религиозно-бытовой жизни за десять веков существования христианства обрели этническую и региональную специфику.

Безусловно, обрядово-магическая деятельность сочеталась с рациональными действиями, основанными на народном практическом опыте и медицинских знаниях, передаваемых устно из поколения в поколение. Распространены были и различные рукописные травники. В XVI—XVII вв. появляются переводные травники и лечебники, целые разделы которых посвящены родам и лечению младенцев. Однако говорить о каком-либо распространении специальной акушерской или педиатрической помощи еще рано. До XVIII в. даже в высших слоях городского населения сохранялись как традиционные способы принятия родов и ухода за новорожденным и матерью, так и многие обрядовые традиции. Основное отличие родовспомогательной практики у разных слоев населения заключалось главным образом в материальных возможностях для обеспечения необходимого ухода.

Бесплодие воспринималось людьми того времени как несчастье для семьи и позор для женщины, особенно в среде боярства и, конечно, в царской семье. Малейшее подозрение в неспособности дать стране наследника лишало претендентку шансов

на царскую корону, а затянувшееся бесплодие грозило несчастным женщинам пострижением в монастырь. Религиозное мышление средневековья причину всех бед человеческих усматривало в Божьем наказании и соответственно возможность избавления от них видело в снискании Божьей милости.

В XVIII в. постепенно меняется и положение женщин в обществе, и отношение к врачебной деятельности. Но врачей-специалистов в то время было мало, и реально помощь при родах даже в городах по-прежнему оказывали повивальные бабки. В середине XVIII в. по распоряжению Сената в Москве и Петербурге были основаны первые школы «бабичьего дела» для подготовки квалифицированных повитух (обычно их называли по-прежнему повивальные бабки, повитухи, иногда, с целью отличить от деревенских пупорезок, — *немецкими бабками*). По окончании школы они получали специальное разрешение на акушерскую практику. К концу XIX в. таких школ в России было 35. Постепенно родовспоможение в городах переходило к профессиональным медикам. Вместе с традиционной практикой исчезает и нераздельно связанный с ней обрядовый комплекс, хотя отдельные его элементы сохраняются в быту горожан, особенно в небольших городах, даже в начале XX в.

В сельской местности картина почти не менялась вплоть до 30-х годов XX в., когда государство начало одновременно преследовать лекарей-самоучек (к ним относились и не имевшие специального образования деревенские бабки) и расширять сеть медицинской службы. Это позволяет рассматривать обычаи и обряды, существовавшие в крестьянской среде во второй половине XIX — начале XX в. как традиционно русские, сохранившие в основных чертах специфику русской культуры материнства и детства.

Важность деторождения определяла во многом обрядовый характер традиционного ритуала создания семьи: свадьба буквально насыщена действиями продуцирующего характера и пожеланиями многодетности. Такие же пожелания: «Дай Бог Вам, Иван Иванович, богатеть, а Вам, Марья Ивановна, спереди

горбатеть» (т.е. беременеть. — *Авт.*) были обычными в приветствии молодых супругов, и как каждое специально сказанное слово (доброе или «лихое»), несло элемент магии.

В XIX — начале XX в. деревенские женщины почти не обращались к врачебной помощи по поводу женских заболеваний и лечения бесплодия. В последнем случае они по-прежнему искали помощи свыше и следовали советам церкви — молились, ходили на богомолья, давали обеты. Те же шаги (помимо лечения у медиков-профессионалов) предпринимали в аналогичных случаях и женщины-горожанки. Предпочтение ими тех или иных способов лечения зависело как от религиозности семьи и самой женщины, так и от установившегося уклада жизни того социального слоя, к которому она принадлежала.

При довольно ровном отношении и любви к детям в русских семьях все-таки больше ждали рождения мальчиков. У крестьян это было вызвано в первую очередь хозяйственно-экономическими причинами, а родовитые родители хотели иметь сыновей — наследников рода. К тому же девочке нужно было готовить приданое, а после выхода замуж она отделялась от родителей и им не приходилось ждать от нее помощи под старость. Поэтому в народе говорили: «мальчик родится на подмогу, девочка — на потеху», «с сыном дом наживешь, с дочкой остатки проживешь», «ростить дочку, что лить в дырявую бочку». Предпочтение мальчиков сказывается и в том, что в основном все суеверные средства воздействия на пол будущего ребенка ориентированы на рождение сыновей. Многие уповали на Божью милость и лишь молились о рождении сына или дочери, причем рекомендовалось молиться определенным святым: о рождении мальчиков — св. Иоанну Воину, о рождении девочек просили св. Марию Египетскую.

Пол будущего ребенка определяли по внешнему виду беременной: по форме живота, цвету сосков, пятнам на лице, а также потребностям в еде.

Период беременности мало что менял в жизни деревенской женщины. Однако, зная о возможных последствиях тяжелых

работ для нормального течения беременности и здоровья женщины, ее старались перевести на более легкие работы.

Особенно внимательно относились к перворожающей женщине. Свекровь, заставляющая молодую беременную сноху выполнять тяжелую работу, могла подвергнуться публичному осуждению односельчан.

Поведение женщины в период беременности регламентировалось и суеверным убеждением в том, что определенные ее поступки могут так или иначе отразиться на здоровье и характере зачатого ребенка. Дородовые запреты и рекомендации беременным женщинам основаны, главным образом, на магии подобия. Нельзя было сидеть на камне — роды будут тяжелые, шагать через веревку — ребенок в пуповине запутается, шагать через коромысло — ребенок будет горбатым, толкать кошек и собак — у новорожденного будет «собачья старость», щетинка на коже и т.д. Она не должна была целовать покойника, прощаясь с ним, и даже провожать гроб до кладбища. Если же этого нельзя было избежать, ей следовало принять предохранительные меры — положить под мышку хлеб (Пермская губерния — На путях... С. 279), расстегнуть ворот рубашки и таким образом избежать тяжелых родов.

Не меньшую опасность для нормального течения беременности представляла также возможность порчи и похищения или подмены еще не родившегося ребенка нечистой силой. Выкидыши объясняли как порчей будущей матери, так и ее каким-либо греховным проступком. Поэтому на всем протяжении беременности она должна была особенно усердно прибегать к средствам христианской защиты: регулярно креститься, читать молитвы, причащаться (желательно не один раз). Кроме обычных канонических молитв, которые помогали во всех случаях жизни, существовали и особые молитвы (*Харузина*, 1907. С. 88). Ни в коем случае беременная женщина не должна была работать в большие религиозные праздники: запрет этот касался всех, но будущие матери особенно строго выполняли церковное установление, поскольку верили, что совершенный ими грех пагубно отразится на ребенке.

Даже для многорожавших деревенских женщин роды были опасны и к ним следовало определенным образом подготовиться. Физиологическая, т.е. материальная природа родов была очевидна для деревенских жителей. Однако рождение человека, по их мнению, имело и мистическое содержание. По убеждению верующих, вся жизнь человека — постоянное противоборство «чистых» и «бесовских» сил за его душу, начинающееся с первого его вздоха на Земле и даже в утробе матери. Особенно опасным казался сам момент появления на свет, так как, кроме ангела, присутствующего при родах и помогающего матери и ребенку, одновременно «злой дух старается», и тяжелые роды часто объясняли «шалостями сатаны». Поэтому для обеспечения нормального протекания родов и сохранения жизни и своей, и ребенка необходимо было прибегать к различным средствам христианской защиты.

В последние сроки беременности, желательно перед самыми родами, женщины считали нужным покаяться и причаститься. Прежде всего это исключало страшную опасность умереть скоропостижно без принятия этих таинств. Ни одна роженица не считала себя застрахованной от такой смерти. Кроме того, одной из возможных причин затянувшихся родов считали нарушение женщиной, а иногда и ее мужем, норм религиозно-нравственной жизни. Причащение же очищало женщину, «снимая» и невольные грехи. И, наконец, оно оказывало благотворное психологическое воздействие, давая столь необходимую во время родовых мучений уверенность в помощи святых. Религиозное покаяние дополнялось и испрашиванием прощения у всех домочадцев и даже соседей — «за все чем обидела и в чем нагрубил», на что все отвечали: «Бог простит и мы туда же». Чье-то недоброжелательство, раздражение могло в этот опасный момент привести к осложнениям: считали, что «родильница мучается, если есть злой человек в избе».

В XIX в., как и прежде, об облегчении родов женщины молились св.вмч.Екатерине и Варваре, так как те «сами трудились родами», св. Анастасии узорешительнице — так как в ее власти было «раз-

рушать узы», св. Иоанну Богослову, который, по преданию, помог родить встретившейся ему на дороге женщине. Молились св. Анне — матери девы Марии и, конечно, самой Богородице, которая, как верили женщины, незримо приходит к призывающим ее роженицам. Среди чудотворных икон Богородицы особая помощь приписывалась иконе Феодоровской Божьей Матери.

Начавшиеся роды тщательно скрывали. Боялись не только намеренного глаза или порчи. Многие полагали, что и случайное знание о происходящем затрудняет течение родов. Говорили так: «сколько человек знает о родах, столько будет потуг». Особенно неблагоприятно на течение родов сказывалось знание о них молодых девушек и старых дев.

Среди многочисленных магических средств, способствующих нормальному процессу родов, основное место занимали действия, совершавшиеся по принципу подражательной магии. Считая, что «всякая замкнутость мешает быстроте родов», развязывали все узелки не только на одежде роженицы, но и у всех домочадцев; распускали роженице волосы, раскрывали все двери, ворота, печные заслонки, шкафы, сундуки. В критических ситуациях обращались к священнику с просьбой раскрыть «царские врата» в церкви. На подражательной магии основаны такие действия роженицы, как проползание под столом, между ног мужа, под дугой, имитирующие рождение. Магия действия усиливалась и словесными приговорами. Так, например, роженицу поили водой, которой обмывали куриное яйцо, приговаривая при этом: «Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба Божья (имя) скоро распосталась».

Большой интерес представляют и известные в родовспомогательной практике русских обряды, связанные с верой в то, что присутствие мужа или его определенные действия во время родов облегчают страдания жены и ускоряют роды. Эти действия генетически связаны с древним обычаем кувады*. В наиболее

* Кувада (от французского *couvade* — высиживание яиц) — обычай демонстрации отцом своей причастности к рождению ребенка, возникший

полном и характерном для кувады виде эти обычаи еще в конце XIX — начале XX в. существовали в Смоленской губернии. По описаниям очевидцев, муж во время родов жены, изображая родовые муки, стонал, кричали «доводил себя до того, что бледнел как полотно и чернел как чугун». По убеждению крестьян, муки жены могли переходить на него и в результате специальных наговоров знахарок или заблаговременных действий жены.

На облегчение родов были направлены и действия с предментами домашнего обихода, имеющими устойчивое сакральное значение. Обычно эти действия сопровождались молитвой. Роженицу «поили с углей» — т.е. давали ей воду, в которую были опущены заранее собираемые выскользнувшие из печи угли; брызгали на нее водой, которой обмывали три камушка из трех бань. В качестве магического средства часто использовали соль. В одних местах ею посыпали порог избы, в других — углы стола. В этом случае роженица, обходя вокруг стола с определенным заговором, должна была отвесть ее.

Роды чаще происходили вне жилого помещения — в хлеву, в овине или по наиболее распространенной и древней традиции — в бане. Особенно строго следили за этим в среде старообрядцев. В XVI—XVII вв. даже русские царицы, как и крестьянки XIX в., перед родами удалялись в «мыльню».

Рожали русские женщины лежа, иногда и стоя. Во время схваток их часто водили до тех пор, пока не показывалась головка ребенка. Для вызывания потуг роженицу поили сажеей, мыльной водой, заставляли глотать волосы, а также делали ей массаж живота.

Успешное прохождение родов во многом зависело от умения повивальной бабки. Деревенская повитуха занималась не только принятием родов, она выполняла и первые послеродовые процедуры над ребенком и роженицей, сопровождая их необходимыми магическими действиями. Это были: обрезание

по наиболее обоснованному мнению в эпоху перехода от материнского к отцовскому счету родства (Тэйлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 511).

пуповины, действия с последом, купание ребенка и роженицы. Повитуха была единственной помощницей при родах в деревенском доме (Листова, 1989. С. 144—149). К акушеркам, появившимся в деревне в конце XIX в., крестьяне обращались крайне редко. Эти деревенские лекарки знали и некоторые приемы для облегчения родов, вплоть до ручного поворота плода, применяли массаж и лекарственные травы, в основном кровеостанавливающего характера.

Одна из основных задач повивальной бабки — защита матери и ребенка от нечистой силы. Для этого они широко пользовались христианской атрибутикой охранительного характера — ладаном, святой водой. Свою заботу о роженице повитуха начинала с того, что зажигала перед иконами лампаду и свечи. И, конечно, зажигали специально сбереженную венчальную свечку, которая, по поверью, не только способствовала облегчению страданий, но, «смотря по степени веры в ее целительную силу», избавляла от смерти труднорожающую. Вслед за тем повитуха начинала молиться. Одновременно молились и муж, и все домочадцы, в трудных случаях муж обходил с иконой вокруг дома.

Заговоры повитух обычно включали обращение к различным святым и Богородице. Но главной своей покровительницей и помощницей они считали «бабушку Соломону (Соломонию, Соломею), которая, согласно апокрифическому Протоевангелию Иакова, принимала божественные роды у девы Марии. В иконописном сюжете Рождества Христова она изображалась обычно в белых одеждах, приготовившаяся обмывать младенца Христа.

По наиболее распространенной у русских традиции повитуха жила или находилась большую часть времени у роженицы в течение трех дней. Основной ее обязанностью в то время было купание матери и ребенка, а также надзор за тем, чтобы их никто не испортил. Кроме того, в случае необходимости она оказывала и практическую помощь: могла подмести полы, подоить корову, приготовить обед, что давало возможность роженице отдохнуть после родов.

В отношениях крестьян к повивальным бабкам большую роль играла вера в магическую связь между ними и принятыми ими детьми. Это определяло выбор повитухи, личные качества которой, поведение, возраст должны были соответствовать определенным требованиям. Повитухой могла быть только пожилая женщина (у нее уже не должно быть месячных очищений), безупречного поведения, т.е. «не замеченная в неверности мужу». В некоторых местах считали, что повивать могут лишь вдовы. Профессиональному искусству повитухи была свойственна определенная этика: все свои знания она должна была направлять на сохранение жизни ребенка. Одно лишь подозрение в том, что она тайно занимается абортами, т.е. совершает страшный грех, могло лишить ее практики. Избегали приглашать и таких повитух, у которых свои, а тем более повитые дети, умирали: их нежизнеспособность свидетельствовала не только о недостаточном знании приемов родовспоможения, но и о том, что у нее «тяжелая рука».

Пребывание повитухи в доме у роженицы требовало, по представлениям крестьянства, обязательного последующего очищения. На большей части расселения русских, во всяком случае в центральных, южных и западных губерниях очищение это достигалось при помощи обряда «размывания рук», совершавшегося, по наиболее распространенной традиции, на третий день после родов. Суть обряда такова: водой, в которую часто добавляли различные, имеющие определенную смысловую нагрузку предметы, мать и бабка поливали троекратно друг другу на руки и взаимно просили прощения. Исполнение этого обряда давало частичное очищение роженице и позволяло повитухе идти принимать следующего ребенка. Многие религиозные крестьяне считали, что обычай этот существует с евангельских времен: сама Божья Мать также «размывала руки» с бабушкой Соломонидой. Особенной насыщенностью магическими элементами отличались варианты обряда в южных и частично западных губерниях России. На Русском Севере и на Урале обряд не имел повсеместного распространения и характеризовался

ограниченностью обрядовых действий и атрибутики. Старообрядцы-беспоповцы не признавали никакого другого очищения, кроме молитвенного: возвратившись от роженицы, повитуха должна была «отчитать» определенное количество лестовок.

Повивание детей можно рассматривать как профессиональное ремесло. За свой труд повитуха получала вознаграждение, обязательность которого гарантировалась этическими нормами деревни. Обычно женщины становились повитухами добровольно, чаще всего имея намерение немного заработать. Но в дальнейшем, независимо ни от размера предполагаемой оплаты, ни от личных взаимоотношений, она не могла отказаться от помощи роженицы. По наиболее распространенной у русских традиции, оплата труда повитухи складывалась из индивидуального вознаграждения, получаемого от роженицы (в него обычно входили предметы, символизировавшие очищение — мыло, полотенце, а также хлеб, со второй половины XIX в. — небольшая сумма денег), и коллективного, собираемого на крестинах.

В русском календаре был один день, в который чествовали повивальных бабок — так называемые «бабины» или «бабьи каши». Он приходился на второй день после Рождества Христова, называемый церковью «Собор Пресвятой Богородицы». Обязанный в древности своим происхождением языческим «рожанидам» (Рыбаков, 1981. С. 469), в XIX в. ни семантически, ни в осмыслении участников праздник этот с древними богинями связан не был. Проходившая в этот день церковная служба «Помощь в родах» в понимании крестьянства, воспринимавшего божественные роды девы Марии как вполне реальный факт, имела значение благодарности за благополучное разрешение от бремени. Именно поэтому в центре внимания было лицо, помогавшее при родах — повивальная бабка.

Послед и пуповина. Реальная связь новорожденного и роженицы с пуповиной и последом лежит в основе универсальных представлений о существовании последующей магической связи между ними и убежденности в том, что на здоровье и будущее ребенка можно повлиять через эти предметы. В народ-

ной медицинской практике для предотвращения кровотечения пуповину перевязывали. Встречались и иные способы ее обработки. Обрезание и перевязывание пуповины всегда содержало магический элемент — обрабатывали тем или иным инструментом, чтобы передать ребенку то или иное ремесло.

При перевязывании пуповины к основному перевязочному материалу (обычно использовали «суровую» нитку из льняной кудели) добавляли волосы матери, при этом иногда волосы брали обязательно «из правой косы роженицы», «с правого виска». Реже употребляли волосы обоих родителей. По наиболее распространенной у русских традиции пуповину с последом прятали (см. ниже). В некоторых местах ее сохраняли и использовали в качестве лечебного средства: высушив, заваривали как чай и поили детей от грыжи и от болезней живота (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 65. Л. 5. Владимирская губерния, Шуйский уезд).

Сразу же после выхода последа повитухи приступали к совершению всех необходимых процедур. Действия с последом включали две обязательные процедуры — обмывание и закапывание в землю. Как правило, источники сообщают, что послед повитуха моет и завертывает в чистую холщовую тряпку. Встречаются и дополнительные характеристики действия.

У русских, как и у многих других народов существовало представление о том, что через послед, как и через пуповину, можно нанести вред роженице и ребенку. Даже неумышленное уничтожение его могло оказать пагубное воздействие. Поэтому зарыть послед повитуха должна была так, чтобы никто — ни человек, ни какое-либо животное не могли добраться до него. Для русской традиции не характерны какие-либо иные способы хранения последа. Лишь у этнографической группы марковцев, живущих на Анадыре, по-видимому под влиянием обычаев соседних народов Севера, послед вешали на дерево повыше, чтобы не достали собаки (Сокольников. С. 144). По наиболее распространенной традиции послед закапывали в доме, причем часто в местах, которые в воображении живущих были наделе-

ны постоянной магической силой — под печью, в святом углу, под порогом, под закладным бревном. Если было необходимо — то для этого поднимали половицу. В некоторых местах послед прятали в бане или в нежилом помещении, в хозяйственных постройках. Иногда место захоронения последа зависело от пола новорожденного: послед мальчика закапывали в конюшню, а девочки — у ворот или в хлеву (Вологодская, Орловская губернии). В некоторых семьях придерживались правила прятать последы детей в одно место — «чтобы мирно жили». У русских был распространен обычай класть с последом предметы, имевшие продуцирующее значение. Это прежде всего хлеб — зерно или печеный хлеб, часто хлеб с солью, яйца, а также луковица.

Чтобы исключить опасность воздействия на послед (а следовательно, и на новорожденного) нечистой силы повитуха должна была совершить над ним специальные охранительные действия. Наиболее принятые и обязательные — окропление последа святой водой, чтение молитв и заговоров, а также изображение креста на земле над ямкой.

Рождение в «рубашке» (околоплодной оболочке), по убеждению русского народа, предвещало ребенку счастливую жизнь и удачу в делах. К самой сорочке относились как к сакральному предмету, ее высушивали, зашивали в мешочек и либо прятали в сундук, либо носили постоянно, как ладонку, вместе с шейным крестом. Верили, что сорочка приносит счастье и достаток не только родившемуся в ней, но и всему дому, поэтому ее тщательно берегли, передавали из рода в род и даже правнукам (Орловская губерния). При выходе дочери замуж родители отдавали ей высушенную и сбереженную «рубашку» в новую семью. По русским верованиям, функции приносящего счастье амулета были присущи сорочке постоянно, независимо от того, находилась ли она у законного владельца или попадала в чужие руки. В России, как и во многих европейских странах, существовало представление о том, что особенно действенную помощь приносит «сорочка» в юридических делах, поэтому ее брали с собой на суд или на жеребьевку земли при ее наделении.

Первая забота повитух при рождении определить, все ли в порядке у новорожденного и по возможности постараться исправить недостатки. По времени рождения и особым приметам родившегося предсказывали его будущее.

Рождение двойни воспринималось как явление необычное и вызывало в соответствии с местными воззрениями определенную реакцию окружающих. Многие склонны были видеть в появлении двойни «Божье наказание» и более того — позор для родителей. Однако можно было встретить и иное, лишенное суеверного страха отношение к рождению близнецов. Более того, родители по этому поводу испытывали «радость и гордость», а сам факт рождения двойни объясняли тем, что «одного дал Господь, а другого Богородица» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1740. Л. 34. С.-Петербургская губерния, Новоладожский уезд).

Как уже было сказано, жизнь новорожденного, по мнению окружающих, зависела не только от естественных причин, но и от успешности и своевременности защиты его от бесовских сил, особенно опасных, так как ребенок был еще не окрещен, а помещение, в котором он находился с матерью, не было очищено от послеродовой «скверны». Поэтому повитуха сразу же совершала магические акты по его защите. Прежде всего, она прибегала к обычным средствам христианской защиты — кадила ладаном, брызгала на малыша святой водой, крестила его, читала наиболее известные молитвы («Отче наш», «Богородицу»), а также и специальные заговоры*. Из нехристианских способов защиты, пожалуй, самым популярным было spryskivanie новорожденного водой, которой предварительно окатывали дверные скобы.

С верой в магическую силу родительских вещей связан широко распространенный у русских обычай заворачивать ребенка сразу же после родов (в некоторых местах перед крещением) в отцовскую рубашку, реже — в отцовские порты. Таким путем

* К сожалению, повитухи, по сообщениям очевидцев, предпочитали обычно сохранять в тайне все совершаемые ими магические действия и приговоры.

устанавливали магическую связь между ребенком и отцом. Отсюда и наиболее распространенное объяснение этого действия, как желания закрепить любовь и привязанность отца к ребенку, реже говорили — «чтобы был спокоен», «чтобы был счастлив». Установленная путем контактной магии связь (нужно учесть, что использовалась обязательно ношенная отцовская одежда) должна была служить одновременно и защитой новорожденного. Реже для первого пеленания младенца использовались вещи матери.

Кроме вышеприведенных средств защиты новорожденных, специальные меры принимались в тех случаях, когда дети в семье быстро умирали — по народной терминологии «не стояли». Наиболее действенные из них и распространенные связаны с крещением. Как и у многих народов, в русских семьях, ожидая несчастья, стремились обмануть злой рок, тяготевший над семьей. Для этого, например, рожали в чужом доме (Архангельская губерния, Шенкурский уезд). В Нижегородской губернии выбивали в избе косяк с дверями, женщина рожала в сенях, затем бабка подавала младенца в избу, стоя задом к дверям, также стоял и принимавший его (Арзамасский уезд). В той же губернии слабого малыша для укрепления его здоровья подавали в окно нищему, который нес его к воротам дома. Туда же подходила мать младенца с милостыней и клала ее на грудь младенца. Далее она брала ребенка, а нищий милостыню, приговаривая: «Дай Господь святому младенцу (имя) доброго здоровья». Жители Смоленской губернии считали полезным взять в семью и «поростить» чужого ребенка, который называл принявших его родителями. Верили, что после этого и свои дети перестанут умирать.

Забота о роженице в крестьянской среде определялась традициями народной медицины и, в большей степени, представлением о ее сакральной нечистоте, явившейся следствием состоявшихся родов и последующей спецификой функционирования женского организма. Эта нечистота порождала двойственное отношение к родившей женщине и соответствующим образом определяла характер ее контактов с окружающими. С одной стороны, она

казалась источником «скверны» и возможного негативного влияния. С другой — в течение определенного времени ей самой грозила постоянная опасность пострадать от порчи, сглаза и вообще любого вредоносного воздействия. Суеверный страх перед родами, родильной (как и менструальной) кровью существовал, по видимому, всегда, но по мере христианизации особое отношение к роженицам нашло подтверждение и каноническое обоснование в православном учении о греховности человеческой жизни, включающем регламентацию религиозного поведения женщины.

По учению церкви, полностью воспринятому народной этикой поведения, в течение 40-дневного срока после родов, как и во время месячных очищений, женщина была исключена из регулярной приходской жизни. Ей не разрешалось входить в храм, присутствовать при совершении таинств, принимать участие в общественных богослужениях; молясь дома, она не должна была дотрагиваться до предметов, считавшихся святыми — икон, креста, свечей, святой воды. Эти ограничения лишали роженицу в значительной степени столь привычной и надежной христианской помощи, создавали ощущение незащитности, особенно страшной из-за ее естественного нездоровья. Имея в виду как бы неустойчивость самой жизни женщины в этот период, в народе говорили, что в течение 40 дней «у Господа Бога ее могила пола», а жители Пензенской губернии, по словам очевидцев, смотрели на женщину в этот опасный период безвременья «как на покойницу». Она, по их мнению, «в это время была как бы в гробу» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1739. Л. 26). И в задачу окружающих входили не только забота о физическом здоровье роженицы (для этого старались по мере возможности освободить ее от тяжелых работ на первое время, приготовить для нее более питательную и разнообразную еду), но и ограждение от возможной порчи.

Особенно опасной считалась первая неделя после родов. Поэтому от трех до семи дней, в зависимости от местных обычаев, родившая находилась в изоляции: дома за перегородкой или же оставалась в бане, где происходили роды. В последнем случае

здесь же присутствовали повивальная бабка или кто-либо из родственниц роженицы с тем, чтобы не допустить «шалости» сатаны по отношению к матери или неокрещенному младенцу. Принудительная изоляция приносила и несомненную практическую пользу здоровью роженицы, вынуждая не имеющих обычно возможности, да и не склонных к долгому лежанию и ничегонеделанию деревенских женщин отдохнуть и набраться сил.

Очищение женщины от послеродовой нечистоты по представлениям народа требовало совершения специальных обрядов. Роженицу в течение первых трех дней после родов парили в бане при не слишком высокой температуре; там, где бань не было, мыли в печи, на худой конец просто в тазу. Считали, что эта процедура выгоняет «дурную» кровь, что необходимо во избежание послеродовых осложнений, и способствует восстановлению здоровья. Гигиенически-лечебное очищение роженицы, сопровождавшееся магическими актами, в основном охранительного характера, должно было оказать и магическое очистительное воздействие. Однако полное очищение по учению церкви и убеждению народа достигалось лишь путем совершения ряда специальных установленных церковью христианских обрядов.

Совершившиеся роды оскверняли не только родившую женщину, но и всех «прилунившихся при родах», а также помещение, в котором они происходили и даже шире — весь дом. Для совершения обрядового очищения прежде всего приглашали священника для чтения специальной молитвы «Во внегда родити жене отроча». Иногда ее по месту чтения называли просто «банной» молитвой. Это древнее установление церкви свято соблюдалось русским народом. В XVI—XVII вв. даже в царских семьях сразу же по рождении младенца посылали за духовником царицы с тем, чтобы он «дал молитву», до этого никто не мог ни покинуть мыльню, где произошли роды, ни войти в нее (Забелин, 1915, С. 3). В крестьянской среде, по-видимому, не всегда была возможность пригласить священника в день родов. Однако и откладывать очистительную службу считали неже-

лательным, поскольку до ее отправления и сам дом, и все в нем находившиеся подвергались частичной религиозной изоляции: в такой дом не вносили иконы во время церковных обходов, домочадцы не должны были посещать церковь. В крайнем случае, молитва читалась заочно.

Частичное очищение роженицы, снимавшее некоторые бытовые запреты, давало крещение новорожденного. После совершения этого таинства, а также обряда «размывания рук» (обычно и то, и другое происходило в течение первой недели), роженица могла приступить к обычным домашним и полевым работам, участвовать в семейной трапезе. Полностью очистившейся она считалась лишь после принятия молитвы в церкви на 40-й день. Более строгой была изоляция роженицы в среде старообрядцев-беспоповцев. Восемь дней она проводила в бане. По возвращении домой ей отводили, по возможности, отдельное помещение. Живущие в доме пожилые люди избегали контактов с ней, даже односельчане обычно не заходили в дом, где произошли роды, в течение 40 дней.

Кроме религиозных запретов поведение роженицы, во всяком случае в период ее реальной «нечистоты», ограничивали запреты, связанные с суеверной брезгливостью по отношению к «женской» крови. Женщинам в это время запрещалось что-либо сажать, месить хлеб, доить корову, солить капусту. Однако эти суеверия встречались не везде.

Уход за роженицей и характер послеродового поведения горожанок имел, по-видимому, значительные отличия в зависимости от социальной принадлежности семьи, уклада ее жизни, уровня образования, а также от того, жила ли женщина в маленьком городе, сохраняющем традиционные связи с окружающим сельским миром и особенности народного быта, или же в крупном, тем более столичном. Но даже в так называемых образованных слоях общества, игнорирующих или не знающих народных суеверий, женщины неукоснительно соблюдали запреты в религиозном поведении, и их повседневная жизнь испытывала влияние религиозного учения о женской «нечистоте». И в наши дни в

сельской местности, а иногда и в городах женщины, по их словам, считают необходимым в определенные сроки воздерживаться от исполнения «неположенных» работ и соблюдать услышанные от старших или в церкви правила поведения.

В первые же дни после родов к молодой матери спешили женщины с приношениями. Этот обычай, известный под названием *проведок, отведок, ходить на кашу, нести зубок*, существовал у русских почти повсеместно. Его можно рассматривать как пример нетрудовой взаимопомощи внутри семьи и общины. Целью приходивших было справиться о здоровье роженицы, поздравить ее с новорожденным, угостить чем-либо вкусным, а заодно оказать практическую помощь ее семье. Каждая из женщин приносила с собой еду. Для такого случая готовили праздничные кушанья или же будничные, но лучшего качества. Принесенное угощение было столь обильным, что позволяло находящейся в изоляции и не оправившейся еще после родов женщине не беспокоиться о домочадцах и хотя бы несколько дней отдохнуть от хлопот по дому.

Проведывать приходили только замужние женщины, обычно по возрасту близкие роженице. Такие посещения могли быть коллективными, когда родственницы и соседки договаривались между собой и приходили все вместе, но чаще по очереди. Хозяев, как правило, не извещали о приходе, да в этом не было необходимости, так как обычай этот был строго обязателен, не прийти навестить роженицу у крестьян считалось «ззорным». Столь же обязательным считался и ответный визит роженицы к посетившей ее женщине в положенное для этого время. Пришедших женщин хозяева либо совсем не угощали, либо давали вино и чай.

Обычай носить родившей женщине угощение — один из наиболее стойких обычаев русской деревенской жизни. Правда, в советский период, особенно в послевоенные годы, характер его несколько изменился. Посещения откладываются до возвращения матери с ребенком из роддома, пришедшие навестить приносят не только еду, но и небольшие подарки для малыша.

Основное же одаривание его приурочивается к семейному торжеству по случаю рождения ребенка, которое в последнее время все чаще откладывается до обряда крещения. Аналогичную картину можно наблюдать и в городах. Некоторое отличие заключается в обычном ассортименте приносимого угощения. В деревне и сейчас оно носит более практичный характер, хотя и здесь посетительницы по возможности стараются своими приношениями побаловать роженицу и поддержать ее здоровье. В городе же, как правило, приносят фрукты и в меньшей степени — сладости. В последние годы и в городе, и в сельской местности почти исчезли принятые в советское время коллективные посещения родивших женщин сотрудницами по работе. Такие посещения предварялись обычно сбором сослуживцами денег на общий подарок, выделением материальной помощи за счет профсоюзной организации и средств предприятия.

Ребенок. Все действия по уходу за новорожденным диктовались как практическими знаниями о том, что нужно для его здоровья и нормального роста, так и аналогичными соображениями религиозного характера. Причем последние играли важную роль. Ведь верующему человеку свойственно было причину всех, даже самых естественных и закономерных событий (не говоря уже о случайных) связывать с прямым или хотя бы опосредованным вмешательством высших сил: «Бог наказал», «Бог уберег» — обычные заключения в оценке происходящего. И, конечно, это убеждение особенно явственно сказывалось в отношении взрослых к не имеющему еще возможности защитить себя малыша. Высокая детская смертность от болезней и травм постоянно напоминала о хрупкости и непрочности детской жизни. Между тем собственные забота и внимание оказывались недостаточными для сохранения жизни и здоровья ребенка, тем более, что в крестьянской семье не всегда была возможность присмотреть за детьми. Поэтому-то и уповали на помощь рекомендуемых церковью охранных средств.

Для предотвращения всех напастей использовали «святую» воду (крещенскую, освященную специально, спущенную с

камешков, привезенных из Иерусалима, взятую из святых источников), ладан, причащение; взрослые крестили детей, особенно на ночь, постепенно учили их креститься самих. Эти же средства применялись и для лечения, независимо от того, приписывали ли болезненное состояние порче, сглазу или же более материальным причинам, например, в случае поноса, простуды, травм и т.д., дополняя лечение распространенными в народной медицине рациональными процедурами: прогреванием, растиранием, а также траволечением. Одновременно совершали и «свои», популярные в народе и весьма разнообразные магические акты. Например, от порчи поили водой, которой предварительно обмывали скобы дверей в доме, при бессоннице носили детей в курятник под курошест и читали там специальные заговоры, в случае постоянной слабости и хилости «перепекали» в теплой печи (*Топорков*. С. 114—118). Элементарные приемы врачевания знали и совершали домашние ребенка, в более сложных случаях обращались за помощью к специальным знахаркам.

Весь первый год жизни младенца занимал особое место в череде детских лет. Само существование малыша, казалось, слишком неустойчивым, кроме того, по мнению окружающих, на этом начальном этапе бытия закладывались основы его здоровья и благополучия. Поведение взрослых в значительной степени подчинялось многочисленным запретам и рекомендациям, объединенным общим принципом «не навреди». Их игнорирование могло не только нанести сиюминутный вред, но и нарушить нормальное развитие ребенка в дальнейшем.

Особого внимания и обрядового оформления требовали процедуры, совершаемые с младенцем впервые — первое купание, первое укладывание и т.п. Первое купание новорожденного происходило в день родов; иногда только что появившегося на свет малыша лишь обмывали и затем уже купали «набело» (*Покровский Е.А.* С. 82—87). В воду часто добавляли предметы, которым приписывались магические свойства, прежде всего очищающие и укрепляющие. Некоторые из них употреблялись при первом купании. Например, распространенным можно считать

обычай бросать в воду монетки («по состоянию родителей»), чаще всего серебро. Другие предметы, например, череду и соль, добавляли с лечебными целями в воду для купания в течение некоторого времени. Для усиления христианской защиты в воду капали воск с зажженной свечи. Таким образом, очевидно, что при купании использовали предметы, популярные в родовспомогательной практике. Обычно местом первого купания у русских центральных и северных областей страны была баня, где и проводил вместе с матерью первые дни своей жизни новорожденный. Для смывания послеродовой грязи и укрепления здоровья малыша повитуха в нежарко натопленном помещении слегка парила младенца, похлопывая его веником. В южных областях и частично в центральных купание — и первое, и последующие, происходило в русской печи или же просто в теплой избе. В дальнейшем в русских семьях считали необходимым купать новорожденных в течение первого месяца 1—2 раза в неделю, до года — 2—3 раза, а после года — один раз в неделю.

Время первого укладывания в колыбель зависело во многом от условий проживания семьи, количества детей, спокойствия малыша; кроме того, во многих семьях не считали возможным класть ребенка в колыбель до совершения над ним таинства крещения. Первое укладывание также сопровождалось обрядовыми действиями, от которых зависели здоровье и спокойствие новорожденного. В соответствии с местной традицией выбирали дерево для люльки. В качестве подстилки на дно люльки клали солому.

В колыбели младенцу предстояло существовать отдельно от матери, и поэтому следовало особенно тщательно оградить его от порчи и тем более подмены «нечистой силой». Колыбель и все, что в нее должно было быть положено, в том числе и ребенка, кропили святой водой, в изголовье люльки вырезали или намазывали смолой крест, окуривали ее ладаном, клали его внутрь или вешали на ниточке. При укладывании произносили, например, такие слова: «Господи, благослови! Дай Бог святой час. Пошли Господи Ангела своего хранителя сохранить Николая

от злого духа и усыплять его спокойным сном (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1085. Л. 11. Орловская губерния и уезд). Если малыш был еще некрещенный, то на люльку вешали крест, который затем надевали на него при крещении. Но употреблением христианской атрибутики заботливые родители не ограничивались. Для защиты от нечистой силы в зыбку клали колющие предметы, например, ножницы, а для спокойствия и крепкого сна — щетку для льна, свиной хрящ — пяточок, в голову сон-траву.

Основным питанием новорожденного с первых дней его жизни было грудное молоко. Специалисты-врачи, занимавшиеся до революции проблемами ухода за новорожденными, отмечали, что при общерусской традиции кормления младенцев в раннем возрасте грудным молоком статистика показывает некоторые различия в сельской местности и городах. Лишение грудничков материнского молока в деревне было редкостью. Иная картина наблюдалась в городах, особенно столичных, где было и искусственное кормление (*Покровский Е.А. С. 266*).

Время первого кормления несколько различалось. В некоторых местностях ребенка прикладывали к груди в день родов, считая молозиво полезным для здоровья малыша, но чаще дожидались, когда придет молоко. Перед кормлением грудь обмывали, предпочтительно святой водой, и первой обязательно давали правую грудь — «чтобы не был левшой».

Кормление грудным молоком русские матери считали наиболее полезным для детей в первый год их жизни. В обычных условиях грудь давали при проявлении ребенком признаков голода, а также при беспокойстве, плаче — для его успокоения. В то время, как в дворянских семьях, особенно в среде высшего дворянства, было принято приглашать кормилицу с первого дня рождения ребенка, крестьянские женщины при недостатке своего молока употребляли разбавленное коровье, избегая кормить своих детей молоком другой женщины. Более того, они относились к этому с суеверным страхом и прибегали к чужой помощи лишь в крайних случаях.

Сразу по рождении ребенок получал соску — разжеванный черный хлеб (реже белый, баранки), завернутый в тряпочку. Эта соска служила не только питанием для новорожденного, но, и по распространенному убеждению, излечивала от грыжи. Для «крепости и здоровья» в соску к хлебу добавляли соль.

Прикармливать ребенка начинали с 5—6-й недели, иногда и раньше, сначала разбавленным коровьим молоком, и затем жидкими кашками, тюрей из хлеба и баранок. Для искусственного кормления использовали «рожок» — коровий рог, на который надевался сосок коровьего вымени. Раннее искусственное докармливание объяснялось прежде всего занятостью женщин на работе, особенно в летнее время.

Кормление грудью продолжалось 1,5—2 года, или как чаще говорили в народе «три поста» (учитывались Великий и Успенские посты), реже — «шесть постов», если считать все посты года. В крестьянских семьях строго соблюдали религиозные запреты в питании, лишь для грудных детей (как и для тяжелобольных, и то с разрешения священника) делалось исключение. Полугодовалый срок грудного кормления был установлен когда-то православной церковью и многие верующие крестьяне считали грехом давать ребенку скоромную пищу на «четвертый» пост.

Отлучение от груди часто сопровождалось специальными обрядами, знаменующими возрастной переход в жизни ребенка, возможно, выход из младенчества и окончание непосредственной связи с кормилицей-матерью. В день отлучения от груди гадали о будущем ребенка. Для этого клали перед ним предметы, символизировавшие определенный род занятий и смотрели, что он возьмет.

Среди обрядовых действий, совершаемых над младенцами, нужно выделить обряд первого подпоясывания. Встречался он хотя и не повсеместно, но достаточно широко для того, чтобы рассматривать его как особый сюжет русской обрядовой традиции. Заключался этот обряд в том, что крестная мать (изредка — бабушка-повитуха) в предназначенный для этого день приносила крестнику (крестнице) пояс, а иногда и другие предметы

одежды — шапочку, рубашечку, а также подарки, и с пожеланием «быстро расти» и быть здоровым, подпоясывала его, после чего обычно следовало небольшое угощение. Обрядовое и временное выделение первого подпоясывания связано, по-видимому, с той особой функцией магической защиты, которой обладал, по мнению русского народа, этот обязательный элемент народного костюма (Кремлева, 1989. С. 251—254; Лебедева А.А., 1989. С. 231—236). Можно предположить, что таким образом народный обычай сохранял, хотя и в измененной форме, церковный обряд надевания пояса (как и креста) на скрещиваемого младенца. Этот элемент чинопоследования таинства крещения в XIX в. уже вышел из практики православной церкви и сохранялся лишь в обряде крещения у старообрядцев.

Наиболее распространенной можно считать традицию подпоясывания на 40-й день после рождения, одновременно с принятием роженицей очистительной молитвы и «воцерковлением» окрещенного ранее младенца, до того он был «распоясан» (Тульская, Владимирская, Рязанская, Калужская, Смоленская губернии). Более того, иногда считали, что подпоясывать младенцев раньше этого срока — грех (Клинский уезд, Московская губерния). Однако оставлять младенцев дольше положенного срока без столь необходимого для человека оберега также казалось очень опасным. Если же по вине крестной такое случилось, она могла за это, видимо в результате Божьего наказания, «оплатиться смертью» (Рязанская губерния).

Иногда подпоясыванию приписывалась способность влиять на физическое развитие ребенка. В некоторых местах первое подпоясывание приурочивали к определенным временным этапам младенческой жизни: прорезыванию первых зубов. В 80-е годы XX в. обрядовое подпоясывание еще сохранялось где-где в сельской местности, но, как правило, оно уже не связывалось с какими-либо определенными сроками.

Первые попытки ребенка сделать самостоятельные шаги сопровождали действия, имевшие целью освободить ножки малыша от воображаемых «пут», препятствующих началу его самосто-

ятельного хождения, и тем самым дать ему возможность «ходить шибко и скоро». Для этого кто-либо из взрослых должен был ножом, лучиной или, если их не оказывалось под рукой, просто пальцем сделать между детскими ножками (иногда перед ними) движение, имитирующее разрезание, отчего и само действие называлось «пута резать». Так же поступали в тех случаях, когда младенец долго не начинал ходить (Московская губерния). Некоторые же считали более действенным реально запутать ножки веревкой или ниткой и затем ее разрезать (Смоленская губерния, Духовщинский район). Магические действия с перерыванием диктовались и иными соображениями. В некоторых местах полагали, что ребенку мешает ходить страх и для того, чтобы «оттяпать робость», нужно провести перед ним по земле черту косой или ножом (Вологодская область, Вожегодский район) или же квашенным ножом ударить по полу два раза (Нижегородская губерния). С той же целью иногда «перерезали след», т.е. делали имитирующее перерубание движение рукой после каждого шага ребенка (РЭМ. Ф.7. Оп. 1. Д. 1768. Л. 5; АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 56. Нижегородская губерния). С первыми шагами связывали и определенные приметы относительно будущего ребенка. Например, жители Шенкурского уезда считали, что, если он в первый раз пойдет в передний угол — жить будет, к порогу — скоро умрет (АРГО. Р. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 56).

Первый год жизни ребенка заканчивался обрядом первого пострижения (*Рабинович*. Очерки, 1978. С. 251). По русскому обычаю крестные в первую годовщину жизни выстригали крестнику прядь волос или же, как известно по материалам XIX—XX вв., две пряди крест накрест, затем его в первый раз стригли. При этом малыша сажали на шубу. Обряд первого пострижения сохранялся кое-где и во второй половине XX в. Но даже там, где уже не встретишь и воспоминаний о существовании такого обряда, родители твердо придерживаются правила не стричь волосы ребенку до исполнения года. На этом период собственно младенчества, когда новорожденный являлся лишь пассивным объектом забот взрослых, стремящихся сохранить и укрепить

само его существование на земле, а также дать нужное направление дальнейшему развитию, заканчивался.

Из всего вышесказанного очевидно, что традиционная для русских культура родовспоможения сложилась и функционировала как постоянное и неразрывное соединение практического опыта и религиозных воззрений. Разделить их при исследовании невозможно, более того, такие попытки привели бы к ошибочному пониманию жизни русского человека, особенно крестьянина. Религиозное мировосприятие было той основой, или скорее канвой, на которую накладывалось многообразное бытие человека и которая постоянно в большей или меньшей степени корректировала и ограничивала определенными рамками мысли и поступки мирянина. Влияние религиозного фактора было особенно ощутимо во всем, что касалось рождения и ухода за роженицей и новорожденным. Однако уже по исполнению ребенку двух-трех лет поведение взрослых определяли не только и не столько соображения религиозного характера, сколько задачи целенаправленного воспитания и постепенного включения ребенка в активную жизнь семьи и того социального окружения, к которому он принадлежал.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды

Эти обряды занимают особое место в ритуалах семейного цикла. По сравнению с другими обрядами они более консервативны, так как отражают медленно изменявшиеся представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших. Кроме того, соблюдение установившихся ритуальных действий издавна считалось важным для судеб души в загробном мире, следовательно, было моральной обязанностью родственников по отношению к умершему. Выполнение этой обязанности контролировалось общественным мнением, а также убеждением, что душа покойного может наказать родственников, если что-то будет сделано не так. С ослаблением этих идей ритуал продолжал поддерживаться этическими нормами. Погребение и поминки

рассматривались как особое событие, когда неуместно было проявлять чрезмерную бережливость и пренебрегать обычаями, даже теми, которые могли казаться ненужными и потерявшими смысл. Исправное исполнение похоронно-поминальной обрядности было знаком уважения к человеку, ушедшему из жизни.

Погребальный обряд русских XIX — начала XX в. складывался в течение длительного периода. В основе его лежит христианский (православный) похоронный ритуал, воспринявший и впитавший в себя многочисленные обряды и поверья, сохранившиеся от дохристианских традиций.

Языческий погребальный обряд Древней Руси, вытесненный православием, известен лишь в самых общих чертах. Как показывают археологические данные, славяне знали трупосожжение, сооружали курганы и *столпы* (видимо, сооружения в виде небольшого дома на столбах), в которых ставились сосуды с костями, собранными на кострище. На погребальный костер или к могиле покойного доставляли в ладье или в санях; с мертвым клали в могилу его вещи. Погребение сопровождалось поминальным «пиром» и ритуальными играми и состязаниями — *тризной*. Еще в начале XII в. у вятичей сохранялся курганный обряд погребения (подробнее см.: *Анучин; Рыбаков, 1987. С. 73—120, 393—398; Рабинович. Очерки... 1978. С. 254—268*).

С утверждением христианства в жизнь вошел и новый, предписанный церковью погребально-поминальный обряд. Христианская обрядность категорически отвергала сожжение умерших. Хоронить следовало в земле, положив тело покойного «головою за запад». Но вместе с тем продолжали соблюдаться и многие дохристианские обычаи. Сочетанию христианских и языческих традиций способствовали общие идеи вероучения — вера в загробный мир, в продолжающуюся жизнь души и в необходимость заботиться о душах умерших родственников.

Важно подчеркнуть, что сохранение дохристианских верований и обрядов у принявших православие русских неправильно толковать как двоеверие, т.е. как равноценность языческого и христианского мировоззрений. Соблюдались те языческие обычаи,

которые не противоречили главным идеям христианства, не были направлены против основ вероучения. Оплакивание умерших, захоронение вещей с умершим в могилу, обильные поминальные «пиры» и даже пляски скоморохов на погостах — эти и другие народные традиции были нехристианского происхождения и порицались духовенством, но они не отрицали веру в Христа, в христианскую мораль, в необходимость церковных треб и т.д. Поэтому русские люди, сохранявшие в своей жизни обычаи, оставшиеся от предков, с полным основанием осознавали себя христианами. С течением времени дохристианские обряды и представления утрачивали силу или полностью забывались; многое из того, что было свойственно народному быту в XVII—XVIII вв., не говоря уже о предшествующих столетиях, в XIX в. оказалось утраченным. Тем не менее в XIX—XX вв. похоронно-погребальная обрядность русских сохраняла немало пережитков дохристианских воззрений. Эти пережитки славянского язычества были неодинаковыми в разных областях России, однако различия в обычаях не были столь значительными, чтобы можно было говорить о разных локальных вариантах погребально-похоронной обрядности.

Различия в похоронной обрядности наблюдались в разных социальных группах (крестьянство, купечество, дворянство), но и они, по крайней мере, в XIX в., не носили принципиального характера. Важно подчеркнуть, что наиболее интенсивной жизнью и в полных формах обрядность жила в крестьянской среде. Иным, а в ряде случаев и существенно иным, погребально-поминальный ритуал становился тогда, когда русские отходили от православия.

Похоронно-поминальный ритуал к концу XIX в. претерпел заметные изменения (в основном за счет забвения или переосмысления целого ряда дохристианских традиций). Эта хронологическая веха позволяет представить на конкретных примерах изменения, которые привели к сложению форм обрядности, характерных для современности.

Структура погребально-поминального ритуала проста и состоит из нескольких последовательных обрядов-комплексов, а именно:

1) действия, связанные с предсмертным состоянием человека и в момент смерти, с одеванием покойника и положением его в гроб; 2) вынос из дома, отпевание в церкви, погребение; 3) поминки, которые после 40-го дня переходили в поминальные обряды, связанные с календарной обрядностью.

Пожилые люди готовились к смерти заранее. Женщины шили себе *смертную* одежду, в некоторых областях было принято задолго до смерти делать гробы или запастись досками для гроба. Но для глубоко верующего человека главным считалось подготовить себя к этому последнему жизненному шагу духовно, т.е. успеть сделать необходимые дела для спасения души. Богоугодными делами почитались раздача милостыни, вклады в церкви и монастыри. Также благочестивым делом считалось прощать долги. Очень боялись внезапной смерти («в одночасье»); в каждодневную молитву входили слова «Упаси, Господи, всякого человека умереть без покаяния». Умереть дома, среди близких, в полной памяти, по представлению русских, было «благодатью небесною». Около умирающего собиралось все семейство, ему подносили образа (иконы), и он каждого благословлял особо. Если больной чувствовал себя очень плохо, то приглашали священника для исповеди; рассказав о своих грехах, умирающий получал от него прощение от имени Иисуса Христа.

Нередко больного соборовали. *Соборование* (елеосвящение) — одно из семи таинств православной церкви, которое совершалось над больным. При елеосвящении, так же как и при покаянии, отпускались грехи. Существенное действие елеосвящения виделось в облегчении телесных и духовных скорбей. В русской православной церкви вошло в обычай совершение елеосвящения, как правило, одним священником. Ритуал состоял в смазывании освященным деревянным маслом (елеем) лба, щек, губ, рук и груди умирающего при чтении молитв. Соборование совершалось в присутствии родственников и зашедших проститься к умирающему односельчан. Во время таинства они стояли с зажженными свечами в руках. Для обряда стол накрывали скатертью или грубой холстиной и на него ставили глиняную чашку с хлебным зер-

ном, в которое втыкались семь лучинок и семь свечек. Соборовать старались в церковный праздник, чтобы все, кто желал помолиться об умирающем, могли придти к нему. По окончании ритуала все кланялись в ноги умирающему и говорили «Прости меня Христа ради». Потом целовали его. Больной, если был в силах, первым просил прощения. Верующие считали, что перед смертью необходимо причаститься и сознаться во всех грехах. «Без соборования нельзя рассчитывать на прощение грехов».

Но в некоторых местностях народ придавал соборованию совершенно несвойственное ему значение, считая принявших это таинство и оставшихся после этого в живых нечистыми. Их старались избегать. Такому крестьянину не разрешали сеять в поле; он должен был никогда не есть мяса, не пить вина. Про таких говорили, что «он живет не своей жизнью, заел чужую жизнь». Крестьяне должны были после соборования «ходить в темном, не иметь отношений с женщинами». Поэтому «молодых даже при самых тяжких болезнях старались не соборовать». Чаще, однако, встречаются сообщения, позволяющие думать, что во второй половине XIX в. «это суеверие вывелось и соборуются почти все больные старухи» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 69. Владимирская губерния). Такие взгляды характерны для жителей всех губерний.

После исповеди умирающий прощался с семьей и родственниками и давал наказы. Для родных и окружающих очень важно было получить от умирающего прощение за обиды, когда-то, возможно, причиненные ему. Выполнение наказов умирающего считалось обязательным.

Если человек умирал быстро и безболезненно, верили, что душа его попадет в рай, а если перед кончиной тяжело и долго мучился — значит, грехи так велики, что ему не миновать ада. Родные, видя, как мучается умирающий, старались помочь душе покинуть тело. Для этого они открывали дверь, окно, печную трубу, ломали конек на крыше, поднимали верхнюю слегу в крыше дома. Повсеместно ставили чашку с водой, чтобы душа, отлетая, омылась. Умирающего полагалось класть на пол, подстелив солому. Умереть на печи считалось большим грехом.

Когда наступала смерть, родственники начинали громко причитать. Надо заметить, что причитания были широко распространены на Руси (Русский Север, Смоленская, Московская и Рязанская губернии, Сибирь и др.), в некоторых местностях существовали особые *плакальщицы*, как правило женщины, которых специально приглашали. Предполагалось, что умерший все видит и слышит. Содержание причитаний было произвольным, все зависело от красноречия плакальщицы (Этнография восточных славян. С. 414). В крестьянской среде этот обычай дожил до наших дней. В текстах причитаний, кроме жалостливых и добрых слов об умершем, могли прозвучать и слова о собственной судьбе плакальщицы (Барсов. Причитания... Т. 1). Причитания исполнялись в течение всего похоронного обряда, а также в поминальные дни, включая години и родительские субботы.

С наступлением смерти все было направлено на приготовление умершего к похоронам. Эти действия во многом носили религиозно-магический характер. Прежде всего, умершего должны были обмыть (Жремлева, 1980. С. 21—30). Издавна, как было принято, мужчину обмывали старики, женщину — старушки, но уже к середине XIX в. обмыванием в основном занимались только женщины. В каждом селении были старушки, которые обмывали покойников, получая что-либо из одежды покойного — сарафан, рубашку или платок. Часто обмыванием занимались бедные люди. Нередко обмывальщиками были повивальные бабки, вдовы или незамужние девушки, отличающиеся набожностью и давшие обет безбрачия. Обмыть покойного считалось богоугодным делом: «трех покойников обмоешь — все грехи отпущены будут, сорок покойников обмоешь — сам безгрешным станешь». При обмывании часто присутствовали близкие родственники покойного, которые громко причитали.

О погребальной одежде, в отличие от свадебной или праздничной, источники содержат мало сведений. По имеющимся материалам, в XIX—XX вв. существовали следующие разновидности одежды, в которой хоронили. 1) Одежда венчальная (брачная). Многие люди, в особенности женщины, сохраняли

всю жизнь одежду (часто только рубаху), в которой они венчались. Было широко распространено убеждение, что брачное одеяние (*брашно*) надо беречь, ибо в нем следует ложиться в гроб. 2) Одежда праздничная, т.е. та, которая при жизни надевалась в праздничные дни. 3) Одежда повседневная, в которой человек умер или носил ее перед смертью. 4) Одежда, специально приготовленная для похорон (*Маслова*, 1984. С. 85 и др.).

Готовить себе одежду для похорон было обычаем широко известным. «Смертный узел» или «смертную одежду» запасали заранее. Приготовленная для погребения одежда отличалась способом шитья, покроя, материалом, цветом. Умерших одевали не так, как живых. Рубашка, надеваемая «на смерть», не застегивалась ни на пуговицы, ни на запонки, а завязывалась тесьмой или суровыми нитками. При шитье погребальной одежды на нитках не делали узлов. Нитку полагалось вести от себя; в некоторых местностях иглу держали левой рукой, а ткань не разрезали ножницами, а разрывали. Иногда заготовленную «на смерть» рубаху не заканчивали, оставив, например, невырезанными ворот и другие детали, которые «завершали» уже после смерти человека его близкие. У крестьян материал для похоронной одежды и в XIX в. оставался домотканым и лишь в конце столетия стал постепенно вытесняться фабричной тканью. Смертная одежда длительное время сохраняла старинный покрой и традиционные формы, уже вышедшие из моды.

Существовало много вариантов похоронной одежды в разных местностях России. Но в основном женский костюм состоял из белой холщовой рубахи с длинным рукавом и белого сарафана. На голову женщинам повязывался белый платок, а замужним под платок полагался еще и *повойник* (*волосник*). В некоторых областях умершую зажиточную женщину одевали в белую полотняную рубаху и в яркий цветной сарафан, а бедную — в *печатный сарафан* — из простого полотна, окрашенного в синий цвет и украшенного узорами, «отпечатанными» особыми штампами. Мужчину одевали в белую рубаху и штаны. Брюки и пиджак в качестве похоронной одежды появились не ранее второй половины

XIX в. И мужчин, и женщин в некоторых местностях подпоясывали. Обувь имела большие локальные различия: от «специальных смертных лаптей», сплетенных особым способом, до валенок — даже если хоронили летом. Саван был распространен достаточно широко, хотя и не повсеместно. Покойников обыкновенно клали в гроб в саванах, сшитых из холста.

После обмывания и «обряжения» покойного клали на лавку в передний угол, зажигали лампадку перед иконами и начинали молиться. Вообще с момента смерти и до самых похорон (хоронили, как правило, на третий день) над покойным читались молитвы специально приглашенными *читальщиками*. Их поили чаем и угощали ужином; на столе стоял мед, иногда разбавленный водой. Около умершего обязательно кто-нибудь сидел, его не оставляли одного, «боясь, чтобы бес не залетел и не испортил усопшего». Верили, что покойный слышит все, что делается вокруг.

Когда наступала смерть, сразу же оповещались все родственники и односельчане. Услышав, что кто-то умер, все, чужие и родные, спешили в дом, где лежал покойный, и каждый что-нибудь нес, чаще всего свечи. В течение всего времени, пока покойник лежал под иконами, к нему приходили родственники, в том числе и из других деревень, а также односельчане, чтобы проститься. Богатых в церковь и на кладбище провожало множество народа. На похороны бедняков принято было идти с приношениями — холстом, свечами, деревянным маслом, ржаной или пшеничной мукой, которые отдавались родственникам усопшего — *на помин души*. Ссужали и деньгами — для оплаты похоронных расходов; участвовали в похоронах и конкретными действиями: одни рыли могилу, другие обмывали тело, третьи шили саван. Неимущих и безродных хоронили и поминали на средства всего общества.

Таким образом, смерть односельчанина становилась событием в жизни всей деревни и касалась не только самых близких, но и всех окружающих. Родные не оставались со своим горем наедине.

Гроб обычно начинали делать в день смерти, как правило, посторонние люди. В XIX в. в крестьянской среде гробы не обивали

и не красили. На Русском Севере, в Забайкалье и в некоторых других местностях были распространены гробы не сколоченные из досок, а «долбленные из колоды», т.е. сделанные из цельного дерева; к концу XIX в. из колоды делали гробы только детям. Некоторым покойникам в гроб клали предметы их занятий.

Перед тем как положить в гроб покойного, гроб окуривали ладаном. День похорон обычно назначал священник. Хоронили, как правило, днем. Без священника или дьякона покойника не клали в гроб, потому что следовало окропить умершего святой водой и окурить ладаном, а это мог сделать только священнослужитель. Умершего выносили из дома обычно утром, чтобы успеть в церковь к обедне. Но иногда покойного приносили туда к вечеру, и последнюю ночь гроб с ним стоял в церкви. При похоронах состоятельных людей на дом приглашали священника и церковнослужителей (*причт*), которые сопровождали умершего вплоть до могилы. Обряд с участием духовенства назывался в ряде губерний похоронами с *подъемом* или с *выносом*. Такие похороны далеко не все могли себе позволить. Бедные семьи обходились и без участия причта в обряде. В таких случаях гроб окуривала ладаном обмывальщица или читальщица.

День погребения был особенно насыщен обрядовыми действиями и проявлением горя. По традиционным представлениям, умерший в этот день прощался со всем, что окружало его при жизни — с домом, двором, деревней. За священником посылали лошадь. Прибыв в дом, священник служил над покойным литию, окроплял пустой гроб святой водой. Затем в него, в присутствии священника, клали умершего. При выносе в избу набивалась вся деревня, все громко плакали. По представлениям крестьян, чем больше провожающих, и чем громче плач, тем почетнее похороны. Плакать в голос и причитать следовало каждое утро в продолжение девяти дней. В день похорон соседи приносили свечу, а также две копейки или совок ржаной муки. Все это поступало в пользу церкви. В некоторых местах перед тем, как нести гроб в церковь, близкие родственники умершего повязывали священника и всех родственников мужского пола длин-

ными холщовыми полотенцами. Гроб с покойным несли на себе, а если храм был далеко, везли на лошади, которую по обычаю близ церкви распрягали.

При выносе тела совершалось много магических обрядов. Выносили умершего обязательно ногами вперед. Делалось это для того, чтобы покойный не нашел дорогу домой. С этой же целью похоронная процессия часто останавливалась у первого перекрестка, где гроб оборачивали по солнышку три раза. Называлось это «путать следы». Причитания сопровождали гроб с покойным до самой церкви. В некоторых местностях женщины, окружив гроб, припадали к его бокам и громко рыдали. Во время причитаний многие просили покойного передать привет в «тот мир» и сообщить об их житье-бытье умершим ранее родственникам (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 213. Л. 4. Вологодская губерния).

При похоронах богатых людей вынос из дома, как и из церкви на кладбище, часто сопровождался колокольным звоном. По представлениям многих верующих, колокольный звон — это глас Господень, и он может вызволить из ада душу умершего. Поэтому, если человек умирал такой смертью, что по правилам церкви нельзя было за него молиться, то покупали колокол для какой-либо церкви или делали вклады на его покупку. Если церковь была далеко, покойного иногда отпевали дома, хотя это считалось нарушением правил. После отпевания (дома или в церкви) покойного везли или несли на кладбище. В разных местностях оно называлось по-разному: *погост, буйво, могильник, кладбище*. Если кладбище было далеко, то умершего провожали чаще всего только близкие родственники. Нести гроб на руках было знаком уважения к умершему. Нередко гроб несли на носилках или везли на санях, телегах.

После отпевания в церкви священник, если его просили, сопровождал гроб до места погребения. Здесь похоронную процессию ожидали мужчины, копавшие могилу. Глубина могилы могла быть не более трех аршин — за этим строго следили священники. Ширина ее была до 3/4 аршина, а длина зависела от роста умершего. Могилу полагалось рыть перед самыми по-

хоронами; когда яма была готова, «копальщики» оставались подле нее, стерегли могилу «от беса». У могилы священник по заказу родных усопшего еще раз совершал литию. Внутри могилу кадили. Затем гроб закрывали и на полотенцах (веревках) медленно опускали в яму и ставили на поленья или прямо на землю. В могилу бросали деньги, «чтобы душа имела чем заплатить за перевоз ее на тот свет», «чтобы было чем откупиться от греха»; рассказывая о похоронах, некоторые просто говорили, что так было заведено. Все участники похорон бросали в могилу горсть земли. Этот обычай был распространен повсеместно. Могильный холм обкладывали дерном. Во многих местах около могил сажали деревья: берёзы, ветлы, липы, тополь, иву, рябину и т.п. В Ярославской губернии для того, чтобы скорее зазеленела могила, ее обсыпали овсом. На могилы ставили деревянные кресты. На Севере, в Нижегородском крае и в Прикамье сохранялась древняя традиция водружать над могилой столб с подобием домика наверху. Зажиточные люди сооружали над погребением часовни. Для городских кладбищ в XIX в. стали типичными и каменные надгробья.

После погребения снова служили панихиду, а затем покидали кладбище. Во многих губерниях поминовение совершали на могилах сразу после погребения: на могиле расстилали скатерть или кусок холста, на которые клали пироги, ставили мед, кутью. Нищим подавали хлеб и блины.

Русский обычай предписывал подавать на похоронах так называемую *милостыню* (*дары*) ради умершего — «в знак памяти». Тот, кто брал милостыню, должен был молиться за покойного. По народным представлениям, до страшного суда участь умерших могла измениться. Если совершать поминовение умерших в домашних молитвах и в церкви (отправление панихид, заупокойных обеден, сорокоустов), то грешники могли освободиться от вечных мучений. Считали также, что заупокойный колокольный звон мог вызволить погибшую душу из ада. По народным верованиям, душу грешника можно спасти («вымолить»), если постоянно молиться в течение сорока дней после смерти. Интересен обычай «тайной милостыни»: для поминовения души умершего в те-

чение трех-сорока дней ночью тайно клали с внешней стороны окна или дверей, как правило, бедного дома хлеб, два-три яйца. Некоторые люди незаметно приносили соседям или бедным людям деньги, ситец, платки, восковые свечи т.п. Те, кто обнаруживал такие дары понимал, что нужно помолиться за безымянного. «Тайную милостыню» клали и у колодца, и на церковное крыльцо. Эта милостыня по народному представлению считалась самой угодной Богу: верили, что за нее Бог мог простить души самых отъявленных грешников.

Обычно в день похорон или на поминках (особенно на 40-й день) лицам, пришедшим в дом помолиться, давали деньги, а родственникам умершего дарили его вещи. Милостыню получали и все те, кто каким-то образом участвовал в похоронном обряде и соприкасался с покойным. Люди, которые молились и отпевали, получали деньги, те, кто нес гроб — полотенца. Копальщикам доставались полотенца, на которых опускали гроб в могилу; тем, кто обмывал покойного, давали что-нибудь из его вещей. Родственники, сопровождавшие похоронную процессию, по дороге на кладбище раздавали детям конфеты. Церковь получала в дар полотенце, которым был обернут крест, а также холст или платок, лежавший на крышке гроба.

В Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Оренбургской губерниях широко бытовал обычай подавать милостыню, называемую «первая встреча». Суть обычая в следующем. Во время выноса покойника женщина из числа его родственниц брала хлеб, кусок холста, длиной в два-три аршина, нитку и подавала эти вещи первому встречному человеку ради поминовения умершего. Мужчина, ведущий лошадь с гробом к церкви, подавал, вынув из-за пазухи, кусок холста (примерно в один аршин) или что-либо печеное. Многие считали, что, подавая «первую встречу», выражали тем самым пожелание, чтобы душу покойника встретили на том свете так же хорошо и ласково, как они встретили первого человека (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1785. Л. 5. Владимирская губерния).

После выноса покойного оставшиеся дома женщины мыли полы. В некоторых местностях считали необходимым вымыть также стены, лавки и всю посуду. Участники похоронной процессии, вернувшись с кладбища, обычно мылись в специально натопленной бане (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 68. Владимирская губерния).

Умершую девушку наряжали, как невесту. Считали, что души непорочных, незамужних девиц попадали сразу в рай, вот почему их называли Христовыми невестами. Похороны девушки обставлялись празднично, покойницу одевали в лучшее платье, светлой расцветки, украшали цветами, как невесту к венцу. Несли гроб девушки, одетые тоже в праздничные платья. Молодого неженатого парня хоронили также в праздничной одежде, иногда в картузе.

По всей России в отношении людей, умерших неестественной смертью (самоубийцы, опойцы, утопленники), традиционный похоронный ритуал соблюдался не полностью. Такое отношение к людям, погибшим по своей воле (вине) или по воле случая, основано на христианских предписаниях. Самоубийцу не отпевали, невзирая на то, что он мог быть самым близким человеком (отцом, сыном, мужем). По самоубийцам никогда не делали поминок. Поминать их даже дома при молитве, по народным убеждениям, считалось грехом, не говоря о церкви. Самоубийц не полагалось хоронить на кладбище (Подробнее см.: *Зеленин, Очерки...*).

После погребения обязательно устраивали поминальный стол. Во время ритуальной трапезы в день похорон присутствующим раздавали подарки. Так как в народе поминками обычно назывались действия, приуроченные к 9-му и 40-му дням, то точнее будет сказать, что в день похорон в доме умершего устраивался обед. Сегодня принято думать, что раньше на русских похоронах много пили. Но в действительности все обстояло иначе. В некоторых местностях в день похорон бывало и по сей день бывает очень мало выпивки. За обедом в день погребения водку если и подавали, то немного (не более двух-трех стопочек). Обилие крепких напитков в этот день считалось неуместным. В некоторых районах вообще появление водки и пива на столе, накрытом для

пришедших с кладбища людей, относят ко времени после гражданской войны. Женщины, читавшие молитвы, как правило, воздерживались от спиртного. Поминальный обед в день погребения не следует путать с поминками сорокового дня, годовыми поминками и специальными родительскими субботами, когда действительно бывало много пива, вина и еды. Обильные поминальные угощения своими корнями уходят в далекое языческое прошлое, напоминая о ритуальной роли опьяняющих напитков. Обязательными ритуальными блюдами на обеде в день похорон были кутья, мед, каши, овсяный или клюквенный кисель, в некоторых районах — рыбные пироги, блины. Звали помянуть всех, кто участвовал в похоронах. Богатые люди приглашали к себе домой весь причт. Священник, входя в дом, служил панихиду, потом благословлял стол с едой и только после этого садился. Широко бытовало поверье, что покойный невидимо присутствует на поминках; поэтому на время поминального обеда оставляли за столом место для покойника, клали для него ложку (иногда под скатерть) и ломоть хлеба.

Начинался поминальный стол обязательно с кутьи, приготовлявшейся в разных губерниях по-разному: из разваренного риса или ячменя с медом. В Архангельской губернии кутью делали из «красного меда», растворенного в теплой воде, без примеси вареной пшеницы и других семян (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1466. Л. 20. Рязанская губерния; АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 3. Архангельская губерния). В разных губерниях, уездах, волостях, селах, деревнях можно было наблюдать множество различий в поминальной еде. На Севере обязателен был рыбный пирог. В Рязанской и Московской губерниях сразу после кутьи подавали блины. После обеда ставили чашу с медом, разведенным в воде или браге. При этом «духовными» пелись «покойные» стихи. В конце обеда членам семьи покойного пелось «многолетие». В Тульской губернии, когда подавалась чаша, при всеобщем молчании в завершение обеда пели «Вечную память». В других местностях трапеза обязательно завершалась ржаным или овсяным киселем. Еда готовилась в зависимости от того, на какой

день приходились похороны (постный или скоромный). В скоромный день подавали жаркое из телятины, холодец, молочные каши, яичницу, в постный — похлебку из сухих грибов с постным маслом, соленые грибы, пшеничную кашу с постным маслом (или без него), кисели. Сладкие пироги (нарезанные кусками) готовили в любой день. Как упоминалось, кутья, мед и овсяный кисель были обязательными кушаньями на поминальном столе. Корни этого обычая уходят в далекое прошлое. По окончании обеда все расходилось по домам. На этом заканчивались обряды собственно погребального ритуала и начинались поминальные обряды.

Поминовение по усопшим родственникам справляли на 3*, 9, 20 и 40-й дни, в годовщину и в праздники. Поминовение выражалось в служении панихид и поминаниях на литургиях, посещении могилы, в поминальных обедах и раздаче милостыни. В некоторых местностях на могилы ходили каждый день в течение шести недель. Состоятельные люди служили каждодневные обеды в продолжении 40 дней. Отмечая поминки, верили, что в 9-й, 20-й, 40-й дни после смерти душа невидимо прилетает домой и иногда дает знать о себе, может даже показаться, поэтому во все эти дни старались ее ублажить. Очевидно, некогда полагали, что душа сорок дней пребывает дома или посещает дом. О таком представлении говорит известный в ряде губерний обычай ставить на божницу на следующий день после смерти чашку с водой и блином или куском хлеба. Этот хлеб через сутки подавали нищим, а воду выливали за окно. Так, продолжалось сорок дней (АРГО, материалы по Владимирской, Вологодской, Костромской, Калужской, Новгородской, Рязанской, Тульской и другим губерниям).

Необычайно сильна была вера в то, что поминания облегчают страдания умершей души. 9-й и 20-й дни отмечались очень скромно, в семейном кругу. Более зажиточные заказывали в эти дни обедню в церкви, а бедные приходили с кутьею к священнику и про-

* Если покойник еще не был захоронен, или похороны состоялись на второй день.

силы отслужить по умершему панихиду. В эти дни варили кутью из риса или пшеницы с медом, патокой или сахаром, пекли пироги (богатые из пшеничной муки, бедные — из ржаной) и затем разносили пироги и кутью по деревне, в городе — по соседям, предлагая помянуть умершего. Посещали кладбище, подавали нищим милостыню. На кладбище рассказывали покойному о своей жизни, жаловались, как им плохо без него.

Особой сложностью обрядовых действий и торжественностью выделялся 40-й день после смерти, так называемые *сорочкины*, когда, по народным представлениям, душа посещала дом в последний раз. Во многих местах все действия, проводимые в этот день, назывались *проводами* или *окликанием* души. На 40-й день приглашалось много народу и делался обильный стол. В основном, обряд 40-го дня в разных губерниях проходил по единому сценарию: обязательно посещали церковь, если она была в пределах досягаемости, потом шли на могилу умершего, а затем дома устраивался обед. Но, конечно, в каждом уездном городке, селе, деревне имелись свои местные особенности.

Было принято заказывать по умершим заупокойные литургии: очень бедные заказывали 3—5 обеден, богатые — 10, 20, 40 (так называемые *сорокоусты*). Обычно, когда на 40-й день совершалась заупокойная литургия, родственники умершего приносили с собой в церковь еду. В конце заупокойной литургии многие имели обыкновение раздавать присутствующим просфоры. Разломав на мелкие кусочки, их подавали словами: «Помяни раба Божьего такого-то». В старину был обычай выходить на двор и кричать, чтобы криком проводить душу на тот свет. Этот интересный обряд проводов души до наших дней сохранился в Пермском крае (АРГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 28. Л. 3. Калужская губерния; Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 89. Рязанская губерния; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 699. Л. 13. Новгородская губерния; РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 6. Вологодская губерния; *Кремлева*, 1980. С. 27—29).

Такие же обряды совершались и на годовщину смерти, только чаще без причетов. Если церковь была расположена далеко от деревни, то обрядовые действия проходили на деревенском

кладбище и дома. Считалось необходимым и важным прочитать псалтырь по умершим родителям и родственникам. На такие поминки приглашалась вся деревня, средств на угощение не жалели. Как и у других народов, сороковины демонстрировали сплоченность и единство не только членов семьи и близких, которых связывало кровное родство и свойство, но и всего коллектива (деревни, части села, по сути дела — общины). На поминки приходили все односельчане, по крайней мере те, кто хорошо знал покойного.

Но на этом не прекращалось поминание умершего. В православной традиции есть ежегодные общие поминальные дни: суббота мясопустная, по-народному, «суббота перед сырной (масленной)» неделей; суббота Троицкая — накануне праздника Пятидесятницы; субботы «родительские» — в Великий пост (недели 2, 3, 4-ая), Радуница (вторник Фоминой недели) и Дмитриевская суббота (перед 26 октября). Поминование умерших в Дмитриевскую субботу ведет свое начало в русской церкви с 1380 г., когда оно было установлено Дмитрием Донским в память русских воинов, погибших в борьбе с татарами, и посвящается главным образом поминовению вообще воинов, «на брани живот свой положивших». С этим поминовением воинов соединилось и обычное осеннее поминовение всех усопших. В русском быту поминовения и посещения кладбищ были обязательны. В Родительские субботы все верующие варили кутью, пекли пироги, заготавливали поминальные «книжки-поминания», наполняли припасами целые корзины и шли поминать «родителей». Священники после службы кадили над каждой могилой. Родственники покойных относили часть припасов причту, нищим. Обрядовым кушаньем, приготовлявшимся в эти дни, были и блины.

Покойных оплакивали на могилах и в храмовые праздники. Поминование предков являлось одним из основных компонентов русской масленицы. Следы весеннего культа предков прослеживаются в масленичной обрядности разных местностей. Суббота перед масленицей отмечалась как *Родительская*. В первой половине XIX в. обычай отдавать первый блин покойным ро-

дителям или поминать их блинами, видимо, бытовал широко (Соколова, 1979. С. 48; Снегирев, 1837. С. 120).

Поминовения умерших совершались так же с Пасхи и до Петрова дня. В первый день Пасхи во многих местах приходили «похристосоваться с умершими родителями», приносили яйца, пироги, низко кланялись могилам и говорили: «Христос воскрес!» Многие были уверены, что в этот день умершие все слышат. Яйца крошили на мелкие кусочки и разбрасывали на могилах. В церковь приносили сдобные пироги и после обедни, по выходе из церкви сразу же шли к могилам разговляться.

Радунница (Радовница, Радольница) — поминовение усопших после Пасхальной недели в понедельник, а в иных местах — во вторник Фоминой недели (т.е. первый вторник после Пасхальной недели). Игры, сопровождавшие праздник Радунницы, были запрещены церковью еще в XIV в. В связи с этим Радунница дошла до наших дней лишь как праздник поминовения умерших, причем в одних местах принято было ходить на кладбище, а в других — нет. В этот день в церкви служили панихиды, приходило много народу. После обедни бывала общая лития по усопшим, по окончании которой все возвращались домой. В домах к этому времени был приготовлен обед с выпивкой.

По представлениям крестьян, воскресший из мертвых Иисус Христос сошел в ад и освободил всех грешников. С этим народная этимология связывала название *Радольница*: в его основе якобы слово «радость».

В ряде областей России было в обычае поминать умерших в *Семик* (последний четверг перед Троицей). Этот обычай, видимо, имеет свои особые корни и первоначально связан с покойниками, которых считали недостойными кладбища (умершие неестественной смертью, опойцы, утопленники, самоубийцы и т.д.), их погребали вне кладбищ, иногда в особых местах (*Зеленин, Очерки...*).

Поминовение умерших совершалось и в Троицкую субботу. Традиция эта старинная, когда-то осужденная Стоглавым собором: «В Троицкую субботу по селам и погостам сходятся

мужи и жены на жальниках (кладбищах) и плачутся по гробам умерших с великим воплем» (*Стоглав*, С. 309). Но впоследствии церковь объявила Троицкую субботу одной из *родительских*, и она в народной традиции стала основной, наиболее распространенной поминальной субботой.

Поминальная обрядность представляла собой самостоятельный цикл ритуалов, совершавшихся в течение года и затем в той же последовательности повторяющихся вновь. Эта обрядность соответствовала религиозным представлениям народа о душе и загробном мире. Она также несла в себе важную социальную функцию, подчеркивая тесную связь между ушедшими в иной мир и живыми.

Умершие не подвергались забвению. Обычаи и обряды поминального цикла способствовали постоянному обращению к ним, посещению их могил, проявлению заботы об умерших в виде молений и особых трапез, а также ряда других обрядовых действий. Сохранение памяти об умерших и регулярное «общение» с ними являлись важным нравственным принципом, выражавшим убеждение народа в необходимости беречь родственные и соседские связи, на которых покоился сложившийся веками бытовой уклад.

* * *

В советское время похороны стали по преимуществу гражданским ритуалом, включившим в себя как почти обязательные элементы траурный митинг и музыку духового оркестра. Эти элементы сочетались с некоторыми проявлениями традиционной обрядности, более многочисленными и явственными в деревне. Сохранялся обычай устраивать после похорон поминальный обед, на котором произносились добрые слова об умершем. Соблюдались поминки на девятый и сорококовой дни и в годовщину после смерти; значительная часть русского народа исключила из поминальных действий в эти дни традиции религиозного характера, и смыслом поминальных трапез стали теплые воспоминания собравшихся о близком человеке, ушедшем из жизни. При этом почти повсеместно как символ памяти

об умершем на стол или какое-то другое место, нередко перед фотографией умершего, ставили стопку водки, накрытую куском хлеба.

Внедрение гражданского, светского элемента в похоронно-поминальную обрядность началось еще в XIX в. (*Полищук*, 1991. С. 25—38). Первые гражданские похороны в России состоялись в 1877 г., когда Петербург хоронил Н.А. Некрасова. Эти похороны совершались по православному обряду, но многолюдное шествие и значение, которое придавалось участию в проводах известного поэта, сделали их особым явлением в общественной жизни страны. Однако новый похоронный обряд («похороны-демонстрации», по удачному выражению Н.С. Полищук), вошел в жизнь как широко распространенный обычай лишь в 1905 г., во время первой революции. Этот обряд или полностью исключал церковный ритуал, или объединял в себе церковный и гражданский ритуалы. Для гражданских и полугражданских похорон были характерны речи, произносимые у гроба, пение революционных песен во время шествия к кладбищу и введение красного цвета в похоронную символику: флаги, ленты, материя, которой обивали гроб, а в ряде случаев и красная рубашка, надевавшаяся на покойного.

В послереволюционный период гражданская похоронно-поминальная обрядность вошла в быт широких масс.

Создание нового советского общества в стране привело к разрушению тех социальных связей, которые поддерживали жизнь традиционной культуры в целом. Одна из непосредственных причин изменений, произошедших в похоронно-поминальной обрядности, — длившееся десятилетиями жесткое ограничение деятельности православной церкви, которое наглядно проявилось в закрытии и разрушении храмов. Немалую роль сыграла и антирелигиозная пропаганда (атеистическое воспитание); она сумела внушить не одному поколению русских людей равнодушие не только к религии, но и вообще к традициям предков.

Однако было бы неправильно объяснять изменения в похоронно-поминальной обрядности, произошедшие в советское время,

одними лишь идеологическими причинами. Идеологический фон сочетался с коренными преобразованиями в жизни страны в XX в. Особо следует подчеркнуть значение мощных процессов урбанизации. Рост городов препятствовал сохранению старых кладбищ. Новые же кладбища, особенно в больших городах, постепенно перемещались на далекие окраины и даже за пределы города, что, разумеется, затрудняло частое посещение их.

В 1921 г. в России строится первый крематорий. И хотя кремация, как уже отмечалось выше, не соответствует русскому традиционному погребальному обряду, тем не менее в Москве и Санкт-Петербурге в послевоенный период она уже вошла в обычай.

В жизни больших городов с особенной отчетливостью проявилось то пренебрежение к памяти о прошлом, следовательно, и о мертвых, которое сделалось характерным для идеологической атмосферы в нашей стране в послереволюционные годы. Массовое уничтожение церковью сопровождалось и массовым уничтожением кладбищ; постройка зданий на месте закрытых кладбищ давно вошла в обычную практику. Известны случаи, когда на месте кладбищ появлялись танцплощадки. Некогда естественная для русского человека «любовь к отеческим гробам» попала в зависимость от бюрократического аппарата. Кладбище перестало быть неприкосновенным и почитаемым местом.

Переселение неперспективных деревень и стремление крестьян переехать в город также внесли свою лепту в разрушение народных обычаев, в том числе погребально-поминального ритуала. Ликвидация деревень приводила к запустению и уничтожению старинных кладбищ. В городе или большом поселке, где доцеркви, если она сохранилась, многим верующим порой сложно было добраться, не так-то легко оказывалось отпеть умерших.

Бесцеремонность по отношению к ушедшим из жизни, молчаливо возведенная в правило бюрократической системой, не могла не воспитать людей, позволяющих себе глумиться над прахом мертвых.

С начала «перестройки» в печати и на государственном уровне стал обсуждаться вопрос о введении общерусского *Дня памяти*

(Дня поминовения). Высказывались разные соображения о том, какой день следует избрать Днем памяти для России: 21 сентября, 22 июня, 9 мая, последнюю субботу апреля? Говорили о том, что нет нужды увязывать этот день с каким-либо историческим событием давнего или недавнего прошлого. В России (как мы видели выше) издавна отмечались Родительские дни, бывшие частью церковной службы. В Иркутске в 1988 и 1989 гг. горожане собирались у памятника воинам, павшим в Великую Отечественную войну, 21 сентября — в день Рождества Богородицы, в тот самый день, когда в 1380 г. произошла Куликовская битва. Примеру иркутян последовали новосибирцы. В Хабаровске Родительский день с 1988 г. отмечают весной. Сельское же население разных областей России и в советские годы не прекращало соблюдать Родительские дни. Кроме того, почти по всей России, в особенности в областях, где оставила свой страшный след война, значение Дня поминовения приобрел День Победы — 9 мая. Во многих деревнях и поселках сооружены памятники погибшим воинам; у этих памятников люди уже многие годы совершают поминальные обряды, в особенности там, где кладбища находятся далеко.

В последние годы происходит возрождение православия в России. При всех трудностях, осложняющих деятельность церкви, в условиях проникновения в страну иных конфессий и нетрадиционных сект, возрастает значение православия в жизни русского народа, что заметно сказывается на обращении все большего числа людей к православной погребально-поминальной обрядности.

Для современной православной похоронно-поминальной обрядности характерно сохранение ряда элементов гражданских похорон, прочно вошедших в жизнь в советское время. Так, похороны по православному чину могут включать в себя и гражданскую панихиду, и музыку духового оркестра, которая перемежается с пением певчих. До сих пор в народной памяти и быту сохраняются некоторые обычаи и поверья, уходящие корнями в глубокую древность. Например, и в наши дни совершаются отдельные очистительные действия, связанные

с верой в магическую силу умерших. Сохраняются и представления о том, что душа мертвого навещает дом в течение 40 дней после смерти. Не забыт и обычай «тайной милостыни». В ряде местностей в гроб продолжают класть принадлежавшие покойному вещи: трубку, папиросы, костыли, а то и запасную пару белья. Распространены рассказы о том, что родственникам может явиться во сне умерший и выразить неудовольствие, если что-то из нужных ему вещей забыли положить в гроб, не так его одели или поминки прошли нехорошо. Столь же широко известны сообщения о благодарности, которую выразил приснившийся (или показавшийся то ли во сне, то ли наяву) кому-либо из близких родных покойный за соблюдение всех положенных по обычаю обрядов.

Погребально-поминальная обрядность живет в любом народе как составная часть его культурных традиций; в ней отражаются особенности человеческих связей и моральных норм, определяющих состояние общества в тот или иной период. Уважение к мертвым свидетельствует об уважении к живым. Если в обществе деформированы и ослабли семейные, родственные и дружеские узы, бессмысленно ожидать проявления глубоких чувств к тем, кто покинул этот свет. Укрепление традиций, связанных с памятью об ушедших, позволяет думать, что в нашем обществе, несмотря на все трудности и социальные эксперименты, сохранены здоровые основы.

Глава восьмая ПРАЗДНИКИ

Развитие русских праздников

Праздничный календарь русских на протяжении их многовековой истории не был стабильным, раз и навсегда данным. Каждая историческая эпоха накладывала на него свой отпечаток, внося в праздничный быт народа что-то свое, новое. Наиболее заметные изменения он претерпел трижды — после крещения Руси, в период петровских преобразований и после крушения самодержавия, т.е. в переломные периоды в истории русского народа.

Первыми, еще в глубокой древности, возникли праздники, связанные с земледельческим календарем предков восточных славян. Начинаясь в декабре, когда солнце «поворачивается на лето», предвещая скорое пробуждение кормилицы матери-земли от зимнего сна, и заканчиваясь осенью, с завершением уборки урожая, праздники составляли целостный календарный цикл. Отсюда и принятое в науке их название — *календарные* или *праздники народного календаря*. В отличие от праздников, появившихся в более поздние времена, они имели преимущественно магический характер. Их цель — обеспечить здоровье людям и лад в семье, хороший урожай полевых и огородных культур, богатый приплод домашней живности (см. ниже «Календарные праздники и обряды»).

В конце X в. вместе с принятием христианства на Руси появились и новые праздники — *церковные (христианские,*

православные, религиозные). Они были посвящены наиболее значительным событиям священной истории, особо чтимым христианским святым, чудотворным иконам. Сопровождаемые торжественными красочными богослужениями, христианские праздники призваны были усилить эмоционально-психологическое воздействие церкви на прихожан и способствовать утверждению в народе православия. Значительная их часть приходилась на те же дни (или близкие к ним), что и древнерусские календарные празднества. Так, Пасха слилась с многодневным весенним празднеством древних славян, которое с помощью жертвоприношений и различных магических обрядов должно было обеспечить обильный урожай и приплод скота, благополучие в семьях. Праздник Рождества Христова соединился в то время с древнеславянским праздником, посвященным зимнему солнцевороту. Рождество Иоанна Предтечи — с древним праздником Купалы, Троица — с Семиком, знаменовавшим окончание весенних полевых работ (пахоты и сева). Культ Ильи Пророка (и его праздник) совместился с культом древнеславянского Перуна — бога грозы (грома), высшего бога в пантеоне Киевской Руси. Успение, пришедшее на время окончания уборки хлебов, впитало в себя ряд дохристианских обрядов и обычаев славян, связанных с завершением жатвы, и т. д. Однако, и содержание, и форма (ритуалы), и психологическая тональность, эмоциональный настрой церковных праздников были совершенно иными, чем в древнерусских календарных праздниках. В праздничные дни, включая и воскресные, верующим предписывалось «оставлять свои житейские дела* и служить одному Богу», для чего они обязаны были приходить в церковь для общественной молитвы и «для научения вере и добрым делам», а по выходе из церкви заниматься различными богоугодными делами (домашней молитвой, уходом за больными, утешением скорбящих и т. п.) (Красовский. С. 570, 572, 573).

* В церковные праздники запрещалась любая работа. Существовала даже поговорка: «В праздник пашеньку пахал, в будни лошадь проискал», т. е. Бог наказывает того, кто нарушает его заповеди.

Но верные заветам старины русичи не торопились расставаться со своими исконными праздниками, сопровождавшимися разнообразными увеселениями: играми, хороводами, песнями, плясками, ряжением, игрой на *сопелках* и *дуделках*, зажиганием костров и другими «бесовскими занятиями». Понадобилось не одно столетие, чтобы православные праздники, сформировавшиеся в иных социальных условиях и на чуждой русским этнокультурной почве, вобрав в себя различные элементы древнерусских дохристианских празднеств, переосмысленных православной церковью, приобрели новую этническую окраску и стали доминирующими в праздничной культуре русского народа, сначала горожан, а затем и сельских жителей. Однако полностью выгеснить из народной памяти древние обычаи, обряды и верования церковь так и не смогла, хотя в борьбе с ними она использовала достаточно широкий арсенал средств — от «обличительных слов» до физической расправы с участниками «бесовских игрищ и гульбищ» (см., например: *Рождественский Н.В.* С. 24—27; *Белкин.* С. 56, 74, 79, 88—91, 94—98). Отдельные реликты древнерусских празднеств сохранились в народном праздничном быту и до наших дней (см. ниже «Календарные праздники и обряды»).

По объекту прославления православные праздники подразделяются на *Господни*, *Богородичные*, *в честь святых* и «бесплотных сил» (мира ангельского). По времени проведения — на *неподвижные* (*непереходящие*), за которыми закреплены особые дни (числа) в церковном календаре, и *подвижные* (*переходящие*), перемещающиеся по календарю в зависимости от не имеющей твердой даты Пасхи — главного, наиболее почитаемого общехристианского праздника («*праздника всех праздников*»). По степени торжественности (видам богослужения) различают *великие*, *средние* и *малые* праздники, по масштабам празднования — *общие* и *местные*. Первые отмечались одинаково торжественно во всех православных храмах, вторые — в некоторых.

К великим праздникам относятся *двунадесятые* и пять не двунадесятых. Среди двунадесятых праздников *три подвижных*:

Вход Господень в Иерусалим — за неделю до Пасхи (Вербное воскресенье)*, Вознесение Господне (Вознесение) — в 40-й день по Пасхе и день Святой Троицы, Пятидесятница (Троица) — в 50-й день по Пасхе. *Неподвижные* великие праздники: Крещение Господне, Богоявление (Водокреши, Иордань) — 6(19) января; Сретение Господне (Сретение) — 2(15) февраля; Благовещение Пресвятой Богородицы (Благовещенье) — 25 марта (7 апреля); Преображение Господне (второй Спас, Спас на горе, средний Спас, Спас яблочный) — 6(19) августа; Успение Пресвятой Богородицы (Успенье, Успенщина) — 15(28) августа; Рождество Пресвятой Богородицы (Малая Пречистая, Спожа, Аспосов, Пасиков, Луков день и др.) — 8(21) сентября; Воздвижение Честного Креста Господня (Вздвиженье, Вздвиженьев день) — 14(27) сентября; Введение во храм Пресвятой Богородицы (Введенье) — 21 ноября (4 декабря) и Рождество Христово (Рождество) — 25 декабря (7 января).

Великие, ноне двенадцатые праздники: Обрезание Господне — 1(14) января; Рождество Иоанна Предтечи (Иванов день, Иван Купало, Купало) — 24 июня (7 июля); день святых первоверховных апостолов Петра и Павла (Петров день) — 29 июня (12 июля); Усекновение главы Иоанна Предтечи (Иван постный**, Иван полетный, полеток) — 29 августа (11 сентября) и Покров Пресвятой Богородицы (Покров) — 1(14) октября.

Двенадцатые праздники (кроме подвижных) имеют так называемые *предпразднества* и *попразднества*. Предпразднества — дни, предшествующие празднику. Создавая определенный психологический настрой, они подготавливают верующих к его встрече. Все двенадцатые праздники, за исключением Рождества и Богоявления, имеют по одному дню предпразднества. Рождество Христово — 5 и Богоявление — 4 дня. Попразднества — дни,

* В скобках дано бытовое, народное название праздника.

** В день Усекновения главы Иоанна Предтечи Православная церковь установила однодневный пост. Отсюда и эпитет «постный» в народном названии праздника.

составляющие продолжение двенадцатых праздников. Число таких дней колеблется от одного до восьми в зависимости от степени близости одних двенадцатых праздников к другим или к посту. В дни предпразднеств и попразднеств в храмах наряду с молитвами и песнопениями в честь отмечаемых в эти дни дат церковного календаря прославляются и события предстоящего или прошедшего двенадцатого праздника. Наиболее торжественны богослужения дня *отдания праздника* — последнего дня попразднества. Содержание и ритуал церковных праздников (особые для каждого из них) были едины на всей территории России (Булгаков, 1994. С. 24—91, 111—112, 120—128).

Однако в реальной жизни отмечались далеко не все церковные праздники. И отношение к ним не всегда определялось их местом в церковной иерархии. Подобного рода праздников, приуроченных к различным датам церковного календаря, отмечающихся жителями отдельных сел, волостей, городов, слобод и даже улиц, в России существовало огромное множество (см. ниже «Местные праздники»). В течение семи веков (XI—XVII) монополия на формирование праздничного календаря и устройство праздничных церемоний принадлежала церкви. Утрачена ею она была лишь в первой четверти XVIII в., когда в ходе петровских преобразований Русская православная церковь с заменой патриаршества Синодом была включена в систему абсолютистского государства. Но и в эпоху петровских реформ, и позже — вплоть до отделения церкви от государства в советский период, все праздники в России, в том числе и гражданские (светские), как правило, отмечались торжественными богослужениями и другими церковными ритуалами. Но не будучи основой содержания, идеологическим стержнем новых государственных и иных праздников, они со временем превратились в освященную традицией их официальную часть.

В эпоху Петра I, для которой была характерна крутая ломка традиционного быта, резко активизировались начавшиеся еще в XVII в. процессы европеизации и модернизации русской

праздничной культуры и усилилось в ней светское, гражданское начало, получившее дальнейшее развитие в последующие годы. Однако петровские преобразования затронули в основном представителей высших слоев общества, главным образом жителей обеих столиц. Лишь спустя годы они стали распространяться сначала на губернские, а потом уездные и другие города, захватывая все более широкие слои населения. Нечто подобное имело место и после принятия христианства. Правда, тогда изменения были кардинальнее и происходили неизмеримо медленнее.

Если в древней и средневековой Руси праздничная культура господ и простолюдинов, города и села развивалась в одном русле, и различия между ними не имели принципиального характера, то с переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму они все более отдалялись и отличались друг от друга. К концу XIX в. хранителем традиционной праздничной культуры оставалось преимущественно крестьянство, хотя и у него она в XVIII и, особенно, в XIX — начале XX в. претерпела существенные изменения. Утратив наиболее архаические черты, праздничная культура крестьян обогатилась новыми элементами, как заимствованными у господ и горожан, так и рожденными самой жизнью.

Истоки многих праздников, появившихся и утвердившихся в России в XVIII—XIX вв., восходят к петровскому времени. Именно тогда была заложена, например, традиция встречи гражданского Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, как это было принято в Европе. Ранее, до 1492 г., гражданский Новый год в России начинался 1 марта. А потом в течение более 200 лет он совпадал с церковным и приходился на 1 сентября — день Симеона Столпника (Семена-Летопроводца). Празднование новолетия открывалось вечерней службой 31 августа, после которой совершалось «молебное пение по новолетию, а иногда и Симеону Столпнику». В полночь церковный колокол возвещал о наступлении Нового года. Кульминацией новогоднего праздничного богослужения и новогоднего праздника в целом, по крайней мере в XVII в., было так называемое «действие нового лета или многолетнего

здравия» (другое название — «чин препровождения лету»). Отправлялось оно на площади перед храмом между утреней и обедней (по одним источникам — на рассвете, по другим — в полдень) при огромном стечении народа. Особенно торжественно «действие многолетнего здравия», начинавшееся крестным ходом, проходило в Москве на Ивановской площади Кремля. Главными действующими лицами в нем были патриарх и царь. Завершалось действие провозглашением царем здравицы народу и ответной здравицей ему на многие лета. За обменом благопожеланиями между царем и народом следовали раздача царских пирогов приближенным и царской милостыни (денег) народу, а также прием принесенных царю челобитных*. Заслышав благовест к обедне, собравшиеся расходились по своим приходским церквам. А после обедни навещали старших в роду, поздравляя их с наступлением нового года.

Сентябрьское новолетие, начинавшее «круг церковный», приравнивалось в допетровской Руси к великим праздникам. И потому благочестивые люди считали своим долгом в первый день сентября не только побывать на всех богослужениях, но и помочь бедным, сирым, больным и убогим. С этой целью посещали странноприимные дома и остроги, посылали туда милостыню и всякого рода кушанья, в том числе и разные хлеба (калачи, пироги, пряники и пр.), раздавали милостыню нищим, одаривали деньгами, одеждой, пищей бедняков (Сахаров И.П., 1885. С. 119—121; Терещенко. Т. IV, ч. VII. С. 93—101).

В последний раз обряд летопротождения совершался 1 сентября 1699 г. А в декабре того же года указом Петра I были изменены и дата начала нового года, и порядок летосчисления, которое стали вести не от сотворения мира, а от Рождества Христова (как в европейских странах), и церемониал праздника, в значительной степени заимствованный у голландцев и немцев. Первый январский Новый год праздновался целую неделю с широким

* 1 сентября было *судным днем*, когда каждый в поисках справедливости мог лично обратиться за помощью к царю.

размахом, присущим петровской эпохе. По указу царя встречу нового года следовало всюду начинать в полночь не только торжественным молебствием с колокольным звоном, но и пушечной и ружейной пальбой. Велено было также по наступлении новолетия, т. е. 1 января, всем поздравлять друг друга с Новым годом и «столетним веком» (Петр I ошибочно посчитал 1700 год началом XVIII в.).

В Москве празднование новолетия проходило по более сложному сценарию. Наряду с богослужениями, провозглашением традиционного многолетия царю (под аккомпанемент колокольного звона, пушечной пальбы по всей Москве и троекратного беглого ружейного огня войска, расставленного царем на Ивановской площади) и традиционных взаимных поздравлений с началом новолетия царя и народа, в него вошли и необычные для русского новогоднего праздника действия светского характера. Среди них — званый обед в царском дворце для высшего духовенства, знатных русских и иностранных особ, угощения для народа (различные кушанья, пиво и вино), выставленные перед дворцом и Триумфальными воротами, вечерний бал и ужин во дворце.

Новшеством было и распоряжение украсить к празднику большие проезжие улицы и дома именитых людей деревьями и ветвями сосны, ели или можжевельника, «а людям скудным хотя по древу или ветви над воротами или над хороминами своими поставить», и требование ежедневно с 1 по 7 января «по ночам огни зажигать из дров или хвороста, или из соломы; а где мелкие дворы, — собравшись по пяти или шести дворов тако ж огонь класть, или, кто похочет, на столбиках по одной или подве или по три смоляные и худые бочки, наполняя соломою или хворостом зажигать». Нововведением было и обязательное устройство в течение недели в разных частях города красочной иллюминации, «прозрачных» картин, «потешных» огней и фейерверков, сопровождавшихся пушечными выстрелами (Степанов Н. П. С. 9—10; Терещенко. Т. IV, ч. VII. С. 96—103).

В годы правления Петра I стали устраивать с невиданной прежде пышностью и участием огромного числа людей праз-

днества по случаю военных побед России. Обязательным компонентом их был торжественный марш войск по красочно убранным улицам Москвы, а потом и Петербурга, совершавших церемониальные прохождения через несколько специально сооружаемых к празднику «разукрашенных» триумфальных ворот (арок). Нередко по улицам вели пленных, везли трофейное оружие и проносили боевые знамена неприятеля. Эти шествия послужили основой для будущих военных парадов в России, которые приобрели особую популярность в XIX в. Значительно скромнее, чем сами победы, отмечались их годовщины.

В петровскую эпоху появились и *полковые* праздники (дни рождения полков и «дни одержанных побед»). Начинались они молебнами, за которыми следовал парад, а заканчивались товарищескими обедами. Эта традиция сохранялась вплоть до 1917 г. С именем Петра I связано и рождение в России *морских* праздников, сопровождавших и победы на море, и спуск на воду новых кораблей. В годы правления Петра I утвердилась и заимствованная, по всей вероятности, от проживавших в Москве иностранцев встреча весны, приуроченная к 1 мая, — так называемая *маевка* и т. д.

Гражданские праздники петровской эпохи сопровождались общественными развлечениями светского характера — грандиозными фейерверками с аллегорическими картинами, прославлявшими победы русского оружия и превращение России из сухопутной державы в морскую; артиллерийскими салютами и иллюминацией; уличными маскарадами, которые, хотя и устраивались по образу и подобию европейского карнавала, но имели много общего с русскими скоморошьими играми и традиционным святочным и масленичным ряженым русских. Неотъемлемой составной частью этих праздников были и многодневные народные гулянья с угощением народа (*Семенова*, 1982. С. 206—211).

Гражданские праздники первой четверти XVIII в. по содержанию и тональности отличались от церковных не меньше, чем те в свое время от древнерусских дохристианских праздников.

Новые праздники, вызванные к жизни значительными событиями современности или запросами времени, призваны были поднимать боевой дух народа, способствовать закреплению проведенных в стране преобразований, воспитанию у россиян новых традиций, приобщению их к европейской культуре. Основная тональность праздников петровского времени — безудержное, не знающее границ веселье, ликование — была близка к тональности традиционных народных празднеств.

Процесс создания гражданских праздников и новых праздничных ритуалов и традиций, столь бурно протекавший в петровскую эпоху, в последующие десятилетия XVIII в., а также в XIX — начале XX в., шел эволюционным путем, без революционных преобразований праздничного быта. Постепенно в него вовлекались новые, все более широкие слои населения. В связи с активизацией общественной жизни в условиях развития капиталистических отношений инициаторами учреждения новых праздников, особенно со второй половины XIX в. все чаще выступали различные общественные объединения — сословные, корпоративные, профессиональные и прочие, а иногда даже отдельные лица.

Новые праздники, помимо обязательного церковного ритуала, начинавшего их (чаще всего молебен или панихида, иногда еще водосвятие или крестный ход, реже — то и другое), имели значительно большую по объему и разнообразную по форме и содержанию светскую часть, порой занимавшую 2—3 дня. Это могли быть: торжественные собрания (заседания) с докладами, речами, приветствиями (на всевозможных юбилеях); открытие приуроченных к празднику (юбилею) различных выставок; балы, концерты и спектакли для взрослых, утренники для детей; званые и товарищеские завтраки, обеды и ужины; с конца XIX в. — порой еще и спортивные состязания и т. д. Некоторые праздники, например, юбилеи городов и известных литераторов, торжества по случаю открытия различных памятников, нередко бывали разовыми мероприятиями. Но, тем не менее, и они имели особый, в своей основе общий для всей

России церемониал, постепенно совершенствовавшийся. Как правило, подобные праздники проводились в воскресные дни по заранее разработанному плану, утвержденному в верхах, иногда самим царем. Светская часть их обычно была как бы двухслойной — разной для представителей образованных слоев городского населения и простонародья. Первые — инициаторы и главные действующие лица гражданских праздников — активно участвовали в разнохарактерных и разномасштабных праздничных действиях — от торжественно-официальных и культурно-просветительных до сугубо увеселительных. Вторые — толпа, обреченная на роль статистов, — зачастую довольствовались набором стандартных развлечений для народа, дополнявшихся порой бесплатным угощением или раздачей памятных подарков (платки, косынки, кружки и т. п.).

Индустрия так называемых ярмарочных или развлечений для народа сложилась в России в основном к концу XVIII в. В XIX — начале XX в. городская и сельская ярмарочная площадь предлагала своим посетителям широкий выбор увеселений. Корни многих из них уходили в средневековую Русь, в искусство скоморохов. Неизменной популярностью пользовались в народе выступления *кукольников* (вертеп, театр марионеток и Пет-

Праздничный торг в Москве на Девичьем поле, XIX в.
(Государственный Исторический музей)

рушки) и *сергачей* — бродячих поводырей с учеными медведями — выходцев из Сергачского уезда Нижегородской губернии; разного рода представления в балаганах-театрах, цирк, а также панорама, диорама и раек, показ картинок в которых сопровождался остроумными рифмованными присказками их владельцев. На ярмарочной и праздничной площади можно было побывать в музее восковых фигур, познакомиться с различными монстрами (женщина-рыба, женщина-паук, теленок с двумя головами и т. п.), покататься на разнообразных качелях и каруселях, спуститься с *катальных гор*, на рубеже XIX—XX вв. преобразованных в так называемые американские горки, посетить другие аттракционы.

Обязательной принадлежностью народных гуляний была широкая торговля сладями, фруктами, мороженым, разного рода напитками, продававшимися и в специально сооружаемых к празднику (ярмарке) палатках и шалашах, и вразнос. На больших гуляньях, проходивших за городом (у монастырей, в рощах, на полях), как правило, устанавливался так называемый *колокол* — высокий парусиновый шатер в виде колокола, увенчанный флагом, в котором продавалось «зелено вино». Подобные увеселения и развлечения (в разном ассортименте) сопровождали городские народные гулянья во время различных праздников, а также сельские и городские ярмарки на всей территории расселения русских (*Куприянов*. С. 139—140; *Некрълова*. С. 17—37; *Рабинович*, Очерки... 1978. С. 122—125).

Большинство гражданских праздников становилось достоянием праздничного быта не всех горожан, а главным образом представителей отдельных сословных, корпоративных или профессиональных групп. Так, не стал общенародным *Татьянин день* — праздник Московского университета, названный Львом Толстым *праздником просвещения*, хотя круг лиц, отмечающих его, постоянно расширялся и уже к середине XIX в. из праздника студентов и профессоров Московского университета *Татьянин день* фактически превратился в праздник российской интеллигенции. Свое название он получил в память о дне ут-

верждения акта об учреждении первого российского университета, которое произошло в Татьянин день (12 января ст. ст.). Из года в год первый в России студенческий праздник начинался торжественным богослужением в университетской церкви, отмечавшей в этот день свой храмовый праздник. По окончании службы в актовом зале открывалось годичное актовое заседание. Первым на нем выступал ректор или наиболее уважаемый профессор, затем сообщались «краткие извлечения» из университетского отчета за прошедший год, после этого следовало вручение золотых и серебряных медалей, а также именных премий, присужденных студентам и выпускникам университета разными факультетами «за сочинения на заданные темы». Завершался торжественный акт государственным гимном («Боже, царя храни») в исполнении военного оркестра.

После ухода официальных лиц, среди которых был и Московский генерал-губернатор, оркестр по просьбе студентов обычно играл «Гаудеамус», как бы служивший прологом к неофициальной части праздника. Распевая свой гимн, студенты группами покидали здание университета и отправлялись завтракать в свои излюбленные пивные, трактиры и рестораны «средней руки», расположенные у Никитских ворот и на Тверском бульваре. А с открытием сада «Эрмитаж» — в его ресторан, пользовавшийся популярностью у более обеспеченных студентов. На «завтраки» приходили и выпускники университета разных лет. Продолжались «завтраки» обычно дотемна. После шести часов вечера улицы Москвы превращались в царство студентов: всюду толпы шумящей молодежи, все говорят друг другу «ты», братаются, переходят из одного злачного места в другое. Многие на тройках, лихачах, извозчиках целыми компаниями вечером отправлялись в загородные рестораны «Яр» и «Стрельню», где гуляли до трех-четырёх часов утра. Иногда, возвращаясь, студенты устраивали «факельные» шествия со свечами.

И за «завтраком», и за ужином произносилось множество торжественных речей во славу университета и его питомцев, перемежавшихся с хоровым исполнением песен, преимуще-

ственно студенческих. Чаще других звучала «Татьяна» — своего рода обрядовая песня студенческого праздника. Песня импровизационного характера «Татьяна» постоянно пополнялась запевами, откликавшимися на злобу дня.

В предреволюционные годы в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Преобладали среди них церковные. Государственными праздниками (табельными днями) были: Пасха (четверг, пятница, суббота Страстной и вся Пасхальная неделя), все великие праздники, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24 июня), а также днисв. Николая Чудотворца (9 мая), перенесения мощей блгв. кн. Александра Невского (30 августа), преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября) и празднования Казанской иконе Божией Матери (22 октября). *Неприсутственными* (нерабочими) днями были также пятница и суббота масленичной недели. Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь январский Новый год и так называемые царские дни — дни восшествия на престол и коронации (коронования), дни рождения и тезоименитства (именин) царствующей четы, наследника цесаревича и его супруги, вдовствующей императрицы, а также прочих особ царствующего дома*. В отличие от церковных праздников, сопровождавшихся не только официальными мероприятиями (литургия, крестный ход, водосвятие, иногда церковный парад и пр.) и общественными гуляньями, но и семейно-родственными гостеваниями, празднование царских дней носило преимущественно официальный характер. Города в эти дни принимали праздничный вид: на улицах сооружались живописные арки с изображениями вензелей императорских особ и их портретами. Ими же, разноцветными «национальными» флагами, гирляндами из зелени и цветных фонариков украшали и здания, особенно в центральной части городов. Вечером устраивались

* Дни рождения и именин последних праздновались в ближайшие воскресные дни.

народные гулянья, иллюминация, а в обеих столицах и губернских городах небо расцветивалось огнями фейерверка.

При дворе царские дни отмечались парадом гвардейских войск, принимавшихся царем, «высочайшим» завтраком или обедом и балом. Среди подавляющего большинства горожан — посещением приходских храмов, в которых с утра служились молебны «о здравии императорских высочеств», а также созерцанием парада частей местного гарнизона («парад царского дня»). Отсутствие кого-либо в церкви в такие дни воспринималось как свидетельство неблагонадежности. В сельской же местности празднование царских дней сводилось к посещению церковной службы. Видимо, не случайно в народе говорили: «Царский праздник не наш день, а государев» (*Даль*, 1957. С. 821). Пышные празднества устраивались также по случаю бракосочетания великих князей и княжен (см.: *Курские губ. вед.* 1850. № 35. С. 290; *Самарские губ. вед.* 1874. № 9. С. 2—3; 1880. № 17, 18, 19. С. 5, 4, 5; *Сибир. газ.* 1884. № 36. Стб. 879; *Правительств. вести.* 1886. № 192. С. 3; *Моск. илл. газ.* 1891. № 187. С. 2; 1892. № 202. С. 3; № 241. С. 2; и др.).

Светская «струя», едва заметная в праздничной культуре русских в XVII в., постепенно расширявшаяся с эпохи Петра I, после 1917 г. превратилась в мощный «поток», смывший некоторые «пласты» православной и дохристианской праздничной культуры.

Советские государственные праздники, городские по происхождению, как и праздники петровского времени, родились как политические и идеологические. В силу этого их создание также было преимущественно организованным, целенаправленным процессом, хотя элементы стихийного творчества масс в нем несомненно присутствовали. Достаточно вспомнить получившие широкое распространение в 20-е годы театрализованные процессии, вкрапленные в колонны демонстрантов; разыгрывавшиеся на городских площадях и улицах массовые инсценировки, сюжеты которых черпались из событий недавнего прошлого; а также художественное оформление (убранство) городов и праздничных колонн (*Полищук*, 1987. С. 3—15; *Будина, Шмелева*, 1989. С. 213—215; *Иникова*, 1995. С. 299—302).

Некоторые официальные мероприятия, предварявшие большинство советских праздников, например, выступления по радио и телевидению государственных и общественных деятелей, соответствующие публикации в периодической печати, тематические лектории, кинофестивали, художественные выставки и т.п., фактически выполняли те же функции, что и упоминавшиеся ранее предпразднества двенадцатых праздников. Как и последние, они призваны были создавать определенный психологический настрой в обществе — для каждого праздника свой. Завершающим актом этой подготовительной агитационно-пропагандистской работы, ее кульминацией, были торжественные собрания, проводившиеся в канун праздника. Эталонами для них служили заканчивавшиеся большими концертами мастеров искусств совместные торжественные заседания руководителей партии и правительства и представителей общественности Москвы. В 20—50-е годы они проходили в Большом театре, с начала 60-х годов — в Кремлевском Дворце Съездов. С распространением радио, а потом и телевидения аудитория этих праздничных вечеров все более расширялась. У миллионов русских, как, впрочем, и других народов СССР, незримое присутствие на торжествах в Москве довольно быстро вошло в обычай, ставший одной из характерных особенностей праздничного быта советского времени. Торжественные же собрания на местах, главным образом в небольших трудовых коллективах и учебных заведениях в послевоенный период постепенно стали превращаться в формальные мероприятия, проводимые для «галочки», и к 80-м годам утратили свою обязательность.

Празднование Первомая и Годовщины Октября, как и 8 Марта, и Дня Советской Армии и Военно-Морского флота, за годы советской власти не только укоренилось в общественном и семейном быту основной массы городского и сельского населения, но и наполнилось новым содержанием, в значительной мере утратив агитационно-пропагандистский характер, присущий ему в первые послеоктябрьские десятилетия.

В послевоенный период 8 Марта в массовом сознании стало восприниматься уже не как международный день борьбы

трудящихся женщин за свои права, а как женский праздник, славящий труженицу, мать, хранительницу семейного очага. С 1965 г. оно стало нерабочим днем. К этому времени уже сложилась традиция 8 Марта дарить женщинам, девушкам и даже девочкам цветы и различные подарки, в том числе и всякого рода самоделки, любовно выполненные детьми в детских садах и школах. Вошло в обычай также посещение в этот день старших в роду женщин (с цветами, тортом, подарками) и устройство праздничных застолий не только дома, но и на работе (в канун 8 Марта или сразу же после него).

Не меньшую метаморфозу претерпел и День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Оставаясь в значительной степени корпоративным праздником военнослужащих (только для них 23 февраля всегда было нерабочим днем), он в послевоенные

Праздники юных:

- а) выступление детского хора в городском парке г. Ельца (Липецкая область) в День защиты детей (1975 г.);*
- б) митинг в Москве, посвященный Дню советской молодежи (1962 г.)*

годы постепенно начал приобретать черты всеобщего мужского праздника. 23 февраля «именинниками» стали себя чувствовать не только кадровые военные, солдаты и сверхсрочники, как то было в 20—30-е годы, но и те, кто когда-либо служил в армии. А таких при всеобщей воинской повинности в стране были миллионы. 23 февраля стали считать своим праздником и те, кто готовился к армейской службе и даже потенциальные защитники Отечества, еще сидящие за школьными партами. Уже с середины 60-х годов, видимо, не без влияния 8 Марта, стал утверждаться обычай 23 февраля поздравлять с праздником едва ли не всех мужчин и делать им небольшие подарки. В городах он широко распространился среди разных слоев населения и не только в семейном, но и в производственном быту, а также среди учащихся. В начале 70-х годов 23 февраля, как и 8 Марта, даже первоклассники дарили друг другу подарки (самоделки, книги, игрушки, ручки и т.п.).

Праздники юных:

- в) праздник труда, песни и спорта в г. Буге, Костромская область (1984 г.)*
- Праздник песни в Москве (1961 г.)*

В семейном быту прочно укоренились также первомайские и октябрьские торжества, первоначально бывшие сугубо политическими праздниками. Как когда-то к Пасхе и престольным праздникам, к 1 Мая и 7 ноября в домах проводилась генеральная уборка, готовились праздничные блюда, пеклись пироги и торты, покупались и шились обновы. Во многих городских семьях считалось обязательным посещение демонстраций, с которых нередко возвращались с гостями. Гостей приглашали также днем или вечером в первый или на второй день праздника. Молодежь нередко собиралась в складчину. На май, если была хорошая погода, многие горожане выезжали за город. 2 мая всюду устраивались спортивные состязания.

Те, кто проводил утро первого праздничного дня дома, смотрели по телевизору передачу с Красной площади, где проходили главные торжества. Остальные могли «побывать» на ней вечером, поскольку парад и частично демонстрация обязательно показывались в вечерних информационных программах. Праздничные демонстрации и, особенно, парады (военный* и спортивный) вызывали большой интерес у значительной части горожан и сельских жителей разных регионов России, для которых «соучастие» в московских парадах и демонстрациях постепенно превратилось в традицию. Традиционными стали и народные гулянья, начинавшиеся с 6—7 часов вечера на центральных улицах и площадях городов, поселков, центральных усадеб колхозов и совхозов. 1 мая городские парки открывали летний сезон. Завершался праздничный день 1 Мая и 7 ноября салютом в Москве, городах-героях, а также в Калининграде, Ростове-на-Дону, Куйбышеве (Самаре), Свердловске (Екатеринбурге), Новосибирске, Чите, Хабаровске, Владивостоке и Североморске.

С середины 60-х годов в связи с введением второго выходного дня продолжительность первомайских и октябрьских праздников увеличилась. В значительной степени благодаря

* С середины 70-х годов военный парад стал проводиться только 7 ноября.

этому к ним стали переходить некоторые функции семейно-родственного общения, в прошлом присущие престольным праздникам и Пасхе. Как когда-то на Пасху и «престолы», так теперь на 1 Мая и 7 ноября в отчий дом нередко съезжались или сходились в разное время покинувшие его дети. Впрочем, многие, преимущественно жители небольших городов и сельской местности, навещали в эти дни родственников и друзей, живущих в крупных городах, где можно было веселее и интереснее провести праздники. Москва, Ленинград, областные центры привлекали и торжественным шествием многочисленных колонн демонстрантов, и красочным убранством центральных улиц, площадей, парков, и богатой, с выдумкой, иллюминацией, и праздничным салютом или фейерверком, и, наконец, массовыми народными гуляньями с концертами на открытых эстрадах, играми, танцами и т.п.

Начиная с 70-х годов, широкую популярность стали приобретать коллективные и индивидуальные праздничные туристические поездки по стране на близкие и дальние расстояния (автобусом, поездом, самолетом). Коллективные поездки почти целиком оплачивались профсоюзами.

В конце 80-х — начале 90-х годов характер празднования Первомая и Годовщины Октября претерпевает существенные изменения. Ушли в небытие праздничные застолья «по месту работы», устраивавшиеся ранее в канун праздников во многих трудовых коллективах. Теперь на первый план, как и в послеоктябрьские годы, выступает изначальное политическое содержание этих праздников. И если в 70—80-е годы и 1 Мая, и 7 ноября кто-то принудительно, по разнарядке, ходил на демонстрации, а кто-то, наоборот, не мог на них попасть из-за отсутствия таковой, то с начала 90-х годов в праздничных демонстрациях уже участвуют только по зову сердца. Для одних это — семейная традиция, для других — ностальгия по прошлому*,

* Первомайские и октябрьские демонстрации довоенных и послевоенных лет — особый мир: царство музыки, песен, танцев,

для третьих — возможность встретить единомышленников и, следовательно, взаимопонимание, для четвертых — способ выразить свое несогласие с политическим курсом, проводимым в стране. Видимо, и 1 Мая, и 7 ноября, как семейные, соседские и дружеские праздники советского времени, в значительной мере остались в прошлом. Теперь для многих они опять стали прежде всего политическими праздниками, праздниками солидарности трудящихся, борющихся за свои права, за лучшую жизнь для себя, своих детей и внуков.

Самым популярным не только общественным, но и семейным праздником послевоенного периода стал День Победы, в котором слились воедино радость и скорбь, торжество победителей и оплакивание жертв войны. В 1945 г. Праздник Победы отмечался дважды: 9 мая — стихийными народными гуляньями по всей стране и праздничным салютом в Москве, а 24 июня — Парадом Победы и демонстрацией трудящихся на Красной площади. Следующий, посвященный ему военный парад состоялся лишь в 1965 г., когда весь мир праздновал 20-летие победы над фашистской Германией. В том же году впервые были проведены фестивали песен военных лет, способствовавшие возвращению в активный песенный репертуар разных возрастных групп русского народа песен Великой Отечественной войны, начавших уже понемногу забываться. Тогда же был зажжен вечный огонь над могилой Неизвестного солдата в Александровском саду у Кремлевской стены, а 9 мая, наконец, объявлено нерабочим днем. К этому времени у русских, как и других народов СССР, уже в значительной мере сложился неофициальный ритуал празднования Дня Победы, в котором нашли отражение и традиционные народные представления о почитании усопших. В 60-х годах вошло в обычай чествование фронтовиков в трудовых коллективах; устройство 8 и 9 мая праздничных застолий дома

плясок, подвижных игр молодежи, царство веселья, непринужденности, открытости, удивительного дружелюбия. Такое не забывается и спустя многие годы.

и на работе. Традиционными стали майские встречи однополчан и фронтовиков, служивших в одной дивизии, корпусе, армии. Некоторые приходили и приезжали с детьми. Со временем кое-кто из детей стал заменять на этих встречах своих заболевших или умерших родителей.

Кульминацией Праздника Победы с 1965 г. стала минута молчания, в 19 часов по московскому времени отсчитываемая по радио и телевидению метрономом, а его завершением — вечерние народные гулянья и праздничные салюты в Москве, городах-героях и ряде других городов (*Крупянская, Будина и др. С. 133; Анохина, Шмелева, 1977. С. 338; Тульцева, 1992. С. 315—317*).

За годы советской власти одним из наиболее популярных государственных праздников стали Новый год, к которому перешли некоторые обычаи, присущие ранее Рождеству. Среди них — украшение новогодней елки (ранее рождественской), постепенно превратившейся в неперенный атрибут и семейного, и обще-

Праздник Победы
в г. Дмитрове,
Московская область,
1988 г.:

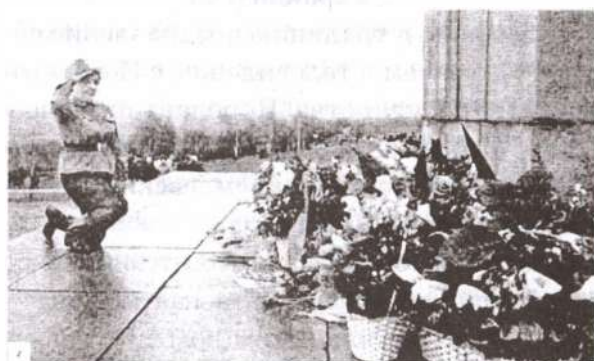
а) торжественное шествие к памятнику воинам-дмитровчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны,
б) почетный караул у памятника

Праздник Победы
в г. Дмитрове, Московская область,
1988 г.:

- в) возложение венков к монументу
на Перемиловской высоте — месте
жестоких сражений в 1941 г.,
г) минута молчания у пьедестала
монумента погибшим защитникам
Отечества*

ственного новогоднего торжества, обмен новогодними подарками и сувенирами с родными, друзьями, сослуживцами, проведение новогодних елок, отправка поздравительных писем, открыток и телеграмм, обмен телефонными звонками с новогодними поздравлениями. В связи с переносом в 1931 г. начала нового бюджетного и хозяйственного года с 1 октября на 1 января родилась традиция отмечать Новый год трудовыми подарками — сдачей в эксплуатацию новых промышленных предприятий, объектов коммунального хозяйства, учреждений культуры и, особенно, жилых зданий, поэтому на Новый год справлялось особенно много новоселий.

Начиная с середины 30-х годов, символом новогоднего праздника наряду с Дедом Морозом и Снегурочкой становится нарядно украшенная новогодняя елка, запрещенная в середине 20-х годов и восстановленная в правах с 1936 г. Она — центр новогодних праздничных действий и в городе, и в селе, и в семье, и в местах коллективных встреч Нового года и проведения новогодних праздников. В послевоенные годы во многих городах елки ставились даже во дворах многоквартирных домов, собирая вокруг себя много людей в новогоднюю ночь. Сложилась традиция за две-три недели до Нового года во всех промтоварных магазинах открывать *елочные базары* с широким ассортиментом елочных украшений. И если в 30—40-е годы на общественных и домашних елках можно было увидеть много игрушек-самоделок, то в более поздние годы они уже встречались крайне редко.

В послевоенные годы вошло в традицию поздравление советского народа по радио, а затем и телевидению с Новым годом от имени руководства государства. Передавалось оно в последние минуты старого года, когда все уже сидели за праздничными столами, и завершалось боем кремлевских курантов, возвещавших о наступлении Нового года.

Вместе с тем судьба новогоднего праздника в советский период складывалась не просто. Виной тому была календарная реформа — переход с 1 февраля 1918 г. на григорианский (новый) стиль, — в результате которой Новый год, выпав из Святков, пришелся на Рождественский (Филиппов) пост. А это, учитывая высокий уровень религиозности населения в то время, не могло не сказаться на отношении к «советскому» Новому году. Многие верующие и в настоящее время отмечают Новый год по старому стилю, т.е. с опозданием на 13 дней, а елку украшают не к «советскому» Новому году, а к Рождеству. Характерно, например, что в 1960 г. в старообрядческих (семейских) селах Забайкалья Новый год, праздновавшийся в ночь с 31 декабря на 1 января, считался молодежным праздником. Организовывали его комсомольцы (*Полищук*, 1975. С. 111). Неудивительно, что постепенно во многих семьях, а также в дружеских компаниях сложилась традиция

встречать Новый год дважды — первый раз как государственный праздник, второй — как традиционный. Впрочем, и детские елки проводятся обычно до середины января.

В советский период сложился цикл гражданских трудовых праздников. К 80-ым годам их насчитывалось до 20. К ним относились праздники, посвященные наиболее значимым профессиям — дни железнодорожника, шахтера и т.п.; в сельской местности — Праздник урожая. Формировались и новые сезонные праздники — Проводы русской зимы, Русская березка и др., в которых чувствовалась регенерация народных праздников. Появились местные фольклорные праздники, праздники ремесел, не имеющие определенной календарной даты.

В постсоветское время праздничный календарь Российской Федерации претерпел некоторые изменения. В нем появились новые праздничные даты, посвященные событиям начала 90-х годов. Иначе стали называться некоторые государственные праздники, утвердившиеся в быту народа в советское время. Так, День Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля) переименован в День защитника Отечества, День международной солидарности трудящихся (Первое мая) — в праздник весны и труда, день Годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) — в День согласия и примирения, а затем он был перенесен на 4 ноября. Вновь обрел статус государственного праздник Рождества Христова.

Праздники русских, как и любого другого народа, — неотъемлемая часть общественного быта, изменяющегося под влиянием политических, социально-экономических и культурных преобразований. Их состав, общественные функции, содержание, структура, художественное оформление определяются потребностями общества. На разных этапах его истории появляются новые праздники, отвечающие запросам времени. Большинство их оказываются однодневками. И лишь некоторые входят в праздничный календарь народа если не навсегда, то на многие десятилетия и даже столетия.

Местные праздники

Наряду с общими для всех в России существовало множество разных по происхождению, назначению и времени возникновения местных, территориальных праздников — городских и слободских, волостных, сельских, деревенских и даже уличных, а также общественных гуляний, истоки которых нередко уходили в седую древность. Большинство таких праздников, особенно в сельской местности, было приурочено к осенне-зимнему сезону, когда был собран урожай, и к периоду между Пасхой и началом летней страды, т.е. ко времени, свободному от полевых работ. К сожалению, в отличие от общих, местные праздники изучены еще недостаточно. Сведения о них, подчас весьма отрывочные, разбросаны по множеству публикаций.

Престольные праздники

Среди местных праздников у русских преобладали церковные. Наиболее чтимыми из них были *престольные* (другие названия — *престолы, храмовые, часовенные, придельные*). Наряду с Пасхой они считались в народе главными праздниками и назывались еще *годовыми* или *большими*, хотя Православная церковь относила их к средним праздникам. В старину храмовые праздники сопровождались *целодневным* звоном, как было принято в пасхальные дни, на Рождество Христово, а также в дни восшествия на престол и коронации русских императоров. Во многих селах обычай *целодневно*го звона в престольные праздники сохранялся еще в 1870-е годы.

Особенно многолюдными и разгульными храмовые праздники бывали в сельской местности. К ним старались вернуться домой или хотя бы приехать на побывку отходники, не только живущие на ближних промыслах, но и ушедшие на дальние заработки. Кроме того, на престольные праздники обязательно приезжали и приходили многочисленные гости из других приходо́в — родственники, друзья, знакомые, богомольцы. Как правило, они являлись накануне или рано утром

в день праздника, чтобы успеть вместе с хозяевами сходить к обедне.

Престольные праздники были приурочены к дням освящения храмов, воспоминаний о событиях священной истории или памяти святых и явлений икон, в честь которых были сооружены храмы и их приделы. Поскольку в большинстве храмов, особенно в городах, придел был не один, то и престольных праздников в России было значительно больше, чем культовых зданий. На Руси они стали распространяться с XIII в. К началу XX в. число этих праздников достигло, видимо, нескольких тысяч.

Престольные праздники отмечались всем приходом, поэтому в некоторых местах их еще называли *приходскими*. В городах, особенно больших, эти праздники одновременно справляла лишь часть жителей — прихожане одной или нескольких церквей.

В сельской местности после реформы 1861 г. храмовые праздники, как правило, были общеволостными. Их одновременно справляли жители всех селений, входящих в волость, территория которой обычно совпадала с церковным приходом (*Бернштам*, 1988. С. 216, 218).

Церковный ритуал престольных праздников, т.е. их официальная часть, и в столицах, и в самом отдаленном от нее, затерянном на необъятных просторах России селении, варьировался мало. В храмовые праздники в сельской местности после праздничного богослужения (обедни) по всем селениям прихода совершался крестный ход с хоругвями и иконами, которые несли так называемые *богоносцы* из числа прихожан. Если приход был небольшим, то иконы проносили по всем деревням еще и до литургии. В некоторых сельских приходах священник с причтом начинал ходить по домам прихожан и служить молебен перед образом святого, которому был посвящен праздник, за несколько дней до *престола*. В городах крестный ход после литургии совершался вокруг храма, иногда между одноименными храмами или из близлежащих храмов к «имениннику», но затем обязательно по территории прихода или вокруг нее.

Заводские и фабричные престольные праздники обязательно сопровождались торжественным молебном во дворе предприятия, присутствие на котором было обязательным для всех служащих и рабочих, а также крестным ходом вокруг фабричных и заводских корпусов и обходом с иконами церковным причтом квартир рабочих и фабричных казарм (так называемых *спален*). В различных учреждениях и учебных заведениях, имевших свои церкви, официальная часть престольных праздников, как правило, ограничивалась богослужением, завершавшимся *установленным многолетием* царствующему дому, за которым обычно следовал *ежегодный обед* (чаще всего для избранных) с традиционными здравицами сначала в честь «императора и августейшей семьи его», а затем и других официальных лиц (глав местной администрации, ведомства, учебного заведения и пр.).

В небольших городах и особенно в сельской местности во время крестного хода в престольный праздник окроплялись святой водой не только дома жителей и надворные постройки, но и источники воды, поля, домашний скот.

К храмовому празднику начинали готовиться загодя. Подметали все улицы и переулки в приходе. Подновляли и убирали храм: чистили оклады на иконах, подсвечники, паникадила, обновляли резьбу и краску на церковной утвари, украшали храм новыми вышитыми полотенцами и т.п. В городах и кое-где в сельской местности вечером накануне и в день праздника площадками с горящими фитилями иллюминировали колокольню, окна храма, а нередко и церковную ограду. Всю эту работу обычно выполняли мужчины. Женщины же хлопотали по дому: приводили в порядок жилище, если позволял достаток, покупали обновы для членов семьи, варили пиво и брагу, пекли хлеб и пироги. Во всех семьях, ожидая наплыва гостей и следуя традиционному правилу «про гостя хороше, про себя поплоче», заранее закупали необходимые припасы, водку и вино, памятуя о том, что «без блинов не масленица, а без вина не праздник». Каждый стремился в меру своих возможностей сделать праздничный стол богатым. Обед готовили с раннего утра в день праздника, поэтому в церкви

женщин всегда было заметно меньше, чем мужчин, да и уходили они со службы раньше, не дожидаясь ее конца.

В селах и деревнях в престольный праздник исстари принято было угощать «всякого заходящего в избу» — и своего, деревенского, и чужого, и прохожего, и нищего. Но к концу XIX в. этот обычай соблюдался уже далеко не везде и не всеми. В городах, как правило, привечали только приглашенных гостей. Праздничное угощение в каждой местности было свое. Определялось оно и традиционной для нее кухней, и временем года, и днем недели (постный или скоромный), и достатком семьи. Праздничное застолье всюду сопровождалось беседами, обменом новостями, пением, а кое-где и плясками. До середины XIX в. значительное место в песенном репертуаре пирующих занимало «божественное пение» — духовные стихи, псалмы, тропари и т.п. На Европейском Севере и в Сибири было принято также исполнять былины (старинны). К концу XIX в. уже всюду пели, «что кому в голову придет» (*Бернштам Т.А., 1988. С. 226—227*).

К дням храмовых праздников во многих селах приурочивались базары или однодневные ярмарки, а в городах — ярмарки сезонные или годовые, продолжавшиеся от нескольких дней до двух недель. Ярмаркам всегда сопутствовали так называемые «увеселения для народа». Базары и ярмарки посещались преимущественно после обеда, но кое-где и сразу после обедни и даже между утреней и обедней.

Характер гуляний и забав молодежи в дни престольных праздников также определялись календарной приуроченностью, местной традицией, обычаями среды, веяниями моды и многими другими обстоятельствами. Неудивительно, что они имели свои особенности не только в отдаленных друг от друга регионах, но порой даже в разных концах одного города.

В течение многих лет (судя по источникам, в 50—70-е годы XIX в.) апофеозом гулянья было появление на площади в разгар веселья козла с украшенными лентами рогами или с венком на голове. Благодаря этому обычаю, с возникновением которого связано несколько легенд о козле (козе), спасшем колоколь-

ным набатом спящих слобожан от пожара, за гуляньем закрепилось название *козьего праздника* или *козьей масленицы*. Зародившаяся как народное гулянье в честь храмового праздника, *козья масленица* с годами приобрела самостоятельное значение и по существу превратилась в традиционное местное *годовое* народное гулянье, фактически утратившее связь с храмовым праздником.

В XIX — начале XX в. храмовые праздники были уже не только церковными, но и мирскими — территориально-соседско-семейными, и в этом качестве способствовали сохранению и укреплению семейно-родственных, соседских и земляческих связей. В немалой степени именно этим объясняется и их сохранение (преимущественно в сельской местности) даже после закрытия церквей в советский период, когда престольные праздники продолжали отмечаться уже как местные, сельские или деревенские.

Обетные праздники

Эти праздники, в отличие от престольных, устанавливались самими мирянами по обету*, в случае спасения от какого-либо бедствия, иногда их учреждали по примеру соседей и крайне редко — по инициативе местного духовенства. *Обетные* праздники (другие названия — *заветные***, *богомолье*, *молебствие*, *мольба*, *канун*, *оброчные* или *обещанные дни*) были весьма разнородными по происхождению, времени учреждения и степени стабильности. Как правило, они устанавливались жителями какой-то

* Обет — обещание, обязательство, принятое из религиозных побуждений (СРЯ. Т. II. С. 530).

** Заветный, т.е. унаследованный от прошлого, передаваемый из поколения в поколение; связанный с обетом, тайным обещанием, условием. (СРЯ. Т. I. С. 502). Не случайно, эти праздники продолжали существовать и тогда, когда причины возникновения обета были давно забыты. В этом случае они сохранялись по традиции, по заветам (завещанию) предков.

строго ограниченной территории. Это могли быть и несколько приходо́в, и часть прихода. Обетный праздник мог отмечаться всем городом, одним из его микрорайонов, несколькими или одной улицей. В сельской местности — селом, деревней, группой смежных деревень. Порой его справляли лишь представители отдельных половозрастных групп и даже отдельные семьи (семейные заветные праздники). В последнем случае он приурочивался к воскресенью. Большинство обетных праздников были «в числе», т.е. из года в год отмечались в один и тот же день календаря, главным образом летом. Продолжительность их была разной, но чаще всего от одного до трех дней. В обетные праздники запрещалась любая работа из опасения нажить ту же беду — наказание божье. За соблюдением запрета следило все общество (т.е. община). Провинившихся подвергали штрафу, сумма которого устанавливалась сходом.

Одним из основных поводов для возникновения обетных праздников служило избавление жителей той или иной территории от постигшего их стихийного бедствия (пожара, бури, наводнения, засухи, градобоя), мора (эпидемии), падежа скота и других несчастий благодаря «заступничеству» святых, к которым они обратились с просьбой о помощи и которые с тех пор считались их покровителями. Порой, преимущественно в Новгородской и Московской Руси, праздник приурочивался ко дню возведения так называемых «обыденных» храмов или часовен, сообща строившихся во время эпидемий жителями селения *обыденкой*, т.е. за один день (отсюда и название *обыденный*). В этом случае обетный праздник совпадал с престольным. К XIX в. обычай строить *обетные* храмы стал заметно ослабевать. А вот приобретение икон для местных храмов или часовен с целью «отвращения» свалившихся на людей напастей еще в конце XIX в. было распространено достаточно широко. Обычно день приобретения иконы, как и ее *явления*, становился днем обетного праздника.

Судя по источникам, бывшие своеобразной формой выражения благодарности Богу, Богородице, святым угодникам за

спасение от бедствий, обрушившихся в прошлом на жителей города или сельской местности, обетные праздники, в отличие от престольных, как правило, не сопровождались ни всеобщим гостеванием с хождением подвыпивших гостей из дома в дом, ни веселыми молодежными гуляниями на улицах или окраинах селений. Гулянки с выпивкой, если и устраивались, то чаще всего на второй день праздника. Общественные трапезы (мольба, канун, пива, братчина), нередко сопутствовавшие сельским и деревенским обетным праздникам, имели совсем иной характер, чем гостевания во время престолов. Эти трапезы готовились всем миром в складчину. Сообща же в общественном котле варили для них канун (напиток из муки с солодом, без хмеля) или пиво. Всем миром, а не порознь, в каждом доме, угощали и приходящих из соседних деревень, и нищих.

Церковный ритуал обетных праздников, в отличие от престольных, заметно варьировался, правда, главным образом в сельской местности. В городах же он практически всюду был одинаков — торжественный молебен и крестный ход, иногда — только молебен.

В Пинежском уезде Архангельской губернии в начале XX в. каждая деревня один раз летом праздновала *канун*. По рассказам стариков, установлен он был «в память какого-то большого падежа скота», прекратить который удалось лишь прогнав уцелевших животных через дым от «деревянного огня»*. На том месте, где совершалось это магическое действие, была поставлена часовня. И с тех пор ежегодно в определенный день сюда совершался крестный ход с последующим кроплением скота святой водой. В тот же день в деревне всем *миром* варили пиво, которое сообща пили после обеда. Им же угощали и гостей из соседних деревень. На второй день здесь собиралась «общая складыня» на водку или пропивались общественные деньги (*Чирцов. С. 463—464*).

* «Деревянный огонь» — огонь, получаемый трением дерева о дерево. В данном случае его добывали всей деревней по очереди, безостановочно, в течение нескольких часов.

Как уже упоминалось, наряду с общественными обетными праздниками существовали и семейные, или домашние. Они обычно устраивались по обещанию, данному по какому-то конкретному поводу («по случаю»), и нередко бывали разовыми. Примером такого семейного обетного праздника может служить мольба *троецыплятница*, в середине XIX в. широко распространенная среди простонародья г. Котельнича и крестьян Котельничского уезда Вятской губернии. Справлялась она обычно осенью. В этой мольбе удивительным образом сплелись реликты дохристианского обряда жертвоприношения с христианскими православными ритуалами. Свое название она получила от приносимой в жертву троецыплятницы — курицы, трижды высилившей цыплят. Дав обет устроить *троецыплятницу*, хозяйка собирала среди родных и знакомых (будущих гостей) крупу, солод, муку, хмель и заблаговременно начинала варить в огромных количествах пиво (от 70 до 100 ведер) и канун (до 20 ведер). Ритуальный обед готовился в день праздника. В помощь себе хозяйка приглашала нескольких женщин, среди которых обязательно были вдовы, поскольку только они имели право прикасаться к жертвенным курам. Правда, резать кур разрешалось и мальчикам не старше 8—9 лет. В праздничное меню помимо ритуальных вареных троецыплятниц входили: *селянка* из их яиц, печенок, сердец и пупков, обычные куры (вареные и жареные), пироги с говядиной и каша. Если мольба «исправлялась» за умершего, то варили еще кисель и кутью. Перья, внутренности, кости и все объедки от троецыплятниц собирали в котомку или корчагу и топили в реке или пруду. Если воды поблизости не было, их закапывали в поле или в лесу. То и другое надлежало проделать без свидетелей.

Заперев двери, чтобы кто-либо из мужчин случайно не вошел в комнату, и занавесив окна от любопытных взглядов, женщины рассаживались за столами «по старшинству или по степени уважения». Обед проходил по строго соблюдаемому «чину». Сначала на оба стола подавали пироги. Поскольку на троецыплятнице запрещалось пользоваться ножами и вилками (колющими и

режущими предметами), то пироги разламывали на столько кусков, сколько их требовалось. Делали это сами гости. Взявшись за противоположные концы пирога (или куска) они каждый раз разламывали его на две части. Вслед за пирогами подавали *отвар (бульон)* из троецыплатниц. Самих же ритуальных кур ставили только на столы. Остальные женщины ели обычных кур. Затем следовала *селянка*. Завершался *священный обед*, как его называли в Котельниче, кашей или киселем. После каждой смены блюд все обедающие клали земные поклоны, а встав из-за стола, молились «в землю». Весь обед проходил в глубоком молчании. Молитву каждый произносил «про себя». У крестьян мольба совершалась несколько иначе. Мужчины у них обедали не раньше, а позже женщин. Все женщины ели за одним столом и одну и ту же пищу. Но «главными и необходимыми гостями» здесь также были вдовы. Вместо пирогов у крестьян пекли хлеб средней величины. В отличие от города, во многих деревнях уезда пирования на второй день не было. День же мольбы крестьяне (мужчины и женщины), как и горожане, проводили «весьма набожно».

Съезжие праздники

Среди местных праздников, установленных самими мирянами, наряду с обетными, богоугодными по своей сущности, были и такие, где церковному ритуалу отводилась второстепенная роль. У крестьян это прежде всего *съезжие (сѣзжѣе)* праздники. Другие их названия — *гостиные, гулевые, званые, сборные*. Справлялись они жителями всех селений волости по очереди в соответствии с установившейся традицией. Хотя все съезжие праздники были приурочены к церковным, устраивали их «для празднований... в свое удовольствие». О том, что съезжие праздники не были религиозными, косвенно свидетельствует и отсутствие единого для всех них церковного ритуала, что было присуще, например, престольным и обетным праздникам. В каждом конкретном случае его форма и содержание определялись годовым богослужением и зависели от того, к какому общему празднику был приурочен съезжий. Часть съезжих праздников совпадала с

престольными. Это дало основание некоторым исследователям считать термины *престольный, съезжий, гулевой, гостиный* синонимами.

В XIX в. съезжие праздники были зафиксированы лишь в отдельных северных районах Европейской России с невысокой плотностью населения и на большей территории Сибири, куда они по всей вероятности были занесены выходцами из севернорусских губерний, которые первыми начали хозяйственное освоение пространств Зауралья. В Сибири съезжие праздники довольно широко были распространены еще перед первой мировой войной.

Съезжие праздники были большим событием в жизни крестьян и готовились к ним столь же основательно, как и к престольным: наводили чистоту в доме, варили пиво, а кое-где и канун, закупали вино и водку, заготавливали разнообразные кушанья. Гости (родственники, кумовья, друзья, знакомые) из дальних селений приезжали накануне, из ближних — рано утром в день праздника. Их собиралось так много, что порой все двory бывали забиты подводами (санями).

В каждом доме старались принять как можно больше гостей, приглашая и понравившихся хозяевам незнакомцев, встреченных в церкви, на улице, ярмарке, базаре*. В некоторых селах на Алтае считалось большой честью позвать к себе *толпу* (хоровод), с песнями двигавшуюся из одного конца улицы в другой. Порой гостей приходило так много (особенно к зажиточным крестьянам), что какое-то время им приходилось проводить во дворе или на улице перед домом в ожидании ухода своих предшественников и освобождения мест за праздничным столом.

Как и в престольный праздник, всех гостей, сколько бы их ни побывало за день, хозяева встречали с неизменным радушием, хотя они буквально с ног сбивались. По этикету хозяе-

* Этот обычай нашел отражение в присловьях: «Созову гостей со всех волостей, которых не видал, и те придут»; «Гость на гость — хозяину радость» (Рыбникова. С. 102).

вам не положено было участвовать в застолье вместе с гостями. Они должны были встретить и приветить каждого входящего в дом, усадить за стол, пригласить отведать выставленное угощение, обнести всех пивом и хмельными напитками. Зато в аналогичные праздники соседних селений уже их принимали с поклонами и уговорами «не побрезговать хлебом-солью». Не случайно в народе говорили: «Свой праздник — как гора валит, а чужой — как сокол летит». Установленные на первый взгляд лишь для веселого времяпрепровождения, съезжие праздники в Сибири выполняли важные социальные функции. Они в еще большей степени чем престольные, поскольку бывали чаще, способствовали расширению и упрочению междеревенских, главным образом межволостных, связей — родственных, дружеских, хозяйственных, торговых и пр. Объединительная функция съезжих праздников в условиях присущей Сибири в течение многих десятилетий разбросанности поселений, способствовавшей известной изоляции жителей, отвечала жизненным потребностям населения.

Особую роль съезжие праздники играли в жизни деревенской молодежи. Будучи своего рода волостными ярмарками невест, они создавали благоприятные условия для знакомства и общения уроженцев разных селений, и тем самым существенно расширяли возможности выбора брачного партнера, что имело немаловажное значение для сибиряков: до революции в Сибири благодаря насыщенности деревень родственными связями, объяснявшейся своеобразием ее заселения, довольно широко была распространена деревенская экзогамия — обычай брать невест из других селений (Зобнин. С. 41; Макаренко, 1993. С. 44—45).

Деревенские и уличные праздники

Наряду с вышеперечисленными праздниками дореволюционная Россия знала и такие виды праздников, как *деревенские* и *уличные*, о чем, в частности, свидетельствует и известное присловье «Будет и на нашей улице праздник».

В северных губерниях Европейской России еще в конце XIX — начале XX в. довольно широко были распространены *пивные праздники* — преемники древнерусских общественных пиров и братнин. Кое-где они сохраняли и традиционные названия — *ссыпки, братчины*. Устраивались эти праздники жителями нескольких деревень сообща в складчину, чаще всего в дни наиболее почитаемых в той или иной местности святых — на Афанасия, Николу, Фрола и Лавра, Илью, Петра, Михаила и др. В конце XIX в. в них участвовало обычно от пяти до десяти, редко до 25 деревень в пять-десять дворов. В более ранние времена, например, в Вятском уезде — до сорока небольших селений — *починок*, в которых, как говорилось в местной песне, «жить не весело — любить некого». Общественное пиво для праздника варилось каждой деревней по очереди.

Следует заметить, что с незапамятных времен пиво было в России обязательным, своего рода ритуальным, напитком едва ли не на всех праздниках. Не случайно в народе говорили: «Пиво в ходовике, так и праздник на дворе», «На праздник и у комара сусло (и у воробья пиво)», «Где пировать, тут и пиво наливать (и брагу сливать)».

По свидетельству владимирских газет, в начале XX в. в Иваново-Вознесенске, например, едва ли не каждая улица в один из летних воскресных дней справляла свой уличный праздник. Официальная часть таких праздников была близка к обетным.

Часть местных праздников по мере забвения их первоначального содержания и назначения, а также сопутствовавших им ритуалов со временем превращалась в так называемые *годовые гулянья*, каждое из которых имело свое особое название. Такие гулянья на протяжении многих десятилетий (а возможно и столетий) проводились в одно и то же время, на одном и том же месте. Их истоки, как и время появления, были разными.

* * *

Местные праздники сохранились в праздничном календаре русских и в послеоктябрьский период. Однако характер их, как

и государственных праздников, под влиянием перемен, произошедших в стране после 1917 г., существенно меняется.

Первые местные праздники советского времени стали появляться уже в 1918 г. Так, например, в Твери 28 апреля праздновали День Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в Иваново-Вознесенской губернии 15 сентября отмечался День рабочей кооперации, в Москве 22 декабря — День Красной Пресни и т.п. Все эти праздники, являвшиеся по существу определенным политическим актом, как правило, оказывались разовыми мероприятиями и не оставили сколько-нибудь заметного следа в праздничной культуре народа.

По-иному сложилась судьба местных праздников, возникших в послевоенный период. Большинство их органично вошли в праздничный быт русских.

В послевоенные годы появилось много местных праздников историко-мемориального характера, в том числе посвященных годовщинам освобождения городов, сел, районов и областей от фашистских захватчиков. В 60—80-е годы стали популярными местные литературные и фольклорно-этнографические праздники. Получили распространение и молодежные праздники, приуроченные к окончанию школы («Алые паруса» — в Ленинграде, «Костры Магнитки» — в Магнитогорске, «Перед дальней дорогой» — в Красноярске и т.п.). Стали входить в праздничный быт разных регионов России праздники улиц (дворов, кварталов), городов, сел и деревень, так называемые праздники малой Родины. (Советские традиции... С. 148; *Полищук*. 1963. С. 40—43; *Крупянская* и др. С. 143—146; *Тульцева*, 1992. С. 323—324).

В советский период, как и до 1917 г., местные праздники развивались в том же русле, что и государственные, составляя единую праздничную культуру русского народа. И те, и другие представляли собой сложный конгломерат различных элементов, возникших в разное время и в разной среде, традиционных и новых, сельских и городских, русских и общесоветских.

Календарные праздники и обряды

Жизнь крестьянина, как прежде, так и теперь, подчинена повторяемой смене времен года. Поэтому с древнейшей поры природно-астрономические явления были для людей главными ориентирами в круговороте годовых сезонов. Это прежде всего летнее и зимнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствия, а также естественная смена времен года. Эти переходные рубежи открываются большими календарными праздниками — святками, масленицей, семицко-троицкой неделей, русалиями и Ивано-Купальским праздником, осень предваряют праздники во имя Спаса и Богородицы.

Праздничные циклы соединяет между собой цепочка ежедневных средних и малых праздников (полупраздников), календарных примет и наблюдений, зарифмованных в присловья и жестко привязанных к церковным святым. Поэтому календарные праздники неотделимы от устного крестьянского календаря — земледельческого месяцеслова. С принятием христианства богатейший опыт людей по освоению природы и окружающей среды был как бы по-новому «систематизирован» и сакрализован святыми православных святцев. Соответственно в народном календаре, сплошь состоящем из рифмованных присловий, каждый день стал узнаваем по той конкретной информации, которая в качестве «прозвища» закрепилась за конкретным святым: например, Авдотья-Малиновка, Борис-Глеб-Паликопы, Луп-Брусничник, Орина-Журавлиный Лет, Савватий-Пчельник. Эта информация, накапливаясь от одного дня к другому, как бы подводила к рубежу, когда должны были произойти качественные изменения в природе и, благодаря этому, в жизни человека. Именно на эти рубежи приходится все большие календарные праздники. Поэтому в народном укладе жизни каждое значительное празднество было не просто «эмоциональной разрядкой» от трудовых будней, а своеобразным итогом прожитому отрезку времени и одновременно «подготовкой» к следующему периоду. Как «итог», так и «подготовка» осуществлялись через

определенные обряды и ритуальные действия. Повторяясь, хотя и в разных вариантах, в течение года от одного праздника к другому, они служили единственной цели: не дать оскудеть всему существу на Земле. Поэтому в центре календарных праздников стоят мотивы продолжения человеческого рода, плодородия земли, плодовитости скота, зверей, птиц.

Календарные праздники, как и народный месяцеслов, такие же древние, как труд земледельца, скотовода, охотника. Вместе с мифами, былинами, сказками народный месяцеслов и праздники стали хранителями сокровищ духа и души народа. Жизнь этой сокровищницы вечна, так как в ее основе — труд, праздник, поэтическое слово, забота об умерших предках и продолжении рода.

Праздники перевозимья

Уже с октября на Руси начинало чувствоваться веяние зимы. К этой поре спешили убрать весь сжатый хлеб. Это еще не зима, а *зазимок* или *зазимье*, *зазимки*. Первое зазимье совпадает с широко отмечаемым у русских православным праздником Покрова Богородицы (1/14 октября). Покров был той вехой, ориентируясь на которую крестьянин начинал подготовку к зиме. Заботясь о тепле в избе на зиму, хозяйки рано утром творили приговор: «Батюшка Покров! Натопи нашу хату без дров!» Затопив печь, шли за дожиночным снопом — тем, что был сжат последним, принесен с поля и до Покрова стоял в переднем углу, под божницей. На Покров этим снопом «закармливали» на зиму домашнюю скотину. Обычай связан с древним поверьем о том, что последний сноп хранит силу всего сжатого поля.

К Покрову каждый хозяин правил, утеплял и конопатил все углы и заваленки своей избы: «Захвати тепла до Покрова; не ухитишь до Покрова — изба будет не такова!» В некоторых селениях по Оке Спасского района Рязанской области на Покров непременно пекут блины, а когда едят, то говорят, что этим «углы затыкают, чтобы в доме тепло было». Истоки обычая печь на Покров блины довольно глубоки и связаны с культом предков,

с почитанием всех усопших прародителей. Осенью, когда из летних помещений переходили жить в теплую зимнюю избу, то считалось, нужно горячими блинами помянуть усопших предков как хранителей благополучия домашнего очага. По некоторым старым представлениям считалось, что души предков как бы незримо обитают в углах дома, охраняя его.

На Покров ребятишек для здоровья обливали водой сквозь решето.

В старом быту с Покрова начинались свадьбы. По народным приметам, снег на Покров предвещает счастье молодым. Накануне Покрова девушки загадывали: «Батюшка Покров! Чем земельку покроешь? А меня, молоду, повойничком или снежком?» В с. Кулье Печорского района девушки, моля Богородицу покрыть снежком Мать-Сыру-Землю, просили: «Покров Пресвятой Богородицы! Покрой меня покровом своим!» В вологодских деревнях девушки ткали *обыденную пелену* (т.е. пообету, в течение суток) и перед обедней несли ее в церковь к иконе Покрова Богородицы, молясь о хороших женихах.

Русские люди, празднуя дни, посвящаемые Богоматери, ожидали от Нее помощи как от «заступницы усердной» перед Богом. Когда праздновался Покров, то, в народных представлениях, Богородица печалилась не только о девушках, но скорбела за весь крестьянский род. По народному счету времени Покров и Казанская — это сезонные вехи: Покров — зазимки, Казанская — это уже перевозимье, начало санного пути. А такие переходные временные рубежи всегда отмечались по-особому в крестьянских святцах. С особыми приготовлениями и торжественностью встречалось и празднование Казанской иконе Божией Матери (22 октября / 4 ноября) или, как принято говорить, Осенней Казанской. Во многих деревнях и городских приходах на Казанскую приходится престольный праздник. В это время — разгар осенних свадеб.

Переходное время от осени к зиме отмечено поминальным днем — родительской Димитриевской субботой. Она предшествует празднику в честь великомученика Димитрия Солунского

(26 октября/8 ноября). В Дмитриев день бывали братчины — сообща варили пиво, им же угощались.

Пришло время деревенским супрядкам, на которых теребили и чесали промятый лен. 28 октября в день Параскевы и Ненилы льняниц первые промятые волокна (*первинки*) несли в церковь: их освящали, часть оставляли у икон. Устраивались также *льняные смотрины* — бабы и девки выносили на улицу напоказ вытрепанный лен (*опышки*). В г. Чухломе и уезде (Костромская губерния) в день Параскевы-льняницы, называемой также «Пятницей» и «Временной», варили кашу из пшена нового урожая, которую заправляли свежесбитым льняным маслом (*Максимов*, 1913. С. 292). Это была обрядовая трапеза, во время которой благодарили Бога за *первинки* — новое пшено и свежее льняное масло.

День Параскевы-Пятницы всюду считался праздником «баб и девок». С особым усердием молились девушки, прося «Ма-тушку Парасковею отдать замуж поскорее».

Сприходом ноября начинается (а в южных районах заканчивается) стрижка овец. По этому поводу с окончанием пастбищного сезона справлялся праздник овчаров (*овчарный праздник*). Он связан с именем св. мученицы Анастасии Римляныни (29 октября/11 ноября), которую в крестьянских святцах называли Настасьей-стригальницей, Настасьей-овчарницей. В паре с ней величали и празднуемого в тот же день Авраамия-затворника как Авраамия-овчара. В овчарный праздник овечьих пастухов угощали брагой, молоком, пирогами с капустой и морковью.

Едва заканчивалась осенняя стрижка, как наступала чередой новым хлопотам. По времени они приурочены к дню святых Космы и Дамиана, в просторечии — Кузьмы и Демьяна (1/14 ноября). В народе их почитали как *рукомесленников* — за покровительство ремеслам, как искусных кузнецов и врачей-«бессребренников», помогавших в недуге людям и животным и не бравших плату за свой труд.

К 1 ноября во многих местностях заканчивалась молотьба зернового хлеба. Поэтому день Кузьмы и Демьяна был своего рода крестьянским праздником завершения молотьбы. Он

начинался с принесения кочета в жертву *овиннику* — хранителю овина, который, по поверью, сушил зерновой хлеб (*Афанасьев А.Н.* III. С. 771). Возможно, именно благодаря этому обычаю 1 ноября именовали *кочетятником*, а словом *кочеты* называли даже молодежные посиделки, устраивавшиеся в Шиловском районе Рязанской области.

1 ноября готовилась каша из зерен нового урожая, благодаря чему святые Кузьма и Демьян прозывались также *кашниками*. Устраивалась деревенская братчина с домашним пивом. Под особым покровительством святых — «бессребренников» оказались куры. Во многих местах день Кузьмы и Демьяна был известен как *курячий праздник*, *курячи именины*. На это время приходится хозяйские заботы по уходу за курами: утеплялись курятники, слабых кур метили и резали к столу. Старики, вспоминая старый обычай, и сейчас говорят: «Вот, бабы, сегодня кур надо рубить!»

В селениях по р. Оке, Среднем и Нижнем Поволжье день Кузьмы и Демьяна был девичьим праздником и назывался *кузьминками*, *кузьмушками*, *ссыпками*. Снималась изба, и девушки «ссыпались», т.е. каждая приносила муку и другие продукты для приготовления вечернего пиршества. Особенностью сбора продуктов для *кузьмушек* было то, что хотя бы часть из них должна была быть похищенной у кого-либо. Без сомнения, это «воровство» провизии имело ритуальный характер. Веселье на *кузьминках* длилось от одного до нескольких дней.

На юге Нижегородской области девушки на второй день *ссыток* наряжались во все красное — цвет брака, солнца, жизни. Красный цвет *кузьминок* символизировал осенний свадебный сезон. Поэтому в народе говорили: «Кузьма-Демьян пришел — на свадьбу повел!» Известно множество свадебных песен с припевом «Кузьма-Демьян, скуй нам свадебку!»

Видно, не случайно эти святые стали «курячьими богами». На *кузьминки* было принято готовить куриную лапшу и пирог-курник, начиненный куриным мясом и яйцами. Это была ритуальная еда, специально готовившаяся для жениха и невесты и подававшаяся им в определенный момент свадебного пира.

Брачные мотивы *ссынок* усиливались благодаря тому, что на них в некоторых местах приходили погулять и парни. В с. Большой Мутор Касимовского уезда, где еще в 1920-е годы сохранялся возрастной принцип праздничного времяпрепровождения, после веселья девушки и парни вместе устраивались спать (ЭАОИРК. Кн. 1. № 16. 1927 г.). В д. Сумерки и Заулки того же уезда подготовка начиналась за неделю до праздника: собирали харчи и каждый день что-нибудь варили и пекли. Собираясь вместе, девушки рядились, кто молодой, кто парнем, старухой, сторожем, барыней и др. За один-два дня до Кузьмы и Демьяна девушки делали куклу — *маленького* и с пляской заходили в каждый дом, собирая яйца и «кто что даст», для «маленького» — его «надо кормить». (АИЭА. Фонд Комплексной экспедиции. Рязанский отряд. Д. 68, № 97. 110. Полевые тетради Г.С. Масловой).

Этот фрагмент праздника — сбор харчей, чтобы «маленького кормить» — отголосок кузьмушек того времени, когда, как считают исследователи, во время совместного проведения ночи допускались внебрачные отношения между парнями и девушками.

Ссынками, там, где была такая традиция, отмечался и Михайлов день (8/21 ноября). День, известный в православии как Собор Архистратига Михаила, широко отмечался в русских селениях, так как архангел Михаил пользовался особенно большим почитанием в народе. И празднование, и почитание имело известное обоснование: по преданиям, Архистратиг Михаил во главе небесного воинства сопровождает Пресвятую Богородицу в години несчастий; считается, что именно Михаил-архангел встречает у огненной реки души усопших и препровождает их на суд к Господу.

В Михайлов день во многих местах празднуют *престолы*, *братчины*, *свадьбы* — последние шумные — осенние гулянья перед Рождественским постом или, как его называют в народе, Филипповками (день апостола Филиппа 14/27 ноября).

Заговенье на Филипповки было праздником *молодушек* (женщин, которые менее года замужем) у оренбургских казаков. Как для кузьминок, так и для заговенья молодушки за неделю до

празднования ходили по знакомым домам и собирали солод и ржаную муку, чтобы сварить пиво, которым потчевали всех, кто приходил на вечерку.

К Филиппову заговенью в деревнях завершалась *кудельница* — время, когда женщины, девушки, девочки и даже иногда мальчики готовили лен для пряжи. Лен мяли, трепали, чесали. Деревенская молодежь с нетерпением ждала Филипповок, когда в деревнях начинали пряхсть. Из-за того, что все Филипповки были заняты прядением, этот пост в некоторых местах (например, в бассейне р. Унжи и Ветлуги) назывался *прядистое говенье* или *прядильное, прядкое говенье*. Говорили: «Филиппан не нарядет, так Великан не наткет», т.е. в Филипповки надо усиленно пряхсть, чтобы в Великий пост побольше наткать (Громов А.В. С. 53—54).

Приход зимы в крестьянских святцах связан с праздником Введения Пресвятой Богородицы (21 ноября/4 декабря). На Ангаре молодежь в этот день устраивала *вечеринки с игрищами* (Макаренко. 1913. С. 122). Девушкам на выданье накануне праздника, перед сном, советовали молиться о замужестве: «Введение Пресвятой Богородицы! Своди меня в тот дом, в котором век жить!» В день праздника молились о венчании: «Введение Пресвятая Богородица! Введи во храм Божий поскорее!» Повсюду в этот день пеклись олады; в один оладушек непременно запекалась монета: кому достанется — на счастье.

Введение открывало санные торги. Самым известным был торг на Катерину-санницу в Москве, на Лубянке (24 ноября/7 декабря). День этот был праздником молодух, что вышли замуж в осенний мясоед. Для них по первозимью устраивались катания в нарядных санях. Тогда же, в Катеринин день, бабушки и крестные мамушки дарили детям маленькие санки-козырки (без полости).

Особым в крестьянском календаре был праздник, называвшийся Егорием (или Юрием) холодным (26 ноября/9 декабря). Он посвящен реальному историческому событию Русской Православной Церкви — освящению храма во имя великомученика Георгия в Киеве (1051—1054). Однако в народном календаре этот день прочно ассоциировался с Егорием как пастырем волков. В этнографической

литературе встречаются единичные описания аграрных обрядов осеннего Егорьева дня. Такой обряд многофункционален по своему значению: здесь и моление к Егорию милостивому о сохранении домашнего скота; здесь и определенная жертва выпечеными «конями», которая как бы предназначалась волкам, но она не разбрасывалась по полю, а зарывалась в снег, ближе к земле, тем самым как бы посвящаясь и земле, и наступающему темному времени года, когда в полях и лесах хозяйничали волки. Не случайно этот период в народном календаре отмечен «волчьей темой».

Одним из широко отмечаемых праздников декабря был день Николы зимнего (6/19 декабря). Никола-угодник — один из самых почитаемых на Руси святых. В каждой семье в этот день готовился праздничный стол. В деревнях справлялась никольская братчина с ячменным пивом и пирогами. В тех же селениях, где праздновался престольный день, разворачивались шумные Никольские ярмарки, на которых непременно был и торг хлебным зерном. Именно на этих ярмарках устанавливалась цена на зерно: «Никола строит цену на хлеб».

Приметная веха декабря — день, называемый Спиридоном-Поворотом, Спиридоном-Солоноворотом, солнцеворотом или просто *поворотником* (12/25 декабря). Перечисленные названия сконцентрировали крестьянские знания об астрономическом состоянии зимнего Солнца по отношению к северному полушарию Земли. Знания о переходном состоянии природы отразили некоторые ритуалы и обряды. Их зафиксировано немного. Но все они принадлежат единому типологическому ряду символов солярного культа. Это прежде всего — зажжение костров.

Другой символ солнца — *колесо*. Его катали с горы, а затем сжигали у проруби.

Покров, Казанская, Кузьминки, Михайлов день, заговенье на Рождественский пост и другие праздники *первозимья* и начала зимы были вехами между теми или иными последовательно сменявшимися работами для подготовки собранного урожая к хранению, а домашних животных и птиц — к зимовке. Эти праздники были по сути своей праздниками сбора урожая. По

традиции крестьянская община отмечала их в форме братчин, т.е. сообща, всем миром. Сообща же, от всего мира, нередко заказывалась в церкви особая братская свеча, которая ставилась у иконы того святого, который, как считалось, покровительствовал данному селению или определенному кругу семей. Другая характерная черта праздников первозимья: пока закрома полны — игрались свадьбы. В Рождественский пост праздновались, но скромно, только престольные праздники и день Николы-зимнего; свадьбы не игрались. Когда наступали святки, обрядность принимала иной характер.

Святки

Святками называют время от Рождества Христова (25 декабря/7 января) до Крещения (6/19 января). Древнее праздничное двенадцатидневье святок посвящалось зимнему солнцевороту, которое в эпоху установления христианства приходилось на 25 декабря (по ст. ст.). Особое состояние астрономического года, каким является зимний солнцеворот, нашло отражение в обычае в ночь под Рождество Христово зажигать костры. Костры жгут с 12 часов ночи посреди деревенской улицы, напротив каждого дома. География обычая довольно широка — это весь южнорусский регион, включая Самарскую и Астраханскую губернии. Разные названия его, как и разное время исполнения, — это уже исторические трансформации и переосмысление обычая.

Благодаря восприятию христианского предания о рождении Христа, сам праздник в народном быту наполнился подробностями, которые как бы иллюстрировали события, связанные с рождением Христа. Прежде всего в сочельник, до первой вечерней звезды, как символ того, что звезда возвестила волхвам о рождении Христа, никто ничего не ел и не садился за стол. Сочельничать, т.е. разговляться всей семьей постной пищей с появлением первой вечерней звезды, начинали с молитвы. Затем старший в семье прикреплял зажженную свечку к хлебу и выходил с ней во двор; возвратившись с охапкой сена или соломы, он застилал ими избу;

под образа и по углам ставили необмолоченные снопы ржи, а около икон — кутью. Снова помолившись, садились за стол. В сочельник пекли блины, оладьи медовые и пироги постные с грибами, картошкой, кашей.

Сочельничать полагалось в строгом молчании. Этой трапезой не просто завершался Рождественский пост, а как бы перекидывался мост к святкам («Сочельник — к святкам, с Филипповок мост»), начинавшимся колядованием. Для колядования собирались подростки, молодежь, молодые мужчины и женщины, среди которых одного обряжали в вывороченную шубу, давали в руку палку и суму, куда складывались продукты. Компании колядующих выкрикивали под окнами изб величание хозяевам. Как правило, оно начиналось со слов: «Пришла Коляда, / Накануне Рождества, / Мы ходили, мы искали, / Мы нашли Коляду, /». Во многих местностях в вывороченную шубу рядилась женщина. Она разыгрывала роль *бабки Коляды*, которая проверяла, кто сколько напрял за Филипповки.

Прядева должно быть столько, чтобы сочельников мост прочно соединил Старый и Новый год, нерадивых прях *бабка Коляда* беспощадно била безменом.

День Рождества Христова в земледельческих районах начинался с того, что перед утреней или после нее пастухи «обсевали» или «посевали» избы. Обходя деревню, они поздравляли хозяев с праздником и с порога бросали горсть зерен в передник к хозяйке или по углам, вдоль избы, приговаривая: «На живущих, на плодущих, третье — на здоровье!», «На полу теляток, под лавкой ягняток, на лавке — ребяток!», «Сею, посеваю ярой пшеницей, овсом, гречихой на телят, на ягнят и на всех крестьян!» Уже сами эти приговоры объясняют цель обычая: обеспечить в новом году урожай зерновых, плодовитость скота, здоровье людей (Подробнее см.: *Тулъцева*, 1989. С. 55).

К Рождеству повсюду пекли из теста *коровок, бычков, овец, птиц, петухов*. Эти *печения-козульки* дарили родным, друзьям и знакомым, выставляли их в качестве украшения между оконных рам, угощали колядовщиков. Рождественское разговенье принято

начинать с вкусной и обильной еды. Некогда на Руси непременно рождественским угощением был поросенок, начиненный кашей, или кабанья голова с хреном; в обычае было подавать к столу окорок запеченный, копченый или горячий отварной, жаркое или заливное из поросенка, студень из свиных ножек или головы, жареную свиную грудинку с картошкой. Специально приготовленного поросенка подавали к столу и в канун Нового года, в Васильев вечер. Считалось полезным после трапезы зарыть кости васильевского поросенка где-нибудь на огороде для изобилия в доме. Там, где такого обычая не было, перед Новым годом пеклось обрядовое печение — *свинки*. Собирая под окнами пироги и вареные свиные ножки, колядовщики выкрикивали: «Свинку да боровичка выдай для Васильева вечерка!»

В течение всей рождественской недели было принято *славить Христа*. В западных и северо-западных областях России особый колорит празднику придавали группы христовлавомальчиков с вертепом или звездой.

Вертеп — это простенький макет церкви, по форме напоминающий обычный ящик без передней стенки, обклеенный внутри и снаружи разноцветной бумагой, с искусно сделанным шпилем или маковкой. Внутри вертепа была как бы сцена кукольного театра, в котором разыгрывались картины из священной истории, рассказывающие о рождении Христа.

Звезда делалась двусторонней, из разноцветной бумаги, с изображением, например, поклонения пастырей. Иногда внутрь звезды прилаживали зажженную свечку, отчего рисунок проступал ярче, а лучи звезды как бы светились. Христовлавы, пропев рождественское песнопение (тропарь или кондак), в конце добавляли собственную присказку. Например, *мальчики-славильщики* младшего возраста пели бесхитростную песенку, в различных вариантах известную по всей России:

Славите, славите,	Нам на прянички,
Сами, люди, знаете,	На орешки,
Открывайте сундучок,	Детям на потешки!
Доставайте пятачок!	

Зимние календарные
обряды:

а) Рождество

Христово:

рождественская
звезда,

б) Святки: святоч-
ная рожка — берестя-
ная маска

В Западной Сибири к сходной песенке добавляли просьбу:
«Сырник в рукавичку, шанежку за пазушку!»

Второй день Рождества — праздник повивальных бабок и рожениц — *бабины, бабьи каши*. В этот день праздновали иконе Божией Матери «Блаженное чрево» (см. также: *Чичеров*. С. 60—61).

С рождественским колядованием перекликается обычай «кликать Авсень». Приуроченный к кануну Нового года, он широко известен в исконно русских землях средней полосы России. С переселенцами *Авсень* попал сначала в Симбирскую губернию, а затем в Сибирь — Омскую и Новосибирскую области. Свое название новогоднее величание получило по припеву «Авсень! Авсень! Златоус Авсень!» (варианты: «Овсень!», «Таусень!», «Усень!» и др.) Дети, подростки, холостая молодежь, объединившись в группы по возрасту, а иногда и по полу, например, когда девушки величали парней, ходили от избы к избе и под окошками «кричали» или «кликали Авсеня». Если в доме имелись жених или невеста, то величали не только хозяев, но и будущих молодых, суля им скорую свадьбу.

Со среднерусскими *Авсенями* схожи новогодние величания *Виноградья*, сопровождаемые припевом «Виноградье, красное-зеленое мое!» Особенно широко они были распространены на Русском Севере и с переселенцами попали в Сибирь. Новогодние

величания выполняли роль ритуального заклятия, призывая благополучие на прославляемый двор.

Обойдя дворы и получив за свои труды *козульки, авсеньки, свиные ножки, шанежки* и т.п., колядовщики устраивали гулянье, с играми, плясками, ряжением, гаданиями.

Гадание под Новый год было широко распространенным обычаем. Во все времена оно имело одни и те же цели: узнать, каков будет урожай в наступающем году, и предопределить личную судьбу. Об урожае гадали по зерну, колосу, снопу или караваю хлеба. Если хотели узнать, что лучше уродится, то в ночь под 1 января выставляли на мороз снопы разного хлеба или втыкали в снег стебли с колосьями, а утром смотрели: на котором из них больше инея, тот даст больший урожай. Под Новый год и в крещенский сочельник после ужина искали зерно под столом: если найдут — к урожаю. В канун Нового года пекли каравай, взвешивали его и клали на ночь к иконам. Если утром вес оказывался больше, то год должен быть урожайным, меньше — к бескормице.

Широко было распространено гадание по колоску, выдернутому из «кладушки» на гумне: колос с зерном предвещал урожай, пустой — недород. К схожему гаданию прибегали девушки, чтобы узнать, богатый ли будет жених.

Гадания о суженых-ряженных отличались необыкновенным разнообразием. Существовало до нескольких сотен способов гаданий: по звездам, месяцу, воде, снегу; с кольцами, зерном, квашней, блинами, ложками, курицей, петухом, овцами, зеркалом и свечами, повойником, угольками и т.п.; слушали лай собак, фырканье лошадей, разговоры под окнами (по обрывкам фраз надеясь определить судьбу), спрашивали имя у первого встречного (таково будет имя жениха) и т.д. Гадали у овина и внутри него, в бане, на улице, на перекрестках, Наиболее действенными считались гадания за околицей на перекрестках дорог, где всегда стояли часовни и обетные кресты.

Святки — время уличных забав, вечеров, ряжений. Ряженных называли *окрутчиками, кудесниками*, на Русском Севере — *святошниками* (от *святки*). Рядились в вывороченную шубу,

в медведя, козу, быка, а также в журавля и курицу. Из персонажей повседневной жизни наиболее популярными были маски солдата, гадающей цыганки, купца, барина, нищего.

Широко бытовали игры ряженных «в кобылку» («коня», «лошадь») и «в покойника». От времен Московского государства (XVI—XVII вв.) сохранилось немало указов, запрещавших «бесовскую кобылку водить». Но игра сохранялась и в XX в. Ее истоки — в древних зимних русалиях, посвящавшихся солнцевороту. Поэтому не случайно повторение игры «в кобылку» во время летних русалий, в период солнцестояния.

Во всех описаниях святочных игр поражает обязательное присутствие ряженого покойником. Маска или ряженный покойником, появляются только в святки, в другое время года ряжение «покойником», видимо, не допускалось (чтобы не оказать неблагоприятного воздействия на «живущих» и «плодущих»). Раскованностью отличались сценки, разыгрывавшиеся ряженными в мужскую и женскую одежды. Мужской и женский травестизм (перемена пола) — отголосок каких-то шаманских реалей, имевших место в Древней Руси, но с течением времени изжитых. Осталась лишь внешняя сторона, принявшая скомошью форму, что давало возможность участникам игры переступить черту недозволенного (в обычной жизни) и разыгрывать эротические сценки, допуская непристойные шутки и жесты.

Брак, свадьба, плодородие — мотивы святочных игр, гаданий, подблюдных песен (см. о них: Поэзия крестьянских праздников. С. 137—238) были тем естественным фоном, на котором разворачивались хлопоты и ожидания, связанные со сватовством, с выдачей замуж девушек и женитьбой парней. Поэтому в севернорусских областях, где население жило в небольших деревеньках, сложился обычай принародных *девичьих смотрин*. Девушки-невесты, нарядно одетые, выстраивались цепочкой в каком-то месте: на берегу реки, на одной из улиц села, на площади перед храмом. На девичьи смотрины съезжались свахи и матери с сыновьями для выбора невест.

Святки были известны и своими *свозками* или *свозами*: всех окрестных невест родители свозили в одно большое село к родным и знакомым специально для участия в новогодних посиделках. Цель их — себя показать и жениха присмотреть. Поэтому, когда наступал последний день святок, — а этим днем был праздник Крещения Господня (6/19 января), — говорили: «Крещение — всем делам вершенье!» По числу сосватанных пар как бы подводился итог святочным гуляньям.

По традиции на Крещение участники игрищ, особенно те, кто *рядился* или ходил в *личинах*, чтобы очиститься от греха, купались в *иордани* — крещенской проруби, около которой проходило водосвятие с торжественным молебствием. Накануне и в день Крещения совершались ритуальные действия, имевшие охранно-магические цели: дома ограждались от *нечистой силы* с помощью креста, рисовавшегося на всех дверях и воротах двора, внутренние помещения окроплялись крещенской водой.

По своему характеру святочная обрядность довольно четко делится на ритуальную и игровую. Ритуальная исполнялась в первую неделю святок от Рождества до Нового года. Именно на это время приходится исполнение разнообразных песен-заклинаний, призывавших благополучие на прославляемый двор и суливших скорую свадьбу женихам и невестам. На этой же неделе славили Христа. В это же время исполнялась и большая часть гаданий о будущем урожае.

Вся вторая неделя святок заполнена разнообразными игрищами, ряжением, разыгрыванием на посиделках народных драм, гаданиями о суженых-ряженных, девичьими смотринами.

Время от Рождества Христова до Великого поста называлось Великим Промежговением: примерно, в течение двух-трех месяцев до Великого поста длился мясоед, во время которого справлялись свадьбы. Поэтому февраль (середина мясоеда) назывался «свадебником». О незадачливых женихах говорили: «Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился». Таких парней на Масленицу могли принародно осрамить.

Масленица

Празднование Масленицы совпадает с новолунием, напоминая о том, что в Древней Руси она праздновалась как начало Нового года по лунному календарю. С XVI в. после церковной реформы, упразднившей мартовское новолетие и утвердившей 1 сентября (по ст. ст.) как начало нового года, *масляная неделя стала* восприниматься как праздник проводов зимы и встречи весны. По времени и характеру празднования Масленица, как и *Белая неделя* других народов (например: Бела, Сирна неделя — у сербов и черногорцев; Бела, Сирната, Сирупосна неделя — у македонцев, *saptamana alba*, т.е. Белая неделя, — у румын) типологически едина с традиционным праздником бурят-монгольских народов *цаган-сар* (*Белый месяц*), посвященный окончанию зимы и началу Нового года по лунному календарю. Как сейчас каждый человек стремится встретить Новый год, так в старину — Масленицу. Бытовало даже присловье: «Хоть себя заложить, а Масленицу проводить!»

Два основных мотива (на фоне многих других) преобладают в праздновании Масленицы: необыкновенное изобилие еды на столах всех домохозяев; особое внимание к молодоженам и молодежи как такой биосоциальной части населения, от которой зависело благоденствие общины в перспективе.

Русские названия Масленицы — *Масляная, Сырная неделя, Сырница* — говорят о ней как о празднике *белой пищи*: молока, масла, сметаны, сыра и других молочных продуктов, получаемых от домашних животных. Поэтому в псковско-смоленских говорах эту неделю называют *белой мясоедью*. Не случайно, в западных и южнорусских районах (Смоленщина, Псковщина, Калужская, Курская губернии), а также в Западной Сибири, когда встречали Масленицу, то в песнях пели о том, как люди «Масляницу встречали, сыры с маслом починали», пирогами и блинами гору устилали.

Масленица не всегда и не везде была *блинница*. Можно перечислить сколько угодно мест, где в старину блины не пеклись.

Приготовление к празднованию состояло «в пряжении» разного «пирожного»: сырников, яичников, ягодников, крестиков, плетушек, розанчиков, хворостов и др. (Зеленин, 1915. С. 825). Даже в наше время сохраняется местная традиция в масленичной выпечке. Обратим внимание и на сообщение М.Д. Чулкова (1744—1792) о том, что блины, оладьи, пряженцы и др. — все это «вообще называется масляницею» (Чулков. С. 194), т.е. в XVIII в. под Масленицей подразумевался конкретный ассортимент еды в течение Сырной недели. Тем не менее, за прошедшее столетие блины стали повсеместно любимой масленичной едой.

По древней традиции первый блин или отдается нищему, или оставляется в качестве тайной милостыни на слуховом окне на помин души усопших предков, или его съедает набожная хозяйка — также за упокой умерших. Раньше в семьях, где была дочь на выданье, первый блин отдавался ей. В Воскресенском районе Московского округа девушки выбегали с блином на улицу и у первого встречного спрашивали имя — таковым будет и имя жениха. В Калужской губернии с первым блином посылали детей в огород «весну закликать». В Дмитровском уезде Орловской губернии, закликая весну на Масленицу, призывали «галушку-ключницу» отомкнуть лето.

С середины недели начинались первые гостевания. С особым почетом в доме тестя встречался молодой зять. Молодые всюду были желанными гостями, а на сельской или городской улице их поджидала молодежь, чтобы вывалить в сугробе и заставить принародно целоваться. Было принято также чуть ли не всей деревней катать молодоженов с гор.

Ни на одном празднике в году не уделялось столько внимания молодым супругам, как на Масленицу. Считалось: «Где было больше молодых — той деревне и чести больше».

На Масленицу не обходилось и без курьезов: в д. Прилуки (Плесецкий район Архангельской области) мужики сажали на зубья бороны парня, который не раз сватался, но получил отказ, и тащили его с песнями, свистом и криком на гору, что считалось большим позором. Озорные шутки над холостой молодежью

не случайны: по традиционным канонам, все здоровые молодые люди должны либо состоять в браке, либо посвятить себя служению Богу. Холостяки, а тем более молодые, не реализовывая свои потенциальные возможности к чадородию, как бы оказывали негативное влияние и на плодородие. Из-за них могло случиться *гололетье* — неурожай, засуха. Поэтому их бесчестили.

В последние дни Масленицы по улицам городов и сел разгуливали ряженые: «медведи», «козы», мужики, переряженные «бабами», верхом на лошадях. Дело доходило до того, что даже лошадей рядили в мужские порты. Их натягивали на передние, иногда на задние ноги. Порой на лошадиный круп натягивали юбку. В дополнение к этому наряду на лошадь навешивали березовые венки, украшали ее лентами.

С четверга, а в иных местах с пятницы, начиналась широкая Масленица. В домах к столу подавалась обильная еда с большим количеством масляных блинов, хвороста, пряженого и рыбных блюд.

Повсюду катались с гор и на лошадях. Для катания с гор приспособлялись разные предметы: лубьё (липовая кора), рогожи, коровьи шкуры, санки. Распространенный способ катаний — на *катанках*, *лодках* (или *лотках*), на *козлах*. Катанку делали из старой корзины, обмазав ее днище навозом и выставив на мороз. *Лодку* — из долбленного дерева. Она долго катилась с горы, к тому же с нее не упадешь. *Козлы* — та же *лодка*, но внутри нее устроено сиденье вроде маленького стула: один сидит, а другой сзади на козлах стоит, он разгоняет козлы и направляет их движение.

Катались не только ради удовольствия. Катанье имело и ритуальное назначение. Поэтому его нередко начинали девушки и женщины. Когда с горы скатывались девушки, то смотрели: которая из них съехала дальше — та быстрее выйдет замуж (или в дальнюю деревню, в дальнюю сторону). Катанья имели и другое ритуальное назначение: считалось, кто дальше прокатится, у того лен долгим уродится.

Красивое зрелище представляли масленичные катанья на лошадях. Масленичный поезд мог доходить до нескольких сотен саней. Выезд сопровождался несмолкаемым перезвоном под-

дужных колокольчиков и шаркунцов. Сами лошади были украшены праздничной сбруей с медной фурнитурой, а полости — волчьими и медвежьими шкурами.

Не только санными бегами, — знаменита была Масленица и своими кулачными боями (вот где оттачивалось мастерство русского рукопашного боя!). По старинной примете, о которой помнят еще в Нижегородской области, чья деревня победит в кулачном бою, там и урожай будет больше. В разгар кулачного боя к бойцам могла ворваться толпа ряженных.

По картине В.И. Сурикова хорошо известна и сибирская игра «Взятие зимнего городка», особенно популярная среди казаков. В Тульской, Симбирской и Пензенской губерниях снежный городок строили обязательно на реке. *Крепость* была с башнями, двумя воротами и прорубью внутри — в нее-то не должны были влететь ни увлекшиеся боем атакующие (они верхом на лошадях), ни защитники *городка*.

Однако, как ни весела и сытна была Масляная неделя, наступал день ее проводов — воскресенье. Его называют *Прощеное* (*прощальное, прощельное*) *воскресенье*. Приготовления начинались с утра: по деревням возили чучело Масленицы в сопровождении ряженных, катались на лошадях и, конечно, с гор. Гуляки ходили по улицам и распевали во все горло: «Государыня Масляница! Протянись до Петрова поста!»

Кульминация проводов — костры. Их разводили на реке, за селом, на перекрестках («крестах») дорог, в поле, на возвышенном месте, иногда посреди деревни. В Среднем Поволжье и на Рязанщине жгли сноп соломы, иногда наряженный в женскую старую одежду. В Верхнем Поволжье, Костромской области костры устраивали из старых веников, домашней рухляди, корзин, сломанных дуг и т.д. В местах, где было развито смолокурение, жгли смоляную бочку, колеса, деревянные ведра из-под дегтя, которые водружали на шест и зажженными поднимали повыше.

Костры разводили ближе к сумеркам. И едва раздавались звуки вечернего благовеста, веселье прекращалось, все расходилось по домам; ездоки сдерживали лошадей и

пускали их шагом. Впереди был особый вечер, который дал название всему этому дню, — Прощеное воскресенье, Прощеный день. В этот вечер все *прощались*, т.е. просили прощения у родных и знакомых за все свои прегрешения, совершенные в течение года. Люди как бы очищались от обид и скверны. В этот день, даже незнакомые, целуясь, просили друг у друга прощения.

В Прощеное воскресенье крестники посещали крестных отца и мать. Было принято дарить друг другу пироги, муромские кренделя, вяземские коврижки, белевские медовики, тульские узорные пряники с надписями «Кого люблю, тому дарю», «От милого подарок — дороже золота» и др.

Понедельник, первый день Великого поста, представлял собой разительный контраст по сравнению с масленичными днями. Хотя кое-где по городам еще догуливали ямщики, «полоща рот» от скоромной пищи, оправдываясь тем, что всю неделю они развозили гостей, и хотя еще в иных местах катались на донцах, чтобы лен уродился, но уже во всем чувствовалось наступление иного времени, требующего иного поведения. С утра повсюду топились бани, чтобы в чистоте приготовиться к посту. По дорогам к храмам и монастырям пешком и в экипажах направлялись богомольцы и говельщики. На Москве-реке от Устьянского до Каменного моста в первую неделю поста разворачивалось удивительное торжище, на котором можно было купить все необходимое для поста: всех сортов орехи, разнообразные сорта изюма, мак белый, черный и зернистый, разных видов постное масло, горох, фасоль, были ряды с медовым и грибным изобильем, с квашениями и солениями.

Праздники и обряды Великого поста

Наступившее после Масленицы семинедельное говение не меняло содержания крестьянской обрядности. Более того: ожидание весны придавало особое значение всем обрядам, исполнявшимся во время Великого поста. Некоторые из них, например, встреча весны, повторялись по нескольку раз в течение этого срока, как

бы торопя ее приход. Идее возрождения и одновременно очищения от скверны и грехов подчинена вся весенняя аграрная обрядность, повседневная семейная и индивидуальная жизнь каждого крестьянина. Поэтому во время говения соблюдался очень строгий пост: люди усердно молились, мало разговаривали друг с другом, стараясь не ссориться и не сердиться. Эта нравственная сторона поста влияла на повседневную жизнь крестьян, в которой не допускались ни игры, ни песни, ни шумные сборища; разрешались лишь песни заклинательного содержания (окликания), и то они не пелись, а скорее кричались.

Середина Великого поста — *средокрестье* (среда на четвертой крестопоклонной неделе) — отмечена подготовкой к весенним работам. В этот день пекли обрядовое печенье *хрестец* или *крестец*, напоминавшее о будущем урожае. Оно имело форму круглой лепешки с тринадцатью *снопиками* (перекладины из теста) на ней. Такое печенье имитировало первую кладку снопов на жниве. Магико-продуцирующая роль этого хлебца как бы усиливалась за счет обрядовых действий с ним: его хранили до весенних работ, потом запахивали или, раскрошив, сеяли по полю, скармливали лошадям, на которых пахали, иногда часть их съедал сам сеятель. *Хрестцы* пеклись в основном в среднерусском регионе. Зато повсеместно в каждой семье к средокрестному завтраку подавали выпечку в форме крестов.

Другой обычай средокрестного дня «кресты кричать» или «кликать говенье» — известен в Поветлужье, на территории всей Костромской области, в Нижегородском Поволжье. В этот день дети и подростки «кричали» под окнами о том, что «Половина говины переломится; Хрен да редька переводится!..» За это, к радости детишек, им дарили *кресты*.

Средокрестье приходится на один из дней марта. А в марте, как говорили крестьяне, «грач зиму расклевал». Поэтому на Евдокию-капельницу, *весенницу* (1/14 марта), а затем на Герасима-грачевника (4/17 марта) пекли *грачи́ков*. А уже 9/22 марта, на *Сороки*, в день весеннего равноденствия, не было такого уголка в России, где бы не пеклись *жаворонки*, *галуши-*

ки, чувильки и другие печенья в форме птиц. В Каргополье 22 марта называют *тетерочным днем* и детям пекут *тетерок* — хрупкое, как кружево, печенье с узорами в форме *солнышка-высоколнышка, солнышка с кудерочками, солнышка с бегунками* (конями) и др. (Дурасов, 1981). Одни эти названия говорят о ритуальном значении дня весеннего равноденствия в календаре крестьян.

На *Сороки* повсюду закличками и печеными *жаворонками* призывали приход весны, а с ней прилет птиц и начало лета.

Если в *Сороки* выпускали на волю печеных *жаворонков*, то на Благовещение (25 марта/7 апреля) — живых птиц. Этот обычай связан с представлением о птице как Божией вестнице и как посреднице между людьми и душами умерших предков. Согласно народному преданию, в Благовещение, как и на Пасху, души грешников на время освобождаются от мук. Отпустить птицу на волю — значило помянуть умерших. А если птица помянет — это важно и живым, и мертвым. Любители голубей в первый раз на Благовещение «гоняли» этих красивых птиц в весеннем небе.

Считалось, что на Благовещение солнце играет, что весна начинается с 25 марта, поэтому в день Благовещения сам Бог благословляет землю, открывая ее «на сеяние». Готовясь к севу, крестьяне накануне и в день Благовещения освящали семена для посева.

На Благовещение к столу подают *благовещенские* кулебяки и пироги с начинкой из грибов и рыбы, различные рыбные блюда.

Другой большой праздник — Вербное воскресенье — любимейший праздник русских людей, который в народной жизни приобрел этнически самобытные черты. Это объясняется многими причинами. И прежде всего ландшафтом Европейской России, богатым реками и речушками, озерами и заболоченными местами. Здесь, едва растает снег, среди талых вод первой распускается верба. Обилие красивых пушистых почек породило ассоциации с плодоношением. Не случайно, где-то в глубине

веков родилась необычная мифопоэтическая легенда, которая повествует о том, что некогда верба была женщиной, и у нее было столько детей, что женщина поспорила с самой Матерью-Землей о том, что она плодovitее Земли. Рассердилась Мать-Земля и превратила женщину в вербу.

Древние верования о плодоносящих свойствах вербы дожили до наших дней. Считается, что ветки, освященные в церкви, обладают оздоравливающими и оберегающими свойствами и освященная верба помогает чадородию женщин (Болонев. С. 126). Считается также, что верба помогает человеку и в его последний смертный час, отгоняя злых духов от изголовья умирающего.

В контексте народных представлений о плодоносящих, целебных и охранно-магических свойствах веток вербы, на которых распустились почки, совершались и обряды Вербного воскресенья. Это широко практикуемый обычай слегка хлестать детей освященной вербой для здоровья и роста, а также домашних животных. До сих пор, чтобы овцы плодились и было больше ягнят, во многих местах утром Вербного воскресенья выпекается обрядовое печенье *кытшки, ярушки, катышки* с медом или с запечеными вербными почками. Их едят сами и кормят ими овец и ягнят.

Вербная неделя сменяется *Страстной*. Она наполнена приготовлениями к достойной встрече Пасхи. Среди других дней недели своими хлопотами выделялся *страстной* четверг. Его называют *Великий четверток* или *Великий четверг*, а в народе чаще — *чистый*. Для Чистого четверга характерны самые разнообразные обычаи, которые можно охарактеризовать как очистительные, бережные и заклинательные.

Из них самые распространенные — очистительные. Первое, с чего надо начинать этот заповедный день, — встать как можно раньше, «до ворона», пока еще темно, и искупаться в реке или проруби. Так делали даже в Сибири, несмотря на холод. Умываться следовало ключевой водой «с серебра» или даже «с золота» — для красоты и здоровья. Купанию, умыванию и обливанию водой в Чистый четверг придавалось особое очищающее и оздоровительное значение. Такое же значение имело и окуривание

дома можжевеловым. За ним специально ходили рано утром в лес, до рассвета, в Чистый четверг.

Под знаком очищения и охраны здоровья совершались все обрядовые действия Чистого четверга: сжигались старые соломенные постели, старая обувь, одежда, мусор; проветривалось и просушивалось содержимое сундуков; делалась тщательная уборка дома и двора; чистились серебряные вещи и оклады икон.

На рассвете Чистого четверга исполнялось и осторожное очерчивание круга вокруг дома. Делалось это для того, чтобы в дом не проникла нечистая сила. С этой целью старший в доме подходил его с иконой и молитвой.

В этот же день исполнялись заклинательные обычаи, направленные на охрану домашнего скота от хищных зверей. Корни их восходят к охотничьей магии и промысловому культу, когда исполнялись особые обряды, чтобы обеспечить «всезверие» — размножение зверей.

Киселем «кормили» и мороз. Это была как бы умиловительная жертва, чтобы предохранить всходы от заморозков. При этом, если, например, в кубанских станицах, «мороз приглашали» чаще всего на Рождество или Крещение, то в среднерусской полосе и севернее (Новгородская, Тверская области) это делали в Великий четверток или на Пасху. Специально для мороза, словно это было одушевленное существо, варили овсяный кисель. Вечером в среду или рано утром в четверг его выносили на улицу и, отведав часть, выливали в огород со словами: «Мороз, мороз! Не бей наш овес!»

Особые хлопоты Великий четверток приносил женщинам, готовившим в русской печи *черную* или *четверговую соль*. Считается, что эта соль обладает целебными свойствами.

Главная забота Чистого четверга — приготовление творожной пасхи и куличей, окраска яиц. Яйца красили и в Великую субботу, отчего она иногда называлась *Красильной*. Было принято красить много яиц — 200—300 штук, чтобы хватило и на разговенье, и для подарков во время христосования, и для праздничного стола, и для игр на улице.

Пасха и Красная Горка

Пасха — самый большой христианский праздник. Ее приход как бы открывал дверь в новую возрожденную жизнь среди людей и в природе. Такое восприятие усиливалось и благодаря тому, что закончился длительный Великий пост и наступала Пасха — праздник всеобщей радости и оживления. Встречая ее, все, кто только мог, отправлялись на *полунощницу* и *Крестный ход*. После этого семьями встречали восход солнца, нәблюдая, как оно играет.

Поздравляя друг друга с праздником, христосовались (целовались) и дарили крашеные яйца. Проспавших пасхальную заутреню обливали водой.

Символ Пасхи — крашеное яйцо. Им первым разговляются. Часть освященных яиц берегут в течение года. Их использовали, когда хотели уберечь дом от пожара, посевы — от града. По старинному правилу, кто умирает на Пасху, того хоронят с яйцом в правой руке. Эти обычаи отражают верования народов мира, по которым яйцо символизировало новую жизнь, пробуждение природы, земли, солнца. Поэтому все известные игры, связанные с катанием яиц по земле и озимям, есть отражение верований и обрядов, цель которых вызвать плодородие.

Вся Пасхальная неделя посвящалась обходу селений церковным причтом в сопровождении *богоносцев*. Это был особый обход, так как на Пасху, единственный раз в году, выносятся запрестольные образа. Принимая иконы у себя дома, хозяева на некоторое время помещали запрестольную икону Богоматери в зерно, приготовленное для посева. Встречая иконы, каждый домохозяин выставлял на улицу застланный скатертью стол с угощением.

Обычаи Пасхальной недели настраивали людей на общение: хозяев — на первые весенние хлопоты, связанные с крестным ходом для освящения полей, выбором первого пахаря и первого засевальщика «с легкой рукой»; молодежь повсюду устраивала первые весенние гулянья с качелями, хороводами, играми. Совокупность этих гуляний называлась *Красной Горкой*. Красной

Горкой именовалась и вся, следовавшая за Пасхальной, *Фомина неделя*. Иногда, в зависимости от местных традиций, Красной Горкой называли две-три послепасхальные недели. Местами Красная Горка ограничивалась одним днем — им был понедельник или, реже, вторник Фоминой недели.

Название Красная Горка отражает состояние природы этого времени года: снег уже растаял, но сухо не везде, а пригорки и возвышенности обогреты солнышком, — сюда собирались для игр дети и молодежь. В ритуальной жизни людей, близких к природе, такие места играли особую роль в течение всего года.

Повсеместно на Красную Горку разыгрывались свадебные хороводы «А мы просо сеяли», «Заплетайся, плетень», «Зайнька». Особенно популярной была хороводная игра «А мы просо сеяли». Этот хоровод был и земледельческим, и свадебным. В старом быту Красная Горка считалась последним сроком для сватовства и свадеб передвесенне-летними работами. Общественным мнением осуждались парни и девушки, которые не приходили на гулянья Красной Горки. Существовало даже поверье: если парень или девушка не ходят на Красную Горку, то они долго не обзаведутся семьей.

Одновременно на Красную Горку подводился своего рода итог брачному периоду: речь идет о *вьюнцах* или *вьюнишнике* — поздравлении на Красную Горку молодоженов в первую весну их брака. Этот обычай был распространен по всему Верхнему и Среднему Поволжью. Его южная граница — Самарское и Казанское Поволжье, северная — юг Вологодчины. Песни, сопровождавшие обряд, назывались *вьюнцами*. Их исполняли *окликалы* для молодоженов в первую весну их брака. Этим обрядом как бы закреплялось за молодой семьей право быть самостоятельной экономической единицей в хозяйственно-бытовой жизни общины, а молодая супруга принималась в сообщество своих сверстниц (Тульцева, 1978. С. 122—137).

Первый выгон скота

Повсюду первый выгон скота совершался в день Георгия Победоносца (23 апреля/6 мая). В народной традиции Георгия По-

бедоносца именуют *батюшкой Егорием, Егорием храбрым, Егорием вешним, зеленым Юрием*. По тому почитанию, которое оказывали ему в народе, святой уступал лишь Николе-Угоднику. В народных присловьях оба святых стоят в сакральной соотнесенности: «Егорий с теплом, а Никола с кормом», «Егорий с водой, а Никола с травой»; «Егорий с кузовом, а Никола с возом»; «Юрий запасает коров, а Никола — коней».

Исследователи считают, что святой Георгий пришел на смену древнеславянскому Яриле. В народном восприятии святой Георгий со своими ипостасями в образах Егория и Юрия — это земледелец, олицетворение земли, ее вод и росы, трав, солнца. Ярило, судя по корню «яр», также божество солнечное, растительное. Не случайно в южнорусской традиции с представлением о Егории, во власти которого была земля и весенняя роса, соотносится обычай кататься по нивам на вешний Юрьев день.

Общерусским является представление Егория в образе святоторусского былинного богатыря — на белом коне, повелителем волчьих стай. На Севере России, чтобы уберечь скот от лютого зверя, лихого человека и других несчастий, практиковались пастушьи обходы стада в день выгона скота.

В Костромской области и в Поветлужье до сих пор помнят о *егорьевском окликании*: вечером накануне Егорьева дня или рано утром до рассвета Егорьева дня, молодые мужчины обходили каждый дом и у окна исполняли обрядовую песню, в которой обращались к *батюшке Егорию и Макарию преподобному* (русский святой Макарий Унженский) с просьбой спасти скотинку от волка и медведя. За егорьевские труды окликалы получали несколько яиц.

В день первого выгона хозяева с иконой Георгия Победоносца и караваем хлеба обходили дом и двор и молились о благополучии выпаса. После моления *коровай* скармливали скотине.

Повсюду было принято выгонять животных в общее стадо веткой освященной вербы.

В южнорусских районах, где весна на Егория уже в разгаре, в этот день совершался обход озимых полей.

Если Егорьев день был праздником выгона скота, то день Николы Угодника (9/22 мая) был праздником первого весеннего выгона лошадей в ночное. Пастухи и деревенские подростки Николу праздновали ночью, при кострах: в золе пекли картошку, ели пироги, заводили игры до белой зорьки.

Николай Угодник был и остается одним из самых почитаемых святых. По народным представлениям, Никола Угодник — древний старец в белых одеждах, тихонько шествующий по дорогам святой Руси. Он — скорый помощник трудовому люду, ему подчиняются и силы природы. Обычай и обряды Егорьева и Николина дней показывают, сколь тесно в крестьянском быту были переплетены земледельческие заботы с хлопотами о домашних животных, какое большое значение придавалось обрядам первого дня — дню выгона скота, первому ночному, засевкам. И каждый раз с молитвой к Богу человек совершал те или иные ритуалы, чтобы не оскудели силы природы. И плодоношение, и колошение полей — эти биоприродные процессы воспринимались сквозь призму женского начала. Поэтому так велика была роль девушек и молодых женщин в весенней обрядности.

Весенние девичьи и женские праздники и обряды

У славян больше всего женских и девичьих праздников и обрядов приходилось на время от весеннего равноденствия до Троицы и летнего солнцестояния. И это понятно. Ведь в течение этого периода земля и все растительные силы наполняются соками для цветения и завязи плодов. Уже ранней весной, чтобы пробудить силы земли, для девочек и девушек устраивали качели. Без них не обходился ни один весенний праздник. Их специально устанавливали к празднику, а затем разбирали. Качались каждый праздник до Петрова поста, т.е. до периода колошения озимых. Раскачивание на качелях как бы способствовало плодородию полей — таков традиционный взгляд на девичью забаву. Наряду с веревочными качелями девушки устраивали *доски*, становясь на их концы, они поочередно подпрыгивали вверх. Эти прыжки символизировали идею роста растений. Н.И. Косто-

маров упоминает также о том, что женщины «качались как-то на колесе» (Костомаров, 1992. С. 236).

С культом плодородия связана особая роль яйца в весенней обрядности. Яичница как ритуальная еда постоянно присутствует на трапезах всех весенних праздников. Вслед за Пасхой, Красной Горкой, вьюнишниками таким был праздник *жен-Мироносиц*.

Память святых жен-Мироносиц отмечается в третье воскресенье по Пасхе, т.е. в следующее воскресенье после Красной Горки. Новозаветное предание рассказывает, когда ученики Иисуса хоронили Его в пещере, то за погребением Господа с плачем наблюдали досточтимые женщины. В воскресенье на рассвете эти женщины взяли сосуды с благовонным маслом и пришли к гробу Господню, чтобы умастить тело умершего, как того требовал древний обычай. Однако воскрешение Господа уже свершилось. И мироносицам было дано сообщить сию весть апостолам и ученикам Христа.

В народной среде день жен-Мироносиц отмечался в соответствии с теми этнокультурными традициями, которые делают праздник любого народа самобытным явлением. В то же время при едином ритуальном стержне мироносицкий праздник имел множество локальных вариантов. Русские крестьяне этот день почитали за бабий праздник, когда все женщины — именинницы. Поэтому его называли *бабьей братчиной* (Нижегородская губерния), *бабьей неделей* (Кологривский уезд Костромской губернии). Необычно курское и смоленское название — *маргоски*, *маргошенье*, которое, по-видимому, связано с диалектным словом *маргосить* (псков., твер.) в значении *умильничать*, *кокетничать*.

Общая канва праздника такова: накануне одна или несколько женщин отправлялись собирать по домам яйца и другие продукты, чтобы на следующий, мироносицкий день (после обедни, но ближе к вечеру) устроить совместную бабью пирушку. В воскресенье каждая женщина старалась побывать в церкви за обедней. После службы женщины совместно заказывали один

общий молебен, причем платили за требу только яйцами, иногда, но очень редко, — льном.

Традиции мироносицкого праздника были разными даже в пределах одной губернии. Особая страница в мироносицком праздновании — поминальная, когда день или даже вся неделя отмечались как память по умершим. Поминование усопших в день жен-Мироносиц типологически едино с обычаем пиршественного кормления нищих, которое устраивали русские цари в Мироносицкую неделю. Поминальные мотивы в празднике жен-Мироносиц не случайны. Вероятнее всего здесь христианское празднование наложилось на более древний весенний женский праздник, который был соотнесен с аграрным культом и как частью его — с культом предков, в том числе и с почитанием птиц.

В весенних праздниках были широко представлены обрядово-игровые *погрбления*. Одно из них — *похороны кукушки*. Кукушка у многих европейских народов считалась предсказательницей судьбы и птицей-вестницей между миром живых и мертвых. У русских *похороны кукушки* бывали или сразу после Пасхальной недели, или в любой из весенних праздников. Причем разыгрывались они в контексте обряда ее *крещения*. По классическому описанию из Козельского уезда Калужской губернии, в праздник Вознесения (т.е. на сороковой день после Пасхи) девушки и молодые женщины под руководством вдовы отправлялись в лес, где рвали с корнем траву *кукушкины слёзки*. Из растения делали игрушечное чучело кукушки, которое сажали внутрь венка, сплетенного на березе (или орешнике). Кто из девушек хотел покумиться, подходил к венку и целовал «кукушку», затем кумушки сквозь свитый венок целовались сами. Довольно широко был распространен и такой вариант кумления, по которому «кукушку» увешивали шейными крестами, а девушки целовались сквозь тесьму, менялись крестами и считались кумами на весь год (*Кедрина*. С. 101—140).

На Троицу сначала в реку бросали венки, а потом ветку, украшенную цветами и лентами — «кукушку». Примечательно, что «кукушку», как и венки, бросают в реку. В обрядовой поэтике многих

Весенняя обрядовая
игра Похороны
кукушки:

а) кукушка в рубахе
и платке,

б) кукушка — трава
«кукушкины слезы»

народов река — это дорога на тот свет, где живут вешие прашуры, основатели рода; они-то, получив весть в образе ветки — «кукушки» или венка, дают знать гадающим об их участи.

В обрядах *крещения* «кукушки» непременно участвовали *молодки* — женщины первого года брака, которым предстояло родить. Обряд имел и своего рода социальный аспект. Цель его — принять повзрослевших за зиму девочек-подростков в возрастную группу девушек-невест.

В ходе весенних праздников неоднократно повторялись и обряды, благодаря которым надеялись получить хороший урожай ржи и льна. Для этого после обрядовой трапезы на зазеленевших полях считалось полезным подбросить вверх ложки или окрашенные в желтый цвет яйца. Особенно такие действия были приурочены к дню Вознесения Господня.

Весенние девичьи и женские праздники завершались *Семиком* и *Троицей*.

Семик — Троица

Праздник во имя Троицы был введен в обрядовую практику Русской Православной Церкви в начале XV в. великим деятелем Русской земли, святым Сергием Радонежским. Воплощенная в празднике идея Троицы для Сергия Радонежского и его спод-

вижников соотносилась с идеей единения Руси. Но популярным этот праздник стал не только из-за патриотической идеи. Празднование Троицы совпало с древними семицкими празднествами. Сам праздник стал примером редкого единения христианской идеи с обычаями народной жизни.

В годовом круге литургического времени Семицкий четверг стоит в одном ритуальном ряду с четвергом Масляной недели, с которого начинается, собственно, широкая Масленица, Великим (Чистым) четвергом Страстной недели и Вознесеньевым днем (всегда приходится на четверг). Если вести счет недель от широкого четверга Масляной недели, то и Великий (Чистый) четверг, и Семицкий четверг отмечаются каждый по календарю ровно через семь недель, отчего Семицкий четверг и получил свое название — *Семик*, а неделя — *Семицкой*, иногда — *Семиковой*.

Скорее всего это празднество было связано с весенним поминовением предков, мотивы которого особенно полно сохранились в поверьях и обычаях Чистого четверга. Семик завершал ритуальную цепочку почитавшихся весенних четвергов и, приходясь по времени на период колошения озимых, играл особенно заметную роль в весенней обрядности. Не случайно, А. Терещенко отмечал: «Семик почитается в России честным семиком (ср.: «честная госпожа Масляница». — *Авт.*), одним из лучших весенних праздников; за ним считается Троицын день и, наконец, купальница» (*Терещенко*. Ч. VI. С. 151. Курсив авт.).

«Дни семицкой недели наш народ называет особенными именами: вторник — *задушными поминками*, четверг — *Семиком*, субботу — *клепальным днем*» (*Сахаров И. П.* 1885. С. 192).

Задушные поминки Семиковой недели (вторник) ритуально соотносимы с поминками на Радуницу — также во вторник Фоминой недели. По народным представлениям, в Семицкую неделю покойники бродят по могилам «без пристанища». Поэтому во вторник на могилах справлялись *задушные поминки*.

Другой день Семицкой недели — четверг, который и есть собственно *Семик*, структурно состоял из двух функционально

различных частей, совпадавших по времени исполнения, так как действующие лица обрядов принадлежали к разным возрастным группам. Первая часть ритуальных действий связана с поминовением умерших не своею, «напрасною» смертью. Этих несчастных, погибших без причастия и поминовения и не разысканных своими родственниками, свозили в специальные *убогие* дома, называвшиеся также *божедомками*, *скудельницами* (известны и другие областные названия: *буйвища* — в Тверской и Псковской губерниях, *жали*, *жальники* — в Новгородской). При императрице Елизавете в 1753 г. убогие дома было приказано закрыть, но они просуществовали до начала царствования Екатерины II. Имеются сведения, что еще в 1850-е годы в Арзамасе существовал убогий дом, где «усердствующие» служили в Семик панихиды.

И вот, прежде чем отправиться на семицкое гулянье, русские люди с заранее приготовленными саванами, гробами, холстами и полотнами, отправлялись в убогие дома, там извлекали из ямника умерших, одевали их в саваны, рыли могилы, хоронили. Убогие дома посещались даже царями, которые вносили в них большие денежные вклады для нищей братии и для поминовения всех православных христиан.

Лишь свершив это богоугодное дело, справляли Семик. Угощение готовилось в складчину, а пир устраивали в поле или в лесу, «под ракитовыми кустами». Если это был город, то пировали в пригородной роще или на лугу.

Семик в XIX в. был преимущественно девичьим гуляньем: девушки наряжались и с запасом яиц, лепешек и другой еды отправлялись завивать венки на березах и *кумиться*. В Нижнем и Среднем Поволжье, включая Владимирскую губернию, к празднику наряжалось также чучело Семичихи, иногда (очень редко) в пару к ней наряжали Семика. Если не было чучела, то празднующие (молодые женщины), завив венки, возвращались в село с плясками вокруг кого-либо из своей компании, обряженного чучелом. При этом пелись песни «скоморошьего свойства» (Нижегородская губерния).

В тех местах, где семицкий четверг не отмечался, обычаи этого дня в разных вариантах воспроизводились в троицкие субботу и воскресенье.

Поскольку в троицкую субботу церкви и дома украшаются березой, ветками разных деревьев, цветами и травами, то в южнорусских областях (курско-орловско-тульский ареал) эту субботу называли *клепальным днем* — от *клепаный, клечанье* — как собирательное название троицкой зелени (Даль. Толковый словарь. Т. П. С. И 8).

Помимо березы были свои локальные предпочтения в выборе троицкого дерева: например, клен (южные районы Рязанской области, Тульская, Брянская области), дуб (терские казаки). В станице Гребенской венки завивать ходили к дубам; дубовыми ветками украшали комнаты, двери, калитки, бросали их в костер, который разводили во дворе.

Суббота накануне Троицы считается большим поминальным днем. В старину говорили: «Семик на ветвях, а Троица на цветах», подчеркивая тем самым, что в троицкой обрядности наряду с зелеными ветвями березы, рябины, клена и других растений появляются травы и цветы. Букеты троицких цветов в русских диалектных говорах кое-где до сих пор называют *зарей* (например, на Рязанщине). К Троицкой службе у русских издавна принято идти с цветами (*зарей*) и зелеными ветками березы и других деревьев. Обычаем Троицына и Духова дней «развивать» березку и «раскумливаться» завершаются весенние девичьи и женские праздники и обряды.

Послетроицкие обряды имеют иной характер: это шумные обрядовые игры, в них принимает участие вся молодежь, парни и девушки, нередко все жители деревни или села.

Праздники и обряды проводов весны. Иван-Травный

Черета весенних праздников завершалась гуляньями и играми на Всесвятской неделе. В Православии в следующее после Троицы воскресенье отмечается память всех святых. В этот день празднуется *Всесвятское заговенье*, или заговенье

на Петров пост. Крестьянские обряды этого дня посвящались проводам весны.

По тем играм и гуляньям, которыми сопровождалась проводы весны, Всесвятское заговенье называют *русальным* (или *русалкиным*), *яшиным*, *шаровым*, *луговым*, *ярилиным*, *крапивным*, *качалным* и др.

На северо-востоке России и в Сибири распространено название *яшиное* — по играм с крашеными яйцами. По игре с мячом (шаром из овечьей шерсти) и крашеными яйцами у сольвычегодских крестьян заговенье называлось *шаровым*.

Особым весельем отличались проводы весны в форме проводов «русалки», «Ярилы», а также «крапивного заговенья».

Празднование в форме «русального заговенья» известно по всему Нижнему и Среднему Поволжью, Тамбовской, Воронежской, Орловской областям, в разнообразных вариантах оно отмечалось в Рязанской области. Его ключевой момент — обрядовые русальские игры, называвшиеся *проводы*, *похороны*, *изгнание русалки*. Провожали соломенное чучело-русалку, которое женщины с песнями и плясками несли в поле, сжигали, у костра плясали и прыгали через огонь.

Пользовался популярностью и такой архаичный вариант, когда в *русалкино* заговенье кто-либо рядился лошадью. «Лошадь» под уздцы вели в поле, а вслед за ней «с громкими прощаль-

Вожделение
русалки-коня

ными песнями» — молодежь водила хоровод. Это называлось «проводить весну».

Популярной была игра *изгнание русалки*: кто-либо из девушек рядился русалкой и надо было «изгнать» ее из села в озимое поле. Обратим внимание: в русальных играх, кроме ритуальных проводов весны, главными были аграрно-продуцирующие мотивы. Русалок изгоняли в озими не случайно. Ведь по древнейшим верованиям, это — растительные духи, покровительницы цветущих полей, березовых рощ и дубрав.

С русальными схожи игры, известные под названиями *проводы Костромы* и *яриловки*. Заповедными уголками для обрядовой игры в «Кострому» оказались Владимирская и Нижегородская губернии. Гораздо шире были известны детские игры в «Кострому»: один из играющих изображает мертвеца, неожиданно вскакивает и кого-нибудь ловит. До сих пор «похороны Костромы» разыгрываются жителями с. Шутилово Нижегородской области.

Довольно долго (вплоть до 1970-х годов) сохранялся в русских деревнях на Всесвятское заговенье обычай обливать друг друга водой и хлестаться крапивой. Было немало мест (в Ярославской, Костромской, Тверской, Ивановской и других областях), где праздник назывался *крапивным заговеньем* или *крапивным воскресеньем* и состоял из двух частей: сначала разыгрывались хороводы, а затем молодые люди «жгли» друг друга крапивой (Тульцева, 1979. С. 42).

Разнообразие обрядов, приуроченных к заговенью *Петрова поста*, не случайно. Дело в том, что Петров пост, приходясь на период летнего солнцестояния, потеснил обряды летнего солнцеворота. Поэтому ко дню Всесвятского заговенья оказались приуроченными и проводы весны, и русальные игры, и бережные обычаи с крапивой и др. Все они частично повторялись (кроме русальных игр) на *Иванов день* (24 июня/7 июля) и в *Петров день* (29 июня/12 июля). Даже такое характерное для других народов поверье, что на Ивана Купалу солнце играет, у русских оказалось смещенным на Петров день. Знаменитые купальские костры теперь можно встретить лишь в пограничных

с западными народами областях, да у русских Сибири, где они сохранились под влиянием переселенцев (белорусов и украинцев). В некоторых местах купальский костер заменила куча крапивы, через которую и прыгали.

От обычаев Иванова дня у русских в полной мере сохранились лишь ритуальные купания и сбор целебных трав. Эти два обычая дали соответствующие названия 23 и 24 июня (6 или 7 июля). Бытописатель русской жизни А. Терещенко 23 июня назвал *купальницей* — праздником, по своему значению уступавшим лишь Семику и Троице. Он известен и как *Аграфена-купальница*, поскольку посвящался обрядовым купаниям. Считалось, что они обладают животворящей силой, полезной и для людей, и для природы (воды). Купание в реках сопровождалось порой пиршествами. В ночь под Иванов день купались обнаженными, с букетом или венком из цветов или с одним цветком иван-да-марьи. Целебной считалась и роса, собранная на восходе солнца Иванова дня. Для бань готовили специальные веники. В традиционный березовый или дубовый веник вплетались целебные травы: мята, полынь, ромашка, купальница, иван-да-марья и др. Считались полезными крапивные бани.

24 июня было посвящено сбору целебных трав. Это занятие находили столь важным, что русские этот день называли *Иваном-Травником*, *Иваном-Цветным* (поцветущим растениям), *ягодобором* (Средний Урал), так как с этого дня можно собирать травы, цветы и ягоды. Ивановские травы берегли для лечения. А чтобы оградить себя и дом от разных напастей, накануне Ивана-Травного в избах, на окнах, над дверями, в щелях хлебов и домов раскладывали и развешивали крапиву, репейник, можжевельник, богородицыну траву, ветки рябины, осины, березы, молодых дубков.

Обрядность периода летнего солнцеворота насыщена аграрно-производящими мотивами, а также действиями, направленными на охрану здоровья и очищение от скверны. Это говорит о том, что люди с древнейшей поры сознавали важность для жизни на Земле тех природно-астрономических явлений, которые были связаны с летним солнцестоянием. К этому времени завершается

колошение хлебных полей, к земледельцу приходят новые заботы. Иной характер и у летней календарной обрядности.

Летние календарные праздники

Все наиболее значительные календарные праздники верхушки лета (июля) жестко связаны с православными святыми и отмечают циклы полевых работ, а в присловьях и состояние погоды. Начало июля отмечено особой порой — сенокосом. Петров день открывал покос. К этому дню за время Петрова поста домовитые хозяйки припасали сметану, сыр, масло, творог. Этой вкусной и здоровой едой крестьяне разговлялись после поста. Поэтому не случайно 2/15 июля в севернорусских деревнях называлось «Сырной Богородицей» (по православным святым «Положение чистой ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне»). Как и на Масленицу, в этот день полагался сырный стол: масло, сырники, пирожки и блинцы, начиненные творогом и др.

В старину Петров день был отмечен особыми посещениями: тещи проводывали зятьев, кумовья с пшеничными пирогами следовали к крестникам; сватья угощали друг друга за «отводными столами». Своя пора наступала и для девушек: на петровских качелях выбирался будущий суженый-ряженный.

Первая половина июля имела поэтическое название *Наливы* — время налива соками всего растущего и посаженного человеком. Поэтому о 4/17 июля говорили: «На Андрея (или Марфу) озими в наливах дошли, а батюшка овес до половины дорос!» В южнорусских областях к этой поре созревают яблоки сорта «Белый налив».

У русских большим праздником считается 8/21 июля, в православии посвящаемый иконе Казанской Божией Матери. Во многих селениях он считается престольным. В Западной Сибири в этот же день отмечали Прокопия-Жатвенника — зажинают рожь. По случаю зажинок, для общего праздника накануне Прокопия-Жатвенника резали нескольких баранов и запекали их. Пировали, предварительно отслужив молебен.

Любимым и почитаемым праздником русских людей остается Ильин день (20 июля/2 августа). Два важных обстоятельства определили особую роль Ильина дня в крестьянском месяцеслове. *Во-первых*, Ильин день был своего рода рубежом между двумя временами года — летом и осенью: «На Илью до обеда лето, а после обеда осень». *Во-вторых*, с Ильина дня зажинали озимые. Ильинские зажинки были праздником первинок: деревенские хозяйки пекли *ильинскую новь (нова, новина)* — хлеб из только что сжатых снопов; крестьяне угощались ильинским *моленьем кусом* (жирным мясом, которое носили в церковь для освящения); заламывался первый ильинский сот; заправляли спальники свежей соломой (*Мельников*, 1963. С. 565). В церквях в этот день происходили молебны над чашами с зерном — *для плодородия*.

Характерными чертами праздника, посвящаемого урожаю, были мирская складчина и коллективная трапеза (из-за чего такие праздники называли *братчинами*). Ильинская жатвенная складчина (или братчина) — одно из звеньев в цепочке крестьянских празднеств, отмечаемых как братчины в дни особо почитавшихся святых и называвшихся по имени святого или дня праздника — Никольщина, Петровщина, Покровщина, Большая Рождественская и т.д.

Августовские Спасы. Спожинки. Осенние праздники

31 июля/13 августа — заговенье на Успенский пост. Пост называют также *Спасовкой-лакомкой*, поскольку на этот срок приходятся три праздника во имя Спаса. В православную церковную практику Успенский пост был введен довольно поздно. Древнейшее упоминание о *Богородицыном говении* относится к XIII в. «Госпожино говение», как и введенный в XII в. Андреем Боголюбским праздник во имя Спаса, в народной практике ассоциировалось с древнейшими праздниками, связанными со сбором плодов и урожаем зерновых. У русских праздники во имя Спаса — самые любимые. Для тех, кто в детстве воспитывался в православной традиции, это время имеет свой неповторимый вкус и аромат — меда, яблок, сладкого зеленого гороха, освящавшихся в церкви.

Разнообразие сельских культур отразилось на локальных названиях праздников во имя Спаса.

Первый Спас — *Спас Всемилостивый* (1/14 августа), или *Спас на воде*, мокрый, а также *маковой*, *медовый*. В этот день бывает крестный ход к водному источнику — колодцу, роднику, озеру, реке, где купаются или ополаскиваются в воде. Святят колодцы.

В местах, где выращивают мак, празднуется *Спас-маковой*. Церковь в этот день прославляет семь мучеников Маккавеев. По созвучию в крестьянском календаре появился Спас-маковой. Собранный мак освящали в церкви и разговлялись пирогами с маком, добавляли его и во всякую другую пищу. Освященный мак используют и в магико-предохранительных целях.

Но более всего *Первый Спас* известен под названием *медового*. На пчельниках в это время идет гонка меда. Было принято в первую очередь угощать им детей. Мед освящают в церкви и обязательно потчуют нищую братию. Была добрая традиция — устраивать в этот день сиротские или вдовьи помочи: «На вдовый двор хоть щепку кинь!» Из овощей можно было есть только огурцы, макая их в меду или намазывая медом половинки разрезанного огурца.

Второй Спас — *Спас Преображение*, или *Спас на горе*, *яблочный*, *гороховый* (6/19 августа). В этот день освящают плоды, разговляются яблоками и горохом. В Каргопольском уезде Второй Спас называли *горох*, *горохов день*, *горохов праздник*. Все одевались по-праздничному и шли в гороховое поле, где потчевали друг друга и поздравляли с горохом, с гороховым днем (*Куликовский*, 1898. С. 16).

Встречали и осенины: в поле с песнями провожали закат солнца, как бы предваряя день осеннего равноденствия, о чем напоминает и большой православный праздник Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа). Разнообразны народные названия Успения: Успенье, Успление, Успенщина, Большая или Первая Пречистая, Госпожинки. Последнее название имеет варианты: оспожинки, спожинки, дожинки, обжинки, пожинки, т.е. время окончания жатвы. Конец жатвы завершался магико-продуцирующим обычаем жниц кататься по ниве с приговором: «Нивка, нивка, отдай мою

силку...» Широко был распространен обычай завивать «бороду»: последний несжатый пучок колосьев оставлялся на ниве, при этом колоски его пригибались к земле. Пучок колосьев («борода») украшался лентами и цветами, иногда на него повязывалась косынка. Это называлось «завить» или «оставить бороду» Богу, Николье, Илье, Кузьме-Демьяну, Христу, а на северо-востоке — Власу, Болоту (от старославянского бога богатства Велеса). Было принято последний дожиночный сноп ставить в углу. Как правило, это был сноп овса. На Покров именованный сноп скармливали скотине. Окончание жатвы отмечалось по-праздничному: пожинальной или дожинальной яичницей, сытным обедом с *отжиночным* пирогом. По деревням устраивали складчины, братчины, сообща варили пиво.

С праздником Успения связано поэтическое представление о рябиновых ночах. Так называют бурные августовские ночи с зарницами, а порой и с громом и молнией, которые случаются вплоть до Малой Пречистой (Рождество Богородицы, 8/21 сентября). Название *рябиновые ночи* до сих пор бытует в лексике западнорусских говоров. А в деревнях Даниловского района, что на Ярославщине, и сейчас заговенье на Успенский пост называют *рябиновым заговеньем*.

Время от Успенья до Ивана постного (29 августа/11 сентября) считалось *молодым бабьим летом*: в городах затевались хороводы, а женщины начинали готовиться к зиме: на Успенье солили огурцы, начинали дергать морковь (морковкино заговенье), убирали огороды, стлали лен на лугах.

Вслед за Успением — *Третий Спас* (16/29 августа): Спас на полотне, холщевый Спас, Спас на холсте, хлебный, ореховый (орешный) — «Третий Спас хлеба припас». По деревням продолжали праздновать *дожинки*. В Сибири в это время уезжали на несколько дней в кедровники — заготавливать на зиму кедровые орехи, грибы.

18/31 августа — *день памяти мучеников Флора и Лавра*; в народной лексике — *Фролов день, фролки* (костромское), *Фрол—Лавер*: конский праздник — один из значительных в крестьянском быту. В этот день лошадей выводили к «полевым» во-

ротам, к рекам и озерам и, прогоняя их мимо священника, кропившего святой водой, молились: «Батюшка наш Флор и ты, святой Лавер, спасите вы нашу скотинушку от всяких бед и напастей, от болезни, от лихого человека и от лютого зверя!» (с. Три Озера Спасского уезда Казанской губернии; РЭМ, Ф. 7. Оп. 1, № 467. Л. 19). Популярная традиция *Фролова дня* — конные соревнования между деревнями. В обычае была и обрядовая выпечка: на Орловщине — в форме подковы, в Шиловском районе Рязанской области до сих пор пекут двухголовых коней (*кони* — так называется эта выпечка).

С Фроловым днем были соотнесены и последние заботы о посеве озимых: озимь надо сеять до Фрола, иначе вырастут *бориски* (имеется в виду летний день святых Бориса и Глеба) да *фролки*, т.е. сорняки. Поэтому с днем святых Фрола и Лавра связывалось представление об окончании полевых работ на нивах. Святые Флор и Лавр — покровители не только скота, но и земли (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1579, Л. 10). До нашего времени дошло мало свидетельств о том, что Флор и Лавр — святые покровители земли, поэтому крупницы таких знаний особенно ценны.

Особый день — 1/14 сентября, в народе называвшийся *Семеновым днем*, Симеоном-летопроводцем. Название сложилось еще тогда, когда 1 сентября (ст. ст.) было началом новолетья и от него велся счет очередному новому году. В Московском государстве существовал особый ритуал встречи новолетья: ровно в полночь в глубокой тишине, со стен Московского Кремля раздавался грохот заревой (вестовой) пушки, вслед за ним гудел колокол на Иване Великом, за которым благовестили по всем московским церквам. Растворялись городские ворота, начинались заутрени. В домах тушили все огни, кроме лампадного, а с появлением солнца зажигали новый, добытый трением из сухого дерева. Москвичи, благословясь, отправлялись на богомолье в Кремль или церковь Симеона Столпника.

С Семенова дня устраивали посиделки, супрядки, досветки. У мастеровых, начиная с Александрова дня (30 августа ст. ст.), — *засидки*, т.е. на несколько минут принимались за работу,

чтобы сделать *почин дела*, а затем весь вечер гуляли и пели. После засидок можно вечером работать с *огнем* (при свечах).

С Семенова дня до Рождества Богородицы (8/21 сентября) — *старое бабье лето*: начинались очередные женские работы на открытом воздухе (трепание пеньки, вымачивание и сушка льна, уборка огородов). Эти сельские дела считались относительно легкими по сравнению с работами в поле: «Роздых баб от работ полевых».

Крестьяне спешили с уборкой, так как считали, что с Семенова дня «семена выплывают из колосьев». Говорили: «В Семенов день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони».

Забавный обычай Семенова дня — *похороны мух*: в Московской губернии делали *гробки* из моркови, свеклы или репы, клали в них мух и тараканов и закапывали в землю. В разных губерниях бытовало множество вариантов этого обычая.

На Руси широко отмечали праздник *Рождества Богородицы* — *Малая Пречистая*, *Богородичен день*, *Аспосов день* (т.е. день после Спаса). В Рязанской губернии говорили: «Бабье лето по Аспосов день». На Аспосов день — вторая встреча осени: осенины встречали играми и песнями. Ранним утром женщины выходили к берегам рек, озер и прудов встречать «матушку осенину» с овсяным киселем или хлебом. В Тульской губернии в Аспосов день к молодым сходилась вся их родня посмотреть, как они ведут хозяйство (Сахаров И.П. 1885. С. 127).

В Ярославской и Вологодской губерниях день *Рождества Богородицы* называли *луковым*, так как в этих краях пришло время дергать лук, сушить и вязать его косами, определять на хранение. В Пензенской и Саратовской — *пасиковым* (убирали пчел). Во многих селениях — празднование престольного дня.

Для девушек самым веселым сентябрьским праздником было *Воздвижение честного и животворящего Креста Господня* (14/27 сентября). Как говорили в народе, «в Здвижение последняя копна с поля двинулась», «с полей весь урожай на гумно сдвинулся», «птица в отлет двинулась, а медведь залегает в берлогу». В городах и селах начинались *капустенские вечерки*, *капустки*, *капу-*

стницы, длившиеся две недели. Молодые люди ожидали их с таким же нетерпением, как рождественские святки. Это был вид помочи, устраивавшейся семьями, имевшими девушек-невест. Каждая семья по очереди приглашала подруг дочери рубить капусту. Работа шла споро, весело, с песнями. После рубки девушек приглашали к капустному столу (ужину) и пирогам с капустой. К домам, где рубили капусту, собирались парни высматривать себе невест. Получив приглашение войти в дом, они поздравляли хозяйку «с капустой» и присоединялись к девичьему веселью. В городах по случаю *капустницы* даже на улицах накрывались большие столы, сверкавшие белоснежными скатертями. Капустки устраивались также в семьях зажиточных купцов и мещан, поскольку это был повод для знакомства молодых людей.

24 сентября/7 октября — *день памяти святой первомученицы Феклы*. В Валдайском, и Боровичском уездах Новгородской губернии этот день называли *Феклой-Запрядальницей* или *Феклой-Запрядальной*: надо было хотя бы немного попрясть, чтобы иметь охоту к этому ремеслу.

На северо-востоке России день называли *Заревницей* — от костров, которыми с полуночи затапливали первые овины. Не исключено, что эти первые овинные костры в древности посвящались осеннему равноденствию, которое по старинным календарям приходилось на 24 сентября ст.ст. Не случайно в древнерусских церковных поучениях (например, «Слово некоего христороубца») постоянно звучит осуждение молений огню под овином («еже молятся огневу под овиномъ») (*Афанасьев А.Н.* III. С. 770; *Аничков*. С. 42 и др.).

Обрядовые празднества, связанные с жатвой и обработкой зерна, завершались особыми угощениями по случаю замолоток (начало утренней молотбы при огне) или *именин овина* (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 541. Л. 5).

По осени овин, наполняясь снопами, невольно становился средоточием и хранителем трудов всех поколений семьи. Поэтому не случайна уважительность в обращении к овину и его ипостасям — *гуменнику*, *овиннику*, *рижному хозяину*.

Капустками, луковой и репорезной неделями, молотьбой, льняными и другими работами, подготавливавшими урожай к зиме, заканчивался круглый год земледельца. Завершался он в соответствии с религиозно-этическими традициями сельского мира. 26 сентября/9 октября в осенний день апостола Ивана Богослова крестьяне пирогами, испеченными из новой муки, кормили странников и нищих. Эту забытую традицию запечатлели народные присловья: «Падет лист с дуба — зиме готова шуба, придет Иван Богослов — нищему пирог готов!»; «На Богослова — сирота у стола мирского!»; «Пришел Иван Богослов — пеки для странников пироги, свою душу береги!» и др. Эта традиция имела свое религиозно-нравственное обоснование: молитва страждущих за поданую милостыню быстрее доходит до Бога, а поданное — сторицей возвращается в закрома. Урожай собран. Но круговорот в природе и жизни людей повторяется.

На протяжении всего земледельческого года крестьянское сообщество посредством кормления нищих и странников, а также поминовения всех усопших, как бы благодарило Господа Бога за все полученное от матушки-земли. Забота о земле была для крестьянина и заботой о душе, о ее спасении для будущей жизни в Царствии Небесном.

Земледельческий календарь и его обрядность, передаваясь от поколения к поколению, сохранял социально-нравственные заповеди крестьянского мира о труде, земле, всем окружающем мире (*мироколице*). Это был один из важнейших источников, благодаря которому накапливались духовные ресурсы народа, собственно *этническая духовность* — та особая *грамотность* духа и души каждого члена земледельческого коллектива, которая в совокупности составляет основу генотипа любого народа.

Глава девятая ПРАВОСЛАВИЕ. НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Традиционный нравственный идеал и православная вера

Основы нравственности формируются у каждого народа в течение длительного времени, и результаты этого процесса составляют важнейшую и обширную часть духовной жизни. Нравственные ценности, тесно соединяясь с другими сторонами культуры, служили необходимой основой для многих представлений и действий, взаимоотношений и творчества. Эта основа народной культуры включает уважительное отношение к старшим и заботу о стариках, детях, беспомощных родственниках; милосердие в самых разных его проявлениях, помощь и взаимопомощь; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятия чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое.

Все связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий. Цельность народной нравственности определялась у русских крестьян православной верой. К ней восходили прямо или косвенно все оценки и утверждения в этой области. Понятия передавались из поколения в поколение. Но, кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства. Нравственные поучения постоянно звучали в церковных проповедях, наставле-

ниях родителей, разъяснялись учителем, обучавшим грамоте по Псалтыри.

Крестьяне (за небольшим исключением) не писали специальных трактатов о нравственности, но мы можем судить о том, какими понятиями они руководствовались, по реальным проявлениям в жизни, по характеристикам внешних наблюдателей, да по высказываниям самих крестьян, разбросанным в письмах, решениях сходок общины, челобитных, в записях других лиц.

Непременным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян, являлась вера. Крестьянское сознание определенно связывало поведение человека с состоянием его веры. Судили о вере по аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, по хождениям на богомолья, но особенно по степени выполнения нравственных норм в целом. «Креста на тебе нет», — говорили человеку, совершившему бессовестный поступок. И наоборот, «живет по-божески», «живет по-христиански», — говорили о тех, кто был совестлив и милосерден.

Не только старшие в семье следили, чтобы молодежь не пропускала особенно важные богослужения, но и вся община наблюдала за этим. Соседи выговаривали матери, если сын был «ленив ходить к обедне».

В адресованных в консистории и Синод прошениях крестьян о строительстве новых церквей (а прошения эти проходили через сход даже в тех случаях, когда церковь должна была строиться не на мирские средства, а на деньги отдельных богатых крестьян) встречаются формулировки о долге общины заботиться о религиозности и нравственности своих членов (РГИА. Ф. 769. Оп. 103. Д. 530, 531, 783, 1490).

В программе Этнографического бюро Тенишева был вопрос о посещении крестьянами церкви. На него откликнулись почти все, кто писал в бюро из разных концов страны. Посещение церкви в воскресенье и праздники отметили все корреспонденты. В будни же обычно ходили лишь те, кто заказал обедню по конкретному поводу — кончина близкого человека, (девять

тый, двадцатый и сороковой день, сорокоуст). Либо же в Великий пост, когда служили в среду, пятницу и субботу. В это время ходили преимущественно те, кто говел, т.е. готовился к причастию.

Чаще посещали церковь зимой и осенью, когда крестьяне были свободнее от хозяйственных работ. Летом ходили мало. Если храм был далеко, то посещения прерывались на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами (через болота, например), ездили или ходили туда лишь на самые большие праздники — Пасху, Троицу, Рождество, а также на храмовые (праздник события или святого, которому посвящен храм данного прихода) и заветные (обетные). Последние были связаны с обетом, данным отдельным человеком или целой деревней по случаю счастливого избавления от болезни, стихийного бедствия или иноземного нашествия.

Все сообщения сходились в том, что в церкви ведут себя чинно, степенно, благопристойно. «Не было случая, чтобы кто-либо пришел в церковь нетрезвым», — писали из деревни Рыбково Смоленской губернии. «Набожность выражается в усердии ко храму Божию. Здешний народ любит часто ходить в церковь для молитвы и непременно бывает у службы по воскресеньям и праздникам; не приходят только отсутствующие из селения и больные. Приходя в церковь, всегда ставят свечи многим святым иконам, и это же делают у себя дома, когда молятся; так, например, по утру или ввечеру затепливают перед домашними иконами свечу или две либо лампаду с деревянным маслом, а в праздник перед каждою иконою ставят по свече. На дому и особенно в храмах Божиих молятся усердно и с благоговением, стоят в церкви с благочестием; часто служат молебны Спасителю, Божией Матери и многим угодникам, которых часто призывают на помощь», — так рассказывалось о набожности крестьян Пошехонского уезда в описании, присланном в Географическое общество.

Существенное нравственное влияние оказывали проповеди, которые произносились в сельских церквях каждое воскресенье, а в праздничные дни после заутрени и во время литургии. К

моменту проповеди все придвигались ближе к аналою, чтобы лучше слышать. Наступала полная тишина. После службы толковали между собой по поводу проповеди.

С аккуратным посещением церкви тесно связано было совершение исповеди и принятие причастия.

Большое значение придавали крестьяне ежедневным молитвам: «Домашняя молитва утром и вечером, а также перед едою считается обязательною» (Калужская губ.).

Отмечались различия в усердии в домашних молитвах по сезонам — в зависимости от занятости и усталости. Летом молились меньше. Зато уж под праздник молодые мужики, «прежде вымывшись, и потом сядут за стол, прочитывают Евангелие вслух, а после ужина помолются усердно Богу, предварительно заж-

Православные
таинства и обряды:

- а) на исповеди;
- б) крестный ход из
Иоанно-Богословского
монастыря к святому
источнику на Креще-
ние

Православные таинства и обряды:
в, г) водосвятие на свя-
том источнике (с. По-
щупово, Рыбновский
район, Рязанская об-
ласть, 1991 г.)

гут лампадку и свечи перед каждой иконой. В это время и бабы становятся на колени, детям приказывают молиться усерднее». Летом некоторые выходили на улицу и молились в ту сторону, где стоял храм или на восток. Старухи в теплое время молились большей частью на дворе между хозяйственными делами, а заканчивали молитвы в избе. «Многие старухи еще поднимаются в полночь Богу молиться» (Орловский уезд). Считалось, что такая молитва будет особенно услышана и прогонит нечистую силу. Под большие праздники ночью молились почти до самой зари.

Зимой бабы, писала Михеева, «как только встают рано утром, прежде всего спешат помолиться Богу и положить несколько поклонов». Крестьяне старались молиться так, чтобы их в это время никто не видел. В основе этого лежало евангельское указание, что получивший награду в похвалах от людей, не получит ее на небе. Когда зимой холодно было молиться в укромном ме-

сте вне избы, старики выжидали, когда дети заснут. Молились все крестьяне, как правило, вслух. Говорили, что так делали святые угодники. Детей заставляли молиться утром и вечером.

Подобных наблюдений сотни, практически из всех губерний и уездов. Встречаются и такие наблюдения: молятся горячо, но отклоняются от канонов по неосведомленности. Разумеется, крестьяне не были богословски образованными людьми, но домашняя молитва, как и посещение церкви, органично входила в их духовно-нравственную жизнь.

Сейчас иногда приходится слышать утверждение, что неграмотный крестьянин, мол, не знал православия, так как не читал Священного Писания. Это представление людей, которые не бывают в церкви и просто не имеют понятия о том, что служба постоянно включает чтение разных мест из Евангелий, Деяний и Посланий апостолов и Ветхого Завета. Регулярно посещавшие церковь в течение многих и многих лет прихожане знали эти тексты. Разумеется, степень внимания, восприятия, память были у отдельных крестьян различными, как и в любой другой социальной среде. Но самый факт неграмотности не служил препятствием к этому знанию. Кроме того, в большей части крестьянских изб было свое Евангелие, а у некоторых крестьян и другие духовные книги.

Данные земских обследований 80—90-х годов XIX в. и современные изыскания убедительно говорят о преобладании духовно-нравственной литературы в круге чтения крестьянства. Это относится как к изданиям (покупаемым, взятым в школьных и приходских библиотеках, у частных лиц, переданным по наследству), так и к рукописным книгам. Грамотные крестьяне читали Евангелие, жития святых и другую духовную литературу вслух в семье, соседям, иногда на специально собираемых для этого встречах. Чтение вслух в дореволюционной деревне отмечено в массовых и многообразных источниках.

Система обучения грамоте основывалась, как известно, на духовной литературе, прежде всего на Псалтыри, т.е. обучение основам православия и чтению, письму шло в неразрыв-

ном единстве. Особенно явно это было в так называемых вольных школах, организуемых самими крестьянами (с наймом несколькими семьями на 3—4 месяца учителя для подросших детей), где особенности народной педагогики сказывались наиболее открыто (Громыко, 1991. С. 274—315).

Непременной принадлежностью каждой крестьянской избы были иконы. Располагались они в красном, или святом, углу, обращенном обычно к юго-востоку, на божнице (киоте). В любом доме находились иконы Спасителя и Божией Матери. Кроме них, образа популярных в России в целом или в данной местности святых — Николая Чудотворца, Иоанна Воина, Преподобного Сергия и других, либо особо чтимых в данной семье угодников, например, Варвары Великомученицы, Марии Египетской. Здесь же сохранялся металлический крест — поклонный. Ценились старые кресты, простоявшие долгое время на божнице. Даже в избах очень бедных крестьян висели лампы. Зажигали их на короткое время, лишь под большие праздники — на всю ночь.

В конце XIX в. современники отмечали, что крестьяне любят покупать иконы. Купленную на ярмарке икону отдавали в свою церковь священнику, чтобы освятил ее в алтаре. Для благословения новобрачных считалась уместной новая икона. В то же время в семьях сохранялись и передавались из поколения в поколение очень древние иконы. Некоторые крестьяне заказывали иконы местным сельским или городским мастерам. В работах крестьянских иконописцев часто встречался свободный пересказ житий святых понятным для окружающих языком. События древнего времени изображались иногда в привычной обстановке, персонажи — в современной одежде, даже в местном костюме. В иконографии местных подвижников определяющими были прижизненные устные и письменные свидетельства об их облике, и в этом случае стремились соблюдать достоверность. Все это не мешало сохранять в целом художественные традиции профессионального иконописания и достигать воплощения самого важного в иконе — духовности.

Профессиональные иконописцы городов не могли удовлетворить все запросы. Местному мастеру можно было заказать конкрет-

ную икону, чтобы обращаться с молитвою к определенному святому: образ Зосимы и Савватия заказывал пасечник, св. Пантелеймона — для исцеления от болезней, Николая Угодника, — отправляясь в плавание, и т.д. В то же время постоянное созерцание в сельских церквах высоких образцов профессионального иконописания (для Каргопольского, например, уезда — это новгородские и ростовские работы) служило источником духовного и эстетического воспитания, развивало вкус (РЭМ. Ф 7. Оп. 1. Д. 1080).

Внимательно следили крестьяне за соблюдением постов, сроки которых были известны в деревне всем от мала до велика. И в этом вопросе письменные ответы местных жителей разных районов на программы научных обществ единодушны — «крестьяне посты соблюдают строго». Лишь в некоторых сообщениях отмечалось, что в последнее время (конец XIX в.) к нарушению постов стали относиться более снисходительно.

При более подробной информации выявляется неодинаковое отношение к различным постам. Особенно большим грехом считалось нарушение Великого поста; почти такое же отношение было к Успенскому посту и к отдельным дням строгого поста (Крещенскому сочельнику, дню Ивана Постного и Воздвиженью). Нарушение остальных постов воспринималось обычно как менее тяжкий грех.

При общей религиозной основе взглядов на посты существовало немало местных отличий, половозрастных особенностей и социальных градаций в их соблюдении.

Во время Великого и Успенского постов старались не есть первую еду рано, в особенности по средам и пятницам. Молодые женщины говели до позднего обеда «разве только та баба позавтракает, которая кормит грудного ребенка или нездоровя». Девки-невесты говели наряду с молодыми бабами. Беременные спрашивали у священника разрешения на нарушение поста — он всегда его давал: «Поболезни можно есть». Детей малых кормили, когда запросят. Но с трех лет во время Великого Поста молока не давали. Мужики Великим и Успенским постом не пили водку.

В некоторых местах в обычае было «понедельничать», т.е. поститься не только по средам и пятницам, но и по понедельникам. Но делали это по большей части престарелые крестьяне либо келейницы, «векоуши» — «люди, наполовину отрекшиеся от мира», по определению корреспондента из Пошехонского уезда. Зато в Великий пост здесь многие считали за грех есть даже с растительным маслом. Некоторые в течение всего поста не пили чаю; иные пили чай только с медом или постным сахаром. Считалось грехом не только пить, но и продавать молоко во время Великого Поста. Копили и продавали лишь скоромные продукты длительного хранения — масло, сыр.

Повсеместно признавалась необходимость духовного очищения во время поста: готовились к причастию, исповедовались и причащались; чаще посещали церковь; некоторые крестьяне увеличивали время домашних молитв. Запреты и ограничения в молодежных развлечениях в период постов имели множество местных различий и по степени строгости, и по самому характеру ограничений: посиделки либо запрещались совсем, либо менялся лишь их состав (девушки без парней); занятия (только работа без игр и плясок); тип песен (только протяжные или духовные стихи); время проведения (только днем). На время Великого поста вечерние развлечения молодежи, как правило, прекращались или становились более редкими и носили особенно строгий характер.

Трудно переоценить значение всей этой системы представлений и норм поведения, связанных с постами, для духовного совершенствования, развития внутренней нравственной дисциплины, для укрепления силы воли, направленной во благо, умения ограничить себя, соблюсти запрет.

Большим уважением пользовались у односельчан те из разбогатевших крестьян, которые вкладывали свои средства в строительство церкви.

Случалось, что общины участвовали своими средствами даже в строительстве монастырей. Обратимся в этой связи к делу из Кубани. Это — решение (приговор) сходки станицы Пшехской от 1882 г. Сход ходатайствует об открытии на землях, подведом-

ственных Пшехской общине, Александровского женского монастыря сестер милосердия в память императора Александра II. Свое участие в создании монастыря община оговаривает условием: «Учредить из монастыря крестный ход в станцию нашу ежегодно 30 августа (Александров день. Здесь и далее — старый стиль. — *Авт.*), который должен быть там до 9 сентября (день после Рождества Богородицы. — *Авт.*)».

Уход на богомолье был устойчивой и широко распространенной причиной для отлучек крестьян из общины по всей территории расселения русских. Если крестьянин отпраплялся, например, на поклонение почитаемой в Сибири Абалакской иконе Богоматери (в монастырь под Тобольском), то конкретная цель поездки указывалась: «Пообещал помолиться и молебен отслужить (...) образу пресвятыя Богоматери Одигитрии, что на Оболаке»; отпущен «на срок за поруками».

Нередко одно путешествие включало посещение нескольких традиционно чтимых святынь в разных местах. Так, из с. Белого Лозичской волости Боровичского уезда (Новгородская губерния) крестьяне ходили за 125 верст в Тихвинский мужской и женский монастыри, с заходом в Реконскую пустынь Тихвинского уезда (60 верст от села). А на обратном пути принято было посещать монастыри Николы Беседного и Антония Дымского под Тихвином.

Г.Р. Державин, который был, как известно, не только большим поэтом, но и видным государственным деятелем, в частности губернатором обширной Олонецкой губернии, оставил нам любопытное свидетельство о массовости движения богомольцев в Соловецкий монастырь в 80-е годы XVIII в. Говоря о трудностях своей поездки в Кемь (этот населенный пункт расположен у залива Белого моря, а губернатор должен был там произвести административные изменения — превратить селение в город), Державин замечает: «В Кемь же только можно попасть из города Сум на судах, когда молебщики в мае и июне месяцах ездят для моления в Соловецкий монастырь» (*Державин. С. 99*).

Спустя более 100 лет после «Записок» Державина М.В. Нестеров включил в свои воспоминания интересный экскурс о движении на богомолье в Соловецкий монастырь. Он отметил, что сами монахи этого монастыря были преимущественно из крестьян Севера и Сибири. «Это был народ крепкий, умный, деловой». Художник рассказал об обычае брать на время обучения в монастырь *годовиков* — подростков лет 12—16 из богомольцев (Нестеров. С. 237—238).

В сознании крестьянства прочное место занимало отношение к многотрудному путешествию с целью обращения к святыням как к делу богоугодному. Но для этого само путешествие должно было быть трудным. Из этого взгляда проистекало непереносимое условие — движение летом пешком; подъехать на лошадях допускалось лишь зимою.

Перед отправкой на богомолье деньги начинали копить заранее либо договаривались в семье, какая будет выделена сумма на это. Выясняли, кто еще собирается туда же из своей или ближних деревень. Назначался день, когда партия собиралась вместе. Брали с собой хлеб, сухари, чай, сахар. Важно было, чтобы принял участие хотя бы один человек бывалый, ходивший по данному маршруту. Существовала особая система норм поведения, действовавших в таких артелях-партиях крестьян-богомольцев только во время путешествия.

Ходили на богомолье чаще всего по обету или просить благополучного разрешения важных дел. Молодежь — перед женитьбой или замужеством, перед призывом в армию. Старики — замаливать грехи. Нередко отправлялись во время болезни, в несчастии, после пожаров. Женщины ходили больше, чем мужчины. К ближним местам брали и детей.

Обычное пребывание крестьян, пришедших из других мест, в одном монастыре ограничивалось двумя-тремя днями. Затем их должны были сменить другие. Монастырь давал на этот срок бесплатно пищу и ночлег в своей гостинице. Однако фактически плата существовала: обычай требовал, чтобы каждый оставлял что-то в монастырской кружке — «кто сколько пожела-

ет». Мужчины-богомольцы ходили на общую трапезу с монахами в мужских монастырях, женщины — в женских. В летнее время при большом скоплении народа к конкретному празднику мест в монастырских гостиницах не хватало, и крестьяне располагались прямо в поле. «В это время гостиницу занимают богатые и привилегированные богомольцы» (Кубанские станицы. С. 249).

Партии богомольцев, формировавшиеся из односельчан или жителей ближних деревень, представляли собой группу, оторвавшуюся на время от своей общины, но несущую на себе отпечаток ее традиций. Представления и обычаи, бытовавшие в данной общине, не только сказывались на образе жизни партии, но выходили через нее вовне. По возвращении рассказы богомольцев, в свою очередь, становились достоянием всей общины, служа одним из каналов информации о внешнем мире, в частности о благочестивых обычаях монастырей.

Понимание общины встречало намерение уйти в монастырь для отмаливания большого греха какого-нибудь близкого человека. Если мать не хотела отпускать девушку, соседки в этом случае уговаривали ее. Ушедшие устраивались либо в обычных монастырях, расположенных сравнительно недалеко от родных мест, либо в так называемых своекоштных монастырях, т.е. содержавшихся на своем коште, за счет своих трудов в разных видах ремесел (Давыдова С. С. 1167—1169).

Иногда на сходку общины выносились конфликтные семейные вопросы, связанные с принятием членом семьи такового обета, который заметносказывался на образе жизни и без ухода в монастырь. Житель Орловского уезда писал в Тенишевское бюро о *келейниках* в крестьянской среде. Если сын или дочь, не вступившие в брак, выразили желание отойти от мирской жизни, жить отдельно от семьи, то «родители обязательно устраивают им особые хатки-келии, где они и живут». Некоторые из келейников ходили из своей хатки обедать и ужинать вместе с семейными и помогали им в полевых и домашних работах. Другие же выходили из кельи редко. Все келейники строго соблюдали посты, понеделничали, а иные из них и всегда ели только постную пищу.

Близким к келейницам было положение *черничек* — так называли девушек, оставшихся в безбрачии по обету родителей или своему собственному. О таком намерении полагалось заявить смолоду, до 20 лет, пока еще сватались женихи. В противном случае в глазах односельчан девушка была вековухой, т.е. оставшейся в девичестве не сознательно, по обету, а стихийно. «Объявка» намерения быть черничкой происходила в доме девушки, затем отец ее извещал об этом сход, участники которого благодарили отца. Келейницы были грамотными, и многие из них учили детей по Часослову и Псалтыри читать по церковно-славянски, и писать церковным уставом, а также обучали порядку богослужения. Иногда общины строили специальные школы для этого обучения.

В конфликтной ситуации община поддерживала девушку, которая хотела стать черничкой вопреки воле родителей. Но, в отличие от ухода в монастырь, переход в категорию келейников или черничек оставался в значительной мере внутрисемейным делом и выносился на суд схода, как и другие семейные дела, лишь в случае разногласий в семье. Случалось, что крестьянская девушка, оставшаяся безбрачной по обету родителей, данному, например, во время ее болезни в детстве, не становилась черничкой, а оставляла свою деревню и отправлялась «ходить по святым местам». В этом случае согласие общины на уход было обязательным (Тульцева, 1970. С. 80—81).

О тесной связи русского народного благочестия с монастырским подвижничеством говорят многочисленные жизнеописания известных подвижников и монастырские летописи XIX в. Не многим известно сегодня, что о. Дамаскин, бывший игуменом Валаама в течение 37 лет (а эта обитель, в сущности, представляет собой целую систему монастырей, разбросанных на островах Ладogi, так как каждый скит был своего рода самостоятельным монастырем — со своим храмом, братскими корпусами и хозяйственными строениями, со своими особенностями духовной жизни), — крестьянин Старицкого уезда Тверской губернии. Ему пришлось в молодости, уже побывав во многих обителях,

выбрав Валаамский монастырь и, войдя в его братство, вернуться в родное село за увольнительным свидетельством; о. Дамаскин был духовником для многих из братии.

Крестьянин Шовской волости, Лебедянского уезда Тамбовской губернии Семен Иванович Антонов, успешно трудившийся на всех хозяйственных работах своего села (он обладал исключительной физической силой), после службы в армии ушел в монастырь и стал прославленным ныне старцем Силуаном Афонским. О жизни и поучениях его написана книга. Будучи уже на Афоне и рассказывая о случаях из своей жизни в тамбовском селе, о. Силуан говорил о благочестии своего отца: «Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий».

Среди наиболее известных, прославленных своим благочестием и отмеченных в духовной литературе русских монахинь XIX в., немало крестьянок. Иные из благочестивых крестьянок становились основательницами общин или монастырей. Такова, например, игуменья Евгения, в миру Евфимия, основавшая Тихвинский монастырь в Бузулуке Оренбургской губернии (1800—1885). Она была дочерью тамбовского крестьянина Герасима. Двенадцатилетнюю девочку родственники взяли на богомолье в Саровскую пустынь. Здесь, как и в судьбе игуменьи Павлины, мы видим те же исходные моменты духовного становления крестьянки — благочестие семьи и, как одно из проявлений его, — паломничество, которое и приводит нередко наиболее боголюбивых к постоянной жизни в монастыре.

В Сарове преподобный Серафим благословил девочку и выделил ее, назвав «сосудом избранным». Евфимия в юности вошла в Кирсановскую духовную общину Тамбовской губернии и пробыла там в течение 20 лет. При этом сохранялась настолько тесная связь с семьей, что, когда родители переселились в деревню Михайловку под Бузулуком, Евфимия вышла из своей общины и поселилась в этом же городе в отдельной келии. Здесь она стала обучать детей грамоте, читала Псалтырь по усопшим и занималась рукоделием, неуклонно выполняя монашеское правило.

Образ жизни ее в это время соответствует распространенному в XIX в. в России типу крестьянских келейниц.

Дальнейшие события также представляют собою характерное явление: возникновение монастыря из пустыньки или келии одного человека, ставшего в общественном мнении окрестного населения образцом духовного подвижничества. Промежуточным звеном в этом случае обычно была религиозная община, так как права монастыря не могли быть получены сразу.

С деятельностью двух крестьянок — Дарьи Дмитриевны Кутуковой (1772—1858) и Евфимии Моргачевой — связано возникновение и развитие Иоанно-Казанского Сезеневского монастыря Тамбовской епархии. Они были родом из соседних сел, младшая стала преемницей старшей в монастырских делах, и поэтому 100 лет жизни их обеих, где в событиях переплелись крестьянская вера в миру, старчество и монастырь, отражают целый этап в духовной жизни края (Громыко, 1993. С. 144—182).

Перечень таких судеб может быть увеличен. Но даже из рассказанного здесь видно, что идеал нравственного глубоко верующего человека имел в русской крестьянской среде реальные воплощения, живые образцы, самое существование которых и общение с ними служили для других постоянным источником представления о том, к чему следует стремиться.

Внутренняя связь мирского и монастырского благочестия осуществлялась многими путями, видимыми и на поверхности социальной действительности. Среди них паломничество к святым местам — это постоянное и очень широкое явление духовной жизни русских в XIX в. Мы почти не находим таких судеб подвижников, где в начале пути не было бы хождения на богомолье к данным или ближним святыням. Обычно не только в начале, но в течение всей жизни благочестивого человека паломничества служат источником, укрепляющим веру.

Другое явление, связанное с первым по части взаимодействия мира и монастыря, но самостоятельное по существу, — *старчество*. На первый взгляд, оно кажется сугубо монастырским явлением, касающимся лишь духовной жизни братии. Но,

присмотревшись пристальнее, обнаруживаем старцев и среди сельских келейников, и среди лесных отшельников, не принадлежащих к монастырям. Все старцы руководили в большей или меньшей степени духовной жизнью относительно широкого круга верующих мирян. Приобретению необходимых для такого учительства свойств непременно предшествовал тяжкий путь духовных подвигов. Как правило, общению со многими мирянами и младшей братией предшествовало время затвора, когда общение было совсем (или почти совсем) прекращено. Безусловное подчинение указаниям старца, полный отказ от своей воли были приняты обычно у части монастырской братии. Миряне же либо обращались за советом лишь по конкретному поводу, либо приходили к старцу постоянно, т.е. избирали его своим духовным отцом.

Возможность стать на путь аскетических подвигов монашеского уровня, не будучи в монастыре, давало, как указывалось выше, келейничество. Келию строил или сам подвижник или кто-то из родственников (родители для дочери или сына; брат для сестры; взрослые дети для старых отца или матери и пр.). Бывало, что келию возводила сельская община. И, наконец, мог предложить ее подвижнику просто богатый благотворитель (помещик, купец и др.). Жители селения, как правило, хорошо относились к намерению стать келейником или келейницей: духовный подвиг одного открывал дополнительные (по отношению к храму) возможности для других — обучение детей и юношества чтению церковной печати и рукописей; приобщение к церковному пению; чтение Псалтыри по покойнику; сведения о поездках к святым местам и многое другое.

Далеко в округе распространялась известность крестьянина-пустынника, праведника, поселившегося на краю деревни или в стороне от нее в землянке или маленькой избенке, ведшего, по общему мнению, праведный образ жизни, дававшего приходившим к нему советы, религиозно-нравственные наставления, беседовавшего на эти темы. Обычно на счет такого отшельника были путешествия к святым местам; он умел читать и толковать духовные книги. К числу добродетелей такого старика

крестьяне относили то, что «обида сносит смиренно, сам никого не обидит».

Человек, который затаил обиду и собирается мстить за нее, не встречал сочувствия в крестьянской среде. «Мщения русский народ почти не понимает», — записал С.Я. Дерунов — один из очень внимательных собирателей этнографических материалов в конце XIX в. Признавалась непосредственная и открытая реакция на обиду либо прощение вины. В умении простить некоторые крестьяне достигали больших нравственных высот (РЭМ. Ф. 7 Оп. 1. Д. 896, 1794).

Похвала себе самому, бахвальство обычно встречали ироническое, осуждающее отношение односельчан. «В хвасте нет сласти», — гласит пословица. «Сласть» ощущали в самоосуждении — эта глубоко христианская норма органично вошла в русский характер (отсюда, по-видимому, и доверчивое принятие всякого рода очернений своего народа от внешних сил). Ценилась не только правдивость, но подчеркнутая критика своих недостатков. Эта черта народной нравственности укреплялась в каждом за счет обязательной исповеди перед причастием. Заметим попутно, что личное самоосуждение, как распространенная черта характера народа, в общественном плане вылилось в критическое направление русской художественной и социальной литературы. Но, как только это направление оторвалось от глубинной религиозной основы, оно превратилось в негативную силу, разрушающую общество.

Заметным средством очищения нравственной обстановки в деревне служили обычаи просить прощенья при определенных обстоятельствах. Обычаи эти были приняты как внутри семьи, так и в общине в целом. В основе их лежали христианские идеи покаяния и взаимного прощенья. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф., 6, 14—15).

Широкую возможность помириться после скрытых или явных ссор, простить друг другу большие и малые обиды, снять на-

пряжение, возникшее во взаимоотношениях в семье или между соседями, давал обычай просить прощения в конце масленицы, в последнее воскресенье перед Великим постом. Воскресенье это потому и название получило «прощеный день», или «прощеное воскресенье».

При наиболее полном проявлении этого обычая прощения просили буквально у всех, с кем могли повидаться в этот день, а также и у умерших близких людей. Называлось это «прощаться». В той или иной форме обычай был распространен у русских крестьян повсеместно. У обычая просить друг у друга прощения в конце масленицы в разных краях России сложились свои оттенки, сохранялся свой склад, но суть всюду была одна — религиозно-нравственное очищение через примирение, через взаимное прощение прегрешений. К сожалению, в широко распространенных у нас представлениях о масленице и особенно в современных попытках воспроизводить какие-то ее элементы этот прекрасный обычай совершенно не присутствует, учитывается лишь развлекательная сторона. После бурного веселья последней перед Великим постом недели, во время которой как бы прощались с обильным столом и другими мирскими радостями, обычай просить прощения заставлял ощутить переход к духовным задачам, к строгим семи неделям, продолжавшимся до Пасхи, к повышению нравственных требований к самому себе. Взаимоотношения между поколениями в крестьянской среде четко определялись уважением к старшим — к родителям, к дедам и прадедам, к старикам в общине. Уважительное отношение к родителям и к старшему поколению в целом прослеживается по источникам по всей территории расселения русских, хотя, уже в XVIII в., а особенно в XIX в. отмечалось некоторое ослабление авторитета стариков. Но общественное мнение резко осуждало лиц, позволивших себе непочтительное отношение к старшим (*Миненко*, 1977. *Община...* С. 116).

Крестьянские нравственность и нормы поведения требовали безусловного уважения родителей на протяжении всей их жизни. Считалось, что сын или дочь не имеют права противоречить отцу.

Если родители обращались к своей общине или в волостной суд с жалобой на непокорность сына или дочери, дело обычно решалось однозначно в пользу старших. Степень подчинения детей родителям резко менялась с выделением сына или выходом замуж дочери. Отец и мать практически теряли власть над ними, по крестьянским представлениям. Вот тут-то и вступала уже в чистом виде нравственная основа их отношений — уважение, любовь, забота, стремление поддержать и обеспечить старых и больных родителей. И в этот период тоже общественное мнение деревни и ее юридические обычаи были на стороне родителей.

Религиозно-нравственная основа взаимоотношений двух поколений в семье особенно четко проявлялась в крестьянских представлениях о значении родительского благословения и родительского проклятия. «Родительскому благословию здесь придают громадное значение», — решительно утверждал корреспондент Этнографического бюро из Ярославской губернии в 1900 г. Родительское благословение давалось перед свадьбой (когда начинали собираться в церковь, родители благословляли иконой), перед отъездом в дальнюю дорогу, перед смертью отца или матери (на всю оставшуюся жизнь детей). Его получали и просто перед каким-либо ответственным или опасным делом. Наблюдатель из Вельского уезда (Вологодчина) рассказал, что даже сын, у которого были плохие отношения с матерью, уходя в бурлаки, просил у нее благословения. «Даром что в ссоре жили, а попросил благословенья: не смел без его уйти», — говорила мать.

Крестьяне придавали большое значение и молитве отца или матери за детей. Человек же, получивший проклятье кого-либо из родителей, ожидал для себя тяжелые беды и несчастья. На проклятого родителями все смотрели, как на отверженного. Широко ходили в народе былички, в которых даже почти случайно, по мелкому поводу, произнесенное матерью слово «проклятый» или «проклятая», отдавало того, к кому оно относилось, во власть нечисти (*Иваницкий*. С. 57, 103).

По крестьянской этике, уважения были достойны не только родители, но и старшие вообще. В семейном застолье лицам

пожилым, а тем более престарелым предоставлялось почетное место. Их с почтением приветствовали при встречах на улице. Детям крестьяне прививали понятие об уважении к старшим с ранних лет. Существенную роль в этом отношении играли сказки и бывальщины религиозно-поучительного характера, до которых так охочи были сельские жители. Часто назидательными историями служили реальные происшествия с указанием на тех, кто видел это своими глазами.

Но если внешние проявления уважения — приветствие, уступка места, усаживание в застолье, внимательное выслушивание относились обычно ко всей возрастной группе без исключения, то обращение за советом или третейским решением спора четко связывалось с индивидуальными качествами старика: добросовестность, беспристрастие, талант в конкретном деле, особенное знание и чутье в определении сроков созревания хлебов, погоды и пр. Таким образом, уважение к возрасту, к большой трудовой жизни, стоящей за плечами старика, сочеталось с выделением общественным мнением из числа стариков талантливых и наиболее заслуживающих доверие. В целом же отношения между возрастными слоями определялись ведущей ролью старших и авторитетом их для молодежи.

Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимавшая почетное место в общественной жизни деревни, регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через общину. Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время сева, жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сирот в течение ряда лет.

Особенно распространена была помощь общины погорельцам — и трудом, и деньгами. Сбор средств в пользу пострадавших начинался обычно сразу после пожара. А во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в некоторых общинах принимались решения схода о помощи семьям ратников: летом у таких семейств

скосили, связали и свезли на гумно хлеб; часть хлеба была обмолочена, остальной убран в скирды. Хозяйки угощали односельчан, участвовавших в этих работах.

В русской деревне XVIII—XIX вв. существовало такое понятие — мироплатимые наделы. Это означало, что община (мир) брала на себя оплату всех податей и выполнение повинностей, которые полагались за использование данного надела. Например, у государственных крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии такие наделы, по решению схода, выделяли в 70-е годы XIX в. вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов, по решению совета стариков, выдавали беспомощным старикам и малолетним сиротам хлеб на весь год.

В некоторых случаях при оказании общинной помощи предполагалась последующая компенсация. Так, в Орловском уезде (Орловская губерния) сильно пострадавший от пожара крестьянин мог просить «общество» помочь ему поставить избу; мир обязательно помогал в этом случае — деньгами, работой. Когда же погорелец «становился на ноги», он выплачивал общине деньги. Иногда решением схода долг ему «прощали за угощение», т.е. должник только угощал всех.

Отводя участок леса для погорельца, община могла, по решению схода, и вырубить лес, и вывезти бревна на место стройки. Гораздо реже встречаются упоминания мирской помощи обедневшему крестьянину без чрезвычайных обстоятельств; считалось, что в обычных условиях хозяин сам виноват, если дела у него не ладятся. Помощь общины отдельной семье оказывалась во время значительных семейных событий — похорон, свадьбы и др., если семья в этом нуждалась. Иногда на средства общины даже готовили свадебный наряд невесте (Маслова, 1984. С. 13; Сабурова, 1967. С. 142).

Отзывчивость и понятия соседской и родственной взаимопомощи наиболее открыто проявлялись на помочах. Как же оценивали сами крестьяне нравственную сторону помочей? «Безусловно обязательно для себя крестьяне помочь не считают, но нравственная обязательность помочи так глубоко ими сознается, что отказа в

помочи не бывает» (Рязанская губерния, Мураевенская волость, 1877 г.). По наблюдениям в Пустынской общине этой же губернии отмечалось, что «отношение мира к членам, подвергшимся несчастью, выражается, главным образом, в помочи...»

«Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам; но общественное мнение осуждает его; а идти против мира редко кто решается».

По данным Калужской губернии (Медынский уезд, 1879 г.), наблюдатель также подчеркивает особое отношение к мирской помочи, противопоставляя ее помочи по приглашению зажиточных крестьян: «Помочь в ходу и имеет смысл между крестьянами общины, например, в том случае, когда один из членов последней строится, то для скорой и экономной перевозки лесных и других громоздких материалов приглашается на помощь мир, который никогда не отказывается от этого. Мирская помощь собирается преимущественно в праздники. Это взаимное вспоможение особенно важно для погорельцев, когда необходимо до наступления холодов выстроить жилище для себя и помещение для скота».

Обязательная и повсеместная помощь общины при постройках после пожара отмечена и в Московской губернии. Столь же непременным считалось и участие в помочи в пользу вдов и сирот, занимающихся хлебопашеством. Отказ вдове в лошади, если она не имела своей, считался «делом безбожным». Иногда сиротам мир обрабатывал участок в течение ряда лет. В выявленных нами материалах помочи общины в пользу вдов и сирот встречаются также в Тверской, Владимирской, Псковской губерниях.

Итак, совершенно безвозмездные (т.е. без непременного угощения) помочи общины отдельному члену ее при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство, сиротство, падеж лошади) были, по крестьянским этическим

нормам, самыми обязательными. Община, по крестьянским представлениям, просто не могла отказать в этом случае, либо сама проявляла инициативу в организации такой помощи.

Отдельный член мира подчинялся общему решению. Многие это делали по внутреннему побуждению и в силу сложившихся взглядов, другие, считаясь с общественным мнением и не решаясь противопоставить себя ему. За этими нормами стояла христианская система нравственных ценностей: «Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Матф. 5, 42).

Среди нравственных норм крестьян особенно ярко и повсеместно воплощались понятия милосердия, сочувствия и помощи пострадавшему. Во многих описаниях губерний, составленных чиновниками во второй половине XVIII — в первые годы XIX в., отмечается сострадательность крестьян, готовность подать милостыню, помочь погорельцам, броситься на помощь при несчастном случае. Еще более обширный материал об этом сохранился для второй половины XIX в.

Высоко оценивалась русским крестьянством способность пострадать за правду, пострадать за мир (общину). Не каждый крестьянин мог процитировать наизусть соответствующие места из Евангелия, но каждый знал, что это — благо, путь спасения души своей, и многие реализовали такой подход в повседневных крестьянских делах и при необычных обстоятельствах.

Повсеместно проявлялось гостеприимство к чужим людям, попросившим крова, в том числе и нищим. Просто удивительно, какое большое количество упоминаний о распространении милосердия, милостыни, гостеприимства у русских крестьян всей территории России встречается в документах XVIII—XIX вв. Большим гостеприимством и радушием к постороннему человеку отличаются крестьяне «среднего и бедного состояния». Но есть и противоположные утверждения — о том, что именно зажиточные крестьяне больше принимают у себя просящихся на ночлег и обязательно накормят при этом. Даже тот крепостной крестьянин, который стоял на грани обнищания, делился со странником — чужим ему человеком.

Некоторые современники различали поведение странноприимничества в деревнях, отдаленных от городов и больших дорог, и в подгородних и притрактовых селениях: первые, как правило, приветливо открывали ворота и двери любому странствующему, угощали, обеспечивали ночлегом, снабжали необходимым в пути — безвозмездно; вторые нередко за все брали плату, увеличивая ее в зависимости от обстоятельств. Однако чаще мы находим в источниках безоговорочное утверждение о гостеприимстве крестьян.

В индивидуальной соседской помощи (как и в коллективной — помочах) трудно подчас отделить благотворительность от взаимных услуг. Но и в последнем случае просматривается евангельское основание: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7, 12). Много было в жизни деревни добрых дел в чистом, явном их проявлении. В их числе — обычай одаривать и угощать арестантов на Пасху или другие большие праздники. Подарки и угощение арестантам, как и всякая подача милостыни, четко были связаны в крестьянских представлениях с долгом христианина делать добрые дела, быть милосердным.

Крестьянин никогда не отказывал нищему в подаении (*Словцов*. С. 283). Кроме подачи милостыни по просьбе, существовали еще закрепленные обычаем конкретные поводы и сроки для угощения нищих и раздачи милостыни. За этими сроками и обычаями тоже стоял определенный религиозный смысл. Во многих местностях на Агриппину-купальницу (23 июня) посреди деревни ставились столы с постными яствами (в это время шел Петровский пост) для угощения нищей братии за счет деревни в целом. Очень распространена была подача милостыни в связи с похоронами и поминальными днями (*Максимов*, 1903. С. 471).

Нет сомнения, что готовность подать милостыню, как по конкретному, закрепленному традицией поводу, так и при неожиданно, стихийно возникающей просьбе была характерна для русских крестьян. Возникая нередко как непосредственное движение души, из чувства жалости и сострадания, эта готовность опиралась

и на общий взгляд, в котором воспитывали с раннего детства: подача милостыни считалась богоугодным делом.

Отношение к преступнику на основе милосердия проявлялось и в крестьянском обычном праве. Подход с позиций нравственности в рассмотрении разного рода нарушений норм поведения был характерен для крестьянской судебной практики.

О соблюдении чести и достоинства во взаимоотношениях крестьян между собой есть много свидетельств в ответах на анкеты научных обществ. Понятие чести у крестьян непременно соединялось с сознанием честного выполнения своего долга — в труде, в исполнении взятых на себя обязательств. Оно включало также правдивость и исключало способность наносить несправедливые обиды (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 683; *Пихоя*. С. 125). В ходу было множество пословиц о твердом слове: «Мое слово золото»; «Не давши слова крепись, а давши держись»; «Уговор дороже денег», и пр. Умение держать слово особенно проявлялось в сделках, которые крестьяне заключали между собой без письменных документов. Не случайно о договоре, заключенном на словах, говорили, что он заключен «на совесть». По договору — «ряду» — нужно было делать все беспрекословно. «Не исполнять данного слова, обещания крестьянами считается и за грех, и за стыд». Но крестьянское понятие чести в целом было сложнее. Оно включало для мужчин — отсутствие оснований для оскорблений и умение ответить на незаслуженные поношения; для девушек — чистоту; для женщин — отсутствие измен.

Очень четко выступает из многочисленных и разнообразных источников XVIII—XIX вв. решительное осуждение русским крестьянством добрачных связей. Если такое и случалось, то как исключение, и всегда повсеместно встречало негативное отношение общественного мнения деревни. Предосудительной считалась и супружеская неверность. Но при этом крестьяне более жестко осуждали неверность жены, чем мужа (*Звонков*. С. 25—26; *Громыко*, 1986. С. 97—99).

Две черты крестьянской нравственности — товарищеская взаимопомощь в беде и выполнение взятых на себя обязательств

при любых обстоятельствах — особенно отчетливо выявлялись в артелях, уходивших на промысел. Промыслы, особенно охотничьи, нередко сопровождались тяжелыми осложнениями, смертельной опасностью — от зверя, от голода или жажды, от мороза, от обвала или срыва в пропасть в горах. И здесь вступал в силу незыблемый принцип — выручить, не покинуть в беде. Общественное мнение культивировало верность товарищу, резко осуждая, подвергая своего рода остракизму всякого, кто нарушил эту этическую норму. «Трусость покрыла бы вечным стыдом, и никто бы не захотел делить таежной жизни с подобным товарищем». Каждый сознавал, что о поступке его станет известно в деревне по возвращении с промысла, а на следующий сезон снова, как каждый год, для участвующего в промыслах крестьянина возникает вопрос о выборе товарищей по артели, и определяющими качествами будут честность и товарищеская надежность.

На промыслах более жестко, чем в обыденной сельской жизни, соблюдались все договоры. Специфическая обстановка требовала особенно четкого соблюдения ряда существенных принципов крестьянской этики и уже этим, несомненно, оказывала определенное воздействие на формирование социального характера крестьянина.

В решении вопросов, касающихся взаимоотношений односельчан, сходка общины стремилась привести дело к тому, чтобы виновный попросил у обиженного прощения. Крестьяне придавали этому большое значение. «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф., 6, 12). Отсутствие чистосердечного раскаяния перед лицом мира существенно меняло решение сходки.

Селенные сходы занимались иногда увещанием некоторых своих однодеревенцев. По местному выражению, это называлось «улещением». Если мир считал, что поступки кого-либо запятнали или могут запятнать репутацию всего селения, но в то же время они не считались крестьянами преступлением, то прибегали к публичному увещанию на сходе. Так делалось в случаях мелкой кражи у проезжих, пьянства и буйства, за-

зорного поведения девицы. В последнем случае «улещали» не самую девушку, а отца или мать, призывая их постеречь свою дочь и поучить.

Вопросы, связанные с честью девушки, могли по желанию обиженной рассматриваться на сходке общины. Община всегда соглашалась провести расследование. Не всякая оскорбленная напрасным обвинением могла решиться выступить перед сходкой, хотя оправданную общиной девушку охотно брал хороший, по местным представлениям, жених. Неоправданная долго не выходила на улицу от позора.

Подобный вопрос ставился на сходке и в том случае, если парень публично заявлял свои права на девушку, с которой был близок, когда она оказывалась просватанной за другого. Оскорбитель должен был доказать сходке, что сказал правду, и после этого обязательно жениться на оскорбленной им девушке. Она не смела отказать ему, подвергалась общему осмеянию и в течение года после замужества не должна была выходить в хоровод и на другие сборища. Последнее считалось наказанием за потерю чести в девичестве*. Если же «разбирательством устанавливалось, что оскорбитель оклеветал девушку, мир приговаривал его к большому штрафу и изгнанию из деревни на год». По возвращении в свою деревню он еще в течение двух лет не допускался в хоровод.

На Орловщине при обвинении замужней женщины в измене обвинитель должен был доказать сходке обоснованность своего выпада. Если ему удавалось доказать, обвиненная подвергалась насмешкам. В течение года она не имела права посещать

* Утверждение Т.А. Бернштам, что у русских повсеместно снисходительно относились к добрачным связям, не имеет ровно никаких оснований: обильный материал разнотипных источников конца XIX в. из разных губерний показывает обратное — добрачные связи были редкостью и решительно осуждались общественным мнением. Т.А. Бернштам не приводит никаких фактов в подтверждение своего заявления. (*Бернштам Т.А.*, 1988. С. 51).

соседей, даже просто входить к кому-либо в дом. Честь ее была навсегда потеряна в глазах общины.

Решение ряда вопросов на сходке общины зависело от нравственной репутации крестьянина. В таких случаях скрытый в другое время механизм воздействия общественного мнения выступал в обнаженном виде. При назначении опекуна сиротам, например, возникал вопрос о нравственном облике претендента. Выбор опекуна всецело зависел от общины (*Лебедева А.А.*, 1969. С. 164).

При рассмотрении на сходке хищений вор, неопытный и совершивший преступление под влиянием другого человека, встречал снисходительное отношение крестьян. Отношение к самому пострадавшему тоже во многом зависело от его репутации в деревне.

Мнение, которое проявлялось открыто и определенно на сходке, складывалось в общине постепенно. Повседневная жизнь мира давала достаточно материала для формирования суждений соседей. Община являлась в этом отношении гибким механизмом: репутация, даже документально зафиксированная на сходе, могла измениться. «Если бы заметили, что опекун чем-либо пользуется от имени, то донесли бы обществу, которое высаживает тотчас его и выбирает нового опекуна».

Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Вынесение безнравственных поступков на суд мира осуществлялось не только прямым обсуждением их на сходе, о чем говорилось выше, но и в других формах обращения к соседям. По существу, любое сколько-нибудь широкое сборище в деревне — от крестин до поминок и от хоровода до помочей — могло послужить ареной для апелляции к общественному мнению. При этом широко использовались художественные формы выражения претензии. Крестьяне в массе своей свободно владели множеством фольклорных форм, умели импровизировать в рамках данного жанра. Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был бы совершенно невозможен прямой выпад «на людях». Репутация девушек и парней находила отраже-

ние, в частности, в величальных песнях, исполнявшихся в хороводе, а песни эти, в свою очередь, участвовали в создании и закреплении каких-то элементов репутации.

Наряду с репутацией отдельного лица, в общине, а отчасти и за ее пределами формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семей, переходившая нередко из поколения в поколение. При выборе невесты наряду с другими ее положительными качествами учитывалось, что она «из хорошего рода, известного в околотке своей честностью и другими хорошими качествами». Сама община тоже имела определенную нравственную репутацию среди окружающих селений. Об этой репутации проявляла озабоченность община в ходе обсуждения на сходке тех или иных вопросов. Характерен в этом отношении довод, приводившийся при увещевании сходом родителей девицы зазорного поведения: страдает репутация других девушек селения (Материалы для географии. Костромская губерния. С. 501).

В формировании репутации существенную роль играла степень владения трудовыми навыками. Общественное мнение крестьян высоко оценивало трудолюбие как важнейшее положительное качество человека. Оно воспитывалось крестьянами в детях с малых лет.

В.И. Семевский, подводя итог всем использованным им описаниям губерний конца XVIII в., заметил: «Несомненным достоинством русских крестьян было трудолюбие. По мнению самих крестьян, если ребенок «из малолетства» не приучался к сельскохозяйственным занятиям, то в дальнейшем он уже не имел к ним «усердствующей способности»» (Семевский. С. 86).

Разнообразные источники XIX в. свидетельствуют о том, что у русского крестьянства всех районов резко осуждению подвергались лень, неумелое или недобросовестное отношение к труду. На общих сенокосах, на помочах и других коллективных работах проявлялись индивидуальные возможности — сообразительность, ловкость, сила, виртуозность в отдельных приемах. Кроме того, представления об умелости каждого члена общины в ведении хозяйства в целом или в том или ином виде занятий

складывались в зависимости от результатов труда. И не только в хозяйстве, но и в побочных, но существенных для репутации занятиях. Так, мнение односельчан о девушке как работнице, непременно учитывающееся при выборе невесты, складывалось и при наблюдении непосредственно ее работы, и опосредованно — по продукции. У всех на виду была ее одежда собственного изготовления, украшенная в праздничном варианте вышивкой и кружевом. Специальный осмотр женщинами девичьего рукоделия в некоторых местах осуществлялся, в частности, на «выставках» невест, а также на «перебасках» — соревновании по нарядам в доме у молодой. В играх на посиделках нередко обыгрывалась тема умения девушки управиться с разными делами по дому.

Подростки рано приучались к разным видам труда. Над теми из них, кто не овладел мастерством, соответствовавшим, по местным представлениям, его возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют насмешливые названия для неумелых, прочно вошедшие в речевой оборот. Подростков, которые не умели плести лапти, дразнили безлапотниками, смеялись над ними. Крестьянин, который не умел сплести лапти, считался последним человеком.

Девочек, не научившихся в положенный срок — на 11-м году — прясть, дразнили непряхами. Не умевших «выткать кросны» (это надо было уметь на 15-м или 16-м году) — неткачами. Не умевших самостоятельно поставить стан «без подсказки матери» (этому учили на 17-м году) — бесподставочными. Насмешливые прозвища получали также те взрослые, которые оказывались последними при завершении некоторых видов коллективных работ (Громыко, 1986. С. 108—109).

* * *

Рассматривая традиционный нравственный идеал в связи с православной верой, следует помнить, что религиозность крестьян была очень цельной, слитной с их образом жизни. Для большинства крестьян вера служила основой, способом самого их существования.

Искренне верующий человек просто не мог плохо хозяйствовать на земле, которую считал творением Божиим, или отказать в помощи нуждающемуся. Так же и в повседневных молитвенных обращениях для него сливалось воедино и отношение к иконе святого, и знание его жития, и заказ молебна ему в сельском храме, и стремление отправиться в паломничество к чудотворному его образу, и подача милостыни в его день, и прошение о благополучии близких людей.

Воцерковление начиналось с крещения младенца и продолжалось до последнего дыхания. Заболевал ребенок — обращались к Пресвятой Богородице Тихвинской; приступал к обучению грамоте — молились Козьме и Демьяну; опасались пожара в жаркую и засушливую пору — служили молебен пред образом Богородицы, называемым Неопалимая Купина; заканчивали строительство избы — приглашали батюшку освятить ее; случалась большая удача — заказывали благодарственный молебен; постигало горе — утешение находили в глубоком смысле панихиды и в раздаче милостыни ради спасения души усопшего. Воцерковление всегда означало активное начало в поведении самих крестьян, и в этом поведении вера неразрывно сливалась с нравственными представлениями.

Народные верования

Народные верования русских, сохранившиеся в известной мере до настоящего времени, представляют собой сложную систему, многие элементы которой коренятся в древнейших религиозных представлениях. Эти представления, как показали исследования историков, этнографов, археологов, лингвистов и фольклористов, нередко восходят к неолитической и даже палеолитической эпохе. Многие древние черты народного мировоззрения сохранялись до XIX и в ряде случаев до XX в., некоторые из них в трансформированном виде существуют и в наше время.

В системе русского народного мировоззрения отразились религиозные влияния последующих эпох, когда в народных судьбах

большую роль начинают играть государственные, классовые и другие общественные институты, способствовавшие возникновению родоплеменных, семейно-родовых культов, почитанию предков, в частности вождей, культов племенных богов и т.п.

После крещения Руси все большее значение в формировании народного мировоззрения приобретает христианство, введение которого, как известно, способствовало развитию грамотности, возникновению литературы, обогащению форм изобразительного искусства. Введение христианства, проводившееся сверху, не было мирным. Церкви пришлось вести упорную многовековую борьбу с языческими волхвами и кудесниками, ушедшими в подполье, но долго сохранявшими свое влияние в качестве представителей «дьявольской», нечистой силы. Сохранились многочисленные свидетельства об этой борьбе в церковной литературе, особенно в поучениях священнослужителей, направленных против пережитков язычества.

Однако непримиримой позиция церкви была лишь в отношении служителей языческих культов. Что же касается сложившихся веками народных обычаев и обрядов, то церковь в соответствии с народной практикой избрала иную тактику — приспособления их к христианской идеологии. Приняв христианство, народ не отказался от дедовских обычаев, а, напротив, сохранил их под новой религиозной оболочкой. Этот синкретизм народного мировоззрения сказался в широко употреблявшемся в науке термине *бытовое православие*, в котором отразилась реально сложившаяся религиозно-обрядовая практика русского народа, и в первую очередь крестьянства. Особенно ярко проявилось это в обрядах крестьянского земледельческого календаря, принявшего под влиянием христианства вид бытовых святцев (Аничков; Рыбаков, 1981 и др.).

Используя имена церковных святых, крестьяне создали календарь сроков сельскохозяйственных работ, составили указатель погоды. Зачастую к именам святых прикреплялись прозвища, характеризующие период времени, на который приходится поминание того или иного святого. Так, о зимнем солнцеворо-

те говорили: «Со Спиридона-солнцеворота — солнце — на лето, зима — на мороз; Евдокия — Подмочи порог, оттого что в это время начинались оттепели; Елена звалась Льяницей, так как в это время положено было сеять лен, и т.п.

К именам святых приурочивались определенные пословицы и поговорки, приметы; по ним определяли предстоящую погоду, от которой во многом зависела судьба урожая.

Деревенские обряды, игры и хороводные песни, основанные на первобытной магии, как профилактической, т.е. направленной против враждебной, нечистой силы, так и продуцирующей, т.е. обеспечивающей человеку благополучие, сосредоточились вокруг христианских праздников: Рождества Христова, Васильева дня, Крещения, Пасхи, Фоминой недели, Троицы, Георгия-победоносца, Николая-чудотворца, Иоанна-Крестителя, Ильи-пророка, Покрова Богородицы, Козьмы и Демьяна (*Калинский*).

Русский народный календарь содержит немало обычаев и обрядов, связанных с продуцирующей магией, долженствующей обеспечить хороший урожай, приплод домашних животных, счастливый брак и т.п. Магическим пожеланием благополучия в предстоящем году проникнуто и исполнение новогодних колядовых песен в канун Нового года. Сохранились исторические свидетельства XVII в. о том, что в Москве, в Кремле, по улицам и переулкам, в слободах и за городом, перед Рождеством Христовым многие люди кликали Каледу и Усень (Овсень). Позже в XIX—XX вв., сотни колядок были записаны собирателями. Магическое значение имело величание хозяина и членов его семьи, содержащееся в колядовых песнях.

В севернорусских областях новогодние величальные песни исполняли с характерным припевом: «виноградье, красно-зеленое мое», отчего сами песни получили название *виноградий*. В них молодые люди, которым предназначалась песня, наделялись идеальными чертами так, что на молодца «здивовались» не только крестьяне, но и все бояре и дворяне. Песни кончались пожеланиями жениться. Необыкновенными чертами наделялась «девица-душа» в девичьих виноградьях. В некоторых из них

девушка изображается чудесной вышивальщицей (*Дмитриева*, 1993. С. 63).

Столь же магическим по воззрениям народа было исполнение подблюдных песен при новогодних гаданиях. Свое название эти песни получили от блюда с водой, в которое клали снимаемые с себя кольца, браслеты и другие предметы собравшиеся гадать девушки. Под пение хора одна из них вынимала тот или иной предмет. Содержание песни, под которую вынимался предмет, предвещало ее хозяйке счастливую или несчастную судьбу. Если в песне говорилось о золоте, серебре, хлебе, кошке, греющейся на печи, это, соответственно, предвещало богатство, урожай и замужество.

Магическое значение имел и обычай ряженья на святки козой, медведем, лошадью. Подобную роль играли фигурки животных (козульки), выпеченные из теста или вылепленные из глины, которыми принято было одаривать колядовщиков (*Чичеров*. С. 115).

Ярко выраженный магический характер имел обычай закликать весну. Начиная с Благовещенья, девушки, подражая птичьему гомону, пели в разных концах села, переключаясь друг с другом. По всей России был распространен обычай печь из теста фигурки жаворонков. Ребята выбегали с ними на улицу и кричали: «Жаворонки, жаворонки, прилетите к нам, принесите весну красную». Существовало представление, что весну приносят птицы, а потому (по принципу симильной магии) изображение птиц может ускорить наступление весны.

Архаические элементы магического характера имеются в земледельческих обрядах, особенно жнивных. Во многих русских областях был распространен обычай «делания, или завивания, бороды» духу-полевику (Волосу, Илье, Егорию), состоявший в следующем: на поле оставляли немного жита, перевязывая сверху колосья; затем верхушку срезали и клали на нее землю, цветы или маленький снопик. Хозяйка поля, где делали бороду, устраивала пиршество с пением песен. В среднерусских обычаях последний сноп срезали и с разными церемониями вносили в дом, где хранили его до сева. Обряд «завивания бороды» иссле-

дователи рассматривают как разновидность многочисленных магических земледельческих обрядов народов Средиземноморья и Европы, основанных на представлении о духе поля, скрывающемся в последнем несжатом снопе.

Обряды продуцирующей магии сопровождают период проводов весны (лета), приходившийся в большинстве русских районов на Петров день. Нарядно одетые девушки и парни качались на качелях, распевая песни о весне. Качание — один из распространенных у многих народов магических приемов, изображающий рост, подъем растений.

Встреча Весны (вышивка на полотенце)

Еще один вид подобных обрядов связан с очистительной магией. Особое значение придавалось этим обрядам в период зимних и летних святок. Так, на Крещенье, после окончания святочных гуляний, было принято купаться в крещенской проруби — *Иордани* с тем, чтобы смыть с себя грехи. Существовало представление, что купание в Иордани дает здоровье на весь предстоящий год. Подобное очистительное свойство придавалось купальским кострам, практиковавшимся на Ивана Купалу (Ивана Крестителя).

* * *

В русском крестьянском обиходе сохранилось немало следов анимистических представлений, восходящих к древнему общинно-родовому строю. Согласно этим представлениям, окружающее человека пространство — земля, растительность, вода, огонь — мыслилось одушевленным (*anima* — душа).

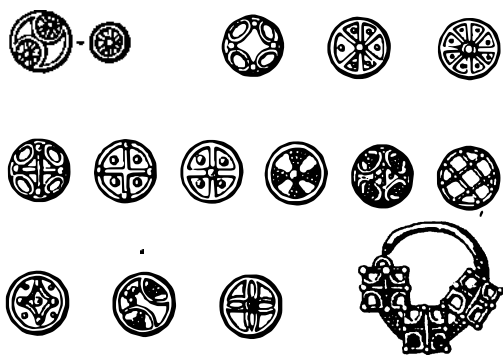
С особым почитанием русские с глубокой древности относились к земле. Земля представлялась матерью-кормилицей;

достаточно вспомнить общеизвестное выражение — «Мать-сыра земля». Еще в XIX в. крестьяне клялись землей; с этим обычаем связано другое известное выражение — «Чтоб мне сквозь землю провалиться» и т.п. С почитанием земли связан один из самых распространенных и древних мотивов крестьянского искусства — изображение могущественной богини-матери с предстоящими ей всадниками. В крестьянской земледельческой практике этот образ слился с анимистическими представлениями о духах-покровителях полей и садов. Антропоморфные и зооморфные образы духов хлебного поля хорошо известны в земледельческих обычаях европейских народов. Согласно народным верованиям, в образе животного — зайца, лисицы, волка, собаки и т.п. — воплощался дух хлеба. Именем животного или птицы часто назывался последний жатвенный сноп. В некоторых русских деревнях существовал обычай, сжиная последний сноп, кричать: «Зайка побежал, зайка побежал...», когда оставалось мало жатвы, говорили: «Ну, девки, давайте зайца гонять». Упоминались и другие животные, например, лошадь.

Во многих русских районах был распространен упоминавшийся уже обычай «деланья бороды», как называли последний сноп, в котором исследователи видят антропоморфное олицетворение духа поля. В некоторых районах вместо бороды употреблялось название князь, а обычай класть последний сноп на суслон назывался посадить князя. В среднерусских районах последнему снопу придавали человеческий (антропоморфный) облик; сноп называли куколкой. Известен обычай, когда последний сноп, одетый в женскую одежду, торжественно вносили в дом, ставили в передний угол, после чего праздновали окончание жатвы.

Олицетворялся не только последний, но и первый сноп. Во многих русских областях его называли Елохой. В районах Русского Севера, наряду с Елохой, было известно название Ероха. Начиная жатву, смотрели, каким получился первый сноп: плохим или хорошим. Если плохим, говорили: «Худа голова Ерошина получилась. Такой и жених будет».

Название жнивного снопа Елохой (Ерохой) восходит, вероятно, к именам древних славянских божеств с корнем *ер-яр*. В деревнях Северной Двины бытовало выражение *ера, еры*, т.е. сильный, ярый. Это название почти полностью совпадает с белорусским *еры, Святы́й Еры*, которого исследователи сопоставляют с Юрием—Егорием. Корень *ер-яр* связывают с именем Ярилы, культ которого у славян известен по средневековым хроникам и по более ранним историческим источникам. В то же время мотивы, относящиеся к праславянскому Яриле прослеживаются в легендах о Святом Георгии. Вероятно, жнивны персонажи Ероха-Елоха отражают стадильно более древние представления, на основе которых, очевидно, позднее возникли образы типа восточнославянского Ярилы и общеславянского Егория-Георгия (Иванов, Топоров. С. 180, 184).

Символы Земли
и Солнца на золотых
височных кольцах

Подобные анимистические воззрения легли в основу общинных аграрных культов, связанных с сезонными земледельческими работами. Пережитком общинных культовых действий можно считать общераспространенный русский обычай устраивать помочи при жатве. Хозяйка поля должна была сделать угощение для пришедших на помощь, причем обязательной была обрядовая еда — лепешки и каша. В некоторых районах сам обычай помочей назывался *кашей*. При помочи говорили: «делать кашу», «звать на кашу» и т.п. Тем самым подчеркивалось особое значение каши как ритуальной еды. Обычай праздновать окончание жатвы держался и при колхозах. Когда одно звено колхозной брига-

ды заканчивало жатву, то приглашало на кашу другие звенья. Хотя угощение было разнообразным, обычаем продолжали называть кашей (Дмитриева, 1988. С. 42, сл.).

В русских районах, главным образом граничащих с районами расселения финно-угорских народов, подобная жнивная каша называлась *саламатой*. Саламата известна тюркским народам как ритуальная каша: ею поминали предков. Имеются косвенные свидетельства того, что и русская обрядовая каша связана с поминанием предков (в похоронных, поминальных и крестильных обрядах). В южнорусских областях бытовали обряды «бабьих каш», связанные с почитанием Богоматери. Исследователи видят в этих обрядах следы культа Параскевы-Пятницы, восходящего в свою очередь к культу Великой богини-матери. Сохранились письменные свидетельства о подобных обычаях в среднерусских областях, где и свадьба прежде называлась *кашею* (от обычая кормить кашей молодых).

Анимистические взгляды отразились в суеверных представлениях о животных, которые исследователи связывают с верой в метаморфозы (реинкарнации) душ. Особенно распространены у разных народов земного шара рассказы о животных-оборотнях (Токарев, 1957. С. 43). У восточных славян известны поверья о людях-волках, причем существуют две основные версии. По одной из них строятся рассказы о колдунах, умеющих превращаться в животных, в том числе и в волков; по другой — о людях,

Украшение на фронтоне дома (с. Кельчегора, Архангельская область)

превращенных по воле колдунов в волков. Геродот в своей «Истории» говорит о неврах (исторически связанных со славянами), которые, по свидетельствам греков и скифов, умели превращаться в волков. Подобные представления отразились в русских былинах о Вольге-князе, умевшем принимать облик разных животных, а также в «Слове о полку Игореве», где говорится о Всеславе, способном обращаться в волка.

Предметом суеверных представлений были и другие животные. Например, медведю приписывалась способность уничтожать нечисть там, где он появлялся. Широко по всей России был распространен обычай водить медведя по городам и селам. Нередко вожака с медведем приглашали в дом, где завелась нечистая сила. Апотропеическую (защитительную) силу медведя использовали при лечении болезней: чтобы больной поправился, медведь должен был наступить на больного или перешагнуть через него. У северных русских, а также у старожильского населения Сибири бытовало представление о происхождении медведя от человека, проклятого либо родителями, либо Богом.

С некоторыми животными связаны суеверные приметы и поверья. Так, крик ворона предвещал несчастье; заяц, перебежавший дорогу — неудачу; крик кукушки — печаль. Напротив, счастье предвещала встреча с такими божьими птицами, как голубь, аист, соловей, журавль, лебедь. Особенно почитался лебедь; запрещалось убивать его; убивший лебедя обрекал себя на скорую смерть.

Под влиянием христианства некоторые животные стали представляться нечистыми. Так нередко черта представляли в образе козла. Козлообразный Сатана — характерный христианский мотив средневековья, происхождение которого связано с козлоногими божествами античности. Однако в народных верованиях сохранилось и языческое почитание козла, которому приписывали охранительную силу. Считалось, что черти боятся козла; козла часто держали в конюшне для защиты лошадей от нечистой силы. С козой же связывали плодородие полей, считалось, что, «где коза ходит, там жито родит».

Столь же двойственным было отношение к кошке. С одной стороны, кошкам, особенно черным, приписывался демонический характер. Считалось, что в кошку превращалась ведьма. Общераспространенной является примета о черной кошке, перебежавшей дорогу; также широко известно выражение: «черная кошка пробежала», означающее ссору между людьми. С другой стороны, кошка представлялась чистым животным. Она, в отличие от собаки, не оскверняет алтаря; ей разрешалось сидеть в переднем углу, где обычно помещались иконы. Столь же двойственны представления о собаке. С одной стороны, считалось, что она обладает способностью отгонять нечистую силу, а с другой — верили, что в собаку, особенно черную, может обратиться черт. В подобных народных представлениях о животных, как свидетельствуют этнографические материалы, отразились не только древние религиозные верования (анимистические, тотемические), но и чисто практические наблюдения над особенностями поведения животных: чистоплотность кошек, способность предчувствовать беду собак, плодовитость коз.

* * *

С возникновением родового строя получает развитие такая форма религии, как культ предков, включивший в себя анимистические и магические представления предшествующего родового периода. Одухотворение окружающей природы слилось с представлениями об умерших предках — покровителях деятельности человека в лесу, в поле, на воде. Подобно тому, как большой семьей и родом руководит хозяин (старик), так и окружающая природа управляется «дедами»: лешим — хозяином леса, полевиком, водяным, житным дедом и т.п. Такова природа и у домового, управляющего в доме, бане, овине и т.д. С домовым и, более широко, с предками связан культ домашнего огня (очага). Переезжая на новое место, хозяева переносили уголь из старого очага в новый, приглашая с собой домового, что символизировало переход духов предков на новое место.

Наиболее полно культ предков представлен в семейной обрядности — похоронной, свадебной, родильной. При свершении этих обрядов помощь предков представлялась особенно необходимой. Отчетливо культ предков представлен в поминовении покойников. Помимо поминок, связанных с недавно умершим, которые было принято делать на третий, девятый и сороковой день после смерти, существовали общественные поминования покойников-«родителей». При поминовении обязательной была трапеза с традиционной обрядовой пищей (кутья, блины, пироги, кисель), устраивавшаяся в доме покойного и на кладбище. Предполагалось, что души предков незримо присутствуют на ней.

В древнерусской литературе сохранились упоминания о почитании Рода и Рожаниц, которым приносили жертвы (хлеб, сыр, мед). О почитании *чура*, *щура*, *пращура* свидетельствует распространенная на Руси игра в салки, когда играющий, добегаая до дома, произносит «чур меня», прибегая к защите предка (пращура). Древние письменные источники свидетельствуют об обычае устраивать покойникам специальную баню. К XIX в. этот обычай был утрачен; как пережиток можно рассматривать широко распространенный обычай ставить в передний угол дома блюдо с водой и вешать рядом полотенце для того, чтобы умерший смог умыться и вытереться при посещении дома.

Со времени феодальной Руси крестьянство, как и весь народ, отводило поминовению предков специальные дни: это семь вселенских панихид, установленных православной церковью (см. раздел Похоронно-поминальная обрядность).

В связи с похоронной обрядностью в России получил развитие фольклорный жанр похоронной *причети* (*плачей*), в которой культ предков выступает еще более явственно, чем в похоронных обрядах. Так, в причети в большей мере отразилось представление о том, что покойный продолжает жить и после смерти и слышит обращенные к нему слова. В некоторых русских районах, особенно севернорусских, получило развитие искусство профессиональных вопленниц, от которых фольклористами записано большое число высокохудожественных текстов причети. Особым

мастерством отличались во пленницы Русского Севера. В районах былинной традиции причеть по художественным особенностям близка к былинам. Нередко сказительницы былин были и во пленницами. Наиболее известна среди них Ирина Андреевна Федосова, чье творчество приходится на последние десятилетия XIX в. Этнограф-фольклорист Е.В. Барсов записал от нее около 30 тыс. стихов-причетов, составивших 3 тома «Причитаний Северного края». Выход в свет этой книги стал сенсацией в образованном обществе России конца XIX в. Творчество И.А. Федосовой использовал Н.А. Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» (Чистов, 1988).

В числе причитаний, записанных от И.А. Федосовой, помимо похоронных, имеются рекрутские и свадебные. Рекрутские причитания исполнялись на проводах рекрута, разлука с которым в силу того, что царская военная служба продолжалась многие годы, воспринималась как смерть. По словам Федосовой: «Жива эта разлука пуще мертвой». Близки к похоронным плачам свадебные причитания, в которых невеста прощалась с родным домом. В причитаниях невесты-сироты, исполнявшихся обычно на могиле матери, особенно ярко проявляется связь причитаний с культом предков. Невеста обращается к умершей матери, рассказывает ей о предстоящем замужестве, о своих опасениях и просит мать помочь ей.

Поминальная обрядность в целом связана со стремлением убажить покойного, заручиться его поддержкой. Однако имелись и другие обряды, в которых проявлялись боязнь, страх перед смертью, стремление обезопасить себя от умершего. Так, во всех русских районах был распространен обычай выносить покойного ногами вперед с тем, чтобы умерший не увлек за собой кого-нибудь из живущих.

Особенно опасными представлялись так называемые нечистые покойники, к которым относили умерших преждевременной и неестественной смертью: утопленников, убитых, самоубийц, умерших от алкоголизма и т.п. В некоторых районах таких покойников называли *заложными*. (О них см. в разделе Похоронно-поминальная

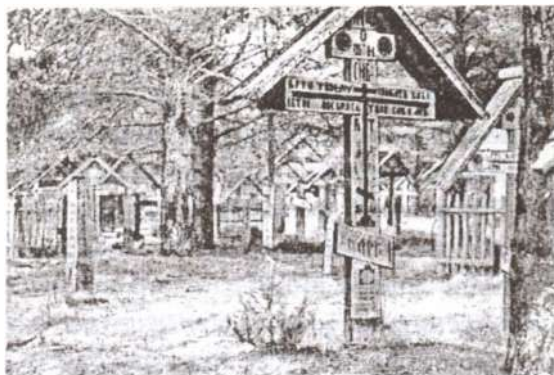
обрядность). Особенно опасными считались умершие колдуны; для них имелось особое название — *уьри* (вампиры). Бытовало представление, что уьри сосут кровь живых. В некоторых славянских районах уьрями называли не только мертвых, но и живых людей, связанных с нечистой силой. Внешне они мало отличались от других людей, и лишь после смерти их узнавали по свежему, красному лицу умершего (Зеленин, 1916. Очерки...).

Враждебно настроенными к живым считались также чужие предки. К умершим родственникам обращались как к покровителям и защитникам, в том числе и от враждебно настроенных чужих предков. В древнерусской литературе сохранились свидетельства почитания чужих, иноплеменных предков — навий с тем, чтобы нейтрализовать их неблагоприятные действия. К ним обращались за помощью колдуны для вредоносной магии (Елеонская, 1917).

Враждебные духи, населяющие природу, мыслились как источник болезней. Основная особенность народной медицинской практики, отличающая последнюю от обычной медицинской, заключается в том, что, по народным представлениям, причиной заболевания являются духи болезней. Отсюда и специфика лечения — изгнание этих духов. Особенно это заметно в заговорах с преобладанием магического начала, где духи болезней нередко изображались антропоморфными существами. В заговорах отразилась активная борьба с болезнями, которые сплевывали, смывали, сдували, сжигали и т.п. Названия болезней — уроки, прикосы, стрелы, грыжи, кочи и т.п., упоминаемые в заговорах, как правило, восходят к именам нечистых духов: стрел-черт и стрелы-колотье в теле; чомор-дьявол и чемер-спазм в животе и боль в пояснице и т.п. Во многих сборниках заговоров присутствуют заговоры от лихорадки. Болезнь эта вызывалась сестрицами-трясовицами (трясицами), иродовыми дочерьми. Лихорадку старались умиловить, называя ее Лихоманкой Ивановной.

В не меньшей мере подобные представления сказывались и в гаданиях, с тем различием, что если духов болезней старались изгнать всеми возможными способами, то духов, используемых при га-

Сельское кладбище
в с. Кельчемгора,
Архангельская
область

даниях, напротив, старались призвать на какое-то время, чтобы выведать у них обудущей судьбе. При гадании обращались не только к духам болезней, но и к духам окружающей среды. Например, в широко распространенных гаданиях на перекрестках обращались к черту, спрашивая о судьбе в предстоящем году. Чтобы лучше виделось, снимали с себя пояс, распускали волосы, проклинали себя и все вокруг, после чего призывали духов: «Сходитесь все лесные, болотные, речные черти, покажите жениха...» Обязательным условием для сношения с нечистой силой было снятие с себя креста и отречение от Бога на время гадания. В силу этих условий гадание считалось греховным делом; после него необходимо очищение. Так, после новогодних гаданий, чтобы «смыть с себя грехи», купались в священной проруби (иордани).

Духи, к которым обращались при гадательной и заклинательной магии, по народным представлениям, способны говорить. В севернорусских рассказах о порче насланный дух болезни имеет вид маленького человечка и способен отвечать на вопросы. Он называет себя по имени, отчеству, может сказать имя своего «батюшки»-колдуна, наславшего его. Духи, к которым обращались при новогодних и подобных гаданиях, отвечали по-иному: особым шумом листвы, если спрашивали у дерева, журчанием воды, если спрашивали у реки и других водных источников, глухими или звонкими звуками, когда спрашивали у земли, например, при гадании на перекрестках.

Подобных духов большинство исследователей относят к зложным покойникам, т.е. умершим преждевременной или неестественной смертью. По народным представлениям, как уже отмечалось, души этих людей не находят покоя после смерти и продолжают жить среди живых, стремясь навредить им.

Среди духов окружающей среды выделяют так называемых сезонных демонов, выходящих из воды на землю в определенные сроки — в пору зимнего и летнего солнцеворота. Помимо общерусских русалок, появившихся в летне-осенний период, в осенне-зимний — из воды выходили мелкие демоны другого рода, имевшие в разных русских областях разные названия: *шулихонь, шишки, чудь, васильчики* и т.п. (*Богатырев*). На Русском Севере до начала XX в. сохранялся обычай ставить кресты около домов, за околицей, по обочинам дорог. Некоторые из крестов, в том числе и расположенных рядом с домом, являются надмогильными. В старообрядческих районах до 1920-х годов сохранялся языческий обычай хоронить умерших рядом с домом

Обетный крест в с. Кимже,
Архангельская область

и у порога домов. Кресты, расположенные по обочинам дорог и на перекрестках, первоначально играли охранительную роль. Они, как и подобные кресты в Западной Европе, восходят к древнему обычаю погребения родичей на границах родовых владений. Считалось, что дух умершего, связанного и после смерти с местом своего погребения, становился стражем родного селения, спасителем от враждебных духов, излюбленным местом пребывания которых являлись дороги.

В более позднее время на перекрестках дорог хоронили

«заложных» покойников. До сих пор можно услышать рассказы о страшных привидениях, появляющихся на перекрестках или обочинах дорог, средством спасения от которых служили кресты. В севернорусских районах имели распространение, а в некоторых районах сохраняются до сих пор так называемые обетные кресты, поставленные по обету (обещанию), данному Богу в благодарность за добро или за избавление от какого-нибудь зла. Чаще всего подобный обет давали рыбаки, промышлявшие на море, в опасные для жизни моменты. Выйдя на берег живым, рыбак ставил обетный крест или на берегу моря, в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Наибольшее распространение обетные кресты получили в поморских деревнях, связанных с новгородским освоением Русского Севера. Как можно судить по письменным и археологическим памятникам, обычай водружать обетные кресты больше, чем другим русским областям, был свойствен Новгородской земле, что отразилось и в архитектуре новгородских храмов, на стенах которых нередко вырезались обетные кресты. Обычай водружить памятные кресты в Древней Руси засвидетельствован в былинах, где поется о «Чудном кресте Леванидовском».

Интересны архитектурные особенности крестов. Над многими из них сооружена двускатная крыша с резными причелинами и коньком, в деталях повторяющая подобную конструкцию жилого дома. Подобные крыши над крестами нередко рассматривают как пережиток языческих погребений — домовин, воспроизводивших жилища живых и снабженных необходимыми предметами для загробной жизни.

В большой степени представления о духах окружающей среды отразились в быличках — рассказах о сверхъестественных (мифологических) существах (*Померанцева Э.В.*). Наиболее распространенными из них являются былички о лешем. Его видят то очень высоким, вровень с лесом, с самыми высокими деревьями, то совсем маленькими, ниже травы. Чаще он хозяйничает в лесу, но может забрести и в трактир к подвыпившему человеку, неосторожно помянувшему его в разговоре, даже в крестьянский

дом, если и там его помянут. Поэтому крестьяне старались не произносить лишней раз имя лешего, особенно в сумеречное время. Осторожными нужно было быть с маленькими детьми. Жестоко наказывалась мать, в раздражении сказавшая ребенку: «Ну тебя к лешему», — леший тут же уносил его к себе. Если матери после длительных молений в церкви и удавалось вернуть ребенка, то после пребывания у лешего он оставался до конца жизни больным.

Не обходилось даром общение с лешим и для взрослых: побывавший в гостях у хозяина леса или погибал, или заболел неизлечимой болезнью. Чаще всего леший подшучивал над путником, едущим по лесной дороге. Он прикидывался или знакомым, или родственником путника, и за разговором заводил его в чащобу. Единственным спасением от лешего в таких случаях было крестное знамение или слова молитвы. Достаточно было сказать только: «Господи!». В ответ раздавался громкий хохот и слова лешего: «А, догадался...»

Нередко жертвой лешего становился нетрезвый человек. Леший предлагал ему выпить еще рюмку вина или опохмелиться. И, если человек выпивал рюмку, то становился жертвой лешего. Однако, можно было просто сказать: «Господи, ведь я же сегодня не последнюю...», — и леший с громким хохотом исчезал.

Рассказы о том, как леший «водил» в лесу тех, кто ходил по ягоды и грибы, касаются больше женщин. В лес старались ходить по двое и по трое, но и в таких случаях леший иногда добивался успеха, принимая вид товарища или родственника своей жертвы; спасением от него опять же было крестное знамение или молитва. Иногда в быличках вместо лешего фигурирует лешачиха, которая, подобно своему супругу, заводит людей в чащобу под видом знакомой или родственницы. В большинстве быличек о лешачихах изображается неожиданная встреча с ними в лесу, на поляне или на берегу реки. При виде человека они быстро убегают в лес или прыгают в воду, как это свойственно и русалкам.

В севернорусских губерниях русалки, которых здесь называют чаще *чертихами*, или *водянихами*, чаще представляются одиноко

сидящими на берегу реки. Они значительно отличаются от русалок южнорусских областей, которых видят молодыми и красивыми, завлекающими путников в лес или в воду с целью умертвить. Считалось, что русалки выходят на землю после Троицына дня и поселяются в ближайших рощах и полях. Особенно любят они развесистые ивы или березы, склонившиеся над водой. Сроком ухода русалок из лесов и полей в реки и другие водные источники во многих русских районах считался Петров день. В этот день происходил обряд «проводов русалок». Обряд сопровождался играми, в которых в той или иной форме изображалась борьба ряженных русалками с провожающими (или выгоняющими) их крестьянами. Изображавшие русалок стремились поймать кого-нибудь из провожающих. Были и варианты этого обряда, например, в некоторых севернорусских деревнях имела место игра под названием *илки*, которая состояла в том, что девушки и парни бежали вперегонки до реки.

Русалок не только прогоняли, но и стремились умилистить: вешали для них на деревья венки, оставляли им в поле или на берегу реки угощение, чаще всего яичницу. Считалось, что там, где ходят русалки, лучше растут травы и посевы.

Хозяином водной стихии — реки и озер — считался водяной. Его представляли обросшим травой или мохом с длинной зеленой бородой. Большую часть времени он проводит под водой, показываясь из нее после полуночи. Особенно он любит глубокие омуты, затаскивая туда неосторожного купальщика. Считалось, что утонувший мужчина становился работником водяного, а утопленница — его очередной женой. Поскольку водяной представлялся хозяином всей водной живности, рыбаки старались умилистить его, принося ему в жертву первую пойманную рыбу.

Обязательной была жертва водяному при постройке мельницы; первоначальная человеческая жертва была заменена впоследствии на ломоть хлеба и стакан водки. Как и вся нечистая сила, водяные любят задавать пиры, приглашая на них родичей из других омутов. Любимыми блюдами водяного считались раки и «голые» рыбы, вроде угрей и налимов, почему крестьяне некоторых русских

районов не употребляли этих рыб в пищу. Разгулявшийся водяной мог учинить бурю, снести мост или запруду. Чтобы умилостивить его в сильный шторм, в былые времена бросали в воду моряка, которому выпадал жребий. Красочное описание этого обычая содержится в знаменитой былине о Садко. В местах, опасных для пловцов и плотогонов, чтобы усмирить водяного, строили церкви.

Помимо быличек о духах окружающей среды, в народе бытовали суеверные рассказы несколько иного рода — о домашних духах, более доброжелательных к человеку, чем рассмотренные выше. Особенно часто можно было услышать рассказы о домовом; наибольшее число из них связаны с новосельем. Переходя в новое жилище, брали с собой петуха, хлеб и икону. Иногда вместо петуха использовали кошку, иногда и петуха, и кошку вместе. Домового звали с собой: «Мы пойдем, и ты с нами...» По поведению петуха и кошки в новом доме судили об отношении домового к новому жилью: если петух радостно махал крыльями — домовый доволен; если опускал крылья — домовый не рад новому жилью. С помощью птиц и животных, вносимых первыми в новый дом, гадали также о будущем житье в нем. Если петух или кошка забирались в передний угол — это служило добрым предзнаменованием, если на середину комнаты — к «среднему» житью, если к порогу — к житью худому. В некоторых районах гадали с помощью специально испеченного по случаю новоселья хлеба, который «закаtywали» по полу: если хлеб ложился верхней коркой вниз — не к добру.

Обычай гадания с помощью петуха позволяет видеть в последнем жертвенную птицу. Обычай гадания при жертвоприношениях был известен многим народам, в том числе и европейским. Кроме того, в письменных источниках сохранились свидетельства об обычае при постройке дома зарывать петуха в том месте, где должен был располагаться передний угол. Изба таким образом строилась на петушиной голове. Отголосок обрядов, связанных с принесением жертв при закладке нового дома, можно видеть в обычае делать коньки на крышах крестьянских домов. Если есть основание видеть в петухе жертвенное животное, то вряд ли то же можно сказать о кошке. С последней связа-

но представление о способности домового к превращению в животных, чаще всего в кошку. Среди старшего поколения и сейчас держится представление о том, что кошку бить грешно — обидишь домового. Рассказы о переселении в новый дом очень схожи между собой в разных русских районах. Варьируется лишь число предметов, которые было положено первыми вносить в новый дом. В некоторых северных деревнях, кроме иконы и петуха, брали в новый дом корыто, в которое клали хлеб, соль и чай, а иногда и отрезки на платье, шерсть для прядения.

В некоторых рассказах домовый предстает хранителем семейного благополучия: он предупреждает хозяев о предстоящем счастье или несчастье в доме. В таких случаях домовый поднимает в доме своеобразный шум, и нужно, улучив момент, спросить, к добру или худу он волнуется. В быличках многих русских областей известен рассказ о том, как домовый «давит» (наваливается) на хозяйку, и если та успевает спросить его, к «добру это, или к худу», то в ответ он или произносит одно из этих слов, или дает знать о предстоящем событии прикосновением своей мохнатой руки, причем холодная рука предвещает несчастье, а теплая, напротив, счастье. Одной из ипостасей домового является дворовой — хранитель двора и домашних животных. Ему в определенные дни приносили жертвы и просили кормить, поить и любить домашнюю живность.

В районах Русского Севера и Верхнего Поволжья — там, где до сих пор имеет место обычай мытья в индивидуальных банях, были распространены былички о банном духе — хозяине бани, которого называют *банником*, *дедушкой баенным* или *букой баенным*. Чаще всего рассказывают о том, как банник наказывает за мытье «в третий пар» (в третью очередь). Наказание чаще всего выражается в том, что банник одуряет, иногда до смерти, неосторожного человека. Однако во многих рассказах он предстает духом, если и не особенно доброжелательным, то по крайней мере и не враждебным к человеку. Банника после бани благодарили за хороший пар и оставляли для него сухой веник и кадку с водой на случай, если он сам захочет попариться.

Банник любил мыться в третью очередь, почему и наказывал тех людей, которые вздумали ему помешать в этом.

Бане отводилась особая роль не только в свадебных, но и в родильных, и в крестильных обрядах. Купанье в бане практиковалось при лечении болезней; произнесение лечебных заговоров часто сопровождалось смыванием изгоняемых духов болезней. В письменных источниках сохранились свидетельства, что раньше в большие поминальные праздники топили специальные бани для умерших предков. Этнографы не раз отмечали двойственное отношение крестьян к бане: баня считалась нечистым местом, но ходить в баню должен был каждый. В бане не бывает икон, собираясь в баню, снимают крест и пояс, в день мытья не положено ходить в церковь. В то же время полагали, что тот, кто не ходит в баню, не бывает добрым человеком.

Во многих суеверных рассказах фигурируют образы колдуна и ведьмы, в которых видят наследников древних языческих жрецов. Многие из колдунов становились таковыми по наследству; некоторые учились у других колдунов; были колдуны, получавшие свои знания непосредственно от сверхъестественных сил. Впрочем, связь с потусторонними силами считается обязательной чертой всех колдунов и колдуний. В распоряжении каждого из них имеется определенное число чертей (бесов), причем чем сильнее колдун, тем больше бесов служит ему. Колдун не может умереть, не передав своих чертей (свою силу) кому-нибудь другому. В противном случае колдуна ждет мучительная смерть; чтобы ускорить ее, приходится приподнимать матицу или открывать все двери. Колдун может прибегнуть и к обману, чтобы передать свою силу, и тогда мог пострадать случайно зашедший родственник или знакомый. Правда, такой, случайно получивший свой дар колдун может избавиться от него после долгих молитв, что невозможно для колдунов наследственных или ставших таковыми добровольно. И это понятно, так как, чтобы стать колдуном, неопиту требуется отказаться от христианской веры и всех ее атрибутов; прежде чем запродать свою душу, необходимо снять с себя крест, наступить на икону и т.п. (Максимов, 1903).

Колдунам приписывали способность приносить засуху, эпидемию и другие беды. Особенно много рассказов связано со способностью колдунов насылать порчу — болезнь, вызванную вселением в человека нечистой силы. Если заболевшему не помогали обычные меры борьбы с болезнью (парение, натирки, примочки и т.п.), а также врачи, считалось, что на больного наведена порча. Вылечить его мог только колдун, сделавший порчу, или другой колдун, более сильный, чем наславший болезнь. Способность колдуна бороться с нечистой силой использовалась крестьянами в ответственные моменты жизни. Так, например, долго сохранялось мнение о необходимости приглашать на свадьбу колдуна для того, чтобы охранять молодоженов от порчи. Считалось, что молодые особенно подвержены такой опасности. Иногда колдуна приглашали на свадьбу, чтобы предотвратить недобрые действия с его стороны. На известной картине В.М. Максимова «Колдун на деревенской свадьбе» хорошо передана атмосфера страха, охватившего участников свадебного пира перед появившимся в дверях колдуном, которого забыли пригласить на свадьбу.

Если колдун был известной и поневоле уважаемой личностью в деревне, то ведьмы, как правило, скрывали свое ремесло от окружающих. Существовали специальные приемы для узнавания ведьм. Например, если на пасхальную службу прийти с рябиновой ветвью, можно узнать ведьму, увидев ее стоящей спиной к алтарю. Зловредная деятельность ведьмы заключалась главным образом в ее стремлении взять себе силу урожая на поле односельчанина (так называемый пережин, залом), отнять молоко у коров, навести болезнь на того или иного человека. Особенно часто пользовались ведьмы своей способностью «присушивать» и «отсушивать»; чаще всего об этом просили покинутые жены. Считалось, что ведьмы по ночам собираются на шабаши, вылетая из дома через печную трубу на помеле. Немало рассказов связано со способностью ведьмы превращаться в животных — кошку, собаку, свинью.

Знахарки, в отличие от ведьм, старавшихся остаться в тени, напротив, не скрывали свое ремесло. При этом они стремились

подчеркнуть свою связь с христианством, с церковью, используя церковную атрибутику: иконы, молитвы, крестное знамение. Применяемые ими традиционные заговоры обычно начинались и кончались словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь». К знахарке часто обращались с просьбой снять сглаз или порчу. Чтобы сделать это, она использовала всевозможные заговоры, однако основным средством были травы. Начинаящая знахарка должна была знать не менее 12 трав, а искусные знали от 70 до 90 трав.

В своей практике знахарки обращались к могучим силам природных стихий: воды, земли, огня и растительности. Древнее народное представление наделяет их необычными, в том числе и целебными, свойствами. Почитание этих четырех стихий было издревле свойственно славянам. Привыкший соблюдать древние обычаи русский человек, почитая таинственную, священную силу огня, не осмеливался не только плюнуть в горящий огонь печи или костра, но и потушить его, предоставляя ему погаснуть самому. Мало кто осмеливался бросить в горящую печь вычесанные волосы или перешагнуть через костер. Нарушение этих правил могло вызвать головную боль, а в худшем случае — виноватый начинал чахнуть и сохнуть.

Распространенным было поверье, что особой силой обладает *чистый, живой* огонь, добытый путем трения дерева об дерево. К такому огню прибегали для спасения от эпидемий. Крестьяне гасили какой бы то ни было огонь в деревне, затем разжигали живой огонь, и уже от него возжигали огни во всех деревенских домах. Особенное распространение этот обычай получил в области Новгорода Великого и в исторически связанных с ним севернорусских районах.

Через живой огонь старались провести весь скот деревни в случае эпизоотии. Огнем знахари лечили некоторые болезни, включая детские. Очистительная, оплодотворяющая сила огня использовалась в народных календарных обрядах. Достаточно вспомнить купальский обряд перепрыгивания через костер. Немало крестьянских обычаев связано с культом до-

машнего очага: ему приносились жертвы, домашний огонь переносили в новый дом из старого при новоселье и т.п.

Особое почитание воздавалось земле, воспринимавшейся в народе как живое женское существо. На землю нельзя было плевать, ударять, бить ее. Тот, кто поступал так, рисковал, что на том свете также будут бить его мать. Считалось, что, упав на землю, человек ушибал ее, за что земля могла наказать болезнью.

Чтобы выздороветь, заболевший должен был вернуться на место падения и попросить у земли прощение. Особенно почтительно нужно было относиться к земле весной — в это время земля беременна. Также осторожным в отношении с землей нужно было быть в Духов день и в Успенье; в это время земля — именинница. Во время сева и жатвы земле приносили жертвы; к ней прибегали для гадания о будущем урожае; земля и сама давала знать о времени сева или сбора урожая. Например, цвет черемухи говорил о том, что пора сажать пшеницу; цвет можжевельника — ячмень; если зацвели яблони — пора сеять картофель и т.п.

Не меньшим почитанием в народе пользовалась еще одна природная стихия — вода. Особенно ценились священные источники — ручьи, ключи, озера, считавшиеся целебными. К знаменитым источникам, как, например, в Троице-Сергиевой лавре, люди стекались из многих областей, ближних и дальних. У святых источников зачастую строились часовни и церкви. Помимо этих, освященных церковью источников, существовали и не признанные церковью известные народу под названием *проци*. Прочи находились под покровительством Святой Параскевы-Пятницы, которую почитали каждую пятницу и особенно в десятую пятницу по Пасхе и последнюю Ильинскую перед Ильиным днем. Параскеву-Пятницу, как ни одну другую святую, принято было изображать изваянной из дерева.

О многих священных источниках повествуют легенды. Одной из самых известных является легенда о граде Китеже, связанная со знаменитым святым озером — Светлоярм. Китеж, стоявший на месте теперешнего озера, опустился на его дно, когда татары

подступили к городу. Силы были неравны, и жители, чтобы не сдаваться врагу, по молитве вместе с городом ушли под воду. Но город, как утверждают верующие, не умер, а продолжает жить под водой, и некоторые из паломников после усердной молитвы видят его белые купола, а иногда и слышат звон колоколов.

Энергию воды использовали знахари и колдуны для усиления заговоров, произносимых над сосудом с водой, выпив которую, можно было выздороветь или, напротив, заболеть в зависимости от цели наговаривающего. Во многих русских районах женщины лечили своих детей от сглаза, наговорив предварительно заговор в ковш с водой и умыв ребенка этой водой. В сосуде с водой знахарь или колдун высматривал преступника, причинившего вред человеку, обратившемуся к чародею за помощью. С помощью сосуда с водой гадали девушки под Новый год, о чем подробнее говорилось выше.

Для подобных целей старались брать не простую, а святую воду, т.е. освященную церковью или взятую из святых источников. Особой силой обладала вода, взятая из семи, еще лучше из двенадцати колодцев. Однако и простая вода в реке считалась целебной в определенные периоды, например, во время весеннего ледохода. В это время девушки сбегали к реке, стремясь умыться талой водой, чтобы очиститься и быть красивой. Целебной становилась вода в праздник Ивана Купалы, когда старались облить ею друг друга. В магических целях вызывания дождя обливали водой священника.

Сверхъестественные свойства в народном сознании приписывались и растительному миру. Достаточно вспомнить о том религиозно-магическом значении, какое придавалось в народной медицине травам. В них зачастую ценились не столько фармацевтические свойства, сколько магические, т.е. способность отпугивать нечистых духов. Во многих русских районах выделяли в этом отношении полынь, которую нередко носили как амулет. Большая магическая сила приписывалась и одолень-траве.

Магическая сила трав усиливалась в период определенных календарных праздников, в первую очередь это касалось праздника

летнего солнцеворота — Ивана Купалы. Сорванные в купальскую ночь травы считались особенно целебными. Это касалось не только трав, но и деревьев. В день Ивана Купалы старались на весь год заготовить березовые веники для бани, которым также приписывались особые целебные свойства. А кроме того, старались истопить баню и попариться с новым березовым веником, на который «сбрасывали» болезни. После мытья веник выкидывали в реку; по нему гадали о предстоящей судьбе: если веник тонул — к смерти. Не менее ярко культ березы проявлялся еще в одном весеннем празднике — Троице, о котором говорилось выше. Сорванными и освященными в церкви в этот день ветвями березы в профилактических целях украшали стены жилищ.

К числу почитаемых деревьев, кроме березы, относились рябина, сосна и в меньшей мере ель. Однако, кроме чтимых, были деревья, считавшиеся нечистыми. Например, осина, которую считали проклятым деревом, так как на осине, по преданию, удавился Иуда, предав Христа (Зеленин, 1937).

Помимо проклятых деревьев, по народным представлениям, существовали и так называемые *буйные* деревья, которым приписывалась особая, разрушительная сила. Если такое дерево использовалось при строительстве, дом должен был рухнуть на домочадцев или принести какое-либо другое несчастье. Даже одна щепка от такого дерева обладала разрушительной силой. Распознать такое дерево среди других в лесу мог только колдун или опытный плотник. Помимо роковых, несчастливых деревьев, в лесу можно встретить и деревья, обладающие целебной силой. Корой таких деревьев лечили зубы; сквозь дупло такого дерева протаскивали больных, чаще детей, считая, что таким образом дерево принимает на себя болезнь. К целительным деревьям приносили дары — лоскутки и ленточки.

Подобное отношение к деревьям становится понятным в свете анимистических представлений. Деревья мыслились живыми, чаще антропоморфными существами, которые, как и люди, могут быть подвержены влиянию (одержимости) добрыми или злыми духами.

Мифологические образы в русских народных верованиях, как и подобные образы в религиозных представлениях многих других народов, восходят к глубокой древности. М.В. Ломоносов, попытавшись систематизировать русские мифологические образы, сопоставил их с подобными образами древних греков и римлян. Большое влияние на формирование образов этой «низшей» мифологии оказало христианское учение. Под его влиянием мифологические образы приобрели демонический характер. Во главе всех злых сил был поставлен Сатана, образ которого также сформировался под влиянием христианства.

Рассказы о мифологических существах, в том числе и традиционные былички, бытуют и в настоящее время. За последние годы значительно увеличилось число записей быличек и бывальщин (см. Мифологические рассказы...). Среди них рассказы о демонических существах: лешем, дьяволе, водяном, русалках. Много рассказов о колдунах, оборотнях; сравнительно активно бытуют былички о порче. Конечно, рассказывание быличек и других суеверных рассказов нередко стимулируется собирателями и потому число мифологических рассказов отражает не только истинную картину их бытования, а еще и интерес к ним современной науки в лице этнографов, фольклористов и религиоведов. Однако, как ни оценивать имеющиеся записи, само число их, безусловно, свидетельствует, что этот жанр народного творчества в той или иной форме продолжает существовать и в наши дни. Более того, в настоящее время рассказы о сверхъестественных существах можно услышать не только в деревне, но и в городе. В последние годы участились сообщения такого рода в отечественной прессе и в передачах по телевидению. Конечно, не обходится без влияния Запада, где такого рода сообщения стали давно привычными. С Запада пришло к нам и название одного из распространенных феноменов — *полтергейст*. Однако западным влиянием можно объяснить повышенный интерес к такого рода сообщениям, но не сами

рассказы о чудесах, появляющихся в том или ином пункте (Дмитриева, 1994. С. 105).

В конце 1980-х годов всю страну облетело сообщение об «отечественном полтергейсте», появившееся в газете «Труд» за 5 октября 1988 г. Речь шла о невидимом духе, объявившемся в одном из московских общежитий и названном *барабашкой*. Обнаружил он себя стуком. Девушки наладили контакт с ним, условившись, что один стук означает «да», а два стука — «нет». Барабашка угадывал, сколько букв в именах журналистов, который в данное время час; позже он стал будить девушек в нужное время по утрам и даже мог приготовить завтрак. В публикации той же газеты от 19 октября 1988 г. говорилось, что девушки, заявившие о барабашке, исчезли из общежития. Позже они объявились в одном из казахстанских поселков вместе с барабашкой. Интервью с ними было показано в новогоднем (1 января 1989 г.) выпуске передачи «Очевидное — невероятное». Интервью, наряду с журналистами, вели научные сотрудники Отдела теоретических проблем Академии наук, причем в нем принимал участие и невидимый барабашка. На этот раз стук барабашки слышали миллионы телезрителей. В дальнейшем барабашка исчез из поля зрения журналистов. Позже появилось сообщение о том, что девушки вынуждены были уехать из поселка, так как местные жители «записали их в колдуньи». Однако само имя *барабашка* осталось за названием феномена, означающего наш, отечественный, полтергейст.

Рассказы о проделках невидимых духов, получивших общее название *барабашки*, продолжают появляться на страницах газет, на радио и телевидении. Духи, подобные барабашке, нередко проявляют агрессивность по отношению к человеку: ударяют его по голове и другим частям тела, щиплют его, разбрасывают и рвут его вещи. Бывают и более серьезные травмы: появление неизвестно откуда взявшихся камней и водяных струй в доме, удары током и т.п.

Сопоставление подобных рассказов с традиционными быличками показывает, что подобные духи, вернее, представления о них, имеются в русской мифологии. Одним из самых распро-

страненных среди русских было представление о *кикиморе*, название которой варьируется: *шишимора*, *мара*, *омрок*, *моровица*, *шишига* и т.п. Этим именем чаще всего обозначали невидимого домового духа, сидящего за печкой. Ночью, когда хозяйка спит, она проказит с веретенами, прялкой и пряжей, если хозяйка забыла осенить эти предметы крестом. В одной из вологодских деревень рассказывали о кикиморе, которая ходила по полу ночи напролет, стучала ногами, гремела посудой, звенела чашками, била посуду. Хозяева вынуждены были уйти из дома и не возвращались в него до тех пор, пока не пришли в деревню сергачи с плясуном-медведем. Когда, испугавшись последнего, кикимора покинула дом, хозяева вернулись. Нередко образ кикиморы сливался с образом домового. В некоторых русских районах кикимору считали женой домового. Домовой, будучи в целом благожелательным для хозяев духом, рассердившись, начинает проказить, подобно кикиморе: ущипнет, насажает синяков, спрячет какую-нибудь вещь, поднимет в доме шум. Считалось, что на Иоанна Лествичника (30 марта) домовый бесится; на Ефрема Сирина домового закармливают, подавая ему кашу на загнеток.

Конечно, полного совпадения старых и новых быличек нет и быть не может. Изменившиеся реалии жизни не могли не сказаться на трансформации ряда мотивов. Например, в традиционных быличках привидения нередко появлялись в тарантасе или на тройке сбубунцами. Теперь они пользуются автомобилем. Такое привидение в автомобиле видят, а вернее, слышат прохожие в районе Патриарших прудов в Москве (Дмитриева, 1994. С. 101).

Некоторые портретные черты лешего русских быличек можно увидеть в современных рассказах о снежном человеке или, как его еще называют, диком, лесном человеке. Как следует из большинства рассказов, снежный человек предстает мужчиной очень высокого роста, густо заросший шерстью, с развитой мускулатурой, горящими глазами, непропорционально длинными руками. Особенно важна такая черта в характеристике облика снежного человека, как его остроголовость, на которую указывают

большинство источников о нем. Именно эта особенность в демонологических представлениях считается одной из основных в характеристике многих представителей нечистой силы, в том числе и лешего. Подобно лешему, снежный человек внезапно появляется перед путником, вызывая ужас и оцепенение, и также неожиданно и быстро исчезает, поражая легкой, почти летящей походкой. В пользу правомерности сравнения этих двух персонажей служит тот факт, что, несмотря на многочисленные поиски останков и лежбищ снежного человека, усилия в этом отношении не увенчались успехом. Исследователи признаются, что до сих пор нет четкой фотографии этого существа.

Некоторые исследователи ставят снежного человека в один ряд с неопознанными летающими объектами (НЛО) и другими «чудесами XX века». В некоторых НЛО-навтах, как их изображают «очевидцы», легко узнать очень высокое, остроголовое, мохнатое существо, знакомое нам по рассказам как о снежном человеке, так и о лешем.

С упоминанием НЛО-навтов мы коснулись, пожалуй, самой обширной области, связанной с «чудесами XX века». В настоящее время энтузиастами и специальными научными центрами накоплены сотни тысяч сообщений и свидетельских показаний, десятки тысяч фотографий НЛО. Исследованием НЛО занимаются десятки формальных и неформальных групп в Москве, С.-Петербурге, Киеве, Харькове, Новосибирске, Томске, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Львове, Туле, Владивостоке, Баку, Тбилиси, Таллине, Вильнюсе и других городах. На ВВЦ (бывшем ВДНХ) была создана постоянная экспозиция НЛО в павильоне «Космос». Среди посетителей экспозиции немало очевидцев НЛО, оставляющих свои свидетельства в книге отзывов. Также многочисленны интервью, статьи и книги, посвященные НЛО.

С НЛО связывают разнообразные феномены. Помимо неопознанных летающих объектов, в феномены НЛО включают рассказы *контрактеров* — людей, находящихся, по их утверждению, в контакте с пилотами НЛО или другими инопланетянами; случаи полтергейстов — привидений, призраков, монстров,

связанных с НЛО; свидетельства мифологической, религиозной и теософской литературы, в которых говорится об ангелах, гномах, эльфах и т.п. существах.

Нередко образы НЛО-навтов так, как они изображаются «очевидцами», весьма напоминают чертей и прочих представителей нечистой силы. Это человечки с рогами, с шестипалыми конечностями; маленькие человечки с большой шарообразной головой и без лица или вообще без головы, человечки-химеры с лицами, напоминающими крысиные морды. Наиболее часто встречающаяся черта в характеристике пришельцев — необыкновенно длинные ноги и руки до колен. Некоторых пришельцев видят с крыльями за плечами. Известно, что крылатым часто изображался и черт.

Общим для традиционных и современных рассказов о сверхъестественных (мифологических) существах является представление о том, что встречи со сверхъестественными существами часто заканчиваются для человека трагически; он или умирает, или заболевает тяжелой болезнью, или сходит с ума. Особенно красноречивы в этом отношении былички о порче.

Мотив о том, что встреча со сверхъестественными существами кончается, как правило, тяжелой болезнью и преждевременной смертью, характерен и для рассказов, связанных с НЛО. На это обстоятельство обратили внимание не только ученые, но и медики. При Институте физкультуры в Москве была создана специальная лаборатория для оказания врачебной помощи людям, пострадавшим от феноменов НЛО.

На то обстоятельство, что встречи с НЛО-навтами кончаются болезнью для контактеров, обращают внимание и современные священнослужители. В пилотах НЛО, явлениях полтергейста, во всевозможных магических сеансах священники видят явления духовных существ, издавна известных человечеству. Это все те же древние лукавые существа, которые морочили голову нашим предкам в виде уродцев с рожками и копытцами, а теперь являются во всеоружии современной космической техники представителями инопланетных цивилизаций.

Независимость возникновения обеих групп рассказов позволяет предположить некий общий источник их формирования. Церковь считает этим источником сатану (дьявола) и его многочисленных слуг — бесов, вечно соблазняющих человека. Главное их свойство — легко изменять свой облик, в зависимости от обстоятельств. Отсюда многообразие принимаемых ими образов. Однако цель неизменна — соращение человека с пути истинного с тем, чтобы сделать его слугой дьявола. С точки зрения многих ученых, интересующихся проблемами НЛО, источник рассказов об НЛО — во внеземных цивилизациях.

Этнологический аспект изучения позволяет полагать, что в основе как традиционных, так и современных рассказов о встречах со сверхъестественными существами лежат народные представления, уходящие корнями в мифологическую древность.

Глава десятая

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Народное искусство — коллективное творчество этноса на всем протяжении его истории — непосредственно и прямо связано с предметной средой, которую оно не только эстетизирует, как всякое декоративное искусство, но и одухотворяет потенциалом творчества многих поколений народных мастеров, отразивших процесс художественного освоения мира этносом. Будучи синтезом материальной и духовной культуры, материализуя в предметах быта мировоззрение этноса, народное искусство соединяет ремесло с художественным творчеством в процессе производства изделий. От всех других видов искусств народное отличает в первую очередь этническая традиционность. Художественная традиция, на которой зиждется народное искусство, — это определенный комплекс изобразительных средств: образно-сюжетный, композиционный и колористический строй с набором технологий и инструментария, свойственный лишь данному народу, отражающий его этническую историю.

Русское народное искусство базируется на художественной традиции, сформировавшейся в Древней Руси (Рыбаков, 1971. С. 8) и уходящей корнями в древнеславянское искусство (Василенко, 1977), которое соприкасалось на пути исторического развития со скифо-сарматским (Рыбаков, 1971. С. 14; Городцов, 1926). В сложных взаимовлияниях древнерусского искусства

на протяжении веков с искусством Византии, Запада и Востока сформировался строй русской художественной традиции, которая затем развивалась на протяжении столетий во взаимодействии с художественными культурами многих народов Европы и Азии.

Татаро-монгольское нашествие в XIII в. прервало развитие народного искусства. Угон в Орду ремесленников, разорение городов — центров художественных ремесел и промыслов с мастерскими, объединявшими мастеров разных поколений, что способствовало сохранению, передаче и развитию художественных традиций, обрекали народное искусство на гибель. Только на Северо-Западе Руси в Новгородских и Псковских землях, не подвергшихся иноземному игу, оно еще сохранялось. Развитию народного творчества, как и всем сферам народной жизни, был нанесен огромный урон.

После освобождения Руси начинают оживать традиционные производства, в том числе художественные. Для восстановления разоренных храмов нужны были иконы, церковная утварь, облачения для священников. Возрождались иконопись, лицевое и золотое шитье, ювелирное мастерство и многие другие высокохудожественные ремесла. С середины XIV в. в Москве развивается литье колоколов и пушек, которые художественно оформлялись народными мастерами. Оживляются ремесла в междуречье Оки и Волги. Но некоторые художественные производства так и не восстановились, например, перегородчатые эмали или белокаменная и рельефная резьба с зооморфными, антропоморфными и растительными мотивами, известная по архитектурным памятникам Владимиро-Суздальской земли.

В XVI в. лучших ремесленников из разных регионов России собирают в Оружейной палате, где они не только украшали оружие и утварь, но и изготавливали декоративные предметы. В XVII в. сложились центры производства художественных изделий, поставлявшие свою продукцию на рынок: Ярославль, Великий Устюг, Нижний Новгород, Холмогоры и др.

С конца XVII и особенно начала XVIII в. произошло резкое разграничение материальной культуры крестьян и привиле-

гированных слоев общества, которые подражали в то время западному образу жизни. Это привело к выделению двух групп промыслов. *Одни* обрабатывали наиболее дешевые, широко доступные материалы: дерево, бересту, глину, железо, лен, шерсть, изготовляя из них традиционные предметы для трудового люда. *Другие* — дорогие материалы: золото, серебро, моржовую кость и т.п. В этих промыслах изделия старых и новых форм создавались с использованием новейших декоративных средств и технических приемов. Предметы из традиционных и нетрадиционных для народного искусства материалов производились в основном по иностранным образцам.

Таким образом, развивались *два* направления в народном искусстве. *Первое* шло в русле древних народных традиций, *второе* отходило от них, хотя вековой опыт народных мастеров проявлялся в придании, где это было возможно, русского народного стиля заказным изделиям, не соответствовавшим русским художественным традициям (Русские художественные промыслы. С. 21—22). Между двумя группами промыслов начался процесс постепенного взаимопроникновения отдельных элементов образно-сюжетного, композиционного и колористического строя, а также техники обработки материалов.

В XIX в. развивающаяся промышленность начинает теснить ремесленное производство и соответственно народное искусство, зыждящееся на ручном труде. Отмена крепостного права вызвала к жизни новые народные художественные производства, куда устремилась энергия освобожденных крестьян. Вновь созданных художественных производствах, возникших на почве нехудожественных или малохудожественных ремесел, таких, как скопинский гончарный, богородский или кудринский деревообрабатывающие, в трансформированном виде проявлялись древние этнические традиции, в чем, в частности, выражалась закономерность развития народного искусства. Сохранить народное искусство помогли земства, творческая интеллигенция и вся демократическая общественность России.

Большую роль в развитии народного искусства играли художники, служившие в земствах, и кустарные техники, работавшие

с кустарями. Земства поддерживали кустарную промышленность в целом, стараясь повысить занятость населения, поднять уровень его благосостояния, особенно в нечерноземных районах. Они открывали ремесленные школы, склады и магазины кустарных изделий, устраивали выставки с продажей предметов народного искусства, которые наряду с публикацией научных и популярных статей, альбомных изданий и чтением лекций формировали общественное мнение, определенные вкусы и моду на изделия мастеров народного искусства.

Война, начавшаяся в 1914 г., прервала развитие народных художественных промыслов. Возродились они лишь в период нэпа в многочисленных артелях и в форме индивидуальной трудовой деятельности.

С 1930-х годов, с процессом коллективизации, исчезает индивидуальная деятельность мастеров народного искусства и резко сокращается количество артелей, которые после Великой Отечественной войны постепенно превращаются в фабрики художественных изделий. Здесь сохраняются ручной труд и художественное творчество мастеров, но условия развития искусства далеко не оптимальные. В настоящее время на таких фабриках, объединяющих в старинных центрах народного изобразительного творчества многих прекрасных мастеров-художников, создаются традиционные изделия. Вместе с тем возобновилась индивидуальная работа мастеров на заказ и на рынок, а также возникли их объединения в различные товарищества, напоминающие артели начала 20-х годов.

* * *

Еще в XV—XVI вв., в эпоху создания Русского государства, с хозяйственным освоением новых земель и складыванием рынка, сплотившего торговыми связями старые и новые центры художественного ремесленного производства, ярко проявилась вариативность единой этнической художественной культуры русского народа. Расселение русских на обширных просторах от Ледовитого океана до Черного моря и от Балтийского моря до Тихого океа-

на обусловило формирование многих локальных вариантов народного искусства, его художественной традиции. Однако при всем разнообразии этих вариантов в Европейской части России можно выделить две зоны: черноземную и нечерноземную (лесную). Между этими зонами расселения северно- и южнорусских лежит переходная среднерусская зона, в народном искусстве которой проявляются в органическом единстве черты, свойственные искусству и северного, и южного регионов России.

В Сибири, на Алтае и Дальнем Востоке своеобразие ярких локальных художественных культур связано с процессами миграции компактных групп этноса из Центральной России. В художественной культуре русских Забайкалья, Приангарья, Западной Сибири и Алтая проявляются традиции тех регионов, через которые пришлось продвигаться переселенцам в процессе их сложных и длительных миграций.

На территории всех этих зон существовало и существует необычайное разнообразие вариантов народной художественной традиции внутри отдельных видов изобразительного творчества, что связано с наличием разных природных материалов, определявших в значительной степени технологию их обработки при производстве художественных изделий. Вместе с тем большую роль играли взаимовлияния с соседствующими народами, искони обрабатывавшими эти материалы.

Отдельные виды народного искусства возникли и развиваются в одном-двух центрах, например, древнейший косторезный или «молодой» — подносный. Другие же виды народного искусства были распространены во всех регионах проживания русских. Например, художественное ткачество или вышивка.

* * *

Из древних и повсеместно широко распространенных видов народного искусства художественное ткачество, вышивка, кружевоплетение прошли сквозь века и развиваются в наши дни в отдельных центрах, а также как любительское занятие. В быту русских в прошлом большое место занимало художе-

ственное ткачество — изготовление узорных тканей из льна и шерсти (Лебедева Н.И., 1956). Среди крестьянок Рязанского, Воронежского и ряда других южнорусских, а главным образом северных и северо-западных регионов России было распространено домашнее ткачество. На заказ и на рынок шли как обычное полотно, так и узорные — фактурные и многоцветные ткани. Изготовление декоративных вещей для своей семьи в XIV—XVII вв. повсеместно существовало в виде домашних промыслов. На рубеже XIX—XX вв. в тех районах, где домашние промыслы уже не бытовали, оно сохранялось как дань традиции, обрядовой стороне жизни. Женщины изготовляли традиционные вещи для свадебного и похоронного обрядов. В этом, в частности, проявлялась глубокая связь народного изобразительного искусства с обрядами в семейной и общественной жизни.

Художественное ткачество Севера Европейской части России характеризуется тем, что цветным узором украшалась относительно небольшая часть изделия, обычно его край (кайма скатерти, концы полотенца, подол рубахи, край полога и т.д.), основное поле оставалось гладким, белым. В древности узоры

Вязание и ткачество:

а) вязаные чулки с орнаментом, б) тканые пояса (Европейский Север)

имели магическое значение. Они служили оберегами — охраняли человека; поэтому и на одежде, и на предметах быта их размещали в соответствии со сложившейся традицией.

Благодаря этому принципу соотношения украшенных и свободных от узоров частей изделия и размещению узоров создавался определенный декоративный строй, строгий и монументальный. Изделия ручного ткачества Русского Севера при всей их нарядности производят впечатление сдержанности, известной лаконичности. Узоры обычно красные, на белом или сером поле, или белые на белом, орнамент чрезвычайно разнообразен. В геометризованных тканых узорах представлены зооморфные, антропоморфные и растительные мотивы. Чаще всего среди них встречаются женская фигура с упертыми в бока руками и фигура оленя с ветвистыми рогами, многочисленны узоры с изображением чисто геометрических мотивов, в которых более всего представлен ромб (ромбовидная сетка во всевозможных вариантах) (*Королева, Кожевникова, 1970*).

В настоящее время производство традиционных тканей северного региона сохраняется в Череповце. Череповецкие скатерти, салфетки, занавески используются для украшения жилого интерьера. В современных изделиях северного ткачества присутствует нередко черный цвет в сочетании с белым, оранжевым, желтым, зеленым и фиолетовым.

Если на Русском Севере изделия художественного ткачества предназначались главным образом для интерьера, а не для одежды, которая, как правило, щедро украшалась вышивкой, то в южном регионе узорные ткани изготовлялись в основном для одежды. Наиболее широко известны ткани Рязанского края — для шушпанов и Воронежского — для понёв.

Белые с красными полосами разной величины по подолу и на рукавах шушпаны и гармонирующие с ними по декору рубахи и запоны (фартуки) делались из специальных тканей. Традиции этого ткачества используются в производстве новых изделий для интерьера. Декоративное решение ковров, занавесей, чайных скатертей, выпускаемых в Рязанской области, строится на

чередовании узорных полос разной ширины в той же яркой гамме и с теми же узорами, которые вошли в традицию рязанского ткачества издревле (Сапожковское народное ткачество).

Совершенно иные локальные традиции развивались в узорном ткачестве Воронежской области (с. Таловая и Елань-Колено). Здесь на основе традиций изготовления клетчатых шерстяных тканей для понев и полосатых льняных для рубах, запонов, навершников, входящих в красочный комплекс воронежского народного костюма, развилось производство декоративных изделий для интерьера (покрывала, коврики, дорожки), завоевавших признание как у горожан, так и у сельского населения.

Среди текстильных промыслов важное место занимает вышивальный, связанный в первую очередь с украшением костюма, а также предметов интерьера и отдельных утилитарно-бытовых

Вышивка:

- а) ворот рубахи,*
- б) полотенца (Северное Приуралье, конец XIX — начало XX в.)*

изделий. Вышивание было одним из древнейших и самых распространенных до недавнего времени женских домашних занятий. В XIX в. не только крестьянки, но и горожанки (из дворян, мещан, духовного сословия и других слоев населения), как ранее (в XIV—XVI вв.) боярышни и царевны, занимались вышиванием.

Для Русского Севера была характерна вышивка *росписью* — двусторонним швом нитками красного цвета по белому фону. В мотивах этой вышивки наиболее ярко отражены мифологические воззрения русского народа, уходящие в глубокую древность. Образно-сюжетный строй — это фигура женщины (или заменяющего ее древа жизни) с предстоящими конями, птицам или всадниками, а также изображения барсов, львов, архитектурного пейзажа и ладьи. Композиция строго симметрична: трехчастная или усложненная — пяти-семичастная. Все в этой вышивке представляет собой архаический пласт русского народного искусства. Такой вышивкой украшались подзоры, края пологов, полотенец, столешниц-скатертей и женской одежды. С середины XIX в. в этом регионе все шире распространяется существовавшая и ранее с *росписью* красным по белому, белая строчевая сквозная вышивка.

В центральных губерниях России, в частности в Рязанской, Тамбовской и Калужской, бытовала древняя полихромная (многоцветная) вышивка с геометрическим орнаментом. Преобладающие в ней красные тона сочетались с зелеными, синими, желтыми, черными. Среди геометрических фигур были распространены ромбы, квадрат, розетка. Выполнялась эта вышивка *набором* — особым видом шитья по счету нитей основы, а также счетной гладью и цветной перевитью, т.е. перевиванием продернутой сетки (ткани с выдернутыми отдельными нитями) цветными нитками.

Особое место в искусстве вышивки занимало с XVI в. золотое шитье — вышивание металлическими нитями по дорогим тканям. Украшались такой вышивкой главным образом предметы церковного, царского и боярского обихода. В XV—XVI вв. очень тонкую золотую или серебряную проволоку (*волоченное золо-*

то), как и шелковые нити, перевитые тончайшей серебряной позолоченной проволокой (*пряденое золото*), привозили из Европы, хотя отдельные попытки отечественного изготовления этих нитей уже были. С XVIII в., когда появилось отечественное производство металлических нитей (в том числе и медных позолоченных), вышивание ими широко распространилось среди крестьян и разных слоев городского населения (*Маслова, 1978. С. 39*). В XVIII — начале XIX в. золотым шитьем в крестьянском костюме украшались пояса, наплечные и головные платки, ширинки, рубахи, наволочки и более всего — женские головные уборы. Украшались им также налобники-наголовники детских нарядных пеленок, в которых носили детей к причастию (*Маслова, 1984. С. 104*).

В отдельных районах, как, например, в Ямской слободе г. Торжка, вышивание металлическими нитками превратилось в промысел. Женщины слободы и мещанки г. Торжка украшали вышивкой на заказ и на рынок предметы церковного обихода и традиционного костюма, кошельки, кисеты, сафьяновые туфли и сапожки. С середины XIX в. золотошвейное дело сокращается, и к концу века центры его ремесленного и кустарного производства исчезают. Угасает и промысел в г. Торжке. Однако усилиями земских деятелей золотошвейное дело в Торжке возрождается с помощью учебно-показательных мастерских, на основе которых уже в 1930-е годы были созданы золотошвейная профтехшкола и артель. Промысел существует и в настоящее время.

В XIX в. большую роль в развитии вышивки и превращении ее из домашнего занятия в ремесло и кустарный промысел сыграли помещичьи и монастырские мастерские. В монастырях вышивка на религиозные сюжеты, в том числе *лицевое шитье* и украшение облачения священников, издавна достигала высокого художественного уровня. Крестьянки и горожанки, проживающие в округе монастырей, заимствовали технические приемы, отдельные элементы орнаментов и колористические решения монастырской вышивки, обогащая традиции вышивального искусства.

В помещичьих мастерских, обслуживавших нужды помещья, а также изготавливавших продукцию на заказ и на рынок,

ощущалось влияние вышивального искусства народов Европы, в первую очередь в области техники шитья. Это обогащало и разнообразило искусство вышивания, а главное стимулировало поиск новых декоративных решений в русле традиции. Так развилась белая гладевая вышивка на тонком полотне и батисте во Владимирской губернии, в частности, в слободе Мстере. В Новгородской губернии широкую известность приобрел промысел *крестецкая строчка*, а в Нижегородской — *гилюры*. На основе художественных традиций центральных и южнорусских губерний развился промысел яркой вышивки с геометрическим орнаментом (на юге Рязанской области) и цветной перевити (в Калужской).

В наши дни, несмотря на трудности, стоящие перед производителями художественных изделий, эти виды народного искусства успешно развиваются. Потомственные вышивальщицы обучают молодых девушек и техническим приемам, и образно-сюжетному строю традиционной вышивки. Поэтому современные мастера, не копируя вышивку XIX в., создают произведения подлинно народного искусства. Легкая белая гладь сохраняется в Мстере, Палехе и Холуе Владимирской области. Вышивальщицы, выполняя строчевые изделия, вводят в них иногда цветную нить, что было характерно для вышивки Верхнего Поволжья. В Новгородской области изготавливают изделия с традиционной крестецкой строчкой из плотно перевитых, рельефно выступающих нитей узора по крупной выдернутой сетке. Значительно обогатилась цветная перевить Калужской области, сохраняющая близость к древним образцам народного искусства этого края. Здесь, на Тарусской фабрике, выполняют вышивки со сложным композиционным решением узора: сочетание геометрического орнамента с фигурами людей, птиц, животных.

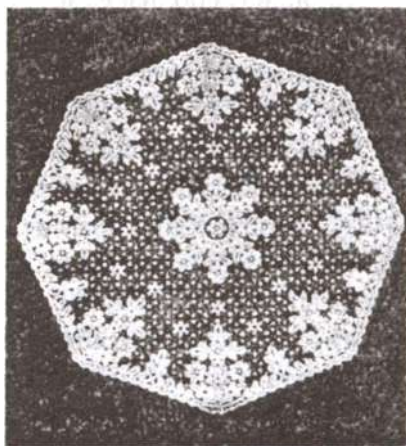
В настоящее время вышивкой украшаются не только платья, блузки, но и носовые платки, предметы убранства интерьера: скатерти, салфетки, занавески, дорожки и т.п. Так, наравне с изделиями ручного узорного ткачества, древнее мастерство вышивки вошло в современный быт как часть художественной культуры народа.

Кружевоплетение известно у русских с XVII в. Первоначально кружева плели из металлических нитей и лишь с XVIII в. из льняных, но часто с добавлением шелковых нитей. Кружевоплетение, как и вышивание, было распространенным женским занятием во всех социальных слоях русского общества. Значительную роль в формировании художественных традиций русского кружевоплетения сыграли основанные в XVIII в. вотчинные и монастырские мастерские, в которых произошел своеобразный сплав некоторых технических приемов западноевропейского кружевоплетения с русским мастерством изготовления кружев и русских художественных традиций вышивки и узорного ткачества.

Для ранних русских кружев конца XVII — начала XVIII в. характерны геометрические фигуры: ромб (в разных вариантах), треугольники и зигзагообразные полосы. Позже, в середине XVIII в., узоры кружев усложняются. Но с XVII до XX в. сохраняется ряд одних и тех же характерных мотивов и способов их воплощения. Основными районами кружевоплетения как промысла были Вологодская, Архангельская, Новгородская, Орловская, Рязанская и Казанская губернии.

В настоящее время в разных районах Вологодской области изготавливаются мерное парное кружево (плетущееся с помощью большого количества коклюшек) и штучные изделия сцепного плетения: воротники, салфетки, дорожки, накидки, сухарницы, подстаканники, косынки, а также огромные занавеси и шторы. Из узоров, ставших традиционными для вологодского кружева, характерен узор *велюшка*, при помощи которого строится и кайма, и все остальные узоры, включая фигуры людей и животных.

В районах Липецкой области, особенно в Елецком, изготов-

Вологодские кружева (скатерть)

ляются в основном мелкие штучные изделия: воротнички, оплеты для носовых платков и салфеток и т.п. Плетутся также круглые скатерти, салфетки, тонкое парное кружево. Если для Вологодского кружева характерна четкость узоров, то для Елецкого — нежная тонкость плетения.

В Кировской области (г. Советск, бывшая слобода Кукарка Вятской губернии и в ряде других районов этого края) традиционно вырабатывались и мерные кружева, и штучные изделия того же характера, что в Вологодской и Липецкой областях. Вятское кружево отличается контрастностью сочетания рельефных плетеных элементов узора с более легкими.

Особняком среди других видов кружев стоит цветное Рязанское, которое по колориту и композиции узоров близко к народной вышивке. Численные по технике плетения, цветные рязанские кружева имеют простой геометрический орнамент из прямоугольников и полосок разного цвета; кайма состоит из ромбиков, треугольников, трапеций и круглых выступающих узоров, чередующихся с интервалами ровного края. В г. Михайлове Рязанской области делают полотенца, дорожки, занавеси, скатерти, украшенные этим кружевом. В Кадомском районе изготавливают шитые иглой филейные кружева.

Кружево использовалось вместе с вышивкой, узорным ткачеством, лентами, бусами и другими элементами в народном костюме в едином декоративном решении (*Шмелева, Тазихина*. С. 80—124).

Ковроделие, как вид традиционного народного производства, у русских было гораздо менее развито, чем ткачество, вышивка и кружевоплетение. Ткались ковры на горизонтальном и вертикальном ткацких станах: на горизонтальном — безворсовые (паласы), на вертикальном — ворсовые. Для производства ковров употреблялись шерстяные нитки и толстая льняная пряжа. На горизонтальном стане техника изготовления гладких ковров не отличалась от обычного узорного ткачества. В процессе работы ковровщица лишь меняла челноки с пряжей различных цветов. На вертикальном стане мастерицы завязывали ряды узлов

с последующим пропусканием утка и подстриганием ковра. Изготавливались и махровые ковры (с длинным, «пучками» лежащим ворсом). Еще в XVI—XVII вв. коврами украшались парадные сани, покрывались лавки, сундуки; ковры использовались в обрядах населения южнорусских губерний.

Одним из центров ковроделия была Курская губерния, где сначала в семьях крестьян-однодворцев, а затем и в среде городского мещанства развилось домашнее производство безворсовых ковров, со второй половины XVIII в. превратившееся в промысел. В первой половине XIX в. здесь возникают помещичьи ковроткацкие мастерские и начинается широкое производство ворсовых ковров. Курские ковры по мотивам узоров определяются специалистами как *цветочные*. Обычно на черном фоне (реже на «поле» другого цвета) изображены букеты, гирлянды, разбросанные розы красного и розового цвета различных оттенков. Розы и листья решены объемно. По колориту, мотивам цветочного орнамента, объемности изображения, сочетанию цвета, фона и узоров курские ковры близки к подносной росписи. Можно предположить, что близость художественных традиций этих двух народных производств, далеких по географическому расположению и по времени возникновения, обусловлена единым пластом народной художественной культуры, на основе которой они возникли, в частности, традициями росписи по дереву, узорного полихромного ткачества и народной вышивки.

С XVII в. в Тюменской области ткют махровые пушистые *сибирские* ковры с геометризованным цветочным узором. В XIX в. в Курганской области возникло производство паласов и махровых ковров из неокрашенной шерсти с геометрическим орнаментом, развившееся в промысел. Курганские ковры отличались сочетанием естественных цветов шерсти: белого, черного, серого. В начале XX в. развивается ковроделие в с. Соломинка Пензенской области.

Ручное ковроделие в настоящее время сохраняется в старых центрах промысла — Курской, Тюменской, Пензенской, Курганской областях, существует и во вновь организованных центрах. В отличие от машинных, ковры ручной выработки в

известной мере уникальны, ибо они вариативны, хотя выполняются по имеющимся образцам. Развитие художественной традиции промысла идет сложным путем. Это и восстановление локальных традиций ковроделия XVII—XIX вв. и поиски создания художественных решений на основе орнамента вышивки, узорного ткачества, более полного использования художественного наследия Древней Руси.

Особое место среди текстильных промыслов занимал *набоекный*. *Набойка* (узорчатое раскрашивание тканей) осуществлялась при помощи резных деревянных досок — *манер*. Существовало два приема работы с манерами. Один — нанесение с выпуклостей доски на ткань *вапы* — состава, предохраняющего ткань от окраски при погружении ее в краситель (*кубовая набойка*); второй — перенесение краски с манеры на ткань (*белоземельная набойка*). Широко распространенное в середине XVIII в. в Московской губернии, а затем во многих центральных и северных губерниях России искусство набойки во второй половине XIX в. исчезает. Однако художественные традиции набойки используются в новом промысле — *рописи тканей*.

Издревле у русских известно *искусство художественной обработки металла*. В XV—XVI вв. литые колокола и пушки щедро украшались орнаментом; гравировка покрывала холодное и огнестрельное оружие, в кузницах отковывались кресты и фигурные решетки на окна и двери церквей, а для крестьян — великолепные светцы.

Кузнечный промысел был шире других распространен на территории России в связи с потребностями в ковке лошадей, оковке экипажей, изготовлении решеток, оград, различных предметов для хозяйственной деятельности. Многочисленные кузницы были в каждом городе, селе, и даже деревни тоже имели своих кузнецов, которые были полуремесленниками, полужемледельцами.

В XIX — начале XX в., помимо основной работы по изготовлению и ремонту орудий труда, деталей для средств передвижения, утвари и т.п. кузнецы занимались и художественной обработкой

металла — выковывали крупные и мелкие художественные изделия. Крупными были фигурные решетки для окон и дверей кладовых и амбаров в селе и городе, ограды для помещичьих усадеб, особняков в городах, для кладбищ, кресты для куполов церквей, мелкими — жиковины (фигурные петли к воротам и дверям), личины (обрамления ключевин — отверстий для ключа в запорах), ручки к дверям и калиткам.

В настоящее время народного кузнечного художественного промысла нет. Однако его традиции широко используются. В архитектуре уникальных зданий, которым профессионалы-архитекторы придают черты народного зодчества, изделия кузнецов выступают как самый выразительный декоративный элемент (решетки, кронштейны и светильники в стиле художественных изделий древнего кузнечного промысла). Эти традиции широко вошли в сувенирное производство. Изготавливаются различные светильники в форме старинных кованых фонарей, выковываются подсвечники и металлическая скульптура, т.е. декоративные изделия, довольно широко входящие в современный быт. В отличие от текстильных промыслов, где художественная традиция развивается в своей, так называемой фольклорной форме, в кузнечном промысле она живет во вторичной форме или, как определяют это явление, в форме *фольклоризма*.

Однако другие художественные металлообрабатывающие промыслы развиваются более естественно. В них традиция не прервалась, хотя существенно трансформировалась. Таков *ювелирный промысел*, где сохраняются и развиваются локальные художественные традиции. Известное у русских с древнейших времен ювелирное мастерство возрождается в XIV—XV вв. и достигает своего расцвета в XVI—XVII вв. Центрами промысла были Москва, Великий Устюг, Ростов-Ярославский, ряд сел Костромской губернии, с. Бронницы под Москвой и позже с. Рыбная Слобода Казанской, пос. Мстера Владимирской губерний. В каждом из центров сложились свои традиции техники производства и художественного оформления изделий.

В Великом Устюге развился промысел чернения серебра. Табакерки, ларцы, флаконы, различные туалетные коробочки, стопки, подносы, игольницы, бокалы, выпускавшиеся с XVIII в. великоустюжскими мастерами, были украшены черневыми рисунками. Изображались панорама В. Устюга, пейзажи, аллегорические картины, сцены охоты и т.п. Изделия промысла бытовали в среде привилегированной части общества, где господствовала мода на драгоценные — роскошные предметы быта. Сюжеты черневых узоров, как бы нарисованные на золоте тонким пером, не были прямо связаны с народными традициями, их почва — книжная иллюстрация XVIII в. Угасавший к концу XIX в. из-за смены потребителей изделий великоустюжский промысел стал возрождаться лишь в 1920-е годы благодаря объединению мастеров в артель и организации экспорта изделий. С 1930-х годов меняется стиль черневых узоров. С этого времени изображение крупных цветов и фруктов на фоне листьев покрывает почти всю поверхность изделий. В настоящее время изделия промысла чрезвычайно разнообразны: кубки, броши, серьги, перстни, салфеточные кольца, браслеты, стопки, подстаканники. Украшены они в традициях промысла силуэтными черневыми рисунками: воссоздана пластичность форм его изделий.

В XVIII в. в Ростове-Ярославском возник промысел росписи эмалевыми красками по металлу — *финифть*, здесь изготовлялись образки, вставки для окладов Евангелия, для потиров и чаш. Во второй половине XIX в., как и на заре промысла, ростовские мастера делали в основном образки, украшали церковную утварь и оклады ико́н. Но постепенно, наряду с росписью на религиозные сюжеты предметов, связанных со службой в храме и всем комплексом православных обрядов, они начинают изготавливать табакерки и туалетные коробочки с росписью на *мирские* сюжеты. На некоторых из них выполняется портретная миниатюра. Изделия мастеров ростовской финифти отличались одухотворенностью и гармонией неярких красок с преобладанием голубого цвета, сочетавшегося с розоватыми, палевыми оттенками.

Созданная в первые годы после революции артель «Ростовская финифть» выпускала пудреницы, броши, разнообразные корбочки с декоративной росписью. Однако уровень росписи был недостаточно художественным. Вразрез с ее традиционным колоритом (мягкие, как бы приглушенные нежные тона) вводился яркий цвет с контрастными сочетаниями красок. В последнее время наблюдается возвращение в колорите к приглушенным тонам. Выпускаются серьги, броши, кулоны, браслеты, в том числе и для часов, панно, шкатулки, корбочки.

Самым крупным из ювелирных промыслов по количеству занятых в нем мастеров был красносельский (Красное село Костромской губернии), известный с XVI в. В XVIII в. мастера-серебряники Костромы, сел Красное и Сидоровское изготовляли посуду (братины, чарки, солонки), оклады икон и книг из серебра с позолотой. С XIX в. здесь стали делать дешевые изделия. Из меди с полудрагоценными камнями или стеклом, имитирующим драгоценные камни, кустики вырабатывали большое количество дешевых ярких украшений, на которые повсеместно был большой спрос, особенно среди крестьян. По своей форме изделия промысла как бы перекликались с древнерусскими украшениями, например, серьги-«калачи» имели сходство с колтами Древней Руси. В принципах сочетания металла с камнями и стеклом, умении выявить декоративность гладкой поверхности металла красносельский промысел, в числе немногих из ювелирных, стоял ближе всего к корням народных традиций. В конце XIX — начале XX в. под влиянием скупщиков, диктовавших мелким кустикам вкусы мещанских слоев населения, качество изделий красносельских ювелиров снижается. Противоречивое влияние на промысел оказали мастерские, организованные земством, которые внедряли элементы стиля *модерн*, что мешало сохранению традиции промысла. Вместе с тем промысел получал экономическую поддержку от земства. Без этой поддержки он мог угаснуть, как и многие другие промыслы России.

В послереволюционные годы расширился круг изделий, выпускаемых предприятиями красносельского промысла. Появились

новые виды техники ювелирного производства и новые приемы художественного оформления их продукции. В послевоенные годы — это мощный ювелирный центр, выпускающий кольца, броши, кулоны, винные и кофейные сервизы, кубки, бокалы и другие изделия. Шире других здесь используется техника филиграни.

На почве древнего бронницкого промысла по изготовлению кольчуг и разнообразных военных доспехов, сформировавшегося в XVI—XVII вв. в с. Синьково (Раменский район Московской области), выросла сначала артель «Синьковский ювелир», а ныне ювелирная фабрика, которая выпускает разнообразные украшения: цепочки, колье, браслеты и многие другие изделия. В работах современных мастеров этого центра развиваются традиции мастеров-кольчужников. Именно поэтому основную массу продукции наследников бронницких мастеров составляют цепи и цепочки разных плетений.

Производство художественных керамических изделий: изразцов, посуды, игрушек известно со времен Киевской Руси. Оно было частью древнейшего промысла — гончарства, распространенного по всей России — всюду, где имелись залежи глины. Самым крупным центром русской художественной керамики, в котором использовались высококачественные глины, являлся район Гжели, прославившийся еще в XVII — первой половине XVIII вв. художественным оформлением гончарных изделий. Тонко проработанные формы фляг, кумганов и бочонков украшались там четкими рельефными узорами. С середины XVIII в. в Гжели стала изготавливаться майолика с полихромной росписью, с конца XVIII в. — полуфаянс, а с начала XIX в. — фарфор. Наиболее распространенным для Гжельского промысла способом росписи изделий была подглазурная кобальтовая; характерной особенностью художественного оформления изделий — украшение сосудов скульптурой.

Во второй половине XIX в. основной продукцией гжельских кустарей был фарфор, но наряду с ним производилось и много майоликовых изделий. Конкуренция с фарфоровыми заводами,

заменившими ручную роспись механической и за счет этого увеличившими выпуск товара, привела к снижению качества продукции гжельских кустарей, которые стремились выполнить большее количество изделий, что неизбежно приводило к снижению их качества. В упадок пришла и майолика Гжели. Гжельский промысел возродился в послевоенные годы. В настоящее время Гжельская фабрика выпускает современные изделия, сохраняющие традиции промысла. Это чашки и бокалы, чайники и сахарницы, декоративные предметы и мелкая пластика.

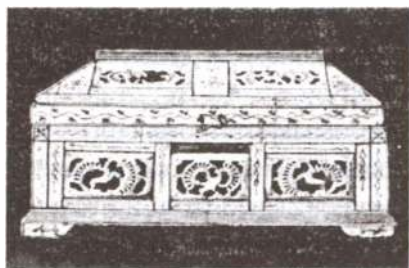
Вторым центром гончарного производства, выросшим в художественный промысел, был г. Скопин Рязанской губернии. Во второй половине XIX в. в Скопине наряду с обычной гончарной посудой производилось много своеобразных скульптурных сосудов, подсвечников, детских игрушек — свистулек, фигур фантастических животных и т.п. В определенном плане Скопинский промысел близок к богородскому промыслу игрушки. Оба расцвели в пореформенное время. Их мастера не просто развивали, а смело создавали новые локальные традиции, основой которых была народная художественная культура в целом. Оба промысла молоды, но глубоко традиционны. В начале XX в. скопинский гончарный промысел, как и гжельский, начал угасать. Возродился лишь в послевоенные годы. Сейчас он выпускает украшенные рельефом и скульптурой квасники, кувшины, блюда, вазочки, скульптуру. Цветная потечная глазурь придает изделиям особую эффектность. Вместе с тем в современных изделиях скопинских мастеров гораздо более, чем в ранних, выявляется практическое назначение предмета; их фундаментальность облегчается ажуром ручек и скульптурных украшений.

К художественному гончарству примыкает промысел по изготовлению глиняной игрушки. Довольно широко распространенное изготовление глиняных свистулек, фигурок людей, птиц, животных особенно развилось в нескольких центрах Вятской, Тульской, Архангельской и Пензенской губерний, где оно сохраняется и до настоящего времени, когда глиняная игрушка чаще всего используется как декоративная скульптура или сувенир. Утратив

свою функцию (дети в нее не играют), она живет как мелкая пластика. Глиняная игрушка стала декоративным элементом жилого интерьера.

Искусство резьбы по кости, корнями уходящее в седую древность, известно со времен Древней Руси как развитое и высокохудожественное производство. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в Западной Европе резные костяные художественные изделия в то давнее время носили название *резьбы руссов* (Рыбаков, 1948. С. 43). На Русском Севере резные костяные изделия были предметами крестьянского быта. Традиции древнерусского косторезного искусства там развивались в преемственности от поколения к поколению и достигали такого высокого уровня художественного мастерства, что, например, в середине XVII в. Указом царя Алексея Михайловича холмогорские косторезы были выписаны в Москву для работы в Оружейной Палате. Вернувшись на родину и продолжая косторезное дело, они использовали опыт, приобретенный в Москве, то есть в традицию народной резьбы по кости на Русском Севере вплеталась новая нить орнамента и композиционных построений декора.

В XVIII в. в холмогорском косторезном промысле наблюдался расцвет. Мастеров нередко вызывали в Петербург, где их изделия были популярны среди социальной верхушки общества. Резчики изготавливали ларцы и коробочки, бокалы оклейные, гравированные и ажурные (зачастую с портретами вельмож),

Резьба по кости. Ларец
(с. Холмогоры, Архангельская
область)

рамки для зеркал, табакерки, гребни. В изделиях сочетался ажурный орнамент с рельефными сюжетными композициями. Использовалась цветная гравировка. Сюжетами резьбы были сцены винопития, охоты, изображение птиц и животных среди растительного орнамента.

В конце XVIII — начале XIX в. искусство художественных изделий из моржового клыка теряет своих почитателей — покупателей. С середины XIX в. все больше падал спрос на изделия мастеров косторезного промысла. До наших дней промысел сохранил свои традиции в производстве подарочных и выставочных изделий, где появились и новые формы предметов, такие, как, например, светильники. Помимо этого мастера стали выпускать броши и другие мелкие изделия.

Искусство резьбы по твердому камню было новым для русских мастеров XVIII в., когда их «поставили» резать камень для украшения интерьеров и облицовки зданий. Камень, как материал, почти не использовался в традиционной крестьянской культуре (жилище было деревянное, редко — кирпичное, на юге России — глинобитное), русские также не изготовляли и утварь из камня. Белокаменная резьба была за века забыта, как и мелкая пластика. Если до татаро-монгольского нашествия была развита мелкая пластика в камне и в архитектурном декоре храмов мастерами-камнерезами были созданы шедевры народного искусства (рельефные изображения птиц, львов, грифонов в гармонии с растительными мотивами), то в XVII в. делались лишь белокаменные резные наличники.

Трудоемкое камнерезное дело начиналось под руководством художников-профессионалов и развивалось как изготовление вещей по образцам, созданным профессионалами, а не народными мастерами. Это и обусловило отсутствие в камнерезном искусстве процесса складывания народной художественной традиции. В связи с этим мастерство камнерезного промысла было подвластно капризам моды, смены стилей и т.п. без адаптации этих явлений в русле народного искусства. Талантливые мастера лишь вносили черты народной художественной традиции в этот промысел и предпринимали более или менее удачные попытки создания новых по типу изделий в русле традиций.

В настоящее время камнерезное мастерство развивается в старых центрах — на фабриках Урала и Алтая, а также и в ряде новых. Широко прославлен своими изделиями кунгурский

камнерезный промысел. В Кунгуре выпускаются письменные приборы, пепельницы, лампы, скульптура, токарные и резные изделия с рельефом и ажуром.

Искусство лаковой миниатюры появилось в XVIII в. Широко известные изделия из папье-маше: табакерки, туалетные коробочки, игольницы, перчаточницы и другие подобные предметы, украшенные тончайшей миниатюрной живописью, покрытой лаком, изготавливались на фабрике Лукутина в подмосковном с. Федоскино. Основой лаковой миниатюры мастеров Федоскино была станковая живопись, близкая реализму. Миниатюризованные копии известных картин и сцены русского народного быта выполнялись часто с подкладкой сусального золота или перламутра под слой красок, имеющих лессировочные свойства (прозрачность), что создавало эффект сияния золотистого или серебристого света, идущего из глубины изображения. Красками имитировалась шотландская ткань, черепаховая кость или малахитовая пластинка.

Сначала изделия промысла бытовали лишь среди привилегированных слоев населения, что определяло и сюжеты живописи, заимствованные из графики и западноевропейской миниатюры. Но со сменой потребителей изделий (вместо дворянства купечество, городская и сельская буржуазия) изменились и их сюжеты. Основными стали сцены чаепитий, зимних и летних троек, народных гуляний. В наши дни мастера Федоскино создают миниатюру на исторические и сказочные сюжеты; большое место занимают пейзаж, орнаментальные композиции и традиционные *шотландка* и *черепашка*. Изделия Федоскино пользуются спросом как на родине, так и во многих зарубежных странах.

В соседнем с Федоскиным с. Жостове в начале XIX в. появился подносный промысел. За полвека до этого изготовление расписных лакированных металлических подносов развилось на Урале — в среде заводских мастеровых Нижнего Тагила. Уральский центр вырос из искусства лаковой живописи по металлу — оформления мебели, интерьера, средств передвижения (их металлические части) декоративной росписью и копиями

картин известных художников. В основу его традиции изначально было заложено профессиональное декоративное искусство. Возникнув в XVIII в, промысел был призван обслуживать своими изделиями быт владельцев заводов, вкусы которых определяли сюжеты и в целом характер росписи по металлу, в частности — росписи подносов. Только постепенно уральский промысел стал поставлять изделия для крестьян, приписанных к заводам, а затем и на дальние рынки.

В Подмосковном центре промысел развивался без направленного воздействия извне. Он, естественно, «вбирал» в свою художественную традицию через связи с соседним с. Федоскино, производившим расписные изделия из папье-маше, элементы станкового искусства, но этот процесс шел в естественной адаптации инородных для народного творчества элементов к производимой мастерами росписи. Если судить по самым ранним изделиям, на начальном этапе подносы в этих двух центрах изготавливались из различного материала. На Урале они всегда были металлическими, жостовские подносы — из папье-маше.

Эпизодически производство подносов возникало и в других местах, как, например, в Петербурге, что известно по сохранившимся изделиям Петербургской подносной мастерской или в Верхнем Нейвинске на Урале. Однако как промысел производство подносов развилось только в Нижнем Тагиле и в Жостове, где оно стало традиционным занятием для большой группы населения. На Урале в XVIII — первой половине XIX в. промысел был дополнением к заводским и рудничным работам. И лишь после отмены крепостного права он стал основным занятием мастеров-подносников. В Жостове — типичном русском селе средней полосы — подносный промысел на протяжении всей своей истории сочетается с сельскохозяйственными занятиями.

В Нижнем Тагиле подносный промысел развивался как отрасль кузнечно-клепального, куда он и входил по официальной заводской регламентации, хотя и был органически связан с лакировочным и живописным. Его художественные традиции уходят корнями в станковую живопись, но в процессе развития под

влиянием художественной культуры края промысел приобретает черты народного искусства. Параллельное развитие, взаимовлияние и конкуренция между нижнетагильским и жостовским промыслами в значительной степени обусловили пути их развития. И на Урале, и в Подмосковье в производстве массовой продукции господствовала цветочная роспись. Но были и заказные работы с натюрмортами, жанровыми сценами и пейзажами. В Нижнем Тагиле изображались сцены на античные сюжеты по иллюстрациям и пейзажи с гравюр, в Жостове — сцены чаепитий, катаний на тройках. Цветочная роспись на тагильских подносах была плоскостная, на жостовских — объемная.

Три центра лаковой живописи — Палех, Мстёра и Холуй возникли позже. Однако, их художественные традиции — древнейшие. Они связаны с канонами и живописными приемами иконописи, что определяет особенности творчества мастеров этих промыслов.

Палех, как центр иконописания, ведет свою историю с XIV в. После революции в Палехе, как в Холуе и Мстёре, постепенно развивается промысел миниатюрной лаковой живописи на шкатулках, ларцах, перчаточницах, пудреницах и других подобных изделиях из папье-маше. Оставаясь земледельцами, палешане свое творчество всегда сочетали с крестьянским трудом. Не случайно в их миниатюрах 20—30-х годов присутствуют сцены сельского труда: пахари, жницы, пастухи за своей работой. С особой любовью во всех композициях изображается конь — опора и помощник крестьянина в труде, в беде и в радости. Палехская живопись традиционно исполняется на черном фоне, который как бы выявляет яркость красок (*Некрасова*).

Мстёрский центр миниатюры вырос на тех же древних традициях иконописи, но его живопись отличается от палехской и колористическими решениями, и композиционно. Фон здесь не черный, а светлый — нежно-голубой, розовый, палевый, как заря. Мстерские композиции по большей части многофигурны и как бы повествовательны. Владея виртуозно техникой иконописания, мстерские художники в прошлом прославились

подстаринными иконами, ценимыми, в частности, старообрядцами.

Холуйский промысел иконописания зарождается в XVI в. Его мастера писали дешевые по цене, так называемые расхожие иконы, отступая нередко от принятых канонов, что осуждалось церковью.

Сюжеты художников Палеха, Мстёры и Холуя часто взяты из сказок и былин. Вместе с тем среди них много сцен из сельской жизни, например, жатва, сенокос, выпас скота, пахота, а также гулянья и свадьбы.

Художественная обработка дерева — изготовление резной токарной расписной посуды, игрушки и мебели, а также украшение жилища, орудий труда и средств передвижения резьбой и росписью в России, богатой лесами, повсеместно достигала уровня высокого искусства и имела много локальных школ, в которых развивались и сохраняются до сих пор традиции Древней Руси, хорошо известные по археологическим раскопкам Новгорода и других городов и селений (Колчин, 1968; 1971; Сокровища...)

Одним из центров народного искусства, ставшим уже давно всемирно известным, является Хохлома — производство токарной расписной деревянной посуды. Хохломской промысел возник в конце XVII — начале XVIII в. в Нижегородском Заволжье, как широко распространенное производство необычайно окрашенной золоченой посуды с яркой *травной* росписью. Развился этот промысел в среде старообрядцев, нашедших приют от гонений в лесах по р. Керженцу в XVII в. Старообрядцы владели техническим приемом «письма серебром вместо золота», создающим один из декоративных эффектов *Хохломы*, — золотой фон росписи.

Метод окраски посуды в золотой цвет путем посыпания серебряного (позже оловянного) порошка на покрытую льняным маслом, а позднее — лаком поверхность изделия с последующим прогреванием в печах, мастера Хохломы унаследовали от мастеров иконописи. Это свидетельствует о том, что художественная традиция Хохломы уходит корнями в глубокие пласты русской

народной художественной культуры — в традиции техники иконописания Древней Руси. Формы хохломских изделий глубоко традиционны: даже современные вещи порой в известной мере близки сохранившимся деревянным изделиям Новгорода Великого X—XIII вв., а также металлическим изделиям того же времени из других районов Киевской Руси.

Название промысел получил по имени торгового с. Хохломы, куда доставлялись изделия из сел Заволжья, и откуда они затем отправлялись на ближние и дальние ярмарки, в том числе зарубежные, на сельские и городские базары. В XVIII — начале XIX в. промысел процветал. Развивался он на территории современного Ковернинского района и вокруг г. Семенова, как в селах, так и в самом городе. Особенно прославились мастера сел Новопокровское, Семино, Хрящи, Кулигино Семеновского уезда Нижегородской губернии.

Наряду с «письмом серебром вместо золота» было и обычное раскрашивание изделий красками по предварительно проолифенной поверхности. Однако, с середины XIX в. деревянная посуда выходит из повсеместного употребления. И в конце XIX — начале XX в. хохломская роспись пришла в упадок. Сейчас мастера Хохломы, сохраняя традиции, продолжают выпускать расписные токарные и столярные изделия в разных стилях росписи: *верховой и под фон*.

В Нижегородской губернии был еще один центр росписи по дереву — г. Городец. Городецкие кустари вначале инкрустировали, а затем расписывали прялки, донца гребней, вальки и рубели, употребляя клеевые, темперные, а к концу XIX в. и масляные краски. Через Нижегородскую ярмарку городецкие изделия расходились по многим губерниям России.

В настоящее время городецкий промысел производит расписную детскую мебель, игрушки-качалки, напоминающие городецких коней, сошедших с инкрустированных донец, а также доски для хлеба, декоративные панно, блюда и тарелки.

В современной росписи воспроизводятся основные традиционные образы: птицы, всадник, конь, а также цветы. Сохранились

и основные стилевые особенности их воплощения. Знаменательно, что во многих изделиях повторяется и традиционная трехчастная композиция. Цветовая гамма современных изделий нередко иная, но элементы колористического строя в отдельных вещах сохраняются. Городецкие изделия, в отличие от хохломских, не сохранили преемственности своих функций. Если хохломская посуда, подобно изделиям текстильных художественных промыслов, вошла в современный быт, сохранив, хотя и в трансформированном виде, и декоративную, и утилитарную функции, то городецкие изделия, воспроизводя отдельные черты старинной росписи, стали функционально иными. Роспись Городца в прошлом размещалась на донцах для гребней. В незначительном количестве городецкие мастера изготавливали игрушки-лошадки. Но это были не большие кони-качалки, выпускаемые сейчас, а маленькие, коротконогие черные лошадки на колесиках — *каталки*.

В настоящее время основной линией развития городецкой росписи является украшение предметов, новых для этого центра промысла и по функциям, и по формам (детская мебель, декоративные тарелки, панно и т.п.). Так что городецкий и хохломской промыслы, близкие и по виду искусства, и территориально, развиваются по-разному.

Третий центр традиционной росписи Нижегородской области совсем молодой по возрасту — с. Полховский Майдан. Мастера, изготавливавшие в XIX в. токарные изделия (игрушки, коробочки, пеналы) без окрашивания, в начале XX в. стали их украшать узорами, производимыми сначала выжиганием, а затем росписью. Приемы полховско-майданской росписи различны: может быть сначала *наведен* контуром предварительный рисунок тушью и потом *залит* краской яркого цвета, а может быть расписан без предварительного *оконтуривания*. В промысле все больше используется свободная кистевая роспись. На коробочках, пасхальных яйцах и других изделиях изображаются пейзажи, птицы и животные. Изделия чрезвычайно разнообразны: матрешки и пеленашки, грибы для штопки, бочата и коробочки, детские

пистолеты, бокалы для карандашей, ручки, рюмки и различные другие бытовые предметы. Полховско-майданский промысел в наши дни один из самых процветающих.

Мастера Московской и Вятской губерний прославились высоким уровнем художественной обработки дерева. В XVII в. было широко развито производство игрушек в Сергиевом Посаде и окрестных деревнях. Изделия троицких мастеров были при дворе у царевичей. Резчики соседнего с Богородского вырезали, а мастера Сергиева Посада раскрашивали фигурки людей, которыми можно было играть как куклами и использовать их как мелкую пластику для украшения жилища, составляя из них многофигурные или парные композиции. Более всего были известны фигуры *гусара* и *барыни* — brave яркие раскрашенные, толстощекие персонажи, всем своим видом вызывающие улыбку. Сергиевпосадский промысел освоил и производство матрешек, *китайской мелочи* — миниатюрных фигурок людей, красочной росписи с выжиганием на коробочках, пеналах и панно, многих видов игрушек. Богородский промысел, связанный с ним, развивался в XIX в. своим путем: его мастера производили неокрашенную игрушку. Это были *хозяйства* — скульптурные группы, отображавшие крестьянскую жизнь, фигурки крестьян. Главной же продукцией богородских резчиков были игрушки с движением, изображавшие птиц и зверей, чаще всего медведей.

В знаменитом Абрамцеве — своеобразном средоточии художественной жизни своего времени — сестра художника Поленова организовала мастерскую для обучения крестьянских детей художественному ремеслу. Она собрала огромную коллекцию произведений народного искусства и, используя материал коллекции, обучала детей традиционной резьбе на новых по форме изделиях — полках, шкафчиках-«аптечках», мебели и т.п.

В близлежащих с. Ахтырке и Кудрине издавна был один из центров промысла украшения свечных ящичков плоской резьбой. С распространением керосиновых ламп и газового освещения в городах свечной промысел резко сокращается. Приходит в упадок и промысел резьбы на свечных ящичках. В абрамцевс-

кой мастерской древние традиции трехгранно-выемчатой резьбы творчески соединились с приемами плоскорельефной резьбы на свечных ящиках. Появился новый стиль художественной обработки дерева: растительный орнамент из так называемой *пальчатой листвы* с включением образов птиц, сплошь покрывающий изделия нового абрамцево-кудринского промысла. Эта резьба живет и сейчас, украшая современные изделия.

С XVI в. в России изготавливались изделия из капокорня. Как промысел, т.е. постоянное занятие местных жителей, это производство развилось в XIX в. в Вятской губернии в г. Слободском. Строгие по формам с красивой текстурой дерева, покрытые лаком, отшлифованные и отполированные портсигары, шка тулки «с секретом», чайницы, курительные трубки, туалетные коробочки были близки по стилю позднему классицизму. Как и в камнерезном искусстве, в этом промысле не было глубоких народных традиций.

Кроме резьбы и росписи по дереву существовали еще резьба и роспись по бересте. Исстари в туесовом или бурачном промысле — изготовлении берестяных сосудов с крышками — развивались разные способы их украшения. Туеса расписывали, а также отделявали тиснением и чеканкой. Роспись красками на яичном желтке, а позднее масляными наносилась кистью непосредственно на слой бересты и на шпатлеванную поверхность (с конца XIX в.). Тиснение в виде геометрического узора производилось тупой стороной ножа, а чеканка — металлическими или деревянными штампами. Больше всего туесов изготавливали в Вологодской и Архангельской губерниях, на Урале. Туеса иногда оклеивали тонким слоем бересты со сквозными узорами. Прорезная береста украшала не только туеса, но и поставцы, шка тулки, портсигары, табакерки и другие изделия.

Художественная резьба по бересте получила особенное развитие в районе Великого Устюга, где сложился промысел по изготовлению изделий, украшенных берестой с ажурным узором, известный как *шемогодская береста* (по названию р. Шемогды). В его истоках лежали два промысла: *городской* — Устюга Великого и *сель-*

ский — сел, расположенных в Шемогодье. Инструменты шемогодских кустарей — шило и острый нож. Узор наносился шилом и вырезался ножом таким образом, что фон рисунка удалялся. Шилом же наносились детали узора: выдавливались прожилки листьев, детали цветов и т.д. Бересту нередко наклеивали на цветной фон или подкладывали под нее фольгу (*Жижина*).

В настоящее время искусство прорезной бересты продолжает развиваться в Вологодской области, где производят туеса-сувениры, покрытые тонким ажурным узором, заполняющим всю цилиндрическую поверхность изделия сложным растительным орнаментом, напоминающим морозные узоры на окнах. Возрожден на основе местных художественных традиций промысел в Архангельской области, где узор, украшающий туеса, розеточный. Роспись туесов в местных художественных традициях, близких уральским настенным росписям, развивается и в Кировской области.

Туеса в современном быту функционируют различно. В городах они играют роль сувенира или декоративно-утилитарного изделия (например, емкость для крупы, украшающая одновременно кухню). В сельской местности туеса используются, как и ранее, для переноски и хранения жидкости, сыпучих продуктов, ягод.

Художественная обработка дерева еще в древности достигла высокого уровня не только в украшении бытовых предметов, но и в архитектурном декоре. Среди археологических находок в Новгороде обнаружены детали жилища XIV—XV вв. со сложной, выразительной рельефной резьбой. В настоящее время сохранившиеся повсеместно дома крестьян и индивидуальные жилища на окраинах городов, особенно средних и малых, украшены ажуром пропильной резьбы и просечного железа. Это — творчество народных мастеров.

Разнообразие декора русского индивидуального жилища прямо связано с его типом (планировкой, конструктивными особенностями, высотностью и т.п.), ибо в народном зодчестве проявляется единство утилитарного и декоративного начал. Ажурные наличники крестьянского дома закрывают щель между срубом

и колодой, в которую вставлена оконная рама. Торцовые доски, покрытые резьбой, защищают концы бревен сруба от разрушения. Ту же функцию выполняют причелины, украшающие фронтон дома и предохраняющие его крышу от преждевременного старения. Узорная обшивка сруба тесом ограждает бревна от дождя и снега (Чижикова, 1970).

Вместе с тем в художественных традициях народного зодчества имеются — и в настоящее время все чаще встречаются — чисто декоративные элементы: пояса пропильного ажюра, размещенные по периметру сруба и по фасаду светелок, объемные украшения столбов ворот и т.п. Связанные и не связанные с конструктивными особенностями жилища, они подчеркивают красоту традиционных зданий, определяемую их безупречной архитектурикой.

В современном индивидуальном строительстве из средств декора наиболее распространены пропильная резьба, просечное железо, менее — мозаичная обшивка стен тесом и очень ограничено — цветной кирпич, фигурная кладка, лепнина и штамповка

Украшение резьбой жилищ:

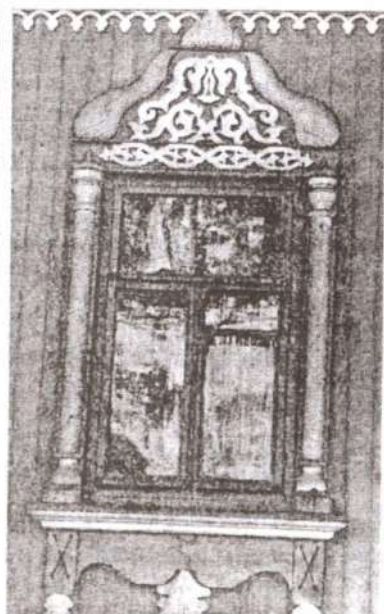
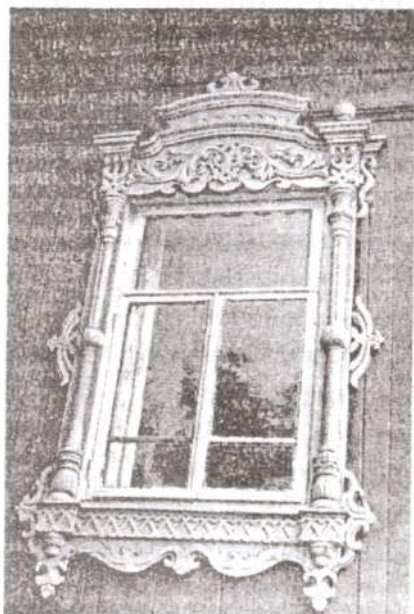
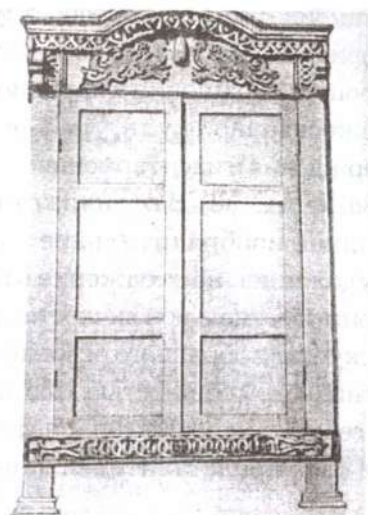
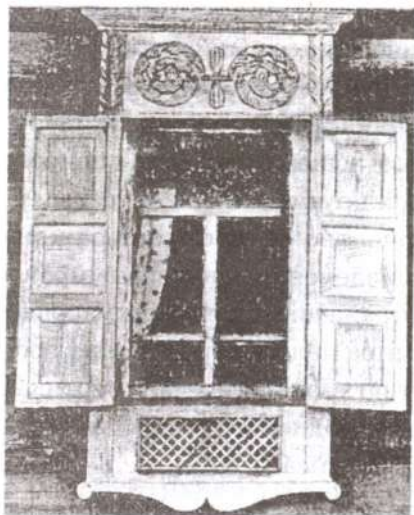
а) *обрамление слухового окна фронтона дома и деталь украшения светелки (Ярославская область),*

б) *верхняя часть наличника (Новгородская и Ярославская области)*

по сырой штукатурке. Сочетания декоративных приемов чрезвычайно разнообразны, но локальные декоративные комплексы устойчивы. Из традиционного декора жилища самые глубокие корни имеет *рельефная резьба* (как плоскорельефная, так и высокорельефная). Ее ровесница — *выемчатая резьба* (углубленная). Она была *трехгранной* (наиболее распространена) и *ногтевидной*. Меньше использовалась *контурная резьба* (углубленные линии узоров) и скульптурная. С конца XIX — начала XX в. распространяется пропильная резьба (ажурная и накладная), вытеснившая все другие виды архитектурной резьбы (*Станюкович Т.В.*, 1950; *Скворцов А.И.*; *Рождественская*, 1981. С. 36—96). Полотнища ажурных подзоров, свисающие под крышей, ажурных наличников и накладные узоры на фронтонах дома и крыльца при игре света и тени создают впечатление кружевного наряда дома.

Мотивы резьбы разнообразны. Чаще всего встречается образ солнца. Он всегда в центре любой композиции, причем симметрично размещенные по сторонам от него птицы и звери тянутся к нему головами, а драконы и змеи — телами, но отворачивают головы. Из остальных мотивов наиболее распространены растительные. Однако не редкость — зооморфные. Среди них преобладают образы птиц, реже встречаются антропоморфные изображения львов. Такая резьба с традиционными мотивами широко представлена в Верхнем Поволжье и в центральных областях России. На Севере известна объемная (скульптурная) резьба — коньки крыш с изображением головы лошади или птицы. На Юге распространен геометрический орнамент (накладная резьба), в основе которого ромб. Характерно, что образы львов, барсов, драконов или других фантастических злобных существ в отличие от искусства других народов и от профессионального искусства, где подчеркивается их свирепость, в русской резьбе по дереву часто лишены агрессивности. Они выражают покой и доброжелательность. В их изображении нередко присутствует юмор, что, как представляется, отражает определенные черты русского характера.

Украшение наличников окон (Сибирь)

В современном обществе предметная среда стандартизирована. Унификация быта способствует появлению тенденции его индивидуализации. При росте этнического сознания это порождает процесс обращения к народному искусству и традиционной художественной культуре в целом как носительнице жизнеутверждения и идеи гармонических отношений человека с природой (Вагнер. С. 38). В отличие от всех других видов искусства, народное изобразительное творчество — не самовыражение художника (не отражение в произведении искусства мировосприятия отдельной личности), а отражение в предметах народного искусства образного освоения мира целым народом или любой этнической общностью. Поэтому по хронологической вертикали и географической горизонтали народное искусство связывает всех представителей данного этноса.

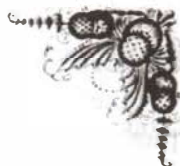

СОКРАЩЕНИЯ

ААН	Архив Академии наук
АИЭА	Архив Института этнологии и антропологии. Материалы Городского отряда Восточнославянской экспедиции
МГОВЭ	
АОИРС	Архангельское общество изучения Русского Севера
АРГО	Архив Русского Географического общества
БРАН	Библиотека Российской академии наук
ВЭО	Вольное Экономическое общество
ГАВО	Государственный архив Вологодской области
ГАИО	Государственный архив Ивановской области
ГАКК	Государственный архив Краснодарского края
ГАОО	Государственный архив Омской области
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГИМ	Государственный Исторический музей
ДЧ	«Душеполезное чтение»
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	«Живая старина»
ИРГО	см. РГО
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОЛЕАЭ	Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОЛЯ	Отделение литературы и языка
ОПИ	Отдел письменных источников
ПИИЭ	Полевые исследования Института этнографии
ПКМ	Пермский краеведческий музей

РБ	Российская библиотека
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО(ИРГО)	Русское Географическое общество (Императорское Русское Географическое общество)
РИБ	Русская Историческая библиотека
РО	Рукописный отдел
РП	«Русский паломник»
РЭМ	Российский Этнографический музей
СРЯ	Словарь русского языка
СЭ	«Советская этнография»
ТИЭ	Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия
ЧКМ	Чердынский краеведческий музей
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЭАОИРК	Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник)
ЭМ	Этнографические материалы
ЭО	«Этнографическое обозрение»

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н. Город Ялуторовск с его округом //Тобольские губ. вед. 1864. № 27.

Агапит, о. архим. Житие старца Иллариона, Троекуровского затворника / Изд. Троекуровской обители. Б/м, б/г.

Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1978.

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.

Акты исторические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1838—1842.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. I, III.

Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI—XVIII в. // Русские старожилы Сибири: Историко-антропологические очерки. М., 1973.

Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск. 1984.

Александров В.А. Русское население Сибири в XVII — начале XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII — начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Александров В.А. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII — начала XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. III (ТИЭ. Т. LXIV).

Александров Вл. Деревенское веселье в Вологодском уезде (Этнографические материалы) // Современник. 1864. № 7.

Алексеев А.И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.

Алексейченко Г.А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX в. // История СССР. 1981. № 6.

Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.

Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда: Археол.-этногр. этюд. М., 1890.

Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.

Арциховский А.В. Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1.

Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1.

Арциховский А.В. Пища // Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969. Ч. 1.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу // Соч.: В 3 т. М., 1865. Т. I; М., 1868. Т. II; М., 1869. Т. III; М 1994. Т. I—III.

Бабарыкин В. Село Васильевское Нижегородской губернии, Нижегородского уезда // ЭС. СПб., 1853. Вып. 1.

Бабурин И.А. Село Иваново // Владимирские губ. вед. 1855. № 53.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере (конец XVII — начало XVIII в.). М., 1976.

Балов В.А. Очерки Пошехонья // ЭО. 1899. № 1/2

Барсов Е.В. Причитания Северного края. М., 1872. Т. 1.

Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981.

Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975.

Белогорская Р.М., Ефимова Л.В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1.

Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: Этногр. очерки. Л., 1983.

Бирюков И.А. История Астраханского войска. Астрахань, 1911. Ч. 1.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнослав. этногр. сб. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI).

Бломквист Е.Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области: (жилище феодальной эпохи) // СЭ. 1934. № 5.

Бломквист Е.Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии // ЭО. 1916. № 3/4.

Богданов В.В. Из истории женского южно-великорусского костюма // ЭО. 1916. № 1/2.

Богословский И. Материалы по народному быту, фольклору и литературной сатире // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924.

Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.

Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1886.

Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834.

Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // СЭ. 1982. № 5.

Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // СЭ. 1979. № 6.

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // СЭ. 1982. № 6.

Булгаков С.В. Православие: Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Восточной и Западной церквей / Авт. предисловия и коммент. А.В. Буганов. М., 1994.

Бунак В.В. Русское население Забайкалья // Антропологический сб. М., 1963. Вып. IV.

Бурьлин Д.Г. Быт жителей села Иванова. 1914 г. // ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 282.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1881. Т. 1.

Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исследование материальной культуры. Казань, 1966.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья: Ист.-этногр. исследование, середина XIX — начало XX в. Казань, 1973.

Бушен А. Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1863. Вып. 2.

Вагнер Г.К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. 1973. № 7.

Важинский В.М. Землевладение и складывание общины одноподворцев в XVII в. Воронеж, 1974.

Валаамский монастырь и его святыни. Л., 1990.

Валунский И.В. Материалы к истории архитектуры деревни Воронежского края // Народный быт: Материалы и

исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. Вып. I.

Василенко В.М. Крестьянская геометрическая резьба XVIII в. // Русское искусство XVIII в. М., 1973.

Василенко В.М. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I век до н.э. — XIII век н.э. М., 1977.

Вебер Ф.К. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1972. Вып. 6—10.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974.

Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Власов Вл.Г. Культура земледельческого общества. Формы традиционной культуры, связанные с использованием растений. М., 2006.

Власова И.В. Русские: Сельская семья // Семейный быт народов СССР. М., 1990.

Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976.

Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. // СЭ. 1980. № 3.

Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977.

Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973.

Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986.

Волков И.А. Ситцевое царство. [Иваново-Вознесенск], 1926. Т. 2.
Вольга и Микула Селянинович // Былины. М., 1957.

Вопрос и ответ относительно заупокойного моления о почивших
младенцах // Тамбовские епарх. вед. 1872. №8.

Вопросы Кирика и Нифонта // РИБ. СПб., 1910. Т. VI, № 86.

Воронин Н.Н. Жилище // История культуры Древней Руси.
М.; Л., 1948. Ч. 1.

Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского
населения Вологодской области // Русский Север: Ареалы и
культурные традиции. СПб., 1992.

Воспоминания Архимандрита Пимена // ЧОИДР. М., 1876.
Кн. 3, № 7—9.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1931. Т. XII, XVIII.

Генер Хр. Примечания о худом строении крестьянских изб
и о случающихся от того болезнях // Тр. ВЭО. СПб., 1793. Ч. XVIII,
разд. VIII.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве оби-
тающих народов. СПб., 1776. Ч. 4.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Куйбышев, 1965.

Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1991.

Гирченко В. Из истории переселения в Забайкалье семей-
ских старообрядцев. Верхнеудинск, 1922.

Гмелин С. Путешествие по России. СПб., 1771. Ч. 1.

Годичное заседание Тульского губернского статистического
комитета. Тула, 1880.

Головачев П. Сибирь. М., 1912.

Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого
населения Сибири. М., 1902.

Города России в 1904 г. СПб., 1906.

Города России в 1910 г. СПб., 1914.

Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском
народном творчестве // Тр. ГИМ. М., 1926. Вып. 1.

Горская Н.А. Пища // Очерки русской культуры XVI в. М.,
1977. Ч. I.

Готье Т. Путешествие по России. М., 1988.

Григорьев В.П. Переселение крестьян из Рязанской губернии. М., 1885.

Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III, вып. 2.

Гринкова Н.П. Одежда тудовлян Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1/2.

Громов А.В. Словарь: Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992.

Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1.

Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.

Громыко М.М. О народном благочестии у русских // Православие и русская народная культура. М., 1993. Вып. 1.

Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири // Крестьянская община в Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1977.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.

Гусев А. Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской Терской обл. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16.

Гусев Ив. «Иванов день» — местный праздник в городе Твери // Тверские губ. вед. 1898. № 65.

Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопр. истории. 1968. № 4.

Давыдова С. Кружевной промысел в Рязанской губернии // Тр. Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1881. Вып. VII.

Давыдович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. СПб., 1912.

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

Дворникова Н.А. Пища и утварь // Кубанские станицы. М., 1967.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ АН СССР. 1948. Т. IV.

Декреты Советской власти. 10 нояб. 1918 г. — 31 мар. 1919 г. М., 1968. Т. IV.

Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1996.

Депортация народов СССР (1930—1950-е годы). М., 1992. Ч. 1.

Державин Г.Р. Записки об известных всем происшествиях и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина // Избранная проза. М., 1984.

Дмитриев Н.Г. Мстёра рукотворная: Рассказы об искусстве лаковой миниатюры и ее мастерах. Л., 1986.

Дмитриева С.И. Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (былички и рассказы об НЛЮ) // ЭО. 1994. № 6.

Дмитриева С.И. Традиционный фольклор Русского Севера / Автор-составитель С.И. Дмитриева. М., 1993 (Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VI. Русские. Кн. 3).

Добрынкин Н. Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 1.

Довнар-Запольский М.В. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII—XVIII вв.: ист.-этногр. этюд // ЭО. 1890. № 2.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Домострой. М., 1908—1910. Т. 1—2; М., 1990.

Дон и степное Причерноморье XVIII — первой половины XIX в.: социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов н/Д, 1977. '

Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Ч. 1, № 222.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Янв. — апр. // Поли. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 22.

Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к ист.-этногр. атласу. М., 1986.

Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983.

Дурасов Г.П. Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополья в XIX — начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.

Елеонская Е.Н. К изучению заговора и колдовства в России. М., 1917.

Елеонская Е.Н. Сельскохозяйственная магия. М., 1929.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Т. 1.

Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта.

Жижина С.Г. Северная резная береста — русский народный промысел XVIII—XIX вв. М., 1986.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Янв. — дек. М., 1907—1910.

Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980.

Жомова В.К. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении // Вопр. антропологии. 1965. Вып. 21.

Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895.

Забелин И. Московские сады в XVII столетии. М., 1856.

Забелин И. Очерк домашней жизни русских цариц. М., 1990.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII вв.: Домашний быт русских царей. М., 1915.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVII и XVIII вв.: Домашний быт цариц. М., 1915.

Забьлин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.

Записки графа Сегюра о пребывании его в России (1785—1789). СПб., 1865.

Запись, данная игуменом Кузьмина монастыря Протасием с братией митрополиту Симону о неосвоении озера и заливов, пожалованных им для рыбной ловли // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. 1838. Т. 1. № 118.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): ист.-этногр. очерки. М., 1974.

Зверев В.А. Воспроизводство сельского населения Сибири: (Вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1992.

Звонков А.П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXI. Тр. этногр. отд. М., 1889. Кн. 9.

Зеланд Н.Л. К антропологии западно-сибирского крестьянства // Рус. антропол. журн. (М.). 1990. №3.

Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. (Серия «Этнографическая библиотека»).

Зеленин Д.К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // ЖС. 1911. Вып. 2.

Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества. Пг., 1914. Вып. 1; Пг., 1915. Вып. 2; Пг., 1916. Вып. 3.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки.

Зеленин Д.К. Русская соха, ее история и виды: очерк из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.

Зензинов В.И. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области, Верхоянского округа. М., 1914.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968.

Зобнин Ф. Из года в год: (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа)//ЖС. 1894. Вып. 1.

Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. этногр. отд. М., 1980. Т. II. Вып. 1.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Известия иностранцев о России // Рус. вестн. 1841. Т. 3.

Измарагд XV в. // БРАН. РО. Ф. 13.2.7—Архангельск. Д. 179.

Иллиш Ф. Полное руководство винокуренного, пивоваренного и медоваренного производства. СПб., 1862. Ч. 1.

Ильин И.А. О России. М., 1991.

Иникова С.А. Советские праздники в деревне в 1925 г. (по письмам крестьян в «Крестьянскую газету») // Русские народные традиции и современность. М., 1995.

История крестьянства СССР. М., 1990. Т. 2.

История России с древнейших времен до конца XVII в. М., 2006.

История северного крестьянства. Архангельск, 1984.

История Сибири. Л., 1968. Т. II. Сибирь в составе феодальной России.

Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927 гг. М., 1927.

Ищенко М.И. Этнография русского населения Сахалина (конец XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1988.

Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX в. (1795—1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3.

Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.

Кабузан В.М. Русские в мире. Формирование этнических и полиэтнических границ русского этноса. СПб., 1996.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1981.

Калядина О.В. Вербная: Материалы к сценарию народного праздника // Материалы в помощь клубному работнику. Рязань, 1992.

Каневский Н. Из Медынского уезда // Тр. ВЭО. СПб., 1879. Т. III, вып. 2.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. XI.

Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

Карцев В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. I—II.

Кедрина Р.Е. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. №1/2.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 ч. М., 1987. Ч. 1.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.

Козлов В.И. История трагедии великого народа: русский вопрос. М., 1996.

Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.

Колчин Б.А. Новгородские древности: деревянные изделия. М., 1968.

Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.

Кормчая Балашова // БРАН РО. Ф. 21.4.5.

Королева И.С., Кожевникова Л.А. Современное узорное ткачество. М., 1970.

Короленко В.Т. История моего современника // Соч. М., 1955. Т. 7.

Коромыслов Б.И. Жостовская роспись. М., 1977.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887; М., 1992.

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л., 1965.

Красовский П., священ. Поучение о христианском праздновании // Руководство для сельских пастырей (Киев), 1871. Т. 1. № 17.

Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // ПИИЭ. 1978. М., 1980.

Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.): определитель. М., 1971.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила, 1917—1970. М., 1974.

Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971.

Крюкова И.А. Русская резьба по кости. М, 1960.

Крюкова С.С. Семья и семейный быт крестьян южнорусских губерний России во второй половине XIX в. М., 1994.

Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.

Кувакин А. Религиозная философия в России. М, 1980.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Куликовский Г.И. «Общественный пир» в Каргопольском уезде // Олонецкие губ. вед. 1895. №9.

Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.

Куфтин Б.А. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. Ч. I.

Лазарев А.И. К вопросу о соотношении народных и церковных праздников // Край Южно-Уральский. Челябинск, 1974.

Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX—XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Лебедева А.А. Об одной из локальных групп русского населения Забайкалья // Из культурного наследия народов России. М., 1982. Т. XXVIII.

Лебедева А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.

Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки: (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах). М., 1927. Ч. I.

Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские: ист.-этногр. атлас... М., 1967.

Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни: Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32.

Левшин В.А. Словарь поваренного, приспешного, кондитерского и дистилляторского, содержащего по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякого рода кушаний из французской, немецкой и голландской, испанской и английской поварни. М., 1795-1797. Т. 1—6.

Лемешев М.Я. Продовольственная программа: экономические, экологические и социальные аспекты // Социально-философские проблемы современного сельского хозяйства. М., 1986.

Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872.

Л-ин М.А. Языческие обряды в праздновании русским простонародьем Рождества Христова и Нового года // Руководство для сельских пастырей. 1885. № 52, 53.

Линде Г., Кноблех Х. Приятного аппетита. М., 1956.

Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М., 1987.

Липинская В.А. Пища русских сибиряков // Этнография русского крестьянства России (XVIII — середина XIX в.). М., 1981.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М., 1987.

Липинская В.А. Типы застройки усадеб русского населения Западной Сибири // СЭ. 1975. № 5.

Липинская В.А. Традиционное жилище и современное индустриальное строительство в селениях Кировской области // ПИИЭ., 1983. М., 1987.

Лирика русской свадьбы / Изд. подг. Н.П. Колпакова. Л., 1973. (АН СССР. Лит. памятники).

Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Листова Т.А. Таинство крещения у старообрядцев Северного Приуралья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.

Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Майков И.И. Помесь русских с якутами // Рус. антропол. журн. 1900. № 4.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.

Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении: Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913. (Зап. ИРГО по отд. этнографии. Т. 36).

Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.

Макашина Т.С. Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре // ЖС. 1994. № 3.

Македонов Л.В. В горах кубанского края: быт и хозяйство жителей нагорной полосы населения Кубанской области. Воронеж, 1908.

Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

Максимов С.В. Год на Севере. М., 1871.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Максимов С.В. Обитель и житель // Древняя и новая Россия. М., 1876. Т. 2.

Максимов С.В. Печорский край. М., 1904.

Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // СЭ. 1954. № 2.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI).

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.

Маслова Г.С. Русский народный костюм (XIX—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч. I.

Масляное хозяйство Сибири. Новониколаевск, 1925.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Костромская губерния. СПб., 1861.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. II.

Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 65.

Мамкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда //ЭС. СПб., 1862. Вып. V.

Мейерберг Б. Виды и бытовые картинки России XVII в.: альбом. СПб., 1903.

Мельников П.И. (Андрей Печерский). На горах // Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 4.

Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М, 1996.

Милов Л.В., Вдовина Л.Н. Культура сельскохозяйственного производства // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1.

Миненко Н.А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв. // История городов Сибири. Новосибирск, 1977.

Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977.

Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Михайлов Н. Бабы праздники // Смолен. вестн. 1888. № 62.

На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII—XX вв. М., 1989.

Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII в. // История СССР. 1977. № 4.

Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1971.

Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1 (сер. «Народы мира»: этногр. очерки).

Народы Западной Сибири. М., 2003.

Народы России. Энциклопедия. Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

Население СССР. М, 1980.

Население СССР: 1987 г. М., 1988.

Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. М., 1989.

Некрасова М.Л. Палехская миниатюра. М., 1983.

Некрълова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. 2-е изд. Л., 1988.

Нестеров М.В. Давние дни: воспоминания, очерки, письма. Уфа, 1986.

Неуступов А.Д. Обетные и пивные праздники в Кадниковском уезде // Ярославские зарницы. 1910. № 40.

Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский. Об отмене клятв на старые обряды // Поместный собор Русской православной церкви 30 мая — 2 июня 1971 года: Документы, материалы, хроника. М., 1972.

Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973.

Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.

Оглоблин Н.Н. Из ветлужских впечатлений // Ист. вестн. 1915. № 7.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768). М., 1900. Ч. 3.

Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 гг. М., 1870.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырского округа, его экономического состояния и быта населения. СПб., 1816. Т. 2.

Ончуков Н. Былинная поэзия на Печоре // ЖС. 1902. Вып. I.

Охрименко Г.И. Женский костюм семейских XIX-XX вв. и его украшения // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Памятники отечества. М., 1990. № 2 (22).

Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929. Т. 1.

Пассек Е. Статистическое обозрение промышленности Курской губернии (Рукопись) // Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького. Отд. РН. № 55/11.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906.

Перевозчиков И.В. Антропология старожилов Камчатки // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

Переселенческое движение Харьковской губернии за последнее десятилетие 1898—1908. Харьков, 1909. Вып. 1.

Петров В. Престольные праздники и однодневные сельские ярмарки // Вестн. Рязан. губ. земства. 1914. № 6/7.

Петровский И. Праздники, увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле // Сын Отечества. 1837. Ч. 186.

Писцовая книга г. Балахны 1674—1676 гг. // Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Н. Новгород, 1913. Т. III.

Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987.

Поваренная книга С.А. Толстой. Тула, 1991.

Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1.

Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина: 1707—1709. М., 1962.

Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России // Изв. ОЛЕАЭ. Т. XLV, вып. 1. Тр. Антроп. отд. Т. VII, вып. 1. М., 1884.

Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Покровский Н.Н. Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie. Warszawa, 1994.

Покшишевский В.В. Заселение Сибири: ист.-этногр. очерки. Иркутск, 1951.

Полищук Н.С. Быт и культура семейских // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. II.

Полищук Н.С. О некоторых новых чертах коллективного отдыха горняков и металлургов Нижнего Тагила // СЭ. 1963. № 4.

Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // СЭ. 1991. № 6.

Полищук Н.С. У истоков советских праздников // СЭ. 1987. № 6.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1846. Т. I; 1841. Т. III; 1859. Т. VIII; 1902. Т. XII; 1889. Т. XVI.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Померанцева А.В. Календарь революционных праздников и великих годовщин. М; Л., 1927.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Пономарев С. Артельщина и дружества как особый уклад народной жизни // Сев. вестн. 1888. № 12.

Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия (СПб.). 1876. № 10.

Похлебкин В. Национальная кухня наших народов. М., 1991.

Похлебкин В. Русская кухня XVIII-XX вв. // Наука и жизнь. 1978. № 4.

Поэзия крестьянских праздников // Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л., 1970 (Библиотека поэта. Большая серия).

Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918.

Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: опыт ист.-этногр. исследования. Л., 1963.

Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884.

Прыжов И. Нищие на святой Руси: Материалы для истории общественного и народного быта России. Казань, 1913.

Псковская вторая летопись. СПб., 1851.

Пузырев Н. Помочи // ЭО. 1892. № 2/3.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // Русское обозрение. 1898. № 1.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

Рабинович М.Г. Русская городская семья в начале XVIII в. (По переписной книге Устюжны Железнопольской 1713 г.) // СЭ. 1978. № 5.

Рабинович М.Г. Русские письменные источники эпохи феодализма как материал для изучения этнографии города // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып. IX (ТИЭ. Т. 110).

Рабинович М.Г. Русское жилище XII-XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.

Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. Л., 1975.

Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901.

Рассадин С.А. Тульский пряник. Тула, 1985.

Рождественский Н.В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 1.

Русская правда. М., 1941.

Русские в новом зарубежье: итоги этносоциол. исследования в цифрах. М., 1996.

Русские сказки и песни Сибири и другие материалы // Зап. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО. По этнографии. Красноярск, 1902. Т. I, вып. 1.

Русские старожилы Сибири. М., 1973.

Русские художественные промыслы. М., 1966.

Русские: историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX — начало XX века). М, 1967.

Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. М., 1970.

Русские: этносоциологические очерки. М., 1992.

Русское православное женское монашество XVI—XIX веков / Сост. монахиня Таисия.

Джорданвилль. Репринтное воспроизводство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.

Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.

Рындзюнский П.Г. Основные факторы градообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976.

Сабурова Л.М. К вопросу о формировании культуры русского населения Приангарья. М., 1964.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967.

Сабурова Л.М. Некоторые черты общественного и семейного быта русского населения Приангарья в первые годы Советской власти (1919—1929) // СЭ. 1965. № 2.

Сапожковское народное ткачество: альбом / Сост. А.В. Курочкина, К.И. Бетехтина. Вступ. ст. Н.И. Каплан. М., 1960.

Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1837. Ч. III, кн. 2.

Сахаров И.П. Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.

Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1.

Сборник статистических сведений по Московской губернии: Отд. хоз. статистики. М., 1879. Т. IV, вып. 1.

Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1880. Т. 1.

Свердлов М.Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.

Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958 (ТИЭ. Т. XLI).

Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 1/2.

Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.

Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.

Сергеев О.И. Казачество на Русском Дальнем Востоке в XVIII—XIX вв. М., 1983.

Скворцов А.И. Русская пропильная резьба. Л., 1982.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981—1984.

Слово Даниила Заточника по списку XIII в. // *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1896. Т. 3.

Слово о полку Игореве. М.; Л., 1952.

Словцов И. Деревня Соликамского края в XVI веке // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2.
Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893.

Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913.

Смирнова М. Родильные и крестильные обряды крестьян с. Голицыно Сердобского уезда Саратовской губернии // ЭО. 1911. № 1/2.

Собрание государственных грамот и договоров. СПб., 1813. Т. I.

Советские традиции, праздники и обряды: Словарь-справочник // Сост. Б.В. Попов, Киев, 1988.

Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. Конец XIX — начало XX в. М., 1979.

Сокольников Н.П. Болезни и рождение человека в с. Маркове на Анадыре // ЭО. 1911. № 3/4.

Сокровища русского народного искусства: резьба и роспись по дереву. М., 1967.

Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930.

Соловьев С.М. Собр. соч.: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1—2. М., 1988; Кн. 2. Т. 3—4. М., 1989; Кн. 3. Т. 5. М., 1991.

Списки населенных мест Российской Империи. СПб., 1864. Т. 35 (Самарская губерния).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1955. Т. 1; СПб., 1895. Т. II; 1896. Т. III.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. СПб., 1912.

Станюкович Т.В. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Станюкович Т.В. Происхождение русской народной пропильной резьбы // КСИЭ. М., 1950. Вып. X.

Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.; Ново-Казачье; Минск, 1991.

- Старина о льдине и о бое женщин // Былины. М., 1957.
- Статистический ежегодник России за 1909 г. СПб., 1910.
- Степанов В.И. Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // ЭО. 1906. № 3/4.
- Степанов Н.П. Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1900.
- Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
- Строгость церковных правил относительно соблюдения постов // Руководство для сельских пастырей. 1872. № 1—17.
- Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // ЖМНП. 1880. Ч. ССХП.
- Сумцов Н.Ф. Харьковский школьный праздник древонасаждения (Письмо из Харькова) // Образование. 1898. № V/VI. Отд. II.
- Сюзев П.В. Народное празднество «Токмач» в Дубровской волости Оханского уезда // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3.
- Таболина Т.В. Святыни русского зарубежья. М., 2006.
- Тазихина Л.В. Русский сарафан (По коллекции сарафанов Гос. музея этнографии народов СССР) // КСИЭ. М., 1955. Вып. XXII.
- Таннер Б. Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891.
- Теплоухов Ф.А. Народное празднество «Три елочки» в Богородской волости Пермского уезда // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1.
- Тереженко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Т. 1—4. Ч. 1—VII.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Тихомиров М.Н. Российское государство в XV—XVII вв. М., 1973.
- Тихонов В.П. Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Ч. 1 // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. этногр. отд. М., 1891. Т. II, вып. 2.
- Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001; 2005.
- Тишков В.А. Русский мир: Исторический смысл и содержание // Русский мир. 2008, № 1.

Тишков В.А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук. 2008, № 4.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2008.

Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.; Л., 1957.

Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М., 1958.

Топорков А.Л. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.

Труды Вольного Экономического общества. СПб., 1766. Ч. II; 1767. Ч. VII; 1769. Ч. XIII.

Тульцева Л.А. Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978.

Тульцева Л.А. Крапивное заговенье // Наука и религия. 1979. № 12.

Тульцева Л.А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX—XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Тульцева Л.А. Современные формы ритуальной культуры // Русские: этносоциол. очерки. М., 1992.

Тульцева Л.А. Чернички // Наука и религия. 1970. № 11.

Тюркские народы Сибири. М., 2006.

Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.

Устав Новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. // Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976.

Финоугорские народы Поволжья и Приуралья. М., 2000.

Фольклор семейских // Сост. Элиасов Л.Е., Ярневский И.З. Улан-Удэ, 1963.

Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО. 1911, № 1/2.

Харузина В.Н. По поводу заметки Р. Андрэ о новом этнографическом музее в Антверпене // ЭО. 1907. №4.

Харчев А.Г., Голод И.С. Профессиональная работа женщины и семья. Л., 1971.

Харчев А.Г. Некоторые тенденции развития семьи в СССР и капиталистических странах // Социология и идеология. М., 1969.

Хорошихин М. Казачьи войска. СПб., 1881.

Хохдови Е. Художественные изделия из металла. М., 1959.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: (Этнические традиции материальной жизни). Пермь, 1991.

Чагин Г.Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII — начало XX в.) // СЭ. 1978. № 6.

Чебоксаров Н.Н. Ильменские поозеры // ТИЭ. М.; Л., 1947. Т. 1.

Ченслер Р. Новое плавание и открытые царства Московии по северо-восточному пути в 1553 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937.

Чепурный. Состояние волостной юстиции Тамбовской губернии // Киев, университетские известия. 1874. Кн. 2.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках // Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: ист.-этногр. атлас... М., 1970.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX—XX века). М., 1988.

Чирцов Д. Праздники в Пинежском уезде // Изв. АОИРС. 1916. № 11.

Численность и состав населения СССР. М., 1984.

Численность населения и некоторые социально-демографические характеристики национальностей и народов РСФСР. М., 1991.

Чистов К.В. Ирина Андреевна Федосова: ист.-культ. очерк. Петрозаводск, 1988.

Чистов К.В. Традиционные и «вторичные» формы культуры // Расы и народы. М., 1975. Вып. 5.

Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков: (Очерки по истории народных верований). М., 1957. (ТИЭ. Т. XL).

Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. СПб., 1780; 2-е изд. 1782.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Омск, 1899. Кн. 26.

Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и пр. СПб., 1898. Т. I, вып. 1; 1900. Вып. 2.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I.

Шмелева М.Н. Развитие внутренних связей в современной городской семье русских Центральной России // Семья: Традиции и современность. М., 1990.

Шмелева М.Н. Сезонные праздники: Новое и традиционное // Русские народные традиции и современность. М., 1995.

Шмелева М.Н. Традиционные бытовые связи современной городской семьи у русских (по материалам центральных областей РСФСР) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Шмелева М.Н., Тазихина Л.В. Украшения русской крестьянской одежды // Русские: ист.-этногр. атлас. Из истории русского жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. М., 1970.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956.

Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Соч. СПб., 1906. Т. 2.

Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. № 10.

Энциклопедический словарь // Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1898. Т. 24; 1899. Т. 54.

Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М., 1987.

Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.). М., 1981.

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. СПб., 1717.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1886.

Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии: отчет за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1884.

Янин В.Л., Зализин А.А. Новгородские грамоты. М., 1953. № 575.

Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.

Яцунский В.К. Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России // *Вопр. географии.* М., 1970. Сб. 83.

Содержание

Введение	3
Глава первая. РУССКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ	7
Начало русской истории (X—XIV вв.)	7
Народные миграции и образование Российского государства (конец XIV — середина XVI века)	18
Освоение евразийского континента и расширение Российского государства (середина XVI — XVIII вв.)	23
Расселение и численность русских в Российской империи (конец XVIII — начало XX вв.)	45
Этнографические группы русского народа	60
Историко-культурные зоны России	60
Группы русских Северной зоны	63
Группы русских Южной зоны и Центра	67
Русские в Сибири и на Дальнем Востоке	73
Группы русских в Средней Азии и Казахстане	79
Казачество	80
Возрождение казачества	95
Глава вторая. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ с 1917 по 2000-е годы	101
Демографические процессы в 1917— 1920-е годы	101
Размещение и численность русских в 1930—1940-е годы	103
Движение населения в 1950—1990-е годы	109

Положение русских в отдельных регионах России и странах СНГ в постсоветский период	114
Русский мир	128
Историческое содержание Русского мира	128
Старый Русский мир	131
Традиционная российская диаспора	134
Глава третья. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ	144
Традиционная земледельческая и промысловая культура	144
Освоение земель и крестьянское землепользование	174
Сельское хозяйство после 1917 года	182
Глава четвертая. ЖИЛАЯ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАСТРОЙКА	193
Сельская жилая и хозяйственная застройка в XIII—XVII веках	193
Древнерусское жилище IX—XIII вв.	193
Жилище русских XVI—XVII вв.	196
Сельские жилища в XVIII — начале XX века	203
Региональные особенности жилища	204
Планировка дома	227
Планировка жилого помещения	229
Изменения в сельском жилом комплексе в 1920—1980-е годы	236
Городское жилище XIX—XX веков	245
Глава пятая. РУССКАЯ ОДЕЖДА	260
Комплекс одежды и украшений в XIII—XV веках. Его социальные и территориальные различия	260
Региональные и областные комплексы одежды в XVI—XVII веках	268
Социальная дифференциация одежды в XVIII—XIX веках	282

Унификация типов одежды в XX веке	316
Глава шестая. ПИЦА	319
Ранние сведения о питании русского народа (до татаро-монгольского нашествия)	319
Питание на Руси в XIII—XVII веках (допетровский период)	325
Пицца русских в XVIII — начале XX века	342
Среднерусская зона	345
Южная зона	350
Северная зона	352
Зона Приуралья	356
Зона Сибири	357
Праздничная кулинария, обычаи застолья	361
Глава седьмая. СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ	369
Брак и семья у русских (XII — начало XX века)	369
Семейно-брачные отношения в 1917— 2000-х годах	395
Сельская семья	395
Городская семья	411
Свадебный обряд	433
Обряды и обычаи, связанные с рождением детей.	
Первый год жизни	482
Похоронно-поминальные обычаи и обряды	508
Глава восьмая. ПРАЗДНИКИ	531
Развитие русских праздников	531
Местные праздники	556
Престольные праздники	556
Обетные праздники	560
Съезжие праздники	564
Деревенские и уличные праздники	566
Календарные праздники и обряды	569
Праздники перевозимья	570
Святки	577

Масленица	584
Праздники и обряды Великого поста	588
Пасха и Красная Горка	593
Первый выгон скота	594
Весенние девичьи и женские праздники и обряды	596
Семик — Троица	599
Праздники и обряды проводов весны. Иван-Травный	602
Летние календарные праздники	606
Августовские Спасы. Спожинки. Осенние праздники	607
Глава девятая. ПРАВОСЛАВИЕ НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ	614
Традиционный нравственный идеал и православная вера	614
Народные верования	644
Глава десятая. НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ	676
Сокращения	711
Литература	713

Научно-популярное издание

**РУССКИЕ:
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ**

Под редакцией
Власовой И.В., Тишкова В.А.

Редактор *О.А. Ардова*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерный дизайн: *Э.Э. Кунтыш*
Компьютерная верстка *Н.Ф. Цыганова*
Корректоры *О.А. Ардова, Т.А. Мальцева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 22.04.08. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 47,0. Тираж 3 000 экз. Заказ № 8187.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
114100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»»
115191, Россия, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

ОАО «Владимирская книжная типография».
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Уважаемые читатели!
Предлагаем Вашему вниманию книгу
Московского купеческого общества
«Купечество Москвы»:

Глава 1. КАК ЗАРОЖДАЛОСЬ
КУПЕЧЕСТВО

Кто знал, что Москве царством быти,
кто ведал, что Москве государством слыти?

Повесть о зачале Москвы, XVII в.

На всех московских есть особый отпечаток.

А.С. Грибоедов

Процесс развития отечественного предпринимательства охватывает достаточно короткий период от Петровских реформ до 1917 г. В рамках этого периода золотым этапом развития предпринимательства в России принято считать промежуток с конца 50-х гг. XIX в. до 1914 г., когда сложилась его структура, состоящая из крупного промышленного, торгового, финансового капитала и среднего и мелкого предпринимательства.

Предпосылки зарождения предпринимательства появились уже в первые века российской государственности и восходят к временам Древнерусского государства, а затем проходят через этапы феодальной раздробленности и централизации Московского государства. Именно в эти периоды идет становление предпринимательских сословий мещан и купцов.

Уже в период Древнерусского государства мы встречаемся с первыми русскими предпринимателями: 1) гостями (от древнерусского «гостьба» — торговля) — верхушкой купечества, занимавшегося в основном внешней торговлей; 2) купцами — вы-

ходцами из числа жителей городов, занимавшихся внутренней торговлей; 3) крестьянами, многие из которых обменивали свои сельскохозяйственные продукты и промысловые изделия на столь необходимые им промышленные и иные товары.

Внутренняя и внешняя торговля приносила на Русь большие капиталы. И действительно, нужно было иметь в распоряжении немало свободных средств, чтобы построить такие храмы XII—XIV вв., как Киевский и Новгородский Софийские соборы, Успенский и Дмитровский храмы во Владимире, и другие великолепные памятники древнерусского зодчества, дошедшие до нас. Вполне понятно, что купечество составляло особую социальную группу городского населения и пользовалось поддержкой княжеской власти. Наряду с торговлей русские купцы занимались и ростовщичеством, экономическими основами возникновения которого явились регулярный товарный обмен и общественное разделение труда.

Трудным испытанием для деловых людей был период феодальной раздробленности Руси XII—XIV вв. и татаро-монгольское нашествие. Основными местами сосредоточения торговли в этот период были Новгород, Псков, Тверь и некоторые другие города. Новгородские купцы выполняли роль торговых посредников между русскими удельными княжествами и странами Западной Европы. Торговые связи с Европой распространялись от Фландрии до югорской земли, от Скандинавии до Астрахани и Константинополя. Наиболее широкими были связи новгородских купцов с Ганзейским союзом — торговым и политическим союзом северо-немецких городов (XIV—XVI вв.).

Со второй половины XIV в. центром северо-восточной Руси становится Москва. Перенесение в Москву великокняжеского двора и резиденции русского митрополита привело к расширению ее посада, росту той части населения, которая занималась преимущественно торговыми операциями. Крупные московские купцы вели обширную внешнюю торговлю с ганзейскими городами, Польшей, Чехией, а также Византией и Китаем.

Успех московских купцов определялся ассортиментом товаров, которые они могли предложить своим иноземным партнерам: главным образом, спрос был на пушнину и охотничьих птиц. Поэтому исключительное значение для судеб московского купечества и торговли в целом приобрел торгово-промышленный

путь на Север, который пролегал через Дмитров, к верховьям Волги, далее к Белоозеру и Великому Устюгу, на Печору. Москва успешно продвигалась на Север, и к концу XIV в. ее влияние там становится преобладающим. Это явилось важной предпосылкой расцвета московской торговли в XIV—XV вв. и роста капиталов и предпринимательской активности московского купечества. Особенно большие торги происходили в зимнее время. Ежедневно, на протяжении всей зимы, в Москву привозили хлеб, дрова, сено, скот и пр. Многие иностранцы, посещавшие Россию, отмечали дешевизну продуктов питания в Москве по сравнению с европейскими странами.

В исторических источниках этого периода (летописях и официальных документах) встречается термин «посажане», или «посадские люди». Под этим термином понималось торгово-ремесленное население городов. В его составе выделяли ряд категорий торговых людей, купцов. Высшую категорию составляли гости-сурожане, специализировавшиеся на торговле тканями. Можно предположить, что наличие в Москве в середине XIV в. группы, нацеленной на крымскую торговлю в основном через Сурож (ныне Судак), и закрепило за гостями наименование «сурожане». На втором по значимости месте — «суконники», занимавшиеся торговлей суконными тканями. Эта категория купечества была связана с западным направлением московской торговли. После гостей и суконников в документах нередко упоминаются «прочие купчие люди», т.е. рядовое посадское купечество, которое уступало первым двум категориям и по богатству, и по престижности торговой деятельности. Среди «прочих купчих людей» имелась значительная дифференциация — из писцовых книг того времени видно, что их обычно различали на «лучших», «средних» и «молодших» (в зависимости от размеров капиталов и оборотов).

Как видно, русское купеческое сословие складывалось постепенно. Начало формирования купечества как социального слоя относится к XVI в. Развитие городов и укрепление Московского государства привело к росту численности купечества и усилению его позиций в обществе. Вместе с тем в период правления Ивана IV террор опричнины замедляет развитие купечества. Именно в правление Ивана Грозного многие представители купечества были истреблены физически.

Как возник и что есть русский народ? В чем отличие русских от других народов? Какие особенности характера и быта помогли русским освоить огромные территории Евразийского материка и внести крупный вклад в развитие человеческой цивилизации? На эти и многие другие вопросы отвечает предлагаемая книга, в основу которой положена монография «Русские», подготовленная Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. Базирующаяся на уникальных материалах экспедиционных обследований и архивных изысканий, книга адресована не только специалистам, но и всем, кто интересуется культурой и историей русских. Прочтя ее, читатель получит обширнейшую информацию о расселении, быте, обычаях, религиозных верованиях и духовной культуре народа — с X века до наших дней.

ISBN 978-5-17-052666-6

9 785170 526666